

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ШЕСТОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

ТОМЪ IV.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

С САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. consul at
Birmingham, Eng.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ-ГУМБОЛЬДТЪ

ВЪ РОССІИ

И ПОСЛѢДНІЕ ЕГО ТРУДЫ.

Въ общей научной дѣятельности Александра ф.-Гумбольдта [1]), занимаетъ довольно видное мѣсто предпринятое имъ путешествіе въ Россію. Помимо связи этого путешествія съ интересомъ ученыхъ наблюденій, театромъ которыхъ для Гумбольдта сдѣлалась русская территорія и ея природа, оно для насъ важно также и потому, что въ этомъ путешествіи играли роль, кромѣ самого Гумбольдта, нѣкоторыя изъ русскихъ личностей двадцатыхъ годовъ, съ которыми онъ тогда приходилъ въ соприкосновеніе.

Еще не такъ давно за-границею была издана переписка Гумбольдта съ графомъ Канкринымъ. Послѣдній, затрудняясь чтеніемъ нечеткаго почерка перваго, приказалъ снимать съ нихъ копіи, передавая тѣ изъ нихъ, которыя казались ему почему-либо важными для министерства финансовъ, въ архивъ его. Подлинныя же письма гр. Канкринъ подарилъ тайн. сов. Кранихфельду, восторженному почитателю Гумбольдта, отъ котораго, по наслѣдству, онѣ перешли къ бывшему профессору петербургскаго университета Шнейдеру. Когда сынъ послѣдняго, приступая, по желанію отца, къ изданію этой переписки, узналъ, что служащимъ въ министерствѣ финансовъ, г. Русовымъ, она также приготовляется къ печати, то они соединились, чтобы лучше до-

---

[1]) Очеркъ полной дѣятельности Гумбольдта мы имѣли случай представить въ прошедшемъ году въ цѣломъ рядѣ статей; см. „Вѣстн. Евр.“ 1870, сент. 127, окт. 533 и дек. 764 стр.

стигнуть общей цѣли. Дѣло, дѣйствительно, выиграло отъ этого, такъ какъ имъ разрѣшенъ былъ доступъ въ архивъ министерства финансовъ, и оба издателя воспользовались этимъ для пополненія упомянутой выше переписки различными извлеченіями изъ дѣлъ, отчего письма являются съ необходимыми поясненіями.

Платина послужила исходною точкою отправленія въ отношеніяхъ Гумбольдта къ Россіи. Открытая въ 1822-мъ году на частныхъ нижне-тагильскихъ заводахъ, затѣмъ вскорѣ на казенныхъ гороблагодатскихъ, наконецъ уральскихъ, она, къ 1827-му г. накопилась на монетномъ дворѣ въ количествѣ одиннадцати пудовъ. Правительство желало воспользоваться ею, какъ новымъ видомъ монеты. Отчеканенъ былъ пробный экземпляръ ея. Онъ такъ понравился имп. Николаю, что 19-го августа того же года онъ утвердилъ даже чертежъ чеканки. Главное затрудненіе оставалось однако впереди: вслѣдствіе крайняго колебанія цѣнности новаго металла, необходимо было опредѣлить стоимость его какъ металла. Обратились за рѣшеніемъ, конечно, къ иностраннымъ ученымъ и спеціалистамъ, въ числѣ ихъ и къ Гумбольдту. Препроводивъ $1^1/_2$ фунта новаго въ Россіи металла, черезъ графа Алопеуса, гр. Канкринъ, письмомъ отъ 15 августа 1827 года, просилъ совѣта его въ упомянутомъ вопросѣ. Не находя техническихъ препятствій къ введенію платины какъ монеты, онъ указывалъ однако во-1-хъ, на затрудненіе, для непривычнаго глаза, отличить платину отъ серебра; и во-2-хъ — на неопредѣленную цѣнность ея, какъ металла. Первое неудобство гр. Канкринъ надѣялся устранить тѣмъ, что онъ намѣревался дать новой монетѣ вѣсъ цѣлковаго или полтинника, а величину — полтинника или четвертака, съ совершенно отличной отъ нихъ чеканкой, причемъ удѣльный вѣсъ металла долженъ былъ служить охраной противъ подлога. Гораздо болѣе затрудненій представляло второе изъ названныхъ обстоятельствъ: платина, не отличаясь красотой золота и серебра, не могла сдѣлаться предметомъ распространеннаго употребленія; обработка ея была не легкая, металломъ необходимымъ (по *тогдашнимъ* понятіямъ!) назвать ее тоже было нельзя; добывалась она въ количествѣ незначительномъ. Все это не давало данныхъ для опредѣленія цѣнности платины какъ монеты, въ особенности при упроченномъ вѣками господствѣ золота и серебра на монетномъ рынкѣ. Пользуясь опытомъ Колумбіи, гдѣ платина уже была введена какъ монета, гр. Канкринъ выводилъ отношеніе ея къ серебру какъ 5:1, и разсчитывалъ, при вѣсѣ монеты въ 4 золотн. $82^{14}/_{25}$ долей, цѣну ея въ $582^1/_2$ (послѣ въ 575,26) коп. се-

ребромъ, а съ издержками чекана въ $17^1/_2$ (послѣ въ 24 к.) коп.—6 рублей. Но такъ какъ число 6 не подходило къ десятичному дѣленію нашей монетной системы, то онъ предполагалъ, вмѣсто монеты въ 4 зол. 82 долей пустить въ обращеніе монеты половиннаго вѣса — въ 2 зол. 41 доля, и цѣною приравнять ее къ червонцу, который хотя и стоитъ ровно 2 р. 85 к., но обращается въ торговлѣ въ цѣнѣ 3 рублей. Еслибы однако отношеніе это оказалось слишкомъ высокимъ, то гр. Канкринъ считалъ возможнымъ измѣнить его на $4^1/_4$: 1, и тогда монета, вѣсомъ въ цѣлковый (4 зол. 82 дол.) стоила бы 488 к. с., а съ 12 коп., прикинутыми на издержки чекана — ровно 5 руб. сер. Къ этому исчисленію гр. Канкринъ прибавлялъ, что золотникъ платины съ промывкой, очисткой, и проч., обходился въ 67 к. с., слѣдов. 4 зол. 82 дол. стоили казнѣ 385 коп. Остальное составляло прибыль ея.

Представляя эти соображенія свои на усмотрѣніе Гумбольдта, гр. Канкринъ убѣдительнѣйше просилъ его сообщить ему мнѣніе свое какъ на счетъ величины, которую слѣдуетъ дать отдѣльнымъ монетамъ, такъ въ особенности на счетъ самаго вѣрнаго отношенія платины къ серебру.

Гумбольдтъ, отвѣчая на этотъ запросъ, въ самомъ началѣ своего письма, указывалъ уже на неудобство платиновой монеты, которую допускалъ развѣ какъ monnaie de luxe. По собраннымъ имъ у его южно-американскихъ друзей въ Англіи и Франціи свѣдѣніямъ, оказалось, что цѣны платины въ дѣлѣ были крайне непостоянны. Такъ, въ теченіи 5-ти лѣтъ, съ 1822 по 1827-ой годъ, онѣ отъ 3 талеровъ за лотъ въ 1822 г., достигли въ 1825 — 7 и даже 8 тал., и черезъ два года упали опять до 5 т. за лотъ.

Гумбольдтъ, вслѣдъ по возвращеніи своемъ изъ Америки, тоже отсовѣтовалъ испанскому правительству, обратившемуся къ нему за совѣтомъ относительно введенія въ колоніяхъ испанскихъ платиновой монеты. Онъ указывалъ на то, что уже во время вѣнскаго конгресса д-ръ Больманнъ старался склонить правительство признать за этой монетой, введенной уже тогда но его настоянію въ Колумбіи, цѣну, опредѣленную общимъ согласіемъ. Платиновая руда вывозилась прежде въ значительномъ количествѣ изъ этой страны, пока правительство ея не ограничило этого сбыта строго стѣснительными мѣрами. Слѣдствіемъ этого было паденіе цѣнъ на платину въ самой Колумбіи, а вмѣстѣ съ этимъ—ограниченіе добычи ея, и въ окончательномъ результатѣ—возвышеніе цѣнъ на нее въ Европѣ, которыя могутъ опять упасть съ открытіемъ платиновыхъ пріисковъ на Уралѣ. Но изъ

этого видно, что новое колебаніе цѣнъ этого металла можетъ быть опять вызвано какимъ-нибудь обстоятельствомъ, вслѣдствіе котораго жители Колумбіи приступили бы опять къ разработкѣ оставленныхъ ими пріисковъ. Главными однако виновниками, почему колумбійская платиновая монета не пошла въ ходъ, были сосѣднія государства, не допускавшія обращенія ея у себя.

При тѣсномъ общеніи народовъ между собою въ настоящее время невозможно и думать о введеніи мѣстной монеты, даже въ государствѣ такомъ обширномъ какъ Россія. Если такъ трудно опредѣлимое отношеніе между серебромъ и платиной не будетъ признано странами, съ которыми Россія находится въ торговыхъ отношеніяхъ, то и внутри ея невозможно будетъ укрѣпить за нею неизмѣнную, постоянную цѣну.

Предполагая, что по сдѣланному примѣрному разсчету, вся добыча платины будетъ простираться до ста пудовъ ежегодно, то, при оцѣнкѣ марки платины въ 70 тал., она доставитъ Россіи только 489,000 талеровъ. Стóитъ ли, спрашиваетъ Гумбольдтъ, подвергать монетную систему Россіи возможности колебанія ради такой незначительной прибыли, которую можно бы получить черезъ введеніе платиновой монеты?

Затрудненіе ввести новый металъ въ употребленіе какъ монету, заключается не столько въ необходимости побѣдить привычки народовъ, сколько въ томъ обстоятельствѣ, что золото и серебро находятъ весьма обширное употребленіе и помимо монеты. Такъ, по исчисленію префекта Парижа, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера переработываютъ, въ одной Франціи, въ концѣ 20-хъ годовъ, не менѣе 2,300 килограммовъ золота, 62,300 кило серебра, такъ, что по примѣрному исчисленію Гумбольдта, въ цѣлой Европѣ количество золота, обращаемаго ежегодно въ издѣлія и предметы роскоши, равнялось не менѣе 9,200, а серебра—250,000 кило, что вмѣстѣ представляло цѣнность 87 милліоновъ франковъ.

Принимая добычу американскихъ, европейскихъ и сибирскихъ рудниковъ въ 870,000 кило серебра (цѣною въ 193 милл. франковъ) и 17,300 кило золота (цѣнностью въ $59^1/_2$ милл.), и предполагая разсчетъ Некера, по которому количество вновь обращаемыхъ въ издѣлія драгоцѣнныхъ металловъ равняется половинѣ всей массы ихъ, уже существующей въ издѣліяхъ, Гумбольдтъ высчитывалъ, что золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера въ Европѣ употребляютъ на свои издѣлія, въ видѣ новаго матеріала для нихъ, почти $^1/_5$ всего золота и серебра, добываемаго ежегодно въ американскихъ, европейскихъ и сибирскихъ рудникахъ (цѣнностью болѣе 44 милліоновъ франковъ).

Какъ незначительно, сравнительно съ этими металлами, съ упроченнымъ уже употребленіемъ, употребленіе и спросъ невзрачной, холодной по цвѣту, платины. Несмотря на многія неоцѣненныя и ничѣмъ незамѣнимыя качества, она никогда, по мнѣнію Гумбольдта, не сдѣлается предметомъ моды или всеобщаго употребленія. Это ограниченное употребленіе ея и есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ, почему цѣны ея колеблются на 30 и даже на 40 процентовъ, даже въ то время, когда на европейскомъ рынкѣ платина является только въ ограниченномъ количествѣ. Поэтому Гумбольдтъ сомнѣвался, чтобы, при столь ограниченномъ употребленіи металла, было возможно ожидать когда-либо не только установленія опредѣленной цѣны его, но даже колебанія въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ.

Предполагая даже, что вслѣдствіе болѣе раціональной, свободной разработки золотыхъ и серебряныхъ пріисковъ, количество этихъ драгоцѣнныхъ металловъ, значительно увеличившись, понизило бы ихъ цѣнность, какъ мѣновыхъ знаковъ, все-таки этому пониженію положены были бы предѣлы посредствомъ употребленія ихъ какъ матеріала для издѣлій. Предѣла этого пониженія цѣнности, по убѣжденію Гумбольдта, платина не достигнетъ никогда. Если добыча ея значительно усилится и она будетъ обращаема въ монету, то, будучи исключенною изъ фабричной обработки, она будетъ играть роль, накопившись въ данномъ государствѣ, *тяжелыхъ* неудобныхъ бумажныхъ денегъ. Такимъ образомъ, благая цѣль правительства—оказать владѣльцамъ платиновыхъ пріисковъ пользу тѣмъ, чтобы они, вмѣсто металла, получали платиновую монету—не была бы достигнута.

Русская платина окажетъ, конечно, вліяніе на цѣнность платины вообще на міровомъ рынкѣ, но она не можетъ существенно ее опредѣлить, а тѣмъ менѣе господствовать. Опредѣленіе ея будетъ зависѣть отъ спроса и предложенія. Поэтому, насколько торговцы будутъ имѣть возможность дѣлать въ Россіи уплаты платиновою монетою, настолько отношеніе этихъ уплатъ будетъ опредѣлять цѣну платины на рынкѣ. Но чуть только спросъ уменьшится, немедленно послѣдуетъ за симъ и паденіе цѣны, по которой новый металлъ былъ пущенъ въ Россіи въ обращеніе.

Къ этому Гумбольдтъ присовокуплялъ, что, по его мнѣнію, величина монеты въ рубль съ номинальною цѣною въ $5^{82}/_{100}$ сер. руб., слишкомъ значительна, тяжела и для торговли неудобна. Чеканка же болѣе мелкой платиновой монеты, цѣнностью болѣе соотвѣтствующей монетѣ, находящейся уже въ обращеніи, имѣла бы то неудобство, что по незначительной величинѣ своей

могла бы легко утрачиваться. Словомъ, Гумбольдтъ не совѣтовалъ русскому правительству вводить платиновую монету, какъ не совѣтовалъ этого и прежде испанскому.

Чтобы однако воспользоваться производительно этимъ даромъ природы, и оживить нѣсколько этотъ видъ горной промышленности, онъ предлагалъ чеканить изъ платины ордена, предназначая ихъ въ замѣну перстней, табакерокъ и т. п. подарковъ, на которые, по европейскимъ понятіямъ, русскіе государи такъ щедры. Въ концѣ этого письма (отъ 19-го ноября н. с. 1827-го г.) Гумбольдтъ извиняется, что письмо писано не его рукою, такъ какъ почеркъ его сдѣлался очень нечотокъ, вслѣдствіе ревматизма въ рукѣ, полученнаго имъ въ лѣсахъ Верхняго Ореноко, гдѣ онъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не зналъ другого ложа какъ гніющія листья. Не желая утруждать гр. Канкрина, онъ поручилъ перебѣлить письмо свое, заключая его желаніемъ имѣть возможность лично съ нимъ познакомиться, если ему суждено будетъ исполнять давнишнее свое намѣреніе — посѣтить Уралъ, Байкалъ и, прибавлялъ въ то время Гумбольдтъ, вѣроятно въ непродолжительномъ времени русскій Араратъ.

Чтобы не прерывать нити переговоровъ между Гумбольдтомъ и гр. Канкринымъ насчетъ введенія въ Россіи платиновой монеты, мы окончимъ здѣсь изложеніе ихъ, несмотря на то, что они длились одновременно и параллельно съ другими вопросами, гораздо болѣе важными по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ настоящій. Гр. Канкринъ не отступалъ отъ своей идеи. Въ отвѣтѣ (отъ $^{8}/_{20}$ декабря) онъ старается ослабить силу вышеприведенныхъ доводовъ Гумбольдта слѣдующими соображеніями:

«Я намѣревался, возражаетъ онъ, ввести въ Россіи, въ видѣ опыта, une monnaie de luxe, и притомъ не вдругъ наводнить ею денежный рынокъ, а исподоволь. Притомъ возможная потеря, въ случаѣ неудачи, не была бы значительна, такъ какъ казна добываетъ немного этого металла, а частнымъ заводчикамъ предоставляетъ на ихъ собственное благоусмотрѣніе обращать свою платину въ монету, или нѣтъ».

Противъ возраженія, что со временемъ платиновый капиталъ могъ бы черезъ-чуръ накопиться, отъ чего могли бы произойти потери, гр. Канкринъ замѣчалъ, что не имѣетъ намѣренія принимать въ казначейства платиновой монеты по опредѣленной цѣнѣ,— такъ какъ по закону принимаются въ нихъ только бумажныя деньги и мѣдь; серебро же и золото — по курсу. Послѣднее было бы и съ платиновою монетою. Кромѣ того, ссылаясь на показанія самого Гумбольдта, что тогдашняя добыча этого металла въ Америкѣ не превосходитъ 38 пудовъ, графъ не опасался

слишкомъ большого наплыва его, еслибы даже часть монеты и переливалась въ издѣлія. Послѣднее обстоятельство даже желательно, такъ какъ отъ этого цѣнность монеты будетъ поддерживаться.

Графъ Канкринъ соглашался, что лажъ на платиновую монету можетъ быть значительнѣе нежели на золото, но отъ этого не произойдетъ большихъ потерь, если только пущенное въ обращеніе количество этой монеты будетъ незначительно.

Въ особенности онъ настаивалъ на желаніи заводовладѣльцевъ чеканить платиновую монету.

Что касается возможности смѣшать ее съ серебряною, то гр. Канкринъ надѣялся устранить это неудобство тѣмъ, что первой будетъ дана величина какой-либо серебряной, съ двойнымъ противъ послѣдней, вѣсомъ. Притомъ простой народъ въ Россіи едва-ли имѣетъ часто дѣло съ монетою высокаго достоинства, имѣя чаще всего въ рукахъ мелкія бумажки и серебро.

Превращать платину въ медали графъ не видѣлъ возможности потому, что число ихъ не такъ значительно, чтобы израсходовать для этой цѣли 50—100 пудовъ ежегодно добываемаго металла; притомъ самая красивая платиновая медаль не превосходитъ, по внѣшнему изяществу, даже мѣдной.

Въ случаѣ, если оба вышеприведенные разсчета гр. Канкрина оказались бы слишкомъ высокими, то онъ предлагалъ измѣнить ихъ, чтобы принять платиновую монету вѣсомъ въ цѣлковый въ 4 р., а вѣсомъ въ полтинникъ—въ 2 р. сер. Этимъ было бы измѣнено прежде принятое основаніе на $3^1/_4$ къ 1. Платиновая монета вѣсомъ въ цѣлковый имѣла бы цѣнность 3 р. 74 к. сер., а съ монетнымъ доходомъ въ 26 к.—4 р.; вѣсомъ въ полтинникъ—2 р. Золотникъ обошелся бы, такимъ образомъ, въ 2 р. $86^1/_2$ к. асс., причемъ монета приносила бы еще доходъ заводчику, или же никто изъ нихъ не отдавалъ бы ее на монетный дворъ. Принимая издержки добычи 10-ти золотниковъ неочищенной платины въ 15 р. 8 к. асс., а издержки очистки 2 р. $40^1/_2$ к. (что вмѣстѣ составитъ 17 р. $48^1/_2$ к.), заводчикъ получитъ 7 золотниковъ чистаго металла, золотникъ котораго обойдется ему 2 р. $49^1/_2$ к. Чистый доходъ, кромѣ монетнаго дохода, будетъ равняться 37 к. съ золотника.

Впрочемъ этотъ незначительный доходъ не соотвѣтствуетъ торговымъ цѣнамъ. По полученнымъ изъ Лондона извѣстіямъ, тамъ можно продавать унцію платины въ слиткахъ по 20 шиллинговъ, или 24 р. асс.; такимъ образомъ золотникъ платины стоитъ 3 р. 29 к. асс. Золотникъ же серебра стоитъ 23,703 к. асс., такъ,

что, на основаніи этого разсчета, отношеніе платины къ серебру было бы какъ 3,73 : 1, между тѣмъ какъ оно было принято выше какъ $3^3/_4 : 1$, слѣдовательно черезъ-чуръ низко.

Наконецъ, заключаетъ гр. Канкринъ, не сдѣлавши опыта, никогда нельзя будетъ рѣшить, какая судьба постигнетъ платину какъ монету. Что она этого заслуживаетъ, въ этомъ сомнѣваться никто не станетъ.

Всѣ доводы Гумбольдта противъ платиновой монеты были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Гр. Канкринъ извѣщалъ его 25-го апрѣля (7-го мая) 1828 г., что указомъ, состоявшимся наканунѣ, она, по волѣ императора Николая, вводится въ обращеніе, причемъ онъ «поставлялъ себѣ за особое удовольствіе — препроводить ему одинъ изъ этихъ *бѣлыхъ червонцевъ*».

Не прошло мѣсяца со времени отправленія письма Гумбольдта отъ 19-го ноября, какъ онъ, самъ вѣроятно не подозрѣвая слѣдствій любезности, высказанной имъ въ концѣ своего посланія, получилъ ($^5/_{17}$ декабря) черезъ гр. Канкрина приглашеніе отъ императора Николая предпринять путешествіе на востокъ Россіи «въ интересѣ науки и страны», на казенный счетъ. Для современнаго русскаго письмо это интересно въ особенности тѣмъ, что въ немъ изображены, перомъ самого гр. Канкрина, удобства путешествія по Россіи, которыми и по прошествіи слишкомъ 40 лѣтъ можетъ наслаждаться каждый странствующій по нашей территоріи: отсутствіе самаго скромнаго, по европейскимъ понятіямъ, комфорта, прелесть возни съ ямщиками и станціонными смотрителями и т. п. Въ заключеніе графъ успокоиваетъ Гумбольдта увѣреніемъ, что таможеннымъ чиновникамъ будетъ *предписано — не затруднять* въѣздъ его въ предѣлы Россіи!!...

Гумбольдтъ, занятый окончаніемъ изданія своего громаднаго труда — путешествія по Америкѣ [1]) и лекціями, которыя онъ читалъ, не имѣлъ возможности отлучиться изъ Берлина ранѣе весны слѣдующаго 1829-го года. Что касается денежныхъ условій, о которыхъ спрашивалъ его гр. Канкринъ по волѣ имп. Николая, то Гумбольдтъ, принимая издержки путешествія, предлагаемыя ему русскимъ правительствомъ, отъ Петербурга до Тобольска и обратно, отказывался отъ всякаго денежнаго вознагражденія, выговаривая себѣ только одну милость, если путешествіе его и совѣты принесутъ странѣ какую-нибудь пользу, получить въ видѣ награды — не находящуюся въ продажѣ — «Фауну Россіи» Палласа [2])!

---

[1]) Оно составляетъ 17 томовъ in folio текста, и 11 томовъ in 4°, съ 1425 таблицами. На одно изданіе его онъ употребилъ болѣе 60,000 талеровъ.

[2]) Оказалось, что Fauna rossica (Zoographia rossico-asiatica), равно какъ и Flora,

Но принимая предложеніе путешествовать на казенный счетъ, Гумбольдтъ какъ будто старался оправдаться въ этомъ рѣшеніи.

Получивъ, писалъ онъ гр. Канкрину, сто тысячъ талеровъ по наслѣдству, онъ сознавался, не опасаясь заслужить упрека въ мотовствѣ, что онъ издержалъ ихъ — для научныхъ цѣлей. Теперь же единственное средство его существованія—5,000 талеровъ, получаемыхъ имъ отъ короля прусскаго, и такъ какъ онъ изъ этой суммы оказывалъ нерѣдко вспомоществованія молодымъ ученымъ, то понятно, что онъ не былъ бы въ состояніи, на собственныя средства, предпринять путешествіе въ 14,500 верстъ, въ особенности втроемъ, съ извѣстнымъ химикомъ и минералогомъ, Густавомъ Розе, и слугой [1]). Роскоши особенной онъ не выговаривалъ себѣ, упоминая только, что «привыкъ къ чистотѣ». Особеннаго вниманія къ лицу своему не просилъ, но былъ бы очень благодаренъ «за вѣжливое обращеніе».... Просилъ тоже позволенія собирать минералы и горныя породы, прибавляя: «не для продажи», такъ какъ онъ собственной коллекціи не имѣетъ, а «для музеевъ»: берлинскаго, парижскаго и лондонскаго [2]), которымъ онъ подарилъ собранія, сдѣланныя имъ въ Америкѣ.

Съ приближеніемъ срока отъѣзда Гумбольдта въ Россію, гр. Канкринъ обратился къ нему съ оффиціальнымъ письмомъ (отъ $^{18}/_{30}$ января 1829), въ которомъ изъяснялъ, что Россія не можетъ допустить, чтобъ предпринимаемое путешествіе стоило ему какихъ-либо денежныхъ жертвъ; что, напротивъ, она съумѣетъ, въ свое время, заявить свою признательность.

Теперь же онъ извѣщалъ его, что 1) на путешествіе изъ Берлина въ Петербургъ и обратно прилагается вексель въ 1,200 червонцевъ. По прибытіи въ послѣдній городъ будетъ выдано ему, для дальнѣйшаго путешествія, 10,000 руб. асс. Вѣроятная передержка будетъ возвращена по возвращеніи въ Петербургъ.

2) Сдѣлано будетъ распоряженіе, чтобъ таможня въ Полангѣнѣ не безпокоила ни его, ни проф. Розе.

3) Для него заказаны два экипажа: 4-хъ-мѣстная коляска и польская бричка для инструментовъ и прислуги.

4) Для сопровожденія будетъ данъ ему горный чиновникъ, знающій одинъ изъ иностранныхъ языковъ [3]), и курьеръ для

обѣ безъ таблицъ, плесневѣли, какъ выражался гр. Канкринъ, въ кладовыхъ кабинета его имп. величества.

[1]) Впослѣдствіи Гумбольдтъ выпросилъ еще разрѣшеніе привезти съ собой (вмѣсто повара, взять котораго гр. Канкринъ настаивалъ), зоолога и ботаника, проф. Эренберга.

[2]) А также петербургскаго.

[3]) Сопутствовалъ Гумбольдту г. Меньшенинъ.

заказа лошадей и т. п. Уплата прогоновъ, ямщикамъ на водку, починка экипажей—производится на казенный счетъ.

5) Выборъ пути и направленія путешествія предоставляется совершенно на благоусмотрѣніе Гумбольдта. Съ своей стороны правительство русское желаетъ только, чтобы путешествіе это принесло пользу наукѣ, и, насколько возможно, промышленности Россіи, въ особенности же горному дѣлу ея.

6) Начальникамъ губерній и всѣмъ горнымъ правленіямъ будетъ предписано способствовать цѣлямъ путешествія, отводить квартиры, въ случаѣ необходимости дѣлать опыты — ставить въ распоряженіе его горныхъ офицеровъ и работниковъ.

7) Какъ только Гумбольдтъ опредѣлитъ свой маршрутъ, немедленно будутъ составлены указанія насчетъ достопримѣчательностей мѣстъ, по которымъ онъ будетъ слѣдовать.

8) Собираніе минераловъ, горныхъ породъ и т. п. разрѣшается свободно, равно какъ предоставляется полное распоряженіе ими.

Провести параллель между путешествіемъ Гумбольдта по Америкѣ и по Россіи не трудно. Неизвѣстный молодой человѣкъ, безъ всякой посторонней помощи, при посредствѣ только частныхъ средствъ, удовлетворяя жаждѣ знанія и открытій, блуждалъ онъ подъ тропиками, въ теченіи всего времени рѣдко зная, гдѣ онъ къ наступающей ночи приклонитъ голову, очень часто подъ голымъ небомъ, въ сосѣдствѣ дикаго населенія и хищныхъ звѣрей, въ дуплахъ сгнившихъ деревъ, или на допотопныхъ лодкахъ, скрываясь нерѣдко отъ преслѣдованія невѣжественнаго чиновничества, по непониманію высшихъ цѣлей науки, видѣвшаго въ немъ опасную, для опекаемой имъ страны, личность. При какихъ отличныхъ отъ этого положенія условіяхъ вступалъ онъ на русскую почву, мы видѣли выше.

20-го мая Гумбольдтъ и его оба спутника оставили Петербургъ. Уже предварительно они условились раздѣлить предстоявшій имъ трудъ. Гумбольдтъ взялъ на себя наблюденія надъ магнетизмомъ, астрономическую географію и вообще взялся представить общую геогностическую и физическую картину сѣверозападной Азіи; Густ. Розе — принялъ на себя — результаты химическаго анализа добытыхъ минераловъ и горныхъ породъ, равно какъ веденіе дневника путешествія; Эренбергъ — занялся ботаническими и зоологическими работами.

Первыя, какъ кажется, измѣренія, предпринятыя Гумбольдтомъ на русской территоріи, были барометрическія измѣренія валдайскихъ высотъ, опредѣленныя имъ, въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ, въ 800 футовъ надъ поверхностью моря. Бѣлока-

менная не могла не воспользоваться случаемъ проявить свое гостепріимство, устроивъ, кромѣ того, нѣчто въ родѣ университетскаго парада или развода, въ честь генерала отъ науки. Впрочемъ эти торжества задержали нашего путешественника не долго въ Москвѣ. Черезъ 4 дня онъ былъ уже на дорогѣ въ Казань, гдѣ его въ особенности занимали развалины болгарской столицы Бряхимова (нынѣшнее село Болгары), и оттуда въ Екатеринбургъ, гдѣ, равно какъ и въ окрестностяхъ, онъ посѣтилъ всѣ сколько-нибудь замѣчательные заводы, обращая вниманіе свое не только на техническое, но и экономическое устройство ихъ.

Положеніе крѣпостныхъ и мастеровыхъ не ускользнуло отъ его наблюденія, хотя онъ только слегка намекаетъ объ этомъ гр. Канкрину. Для добычи, говоритъ онъ по поводу какого-то завода, 150,000 пудовъ желѣза въ теченіи года, ни въ Англіи, ни въ Германіи, не нуждаются въ нѣсколькихъ тысячахъ работниковъ! Впрочемъ, прибавляетъ онъ, и полустолѣтія будетъ недостаточно для искорененія тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя происходятъ отъ ненормальнаго положенія рабочаго класса. Чего можно, спрашиваетъ онъ, ожидать отъ труда фабричнаго, который, въ одно и то же время, рубитъ дрова, отливаетъ чугунъ, промываетъ золотую руду? Тутъ самыя простыя, элементарныя понятія о раздѣленіи труда не находятъ себѣ примѣненія! Не менѣе поразило Гумбольдта и наше лѣсное хозяйство, если этимъ именемъ можно назвать, даже черезъ полвѣка послѣ его поѣздки, наше обращеніе съ лѣсомъ, какъ топливомъ и какъ строительнымъ матеріаломъ. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ опустошеній лѣсовъ, пророча, какъ слѣдствіе ихъ, и гибель желѣзнаго производства въ Россіи, тѣмъ болѣе, что все, что ему показывали какъ каменный уголь оказывалось — бурымъ углемъ, смѣшаннымъ съ марганцемъ.

Изъ отвѣта гр. Канкрина мы видимъ какъ онъ дорожилъ каждымъ указаніемъ, которое имѣло цѣлью пользу страны. Кромѣ технологическаго института, учрежденіемъ котораго онъ гордился передъ Гумбольдтомъ въ одномъ изъ писемъ, писанныхъ ему еще въ Берлинъ, онъ сообщаетъ ему въ отвѣтъ на его вышеприведенныя замѣчанія, что спасти наши лѣса возможно только раціональнымъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего онъ принимаетъ мѣры къ увеличенію лѣсного института. Къ сожалѣнію, человѣкъ, такой практическій и съ такими обширными по тому времени государственными взглядами, какъ гр. Канкринъ, упускалъ изъ виду еще одинъ факторъ въ дѣятельности, какъ частной, такъ и государственной: честность и добросовѣст-

ное исполненіе обязанностей, безъ чего техническая подготовка, даже самая лучшая, не достигнетъ цѣли.

Гр. Канкринъ сочувствуетъ также вполнѣ Гумбольдту въ томъ, что онъ совершенно отказался изучать политическій бытъ жителей Урала и ихъ исторію, не потому, прибавляетъ онъ, что изслѣдованіе это особенно затруднительно, а потому главнымъ образомъ, что подобное изученіе поселяетъ почти пренебреженіе къ человѣчеству, масса котораго постоянно подчиняется или грубой силѣ, хитрости или подкупу. Открытыя жалобы, заключаетъ онъ, не приводятъ ни къ какому практическому результату; лучше дѣйствовать въ тиши, стараясь по возможности улучщить бытъ человѣчества.

Въ другомъ мѣстѣ, гр. Канкринъ, извѣщая Гумбольдта объ успѣхахъ русскаго оружія въ Турціи, и упоминая объ интересѣ, съ которымъ общество слѣдитъ за ними, приходитъ къ заключенію, что разрушающее производитъ на человѣка всегда гораздо болѣе сильное впечатлѣніе чѣмъ созидающее. Мы знаемъ, заключаетъ онъ, кто разрушилъ дельфійскій храмъ, но имя его строителя осталось, если не ошибаемся, намъ неизвѣстнымъ!

Изъ Екатеринбурга, черезъ Нижне-Тагильскъ, Богословскъ, Тобольскъ, Барнаулъ, Змѣиную Гору, Усть-Каменогорскъ, пограничный постъ на китайской границѣ Баты (Хонимайлэ-Ху), Семипалатинскъ, прибылъ Гумбольдтъ въ половинѣ августа въ Омскъ. На этомъ пути, посреди сильно свирѣпствовавшей въ Барабинской степи и въ окрестностяхъ Барнаула сибирской язвы, истязаемые насѣкомыми, для защиты отъ которыхъ пришлось надѣвать маски, мѣшавшія, въ свою очередь, свободному дыханію, Гумбольдтъ и его спутники собрали очень богатую зоологическую, геогностическую и ботаническую коллекцію. Эренбергъ, приходившій въ отчаяніе, что берлинская флора, преслѣдовавшая его до самаго Екатеринбурга (на этомъ пути изъ 300 видовъ растеній, собственно сибирскихъ онъ нашелъ только 40), наконецъ успокоился и удовлетворился сборомъ. Встрѣчами не пощадили Гумбольдта даже въ Омскѣ; въ казачьей школѣ привѣтствовали его на 3-хъ языкахъ: русскомъ, татарскомъ и монгольскомъ.

Гумбольдтъ, посѣтивъ Петропавловскъ, Троицкъ, Міяскъ, Златоустъ, возвратился опять въ Міяскъ, гдѣ 2 (14) сентября 1829 г. праздновалъ, на азіатскомъ склонѣ Урала, день 60-го года своего рожденія, въ который, какъ онъ выражался въ письмѣ гр. Канкрину, онъ искренно сожалѣлъ, что осталось столько неисполненнаго, а между тѣмъ подходитъ возрастъ, когда силы оставляютъ человѣка. Онъ благодарилъ графа за достав-

леніе ему возможности назвать однако этотъ годъ самымъ важнымъ въ его жизни, такъ какъ именно теперь та масса идей, собранныхъ имъ на такомъ громадномъ пространствѣ, во время предшествовавшихъ путешествій, сосредоточилась какъ будто въ одномъ фокусѣ. Въ день этотъ, отпразднованный міяскими и златоустовскими горными чиновниками, поднесена была послѣдними Гумбольдту, мирному труженику науки, дамасская сабля!! Важнымъ событіемъ, въ горнозаводскомъ хозяйствѣ, было открытіе имъ на Уралѣ олова. Называя хребетъ этотъ настоящимъ «Dorado», онъ предсказывалъ открытіе на немъ и алмазовъ, заключая это изъ поразительнаго сходства геогностическаго строенія Урала съ Бразиліей. Съ другой стороны онъ указывалъ на постоянную утрату 27 процентовъ серебра на барнаульскомъ заводѣ; такъ, въ теченіи 3-хъ только лѣтъ, съ 1826-го по 1829-й, вмѣсто 3,743 пудовъ, которые заключались въ добытой рудѣ, выплавлено было только 2,726 пудовъ чистаго серебра. Въ нѣкоторыхъ заводахъ потеря эта доходитъ даже до 50 процентовъ!

На пути своемъ къ Астрахани, — Гумбольдтъ выражается, что онъ не можетъ умереть, не видавши Каспійскаго моря,— путешественники посѣтили Верхне-уральскъ, Орскъ, Оренбургъ, Илецкую-Защиту. Въ одномъ изъ двухъ послѣднихъ городовъ (изъ письма не видно, въ которомъ именно), Гумбольдтъ встрѣтилъ бѣднаго казака, Ивана Иванова сына Карина, пріобрѣвшаго, конечно не безъ большихъ затрудненій, сочиненія Кювье, Латрейля и др., и, что всего интереснѣе, *правильно* опредѣлившаго растенія и насѣкомыхъ своей степи.

Въ Астрахани неизбѣжныя представленія всѣхъ офицеровъ гарнизона и депутацій отъ купцовъ: армянскихъ, бухарскихъ, узбекскихъ, персидскихъ, индійскихъ, татарско-туркменскихъ и даже калмыцкихъ. Прекрасный случай изучать этнографію! Послѣ 6-ти-дневнаго изученія сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря, путешественники наши, черезъ Сарепту, Новохоперскъ, Воронежъ, Тулу, прибыли 1 (13) ноября въ Петербургъ, сдѣлавши, въ теченіе 23 недѣль 14,500 верстъ, въ томъ числѣ водой болѣе 690, и кромѣ того на Каспійскомъ морѣ 100 верстъ [1]).

---

[1]) Изъ данныхъ русскимъ правительствомъ Гумбольдту на расходы 20,000 руб. асс. онъ, при возвращеніи въ Петербургъ, представилъ министру оставшіеся отъ путешествія 7,050 р. Гр. Канкринъ, не желая давать разъ пожертвованной на ученыя предпріятія суммѣ иное назначеніе, ассигновалъ ее на путешествіе Гельмерсена и Гофмана, мысль котораго подалъ Гумбольдтъ.

Возвратившись 28-го декабря 1829 года въ Берлинъ, Гумбольдтъ приступилъ къ научной разработкѣ собранныхъ имъ сокровищъ. Занятія эти требовали однако частыхъ и личныхъ сношеній съ французскими учеными, съ которыми онъ былъ связанъ многолѣтнимъ пребываніемъ въ Парижѣ. Это обстоятельство, а также дипломатическое порученіе, возложенное на него Фридрихомъ Вильгельмомъ III, въ сентябрѣ 1830 года, было причиной его поѣздки во Францію, изъ которой онъ однако возвратился весною 1831-го г. Выборъ Гумбольдта для дипломатической миссіи можетъ показаться страннымъ, но онъ находитъ свое оправданіе въ томъ, что онъ былъ persona grata во Франціи, которая привыкла считать его своимъ, несмотря на его нѣмецкое происхожденіе. Поэтому, въ виду щекотливыхъ политическихъ вопросовъ, возникавшихъ въ дипломатической сферѣ вслѣдствіе польскаго мятежа и ставившихъ Пруссію въ затруднительное положеніе, выборъ человѣка, хотя и безъ дипломатическаго прошедшаго и не искушеннаго въ политикѣ высшей школы, находилъ оправданіе и даже не остался безъ благопріятныхъ послѣдствій.

Послѣ этого возвращенія, кромѣ ученыхъ занятій, Гумбольдтъ посвящалъ все свое свободное время общенію съ братомъ Вильгельмомъ, дни котораго, послѣ смерти жены послѣдняго, были сочтены, а послѣ кончины его (8-го апрѣля 1835-го), онъ, по желанію покойнаго, приступилъ къ изданію его трудовъ, между которыми впервые появилось изслѣдованіе о языкѣ Кави, для котораго Александръ собралъ значительную часть матеріаловъ. Плодомъ трудовъ Александра Гумбольдта въ этотъ періодъ его дѣятельности были: Fragments de géologie et de climatologie asiatiques, 2 vol.; Путешествіе на Уралъ, Алтай и къ Каспійскому морю, 2 тома (на нѣмецкомъ); Asie centrale, 3 vol. Кромѣ этого цѣлый рядъ статей, помѣщенныхъ въ мемуарахъ парижской академіи и «Лѣтописяхъ» Поггендорфа, касающихся разнообразнѣйшихъ предметовъ естествознанія, перечисленіе заглавій которыхъ заняло бы цѣлыя страницы. Въ новомъ (3-мъ) изданіи его «Видовъ природы» прибавлено было нѣсколько главъ, заключавшихъ новѣйшія изслѣдованія и главнѣйшіе результаты его путешествія по Россіи. Къ этой же эпохѣ жизни Гумбольдта относится созданіе «Космоса», возникшаго, однако, въ первоначальной формѣ изъ лекцій, читанныхъ имъ въ 1827—28-мъ годахъ въ Берлинѣ. Трудъ этотъ, какъ извѣстно, представляетъ сводный камень современныхъ ему естественно-историческихъ свѣдѣній; не заключая новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ данныхъ, онъ излагаетъ, въ общихъ чертахъ, все что̀ было добыто нау-

кою до половины XIX вѣка. Хотя онъ не лишенъ, въ нѣкоторомъ (хорошемъ однако) смыслѣ компиляторскаго характера, но мы не должны упускать изъ виду, что главная цѣль Гумбольдта состояла именно въ томъ, чтобы свести въ одно цѣлое—*повидимому* разрозненное, и показать между ними общую связь. Кромѣ Гумбольдта, никому подобная задача не была по плечу, и никто, кромѣ его, не дерзнулъ бы предпринять ее, такъ какъ никто, кромѣ его, не способствовалъ болѣе, собственною дѣятельностью, прогрессу естествовѣдѣнія. По всѣмъ отраслямъ его, за исключеніемъ только астрономіи, онъ выступалъ въ разное время самостоятельнымъ изслѣдователемъ и даже творцомъ нѣкоторыхъ частей его. «Виды природы», и «Космосъ» доступны русскимъ читателямъ изъ переводовъ.

При томъ движеніи, которое охватило естественныя науки въ послѣднее время, всякое сочиненіе по нимъ недолговѣчно. Новые факты, новыя изслѣдованія постоянно видоизмѣняютъ ихъ. Этой общей судьбы прогресса не избѣжитъ, конечно, и «Космосъ». Многое въ немъ и теперь, черезъ четверть столѣтія послѣ его появленія, уже устарѣло, но несмотря на это, твореніе это сохранитъ на вѣчныя времена подобающее ему значеніе какъ грань, какъ межевой столбъ естествознанія, показывающій, до какихъ предѣловъ оно дошло къ половинѣ XIX-го столѣтія, и какіе успѣхи оно сдѣлало съ того времени. Въ этомъ смыслѣ за «Космосомъ» упрочено безсмертіе и Гумбольдтъ воздвигъ въ немъ литературный памятникъ, которымъ вправѣ гордиться Германія.

Метеорологическіе труды Гумбольдта въ послѣднемъ періодѣ его дѣятельности, изложенные въ Fragments asiatiques и въ 3-мъ томѣ его Asie centrale, сосредоточиваются на содержаніи водяныхъ паровъ и теплоты воздуха. Мы видѣли прежде, что смотря по теплотѣ воздуха измѣняется и количество водяныхъ паровъ въ извѣстномъ пространствѣ, и оно можетъ быть опредѣлено по своей дѣйствительной величинѣ (абсолютная сырость), но можно также сравнивать найденное количество воды съ тѣмъ, которое могло бы заключаться въ воздухѣ, не переходя въ капельно-жидкое состояніе при данной температурѣ (относительная сырость). Гумбольдтъ отмѣтилъ 5-го августа 1829-го г., въ часъ пополудни, въ степи у ст. Платовской, самую низкую относительную влажность — ($^{16}/_{100}$), до того времени извѣстную. Влажность воздуха на востокѣ Европы уменьшается по мѣрѣ удаленія съ запада на востокъ; такимъ образомъ, между тѣмъ

какъ въ Москвѣ ежегодно дождь падаетъ въ продолженіи 205-ти дней, въ Казани число это уменьшается на 90 дней, а въ Иркутскѣ падаетъ до 57-ми.

Выше были указаны найденныя Гумбольдтомъ обстоятельства, вліяющія на высоту средней температуры Европы, и сглаживающія крайности ея. Въ Азіи факторы эти не существуютъ: материкъ этой части свѣта подвигается гораздо выше къ сѣверу, до 75°; сѣверный берегъ его соприкасается къ зимнимъ предѣламъ полярнаго льда, и даже лѣтній предѣлъ послѣдняго отодвигается отъ него только незначительно, и притомъ на весьма непродолжительное время. Сѣверъ Азіи не защищенъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ горами; между тѣмъ, какъ къ югу Европы мы видимъ громадную площадь тропической Африки, на югѣ Азіи встрѣчаемъ только незначительное количество сравнительно небольшихъ острововъ и огромное протяженіе воды, какъ извѣстно, далеко не такъ нагрѣвающейся, какъ материкъ. Наконецъ, Азія представляетъ сплошную массу земли, внутри значительно возвышающуюся, не разчлененную какъ Европа, и притомъ на западѣ отрѣзанную отъ океана. Послѣдствіемъ этихъ условій являются: пониженіе температуры, уклоненіе къ югу изотермическихъ линій, рѣзко опредѣленный континентальный климатъ, т.-е. значительное различіе между теплотою отдѣльныхъ временъ года.

Гумбольдтъ свидѣтельствуетъ, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ такого великолѣпнаго винограда, какъ въ Астрахани (при средней годичной температурѣ въ 10°, 2), но между тѣмъ въ Астрахани, и даже гораздо южнѣе, у устья Терека, слѣдовательно подъ тѣмъ же градусомъ широты, какъ Авиньонъ и Римини, стоградусный термометръ падаетъ на 25—30° ниже нуля, такъ, что закапываніе винограда въ землю на зиму является неотложною необходимостью. Тоже самое обстоятельство мѣшаетъ винодѣлію и въ Америкѣ, сѣвернѣе 38° широты.

Не имѣя возможности слѣдить за многочисленными опредѣленіями температуры разныхъ мѣстностей, сдѣланными Гумбольдтомъ, и выведенными изъ нихъ сравненіями и климатическими особенностями Азіи, мы остановимся на минуту на изслѣдованіяхъ его о причинахъ искривленій кривыхъ температуры. Въ ту пору, когда Гумбольдтъ публиковалъ упомянутое въ предъидущей статьѣ изслѣдованіе о изотермахъ, онъ принужденъ былъ проводить эти линіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наблюденія не существовали, по направленіямъ произвольнымъ, соединяя двѣ крайнія точки, для которыхъ наблюденія были сдѣланы, а для промежуточныхъ между ними не существовали,—линіей, соединяв-

шей первыя; но объ нихъ нельзя было сказать, соотвѣтствуютъ ли онѣ дѣйствительности. Съ тѣхъ поръ ученые, сознавая всю необыкновенную важность Гумбольдтовыхъ наблюденій и слѣдуя по пути, при разработкѣ ихъ указанному, старались, каждый въ своей мѣстности, многочисленными наблюденіями дополнить и исправить первыя изотермы Гумбольдта. Эти отдѣльныя наблюденія накопились въ такомъ количествѣ, что Гумбольдтъ не только имѣлъ возможность исправить неопредѣленность своихъ первыхъ изотермъ, но онъ даже обратился къ изслѣдованію причинъ кривизны этихъ линій. Кромѣ изслѣдованій по этому предмету, помѣщенныхъ въ монографіи, упомянутой нами прежде (въ статьѣ о теплотѣ), онѣ были дополнены и значительно развиты въ третьемъ томѣ Asie centrale и въ Fragments asiatiques.

Принимая за исходный пунктъ состояніе земной поверхности, при которомъ линіи одинаковой температуры, — изотермы ли это, изотеры, или изохимены — направляются параллельно экватору, получимъ, для отдѣльныхъ точекъ, температуры, которыя, по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи температуры внутри земного шара, совершенно зависятъ отъ астрономическаго положенія послѣдняго и отношенія его къ солнцу. Мы получимъ такъ-называемый мэраномъ солярный или солнечный климатъ. Но на дѣлѣ существуетъ множество постороннихъ вліяній, измѣняющихъ его и обусловливающихъ настоящій климатъ. Поэтому, если мы желаемъ a priori опредѣлить послѣдній, намъ необходимо изслѣдовать всѣ эти вліянія, такъ сказать взвѣсить ихъ въ ихъ взаимномъ между собою отношеніи. Конечно, совершенно вѣрное, безошибочное рѣшеніе этого вопроса едва-ли когда будетъ вполнѣ возможно, но то, что возможно достигнуть при настоящихъ средствахъ, было добыто стараніями и трудами Гумбольдта.

Обстоятельства, возвышающія температуру, т.-е. приближающія кривую температуры къ полюсу, суть, въ умѣренномъ поясѣ: близость западнаго берега, условія, способствующія образованію полуострововъ и озеръ; господство вѣтровъ, направляющихся съ юга или съ запада; цѣпи горъ, защищающихъ мѣстность отъ вѣтровъ, дующихъ изъ странъ болѣе холодныхъ; рѣдкость болотъ; ясное небо въ теченіе лѣта; близость морского теченія, приносящаго воду болѣе теплую, чѣмъ вода окружающихъ морей.

Обстоятельства, охлаждающія температуру, слѣдовательно изгибающія изотермы къ экватору, суть: возвышеніе мѣста надъ поверхностью моря при отсутствіи обширныхъ плоскихъ возвы-

шенностей; недостатокъ заливовъ въ очертаніи страны, простирающейся къ полюсу до предѣловъ вѣчныхъ льдовъ, или страны, представляющей между своими меридіанами у экватора море и совершенное отсутствіе материка; цѣпи горъ, заслоняющихъ, своимъ направленіемъ, доступъ теплыхъ вѣтровъ; близость открыто стоящихъ горъ, по сторонамъ которыхъ вѣтры, въ теченіе ночи, такъ сказать, скользятъ по нимъ; большіе лѣса; присутствіе болотъ, образующихъ, до самой середины лѣта, небольшіе подземные глетчеры (ледники); пасмурное, лѣтомъ, небо, мѣшающее дѣйствію солнечныхъ лучей на поверхность земли; ясное небо зимою, способствующее лучеиспусканію теплорода.

Изъ изложеннаго видно, что въ климатѣ Европы присутствуютъ почти всѣ согрѣвающія условія, между тѣмъ какъ въ климатѣ Азіи видимъ противуположное; поэтому въ послѣдней изотермы должны значительно искривляться къ экватору, что и подтверждается наблюденіемъ.

Затѣмъ Гумбольдтъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ вліяній, изъ числа указанныхъ выше. Приступая къ изученію отношеній между материкомъ и водами, и изслѣдуя вліяніе большихъ массъ послѣднихъ, онъ нашелъ, что вслѣдствіе гладкой поверхности и правильности формы замѣчается и однообразіе солнечнаго вліянія, отчего и кривыя теплоты на большихъ моряхъ только немного уклоняются отъ своего нормальнаго направленія, т.-е. направленія параллельнаго экватору; хотя совершенной правильности въ этомъ отношеніи не замѣчается. Она нѣсколько нарушается морскими теченіями, въ свою очередь, отчасти зависящими отъ очертаній береговъ. Лучи солнца, какъ извѣстно, проникаютъ отчасти въ воду. Падая на нее, часть ихъ нагрѣваетъ поверхность ея, другая же часть ихъ, ослабѣвшая, при этомъ уже отъ потеряннаго, нагрѣваетъ нижніе слои ея. Иное явленіе мы наблюдаемъ на материкѣ: здѣсь составныя части его не пропускаютъ солнечныхъ лучей, которые сосредоточиваются такимъ образомъ на поверхности земли, возвышая этимъ температуру мѣстности. Рука объ руку съ этимъ возвышеніемъ ея днемъ, идетъ болѣе значительное охлажденіе въ продолженіе ночи и въ теченіе зимы. Изъ этого слѣдуетъ, что колебаніе температуры денное и годичное, должно быть гораздо значительнѣе на материкѣ, нежели на водѣ. Вліяніе температурныхъ условій воды на материкъ должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе протяженіе разграничительной линіи между обоими элементами въ сравненіи съ массою материка. Намъ изъ физики извѣстно, что всякое вліяніе въ природѣ сильнѣе у своего источника, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія отъ него. Примѣняя это правило къ

настоящему вопросу, мы убѣждаемся, что если материкъ представляетъ такую форму, что ни одна точка его не находится въ очень значительномъ разстояніи отъ береговъ, то указанное выше вліяніе воды проявляется на немъ гораздо сильнѣе нежели на сплошно образованномъ материкѣ, средина котораго лежитъ на значительномъ разстояніи отъ моря. Поэтому, чѣмъ болѣе страна представляется разбитою вдающимися въ нее заливами, чѣмъ болѣе она удаляется отъ формы круга, представляющаго, какъ извѣстно, при одинаковой плоскости, самую малую периферію, другими словами, чѣмъ значительнѣе береговая линія страны въ сравненіи съ ея площадью, тѣмъ сильнѣе отразится внутри этой страны вліяніе моря. Изъ всѣхъ частей свѣта Европа представляется болѣе другихъ разбитою вдающимися въ нее землями и морями. По опредѣленію Гумбольдта длина береговой линіи Европы равна 3,03, Азіи—2,41, Африки—1,35, Новой Голландіи—1,44, Южной Америки—1,69, Сѣверной Америки—2,89, принимая эту линію равною единицѣ, еслибы каждая изъ этихъ частей свѣта представляла кругъ. Изъ этого мы видимъ, что форма Европы уклоняется отъ формы круга гораздо болѣе, чѣмъ всѣ остальныя части свѣта, и вслѣдствіе этого вліяніе моря на материкъ должно быть здѣсь гораздо значительнѣе. Въ чемъ оно состоитъ? Мы знаемъ изъ ежедневнаго опыта, что холодное тѣло, находясь возлѣ теплаго, охлаждаетъ послѣднее, между тѣмъ какъ теплое, помѣщенное возлѣ холоднаго, нагрѣваетъ его. Такъ какъ лѣтомъ море холоднѣе материка, зимою же—теплѣе его, то ясно, что оно будетъ лѣтомъ охлаждать материкъ, а зимою согрѣвать его; другими словами—оно будетъ сглаживать крайности временъ года, и мы получимъ отличія между континентальнымъ и береговымъ климатомъ. Европа отличается по преимуществу первымъ; Азія—по крайней мѣрѣ сѣверная часть ея—послѣднимъ.

Сравнивая многочисленныя наблюденія температуры между поворотными кругами, Гумбольдтъ нашелъ, что между ними средняя температура воздуха надъ твердою землею 2°,2 выше температуры надъ моремъ. Если этотъ, нагрѣтый въ тропическихъ мѣстностяхъ, воздухъ направляется въ болѣе высокія широты, то онъ необходимо долженъ тамъ оказывать и болѣе сильное дѣйствіе. Но материки распредѣлены какъ на земномъ шарѣ вообще, такъ и подъ тропиками, очень неравномѣрно. Это видно изъ того, что если мы предположимъ, что между тропиками площадь материковъ, не занятыхъ водою, равна 1000 частямъ, то изъ нихъ 461 часть придется на Африку, 301 часть на Америку, 124 ч. на Новую Голландію и Индѣйскій архипе-

лагъ, и 114 на Азію. Такимъ образомъ, на Америку и Африку вмѣстѣ приходится 762 части, заключенныхъ между $132^3/_4$ градусами долготы, между тѣмъ какъ остальные $227^1/_4$ градусовъ заключаютъ только 238 частей. Поэтому-то умѣренный поясъ, получая, при посредствѣ вѣтровъ (между которыми южные вѣтры оказываются господствующими) воздухъ изъ тропическихъ мѣстностей, долженъ быть всего теплѣе тамъ, гдѣ на долю его приходится maximum тропическаго материка. Эта, болѣе другихъ частей умѣреннаго пояса привилегированная и есть—западная часть древняго міра.

Гумбольдтъ весьма тщательно изслѣдовалъ вліяніе почвы на температуру. Изъ физики извѣстно, что теплородъ переходитъ изъ одного тѣла въ другое, находящееся съ нимъ въ соприкосновеніи, такимъ образомъ, что температура болѣе холоднаго увеличивается, а болѣе теплаго уменьшается до тѣхъ поръ, пока различіе въ теплотѣ обоихъ не сгладится. Этотъ обмѣнъ теплоты совершается постепенно такимъ образомъ, что всѣ части тѣла, болѣе близкія къ источнику теплоты, представляютъ всегда болѣе высокую температуру, чѣмъ удаленныя отъ него. Кромѣ этой проводимости тепла послѣднее сообщается другимъ тѣламъ еще посредствомъ лучеиспусканія; оно состоитъ въ томъ, что изъ источника тепла послѣднее исходитъ по всѣмъ направленіямъ, и притомъ прямолинейнымъ, нагрѣвая всѣ встрѣчающіеся на этомъ пути предметы, по мѣрѣ высоты температуры самаго источника. Солнце представляетъ, для земли, самый важный источникъ тепла; отъ лучей его зависитъ температура земного шара. Всѣ предметы, на немъ находящіеся, испускаютъ изъ себя теплоту, но съ другой стороны они, вслѣдствіе этого общаго свойства ихъ, и получаютъ ее отъ другихъ и такъ какъ количество испущенныхъ лучей, другими словами, расходъ ихъ уменьшается съ увеличивающимся охлажденіемъ, то пока условія остаются одинаковыми, равновѣсіе не нарушается. Расходъ не превышаетъ прихода. Пока тѣло расходуетъ болѣе тепла чѣмъ принимаетъ его, — оно охлаждается; но по мѣрѣ охлажденія расходъ сокращается и вмѣстѣ съ нимъ уменьшается и потеря. Наконецъ расходъ уравновѣшивается съ приходомъ. Тоже самое случается, когда тѣло нагрѣвается вслѣдствіе усилившагося прихода; чѣмъ выше происшедшая отъ этого нагрѣванія температура, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе становится и расходъ ея. Отношеніе различныхъ тѣлъ къ лучамъ солнечнымъ тоже не одинаково. Точно такъ, какъ есть тѣла, пропускающія черезъ себя лучи свѣта (тѣла прозрачныя), такъ съ другой стороны въ при-

родѣ видимъ тѣла, пропускающія черезъ себя лучи теплорода, такъ-называемыя теплопрозрачныя тѣла.

Между послѣдними газы занимаютъ первое мѣсто. Этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что лучи теплорода, не будучи поглощаемы атмосферическимъ воздухомъ, имѣютъ возможность проникать до поверхности земли. Такъ какъ воздухъ поглощаетъ только незначительную часть солнечныхъ лучей, то онъ, конечно, не нагрѣвается до такой степени, какъ еслибъ онъ поглощалъ ихъ вполнѣ. Но этимъ непоглощеннымъ на пути остаткомъ, падающимъ на другія тѣла, не такъ безразличныя къ получаемой ими извнѣ теплотѣ, нѣкоторыя изъ нихъ пользуются для усиленія своей температуры. Такимъ образомъ объясняется, что температура тѣлъ, лежащихъ, такъ сказать, па днѣ воздушнаго океана, бываетъ выше нежели температура самаго воздуха, несмотря на то, что послѣдній находится между этими тѣлами и источникомъ ихъ теплоты, солнцемъ. Обстоятельство это составляетъ характеристическое отличіе между лучеиспусканіемъ и теплопрозрачностью. Лучи, падающіе на тѣла, не проводящія теплоты, не поглощаются ими вполнѣ, и не обращаются на возвышеніе ихъ температуры; они отчасти отражаются, отчасти же переходятъ на окружающія другія тѣла, или возвращаются въ атмосферу. Часть поглощенная, т.-е. оставшаяся послѣ отраженія, тоже не одинакова для различныхъ тѣлъ; такъ, предметы черные, темные, шероховатые, поглощаютъ гораздо больше, чѣмъ тѣла свѣтлыя и представляющія гладкую поверхность.

Тѣ предметы, которые легко принимаютъ лучи теплорода, испускаютъ ихъ тоже легко: ночью и зимою они теряютъ больше теплоты, и какъ расходъ противоположенъ приходу, то въ противуположность къ упомянутому выше явленію, тѣло, хорошо испускающее теплородъ, оказывается нѣсколькими градусами холоднѣе слоевъ окружающаго его воздуха. Потери, испытываемыя земнымъ шаромъ посредствомъ лучеиспусканія теплорода, значительнѣе при ясномъ небѣ, чѣмъ при пасмурномъ: въ послѣднемъ случаѣ облака обращаютъ большую часть лучей назадъ, на поверхность земли. Такъ какъ послѣдняя очень разнообразна, мѣстами покрыта лѣсомъ, мѣстами травою, мѣстами опять представляетъ голый песокъ, то естественно, что всѣ эти различныя условія оказываютъ неодинаковое вліяніе на температуру, способствуя то повышенію, то пониженію ея. Изслѣдованія Гумбольдта, произведенныя на большихъ пространствахъ, доказали несомнѣнно важность этихъ вліяній.

И вліяніе высотъ не ушло отъ вниманія Гумбольдта. Устраняя вышеизложенныя причины и принимая въ разсчетъ только

рельефъ земной поверхности, онъ приписываетъ ему тоже значительное вліяніе на климатъ страны. Бо́льшее или меньшее возвышеніе надъ уровнемъ океана, наклоненіе склоновъ горъ, различное положеніе ихъ къ солнечнымъ лучамъ, тѣнь, бросаемая отдѣльными частями ихъ въ различное время дня и года, неравномѣрность лучеиспусканія ночью, смотря по тому, ясно ли, или подернуто небо облаками, всѣ эти обстоятельства не остаются безъ вліянія на климатъ мѣстности. Вслѣдствіе лучеиспусканія теплорода земныхъ предметовъ, представляющихъ значительную поверхность и выдающихся надъ земною поверхностью, горы способны нагрѣвать близлежащіе слои воздуха, вызывая этимъ теченія его, нерѣдко прерываемыя охлаждающимъ дѣйствіемъ большихъ, пасмурныхъ тучъ. Плоскія возвышенности, однообразіемъ своей поверхности съ протяженіемъ, оказываютъ дѣйствіе, занимающее средину между указанными крайностями. Изъ наблюденій Гумбольдта явствуетъ, что подъ тропиками, въ Кордилльерахъ Андовъ, плоскія возвышенности, пространствомъ въ 25 кв. миль, поднимаютъ среднюю температуру воздуха на 1°,5 до 2°,3 надъ температурой, наблюдаемой на той же высотѣ на крутыхъ склонахъ горъ. Еслибы уровень моря, вслѣдствіе какого-нибудь необыкновеннаго переворота на земномъ шарѣ, значительно понизился, то температура теперешнихъ равнинъ и плоскогорій понизилась бы.

Переходя къ любимому своему предмету — опредѣленію высоты границы снѣговъ, Гумбольдтъ, развивая свою теорію, находитъ, что высота лѣтней границы снѣга, т.-е. границы, которую обыкновенно принимаютъ за дѣйствительную границу снѣговъ, есть результатъ противуположныхъ вліяній лѣта и зимы. Число туазовъ, на которые снѣгъ лѣтомъ отодвигается, не зависитъ ни отъ теплоты лѣта, ни отъ самаго теплаго мѣсяца, но отъ множества обстоятельствъ. Между ними играютъ главную роль: количество выпавшаго зимою снѣга, форма, обнаженіе и разстояніе сосѣднихъ плоскихъ возвышенностей, очертаніе горныхъ вершинъ, направленіе вѣтровъ, болѣе или менѣе континентальное положеніе мѣста, количество лежащихъ вблизи снѣговъ и наконецъ ясное или пасмурное небо. При этомъ можетъ однако случиться, что мѣсто, въ которомъ граница снѣговъ болѣе всѣхъ другихъ поднимается, не лежитъ подъ самимъ экваторомъ, и что вообще правило, по которому снѣжная граница, съ увеличивающеюся широтою мѣста, понижается, подвержено нѣкоторымъ исключеніямъ. На нихъ Гумбольдтъ обратилъ вниманіе, когда (въ 1816-мъ г.) сдѣлались извѣстны измѣренія Гималая Уэббомъ, и когда (1826-го г.) Пэнтландъ нашелъ, что и въ

Боливіи граница снѣговъ выше, чѣмъ Гумбольдтъ нашелъ ее подъ экваторомъ. Необыкновенно важна, въ этомъ отношеніи, составленная имъ таблица разныхъ границъ снѣга, съ указаніемъ при этомъ среднихъ годичныхъ и лѣтнихъ температуръ у морскихъ береговъ, и выводы, сдѣланные имъ на основаніи этихъ данныхъ.

Что касается вліяній воздуха и воды, то ихъ главная роль состоитъ въ сглаженіи рѣзкихъ отличій температуры. Страны холодныя нагрѣваются теченіями обоихъ элементовъ, а жаркія— охлаждаются. И воздухъ и вода, переносясь въ другія страны, приносятъ съ собой температуру своего мѣсторожденія, и смотря по тому, нагрѣваются ли онѣ, или охлаждаются въ новой странѣ, они поглощаютъ или сообщаютъ послѣдней теплоту.

Мы имѣли прежде случай указать, какъ Гумбольдтъ обратилъ особенное вниманіе на изысканіе средствъ опредѣлить распредѣленіе температуры на земной поверхности; въ настоящемъ періодѣ своей научной дѣятельности онъ посвятилъ себя изслѣдованію причинъ этихъ явленій. Изъ этихъ трудовъ его и трудовъ ученыхъ, собиравшихъ и разработывавшихъ, по указанному имъ направленію, матеріалы, возникло столь важное зданіе сравнительной климатологіи. Какъ дѣятельно было, при сооруженіи его, участіе Гумбольдта, видно уже изъ того обстоятельства, что въ 1817-мъ г., при появленіи первой его монографіи объ этомъ предметѣ, въ ней обозначены только 57 мѣстностей, температура которыхъ была отмѣчена по временамъ года, по самому холодному и самому жаркому мѣсяцу, съ указаніемъ ихъ широты, долготы и возвышенія надъ уровнемъ моря. Въ его Asie centrale уже находимъ, что число такъ опредѣленныхъ мѣстъ достигаетъ 311, а въ 1853 г., въ собраніи его мелкихъ сочиненій, оно возрасло уже до 506. Изъ сравненія этихъ чиселъ можно уже заключить, что при посредствѣ послѣдняго количества мѣстъ можно было гораздо вѣрнѣе опредѣлить направленіе кривыхъ температуры, чѣмъ при посредствѣ первоначальныхъ 57. Кромѣ того, если дѣлать наблюденія въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіи многихъ лѣтъ сряду, ненормальныя среднія температуры отдѣльныхъ годовъ сглаживаются, и средняя температура мѣста, т.-е. среднее число, выведенное изъ наблюденій многихъ лѣтъ, выходитъ вѣрнѣе. И въ этомъ отношеніи климатологія сдѣлала, съ начала текущаго столѣтія, громадные успѣхи, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приближаясь къ болѣе точнымъ результатамъ.

Въ области географіи, какъ и слѣдовало ожидать, изслѣдованія Гумбольдта въ настоящій періодъ сосредоточиваются пре-

имущественно на части свѣта, имъ посѣщенной, на средней Азіи. Несмотря на то, что европейцы уже давно имѣли нѣкоторое понятіе объ ней, несмотря на то, что эта часть свѣта долгое время высылала свои дикія орды въ Европу, она и до настоящаго времени менѣе изслѣдована, чѣмъ сравнительно недавно открытая Америка. Причины этого слѣдуетъ искать какъ въ природѣ этой части свѣта, такъ и въ обитателяхъ ея. Изслѣдованіе сплошной континентальной массы всегда затруднительнѣе, чѣмъ знакомство со страною, берега которой прорѣзаны значительными заливами, изъ которыхъ доступъ во внутрь страны легче. Но изслѣдованіе это становится еще неудобнѣе, когда рѣки, по которымъ можно легче проникнуть чѣмъ сухимъ путемъ, представляютъ такое направленіе, какое мы видимъ въ Средней Азіи. Онѣ орошаютъ только незначительную часть страны, внутри которой протекаютъ. Совершенно противоположное мы видимъ, въ этомъ отношеніи, въ Южной Америкѣ. Поднимаясь вверхъ по теченію ея четырехъ главныхъ рѣкъ: Магдалены, Ориноко, Амазонской и Ла-Плата, а въ сѣверной — Миссиссипи и Св. Лаврентія съ ея озерами, изслѣдователь имѣетъ возможность, безъ особенныхъ почвенныхъ затрудненій, перейти изъ области одной рѣки въ область другой, такъ, что всѣ американскія экспедиціи могутъ, отправляясь съ береговъ, проникать внутрь страны. Хотя на западномъ берегу Америки и нѣтъ большой рѣки, но подвигаясь съ востока на западъ, путешественникъ достигаетъ почти западнаго берега, гдѣ цѣпь Андовъ полагаетъ ему преграду почти у самаго моря, когда онъ успѣлъ пройти поперегъ почти весь материкъ Америки. Отсутствіе рѣкъ въ мѣстностяхъ гористыхъ затрудняетъ въ нихъ путешествіе, но главная горная цѣпь Америки такъ узка и притомъ такъ близко придвинута къ морю, что путешествія отъ этого не только не затрудняются, но, напротивъ, облегчаются. Горы, расположенныя рѣшетками, растягивающіяся на значительномъ пространствѣ, представляютъ гораздо болѣе затрудненій изслѣдованію, и потому горы Париме въ Южной Америкѣ долѣе другихъ оставались неизслѣдованными. Не менѣе затрудненій представляютъ страны, лежащія подъ высокими градусами широты; льды, ихъ окружающіе, дѣлаютъ ихъ почти недоступными. Это главная причина, почему самая сѣверная часть Америки недостаточно изслѣдована. Кромѣ этихъ естественныхъ преградъ, путешественникъ часто встрѣчаетъ не меньшія во враждебномъ настроеніи туземцевъ, не допускающихъ путешественника проникнуть внутрь ихъ страны.

Примѣняя эти соображенія къ Средней Азіи, легко убѣдиться,

что она не представляетъ путешественнику тѣхъ удобствъ, какія онъ находитъ въ Америкѣ. Средняя Азія почти не имѣетъ сообщенія съ берегами; рѣки ея направляются, большею частію, въ озера, вода которыхъ (напр., самаго большого изъ нихъ — Каспійскаго) теряется испареніемъ въ такой же степени, въ какой прибываетъ посредствомъ притоковъ, такъ, что послѣдніе образуютъ цѣлый рядъ независимыхъ между собою рѣчныхъ системъ; изъ одной рѣки нельзя проникнуть, на лодкахъ, въ другую, а тамъ, гдѣ это было бы возможно по естественнымъ условіямъ (напр., изъ океана по Желтой рѣкѣ), китайцы этому мѣшаютъ. Кромѣ того множество цѣпей горъ, степей, пустынь дѣлаютъ Среднюю Азію почти недоступною. Эпохою самою благопріятною для изслѣдованія этой части свѣта было XIII-е столѣтіе, когда вся Средняя Азія, отъ Урала до Китайскаго моря, находилась подъ единою властію монголовъ. Въ это время и совершены были полу-миссіонерами, полу-дипломатами: Плано-Карпини, Марко Поло, Симономъ изъ Сенъ-Кантена, Рубруквисомъ, Варѳоломеемъ Кремонскимъ, Асцелиномъ, ихъ замѣчательныя путешествія въ центральную Азію. Хотя Палласъ также посѣтилъ въ XVIII-мъ вѣкѣ эту часть Азіи, но путешествіе его не уяснило распредѣленія горъ въ ней: онъ утверждалъ, что онѣ развѣтвляются изъ одного центра, Богдо-Оола, лучеобразно,—мнѣніе, оказавшееся ложнымъ. Вслѣдствіе неправильнаго толкованія одного мѣста въ сочиненіи Марко Поло, во второй половинѣ истекшаго столѣтія составилось мнѣніе, что вся центральная Азія представляетъ огромную, сплошную плоскую возвышенность. Оно нашло еще большее подтвержденіе въ ученіи, по которому эта часть Азіи была исконнымъ мѣстомъ рожденія, колыбелью рода человѣческаго. Утверждали, что здѣсь вода прежде всего спала, слѣдовательно мѣстность эта должна быть возвышеннѣе остальныхъ. Взглядъ этотъ былъ опять слѣдствіемъ господствовавшаго ученія нептунистовъ о наводненіяхъ, потопахъ, твердомъ кристаллизаціонномъ пунктѣ земного шара, и т. п. Теорія Хюттона, о которой была рѣчь прежде, принимавшая внутренность земли за расплавленную массу, и допускавшая, что поднятіе земной коры въ одно время можетъ совершиться въ одномъ мѣстѣ, въ другое время — въ другомъ, возникла только въ концѣ XVIII вѣка. Гумбольдтъ первый заподозрилъ (см. Mémoire sur les montagnes de l'Inde, 1816 и 1820) справедливость мнѣнія объ общемъ поднятіи Средней Азіи. Выше было упомянуто, что температура уменьшается по мѣрѣ возвышенія; извѣстно также, что растенія, для своего преуспѣянія, нуждаются въ извѣстной, различной по родамъ растенія,

средней температурѣ. Сопоставленіе этихъ данныхъ привело Гумбольдта къ упомянутому предположенію. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Средней Азіи произрастаютъ виноградъ, хлопокъ, даже гранаты. Изъ этого неопровержимаго факта Гумбольдтъ заключилъ, по сравненію, что растенія эти никакъ не могли бы тамъ произрастать, еслибы они дѣйствительно находились на той высотѣ, до которой, по общераспространенному мнѣнію, они будто бы достигали. Слѣдовательно высота мѣста ихъ произрастанія не можетъ быть такъ значительна. Это теоретическое предположеніе Гумбольдта впослѣдствіи подтвердилось вполнѣ. Теперь извѣстно, что въ Средней Азіи встрѣчаются плоскія возвышенности, но центральная Азія не есть, какъ до Гумбольдта утверждали, сплошная плоская возвышенность.

Съ этихъ поръ Гумбольдтъ не переставалъ слѣдить за всѣмъ, что могло уяснить географію Средней Азіи. Въ этомъ отношеніи онъ весьма многимъ обязанъ трудамъ Клапрота, не только какъ путешественника, посѣтившаго эту часть древняго свѣта, но главнымъ образомъ какъ лингвиста, отличнаго знатока китайскаго языка и китайской литературы, представляющей такую богатую сокровищницу по части китайской географіи и статистики. Гумбольдтъ сознавался, что этотъ источникъ свѣдѣній о центральной Азіи гораздо важнѣе новѣйшихъ путешествій, ограничивавшихся только небольшими пространствами. Естественно, что послѣ своего азіатскаго путешествія Гумбольдтъ неоднократно возвращался къ вопросамъ, касавшимся географіи Средней Азіи, чему доказательствомъ служатъ труды его по этому предмету, разсѣянные въ лѣтописяхъ Поггендорфа, въ Fragments de géologie, въ Asie centrale, и въ «Видахъ природы».

Внутренность Азіи прорѣзана четырьмя системами горъ, направляющимися, подобно параллельнымъ кругамъ, отъ востока на западъ: Алтай (50^0—$52^1/_2{}^0$ шир.), Ціянъ-Шанъ ($40^2/_3{}^0$—43^0), Кюэнъ-Люнъ ($35^1/_2$ — 36) и Гималая. Послѣдній параллеленъ экватору начиная только съ 80^0 долготы (считая отъ Парижа), до этого же градуса онъ, направляясь отъ юго-востока на сѣверо-западъ, соединяется съ Кюэнъ-Люномъ. Менѣе другихъ выдвигается на западъ Алтай, уступающій аральско-каспійской низменности, которая, по мнѣнію Гумбольдта, основанному на присутствіи на сѣверѣ цѣлой системы озеръ, составляла въ доисторическія времена, соединеніе между Каспійскимъ моремъ и Сѣвернымъ океаномъ. Вторая цѣпь — Ціянъ-Шанъ или Небесныя горы, тоже не достигаетъ Каспійскаго моря, оканчиваясь, повидимому, у 65^0 долготы, но Гумбольдтъ предполагаетъ, что Кавказъ составляетъ ея продолженіе. Цѣпь эта имѣетъ нѣ-

сколько дѣйствующихъ еще вулкановъ, особенно тѣмъ замѣчательныхъ, что они лежатъ далеко отъ моря, посреди большого материка. Кюэнъ-Люнъ, западное продолженіе котораго, послѣ соединенія съ Гималаей, носитъ названіе Гинду-ку, самая длинная цѣпь горъ послѣ Американскихъ Кордилльеръ. И она имѣетъ огнедышащія горы, на востокѣ и на западѣ, у Каспійскаго моря. Наконецъ Гималая съ своими высочайшими вершинами на земномъ шарѣ. Кромѣ этихъ параллельныхъ цѣпей, Азія представляетъ еще много идущихъ по направленію меридіановъ, отъ мыса Коморина, противъ острова Цейлона, до Ледовитаго океана, перемежающихся въ своемъ пониженіи между 64⁰ и 75⁰ долготы (отъ Парижа) отъ юго-востока на сѣверо-западъ, или съ юга на сѣверъ. Сюда относятся: Гатесъ, Солиманъ, Палараза, Болоръ и Уралъ. Они представляютъ ту особенность, что перерывы рельефовъ этихъ меридіанныхъ возвышенностей чередуются между собою; съ того мѣста, гдѣ одна цѣпь оканчивается, начинается другая, конечно, не какъ непосредственное продолженіе ея, а нѣсколько западнѣе или восточнѣе отъ первой. Такъ, напримѣръ, направляясь отъ сѣвера къ югу, Уралъ оканчивается, на западѣ, у 50⁰ широты; за то на востокѣ Азіи съ этого градуса начинается цѣпь Кинганъ, тянущаяся отъ 50⁰ до 40⁰. Затѣмъ опять на западъ (между 45⁰ — 35⁰) возвышается опять Болоръ и т. д. Впрочемъ всѣ эти меридіональныя цѣпи горъ далеко не такъ значительны, какъ параллельныя, указанныя выше. Этими двумя главными направленіями горъ въ Азіи образуется та рѣшетка горъ, которую Бюффонъ возводилъ въ законъ при распредѣленіи горъ на всемъ земномъ шарѣ; но бросивъ взглядъ на карту, легко убѣдиться, какъ неполна эта рѣшетка, такъ, что говоря объ меридіональныхъ и параллельныхъ цѣпяхъ горъ слѣдуетъ подразумѣвать только приблизительное направленіе ихъ, тѣмъ болѣе, что цѣпи эти очень рѣдко встрѣчаются между собою. Только подъ 70⁰ долготы рѣшетка эта дѣйствительно образуется: здѣсь Болоръ перерѣзываетъ Ціанъ-Шанъ подъ 40⁰ и Кюэнъ-Люнъ подъ 35⁰—36⁰ широты.

Возвышеніе земной поверхности въ предѣлахъ этой мнимой рѣшетки неодинаково; можно однако принять, что оно представляетъ видъ лѣстницы, высшую ступень которой образуетъ пространство между Гималая и Кюэнъ-Люномъ. Незначительнымъ возвышеніемъ отличается сѣверо-западная часть, въ сосѣдствѣ Каспійскаго моря она даже ниже уровня морского. Степь Гоби представляетъ возвышенность 400—600 туазовъ, а Тибетъ, по даннымъ, которыми располагалъ Гумбольдтъ, не выше 1,800 туазовъ. Полоса Средней Азіи между Кюэнъ-Люномъ и Ціанъ-

Шаномъ, къ востоку отъ послѣдняго, совершенно почти неизвѣстна европейцамъ. Никто изъ нихъ, подъ угрозой смертной казни, не смѣетъ проникнуть сюда. Что угроза эта не пустыя слова, это доказывается печальной судьбой Адольфа Шлагинтвейта. Предержащія власти посылаютъ не только примѣты каждаго подозрительнаго путешественника, но даже удачные портреты, въ города верхняго Туркестана, съ многознаменательною надписью: если человѣкъ этотъ перейдетъ границу, голова его принадлежитъ императору; имущество же — вамъ, т.-е. поимщикамъ!

Не останавливаясь на многочисленныхъ подробностяхъ изслѣдованій Средней Азіи Гумбольдта, мы упомянемъ о сравненіи между отдѣльными частями свѣта, которое онъ выводилъ изъ личныхъ впечатлѣній и изученія ихъ. Всматриваясь, говоритъ Гумбольдтъ, въ равнины и низменности Азіи, нельзя не придти къ убѣжденію, что онѣ здѣсь, равно какъ и въ Америкѣ, громадностью своего протяженія получаютъ большее значеніе нежели горы этихъ частей свѣта. Правда, Азія, вслѣдствіе расположенія своихъ большихъ возвышенностей, тянущихся параллельно градусамъ широты, не можетъ представлять явленія, поражающаго насъ въ пампасахъ Буэносъ-Айреса и саваннахъ Луизіаны и Канады, гдѣ мы видимъ, что на одномъ концѣ равнины растутъ пальма и бамбусы, между тѣмъ какъ противуположная оконечность ея покрыта, въ теченіи большей части года, снѣгомъ и льдомъ. Геологическое строеніе Азіи мѣшаетъ такому удобному сообщенію между сѣверомъ и югомъ, которое такъ пріятно поражаетъ путешественника Новаго Свѣта, встрѣчающаго южныя растенія въ мѣстахъ, которыя едва можно отнести къ умѣренному поясу. Вслѣдствіе этого смѣшенія формъ, лѣса Новаго Свѣта представляютъ еще замѣчательное разнообразіе подъ тѣми градусами широты, подъ которыми въ Старомъ Свѣтѣ мы уже поражены утомляющимъ однообразіемъ хвойныхъ и сережчатыхъ растеній, здѣсь почти исключительно господствующихъ. Тропическія птицы Азіи не предпринимаютъ перелетовъ изъ Индостана въ болѣе высокія широты, между тѣмъ какъ въ Америкѣ колибри ежегодно совершаютъ свои обычныя странствія между верхнею Канадою и Магеллановымъ проливомъ. Одинъ только тигръ распространенъ отъ Цейлона и Коморинскаго мыса до Алтая, даже встрѣчается въ Сибири, не лишившись при этомъ ни своей красоты, ни силы, ни дикости. Изъ этого видно, что животное это встрѣчается въ Азіи подъ широтами, соотвѣтствующими положенію Берлина и Оксфорда. Распространеніе же льва въ Европѣ, если принять за достовѣрное историческія воспоминанія, остановилось 12-ю градусами

южнѣе. Въ Древнемъ Свѣтѣ направленіе горныхъ цѣпей, особенное образованіе Средней Азіи, Средиземное море, и тянущаяся вдоль берега гряда Атласа, раздѣляютъ климаты и произведенія, между тѣмъ какъ въ Новомъ Свѣтѣ мы замѣчаемъ стремленіе не только климатовъ и произведеній, но даже и человѣческихъ породъ къ смѣшенію и распространенію на громадныхъ пространствахъ, но по направленію меридіановъ.

Кромѣ сравненія между собою низменностей Стараго и Новаго Свѣта, Гумбольдтъ провелъ параллель и между горами ихъ. На параллель между возвышенностями Европы и Америки было уже указано выше; переходя къ горамъ Азіи, онъ находитъ, что здѣсь проявляется болѣе сложное распредѣленіе массъ. Онъ замѣчаетъ, что на востокъ отъ меридіана кривой линіи, образуемой тибетской рѣкой Дзангбо (92° къ востоку отъ Парижа), отъ юго-югозапада къ сѣверо-сѣверовостоку, поверхность Азіи представляетъ необыкновенно неправильную форму. На западъ отъ этой линіи не трудно еще замѣтить главныя направленія горъ. Возвышенія земной коры сохраняютъ, на значительныхъ протяженіяхъ, свои направленія, между которыми можно различать два: самыя большія цѣпи тянутся вдоль параллельныхъ круговъ, слѣдовательно по длинѣ азіатскаго материка, это — Алтай, Ціянъ-Шанъ или небесныя горы, Кюэнъ-Люнъ и Гинду-Ку, Тавръ и Гималая. Другія горы отличаются направленіемъ меридіональнымъ, отъ сѣвера къ югу. Сюда относятся: Уралъ, Кузнецкія горы, Болоръ и цѣпь Солиманскихъ горъ.

Послѣ того, какъ главный вопросъ о формѣ земли былъ рѣшенъ, въ концѣ XVII-го вѣка Гюйгенсъ высказалъ мнѣніе, что она представляетъ не совершѐнно правильный шаръ, а нѣсколько сдавленный у полюсовъ; другими словами—эллипсоидъ, полученный посредствомъ вращенія эллипса вокругъ его меньшей оси. Онъ основываетъ свое ученіе на томъ, что вслѣдствіе центробѣжной силы, дѣйствіе тяжести у экватора должно быть слабѣе, чѣмъ у полюсовъ. На основаніи сдѣланныхъ имъ вычисленій онъ нашелъ, что отношеніе поперечника, взятаго отъ одного полюса къ другому, къ поперечнику, представляющему разстояніе отъ одной точки экватора къ другой, ей діаметрально противоположной, выражается числами 578 : 577. Такимъ образомъ, найденная имъ разница равнялась $^1/_{578}$. Послѣдующіе изслѣдователи пришли къ другимъ числамъ. Ньютонъ (1698) нашелъ отношеніе, какъ 230 къ 229, а Клеро (Clairault, въ 1737 году), основываясь на болѣе точныхъ данныхъ, нашелъ его какъ 310 къ 309. Послѣдній выходилъ изъ предположенія, что слои, составляющіе земной шаръ, совершенно однообразны по своимъ

составнымъ частямъ. Заключая однако изъ того, чтó мы видимъ на доступныхъ намъ верхнихъ слояхъ земного шара, о слояхъ болѣе глубокихъ, мы вправѣ предположить о неравномѣрной плотности ихъ. Распредѣленіе на его поверхности материка и водъ, притомъ массами совершенно не одинаковыми въ обоихъ полушаріяхъ, причемъ плотность перваго значительнѣе послѣднихъ, позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что дѣйствительное сплюснутіе земли должно быть значительнѣе полученнаго изъ теоретическихъ вычисленій. Несмотря однакожъ на это, разница не очень большая, такъ какъ дѣйствительная величина сплюснутія равна, среднимъ числомъ, $1/_{300}$, изъ чего слѣдуетъ, что дѣйствіе этой разницы не такъ значительно. Еслибы воды представляли, по отношенію къ твердой землѣ, величину очень большую, т.-е. еслибы онѣ имѣли большую глубину, то онѣ стремились бы, будучи вполнѣ подвижными, принять сплюснутіе $1/_{310}$, вслѣдствіе чего онѣ затопили бы, своимъ разливомъ, полярныя страны. Изъ этого Лапласъ заключилъ, что средняя глубина моря немногимъ значительнѣе средняго возвышенія твердой земли, и что первая и послѣднее должны быть только незначительною частью величины, составляющей разницу между поперечникомъ экватора и земною осью. По вычисленіямъ Бесселя, сплюснутіе равно 131,256 пар. ф.; среднее же возвышеніе материка надъ поверхностью моря Лапласъ принималъ не болѣе 1000 метровъ.

Эти изслѣдованія Лапласа побудили Гумбольдта сравнить результаты теоріи съ выводами наблюденій. Съ этой цѣлью онъ старался опредѣлить разстояніе уровня моря отъ плоскости, до которой простирался бы матеріалъ, составляющій Европу, Азію и Америку, еслибы онъ былъ распредѣленъ вездѣ однообразно, и такъ какъ подобное опредѣленіе можетъ быть только приблизительное, а отнюдь не совершенно точное, то онъ принялъ предѣлъ, выше котораго не хватало бы матеріала, за maximum, который можно отнести насчетъ материка.

Гумбольдтъ раздѣлилъ поверхность названныхъ частей свѣта на низменности, плоскія возвышенности и горы. Первыя отличаются отъ вторыхъ только тѣмъ, что поверхность ихъ находится ближе къ уровню моря, чѣмъ поверхность вторыхъ. Различіе между ними, слѣдовательно, только относительное. И тѣ и другія мы можемъ представить себѣ призмами извѣстной высоты и опредѣленнаго основанія. Если обѣ эти величины намъ извѣстны, то не трудно, посредствомъ простого умноженія, вывести, какъ высока будетъ призма, при томъ же объемѣ, если основаніе ея будетъ такъ же велико, какъ поверхность цѣлой

части свѣта. Гумбольдтъ представлялъ горы лежащими трехсторонними призмами, которыхъ основаніе равняется площади, ими занимаемой, а вышина—вышинѣ гребня. Между тѣмъ, какъ вертикальный разрѣзъ двухъ первыхъ призмъ представляетъ собою четырех-угольникъ, разрѣзъ призмъ, представляющихъ горы, сдѣланный перпендикулярно къ направленію оси горной цѣпи имѣетъ видъ трех-угольника, слѣдовательно объемъ т.-н. горной призмы, равняется половинѣ произведенія высоты ея и основанія. Само собою разумѣется, что объемъ этотъ можно представить себѣ и въ видѣ призмы, растянутой на всемъ протяженіи данной части свѣта, которой верхняя и нижняя площади параллельны, которой высота слѣдовательно вездѣ одинакова, а боковыя поверхности перпендикулярны. Естественно, что вліяніе такой плоской возвышенности, несмотря на ея меньшую высоту, значительнѣе вліянія горъ уже потому, что первая представляетъ гораздо большее основаніе, чѣмъ горы. Вычисленіе объема не представляетъ особенныхъ затрудненій, когда намъ извѣстны высота и основаніе, но главная трудность заключается въ отысканіи послѣдняго. Поэтому самъ Гумбольдтъ смотрѣлъ на полученные имъ результаты, какъ на величины только приблизительныя, и поэтому мы, не желая утомлять читателя изложеніемъ деталей, имѣемъ право ограничиться сказаннымъ, не останавливаясь на многочисленныхъ опредѣленіяхъ высотъ плоскихъ возвышенностей, которыя можно найти въ монографіи Гумбольдта.

Мы видѣли, что онъ, для исчисленія средней высоты материковъ, избралъ Европу, Азію и Америку. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что только эти части свѣта настолько изслѣдованы, что могли дать хоть приблизительно-вѣрные результаты, между тѣмъ какъ объ Африкѣ и Новой Голландіи этого нельзя сказать и въ настоящее время, не только полвѣка тому назадъ. Судя однако по даннымъ, намъ извѣстнымъ, можно предполагать, что и привлеченіе этихъ двухъ частей свѣта къ вычисленію, дало бы результатъ близко подходящій къ полученному на основаніи данныхъ, выведенныхъ изъ изслѣдованія первыхъ трехъ частей свѣта.

Въ окончательномъ результатѣ Гумбольдтъ опредѣляетъ среднюю высоту материковъ въ 300 метровъ. Цифра эта далеко уклоняется отъ цифры, найденной Лапласомъ, принимавшимъ эту высоту въ 1000 метровъ. Это значительное разногласіе объясняется, по мнѣнію Пуассона, тѣмъ, что Лапласъ основывалъ свои вычисленія на данныхъ, недостаточныхъ для того, чтобы опредѣлить отношеніе глубины моря къ излишку, пред-

ставляемому поперечникомъ экватора противу длины земной оси.

Если средняя высота материковъ гораздо незначительнѣе принимаемой Лапласомъ, то, съ другой стороны, можно предположить, что средняя глубина океановъ вѣроятно гораздо значительнѣе. Не останавливаясь надъ многочисленными измѣреніями ея, сдѣланными мореплавателями, ограничимся только крайнимъ числомъ, найденнымъ Дэнгемомъ. Онъ нашелъ, въ южной части Атлантическаго океана, глубину болѣе 43,000 футовъ. Принимая самую значительную возвышенность Гималаи въ 26,000 ф., получимъ разность высоты обоихъ крайнихъ точекъ въ 69,000 ф., что составитъ около 3-хъ геогр. миль, или нѣсколько болѣе половины разницы между поперечникомъ земли у экватора и осью ея. Несмотря на то, что до сихъ поръ тщательно изслѣдована только къ сѣверу отъ экватора лежащая часть Атлантическаго океана, можно однако предполагать, что глубина его гораздо значительнѣе, чѣмъ высота материка надъ уровнемъ моря. Проведеніе одводнаго телеграфа между Европой и Америкой не мало способствовало изслѣдованію глубины упомянутой части Атлантическаго океана. Изъ карты, которая была прислана Гумбольдту обществомъ, производившимъ зондировку дна для положенія каната, и представляла профиль дна длиною въ 25 фут., оказывается, что неровность его сравнительно очень незначительна. Средняя глубина океана не превышаетъ, по измѣреніямъ лейтенанта Берлимэна, 6000 ф., а самыя значительныя около 12,000. Далѣе къ югу, почти посрединѣ Атлантическаго океана, между Бермудами и Азорами, по изысканіямъ капитана Мори, глубина доходитъ до 5,000 саженъ, а еще южнѣе, между Америкой и Африкой, она опять уменьшается до 4,000 саж. Изъ этого оказывается, что южная часть Атлантическаго океана глубже сѣверной. Это же можно предполагать и насчетъ Великаго океана, хотя измѣренія его еще не сдѣланы, но мы можемъ это заключить изъ того обстоятельства, что волны, обыкновенно медленно текущія надъ мелкими мѣстами, отличаются въ Великомъ океанѣ значительною скоростью. Для опредѣленія глубины океановъ пользуются также волненіями, произведенными землетрясеніемъ. Къ несчастію, русскій флотъ снабдилъ науку необходимымъ для этого матеріаломъ. 23-го декабря 1854-го года погибъ, во время землетрясенія у береговъ Японіи, у Симоды, русскій фрегатъ Діана. Черезъ 12 часовъ и 16 минутъ послѣ катастрофы, волны, его поглотившія, достигли Санъ-Франциско, отстоящій отъ Симоды на 4,800 англ. миль, а черезъ 12 ч. 38 м. — Санъ-Діэго въ Калифорніи, отстоящій отъ него

на 5,200 миль. Изъ этихъ данныхъ Bache вычислилъ глубину Тихаго океана въ 14—18.000 футовъ.

Міровыя событія, оказывающія вліяніе на судьбу человѣчества, не слѣдуютъ, какъ мы видимъ изъ исторіи прошедшаго, одно за другимъ съ извѣстной хронологической правильностью. Мы знаемъ, что иногда проходитъ нѣсколько вѣковъ, не завѣщавшихъ потомству ни одной плодотворной мысли, ни одного важнаго, по своимъ послѣдствіямъ, открытія или событія. Въ другое время опять, на пространствѣ незначительнаго періода, кумулируются многознаменательныя событія. Явленія эти замѣчаются не только въ политической исторіи, но и въ наукѣ вообще, и разныхъ отрасляхъ ея въ особенности. И тутъ нерѣдко продолжительный застой смѣняется быстрымъ движеніемъ впередъ, за которымъ наступаетъ опять остановка.

Для географіи періодъ открытій, въ громадныхъ размѣрахъ, уже прошелъ. Начавшись въ половинѣ XV-го вѣка, онъ заключился въ половинѣ XVI-го, завѣщавъ потомству открытіе Америки Колумбомъ (1492 г.), открытіе пути вокругъ Африки Васко-де-Гамой (1497—1499) и первое кругосвѣтное путешествіе, предпринятое Магелланомъ и оконченное, послѣ его смерти, Себастіаномъ Эльканомъ (1519 — 1522 г.). Послѣдовавшее послѣ того открытіе (между 1615 и 1642 г.) Тасманомъ Новой Голландіи далеко не имѣетъ того значенія, какъ предшествовавшія. Съ тѣхъ поръ на долю мореплавателей осталась только развѣдка второстепенной важности; даже современное стремленіе изслѣдовать материки, лежащіе у полюсовъ, какъ ни важно оно въ научномъ отношеніи, въ практическомъ не можетъ имѣть важныхъ послѣдствій.

Извѣстно, что до начала XV-го вѣка торговые флоты итальянскихъ республикъ занимали первое мѣсто между флотами современныхъ народовъ. Но въ это время они должны были ограничить свою дѣятельность, уступивъ натиску турокъ, захватывавшихъ постепенно ихъ торговые пункты въ Левантѣ. До этого времени никто не рѣшался попытать счастія въ Атлантическомъ океанѣ; во все продолженіе среднихъ вѣковъ за нимъ была упрочена репутація моря недоступнаго, опаснаго, такъ, что никто не рѣшался пускаться вдаль отъ его береговъ. Когда господство на морѣ перешло изъ рукъ итальянскихъ республикъ въ руки португальцевъ, и затѣмъ испанцевъ, страхъ этотъ сталъ мало-по-малу исчезать и плодомъ этого, болѣе трезваго взгляда на преувеличенныя опасности океана, было открытіе острововъ Канарскихъ, Азорскихъ и Зеленаго мыса; затѣмъ они подвинулись до Гвинеи и южной оконечности Африки. Но, кромѣ вы-

годъ, которыя доставляла имъ торговля съ туземцами вновь открытыхъ странъ, португальцы старались, главнымъ образомъ, открыть прочное сообщеніе съ Индіей, «страной пряныхъ кореньевъ», которые получались до того времени черезъ Александрію, гдѣ подлежали значительной пошлинѣ.

Имъ первымъ принадлежитъ честь уничтоженія предразсудка, что Африка соединяется на югѣ съ Азіей, и что Индійскій Океанъ есть такое же замкнутое море, какъ Средиземное. Въ это же время взоры другихъ современниковъ были обращены на западъ; выходя изъ утвердившагося уже мнѣнія о шарообразной формѣ земли, они надѣялись, что, отправляясь прямо на западъ черезъ Атлантическій океанъ, можно достигнуть восточныхъ береговъ Азіи. Надежду эту питало распространенное въ ту пору ложное мнѣніе, по которому земной шаръ считали гораздо меньшимъ, чѣмъ онъ оказался въ дѣйствительности, и что восточная Азія находится гораздо ближе къ западной Европѣ, чѣмъ впослѣдствіи оказалась восточная часть Америки. Къ числу самыхъ жаркихъ приверженцевъ послѣдней теоріи принадлежалъ генуэзскій уроженецъ Христофоръ Колумбъ. Мы не станемъ и не можемъ излагать содержанія громаднаго труда Гумбольдта, подъ заглавіемъ: Examen critique de l'histoire de la géographie du nouveau continent et des progrès de l'astronomie nautique aux XV et XVI siècles, 5 volumes, Paris, 1814 — 1838, въ которомъ онъ изложилъ различныя части исторіи открытія Америки, предполагая нѣкоторые вопросы ея извѣстными, и останавливаясь только на такихъ, которые до него наука не уяснила. Мы можемъ только указать, въ главныхъ чертахъ, на характеръ этого труда, такъ какъ знакомить читателя съ историческимъ изслѣдованіемъ, исключительно основанномъ на источникахъ, почти невозможно. Укажемъ сперва на причины, которыя, по мнѣнію Гумбольдта, способствовали и подготовляли открытіе Америки. Не слѣдуетъ забывать, говоритъ онъ, что Бегаймъ, Колумбъ, Веспуччи, Гама и Магелланъ были современники Регіомонтана, Паоло Тосканелли, Родриго Фалейро, и другихъ знаменитыхъ астрономовъ, взгляды которыхъ въ наукѣ не оставались безъ вліянія на современныхъ мореходцевъ и географовъ. Великія открытія на западномъ полушаріи не были дѣломъ случая. Было бы несправедливо искать первыхъ зародышей ихъ въ инстинктивномъ стремленіи души, которымъ потомство нерѣдко объясняетъ великія открытія — плоды генія и продолжительныхъ занятій. Колумбъ и его преемники до Себастіана Фискайо, занимающіе почетное мѣсто въ лѣтописяхъ испанскаго флота, были люди необыкновенно образованные для

періода, въ которомъ они жили. Причина, почему они сдѣлали такія замѣчательныя открытія, заключается въ томъ, что они имѣли правильное понятіе о формѣ земли и величинѣ разстояній (хотя Колумбъ именно и ошибся въ послѣднемъ вопросѣ), въ томъ, что они умѣли воспользоваться трудами своихъ предшественниковъ; умѣли наблюдать господствующіе вѣтры въ различныхъ поясахъ; измѣрять колебанія магнитной стрѣлки и соображать съ ними направленіе пути; наконецъ умѣли примѣнять практически менѣе всего несовершенныя методы, выработанныя современными математиками, для направленія корабля по водянымъ пустынямъ. Естественно, морская астрономія должна была оставаться на низкой степени, пока не были изобрѣтены морскіе часы и секстанты съ зеркаломъ. При посредствѣ ихъ только и возможны были опредѣленія долготъ, неизвѣстныя древнимъ. И тутъ мы видимъ, какъ развитіе одной науки обусловливаетъ успѣхи другой, нуждающейся въ содѣйствіи вспомогательныхъ отраслей.

Гумбольдтъ, съ необыкновеннымъ запасомъ учености и трудолюбія, прослѣдилъ всѣ источники, въ которыхъ, съ древнѣйшихъ временъ, встрѣчаются извѣстія насчетъ того, что существуютъ еще страны, отдѣльно лежащія отъ материковъ древняго свѣта. Трудъ этотъ — цѣлая исторія воззрѣній на нашу планету. Онъ указалъ въ немъ, какъ господствовавшія въ разное время идеи отражались на трудахъ и стремленіяхъ ученыхъ. Прослѣдивъ этотъ ходъ умственнаго развитія до эпохи Колумба, исчерпавъ разныя, касающіяся географическихъ воззрѣній, извѣстія, разсѣянныя въ классикахъ, путешествіяхъ, преданіяхъ и даже сагахъ, онъ пришелъ къ заключенію, что эти данныя, въ особенности же сочиненія кардинала Петра Д'Эльи (d'Ailly), и переписка съ итальянскимъ астрономомъ Тосканелли, не могли не оказать сильнаго вліянія на Колумба, и что хотя мысль кругосвѣтнаго путешествія была вовсе не новою, однако смѣлость предпріятія, способъ его исполненія и даръ наблюдать окружающую природу, и изъ этихъ наблюденій выводить заключенія, всѣ эти качества, соединенныя въ Колумбѣ, дѣлаютъ его однимъ изъ величайшихъ людей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Касательно предположенія, что Колумбъ, имѣвшій случай, въ юности, посѣтить Исландію, могъ тамъ слышать о посѣщеніи норманнами теперешней Америки, Гумбольдтъ справедливо замѣчаетъ, что допустивъ даже его, заслуга Колумба отъ этого не уменьшается, такъ какъ онъ, предпринимая свое путешествіе, не руководился мыслію открыть новый материкъ,—на эту возможность онъ смотрѣлъ какъ на нѣчто второстепенное,—а глав-

нымъ образомъ онъ имѣлъ въ виду найти морской путь въ Ост-Индію по другому направленію, чѣмъ то, которое открыто было португальцами, и что Колумбъ сошелъ даже въ могилу не съ убѣжденіемъ, что онъ открылъ Новый Свѣтъ, но что онъ нашелъ новый путь въ Индію.

Во второмъ и третьемъ томѣ названнаго сочиненія Гумбольдтъ занимается, по преимуществу, разборомъ отношеній Колумба къ Америго Веспуччи, котораго упрекали и упрекаютъ еще нерѣдко теперь въ присвоеніи себѣ незаслуженной славы. Этотъ Америго четыре раза посѣтилъ Америку и первый издалъ описанія этой части свѣта, которыя были очень распространены въ ту пору, но онъ никогда и не думалъ окрестить ее своимъ именемъ. Изслѣдованія Вашингтона Ирвинга и Гумбольдта положительно доказали, что настоящее имя открытой Колумбомъ части свѣта было впервые предложено въ 1507 г. нѣкимъ Мартиномъ Вальдзее-Мюллеромъ, учителемъ географіи въ гимназіи въ Санъ-Діэ, въ Лотарингіи, впослѣдствіи книгопродавцемъ, издавшимъ вмѣстѣ съ рукописью Птолемея и четыре путешествія Веспуччи. Этотъ-то Вальдзее-Мюллеръ, или, какъ онъ по современному обыкновенію, переводившему даже собственныя имена на греческій языкъ, называетъ себя Hylacomylus, смѣшалъ флорентійскаго мореплавателя (Веспуччи) съ генуэзскимъ (Колумбомъ), какъ это случалось и въ послѣднее время съ именами Парри и Росса по поводу открытія сѣверозападнаго прохода. Имя Веспуччи, прославленнаго столькими сочиненіями объ Америкѣ, отодвинуло на второй планъ имя Колумба, но перваго нельзя изъ-за этого подозрѣвать, а тѣмъ менѣе упрекать въ зломъ умыслѣ или интригѣ, что и доказано Гумбольдтомъ на основаніи положительныхъ данныхъ. Это подтверждается еще тѣмъ, что самъ Колумбъ, и сынъ его Донъ Гернандо, такъ ревниво охранявшій доброе имя своего отца, были въ постоянныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Веспуччи, такъ, что взведенная епископомъ Ласъ-Казасъ на послѣдняго клевета, въ томъ, что онъ сознательно и преступно старался присвоить себѣ славу, принадлежащую по праву Колумбу, теперь окончательно опровергнута подробными историческими изслѣдованіями Гумбольдта.

Не менѣе интересны труды его о древнѣйшихъ картахъ Америки, но объ нихъ мы распространяться не станемъ. Въ pendant къ изслѣдованіямъ его объ исторіи географіи Америки нельзя не упомянуть объ историческихъ же изслѣдованіяхъ его о географіи Азіи, разбросанныхъ въ разныхъ томахъ его Asie centrale, но въ двухъ мѣстахъ сгруппированныхъ въ видѣ отдѣль-

ныхъ монографій. Первая изъ нихъ касается странъ, носящихъ на новѣйшихъ картахъ названія Туркестана, Персіи и Афганистана, игравшихъ роль въ исторіи отъ временъ Александра Македонскаго до послѣднихъ успѣховъ русскаго оружія. Свѣдѣнія объ нихъ находятся уже у древнѣйшихъ писателей и географовъ, и тянутся непрерывною нитью до настоящаго времени, но оріентироваться въ нихъ необыкновенно трудно. Одни проводили такія-то горы въ такомъ-то мѣстѣ; другіе направляли тѣже горы по совершенно другому направленію; одно и тоже названіе различными писателями было пріурочено къ различнымъ географическимъ предметамъ, и наоборотъ, одинъ и тотъ же предметъ зачастую обозначался различными названіями, которыя считались различными долгое время, до тѣхъ поръ, пока происхожденіе ихъ оставалось неизвѣстнымъ. При ближайшемъ же знакомствѣ съ нимъ оказывалось, что такъ различно звучащія собственныя имена суть не что иное, какъ переводъ первоначальнаго имени на другой языкъ! Въ лабиринтъ подобныхъ изслѣдованій Гумбольдтъ, съ своими глубокими лингвистическими и литературными свѣдѣніями и рѣзкой критикой фактовъ, вносилъ всегда свѣтъ, озарявшій тьму, въ которой бродили его предшественники. Что подобные труды нѣтъ возможности передать въ сокращеніи, объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Вторая монографія его, касающаяся исторіи Аральско-Каспійской мѣстности, также замѣчательна богатствомъ источниковъ, которыми онъ пользовался, и кромѣ того изложеніемъ данныхъ, которыя даютъ право думать, что рельефъ почвы этой мѣстности значительно измѣнился, и притомъ въ историческую эпоху. Такъ, на сѣверѣ Каспійскаго моря поднялось нѣсколько новыхъ острововъ, между тѣмъ какъ прежніе покрыты водою; на полуостровѣ Баку можно заключать по сохранившимся развалинамъ о колебаніи почвы. Землетрясенія измѣнили рельефъ Хивы, и Гумбольдтъ соглашается съ Мейендорфомъ, утверждавшимъ, что онѣ измѣнили и направленіе Окса. Гумбольдтъ пришелъ къ заключенію, что въ до-историческія времена вся арало-каспійская низменность состояла въ непосредственной связи съ Ледовитымъ океаномъ; во времена Геродота и македонскаго похода нынѣшнее Аральское море представляло громадный разливъ Окса, который вливался въ скиѳскій заливъ, теперь высохшій, и прежде составлявшій восточную часть Каспійскаго моря. Въ позднѣйшее время Оксъ раздѣлился на два рукава, изъ которыхъ одинъ направлялся въ Аральское, другой—въ Каспійское море. Русло послѣдняго съ XVI-го вѣка изсохло; Оксъ течетъ теперь однимъ рукавомъ въ Аральское море. Такимъ образомъ, въ срав-

нительно недавнее время, послѣдовало раздѣленіе этой мѣстности на двѣ водяныя системы.

Изъ этихъ намековъ видно уже, какою необыкновенною начитанностью, какимъ знакомствомъ съ древнѣйшею и новѣйшею литературою географіи долженъ былъ отличаться авторъ подобныхъ историко-географическихъ изслѣдованій. Онъ примѣнилъ ихъ къ двумъ мѣстностямъ, названнымъ выше. Дальнѣйшее примѣненіе ихъ, но уже не къ отдѣльнымъ странамъ, указаніе историческаго хода, показывающее, какъ родъ человѣческій, въ постепенномъ развитіи, дошелъ до настоящаго знанія формы земли и распредѣленія на ней твердыхъ и жидкихъ частей, составляетъ предметъ второго тома его «Космоса».

Возвращаясь отъ этого историко-географическаго отступленія, обусловленнаго однако дѣятельностью Гумбольдта, въ область естественныхъ наукъ, мы должны напомнить читателю о сказанномъ въ предыдущей статьѣ—о томъ именно, какъ напластованіе осадочныхъ формацій послужило средствомъ опредѣленія относительной древности отдѣльныхъ пластовъ, и какъ Гумбольдтъ отвѣтилъ на вопросъ относительно послѣдовательности отдѣльныхъ формацій. Въ непосредственной связи съ этимъ отвѣтомъ находится одинъ изъ важнѣйшихъ успѣховъ геологіи, которымъ наука обязана Эли де-Бомону (Elie de Beaumont), именно, средство опредѣлять относительную древность не пластовъ, а горныхъ цѣпей. Французскій ученый предполагаетъ напластованіе отдѣльныхъ слоевъ земной коры извѣстнымъ и кромѣ того пользуется, какъ новымъ средствомъ опредѣленія, ихъ наклоненіемъ. Такъ какъ каждый слой осѣлъ горизонтально, то естественно, что тамъ, гдѣ мы видимъ наклоненіе его, причина послѣдняго должна была дѣйствовать уже *послѣ* осажденія. Причиной наклоненія слоя можетъ быть только мѣстное поднятіе его. Если на горизонтально лежащій слой послѣдуетъ сильное давленіе снизу, то слой этотъ будетъ разорванъ, образуетъ трещину, изъ которой выйдутъ наружу силы, ее образовавшія, а по краямъ этой трещины распредѣлятся разорванныя части слоя, и притомъ въ такомъ порядкѣ, что онѣ тамъ будутъ выше, гдѣ сила давленія снизу была сильнѣе, а тамъ, гдѣ давленія не было, прорванный слой сохранитъ свое первоначальное горизонтальное положеніе; другими словами: поднятыя части будутъ наклонены. Такимъ образомъ образуются горы. Направленіе трещины даетъ направленіе горной цѣпи; трещина, какъ показываютъ намъ наблюденія, заполнена кристаллической породой, по обѣимъ сторонамъ которой расположены слои, наклоняющіе свои оконечности къ трещинѣ такимъ образомъ, что

слои, бывшіе прежде, т.-е. до поднятія, самыми верхними, теперь сдѣлались самими внѣшними, наружными, самыми отдаленными отъ кристаллической породы. Если, при поднятіи земной коры, извѣстный слой наклоняется, то понятно, что онъ предварительно долженъ былъ существовать въ этомъ мѣстѣ; слѣдовательно поднятый и наклоненный слой древнѣе горной цѣпи и послѣдняя новѣе самаго новаго изъ поднятыхъ слоевъ. Иногда случается, что на сторонѣ, обращенной наружу отъ трещины, т.-е. отъ теперешняго хребта горы, встрѣчается еще, послѣ послѣдняго наклоненнаго слоя (назовемъ его А) ненаклоненный горизонтальный слой В. Въ этомъ случаѣ эпоха поднятія можетъ быть опредѣлена еще точнѣе; она, конечно, послѣдовала послѣ образованія А и до образованія В, такъ, что гора, поднявшая и В, должна быть не такъ древнею, какъ предшествовавшая. Словомъ, чѣмъ больше поднятыхъ слоевъ, тѣмъ позднѣе послѣдовало поднятіе, тѣмъ новѣе гора!

Разработывая далѣе теорію Эли де-Бомона, Араго различалъ четыре формаціи, соотвѣтствовавшія различной древности, и примѣняя ихъ къ строенію европейскихъ горъ, опредѣлилъ ихъ относительную древность. Выходя изъ положенія, что присутствіе слоя, заключающаго окаменѣлости морскихъ животныхъ, указываетъ на то, что мѣстность, во время ея образованія, была покрыта моремъ, де-Бомону удалось даже составить карты, показывающія распредѣленіе водъ и суши на поверхности земного шара въ разные періоды его развитія.

Уже Вернеръ замѣтилъ, что всѣ рудоносныя жилы, имѣющія одинаковый составъ, направляются, въ одной и той же мѣстности, по одному и тому же направленію. Изъ этого онъ заключилъ, что эти параллельныя жилы суть трещины, въ одно и тоже время возникшія и наполнившіяся рудою, и кромѣ того, что въ данной мѣстности можно отличать столько различныхъ эпохъ образованія жилъ, сколько въ ней встрѣчается различныхъ линій направленія жилъ. Такъ какъ цѣпи горъ тоже представляютъ, въ огромномъ размѣрѣ, трещины земной коры, черезъ которыя поднявшіяся массы вышли наружу, то изъ этого можно заключить, что параллелизмъ этихъ громадныхъ трещинъ тоже указываетъ на одновременное ихъ происхожденіе, и, напротивъ, изъ разнообразности ихъ направленія можно заключить о неодновременности ихъ возникновенія. Эли де-Бомонъ воспользовался этимъ для опредѣленія, при посредствѣ параллелизма направленій, древности горъ. При посредствѣ этой теоріи ему удалось отыскать въ Европѣ около двадцати разнообразныхъ направленій поднятія, изъ чего онъ заключилъ, что

въ нашей части свѣта произошло, разновременно, столько же поднятій, и потому европейскія горы и страны ее составляющія представляютъ столько же разнообразныхъ геологическихъ возрастовъ. Сравнивая обѣ теоріи Эли де-Бомона, предложенныя имъ для опредѣленія древности горъ, нельзя не признать за послѣднимъ методомъ особенной легкости исполненія, хотя, съ другой стороны, критерій при посредствѣ наклоненія слоевъ гораздо вѣрнѣе, но за то и гораздо труднѣе.

Гумбольдтъ, вслѣдъ за появленіемъ (въ 1830 г.) послѣдней методы Бомона, воспользовался ею для опредѣленія относительной древности изслѣдованныхъ имъ горъ.

Кромѣ того, къ этой же эпохѣ его жизни относятся и его изслѣдованія о вулканахъ, на которые Гумбольдтъ смотрѣлъ, какъ на плодъ непрерывныхъ сообщеній внутренности земного шара, находящейся въ расплавленномъ состояніи, съ атмосферою. Потоки лавы, говоритъ Гумбольдтъ, бьютъ какъ перемежающіеся ключи растопленныхъ каменьевъ, а самые пласты лавы, наслоившіеся одинъ надъ другимъ, какъ будто повторяютъ, въ небольшихъ размѣрахъ, то, что мы видимъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, въ различныя эпохи образованія земли, при образованіи кристаллическихъ породъ. На гребнѣ Кордильеровъ, на югѣ Европы и въ центрѣ Азіи замѣтна тѣсная связь между химическимъ дѣйствіемъ настоящихъ и, такъ-называемыхъ, грязныхъ или илистыхъ вулкановъ. Даже тѣ вулканы, которые извергаютъ камни, и которыхъ формы и положенія — незначительныя высоты ихъ кратера и стѣны, несдвигающіяся въ видѣ плоскихъ возвышенностей, — не мѣшаютъ свободному изліянію лавы, состоятъ въ связи съ илистыми вулканами южной Америки, Италіи, Крыма и Каспійскаго моря. Послѣдній видъ огнедышащихъ горъ извергаетъ въ началѣ каменныя глыбы, огонь и пары; затѣмъ, въ періодъ болѣе спокойной дѣятельности, они выкидываютъ изъ себя илистую глину, нефть и удушливые газы —углекислоту, смѣшанную съ водородомъ и чистый азотъ. Дѣятельность вулкановъ въ тѣсномъ смыслѣ представляетъ ту же связь между продолжительно или медленно возникающими образованіями. Въ нихъ находимъ: залежи гипса, каменной, безводной соли, вмѣстѣ съ нефтью, сѣрнистымъ желѣзомъ и нерѣдко съ свинцовымъ блескомъ. Вулканы находятся въ связи съ горячими ключами, мѣсторожденіями металловъ, накопившимися въ разныя эпохи, при поднятіи земной коры по направленію снизу вверхъ. Въ непосредственной связи съ вулканическою дѣятельностью находятся и землетрясенія, дѣйствіе которыхъ не всегда динамическаго свойства, такъ какъ одновременно за-

мѣчаются въ нихъ и химическіе процессы: развитіе удушливыхъ газовъ, дымъ и явленія свѣта. Сюда Гумбольдтъ относитъ и поднятія острововъ, горъ, береговъ; поднятія, совершающіяся иногда внезапно, иногда же медленно, такъ, что онѣ могутъ быть замѣчены только послѣ истеченія продолжительнаго времени.

Эта тѣсная связь между столькими разнообразными явленіями, объясненіе вулканической дѣятельности воздѣйствіемъ внутреннихъ силъ земли на наружную кору ея, уяснило, въ послѣднее время, множество геогностическихъ и физическихъ вопросовъ, которые прежде считались неразрѣшимыми. Изъ аналогіи съ явленіями, которыя были точно изслѣдованы въ различныхъ точкахъ земного шара, мы имѣемъ теперь возможность составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, что совершилось въ до-историческія времена. Вулканизмъ видоизмѣняется вмѣстѣ съ охлажденіемъ внутренности земли, по причинѣ различнаго состоянія тѣлъ (капельножидкаго и газообразнаго), въ которомъ она находится. Это дѣйствіе изнутри наружу въ настоящее время очень ослабѣло: оно ограничивается теперь незначительнымъ числомъ мѣстъ; оно часто прекращаетъ на время свою дѣятельность; не такъ часто какъ прежде мѣняетъ свое мѣсто; его химическіе процессы упростились значительно; оно образуетъ скалы только вокругъ сравнительно незначительныхъ круглыхъ отверстій, или небольшихъ продолговатыхъ трещинъ, на большихъ же пространствахъ оно потрясаетъ землю только динамически — въ прямомъ направленіи, или же въ предѣлахъ извѣстныхъ областей (т.-н. круговъ одновременныхъ колебаній), которые въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ не измѣняются. Въ эпоху до-историческую внутренность земли дѣйствовала на кору незначительной толщины; тогда она должна была оказывать вліяніе на теплоту воздуха, и способствовать возможности обитанія всего земного шара для такихъ животныхъ, которые теперь живутъ исключительно подъ тропиками. Съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе охлажденія поверхности земли, испусканія изъ нея теплорода, условія климатовъ подъ различными широтами нашей планеты опредѣляются уже другими данными: положеніемъ ея къ центральному тѣлу—солнцу. Въ эту же до-историческую эпоху эластическія жидкости, или вулканическія силы, которыя были гораздо сильнѣе теперешнихъ, вырываясь наружу черезъ неотвердѣвшую окончательно кору нашей планеты, образовали не только трещины, но наполнили ихъ неправильными массами необыкновенной плотности: базальтами, содержащими желѣзо, мелафирами, скопившимися металлами. Вещества эти попали въ

кору земную уже послѣ отвердѣнія ея и когда она уже получила сплюснутую форму. Ускоренія въ движеніяхъ маятника, замѣчаемыя въ нѣкоторыхъ точкахъ земли, показываютъ нерѣдко болѣе значительное сплюснутіе, чѣмъ можно было бы предполагать изъ сочетанія тригонометрическихъ измѣреній и изъ теоріи движеній луны.

Изъ приведенныхъ выше выдержекъ изъ Fragments asiatiques и Asie centrale Гумбольдта, видно, что онъ сдѣлался теперь однимъ изъ самыхъ жаркихъ послѣдователей вулканической теоріи. Благодаря вліянію его и его друга Леопольда фонъ-Буха, перешедшаго, послѣ посѣщенія вулкановъ Оверни, тоже въ лагерь вулканистовъ, теорія эта быстро стала распространяться между геологами.

Давно уже было замѣчено, что огнедышащія горы не только во время изверженія, но даже во время покоя, испускаютъ изъ себя водяные пары. Обстоятельствó это, равно какъ и наблюденіе, долго остававшееся безъ исключенія, что вулканы находятся на берегу морей, навело на мысль, что морская вода, проникая черезъ трещины, образовавшіяся во время поднятій земной коры, приходитъ въ соприкосновеніе съ расплавленными и раскаленными массами вулкановъ, превращается, отъ этого соприкосновенія, въ пары, которые, если имъ закрытъ возвратный путь черезъ тѣ же трещины, въ которыя проникла прежде вода, ищутъ иного исхода.

Пока они его не находятъ, мы слышимъ глухіе раскаты внутри нашей планеты, сказывающіеся нерѣдко землетрясеніями, причемъ иногда скалы трескаются и черезъ образовавшіяся разсѣлины исходятъ водяные пары. Чѣмъ большее время пары не находили исхода, тѣмъ разрушительнѣе ихъ прорывъ. Обыкновеннымъ мѣстомъ исхода служитъ вулканъ, представляющій не вполнѣ закрытое сообщеніе между поверхностью и внутренностью земли. Когда пары нашли себѣ такимъ образомъ исходъ, планета наша вновь можетъ пользоваться покоемъ, и послѣ сильнаго изверженія прекращаются, въ большей части случаевъ, землетрясенія. Пары, найдя, путемъ вулкана, исходъ наружу, встрѣчая на этомъ пути расплавленныя массы, поднимаютъ ихъ и даже уносятъ наружу, гдѣ они распространяются черезъ отверстіе вулкана, кратеръ, вокругъ его въ видѣ лавы, застывающей и твердѣющей послѣ окончательнаго охлажденія. Иногда случается, что вулканъ очень высокъ, а стѣнки его черезъ чуръ толсты, такъ, что пары не въ силахъ прорвать ихъ; тогда пары эти ищутъ исхода въ другихъ мѣстахъ, и чѣмъ больше кора земная представляетъ имъ

сопротивленія, тѣмъ сильнѣе бываютъ обусловленныя этимъ землетрясенія.

Противъ этой простой и естественной теоріи можно однакожъ возразить: почему вода, превратившаяся внутри земли въ пары, не уходитъ обратно тѣмъ же путемъ, которымъ она проникла внутрь? Если это невозможно, то неужели этому мѣшаютъ клапаны, на подобіе находящихся въ нашихъ насосахъ, пропускающіе жидкость снаружи внутрь, но не обратно? Подобное предположеніе, конечно, не можетъ имѣть мѣста. Съ другой стороны возможно, что давящія вещества тогда только легко проникаютъ въ вулканы, когда послѣдніе находятся не въ дальнемъ разстояніи отъ отверстій въ морѣ; но чѣмъ дальше это разстояніе, тѣмъ затруднительнѣе это будетъ. Допустивъ даже, что пары найдутъ себѣ исходъ, можно бы предположить, что потрясеніе можно замѣтить по всей длинѣ пролагаемаго ими пути, и что изъ потрясенія на поверхности земли можно бы заключить о существованіи пещеръ внутри ея. Но подобное заключеніе оказалось бы ошибочнымъ. Гумбольдтъ, первый обратившій вниманіе на вулканы внутри материковъ, несмотря на свое сочувствіе вулканической теоріи, былъ также первымъ ученымъ, поставившимъ ей, въ той формѣ, которая изложена выше, затрудненія. Онъ говоритъ, въ своей Asie centrale, объ этихъ вулканахъ; они находятся въ этой части свѣта, и кромѣ того, въ Америкѣ, хотя здѣсь они и не такъ удалены отъ береговъ моря, какъ въ Азіи. Главнѣйшія вулканическія отверстія центральной Азіи, на которыя Гумбольдтъ впервые обратилъ вниманіе и собралъ относящіеся къ нимъ матеріалы, суть: Пэ-шанъ, Урумци (объ немъ были собраны свѣдѣнія и нашимъ соотечественникомъ П. П. Семеновымъ) и вулканъ между Турфаномъ и Пидьяномъ,—всѣ принадлежащія Ціанъ-Шану; менѣе значительныя встрѣчаются въ Кюэнъ-Люнѣ и Манджуріи.

Гумбольдтъ неоднократно занимался Каспійскимъ моремъ и его окрестностями. Несмотря на то, что на земномъ шарѣ встрѣчаются и другія мѣстности, лежащія еще ниже уровня моря (напр., Мертвое море), но ни одна изъ нихъ не представляетъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ Каспійское. Бассейнъ его отдѣленъ отъ Ледовитаго океана только незначительнымъ возвышеніемъ у Тобольска. Не будь его, на это море можно было бы смотрѣть, какъ на заливъ этого океана, какимъ теперь представляется Бѣлое море. Изъ множества соляныхъ озеръ, окружающихъ Каспійское море, Гумбольдтъ заключаетъ, что въ этой мѣстности существовало громадное Средиземное море, мало-по-

малу, вслѣдствіе недостатка протоковъ, высыхавшее путемъ испаренія и уменьшившееся до настоящихъ размѣровъ.

Онъ не отвергалъ возможности вулканическаго происхожденія нѣкоторыхъ частей каспійской низменности, въ каковомъ предположеніи поддерживало его присутствіе тамъ мѣстъ, выдѣляющихъ газы, между которыми горючіе (углеводороды) играютъ главную роль, хотя нерѣдко вмѣстѣ съ ними появляется на поверхности земли и глинистый илъ. Извѣстны на Апшеронскомъ полуостровѣ, возлѣ Баку, горящіе ключи огнепоклонниковъ. Подобные существуютъ и внутри Китая, равно какъ и въ Японіи.

Гумбольдтъ собралъ также всѣ данныя для опредѣленія полосы землетрясеній въ Азіи. Изъ нихъ онъ вывелъ заключеніе, что землетрясенія въ этой части свѣта происходятъ въ двухъ направленіяхъ: линейномъ, или, начинаясь въ одной точкѣ, расходятся онъ нея по направленіямъ радіусовъ. Первыя происходятъ, большею частію, вдоль большихъ цѣпей горъ, проявляясь по обоимъ склонамъ ихъ, или только съ одной ихъ стороны, указывая такимъ образомъ трещину, изъ которой во время óно поднялись горы.

Упомянутыя выше явленія, обусловленныя воздѣйствіемъ внутреннихъ силъ земного шара на его поверхность, впервые подробно разработанныя Гумбольдтомъ въ его Asie centrale, получили еще большую законченность въ его «Космосѣ», въ первомъ, и въ особенности въ четвертомъ томѣ его. Тутъ онъ подробно указываетъ, что внутренность земного шара, несмотря на охлажденіе его поверхности, находится еще и теперь въ расплавленномъ состояніи. Это находитъ подтвержденіе въ возвышеніи температуры по мѣрѣ удаленія отъ поверхности земли внутрь ея, что можно замѣтить уже въ рудникахъ; это же доказываютъ и горячіе ключи, бьющіе изъ земли. Внутренній жаръ земного шара воздѣйствуетъ на его поверхность: динамически,— посредствомъ землетрясеній; возвышенною температурою ключей; изверженіемъ эластическихъ жидкостей, иногда сопровождающимися явленіями самовоспламененія; наконецъ, вулканическою дѣятельностью, извергающею, черезъ трещины коры земной, расплавленныя массы внутренности нашей планеты. Къ существеннымъ признакамъ землетрясенія Гумбольдтъ относитъ: измѣненія въ пространствѣ, сотрясеніе, поднятіе, образованіе трещинъ; иногда къ нимъ присоединяются подземный гулъ и развитіе газовъ и паровъ. При этомъ онъ различаетъ: первоначальный ударъ, вѣроятнѣе всего снизу, и волнообразно распространяющееся сотрясеніе земли. Причину землетрясеній и вулканическихъ изверженій Гумбольдтъ принимаетъ общую, хотя не всегда считаетъ однѣ пропорціональ-

ными другимъ. Онъ различаетъ, относительно дѣйствія, три рода землетрясеній: къ первому роду онъ относитъ такія, которыя, будучи ограничены небольшимъ пространствомъ, порождаются дѣятельностью вулкановъ. Такого рода землетрясенія Гумбольдтъ имѣлъ случай лично наблюдать у кратера Везувія. Передъ каждымъ изверженіемъ его, въ правильныхъ промежуткахъ 20-ти секундъ, онъ чувствовалъ подъ собою сотрясенія, не распространявшіяся далѣе кратера.

Второго рода землетрясенія сопровождаютъ или предшествуютъ сильнымъ изверженіямъ вулкановъ; тутъ послѣдніе играютъ роль предохранительныхъ клапановъ. Землетрясенія прекращаются послѣ сильнаго изверженія. Къ третьему роду землетрясеній Гумбольдтъ относитъ обширныя опустошенія, производимыя на поверхности земли, не оказывающія, однако, никакого вліянія на близлежащіе вулканы. Они лучше всего доказываютъ существованіе общей причины, которую слѣдуетъ искать въ термическихъ условіяхъ внутренности нашей планеты.

Дождевая вода, снѣгъ, роса, опускаясь на землю, проникаютъ внутрь ея и собираются тамъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ ея, откуда проявляются наружу въ видѣ ключей. Естественно, что они принимаютъ температуру пластовъ земли черезъ которые они протекаютъ, такъ, что по температурѣ ключей можно опредѣлить температуру земли, изъ которой они вытекаютъ.

Вода, прежде чѣмъ польется наружу, можетъ опускаться на значительную глубину и испытать на себѣ вліяніе значительной температуры, хотя и нѣсколько охлажденною на обратномъ пути, можетъ появиться на поверхности земли въ видѣ горячихъ ключей. Извѣстно, что это не противорѣчитъ законамъ гидростатики, по которымъ необходимо только, чтобы точка истеченія жидкости находилась ниже точки самаго высокаго уровня ея. Доказательствомъ того, что горячіе ключи бьютъ изъ значительной глубины служитъ и то обстоятельство, что температура артезіанскихъ ключей тѣмъ выше, чѣмъ глубже они. Опыты показали, что на каждые 91—99 футовъ углубленія температура ихъ воды поднимается на 1 градусъ Цельзія. Если горячій ключъ на пути своемъ встрѣчаетъ внутри земли разные газы, то, насыщаясь ими, онъ получаетъ характеръ минеральнаго источника. Изучивъ подробно вулканическую дѣятельность на низшей ея ступени, какъ она проявляется въ такъ-называемыхъ газовыхъ источникахъ (такъ Гумбольдтъ предложилъ замѣнить ведущее къ заблужденію итальянское слово Salsa), и всѣ химическія вещества, которыя при этомъ играютъ роль, онъ переходитъ къ подробному изученію высшаго проявленія вулканической дѣятельности—къ настоящимъ

вулканамъ, которые извергаютъ изъ себя не только газообразныя, но и твердыя вещества въ расплавленномъ состоянiи, въ формѣ лавы, шлаковъ, золы, изъ неизмѣримой глубины. При этомъ онъ вооружается противъ общераспространеннаго обычая, смѣшивающаго вулканы съ огнедышащими горами, приписывающаго первымъ форму возвышенностей, отдѣльно стоящихъ, съ круглымъ овальнымъ отверстiемъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности существуютъ вулканы, растянутые на протяженiи нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ миль, съ многочисленными отверстiями, которые, несмотря на это, представляютъ все-таки одинъ вулканъ. Къ такого рода вулканамъ Гумбольдтъ относитъ: средину мексиканской плоской возвышенности, Кордильеры Новой-Гранады и Квито; часть Кавказа между Казбекомъ, Эльбрусомъ и Араратомъ. Гумбольдтъ, въ основанiи своей теорiи вулкановъ принимаетъ предположенiе, что на внутренней сторонѣ земной коры существуютъ трещины, посредствомъ которыхъ и совершается сообщенiе между внутренностью земного шара и наружною стороною его поверхности, хотя большая часть этихъ трещинъ снаружи закрыта, и только нѣкоторыя мѣста ихъ открыты, или слабо соединены. Въ этихъ-то мѣстахъ и происходятъ обыкновенно изверженiя. Поднятiе слоевъ земной коры подъ вулканомъ совершается по тѣмъ же законамъ, какъ поднятiе горъ вообще, и самъ вулканъ, въ большей части случаевъ (но не всегда), представляетъ форму конуса или колокола. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнiю высотъ вулкановъ, формы ихъ, частаго или рѣдкаго изверженiя ихъ, распредѣленiя ихъ на земной поверхности, Гумбольдтъ останавливается на еще дѣйствующихъ, и уже потухшихъ вулканахъ, причемъ возвращается въ «Космосѣ» къ обстоятельству, упомянутому выше, къ тому именно, что большая часть ихъ находится вблизи морей. Механическiя, или вѣрнѣе динамическiя причины, образующiя трещины, черезъ которыя морская вода проникаетъ внутрь земли и приходитъ въ соприкосновенiе съ расплавленными частями ея, Гумбольдтъ искалъ объяснить образованiемъ морщинъ, складокъ верхнихъ частей земной коры, поднятiемъ континентовъ, а также меньшей толщиною, мѣстами, самой коры. Онъ предполагалъ, что по краямъ поднимающихся материковъ, тамъ, гдѣ теперь находятся побережья ихъ, образующiя болѣе или менѣе сильные склоны, вмѣстѣ съ одновременнымъ пониженiемъ дна морского, легче всего должны образоваться трещины, черезъ которыя морская вода приходитъ въ соприкосновенiе съ внутренностью земли. Ничего подобнаго не можетъ произойти въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ этихъ поясовъ опусканiя материка, или вѣрнѣе—

дна океана, на хребтѣ возвышенностей. Предположеніе это находитъ себѣ еще подтвержденіе въ томъ, что вулканы тянутся вдоль морскихъ береговъ параллельными кругами, часто въ два, три ряда, соединенные нерѣдко поперечными возвышенностями, образующими горные узлы. Нерѣдко рядъ вулкановъ, ближайшій теперешнему берегу, дѣйствуетъ еще, между тѣмъ какъ ряды вулкановъ болѣе отдаленныхъ отъ нихъ уже потухли, или только изрѣдка проявляютъ свою дѣятельность. Изъ сказаннаго видно, что Гумбольдтъ не рѣшался высказать своего мнѣнія насчетъ исконной причины вулканической дѣятельности, а ограничивался только указаніемъ обстоятельствъ, при которыхъ она чаще всего проявляется.

Наблюденія надъ магнетизмомъ земли тоже занимали Гумбольдта послѣ возвращенія его изъ Парижа въ Берлинъ. Для полученія возможно-вѣрныхъ результатовъ построенъ былъ, въ саду Мендельсона-Бартольди, домъ, въ которомъ не было и слѣда желѣза, которое могло бы повліять на вѣрность результатовъ. Тутъ совершались постоянныя наблюденія, и въ извѣстные дни, впередъ опредѣленные, Гумбольдтъ дѣлалъ ихъ одновременно съ Рейхомъ, находившимся въ фрейбергскомъ рудникѣ, ежечасныя наблюденія надъ уклоненіями магнитной стрѣлки. Въ результатѣ эти совмѣстныя наблюденія показали, что фрейбергская и берлинская стрѣлка двигались однообразно.

Расширяя эти наблюденія во времени и пространствѣ, Гумбольдтъ предложилъ, въ заранѣе опредѣленные дни, дѣлать ихъ, ежечасно, кромѣ Берлина и Фрейберга, еще въ Казани и Николаевѣ. Онѣ тоже показали, что и предшествовавшіе, при правильныхъ и даже при неправильныхъ движеніяхъ стрѣлки, условленныхъ вліяніемъ сѣверныхъ сіяній, грозъ и т. п. Благодаря Гумбольдту наука обогатилась важнымъ результатомъ, именно: что магнитныя явленія зависятъ не только отъ мѣстныхъ условій, но что въ движеніи стрѣлки въ данномъ мѣстѣ отражается состояніе земного шара, или по крайней мѣрѣ значительной части его. Во время путешествія своего по Сибири Гумбольдтъ тоже собралъ богатые матеріалы для земного магнетизма, появившіеся въ лѣтописяхъ Поггендорфа и въ Relation historique. Къ этому же времени относятся и замѣчательные труды другихъ ученыхъ. Почти одновременно съ Гумбольдтомъ неутомимый Ганстеенъ изучалъ земной магнетизмъ въ разныхъ пунктахъ Сибири. Пополняя свои наблюденія трудами Гумбольдта, Росселя, Сабина, Франклина, Эрмана, онъ составилъ (въ 1833) первую карту, показывающую точки земного шара, которыя представляютъ одинаковое магнитное напряженіе; онѣ обозначены здѣсь линіями, че-

резъ нихъ проведенными—изодинамами. Здѣсь за единицу напряженія принято то напряженіе, которое, какъ было упомянуто выше, найдено было Гумбольдтомъ въ Перу у магнитнаго экватора, хотя оно, какъ оказалось впослѣдствіи, не выражаетъ собою minimum'a напряженія, найденнаго на земномъ шарѣ. Сабинъ нашелъ, но уже послѣ Гумбольдта, черезъ 14 лѣтъ, что на востокъ отъ Бразиліи, до Борнео, напряженіе меньше найденнаго Гумбольдтомъ въ Перу, и что абсолютный minimum его находится, по всей вѣроятности, вблизи Св. Елены. Конечно, еслибы Гумбольдту былъ извѣстенъ этотъ фактъ, то онъ, безъ сомнѣнія, принялъ бы напряженіе по сосѣдству Св. Елены за единицу, которое, какъ сначала предполагали, представляетъ самую малую величину его. Какъ ни незначителенъ кажется, въ практическомъ отношеніи, вопросъ о томъ, какая величина магнетизма будетъ принята за единицу напряженія, въ научномъ отношеніи онъ необыкновенно важенъ. Конечно, за исходную единицу можно принять любую величину; необходимо только, чтобы первообразъ ея, или хорошіе снимки съ него, оставались всегда неизмѣнными. Такъ, Гумбольдтъ, опредѣляя магнетизмъ у экватора, нашелъ, что его магнитная стрѣлка дѣлаетъ тамъ извѣстное число колебаній въ опредѣленное время, что число этихъ колебаній увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ экватора. Стрѣлку эту онъ привезъ благополучно въ Парижъ. Тутъ она была сравнена съ другими и затѣмъ эти послѣднія можно было употреблять, для сравненія, точно также какъ первую, принадлежавшую Гумбольдту. Предположимъ однако, что отъ высокой температуры, или заржавленія, она измѣнилась бы настолько, что стала бы показывать иначе. Это было бы все равно, еслибы Гумбольдтъ утратилъ свою стрѣлку: тогда всѣ сдѣланныя имъ магнитныя наблюденія не имѣли бы никакой цѣны, такъ какъ масштабъ для сравненія ихъ съ другими не существовалъ бы болѣе.

Такъ какъ магнитная стрѣлка очень легко измѣняетъ свой магнетизмъ, а съ этимъ вмѣстѣ и количество колебаній, то изъ этого уже явствуетъ, какъ важно имѣть возможность во всякое время повѣрить этотъ инструментъ—не произошло ли въ немъ какого-либо измѣненія. Знаменитому Гауссу наука обязана возможностью, во всякое время, произвести эту провѣрку. Онъ показалъ, что изъ вліянія, оказываемаго одной стрѣлкой на другую, находящуюся подъ вліяніемъ земного магнетизма, можно вычислить, что̀ изъ замѣчаемыхъ явленій составляетъ принадлежность земли, и что̀ — магнитной стрѣлки. Этой громадной услугѣ, оказанной Гауссомъ наукѣ, послѣдняя обязана тѣмъ, что наблюдатель можетъ теперь спокойно довѣрять своей стрѣлкѣ,

не опасаясь, что вслѣдствіе измѣненій, въ ней происшедшихъ, онъ сдѣлалъ невѣрныя наблюденія, которыя, послѣ значительной затраты времени и труда, оказываются никуда негодными. Если наблюдатель знаетъ, сколько онъ, при извѣстномъ наблюденіи, долженъ отнести насчетъ земного магнетизма, то тутъ все сводится только на то, какую единицу мѣры онъ долженъ при этомъ принять для измѣренія. Еслибы онъ желалъ принять за эту единицу то дѣйствіе, которое найдено было Гумбольдтомъ въ Перу, то онъ встрѣтилъ бы трудно преодолимое затрудненіе: такъ какъ магнитная сила измѣняется и во времени, то та, которую измѣрилъ когда-то Гумбольдтъ, давно уже не существуетъ: Изъ этого слѣдуетъ необходимость найти такую единицу мѣры, которую можно бы всегда возстановить, еслибы даже прошло много времени отъ послѣдняго сдѣланнаго наблюденія. Такая единица есть абсолютная, въ противоположность произвольно принятой (какъ, напр., это сдѣлалъ Гумбольдтъ), относительной. Такая абсолютная, единица и найдена была Гауссомъ. Мы заключаемъ о величинѣ извѣстной силы изъ дѣйствія, которое она оказываетъ, и если сила порождаетъ движеніе извѣстнаго тѣла, то мы заключаемъ, что сила тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе масса этого тѣла, и чѣмъ больше скорость, съ которою она движется въ данное время. Гауссъ вычислилъ, по колебаніямъ магнитной стрѣлки, силу, необходимую для произведенія ихъ, и принялъ за единицу магнетизма такую, которая въ состояніи сообщить тѣлу, вѣсомъ въ одинъ миллиграммъ, послѣ воздѣйствія въ теченіи одной минуты, скорость одного миллиметра. Пока ученые знаютъ, сколько вѣситъ миллиграммъ, и какому протяженію равенъ миллиметръ, до тѣхъ поръ будетъ извѣстна сила, принятая Гауссомъ за единицу магнитнаго напряженія.

Ганстеенъ объяснялъ явленія земного магнетизма предположеніемъ, что земной шаръ дѣйствуетъ такимъ образомъ, какъ будто внутри его находятся два магнита, вращающіеся въ теченіи столѣтія. Теорія эта могла объяснить только вѣковыя измѣненія, но не постоянныя періодическія. Поэтому Мозеръ утверждалъ, что земной магнетизмъ разлитъ по поверхности нашей планеты, а не находится внутри ея; причемъ онъ обращалъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что такъ какъ, по наблюденіямъ, внутренность земли представляетъ высокую температуру, а она, какъ извѣстно, ослабляетъ магнитную силу, то уже это одно обстоятельство дѣлаетъ невозможнымъ присутствіе значительнаго количества земного магнетизма внутри нашей планеты. Гипотеза эта легко объясняетъ періодическія измѣненія. Слѣдя за уклоненіемъ магнитной стрѣлки мы видимъ, что сѣверный полюсъ

ея, съ утра до полудня, движется съ востока на западъ, а потомъ совершаетъ обратное движеніе. Когда поутру солнце стоитъ на востокѣ, то къ востоку лежащія страны, гдѣ время уже позже, чѣмъ въ лежащихъ на западъ, будутъ согрѣты солнцемъ сильнѣе, чѣмъ послѣднія, гдѣ еще ночь. Поэтому въ этихъ послѣднихъ магнетизмъ и будетъ сильнѣе, и господствующая въ нашемъ полушаріи (какъ находящаяся ближе къ соотвѣтствующему ей полюсу) сѣверная оконечность стрѣлки, направляется къ западу; съ полудня страны, лежащія къ западу, теплѣе и потому стрѣлка опять возвращается на востокъ. На южномъ полушаріи, гдѣ преобладаетъ южная оконечность стрѣлки, мы видимъ точно такое же, только въ противоположномъ направленіи совершающееся движеніе ея. Въ явленіяхъ этихъ нельзя не видѣть связи между магнетизмомъ и теплотою.

Упомянутыя выше наблюденія Гумбольдта и Рейха оказали сильное вліяніе на изученіе магнетизма. Гауссъ, величайшій математикъ XIX-го столѣтія, также не мало способствовавшій успѣхамъ ученія о земномъ магнетизмѣ, упоминая о замѣченныхъ Араго измѣненіяхъ магнитной стрѣлки вслѣдствіе вліянія сѣверныхъ сіяній, допускалъ, что нѣкоторыя измѣненія стрѣлки, найденныя Гумбольдтомъ, можно, конечно, объяснить мѣстными вліяніями, но далеко не всѣ. Гауссъ предполагалъ, что при этомъ могутъ играть роль даже отдаленныя силы природы. Поэтому онъ считалъ изученіе ихъ дѣйствія и распространенія задачею, достойною естествоиспытателей. Случайныя наблюденія, замѣчаетъ Гауссъ, не могутъ принести пользы наукѣ. Ей необходимы наблюденія детальныя, произведенныя одновременно, съ величайшею точностью, во многихъ различныхъ мѣстахъ. Изъ этого требованія науки, продолжаетъ Гауссъ, вытекаетъ необходимость для служителей ея предварительно условиться о планѣ согласныхъ наблюденій, указанномъ великимъ естествоиспытателемъ Гумбольдтомъ. Положено было, для возможности сравненія незначительныхъ колебаній магнитной стрѣлки въ различныхъ мѣстностяхъ, дѣлать наблюденія каждыя 5 минутъ, ограничивъ при этомъ продолжительность и число сроковъ. Продолжительность наблюденій была опредѣлена въ 24 часа; сроками же были выбраны: время отъ полудня послѣднихъ субботъ въ январѣ, мартѣ, маѣ, іюлѣ, сентябрѣ и ноябрѣ, до полудня слѣдующаго воскресенья. На основаніи этихъ началъ образовалось, въ 1836-мъ году, магнитное общество, состоявшее первоначально изъ университетскихъ и нѣкоторыхъ другихъ значительныхъ городовъ Европы. Ограничиться наблюденіями въ одной части свѣта было, конечно, недостаточно. Благодаря

вліянію Гумбольдта, представившаго всю важность магнитныхъ наблюденій правительствамъ: англійскому, русскому и сѣвероамериканскому, возникли и въ другихъ частяхъ свѣта магнитныя обсерваторіи и съ тѣхъ поръ неусыпно слѣдятъ, на всемъ почти протяженіи земного шара, за движеніями магнитной стрѣлки. Сознаніе ученаго міра, что Гумбольдтъ былъ творцомъ этой отрасли естествовѣдѣнія, выразилось лучше всего въ томъ, что къ нему обращались всѣ, разсѣянные по земному шару, наблюдатели съ результатами своихъ трудовъ; въ немъ, какъ въ фокусѣ, соединялись всѣ наблюденія по земному магнетизму до появленія ихъ въ спеціальныхъ журналахъ. Благодаря этому почину Гумбольдта и научному рвенію ученыхъ, эта отрасль естествознанія обогатилась громаднымъ матеріаломъ, давшимъ возможность изучить магнитное состояніе нашей планеты съ большою подробностью, хотя мы должны къ этому прибавить, что, несмотря на совершенное, наука не можетъ еще сказать своего послѣдняго слова о томъ, въ чемъ именно состоитъ сущность магнетизма, а знакома пока только съ разнообразными видами его проявленія. Мы вправѣ надѣяться, что продолжающіяся наблюденія ученыхъ достигнутъ, со временемъ, и этой цѣли, слѣдуя направленію, указанному имъ Гумбольдтомъ.

Резюмируя научную дѣятельность Гумбольдта по главнымъ, отмѣченнымъ выше, вопросамъ, нельзя не замѣтить, что на первомъ періодѣ ея сказывается уже та среда, которая оказала такое благотворное вліяніе на развитіе впечатлительнаго юноши. Многосторонность его дѣятельности, упорное преслѣдованіе цѣлей, себѣ поставленныхъ, непрестанный трудъ, были плодомъ не только прирожденныхъ качествъ Гумбольдта, но едва-ли не въ большей еще степени результатомъ счастливаго общенія его съ личностями, выдававшимися надъ общимъ уровнемъ тогдашняго нѣмецкаго общества. Богъ вѣсть, было ли бы имя Гумбольдта извѣстно не только потомству, но даже его современникамъ, еслибы въ юности своей онъ росъ посреди впечатлѣній дворянской касты и придворныхъ интересовъ, съуживавшихъ взгляды его сверстниковъ, прельщенныхъ легкими успѣхами и мишурнымъ блескомъ легкой карьеры привилегированныхъ классовъ. О существованіи ихъ упоминаютъ развѣ родословныя, и кромѣ этихъ геральдическихъ слѣдовъ они не оставили послѣ себя никакихъ, болѣе достойныхъ памяти. Что касается личныхъ качествъ, необходимыхъ для преуспѣянія на пути, пройденномъ

Гумбольдтомъ, то мы видимъ, что способность воспріятія, память и прилежаніе не были сначала, въ одинаковой степени, отличительными его чертами. Первою онъ, въ юности, вовсе не отличался и только впослѣдствіи способность эта начинаетъ въ немъ проявляться.

Памятью онъ одаренъ былъ, правда, счастливою, и она не разъ оказывала ему неоцѣненныя услуги при его изслѣдованіяхъ, подсказывая ему такія данныя, которыя, будучи забыты, не могли бы привести къ тѣмъ счастливымъ сопоставленіямъ, сближеніямъ и выводамъ, которые встрѣчаются у Гумбольдта почти на каждомъ шагу. Но едва-ли не болѣе всего онъ обязанъ былъ своему неутомимому, настойчивому, не знавшему никакихъ препятствій, труду. Громадная начитанность его видна съ самыхъ первыхъ его произведеній.

Упомянутымъ выше общеніемъ съ учеными и спеціалистами по разнымъ отраслямъ знанія, только и можно объяснить разносторонность дѣятельности Гумбольдта, которая обнимала самые разнообразные предметы. До его путешествія въ Америку мы не замѣчаемъ даже, какой отрасли естествознанія онъ отдаетъ преимущество: почти всѣми онъ занимался съ одинаковой любовью. Только послѣ этого путешествія становится очевиднымъ, что онѣ служили только подготовкой, средствомъ для главной цѣли его дѣятельности — для физическаго землевѣдѣнія, изслѣдующаго законы, по которымъ явленія природы видоизмѣняются въ разныхъ мѣстностяхъ земного шара. Понятно, что для того, кто задался подобною задачею, знакомство съ отдѣльными отраслями естествознанія становится неотложною потребностью, какъ мы это и видимъ у Гумбольдта. Подъ конецъ жизни онъ еще расширилъ свою задачу: въ «Космосѣ» видна первая грандіозная попытка уже не физическаго землевѣдѣнія, а физическаго описанія вселенной.

Не менѣе подготовки и предварительнаго труда было необходимо Гумбольдту для дѣятельности на другомъ поприщѣ, историческомъ. Онъ имѣлъ въ виду не политическую исторію, а исторію географіи. Для успѣшнаго занятія подобнымъ предметомъ необходимо знаніе филологіи, физики, астрономіи, географіи. Безъ первой не было бы возможности понимать источники; безъ остальныхъ нельзя было бы приступить къ объясненію самаго предмета.

Несмотря на громадныя и неоспоримыя заслуги Гумбольдта въ разныхъ отрасляхъ естествовѣдѣнія, нашлись однако личности, старавшіяся умалить ихъ, утверждая, что человѣчество не обязано ему ни однимъ великимъ открытіемъ. Извѣстно, что открытія въ обла-

сти естественныхъ наукъ бываютъ троякаго рода: во 1-хъ, можно открыть совершенно неизвѣстное явленіе, какъ, напр., открытіе Гальвани при опытахъ надъ лягушками, преобразовавшее совершенно ученіе объ электричествѣ; во 2-хъ, можно открыть законы, которымъ подчиняются извѣстныя явленія, какъ это видимъ въ открытіяхъ Коперника и Кеплера; и наконецъ, въ 3-хъ, можно открыть силу, обусловливающую извѣстный рядъ явленій. Къ этого рода открытіямъ относится открытіе Ньютономъ законовъ тяготѣнія, объяснившихъ причину, почему свѣтила небесныя движутся именно такъ, какъ объяснили упомянутые выше великіе предтечи его. Если взвѣшивать важность открытія по послѣдствіямъ, изъ него вытекающимъ, то, конечно, Гумбольдтъ не можетъ предъявить такого, которое могло бы равняться приведеннымъ выше въ примѣръ. Но за всѣмъ тѣмъ онъ сдѣлалъ, какъ мы видѣли выше, множество значительныхъ открытій, получающихъ еще бо́льшую важность, если мы примемъ въ соображеніе ихъ практическія послѣдствія, хотя и добытыя при посредствѣ многочисленныхъ сотрудниковъ, которымъ путь и цѣль были, однако, указаны неутомимымъ въ изслѣдованіяхъ Гумбольдтомъ, вполнѣ заслуживающимъ названіе полигистора въ самомъ лучшемъ значеніи этого термина.

А. С........й.

ВИРГИНІЯ

ТРАГЕДІЯ АЛЬФІЕРИ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Итальянская литература вообще, и произведенія Альфіери въ особенности, не пользуются у насъ такою извѣстностью, какъ французская, нѣмецкая или англійская литературы и ихъ главные представители; а потому не будетъ излишне напомнить читателямъ существенныя черты изъ жизни Альфіери и привести краткую характеристику его своеобразной поэзіи.

Викторъ Альфіери родился въ пьемонтскомъ городкѣ Асти, въ томъ самомъ году, въ которомъ родился Гёте (1768 г.). Получивъ, какъ самъ онъ говоритъ, довольно поверхностное образованіе въ Туринской академіи, онъ вступилъ въ военную службу, къ которой очень скоро почувствовалъ сильное отвращеніе. Вышедши въ отставку, Альфіери весь отдался господствовавшей въ немъ въ то время страсти къ путешествіямъ. Онъ объѣхалъ Италію, Францію, Англію, Голландію, Германію и Швецію, и побывалъ даже у насъ въ Россіи. По возвращеніи на родину, Альфіери, со свойственною ему пылкостью и упорствомъ, принялся за умственный трудъ, поставивъ себѣ задачей прежде всего пополнить недостатки своего школьнаго образованія, и съ героическимъ терпѣніемъ подчинился наставнику, котораго избралъ себѣ для изученія древняго римскаго языка и литературы. Въ классической литературѣ, знакомившей его съ жизнью древнихъ республикъ, онъ почерпалъ и вдохновеніе и силу для борьбы съ окружавшей его дѣйствительностью. Затѣмъ онъ неустанно сталъ заниматься роднымъ языкомъ, прислушиваясь внимательно къ народному говору и углубляясь въ чтеніе образцовыхъ писателей, начиная съ Данте. Чтобъ имѣть понятіе о томъ, съ какой настой-

чивостью этотъ умъ шелъ къ предположенной однажды цѣли, — достаточно привести слѣдующій фактъ. Имѣя уже сорокъ семь лѣтъ отъ роду и никогда не учившись прежде греческому языку, Альфіери вздумалъ усвоить его — и вскорѣ сдѣлалъ такіе успѣхи, что не только читалъ свободно греческихъ поэтовъ, но даже могъ писать на этомъ трудномъ языкѣ.

На исходѣ юности, лѣтъ 25-ти, Альфіери впервые ощутилъ въ себѣ поэтическое призваніе и первымъ опытомъ его творчества была трагическая сцена изъ жизни Клеопатры. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда судьба свела его съ графинею Альбани, женою послѣдняго изъ Стюартовъ, дѣятельность его окончательно опредѣлилась. Альбани, эта очаровательная женщина, имѣла благотворное вліяніе на бурный характеръ поэта, и подъ обаяніемъ любви къ ней, какъ самъ онъ говоритъ, Альфіери сталъ работать весело, съ спокойствіемъ въ душѣ, какъ тотъ, кто нашелъ наконецъ и свое назначеніе, и поддержку.

Трагедіи, — числомъ болѣе двадцати, — сатиры, мелкія стихотворенія, политическія сочиненія и переводы съ греческаго и латинскаго — попеременно выходили изъ-подъ его пера. Умственныхъ занятій своихъ онъ не покидалъ и во время тяжелой болѣзни, которую онъ напрасно старался побѣдить въ себѣ при помощи своей желѣзной воли и которая сломила его на пятьдесятъ пятомъ году жизни.

Направленіе дѣятельности Альфіери опредѣлилось его личнымъ характеромъ, не подчинявшимся условіямъ окружавшей его печальной дѣйствительности, и даже ставшимъ съ ними въ противорѣчіе. Его мужественный умъ, его глубокое чувство сознанія человѣческаго достоинства не могли не возмущаться тогдашнимъ жалкимъ политическимъ и общественнымъ положеніемъ Италіи.

Дремлющее общество его времени удовлетворялось въ трагедіи безжизненными подражаніями французамъ и нравственно разслаблялось мягкостью и изнѣженностью произведеній Метастазіо. „Женственному томленію любви и слезливой трогательности — Альфіери рѣшился противупоставить, говоритъ Шерръ, римскую суровость и стоицизмъ Катоновъ; изысканности и щеголеватости формъ — лаконизмъ языка; музыкальной расплывчивости — скульптурную очерченность и опредѣленность“.

Альфіери вывелъ итальянскую трагедію изъ придворныхъ залъ, въ которыхъ она должна была вращаться по понятіямъ, установившимся при Лудовикѣ XIV, и указалъ ей мѣсто на форумѣ, въ политическихъ собраніяхъ. Герои Греціи и Рима не являются у него паладинами средневѣковыхъ романовъ; онъ отбрасываетъ всѣ прикрасы и выводитъ на сцену человѣка въ его истинномъ величіи и съ его кровными интересами. Въ трагедіяхъ Альфіери исчезаютъ всѣ второстепенныя или посредствующія лица, всѣ ненужныя общія мѣста и эпизодическія обстоятель-

ства и разговоры, которые не служатъ прямо къ развитію страсти и не влекутъ дѣйствія къ развязкѣ самымъ краткимъ путемъ. Ему чужды средства псевдо-классическихъ трагедій, состоящія въ громѣ и молніи, въ излишнихъ убійствахъ, въ неожиданной помощи съ неба и т. п.

Стремленіе къ простотѣ и несложности, доведенное Альфіери до нѣкоторой сухости и отвлеченности, вызывало и вызываетъ упреки, которые являются небезосновательными въ особенности тогда, когда за образцы драматическихъ произведеній принимаются вѣчные, почти недосягаемые идеалы, завѣщанные Шекспиромъ. Позволительно замѣтить, впрочемъ, что можно благоговѣть предъ образами Шекспира и въ тоже время не быть совершенно слѣпымъ къ истинной красотѣ, являющейся и въ иныхъ, менѣе роскошныхъ формахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АППІИ КЛАВДІЙ, децемвиръ.
ВИРГИНІЙ, плебей, отецъ Виргиніи.
НУМИТОРІЯ, его жена, мать Виргиніи.
ВИРГИНІЯ, ихъ дочь.
ИЦИЛІЙ, плебей, женихъ Виргиніи.
МАРКЪ, кліентъ Аппія Клавдія.
Народъ, ликторы, приверженцы Ицилія, рабы Марка.

Дѣйствіе происходитъ на римскомъ форумѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

НУМИТОРІЯ, ВИРГИНІЯ.

НУМИТОРІЯ.

Что медлишь здѣсь? Пойдемъ: намъ къ ларамъ нашимъ
Пора ужъ возвратиться.

ВИРГИНІЯ.

Всякій разъ,
Когда я прохожу чрезъ этотъ форумъ—
Печальныхъ много думъ меня томитъ,
И я шаги невольно замедляю.
Не здѣсь ли нѣкогда свободной рѣчью

Гремѣлъ Ицилій мой; теперь онъ нѣмъ
Подъ гнетомъ произвола безъ границъ.
Какъ справедливы въ немъ и гнѣвъ, и горе!

НУМИТОРІЯ.

Сегодня, если любитъ онъ тебя,
Ему, я думаю, не такъ противна
Вся горечь жизни.

ВИРГИНІЯ.

Если любитъ онъ?..
Сегодня?.. Что сказать ты этимъ хочешь?

НУМИТОРІЯ.

Да, дочь, твое горячее желанье
Отецъ рѣшился наконецъ исполнить,
Изъ стана пишетъ мнѣ объ этомъ онъ
И проситъ бракъ твой совершить скорѣе.

ВИРГИНІЯ.

Такъ настаетъ конецъ моей тоскѣ
И вздохамъ? О, какъ рада я теперь!

НУМИТОРІЯ.

Виргинію всегда былъ милъ Ицилій,
Но меньше чѣмъ тебѣ, повѣрь; они
Вѣдь оба римляне, не по пазванью
Лишь только, но дѣлами. Выборъ твой
Не могъ бы сердце лучшее найти,
И твой отецъ навѣрно не рѣшился-бъ
Тебя съ Ициліемъ соединить,
Когда бы не были равны въ тебѣ
И красота лица, и добродѣтель.
Тебя—сперва Ицилія достойной
Желалъ онъ видѣть, и уже затѣмъ
Ицилія женой.

ВИРГИНІЯ.

И онъ достойной
Меня теперь считаетъ? О, восторгъ! —
Имѣть такого мужа—высшимъ благомъ
Казалось мнѣ; но заслужить его —
О, это выше всѣхъ возможныхъ благъ.

НУМИТОРІЯ.

Его достойна ты; и онъ одинъ
Тебя достоинъ; въ немъ одномъ есть смѣлость
Всегда являться гражданиномъ Рима,
Межъ тѣмъ какъ Римъ въ преступное молчанье
Безсмысленно и низко погруженъ,
И въ рабствѣ думаетъ, что онъ свободенъ.
И можетъ ли съ Ициліемъ сравниться
Толпа патриціевъ, всѣхъ низкихъ тѣхъ,
Чтó лишь твердятъ о подвигахъ отцовъ,
Гордятся ими и пятнаютъ ихъ
Измѣною! Нѣтъ, дочь, женихъ твой полонъ
И доблести, и неподкупной чести...

ВИРГИНІЯ.

Довольно ужъ того, что онъ плебей;
Себя не продалъ онъ тиранамъ Рима,—
И сердцемъ неиспорченнымъ моимъ
Его люблю. О, на челѣ его
Свободномъ, смѣломъ, ясно вижу я
Печать величья римскаго народа.
И въ это пагубное наше время,
Когда и льстецъ за жизнь свою трепещетъ,
Могли-ль меня восторгомъ не исполнить
Его безстрашіе, рѣчей правдивость
И благородный гнѣвъ. Плебейка я,
И тѣмъ горжусь, что родомъ съ нимъ равна.
Мнѣ было-бъ слишкомъ горько благородной
Родиться и Ицилія не стоить.

НУМИТОРІЯ.

Я ненависть къ названію *патрицій*
Въ тебѣ вскормила съ молокомъ моимъ;
Храни къ нимъ ненависть ты эту свято:
Они ея достойны. Не они-ль,
Смотря на то, откуда дуетъ вѣтеръ,
То унижаются, то снова горды,
И только лишь безчестны неизмѣнно.

ВИРГИНІЯ.

Не измѣню я своему рожденью.
О, мать! не знаешь ты еще того,

Чтó ненависть удвоила во мнѣ.
Молчала я, теперь же разсказать
Пора, какъ я обижена была.

НУМИТОРІЯ.

Пойдемъ: дорóгой разскажи мнѣ все.

ВИРГИНІЯ.

Такъ знай, какъ мнѣ опасна красота,
Которой дорожу лишь потому,
Что нравится Ицилію она...

ЯВЛЕНІЕ II.

ВИРГИНІЯ, НУМИТОРІЯ, МАРКЪ, РАБЫ.

МАРКЪ.

Да, да! она—сомнѣнья нѣтъ! Рабы!
Въ мой домъ ее ведите: какъ и вы,
Она родилась въ рабствѣ у меня.

НУМИТОРІЯ.

Что слышу я?... Кто ты такой, что смѣешь
Дочь гражданина называть рабою?

МАРКЪ.

Обманъ извѣстенъ твой; напрасенъ онъ:
Ты отъ цѣпей спасти ее не въ силахъ,
Не дочь она твоя и не свободна.
И я вѣдь также Рима гражданинъ,
Законы наши знаю, ихъ страшусь
И исполняю. Именемъ закона
Рѣшаюсь возвратить себѣ я то,
Чтó мнѣ принадлежитъ.

ВИРГИНІЯ.

И я раба?...
Твоя раба я?...

НУМИТОРІЯ.

И не дочь моя?
О, низкій лжецъ! И гражданинъ ты Рима?
Я по твоимъ поступкамъ, по словамъ
Твоимъ безчестнымъ узнаю въ тебѣ

Опричника тирановъ; и изъ всѣхъ
Тебѣ подобныхъ—самый низкій ты.
Но знай, кто-бъ ни былъ ты, что мы плебеи;
Происхожденье наше не позорно:
Патриціевъ удѣлъ и имъ подвластныхъ—
Обманъ и преступленья ихъ. Узнай:—
Виргиній ей отецъ, а мнѣ онъ мужъ;
Съ оружіемъ въ рукахъ, во славу Рима
Онъ подвизается теперь. Виргиній
Съумѣетъ наглость обуздать твою.

МАРКЪ.

Обманутый тобой—онъ дочь рабы,
Пріобрѣтенную покупкой тайной,
Своею дочерью считаетъ. Да,
Доселѣ свой подлогъ скрывала ты;
Но если доказательства нужны,
Ты ихъ услышишь отъ меня. Межъ тѣмъ
Пускай раба моя идетъ за мною.
Нѣтъ, я не лжецъ; Виргиній мнѣ не страшенъ:
Его-ль бояться подъ священной сѣнью
Ненарушимаго закона!

ВИРГИНІЯ.

Мать!
Ужели потеряю я тебя,
Отца и мужа, и свободу?

НУМИТОРІЯ.

Она мнѣ дочь: въ свидѣтели беру
И Римъ, и небо!

МАРКЪ.

Клятвы всѣ напрасны,
И оскорбленья ни къ чему не служатъ.
Иль за рабами слѣдовать должна
Она, иль силой уведутъ ее.
Отчетъ въ моихъ поступкахъ, если хочешь,
Передъ судомъ верховнымъ, неподкупнымъ
Готовъ всегда я дать.

НУМИТОРІЯ.

Средь слабыхъ женщинъ
Себя считаешь сильнымъ ты; вотъ въ чемъ

Твое геройство; но прибѣгнуть къ силѣ
Не такъ легко, какъ кажется тебѣ.
Избралъ ты дурно мѣсто для злодѣйства:
Иль позабылъ, что это римскій форумъ?
Оставь же насъ, или на нашъ призывъ
Сбѣжится весь народъ, и ты увидишь
Толпы защитниковъ невинныхъ дѣвъ.

ВИРГИНІЯ.

И еслибъ не явился ни одинъ,
То прежде чѣмъ идти рабой за вами,
О палачи, я умертвить себя
Должна. Отца я доблестнаго дочь,
И римская свободная душа,
Я чувствую, живетъ въ моей груди;
Другія-бъ чувства были у меня,
Когда-бъ отецъ мой былъ рабомъ,
Или когда-бъ я дочерью была
Патриція, подобнаго тебѣ.

МАРКЪ.

Въ родныхъ тебѣ цѣпяхъ—къ тебѣ вернутся
И мысли рабскія опять; съ судьбою
Измѣнится въ тебѣ и нравъ. Однакожъ
Мы праздно тратимъ время здѣсь: ступай...

НУМИТОРІЯ.

Вести меня должны вы вмѣстѣ съ нею.

ВИРГИНІЯ.

О, мать! меня отторгнуть отъ тебя
Никто не будетъ въ силахъ.

МАРКЪ.

Все пустое.—
Разрознить ихъ! и бѣглую рабу
У ложной матери отнять!

ВИРГИНІЯ.

Ко мнѣ,
О римляне! когда въ васъ жалость есть...

НУМИТОРІЯ.

Сюда, о дѣти доблестные Марса!
Она, которую держу въ объятьяхъ,
Такая-жъ римлянка какъ вы; она
Подобно вамъ свободною родилась.
Ужель ее отнимутъ у меня?..
Въ срединѣ Рима?... на глазахъ у васъ?...
Передъ лицомъ священныхъ этихъ храмовъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

ИЦИЛІЙ, народъ, НУМИТОРІЯ, ВИРГИНІЯ, МАРКЪ.

ИЦИЛІЙ.

Какіе крики тутъ, смятенье?—Небо!
Что вижу я? Виргинія!... и съ ней...

ВИРГИНІЯ.

Ко мнѣ!...

НУМИТОРІЯ.

Тебя намъ небо посылаетъ;
Бѣги-жъ, спѣши, стремись! Твоей невѣстѣ
Опасность страшная грозитъ.

ВИРГИНІЯ.

Свободы,
Тебя и матери меня лишаютъ;
Меня своей рабой онъ обозвалъ.

ИЦИЛІЙ.

Рабой?... Такъ вотъ въ чемъ подвиги твои,
Презрѣнный? Здѣсь, на форумѣ сражаться
Умѣешь лучше ты, чѣмъ тамъ въ войскахъ?
О, худшій изъ рабовъ! И смѣешь ты
Виргинію рабою называть?...

МАРКЪ.

Ицилій! ты привыкъ, я знаю, къ распрямъ;
Ты взросъ средь неурядицъ и возстаній
И жадно ищешь ихъ; ты радъ, конечно,
Предлогу всякому, чтобъ возмутить
Народъ. Но стану-ль я тебя страшиться,

Пока, тебѣ на горе, въ Римѣ есть
Священные законы? — Да, она
Раба моя; я это утверждаю
И докажу тому, кто доказательствъ
Потребовать имѣетъ власть и право.
Не судьи мнѣ, увѣренъ будь, ни ты,
Ни всѣ вокругъ, подобные тебѣ,
Которыхъ ропотъ недовольный слышу—

ИЦИЛІЙ.

Ицилій и ему подобныхъ горсть
Готовы грозно защищать невинность.
Народъ! я слова у тебя прошу.
Я ложныхъ клятвъ ни разу не давалъ;
Я чести никогда не измѣнялъ;
Ея не продавалъ; горжуся я
Происхожденіемъ неблагороднымъ,
И благородствомъ сердца: мнѣ повѣрьте.
Невинна и свободна эта дѣва
И дочь Виргинія она... Я вижу—
При этомъ имени гнѣвъ справедливый
Пылаетъ въ васъ. Теперь на полѣ битвы
Сражается за насъ за всѣхъ Виргиній;
А между тѣмъ, о бѣдственное время!
Въ срединѣ самой Рима, дочь его
Стыду и оскорбленьямъ подвергаютъ.
И кто же оскорбитель?... Выходи
И покажись народу, Маркъ! Дрожишь ты?
Вотъ онъ, извѣстный вамъ, презрѣнный рабъ
И въ тоже время правая рука
Тирана Аппія, а Аппій этотъ
Смертельный врагъ и чести и добра;
Нашъ утѣснитель Аппій; онъ жестокъ,
Свирѣпъ, высокомѣренъ; онъ свободы
Лишилъ васъ и на посмѣянье только
Вамъ оставляетъ жизнь.—Невѣста мнѣ
Виргинія; ее люблю. Не нужно,
Я думаю, вамъ говорить—кто я:
Трибуномъ вашимъ нѣкогда я былъ,
Васъ защитить хотѣлъ—увы! напрасно:
Повѣрили вы слову лжи и лести,
Моимъ рѣчамъ свободнымъ не внимая,
И рабство вамъ за это въ наказанье...

Чтó мнѣ сказать еще? Извѣстно вамъ
Не имя лишь Ицилія одно,
Но сердце, сила и души отвага.
У васъ прошу свободную невѣсту,
У васъ; а этотъ просить ли ее?
Своей рабой ее онъ называетъ,
Велитъ схватить и силой увести, —
Кто лжецъ изъ насъ—Ицилій или Маркъ—
Вы, Рима граждане, теперь рѣшите.

МАРКЪ.

Народъ властитель! для себя законы
Ты самъ писалъ: они священны, мудры.
Ужель ты первый самъ нарушишь ихъ?
До этого да не допустятъ боги!
Когда законно въ притязаньяхъ ложныхъ
Я буду уличенъ,—пускай тогда
Вашъ гнѣвъ всей тяжестью своей падетъ
На голову мою.—Но кто изъ васъ
Осмѣлится отнять у господина
Принадлежащую ему рабу —
А между тѣмъ противникъ выставляетъ
Какъ доказательства—лишь оскорбленья
И дерзкое презрѣніе къ законамъ?..

ИЦИЛІЙ.

Осмѣлюсь первый я. Помогутъ мнѣ
Всѣ римляне, стоящіе вокругъ.
Сомнѣнья нѣтъ—ты прибѣгаешь къ силѣ,
Чтобъ гнусный умыселъ прикрыть. Кто знаетъ,
Чѣмъ побуждаемъ ты? Какое дѣло
До мыслей мнѣ твоихъ. Хочу лишь я,
Чтобъ гнусное дѣянье не свершилось. —
Съ тѣхъ поръ какъ *Десяти* достался Римъ
Въ добычу,—подъ личиною законовъ
Сносили мы не разъ насилье, стыдъ
И избіенья; но досель не могъ я
Вселить въ себя привычку къ оскорбленьямъ:
Кто сноситъ ихъ, тотъ ихъ всегда достоинъ.
Рабой не можетъ быть моя невѣста,
Когда бы даже родилась она
Рабой. — И можетъ ли существовать
Несправедливѣй этого законъ:

На лонѣ вольности рабы? И чьи-жъ?
Высокомѣрныхъ тѣхъ, что насъ гнетутъ. —
У насъ, плебеевъ, сердце есть и руки,
Рабы намъ не нужны.—И наконецъ,
Пускай тьмы темъ рабовъ имѣетъ Римъ,
Лишь бы была Виргинія свободна.
О, римляне! повѣрьте-жъ мнѣ, клянусь,
Что дочь Виргинія она; лицомъ
И скромностью, и мыслей благородствомъ
Она въ него. Давно любима мной
И быть моей должна. Ужель ее
Я долженъ потерять!..

НАРОДЪ.

Женихъ несчастный!
И чья же воля побуждаетъ Марка
Къ такому дѣлу?..

ИЦИЛІЙ.

Жалость вижу въ васъ
Ко мнѣ—и я ея вполнѣ достоинъ.
Въ тотъ день, когда ужъ на вершинѣ счастья
Себя считалъ—я ввергнутъ въ бездну горя.
Враговъ довольно въ Римѣ у меня —
То ваши всё враги; они сильны,
А болѣе лукавы. И, кто знаетъ, —
Свободу у меня теперь отнимутъ,
Затѣмъ возьмутъ жену. — Какая дерзость!
И басня сложена, и онъ явился
Исполнить планъ... Вотъ до чего дошелъ
Ты, Римъ?.. Патриціи, вы низки здѣсь,
И вамъ рабами быть должно; въ цѣпяхъ
Влачить васъ нужно; вы храните въ сердцѣ
Лишь трусость, ложь, тщеславіе и жадность.
Васъ зависть къ добродѣтелямъ плебеевъ,
Невѣдомымъ совсѣмъ для вашихъ душъ,
Томитъ и мучитъ вѣчно. И изъ злобы
Сковать себѣ даете руки вы,
Чтобы народъ двойной опутать цѣпью.
Вы рабства гнуснаго и общихъ бѣдствій
Желаете, чтобъ только не пришлось
Свободой сладкою дѣлиться съ нами.
Безчестные! вамъ наша радость — горе.

И веселитесь вы, когда мы плачемъ.
Но времена измѣнятся, я вѣрю,
И можетъ быть ужъ близокъ день...

НАРОДЪ.

Когда-бъ сбылося это! но, увы!..

МАРКЪ.

Остановись! не хочешь ли опять
Народнымъ сдѣлаться трибуномъ ты?
Тебѣ пріятны, знаю я, лишь кровь
И возмущенья; но не дай мнѣ небо
Быть поводомъ къ твоимъ дѣяньямъ злостнымъ.
Ихъ можешь возбуждать; вливай твой ядъ
Лукаво въ нихъ; но я противъ насилья
Законовъ силу только призову.
Пусть къ Аппію на судъ идетъ тотчасъ
Виргинія—и ложная съ ней мать.
Тамъ ожидаю ихъ и тамъ, надѣюсь,
Не клики буйные, не гулъ несвязный,
Но умъ спокойный будетъ намъ судьею.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ИЦИЛІЙ, ВИРГИНІЯ, НУМИТОРІЯ, народъ.

ИЦИЛІЙ.

Я обѣщаю самъ вести ее
На судъ. — Надѣюсь зрителями видѣть
Тамъ римлянъ, — зовъ мой обращаю я
Къ немногимъ, но свободнымъ и отважнымъ.
Послѣдней будетъ эта тяжба наша:
Мужья всѣ въ Римѣ и отцы узнаютъ
Своими могутъ ли они назвать
Въ предѣлахъ Рима—женъ и дочерей.

ЯВЛЕНІЕ V.

ИЦИЛІЙ, НУМИТОРІЯ, ВИРГИНІЯ.

НУМИТОРІЯ.

О, времена ужасныя!.. о, нравы!..
О, матери несчастныя!..

ВИРГИНІЯ.

Ицилій,
Въ глазахъ твоихъ имѣла цѣну я
Лишь по отцу; теперь его лишилась...
И смѣю-ль я твоей женой назваться?..

ИЦИЛІЙ.

И дочерью Виргинія, и мнѣ
Женой, — клянусь тебѣ, — всегда ты будешь;
Ты римлянкой останешься всю жизнь,
А это не всего ли выше. Да,
Своей судьбы тебя подругой вѣрной
Избралъ я, и душой ты мнѣ равна. —
Крылатый богъ въ уста мнѣ не влагаетъ
Словъ, нѣжной страсти полныхъ, но дадутъ
Тебѣ и сердце, и рука моя
Иныя доказательства любви —
Когда то нужно будетъ. — Но скажите,
Извѣстно-ль вамъ, зачѣмъ презрѣнный этотъ
Ее рѣшился оскорбить?

ВИРГИНІЯ.

Сказалъ ты,
Что онъ тирана Аппія клевретъ?

ИЦИЛІЙ.

Онъ рабъ его малѣйшаго желанья...

ВИРГИНІЯ.

О, я теперь причину знаю. Аппій
Уже давно ко мнѣ любовью гнусной
Пылаетъ...

ИЦИЛІЙ.

Что я слышу?.. О, проклятье!..

НУМИТОРІЯ.

О, небо! мы погибли.

ИЦИЛІЙ.

Нѣтъ, я живъ,
Мечемъ еще владѣю: — не страшитесь,
Пока я съ вами.

ВИРГИНІЯ.

Слушай, какъ онъ дерзокъ:
То соблазнить, то обмануть меня
Не разъ пытался Аппій. Лесть, мольбы,
Подарки, обѣщанья и угрозы,
И все, что благородные считають
Цѣною чести — все извѣдалъ онъ.
Скрывала я ужасныя обиды;
Отецъ все время находился въ войскѣ,
А матери напрасно-бъ я открылась:
Что сдѣлала-бъ она одна? Тепéрь
Иные дни настали для меня:
Твоя жена не станетъ ужъ молчать.
О, ты, изъ римлянъ лучшій, всѣ обиды
Теперь ложатся на тебя — и мстить
Здѣсь будешь ты. — Я молча проливала
Потоки слезъ; изъ состраданья, часто
Со мной рыдала мать, хоть неизвѣстно
Мое ей было горе. — Вамъ теперь
Открыла тайну я. — И вотъ ужъ Аппій
Употребляетъ не одно лукавство,
Но силу и обманъ: виновенъ онъ,
И въ дѣлѣ собственномъ судьею будетъ.
О, прежде чѣмъ твоею стану, онъ
Меня отниметъ у тебя, увы!..
По крайней мѣрѣ мертвой, не иначе
Достанусь ему.

ИЦИЛІЙ.

О, нѣтъ! повѣрь,
Пока тобою овладѣетъ онъ
И кровь твоя прольется подъ кинжаломъ, —
А мы весь Римъ ужъ кровью обольемъ.
Ея не пощажу ни я, ни всякій
Въ комъ доблесть. — И что такое Аппій
Для каждаго, кто умереть готовъ?
Одна въ немъ жизнь — и всѣхъ ничтожнѣй онъ.

НУМИТОРІЯ.

Ахъ, онъ тебя далеко превосходитъ
Своимъ коварствомъ.

ИЦИЛІЙ.

Но при всемъ коварствѣ —

Онъ подъ личиной дѣйствуетъ законовъ,
А Римъ вѣдь весь на этотъ судъ сойдется.
Нѣтъ, не потеряна еще надежда.
Намъ нужны умъ и руки... Твой отецъ
Здѣсь долженъ также стать! Но не далекъ
Отсюда станъ, и позабочусь я
Призвать Виргинія. Межъ тѣмъ пойдемъ, —
Я на пути васъ буду охранять. —
Увы! теперь одно лишь утѣшенье,
И то печальное, вамъ дать могу: —
Когда мы къ правосудію дороги
Не будемъ въ силахъ проложить, тогда,
Клянусь, мой мечъ ко мщенью путь укажетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АППІЙ — одинъ.

АППІЙ.

Что̀ дѣлаешь ты, Аппій? Отъ любви
Ты обезумѣлъ?... Низкое желанье
Плебейкой обладать — могло-ль въ тебѣ
Къ высокой жаждѣ власти примѣшаться?...
А если всѣ мои мольбы отвергнуть
Осмѣлилась она, не проявленье-ль
То будетъ власти — прихоти моей
Ее насильемъ подчинить.... Но чернь
Вѣдь можетъ.... О, ея-ль бояться мнѣ!
Безсмысленный народъ нашъ непонятно
Передъ законами благоговѣетъ.
И если я величія такого
Достигнуть могъ подъ сѣнію закона,
То онъ щитомъ мнѣ будетъ и теперь.
Я развѣ не могу и не умѣю
Законы создавать, ихъ объяснять
И разрушать? Чтобъ иго наложить,
Конечно, нужно хитрости не мало,
Но все же меньше, чѣмъ ея во мнѣ

Найдется.... О, гораздо легче было
Васъ, гордые патриціи, сломить.
Надъ вами золото лишь власть имѣетъ,
И золото изсякнуть прежде можетъ,
Чѣмъ ваша ненасытность утомиться.
Но вы доселѣ если и не сыты,
То золота полны, по крайней мѣрѣ.
А тамъ—настанетъ день—васъ извести
Ужъ будетъ нипочемъ тому, кто могъ
Васъ угнести, унизить и купить.
Но вотъ Виргинія идетъ на судъ,
Съ ней мать, Ицилій и толпа народа?
Защитниковъ презрѣнныхъ вереница!
Не Аппій испугается тебя.
Кто чувствуетъ къ владычеству призванье
И жаждетъ властвовать иль умереть,
Не знаетъ страха тотъ и не умѣетъ
Легко своихъ желаній измѣнять.

ЯВЛЕНІЕ II.

АППІЙ, ИЦИЛІЙ, ВИРГИНІЯ, НУМИТОРІЯ, народъ, ликторы.

АППІЙ.

Къ чему такіе клики? Развѣ такъ
Народъ являться долженъ къ децемвиру?

НАРОДЪ.

Римъ проситъ правосудья у тебя.

АППІЙ.

А я прошу у римлянъ уваженья.
Для блага вашего и для смиренья
Народныхъ буйствъ—Астрея возсѣдаетъ
Со мною здѣсь: и ликторовъ сѣкиры,
Которыя вокругъ меня подъяты,
Безмолвно вамъ объ этомъ говорятъ.
Не вы-ль мнѣ высшую вручили власть?
И что-жъ? она теперь забыта вами?
На мнѣ покоится величье Рима
По вашей волѣ; уважайте-жъ вы
Во мнѣ самихъ себя.

НУМИТОРІЯ.

Передъ собой,
О Аппій! мать несчастную ты видишь:
Злодѣй единственную дочь мою
Готовъ отнять. Она мое рожденье,
Ее вскормила я и возрастила;
Моя любовь, любовь отца—вся въ ней.
Нашелся же такой, что дочь мою
Своей рабою смѣетъ называть
И вырвать изъ моихъ объятій хочетъ.
И этимъ новымъ страшнымъ самовольствомъ
Взволнованъ, возмущенъ, озлобленъ Римъ;
Я въ ужасѣ.... Вотъ — это дочь моя,
Моя надежда вся. Она прекрасна,
Но выше красоты въ ней добродѣтель.
Римъ знаетъ насъ: ни капли рабской крови
Въ насъ нѣтъ. Мое тяжелое сомнѣнье
Ты разрѣши; отъ имени всѣхъ римлянъ
Объ этомъ умоляю я тебя.
Отвѣть же, Аппій: наши-ль — наши дѣти.

АППІЙ.

Я извиняю матери слова
И дамъ отвѣтъ тебѣ и Риму вмѣстѣ.
Гдѣ есть законы, тамъ страшиться долженъ
Лишь тотъ, кто ихъ нарушилъ, и попытки
Похитить дочь твою — напрасны всѣ,
Когда она дѣйствительно твоя.
Во мнѣ пристрастья нѣтъ. И не являлся
На судъ еще никто, кто-бъ въ ней рабу
Изобличалъ. Но кто же вы такія?
И кто ея отецъ?

НУМИТОРІЯ.

Не знаешь ты?
Вглядись въ нее: Виргинія ей имя,
И перешло оно къ ней отъ отца;
А онъ тебѣ и Риму, и врагамъ
Извѣстенъ хорошо. Плебеи мы —
И тѣмъ гордимся. Дочь моя родилась
Свободной и свободною умретъ,
И чистоты ея происхожденья

Не доказательствомъ ли служитъ то,
Что женится на ней Ицилій.

ИЦИЛІЙ.

Да,
Ицилію она милѣе жизни
И какъ свобода дорога ему.

АППІЙ.

Я знать хочу: свободной или нѣтъ
Она родилась, а мила-ль тебѣ,
Жена-ль твоя она: ея судьбы
Здѣсь это не измѣнитъ. И безсильны
Слова твои, исполненныя желчи,
И взгляды злобные. Предъ цѣлымъ Римомъ
Разсудимъ скоро—кто она такая.

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРКЪ, АППІЙ, ВИРГИНІЯ, НУМИТОРІЯ, ИЦИЛІЙ, народъ, ликторы.

МАРКЪ.

Предъ Аппія высокій трибуналъ
Я предстаю какъ должно гражданину:
Приверженцевъ толпы со мною нѣтъ,
И сонмъ вокругъ противниковъ моихъ
Мнѣ сердца не смущаетъ: за меня
Улики будутъ говорить—не сила,
Не крики и оружье; что я правъ —
Доказываетъ ясно ужъ и то,
Что попранъ ими первыми обычай:
Отвѣтъ даютъ, когда не начатъ искъ.

АППІЙ.

Да, правда: это новые порядки.

ИЦИЛІЙ.

Ну, излагай твои права, — увидимъ....

МАРКЪ.

Вотъ дѣвушка, которой имя дали
По ложному отцу; въ моемъ дому
И отъ моей рабы она родилась.

Родная мать ребенка своего
Рѣшилась у меня похитить тайно,
Чтобъ Нумиторіи его продать,
Которой дочь умершую свою
Хотѣлось подмѣнить живой малюткой.
Виргиній самъ обманутъ первый былъ:
Женѣ повѣрилъ онъ и убѣжденъ,
Что дочь его жива. Но я съ собой
Привелъ людей, которымъ и цѣна,
И время, и подробности извѣстны.
Что̀ я сказалъ, то клятвой подтвердить
Они готовы.

НУМИТОРІЯ.

Лжецъ всегда готовъ
На клятву. Неужели то, что мать
И римлянка, — да̀ римлянка, плебейка, —
Рѣшилась всенародно утверждать —
Достойно будетъ ме́ньшаго довѣрья,
Чѣмъ лжесвидѣтельство безчестныхъ тѣхъ,
Что̀ клятвами торгуютъ безъ стыда?
По крайней мѣрѣ прежде ихъ свидѣтельствъ
Услышана на мигъ пусть будетъ мать:
Въ любви и горѣ, и въ словахъ и взорахъ
Народъ почуетъ вѣрно у́зы крови.

АППІЙ.

Судья здѣсь—я, и всѣ должны замолкнуть:
Пускай молчатъ и тѣ, что̀ непрерывно,
Служа то гнѣву, то любви, то мщенью, —
Раздоръ питаютъ, и, враги порядка —
Доселѣ слишкомъ часто возмущали
И нарушали правосудье Рима.

ИЦИЛІЙ.

Не выслушавъ сторонъ судить ты будешь?
И то, на что имѣетъ каждый право,
Ты матери желаешь запретить?

АППІЙ.

Не хочешь ли давать мнѣ наставленья,
Затѣмъ, что нѣкогда ты былъ трибуномъ?
Будь частнымъ человѣкомъ я какъ ты, —
Названья *мать* и *дочь* въ моей груди

Могли бы состраданье возбуждать.
Но сердца голосъ долженъ умолкать
На этихъ креслахъ, здѣсь разсудку только
Дается вѣра — не угрозамъ глупымъ
И не слезамъ. Сперва услышать должно
Просителя улики всѣ, а мать, —
Родная или ложная она, —
Въ отвѣтъ ему ужъ можетъ возражать.
Законъ такъ говоритъ... Но вы, я вижу,
Не полагаетесь и на законы...

ИЦИЛІЙ.

Твердятъ теперь намъ часто о законахъ,
Межъ тѣмъ немногихъ воля здѣсь законъ.
И если нарушитель правъ—въ правахъ
Опоры ищетъ, то могу и я
Сослаться на законъ: я объявляю,
Что дѣло дочери рѣшать нельзя
Въ отсутствіи отца.

НАРОДЪ.

Ицилій правъ:
Отецъ необходимъ.

МАРКЪ.

Сказалъ ужъ я,
Что матери обманъ отцу невѣдомъ

ИЦИЛІЙ.

Но вашъ обманъ я знаю; прекрати
Твой искъ скорѣй, не то предъ цѣлымъ Римомъ
Разоблачу не медля ваши козни.

АППІЙ.

Ицилій! замолчи. И въ чемъ поддержку
Надѣешься найти? Не въ ропотѣ-ль
Бунтливомъ тѣхъ немногихъ и преступныхъ,
Что одобрять твои слова готовы?
О, какъ ты ошибаешься, безумный!
Я-жъ самъ себѣ поддержка—я одинъ.
Сообщниковъ твоихъ любовь и злоба
Безсильны и ничтожны.—Я народъ,
А не Ициліевъ здѣсь долженъ чтить.
Ихъ крикъ меня не тронетъ, гнѣва ихъ—

Я не боюсь, и лесть такихъ людей—
Я презираю.

ицилій.

Дѣлаешь прекрасно:
Кто повинуется тебѣ, того
Ты долженъ презирать; а было время,
Когда ты нашей милости ничтожной
Выпрашивалъ у насъ какъ подаянья;
Изъ гордости—покорнымъ притворялся,
Изъ низости—великодушнымъ былъ;
И неподкупнымъ, справедливымъ, кроткимъ
Являлся ты изъ побужденій гнусныхъ.
Такихъ рѣчей высокомѣрныхъ, гордыхъ,
Мы отъ тебя не слышали въ то время:
Теперь ты всѣмъ извѣстенъ; слишкомъ скоро,
Неосторожный, маску сбросилъ ты.
Въ тебѣ собрались всѣ тирана свойства,—
Благоразумья только нѣтъ; а это
Всего нужнѣй для лицъ, тебѣ подобныхъ:
Съ благоразумьемъ лишь растетъ тиранство.

народъ.

Онъ смѣло говоритъ, но справедливо...

аппій.

Я думалъ лишь рабу судить сегодня;
Но прежде дерзновеннаго карать,
Какъ вижу, долженъ.

ицилій.

Я хотѣлъ лишь только
Свободное рожденье защищать
Моей невѣсты; но какъ счастливъ буду,
Когда права и Рима, и мои
Моею кровью защитить удастся.

народъ.

Могучія слова! высокъ онъ сердцемъ;
Онъ римлянинъ.

аппій.

Вы, ликторы, сомкнитесь
Вокругъ него; пускай сѣкиры ваши
Надъ головой его подъяты будутъ.
И лишь малѣйшее движенье...

ВИРГИНІЯ.

Небо!
Нѣтъ, нѣтъ; не будетъ этого; щитомъ
Ему я буду; на меня сѣкиры
Пускай падутъ и ликторы твои
Пусть уведутъ меня въ цѣпяхъ въ неволю;
Легко мнѣ рабство и ничто мнѣ смерть,
Лишь только-бъ онъ нетронутъ оставался,
Онъ—самый доблестный защитникъ Рима.

АППІЙ.

Прочь оттащите отъ него рабу!
Скрывается тутъ замыселъ ужасный,
И Римъ въ опасности.

ИЦИЛІЙ.

Насъ отъ насилья
Избавитъ мой кинжалъ. Пока дышу—
Не подходи никто.

НАРОДЪ.

Безстрашенъ онъ!

ИЦИЛІЙ.

Чтобъ взять ее—убить меня ты долженъ.
Такъ знайте-жъ, римляне: тутъ есть интрига!
Пусть всѣ услышатъ, что творится въ Римѣ,
А послѣ пусть убьютъ меня предъ вами.
Къ Виргиніи безчестною любовью
Пылаетъ Аппій.

НАРОДЪ.

О, какая дерзость!

ИЦИЛІЙ.

Пытался соблазнить, склонить ее
Угрозами, мольбой; посмѣлъ онъ даже
Ей золото сулить. Обиды злѣйшей
Порокъ властительный найти не можетъ
Для добродѣтели уничиженной:
Но въ ней не кровь патриціевъ течетъ:
Онъ не купилъ ее, и на захватъ
Надѣется теперь.—За дочерей
Отцы страшитесь, и за женъ—мужья.—
Что вамъ терять теперь еще осталось?

Не жизнь ли, для которой нѣтъ защиты.
Да и къ чему вамъ жизнь, когда свободу,
Отечество и честь, семью и сердце —
Все отняли у васъ.

НАРОДЪ.

Для насъ самихъ
И для дѣтей—свобода или смерть!

АППІЙ.

Ицилій лжетъ...

НАРОДЪ.

Свобода или смерть!...

НУМИТОРІЯ.

Умѣрь свой гнѣвъ, народъ великодушный!
Да не допуститъ праведное небо,
Чтобъ изъ-за дочери моей потокомъ
Кровь римлянъ пролилась; прошу лишь только
И требую я именемъ народа,
Чтобы Виргинія дождался судъ.
Предъ нимъ, предъ всѣми вами я съумѣю
Во лживомъ обвиненьи оправдаться.

АППІЙ.

Умолкните-жъ, волненье прекратите!
Иль я—закона строгій исполнитель—
Рѣшусь вамъ показать всю мощь его.
Не защитите вы такое дѣло:
И вопль неистовый не въ силахъ будетъ
Смягчить или нарушить правосудье.
Ицилій лжетъ—и это докажу.
Онъ, возбудитель распрей, возмущеній—
Давно уже сограждамъ крови жаждетъ.
Трибуномъ будучи, онъ былъ врагомъ
И вамъ и намъ. Преступную мечту
Лелѣялъ онъ—патриціевъ сперва
Всѣхъ погубить, потомъ народъ въ обманъ
Ввести и Римъ на вѣкъ повергнуть въ рабство;
Отсюда злоба вся его на насъ.
Десницѣ *Десяти*, по вашей волѣ,
Вручили вы правленія бразды
Въ изнеможенномъ и печальномъ Римѣ.

И тѣмъ, что̀ я теперь, не вы ли сами
Меня желали сдѣлать, утомившись
Отъ несогласій и усобицъ вашихъ?
Теперь едва насталъ лишь миръ желанный,
Ужели будете готовы снова
Его нарушить, и по слову только,
По знаку одному того, кто въ Римѣ
Былъ худшимъ изъ худыхъ!?

НАРОДЪ.

Да, онъ — судья.
Послушаемъ однакожъ, что отвѣтитъ
Отважный этотъ.

ИЦИЛІЙ.

Да, судьею вашимъ,
Законодателемъ—онъ сдѣланъ вами.
Но годъ прошелъ уже, и онъ, обманомъ,
Судьей остался и, прибѣгнувъ къ силѣ,
Тираномъ сталъ. И миромъ называетъ
Онъ униженье общее! Не миръ,
А мрачной смерти сонъ надъ всѣми нами,
Ручьями гражданъ кровь течетъ въ сраженьяхъ;
Кто-жъ ею упивается—не врагъ ли?
Отважный, бѣдный Сикцій! онъ, дерзнувшій
Напомнить войску древнюю свободу,
Не палъ ли мертвый въ вымышленной битвѣ,
Предательскимъ кинжаломъ децемвировъ
Пронзенный съ тылу?

АППІЙ.

Сикцій бунтовщикъ...

ИЦИЛІЙ.

Къ чему и говорить объ избіеньяхъ?
Онѣ извѣстны всѣмъ. Хоть въ самомъ Римѣ
Не пролилася кровь еще, но щедро
Здѣсь сыплютъ золото; оно-то послѣ
За кровь ужасной платою сочтется.
Кто истый римлянинъ въ словахъ и мысляхъ,
Тотъ Риму врагъ теперь. У нашихъ дѣвъ
Не отнимаютъ ли свободу, честь,
Родныхъ и жениховъ? Чего-жъ вы ждете?
Тяжелое, ужаснѣй смерти то,

Которое едва вамъ оставляетъ
Лишь образъ и названье человѣка —
Зачѣмъ не повергаете во прахъ?
Вы римляне-ль? Я слышу римскій кликъ,
Но римскихъ дѣлъ не вижу. Не нужна ли,
Чтобъ возбудить васъ,—кровь? Въ глазахъ тирана
Мой смертный приговоръ читаю я.
Чтожъ медлятъ, ликторы, сѣкиры ваши?
Знай, Аппій, голову мою отсѣкши,
Возьмешь на вѣкъ у римлянъ ты свободу,
Иль навсегда имъ возвратишь ее.
Дрожи-жъ, пока глава не пала съ плечъ:
Взывать не перестану я ко мщенью,
Къ оружію, къ свободѣ. Если въ Римѣ
Другихъ нѣтъ больше римлянъ — я одинъ,
Живой иль мертвый, новымъ Брутомъ буду
Для новаго Тарквинія. Гляди,
Я не бѣгу, не прячусь, не дрожу...
Вотъ я...

ВИРГИНІЯ.

О, небо! Аппій! гнѣвъ уйми твой
И рукъ не обагряй въ его крови.
Ты слышишь ропотъ: этого убійства
Народъ простить не можетъ, ты грозишь
Существованью слишкомъ дорогому;
Пусть я погибну; менѣе вреда
Тебѣ и Риму будетъ.

ИЦИЛІЙ.

Просишь ты?
И можешь Аппія просить при мнѣ,
Передъ лицомъ народа? Научись,
Когда тебѣ я дорогъ, не страшиться;
И если въ доказательство любви
Я долженъ жизнь тебѣ теперь отдать —
Ты въ даръ ее, какъ римлянка, прими
И какъ Ицилія жена.

НУМИТОРІЯ.

О, ужасъ!
Еще разъ, Аппій, я прошу тебя:
Пускай Виргиній возвратится въ Римъ.
Его услышимъ.

НАРОДЪ.

Отложи судъ, Аппій!
Виргинія хотимъ услышать мы...

АППІЙ.

Я этого желаю больше всѣхъ.
Да будетъ такъ. Васъ ожидаю завтра
На форумѣ. Достоинъ смерти этотъ,
Но я его сегодня не казню.
Не думайте, чтобъ я былъ имъ испуганъ.
Пусть будетъ живъ пока, и завтра онъ
На судъ придетъ съ оружьемъ—если хочетъ.
И вы явитесь съ нимъ въ оружьи также.
Сперва услышите судъ надъ рабой,
Потомъ надъ нимъ. Увидите вы ясно,
Что въ правотѣ своей спокоенъ Аппій
И не страшится ничего.

МАРКЪ.

Межъ тѣмъ,
Согласно съ указаніемъ закона,
Пойдетъ со мною спорная раба.

ИЦИЛІЙ.

Какъ? честной дѣвѣ можетъ быть пріютомъ
Безчестный кровъ продажнаго кліента?
Неправаго такого нѣтъ закона,
И если есть, то долженъ быть нарушенъ.

МАРКЪ.

Кто-жъ будетъ поручителемъ ея?

НАРОДЪ.

Мы всѣ порукой ей!...

ИЦИЛІЙ.

И съ ними я.
Пойдемъ: грядущій день насъ здѣсь найдетъ.
Себя и женъ обезопасимъ мы—
Иль здѣсь умремъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АППІЙ, МАРКЪ.

АППІЙ.

— Любимъ Ицилій ею?...
Его жена? Въ намѣреньи моемъ
Тѣмъ тверже я стою. На чернь свою
Ты можешь полагаться, дерзкій, я-жъ
Межъ тѣмъ...

МАРКЪ.

Едва-ль когда-нибудь народъ
Былъ такъ взволнованъ и готовъ къ возстанью.

АППІЙ.

Я предъ собой Виргинію лишь видѣлъ:
Она моею будетъ. Можетъ быть,
Ты хочешь мнѣ сказать, что я страшуся?
Но Аппію сказать ты это смѣешь?
И былъ бы тотъ властителемъ народа,
Кто-бъ предъ толпой хоть разъ явился робкимъ?
При первомъ взрывѣ нужно не теряться;
Второй—предупредить; безстрашный видъ
Имѣть всегда, и словомъ льстивымъ кстати
Рѣчь грозную смягчать порой: вотъ способъ,
Которымъ я ужъ многаго достигнулъ,
И съ нимъ дойду, надѣюсь, до того,
Что̀ никому здѣсь не было доступно.

МАРКЪ.

Пока Ицилій живъ—напрасно будешь
Ихъ устрашать, иль дѣйствовать соблазномъ.
Вѣрь, онъ своей отважностью трибунской
И рѣчью смѣлою—раздуетъ пламя,
Которое угаснуть не успѣло
Въ груди, свободой нѣкогда дышавшей,
Запомнившей давнишнія права.

АППІЙ.

Пока другимъ я занятъ—пусть живетъ
Ицилій; иногда не безполезно
Терпимостью блеснуть; пусть онъ живетъ

И чернь увидитъ, какъ безсиленъ онъ
Предъ Аппіемъ. Узнаешь скоро ты,
Какъ боязливая любовь народа
Въ презрѣнье переходитъ и вражду.
Оружіе Ицилія—во вредъ
Ему же будетъ—и руками черни
Погубленъ будетъ онъ.

МАРКЪ.

Пусть такъ; но помни,
Приходъ Виргинія народъ подниметъ!
И мощь почуетъ бóльшую Ицилій!...

АППІЙ.

Приходъ Виргинія... ты полагаешь?
Пойдемъ же и узнаешь ты, что время,
Которое я уступилъ народу,
Не пролетитъ безъ пользы для меня.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВИРГИНІЙ.

Пришелъ я наконецъ. О, какъ спѣшилъ!
Какъ будто страхъ, любовь, надежда, жалость
Мнѣ ноги окрыляли. Но теперь
Чѣмъ ближе къ дому я, тѣмъ мнѣ страшнѣй.
Ужъ наступаетъ ночь; пойду-жъ обнять,—
Когда еще не отняли ее,—
Мою единственную дочь, отраду
Послѣднюю дней гаснущихъ моихъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ИЦИЛІЙ, ВИРГИНІЙ.

ИЦИЛІЙ.

Кого я вижу?.. это ты, Виргиній?
О, боги Рима къ намъ тебя приводятъ;
Приходъ твой скорый предвѣщаетъ счастье.

ВИРГИНІЙ.

Ицилій! небо! я спѣшилъ сюда,
Что было силы; о, скажи-жъ скорѣй
Поспѣлъ ли во время? спросить боюсь...
Отецъ ли я еще?...

ИЦИЛІЙ.

Да, дочь твоя
Пока еще свободна.

ВИРГИНІЙ.

О, восторгъ!
О, дочь моя!... Теперь могу вздохнуть.

ИЦИЛІЙ.

Твоя еще она; но вся въ слезахъ
И вмѣстѣ съ матерью своей печальной
Рѣшенья участи тревожно ждетъ.
Онѣ тебя скорѣй увидѣть жаждутъ
И вмѣстѣ съ тѣмъ пугаетъ ихъ тотъ часъ,
Въ который ты вернешься въ Римъ.

ВИРГИНІЙ.

О боги!...
Моимъ мольбамъ горячимъ вняли вы;
Вы бодрость прежнюю вселили вновь
Въ мои уже дряхлѣющія ноги
И вотъ—я вò время поспѣлъ сюда,
Чтобы спасти единственную дочь,
Иль за нее погибнуть.

ИЦИЛІЙ.

О, и я
Хочу спасти ее — иль умереть.
Но ты отецъ: есть у тебя оружье,
Котораго мнѣ не дано—то слезы,
Онѣ народъ нашъ тронутъ.

ВИРГИНІЙ.

Но скажи-жъ мнѣ,
На чемъ остановилось наше дѣло?

ИЦИЛІЙ.

То мѣсто, на которомъ мы стоимъ,

Сегодня стало поприщемъ злодѣйства:
Здѣсь былъ нашъ первый споръ. Маркъ говорилъ
И Аппія свирѣпое распутство
Сплетеньемъ лжи скрывалъ. Чтобы въ обманъ
Ввести народъ—подобрано ужъ все:
Свидѣтели, законы и улики.
Ужъ безпрепятственно неправый судъ
Окончить думалъ Аппій; первый я
Осмѣлился открыть обманъ безбожный
И требовать присутствія отца.
Какой грозящій кликъ раздался вдругъ,
Когда народъ твое услышалъ имя!
Судья преступный принялъ видъ безстрастный,
Но сердце въ немъ отъ страха трепетало;
Не устоялъ онъ и тебя дождаться
Согласье далъ. Боялся я все время,
Чтобъ онъ не сдѣлалъ на тебя засады
И ты бы не погибъ на вѣкъ для Рима,
Для дочери и для меня. Однакожъ
Пришелъ ты и не даромъ былъ спасенъ
Богами. Да, въ шестомъ часу по утру
Назначенъ завтра этотъ судъ злодѣйскій;
Итакъ, едва покажется лишь солнце,
Ты будь среди народа и съ слезами,
Съ мольбою требуй дочери родной.
И жалости ищи лишь въ сердцѣ черни:
Она одна способна возвратить
Отцу—дитя, Ицилію жену,
А Риму и себѣ — свободу съ честью.

ВИРГИНІЙ.

Ицилій, знаешь ты, какъ высоко
Тебя цѣню... я дочь тебѣ отдалъ —
Какое-жъ доказательство сильнѣй!
Въ моей груди три свѣточа горятъ
Любви чистѣйшей: Римъ люблю, семью
И доблести твои. Съ тобой готовъ
Идти на подвигъ трудный, на опасность...
Но эта пылкая твоя отважность,
Великодушья твоего избытокъ...

ИЦИЛІЙ.

Но доблесть развѣ можетъ быть излишней?

ВИРГИНІЙ.

Когда она напрасна, иль когда
Приноситъ вредъ тому, кто ею движимъ;
И ни къ чему не служитъ для того,
Въ комъ нѣтъ ея на дѣлѣ.—Мой Ицилій,
Ты пламенѣешь благороднымъ гнѣвомъ
И для тебя сливаются въ одно—
Отчизны иго и обида сердца:
Два дѣла...

ИЦИЛІЙ.

Развѣ можно раздѣлять ихъ?
Одно тутъ дѣло; не отецъ ли ты
И этого ужель не понимаешь?...
Иль Римъ нашъ — Римъ; тогда въ немъ для тебя
Есть дочь, и для меня жена и жизнь;
Иль Римъ нашъ — рабъ; тогда для насъ обоихъ
Въ немъ есть лишь только мечъ.

ВИРГИНІЙ.

О, да; увы!
Теперь Римъ — рабъ: и потому боюсь
Я за тебя. Зіяющія раны
Одно волненье могутъ возбуждать:
Страшусь, что ты въ сообщники возьмешь
Сонмъ тѣхъ, страстямъ которыхъ нѣтъ узды.
О! будь возможность дочь мою спасти
И миръ отечества не потревожить!...

ИЦИЛІЙ.

Молчи: какое слово произнесть
Ты могъ. Ужель отечество тамъ есть,
Гдѣ лишь одинъ желать имѣетъ право—
И всѣ въ повиновеньи у него?
Отечество, свобода, лары, дѣти—
Когда-то сладкія слова, увы!
Теперь осквернены въ устахъ рабовъ,
Пока живетъ и дышетъ тотъ одинъ,
Который похищаетъ все у насъ.
Теперь насилье, смерть и похищенье—
Зло мелкое; но худшее изъ золъ—
Та робость, что сердца всѣ наводнила.
Не только говорить — глядѣть не смѣютъ
Въ лицо другъ другу граждане въ тревогѣ.

Всѣ стали подозрительны и скрытны,
И братъ боится брата, сынъ—отца.
Подкупленъ каждый низкій; въ страхѣ—честный,
Палъ храбрый, нерѣшительный безсиленъ
И всѣ унижены; вотъ каковы
Вы, гордые когда-то дѣти Рима,—
Италія васъ нѣкогда страшилась,
Теперь посмѣшище вы для нея.

ВИРГИНІЙ.

Ты правъ... Изъ глазъ моихъ невольно льются
И слезы горести и слезы гнѣва....
Но чтожъ при этомъ общемъ униженьи
Мы, двое римлянъ только, можемъ сдѣлать?

ИЦИЛІЙ.

Жестоко отомстить и умереть.

ВИРГИНІЙ.

Тиранство новое еще не зрѣло:
Попытка къ мщенью можетъ не удаться.
Не знаешь развѣ, до чего доходитъ
Свирѣпость децемвировъ въ войскѣ нашемъ!
И что же дѣлаетъ цвѣтъ храбрецовъ
Съ оружіемъ въ рукахъ? они всѣ ропщутъ,
Но остаются тамъ. Нѣтъ, я надѣюсь
Всѣ ложныя улики опровергнуть
И дочь изъ Аппія когтей исторгнуть.
Гдѣ нужно умереть—тамъ умереть
Я долженъ и желаю. Но, подумай,
Когда погибнешь ты, кто насъ отмстить
Останется тогда? Кто Римъ спасетъ?

ИЦИЛІЙ.

При жизни будемъ Римъ спасать мечемъ;
Когда-жъ умремъ — служить примѣромъ станемъ.
Терпѣть нѣтъ силъ. Товарищи найдутся;
Хоть всѣ унижены, не всѣ же низки.
У многихъ нѣтъ отваги лишь начать,
И я начну. — Вотъ поле то теперь,
Гдѣ мы должны сражаться; здѣсь найдемъ
Погибель или честь. Одно безчестье
Стяжаешь ты, когда захочешь дольше

Подъ знаменемъ тирановъ оставаться.
Нашъ врагъ не въ полѣ, а въ срединѣ Рима.
Такъ пусть же въ Римѣ возгорится битва
И хоть исходъ ея для насъ не вѣренъ,
Но несомнѣнна слава. Убѣждать
Тебя еще — ужели долженъ я?

ВИРГИНІЙ.

О, нѣтъ! я умереть готовъ всегда;
Мнѣ больно лишь, что жилъ я слишкомъ долго.
Надежда есть, что всѣ мои заслуги,
Что ясная всѣмъ дѣла правота —
Судью безсовѣстнаго обуздаютъ.
Я обойду ряды согражданъ нашихъ
И, обнаживши грудь, имъ покажу
Рубцы и раны честныя на ней.
Я клясться буду Римомъ и богами,
И кровью вражьей и моею кровью,
Въ сраженьяхъ пролитой. Отецъ печальный,
Увѣчный, убѣленный сѣдинами,
Я всѣмъ отцамъ повѣдаю съ слезами
О томъ, что дочь мою постичь готово.
На мнѣ пускай увидитъ каждый воинъ,
Какъ награждаютъ подвиги у насъ. —
Я это сдѣлаю, клянусь тебѣ...
Но кровью гражданъ обагрить мой мечъ,
Связать съ моею горькою судьбиной
Несчастье стольнихъ, и притомъ напрасно...

ИЦИЛІЙ.

Увы! не сдѣлать этого нельзя!
Свобода, дѣти — кажется мнѣ, стоятъ
Того, чтобъ пролилася кровь за нихъ
Не одного изъ гражданъ. Да и что же:
Погибнетъ доблестный—онъ рабства въ жизни
Не заслужилъ; погибнетъ ли презрѣнный—
Не заслужилъ онъ быть живымъ межъ нами.
Но неутѣшныхъ тѣхъ — жену и дочь,
Ступай обнять; увѣренъ я, что плачъ ихъ
Въ твоей душѣ возбудитъ больше гнѣва,
Чѣмъ рѣчь моя, и ты на все рѣшишься.

ЯВЛЕНІЕ III.

НУМИТОРІЯ, ВИРГИНІЯ, ИЦИЛІЙ, ВИРГИНІЙ.

НУМИТОРІЯ.

О, если мнѣ глаза не измѣняютъ...
Нѣтъ, я не обманулась—это онъ,
Да, онъ — Виргиній. О, какая радость.

ВИРГИНІЯ.

Отецъ!...

ВИРГИНІЙ.

О, небо! дочь... ужели правда?
Жена!... я васъ ли обнимаю? Ахъ!
Изнемогаю я...

ВИРГИНІЯ.

Да, обнимаю
Тебя, пока отцомъ моимъ зовешься.

НУМИТОРІЯ.

Тебя мы ждали такъ нетерпѣливо;
Боялись все, что не придешь ужъ ты;
Какъ смерть, насъ тяготило ожиданье,
И вотъ къ тебѣ навстрѣчу вышли мы...

ВИРГИНІЯ.

Спѣша, страшась. Теперь, по крайней мѣрѣ,
Мнѣ отъ тебя вдали не умереть;
Я думала:—не видѣться намъ больше...

ИЦИЛІЙ.

Не только говорить, едва дышать
Онъ можетъ. О, отецъ несчастный...

НУМИТОРІЯ.

Да,
Приходъ твой не таковъ бывалъ, Виргиній,
Когда ты столько разъ къ намъ возвращался,
Побѣду надъ врагами одержавъ.
Поникъ ты безупречной головой,
Которую когда-то лавръ вѣнчалъ,
Теперь же клонитъ мыслей горькихъ рой

И горе. Да, ты дожилъ до того,
Что былъ бы радъ, когда-бъ всю жизнь свою
Жены и дочери ты не имѣлъ.
А прежде ими лишь была сладка
Тебѣ и жизнь и слава.

ВИРГИНІЙ.

...Мнѣ не горько,
Что я отецъ и мужъ. За это счастье,
Повѣрь мнѣ, можно много горя снесть.
И если въ Римѣ дочерей имѣть
Вмѣняютъ гражданамъ всѣмъ въ преступленье,
Пусть изъ преступниковъ я первымъ буду
И первый же пускай приму возмездье.
Свободнымъ былъ въ то время гордый Римъ,
Когда я мужемъ сталъ. Свободенъ былъ,
Когда въ залогъ любви стыдливо-чистой
Ты мнѣ дала Виргинію мою;
О, да, мою! Родилась и взросла
Она подъ сѣнію святой закона.
На ней покоились мои надежды.
Въ то время честь, имущество и жизнь
Блюстители закона охраняли,
Теперь же хищники ихъ замѣняютъ....
О, дочь, рыданья схорони! увы!
Не заставляй заплакать и меня.
Не потому прошу тебя, чтобъ плачъ
Считалъ для воина я униженьемъ,—
Когда родныхъ законовъ поруганье,
Обида дочери, пятно на чести,
Изъ сердца съ болью исторгаютъ слезы, —
Но потому, что въ дѣлѣ плачъ безсиленъ.

ВИРГИНІЯ.

А я, когда-бъ не женщиной родилась,
И дали-бъ мнѣ названіе раба,
Ты думаешь отвѣтила бы только
Рыданіемъ безсильнымъ? Но, увы!
Я женщина, рука моя безсильна,
И мужа, и отца, и все теряю...

ИЦИЛІЙ.

Еще не потеряла ничего.

Еще не умерла совсѣмъ надежда.
Твои защитники — народъ и небо,
И мы; когда-жъ напрасно будетъ все,
Когда тебѣ останется одно —
Погибнуть съ нами, о, тогда и ты,..
Я съ ужасомъ объ этомъ говорю,
Они молчаньемъ то же подтверждаютъ,—
Погибнешь съ нами. Ты, рукой невинной
Изъ рукъ моихъ возьмешь кинжалъ облитый
Моей, еще не охладѣвшей кровью,
И я съ послѣднимъ вздохомъ вольной груди
Тебѣ напомню, что ты дочь героя,
Что римлянка ты и моя жена.
О, эта мысль мнѣ сердце леденитъ,
И прежде времени терзаетъ насъ.

ВИРГИНІЯ.

Мнѣ съ этой мыслью только, жизнь сносна.
И плачу я теперь не о себѣ:
Твою судьбу оплакиваю я.
Для подвиговъ высокихъ ты рожденъ,
Ты украшеньемъ Рима долженъ быть—
И что-жъ—въ стремленьяхъ тщетныхъ защитить
Свободу женщины ничтожной, жалкой,
Ты тратишь силы; плачу я о томъ,
Что путь закрытъ тебѣ къ неложной славѣ;
Что римская душа въ тебѣ живетъ,
Когда и Рима больше нѣтъ.

ВИРГИНІЙ.

И ты
Не дочь моя?!! Кто это утверждаетъ,
Пускай услышитъ лишь твои слова.

НУМИТОРІЯ.

Да, въ ней найдемъ мы вѣрную опору
Для нашей дряхлой жизни. О, сто разъ
Рѣшусь охотно прежде умереть,
Чѣмъ потерять тебя.

ИЦИЛІЙ.

О, дорогая!
Отъ сердца, искренно въ тебѣ сказалась
Глубокая любовь; она равна

Моей—и чувство наше насъ достойно.
Но не въ суровую годину эту
Словамъ любви и нѣжности звучать.
Пускай у насъ обѣтъ взаимной смерти
Залогомъ будетъ всѣхъ священныхъ узъ,
Связующихъ отца, жену и мужа.

ВИРГИНІЙ.

О, дѣти! неужели это правда?...
Ужель погибнуть доблести такой?
И намъ, жена, намъ не удастся ввѣкъ
Качать внучатъ дряхлѣющей рукой,
Отъ Рима доблестныхъ дѣтей рожденныхъ,
Увы! и сѣмя доброе погибнетъ,
Когда увянутъ пышные колосья!

ИЦИЛІЙ.

Заплакали-бъ иными мы слезами,
Когда-бъ у насъ съ тобою были дѣти.
Намъ предстоялъ бы выборъ роковой:
Или оставить ихъ въ оковахъ рабства...
Какъ? рабъ — мое дитя... нѣтъ, лучше смерть!—
Я не отецъ, но еслибъ былъ отцомъ...

ВИРГИНІЙ.

Кровавой молніей во мнѣ блеснулъ
Намекъ твой. О, умолкни! умоляю...

НУМИТОРІЯ.

Я мать... и чувствую, чтó ты сказалъ.
Мы бѣдныя лишь прибѣгаемъ къ плачу—
Зачѣмъ въ насъ сила горю не равна!

ИЦИЛІЙ.

У мужа и отца не легче скорбь,
Но въ нихъ сильнѣй рѣшимость.—Васъ спасти
Надежда у меня еще осталась.
Быть можетъ, насъ лишь только двое въ Римѣ,
Но и двоихъ довольно для того,
Чтобъ ожилъ весь народъ и запылалъ
Негодованьемъ.

ВИРГИНІЙ.

Да, но знай: словами, —
Какъ правды и огня они ни полны, —
Нельзя народъ томящійся въ оковахъ
Расшевелить и мужество въ немъ вызвать!
Тутъ кровь нужна и злѣйшія обиды:
Чтобъ отъ Тарквиніевъ избавить Римъ
Должна была невинная жена
Покрытая позоромъ умереть,
Своей рукой себя обливши кровью.

ВИРГИНІЯ.

О, если и теперь, чтобъ вызвать Римъ
Изъ усыпленья — кровь должна пролиться,
Я не хочу позора ожидать!
Отецъ и мужъ! вотъ грудь моя — разите!
Я дорога вамъ слишкомъ? Ножъ вонзить
Не подымается у васъ рука?
Моя не дрогнетъ—дайте мнѣ кинжалъ:
Пусть весь народъ увидитъ смерть мою—
И распалитъ въ немъ ярость этотъ видъ.
Я буду знаменемъ служить для мщенья;
Пусть каждый храбрый, оросивъ свой мечъ
Моею кровью — въ грудь тирановъ гнусныхъ
Вонзитъ его по рукоять.

ВИРГИНІЙ.

О, дочь...
Я новый ужасъ чувствую теперь...

ИЦИЛІЙ.

Не станемъ больше нашими рѣчами
Терзать въ немъ сердце римскаго отца.
Зачѣмъ въ насъ возбуждать готовность къ смерти?
Не въ дѣдовъ нашихъ развѣ мы родились? —
И близко время — умереть съумѣемъ,
Когда велитъ намъ долгъ. Но между тѣмъ
Къ своимъ ты ларамъ возвратись, Виргиній,
Съ женой и дочерью. Тебѣ, быть можетъ,
Лишь эту ночь съ семьею провести
Судило небо. О, отецъ несчастный!
Такъ много чувства, а часы летятъ.

ВИРГИНІЯ.

О ночь ужасная! — Пойдемъ; Ицилій,
Меня ты съ солнцемъ завтра здѣсь увидишь.

ИЦИЛІЙ.

Явлюсь я раньше, чтобъ успѣть склонить
Горсть храбрыхъ на отважный подвигъ нашъ.—
Иди. Ты также завтра убѣдишься,
Виргиній, что для насъ одинъ есть путь —
Кровавый путь. — Жена, живымъ иль мертвымъ,
Намъ завтра счастье полное блеснетъ.

ВИРГИНІЯ.

И жить, и умереть съ тобой — мнѣ счастье.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АППІЙ, МАРКЪ.

АППІЙ.

Виргиній въ Римѣ?

МАРКЪ.

Къ сожалѣнью, да.

АППІЙ.

Увѣренъ ты?

МАРКЪ.

Онъ встрѣтился со мной;
Ты очень скоро самъ его увидишь:
Тебя онъ ищетъ.

АППІЙ.

Такъ оставить войско
Успѣлъ онъ, несмотря на приказанье
Его тамъ задержать.

МАРКЪ.

Распоряженье
Не во-время туда дошло, быть можетъ;
Иль медлили вожди его исполнить....

АППІЙ.

Да развѣ можетъ кто-нибудь рѣшиться
Неревностно повиноваться мнѣ?
Меня предупредить съумѣлъ Ицилій....
О, награжденъ онъ будетъ по заслугамъ.
Виргинію къ суду еще не звали,
А все извѣстно ужъ ея отцу!
Съ его приходомъ измѣнилось дѣло,
Не я, однакожъ....

МАРКЪ.

Ужъ отецъ и мать,
И дочь въ одеждѣ траурной, въ слезахъ
И площади и улицы обходятъ,
И за собою слѣдомъ оставляютъ
Въ народѣ всюду страшный плачъ и горе.
Ты ихъ увидишь, можетъ быть, и здѣсь.
Но не печальный, не въ слезахъ Ицилій
То здѣсь, то тамъ является съ толпой,
Которая ростетъ ежеминутно.
Съ оружьемъ онъ; онъ проситъ, угрожаетъ,
Взываетъ, убѣждаетъ и клянется.
Плачъ матери, невѣсты красота,
Сѣдого воина-отца заслуги,
И возмутительная рѣчь трибуна—
Все это искры страшнаго пожара.
Будь остороженъ.

АППІЙ.

Ну, и бойся ты,
Когда охота есть, и за себя,
И за меня, лишь только бы я самъ
Не вѣдалъ страха никогда! Ступай.
Ко мнѣ Виргиній, вижу я, идетъ;
Оставь меня наединѣ съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

АППІЙ, ВИРГИНІЙ.

АППІЙ.

Ка́къ?
И ты осмѣлился покинуть войско
И знамя? А! такъ нынѣ римскій воинъ
Все дѣлаетъ, что вздумалось ему.

ВИРГИНІЙ.

Приходу моему причина есть,
Притомъ же я нисколько не нарушилъ
Суровые военные законы,
Которымъ много лѣтъ ужъ подчиняюсь:
Я получилъ просимый мною отпускъ
И въ Римъ для дочери пришелъ, ты знаешь....

АППІЙ.

Что-жъ можешь за нее ты намъ сказать,
Чего-бъ сильнѣй не говорилъ законъ?

ВИРГИНІЙ.

Послушай. Я отецъ родной, увы!
И какъ отецъ — страшусь. Пусть за меня
Теперь повсюду въ Римѣ раздаются
Народа угрожающіе клики.
Я знаю мощь твою: открытой силой
Сломить ее — сомнительное дѣло....
Я знаю, что въ ужасныя несчастья
Могу повергнуть Римъ, и можетъ быть
Тѣмъ дочери своей все-жъ не спасу.
Оставь, о Аппій, замыслы свои....
Я знаю; вредъ ты можешь нанести;
Подумай же и самъ, подумай только,
Какая страшная грозитъ опасность
Не намъ однимъ — тебѣ!

АППІЙ.

Угрозы это
Или мольбы? Да развѣ судъ зависитъ
Отъ произвола только моего?
И дочь могу я у отца отнять?
Нѣтъ, сохранить ее при немъ я долженъ,
Хотя бы кровь мою пришлось пролить.
И это сдѣлаю — къ чему-же просьбы,
Когда ты ей дѣйствительно отецъ!
О, знаю хорошо, откуда желчь,
Которую такъ дурно ты скрываешь.
Тебѣ Ицилій переполнилъ сердце
Тьмой подозрѣній гнусныхъ и безчестныхъ.
О, да! Къ своимъ властолюбивымъ цѣлямъ
Онъ клеветою пролагаетъ путь.

И ты ему презрѣнному повѣрилъ?
Изъ гражданъ лучшій ты — и зятемъ выбралъ
Кого же — худшаго изъ всѣхъ трибуновъ?
Ты хочешь погубить съ нимъ вмѣстѣ дочь?
Ицилія погибель несомнѣнна;
И честной смерти не дождется онъ,
Хотя-бъ желалъ. Онъ заговоръ ужасный
И козни противъ Рима онъ куетъ;
Тиранами зоветъ насъ, но въ душѣ
Не о такомъ тиранствѣ помышляетъ:
Патриціевъ желаетъ уничтожить
И въ цѣпи тяжкія сковать плебевъ.
И онъ рѣшается взывать къ свободѣ!
О, ядъ тѣмъ смертоноснѣй и ужаснѣй,
Чѣмъ слаще то, въ чемъ намъ его даютъ.
Онъ поднимаетъ знамя возмущенья,
А это знамя — также и измѣны;
Но на оружіе оружіемъ отвѣчу,
Умомъ обманъ безчестный отражу.
Развѣдаю ужъ все. Свои всѣ ковы
Онъ не открылъ тебѣ, затѣмъ что маской
И исполнителемъ его желаній
Ты долженъ быть — а хищникомъ онъ самъ;
Сообщниковъ ему не нужно въ этомъ.
Что дорогъ Римъ тебѣ — какъ дочь твоя,
Онъ знаетъ — и защитникомъ ея
Передъ тобой желаетъ рисоваться;
Но посмѣются надъ тобой потомъ
И онъ, а съ нимъ и всѣ его клевреты.
Скрывается онъ только отъ тебя;
А тѣ не страшны — онъ открылся имъ,
Какъ притѣснитель Рима и измѣнникъ.

ВИРГИНІЙ.

Ужъ отымаютъ дочерей родныхъ
У робкихъ матерей и у отцовъ,
Которые потратили въ сраженьяхъ
Цвѣтъ жизни; ужъ блюстители законовъ
Становятся для насъ страшнѣй враговъ;
Какого-жъ притѣснителя еще
Бояться можетъ Римъ?

АППІЙ.

Ицилій, знаю,

Меня въ любви безумной обвиняетъ:
Но чѣмъ онъ можетъ это доказать?
Его лишь необузданная дерзость,
Народный шумъ и кротость, мягкость,
Быть можетъ неумѣстная, да, да,
Вотъ въ чемъ его улики состояли.
Маркъ дочь твою потребовалъ къ суду;
Маркъ мой кліентъ — изъ этого и выводъ,
Что я люблю ее, хочу похитить....
Не правда-ль, новый способъ разсужденій?

ВИРГИНІЙ.

Одинъ ли это говоритъ Ицилій?
Другіе подтверждаютъ обвиненье.

АППІЙ.

Любимая имъ дочь твоя, быть можетъ?

ВИРГИНІЙ.

Чего же больше? Много есть уликъ,
Которыхъ я не въ силахъ и назвать
Отъ гнѣва и стыда. Что ты виновенъ,
Изъ оправданья твоего ужъ видно.

АППІЙ.

И ты къ бунтовщикамъ пристать рѣшился?

ВИРГИНІЙ.

Рѣшился дочь спасти—или погибнуть.

АППІЙ.

Хотѣлъ бы я, чтобъ ты не пострадалъ,
Вѣдь я тебя люблю.

ВИРГИНІЙ.

За что ты любишь?

АППІЙ.

Твой мечъ понадобиться можетъ Риму.
О, да, пускай одинъ Ицилій погибаетъ.
Одинъ онъ это заслужилъ, а ты
Вполнѣ достоинъ жизни....

ВИРГИНІЙ.

Понимаю,
Ты думаешь, что я достоинъ рабства....

АППІЙ.

Не ниже никого, но выше всѣхъ
Тебя считаю я; увѣренъ будь,
Едва лишь только ты вернешься къ войску,
Я тотчасъ поручу тебѣ начальство....

ВИРГИНІЙ.

И смѣешь соблазнять меня на низость?
Я доблестью награду заслужилъ,
И милость Аппія ее мнѣ дастъ?
Какое же я сдѣлалъ преступленье,
Чтобъ эту милость заслужить? увы!
И въ войскѣ ужъ погасла искра чести,
И это знаетъ Римъ и знаетъ врагъ,
Который прежде только лгалъ кичливо,
А нынѣ можетъ смѣло утверждать,
Что многихъ римлянъ поразилъ онъ съ тылу.
Да, правда, честныя такія раны,
Какія видишь на груди моей,
И за которыя бывало въ Римѣ
Благословляли матери сыновъ,
Не на груди, а на хребтѣ умѣстны,
Когда сражаются лишь за тебя.
Я Риму только въ вѣрности поклялся
И пусть же прежде возродится Римъ,
Когда я долженъ въ войско возвратиться.
Твои слова лукавы; я же прямо
И твердо отвѣчаю: воинъ я,
Отецъ и гражданинъ. Не называю
Злодѣйствъ, которыхъ много у тебя:
Пока ихъ терпитъ Римъ, терплю и я;
Но дочь моя....

АППІЙ.

Не мной же возбужденный,
Маркъ поднялъ искъ, хоть лживая молва
И разглашаетъ это. Я, напротивъ,
Удерживалъ его насколько могъ.
Мнѣ очень жаль тебя; и я, быть можетъ,
Съумѣлъ бы безъ опасности, безъ шума

Виргинію оставить при тебѣ,
Когда-бъ ты движимъ былъ любовью къ ней;
Но ты вѣдь крови жаждешь, ты желаешь
Съ Ициліемъ ее соединить
И съ извергомъ сгубить себя и дочь.

ВИРГИНІЙ.

И можешь ты.... ее при мнѣ оставить?

АППІЙ.

Лишь пожелай Ицилію ея
Не отдавать.

ВИРГИНІЙ.

Я клятву далъ ему.

АППІЙ.

Онъ самъ сегодня клятву разрѣшитъ
Своею смертью. Можешь удалиться.
Рѣшайся-жъ: времени осталось мало.
Не отдавай Ицилію ея
И дочь твоя. Ицилія-жъ жена
Должна съ Ициліемъ и погибать;
Я не могу иначе поступить.

ВИРГИНІЙ.

Отецъ несчастный!... До чего ты дожилъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

АППІЙ.

Онъ — римлянинъ, къ несчастью. Да, самъ Аппій
Страшиться-бъ могъ, когда-бъ подобныхъ много
Нашлося въ Римѣ; къ счастью только двое
Достойны гнѣва моего; изъ нихъ
Одинъ отецъ и старъ, а развѣ это
Не мощныя оковы; а другому
Его же страшный пылъ препоной будетъ.
Искусство въ томъ, чтобъ бѣшенство его
Съумѣть ему-жъ на голову обрушить....
Но что я вижу? Это мать и дочь
Идутъ сюда, и съ плачущей толпой.
Теперь минута постараться мнѣ
Уговорить ихъ или напугать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

АППІЙ, НУМИТОРІЯ, ВИРГИНІЯ.

АППІЙ.

Пока у васъ есть время до суда,
И коротко оно, покиньте вы
Толпу, идущую за вами съ шумомъ.
Она вреда вамъ больше принесетъ,
Чѣмъ пользы. Я пока здѣсь не судья:
Послушай же Виргинія, приблизься;
Я покажусь теперь тебѣ, быть можетъ,
Совсѣмъ инымъ.

ВИРГИНІЯ.

Ты говорилъ съ отцомъ?

НУМИТОРІЯ.

Одумался? И лучшее рѣшенье
Тебѣ боязнью внушено?

АППІЙ.

Боязнью?
Не страхъ, а жалость говоритъ во мнѣ.
Послушайте-жъ, и вамъ слова мои
Покажутъ, что не знаетъ страха Аппій.
Люблю тебя, Виргинія, люблю.
И силы нѣтъ, которая-бъ могла
Тебя изъ рукъ моихъ теперь исторгнуть.
И есть изъ-за чего тебѣ покорно
Склониться на любовь мою.

ВИРГИНІЯ.

О небо!
Такъ это перемѣна. Мать, уйдемъ!...

АППІЙ.

Останься, выслушай. Такъ ты настолько
Въ своей любви къ Ицилію слѣпа?
О, если въ немъ тебя плѣнить могла
Его отважность дерзкая, то знай:
И я не менѣе его отваженъ!
Быть можетъ любишь почести и власть:
Но сдѣлайся онъ даже вновь трибуномъ,
Сравниться ли ему со мной въ величьи?

Высокъ онъ чувствами, свободенъ сердцемъ:
А развѣ у меня не выше сердце,
И не свободнѣй? И кто же какъ не я,
Замыслить можетъ подданными сдѣлать
Ицилія и всѣхъ ему подобныхъ—
И повинуются ужъ мнѣ они....

НУМИТОРІЯ.

И ты рѣшаешься во всемъ открыться?...

АППІЙ.

Я ужъ успѣлъ преодолѣть такъ много
И такъ мнѣ мало остается сдѣлать,
Что дѣйствовать открыто — намъ пора!
Всю мощь мою понять не въ силахъ вы.
Подвластны мнѣ и тысячи мечей....
И Марка вредный вамъ языкъ. Рѣшись
Не сдѣлаться Ицилія женой,
И страшный искъ я тотчасъ прекращаю.

ВИРГИНІЯ.

Его покинуть мнѣ?... о, нѣтъ, скорѣе....

НУМИТОРІЯ.

Неслыханная дерзость!... о, злодѣй!...

АППІЙ.

Ты думаешь — тебя Ицилій любитъ
Какъ я люблю? Повѣрь, свое трибунство,
Свои мечты пустыя о свободѣ,
И шумъ народныхъ сборищъ любитъ онъ.
На время онъ притихъ — и вотъ теперь,
Безумный, онъ въ тебѣ предлогъ находитъ
Для достиженья цѣли; въ немъ тщеславье,
А не любовь къ тебѣ заговорила.
И если я, стремясь къ желанной цѣли,
Могу предвидѣть грозную опасность,
Не доказательство-ль ты видишь въ этомъ,
Какъ безпредѣльно я люблю тебя?
Изъ-за тебя и власть, и жизнь, и славу
Я жребію невѣрному ввѣряю;
Я всѣмъ любви пожертвовать готовъ,
А для Ицилія любовь — лишь средство.

ВИРГИНІЯ.

Остановись. Своей коварной рѣчью
Ицилія не можешь ты унизить,
И самъ ничуть не сдѣлаешься выше.
Сравненье просто тутъ: въ немъ есть все то,
Чего въ своей душѣ ты не найдешь;
И что въ немъ есть — въ тебѣ то невозможно.
Ты ненавистенъ мнѣ — онъ мной любимъ.
И о любви ты смѣешь говорить?
Ты этимъ именемъ зовешь порокъ.
Съ тобою бракъ — ужасно и подумать,
Но приходила-ль мысль тебѣ хоть разъ
Меня женой избрать?...

АППІЙ.

Быть можетъ, я
Со временемъ....

ВИРГИНІЯ.

Чтобъ я когда-нибудь!...
О, не подумай...

НУМИТОРІЯ.

Ты, какъ вижу, хочешь
Надъ нами издѣваться... о, проклятье!

ВИРГИНІЯ.

Безчестный, думалъ ты меня склонить...

АППІЙ.

Увидимъ... покоришься ты мнѣ скоро,
Обрызганная кровью жениха.

ВИРГИНІЯ.

О небо!

АППІЙ.

Да; и кровію отца.

НУМИТОРІЯ.

О, извергъ!...

ВИРГИНІЯ.

И отецъ мой....

АППІЙ.

Смерть обоимъ.
Лишь укажу — и гибнетъ въ Римѣ всякій.
Примѣръ вамъ Сикцій, въ войскѣ пораженный.
И часу не пройдетъ, какъ кровь польется.

ВИРГИНІЯ.

Ицилій!... часъ одинъ!... О, пощади!
И тотъ, кого люблю.... и мой отецъ....

НУМИТОРІЯ.

По знаку твоему они погибнутъ?
И власть твоя тогда не пошатнется?...

АППІЙ.

Да еслибъ все обрушилось со мною,
Ужель отъ этого воскреснуть могутъ
Ицилій и твой мужъ?

ВИРГИНІЯ.

Ужасенъ ты...

НУМИТОРІЯ.

Не дѣлай этого.... гляди и слушай,
Я умоляю.

АППІЙ.

Словомъ лишь однимъ
Она спасти обоихъ можетъ.

ВИРГИНІЯ.

.......Аппій....
Повремени хоть день одинъ ударомъ.
Я заклинаю; мысль межъ тѣмъ о бракѣ
Отброшу я... пускай моимъ не будетъ
Ицилій, только пусть не погибаетъ.
Всѣ силы соберу, чтобъ образъ милый
Изъ сердца вырвать.... Разобью надежду,
Которой жилъ Ицилій столько лѣтъ.
Межъ тѣмъ.... теченье времени... быть можетъ....
Какую жертву принести еще?
О, пусть живетъ Ицилій! погляди,
Къ твоимъ ногамъ съ мольбой я упадаю.

О, что я дѣлаю?... что говорю?
Во мнѣ усилить только можетъ время
Любовь къ нему и ненависть къ тебѣ.
Прочь страхъ: я римлянка; ни мой отецъ,
Ни мой женихъ не пожелали-бъ вѣрно,
Спасенье низостью своей купить.
Мнѣ будетъ нечего терять ужъ больше,
Когда они падутъ. Ты, мать моя,
О мать, ты развѣ мнѣ не дашь кинжала?

НУМИТОРІЯ.

О, дочь, пойдемъ.... на небѣ боги есть;
Они отмстятъ невинно притѣсненныхъ:
На нихъ возложимъ мы надежду нашу....

ВИРГИНІЯ.

О, поддержи меня.... слабѣютъ ноги....

ЯВЛЕНІЕ V.

АППІЙ.

Упорствуетъ еще?—Но неудача
Мою настойчивость усилитъ только.
Огонь любви къ плебейской красотѣ
Въ моей груди, едва лишь только вспыхнувъ,
Мгновенно погасалъ, но вотъ теперь,
Когда изъ-за Виргиніи ничтожной
Весь Римъ ко мнѣ негодованья полнъ,
Ея черты глубоко, неизмѣнно
Мнѣ въ сердце врѣзались. Теперь она
Необходима для меня, какъ власть,
И можетъ быть милѣе самой власти....
Однакожъ часъ шестой ужъ недалёкъ:
Посмотримъ, приготовлено ли всё,
Чтобъ показать презрѣнной этой черни,
Что больше Римъ не въ ней, что Римъ во мнѣ.

ДѢИСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВИРГИНІЙ, ИЦИЛІЙ, съ своими приверженцами.

ВИРГИНІЙ.

Часъ роковой ужъ недалекъ. Ицилій,
Ты замѣчаешь, какъ со всѣхъ сторонъ
Войска идутъ на форумъ? и вокругъ...

ИЦИЛІЙ.

Вокругъ себя дружину вижу я;
Она мала, но страхъ ей незнакомъ....
Быть можетъ....

ВИРГИНІЙ.

И на нихъ ты положился?

ИЦИЛІЙ.

Я полагаюсь на себя.

ВИРГИНІЙ.

Во мнѣ
Увѣренъ будь, какъ и въ самомъ себѣ.
Я раньше нѣсколько пришелъ сюда
И убѣжденъ былъ, что тебя здѣсь встрѣчу....
Не откажи, не многаго прошу,
Откройся мнѣ: какъ думаешь ты послѣ,
Когда падутъ съ насъ цѣпи децемвировъ,
Какой ты санъ принять тогда намѣренъ?
Скажи теперь же мнѣ: чѣмъ, думаешь,
Ты сдѣлаешься въ Римѣ?

ИЦИЛІЙ.

Гражданиномъ,
Свободнымъ, стану называться я....
Всѣмъ римлянамъ я въ этомъ буду равенъ;
Насъ выше станутъ лишь одни законы,
А ниже насъ—преступники, злодѣи....
И усумнился ты во мнѣ, Виргиній;
Но я не обижаюсь; подозрѣнье
Такое низкое въ тебѣ родиться
Не можетъ никогда. Его вдохнулъ
Въ тебя конечно Аппій.

ВИРГИНІЙ.

Злое время!
И власть уже къ обману прибѣгаетъ....
Не вѣрилъ я, но Аппій такъ искусно
Свои слова сплеталъ. Но успокойся;
Когда-бъ ему я и повѣрилъ даже,
Гораздо больше истины я вижу
Въ одномъ твоемъ открытомъ взглядѣ,
Чѣмъ въ клятвахъ Аппія. О, онъ злодѣй!
Клянусь... Нѣтъ, за одно съ тобой я буду,
Какъ за одно съ тобой твой мечъ и сердце.

ИЦИЛІЙ.

Я вѣрю; да, въ тебѣ лишь я увѣренъ,
Но въ этихъ, нѣтъ; хотя они недавно
Клялися въ вѣрности и мнѣ и Риму.
Ихъ могутъ отдалить отъ насъ и страхъ,
И золото, и клевета. Пусть такъ,
Но если Аппій будетъ непреклоненъ —
Ему бѣда; а всѣ лукавыя попытки
Ввести тебя въ обманъ — знакъ несомнѣнный,
Что онъ боится. Ищетъ онъ опоры
Лишь въ низости порабощенной черни —
И тутъ не ошибётся. И подумай:
Погибнетъ Аппій, — но не всѣ тираны
Погибнутъ съ нимъ — ихъ девять остается;
Они не такъ вліятельны какъ Аппій,
За то въ различныхъ властвуютъ мѣстахъ,
И оба войска — эта сила Рима —
У нихъ въ рукахъ. Сомнительна свобода,
Которой лишь немногіе здѣсь жаждутъ
И ты одинъ достоинъ. Мщенье только
Мнѣ вѣрнымъ кажется. Опасность вся
Видна мнѣ ясно; потому-то я
Иду на встрѣчу ей....

ВИРГИНІЙ.

О, ты великъ!
Въ тебѣ умретъ или воскреснетъ Римъ
Сегодня. Старости моей, конечно,
Уступишь ты высокую лишь честь—
Дать знакъ тебѣ. Куда, когда и какъ
Нанесть ударъ — моя забота будетъ.

Рукой схвативши рукоять меча,
Съ меня ты глазъ спускать не долженъ будешь—
Межъ тѣмъ, мы въ этомъ сонмѣ оглядимся.
Рѣшившись не щадить—сперва, быть можетъ,
Найдемъ мы нужнымъ, кротости личину
Одѣть. Ты подражай мнѣ, умоляю.

ИЦИЛІЙ.

И римлянинъ теперь ты и отецъ.
Ты дашь мнѣ знакъ—и молніи быстрѣй
Ударъ я нанесу.

ВИРГИНІЙ.

Теперь ступай!
Сопровождать ты долженъ слабыхъ женщинъ,
А храбрые товарищи твои
Пускай вмѣшаются въ толпу народа.
Тѣмъ лучше, если Аппій появившись
Найдетъ здѣсь одного меня. Ему
Уклончиво начну я отвѣчать
И высмотрю межъ тѣмъ подробно мѣсто,
Откуда на него напасть удобнѣй.
Здѣсь жду тебя. Когда ты возвратишься,
Старайся не казаться слишкомъ дерзкимъ,
Сдержи и скрой свой гнѣвъ, вѣдь это не надолго,
И скоро весь онъ разразится тутъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВИРГИНІЙ.

О дочь!... О Римъ!—теперь боюсь я только
Ицилія отваги слишкомъ пылкой.

ЯВЛЕНІЕ III.

АППІЙ и ВИРГИНІЙ.

АППІЙ.

Скажи-жъ: рѣшился ты?

ВИРГИНІЙ.

Уже давно.

АППІЙ.

Какъ долгъ отца велитъ, не правда-ль?

ВИРГИНІЙ.

Да,
Я долгу римскаго отца послушенъ.

АППІЙ.

И связи всѣ съ Ициліемъ порвалъ?

ВИРГИНІЙ.

Я узами тремя съ нимъ крѣпко связанъ.

АППІЙ.

Какими?

ВИРГИНІЙ.

Кровью, дружбою и честью.

АППІЙ.

А, вѣроломный! пусть же кровь прольется,
И ихъ запечатлѣетъ.

ВИРГИНІЙ.

Я готовъ
Ихъ кровью освятить. Напрасно станемъ
Тебѣ сопротивляться—знаю я.
И потому услышавши рѣшенье,
И прежде чѣмъ отымутъ дочь мою,
Паду на мечь мой—вотъ одинъ исходъ.
Я уповаю только на боговъ:
Они отмстятъ тебѣ когда-нибудь.

АППІЙ.

Вотъ Аппія хранительные боги!
Вотъ эти полчища вокругъ меня!
Прибѣгните и вы сегодня, знаю,
Къ вооруженной силѣ, частью явной,
А больше скрытой,—но со мной законъ,
А съ вами своеволіе и дерзость.
Мнѣ даже неудача будетъ славой;
А вамъ успѣхъ—безчестье принесетъ.
О, да, побѣда ваша.—Ужъ толпами
Народъ стремится яростно на форумъ;

Ты положиться можешь на него —
Всегда онъ властенъ сдѣлать что захочетъ.
Вотъ и Виргинія идетъ рыдая,
За нею мать; она стенаетъ громко;
Всё въ безпорядкѣ—волосы, одежда.
Ты слышишь шумъ? Дрожитъ отъ кликовъ воздухъ.
О, вѣрно силу грозную на форумъ
Ведетъ Ицилій храбрый за собой.

ЯВЛЕНІЕ IV.

НУМИТОРІЯ, ВИРГИНІЯ, АППІЙ, ВИРГИНІЙ, МАРКЪ, народъ ликторы.

НУМИТОРІЯ.

Предательство!

НАРОДЪ.

О! злополучный день!

ВИРГИНІЯ.

Отецъ мой! ты по крайней мѣрѣ живъ!
Ты живъ еще. О, небо!... ты не знаешь....
Ицилій.... Ахъ!...

ВИРГИНІЙ.

Что съ нимъ? Его не вижу.

НУМИТОРІЯ.

Ицилій умираетъ.

ВИРГИНІЙ.

Что я слышу?

АППІЙ.

Кто былъ такъ ревностенъ въ защитѣ Рима,
Что поразилъ злодѣя не дождавшись,
Чтобъ наказалъ его законъ суровый?

НУМИТОРІЯ.

Безбожный! и притворствовать ты смѣешь!
Спокойный въ храбрости своей онъ шелъ
На форумъ вмѣстѣ съ нами; вдругъ на встрѣчу
Бросаются къ нему съ грозящимъ видомъ
Его-жъ приверженцы: Арантъ и Фавстъ,
Цезеній и другіе, — всѣ съ оружіемъ.

Арантъ кричитъ: «Ицилій, ты предатель?»...
Всѣ гнѣвомъ вспыхнули; въ одно мгновенье
Мечи обнажены — и на него
Всѣ ринулись; Ицилій, не успѣвши
Ни слова выронить, — ужъ защищался,
Вокругъ себя удары разсыпая.
Арантъ повергнутъ первый и за нимъ
Всѣ тѣ, что духъ имѣли нападать.
Вдругъ издали раздался крикъ трусливыхъ
И пробѣжалъ въ толпѣ смущенной страхомъ:
«Ицилій, — римляне, — злодѣй, предатель!
Онъ хочетъ въ Римѣ сдѣлаться царемъ».
Лишь только это слово прозвучало,
Какъ на него напали всѣ отвсюду
И стала неизбѣжною погибель.

ВИРГИНІЙ.

Какая смерть для доблестнаго сердца!

НУМИТОРІЯ.

Но недостоинъ мечъ чужой ничей
Сразить его. Онъ свой въ себя вонзилъ,
И умирая вскрикнулъ: «Я желаю
Не царствовать, но не остаться въ рабствѣ.
Жена, учись свободной умирать!»

ВИРГИНІЯ.

О, я услышала тебя, увы мнѣ!...
И за тобой послѣдую мой милый....
Я видѣла какъ мечъ изъ груди ты
Три раза извлекалъ и вновь вонзалъ,
Я силилась дрожащею рукой
Схватить тотъ мечъ.... но.... все напрасно было....

НУМИТОРІЯ.

Отъ зрѣлища кроваваго толпа
Своей волной насъ съ шумомъ увлекла
И бросила сюда.

ВИРГИНІЙ.

Ицилій палъ,
О, римляне.... царитъ надъ вами Аппій....

АППІЙ.

Погибели Ицилія орудье —
Его друзья и собственныя руки.
Онъ зналъ себя — и смертью искупилъ
Покрытую позоромъ жизнь свою.
Какъ римлянинъ онъ палъ — но жилъ иначе.
Предателя я не хотѣлъ казнить —
Онъ былъ вамъ слишкомъ милъ. Но время, къ счастью,
Все объяснитъ и сниметъ съ вашихъ глазъ
Ужасную повязку. Осудить
Его на смерть я попытался только, —
А вотъ улика новая въ тиранствѣ.
И собственнымъ приверженцамъ своимъ
Казался также онъ достойнымъ смерти.

ВИРГИНІЙ.

Ты не обманешь никого, — о нѣтъ!
Довольно. Каждый узнаетъ творца
Ужасной этой мести. Онъ погибъ,
И замыслы твои ужъ достигаютъ цѣли.
Но продолжай же судъ и насъ заставь
Рѣшенье выслушать твое. Увы!
Чего прошу? Кто-жъ здѣсь законодатель,
Среди вооруженныхъ этихъ полчищъ,
Когда весь Римъ трепещущій молчитъ?

АППІЙ.

О, вѣроломные! Вновь клевета!
Что вамъ неудалося возмущенье
И преданы предателями вы —
Виновенъ въ этомъ я? Измѣну встрѣтилъ
Измѣнникъ самъ — какое-жъ въ этомъ диво?
Къ вамъ, римляне, теперь я обращаюсь.
Войска въ оружіи вамъ видны здѣсь
Кругомъ. Они стеклись для блага Рима.
Противустать верховной вашей волѣ
Осмѣлится ли кто? Не я, конечно.
Но я рѣшился отъ немногихъ злостныхъ
Спасти и защитить величье Рима,
Въ которое меня вы облекли.
А развѣ всѣ предатели погибли
Съ Ициліемъ? Эй, ликторы! впередъ!

Пусть будетъ вами оцѣпленъ Виргиній,
Пока продлится судъ. На злое дѣло
Сюда явился онъ. Когда желаетъ,
Въ защиту дочери пусть говоритъ,
Но къ силѣ прибѣгать не дозволяйте.

НУМИТОРІЯ.

Увы!

ВИРГИНІЯ.

О горе мнѣ! отецъ?...

ВИРГИНІЙ.

Да, правда,
Предатель я: Виргинія мнѣ дочь;
Ицилій мужъ ея — и онъ предатель.
Предатель всякъ, кто дочь или жену
Его распутству уступить не хочетъ.
Еще не всѣ вполнѣ убѣждены
Въ его безжалостномъ и зломъ развратѣ?
О, римляне, хоть я и не преступенъ,
Но пусть меня какъ тысячи другихъ
Влекутъ на смерть; невинная лишь дѣва
Пускай не погибаетъ; ей грозитъ
Опасность хуже смерти несравненно.
Не за себя прошу: я за нее
Страшусь, и плачу только лишь объ ней.

НУМИТОРІЯ.

И плачъ нашъ вашихъ слезъ не вызываетъ?
Сегодня нашъ примѣръ научитъ васъ,
Отцы, чего вамъ нужно ожидать....
Жестокіе!... молчанье всѣ хранятъ!...
О, матери! хоть вы меня услышьте!
Вы только любите неложно тѣхъ,
Кого питали молокомъ и кровью.
Рождать дѣтей здѣсь преступленье, да!
Отнынѣ, если дорога вамъ честь
И дочерей и ваша — при рожденьи
Спѣшите поразить ихъ въ грудь кинжаломъ.

АППІЙ.

Вы слышите? Вотъ матери любовь!
И кто-жъ теперь не видитъ, что она

Не истинная мать и что отецъ
Обманутъ ею былъ. Желали вы,
И справедливымъ это я нашелъ,
Чтобъ на судѣ присутствовалъ Виргиній.
Вотъ онъ; онъ здѣсь; но и приходъ его
Не можетъ правосудія нарушить.
Я допросилъ свидѣтелей, истца, —
Согласны всѣ — и право Марка ясно:
Передъ народомъ въ этомъ я клянусь.
Мать ложную улики убѣдили,
И приговоръ она нарушить хочетъ
Народнымъ возмущеньемъ; больно мнѣ
Обманъ открыть несчастному отцу,
Который долго вѣрилъ, что отецъ онъ;
Но это долгъ мой. — Маркъ, возьми рабу:
Виргинія принадлежитъ тебѣ.

НУМИТОРІЯ.

О, судъ неслыханный! и мнѣ не внемлютъ!

ВИРГИНІЯ.

О, мать! отца сѣкиры окружаютъ:
Онъ заступиться за меня не можетъ;
Едва лишь говорить теперь онъ смѣетъ —
И то напрасно все: дай мнѣ кинжалъ,
Ты обѣщала мнѣ — онъ при тебѣ.
Мой мужъ погибъ; ты не захочешь вѣрно,
Чтобъ потеряла я и честь мою?

ВИРГИНІЙ.

О стадо подлое рабовъ презрѣнныхъ!
Такъ вотъ что трусость сдѣлала изъ васъ?
Дрожа за жизнь, забыли вы дѣтей,
И честь, и все? Я слышу, слышу ясно
Вашъ ропотъ сдержанный — но вы недвижны.
О, низкіе вдвойнѣ! Пусть васъ постигнетъ
Судьба подобная моей иль хуже, —
Когда возможно хуже что-нибудь....
Лишивши васъ имущества, свободы,
Оружія, дѣтей и женъ, ума
И чести — пусть когда-нибудь тиранъ
У васъ исторгнетъ въ долгихъ, страшныхъ мукахъ
И эту обезчещенную жизнь,

Чтò вы цѣной безславія храните,
Хоть ужъ не ваша собственность она.

АППІЙ.

Лишь одного тебя народъ жалѣетъ.
Умолкните! Отдать скорѣй рабу
Ея владыкѣ. Ликторы! за дѣло!
Мать ложная за тѣмъ лишь только плачетъ,
Чтобъ возмутить народъ. Чужую дочь
Берите смѣло изъ ея объятій.

НУМИТОРІЯ.

Меня убейте прежде.

ВИРГИНІЯ.

Мать!

НАРОДЪ.

О, день!

ВИРГИНІЙ.

Вели помедлить мигъ одинъ, о Аппій!
Останови ихъ и услышь меня.
Я эту дѣву воспиталъ какъ дочь
И болѣе себя любилъ ее;
И если даже былъ женой обманутъ,
Обмана этого не вѣдалъ я....

НУМИТОРІЯ.

Какія рѣчи? Небо! и жену
Ты унижаешь такъ? О, что съ тобой?

ВИРГИНІЯ.

Отецъ! ты такъ перемѣниться могъ?
Своей меня ужъ не считаешь больше?
О, горе бѣдной мнѣ!

ВИРГИНІЙ

Чтобъ я ни думалъ,
Люблю тебя, какъ любитъ дочь отецъ.
Дозволь мнѣ, Аппій, разъ, одинъ лишь разъ
Прижать ее передъ разлукой близкой
Къ груди, чтó нѣкогда была отцовской.

Тобою уничтоженный, разбитый,
Отъ гордости моей я отрекаюсь;
Въ тебѣ отнынѣ чту величье Рима,
Его законы и его боговъ.
Но отъ отеческой любви моей,
Чтó честью жизни много лѣтъ была,
Могу-ль я отказаться въ день одинъ,
Въ одно мгновенье?

АППІЙ.

О, возможно-ль думать,
Чтобъ я когда-нибудь былъ такъ жестокъ —
И преступленьемъ счелъ твою любовь.
Въ себя пришелъ ты — и теперь со мной
Какъ должно говоришь. И я отвѣчу —
Какъ слѣдуетъ.... Дорогу дать ему!

ВИРГИНІЙ.

Скорѣй на грудь ко мнѣ, о дочь моя!
Мнѣ этимъ именемъ назвать тебя —
Хоть разъ одинъ еще — такъ сладко. Да,
Одинъ лишь разъ. Прими же отъ меня
Залогъ любви послѣдній мой — свободу
И смерть. — Поражаетъ ее ножемъ.

ВИРГИНІЯ — падая.

О.... истинный отецъ.... ты мнѣ....

НУМИТОРІЯ.

О небо!... дочь....

АППІЙ.

Что сдѣлалъ ты, Виргиній?...
Эй, ликторы, скорѣе!...

ВИРГИНІЙ.

Богу ада
Я посвящаю голову твою
Невинной этой кровью....

НАРОДЪ.

Страшный подвигъ!
Тиранъ ты, Аппій....

ВИРГИНІЙ.

Гнѣвъ теперь васъ движетъ?
Увы! ужъ слишкомъ поздно; жизнь невиннымъ
Нельзя ужъ возвратить.

НАРОДЪ.

Тирану смерть!
Смерть Аппію!

АППІЙ.

Убійцѣ смерть, и смерть
Бунтовщикамъ!

ВИРГИНІЙ.

Намъ остается время
Предъ смертью отомстить. Кто храбръ изъ васъ?

АППІЙ.

Пока я живъ, казнить тебя успѣю.

ВИРГИНІЙ.

Смерть Аппію тирану!

НАРОДЪ.

Смерть ему!

Занавѣсъ падаетъ.

Ѳ. Бредихинъ.

ВЪ

ТИХОМЪ ОКЕАНѢ

(Изъ кругосвѣтнаго плаванія „Боярина“).

I.

Очерки Тасманіи.

Корвету «Бояринъ» во время плаванія изъ Европы къ берегамъ Амура пришлось посѣтить нѣкоторые порты Австраліи и между ними Гобартъ-Тоунъ, столицу Тасманіи, который со времени пребыванія въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія шлюпа «Ладога» не видѣлъ русскаго флага. Радушіе, оказанное жителями во время довольно продолжительной стоянки, ихъ готовность доставить всѣ желавшіяся свѣдѣнія, подали мнѣ мысль написать очеркъ колоніи, такъ мало извѣстной у насъ; я коснулся при этомъ также нѣкоторыхъ болѣе частныхъ подробностей пребыванія нашего корвета въ гостепріимномъ портѣ, которыя могутъ не представлять общаго интереса, и потому тѣхъ изъ читателей, которымъ эти подробности покажутся скучными, я попрошу прямо перейти ко второй половинѣ очерка, посвященной собственно описанію острова.

12-го мая 1870-го года мы увидѣли скалистые берега Тасманіи, а на другой день утромъ вошли въ р. Дервентъ, на которой лежитъ столица острова, Гобартъ-Тоунъ. Передъ входомъ

въ рѣку стоитъ маякъ Iron pot, на которомъ живутъ лоцмана; отъ этого мѣста до города считается 11 миль. Утро было великолѣпное, теплое. Волненіе улеглось. Острова Леди Франклинъ и Бруни закрыли насъ отъ океана; мы плыли по гладкой поверхности моря, точно по озеру. По обѣимъ сторонамъ тянулись высокіе холмы, густо поросшіе лѣсомъ, спускающимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чуть не до воды. Маленькіе заливчики, забѣгающіе впередъ мыски разнообразятъ линію берега, а высокіе, синѣющіе въ дали и какъ бы наложенные другъ на друга силуэты горъ составляютъ красивый фонъ общей картины, не малымъ украшеніемъ которой служатъ разбросанныя по склонамъ холмовъ дачи, фермы съ ихъ садами, рощами и полями разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, начиная отъ ярко зеленыхъ всходовъ, залотистыхъ красокъ убраннаго хлѣба и кончая темными полосами вспаханнаго поля. Впереди бѣлѣли зданія Гобартъ-Тоуна, прислонившагося у подножія горы Веллингтонъ, вершина которой куталась въ облакахъ. Рѣка противъ города нѣсколько расширяется, и закрытая изгибами береговъ принимаетъ видъ озера. Всякій новый видъ, обладающій хотя сколько-нибудь новыми чертами, имѣетъ свойство вызывать сравненія и путешествовавшіе по Швейцаріи говорили, что Гобартъ-Тоунъ напоминаетъ Женеву: Дервентъ замѣняетъ озеро Леманъ, а гора Веллингтонъ можетъ быть принята за Салевъ. Сравненіе, конечно, ограничивается только этими внѣшними чертами. Лишь только вы вступили на берегъ, васъ поражаетъ совершенно англійскій характеръ мѣста. Въ городѣ не встрѣчается зданій, которыя могли бы имѣть претензію на изящную, величественную архитектуру. Liverpool street, это — Невскій проспектъ Гобартъ-Тоуна; она пестритъ въ глазахъ магазинами, вывѣсками, наиболѣе оживлена торговымъ движеніемъ, экипажами и зѣваками. Macquarie street, поднимающаяся въ гору, самая фешенебельная; здѣсь помѣщается нѣсколько банковъ, школъ, церквей, изъ которыхъ St.-David's самая древняя, много правительственныхъ зданій; изъ нихъ самое красивое Town-Hall, съ большою въ два свѣта залою. Эта зала служитъ мѣстомъ собраній при выборахъ и т. п. Недалеко отъ Town-Hall, на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ губернаторскій домъ, теперь раскинулся очень красивый небольшой скверъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ поставленъ памятникъ сэру Джону Франклину, бывшему нѣкоторое время губернаторомъ острова. Памятникъ очень хорошаго рисунка и тщательной отдѣлки; подлѣ него поставлена русская пушка, чуть ли не трофей Бомарзунда; по очень понятному чувству деликатности, ее закутали тщательно чехломъ, такъ что мнѣ не удалось на нее и взглянуть.

Но я удаляюсь отъ намѣренія разсказать послѣдовательно, насколько позволяетъ память, главныя обстоятельства нашего пребыванія въ Тасманіи. Пора вернуться на корветъ, который сталъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега. На пристаняхъ собрались цѣлыя толпы любопытныхъ; многіе изъ нихъ на шлюпкахъ сновали кругомъ корвета, высаживая, по обыкновенію, разныхъ коммиссіонеровъ и поставщиковъ, предлагавшихъ свои услуги. Вскорѣ пріѣхалъ къ капитану съ визитомъ колоніальный секретарь и здѣшній премьеръ Джемсъ Мильнъ Вильсонъ, а я былъ посланъ къ губернатору съ увѣдомленіемъ о приходѣ корвета. Съѣхавъ на берегъ въ эполетахъ, я имѣлъ несчастіе привлечь вниманіе здѣшняго назойливаго юнаго поколѣнія, и спѣшилъ укрыться отъ ихъ преслѣдованія въ первомъ попавшемся экипажѣ. Губернаторскій домъ—настоящій дворецъ (стоилъ колоніи съ отдѣлкой около 600,000 р. с.) и выстроенъ за городомъ, на возвышенности, съ которой открывается широкій видъ на оба конца рѣки.

Меня встрѣтилъ секретарь губернатора, m-r Чичестеръ. Обмѣнявшись приличными случаю фразами, онъ предложилъ представить меня губернатору, но я, не желая безпокоить послѣдняго, просилъ передать ему сказанное, и откланялся.

Въ день нашего прихода, губернаторомъ давался балъ по случаю рожденія королевы. Капитанъ и офицеры получили приглашеніе. Это былъ первый вечеръ, со времени оставленія Кронштадта, гдѣ мы имѣли случай опять видѣть общество. Послѣ представленія всѣхъ офицеровъ губернатору, сэру Du-Cane и лэди Du-Cane, мы были приглашены принять участіе въ танцахъ. Балъ оказался очень оживленнымъ, приглашенныхъ было около 500 человѣкъ. Отличный оркестръ, яркое освѣщеніе, великолѣпная обстановка залы, блестящіе костюмы дамъ и красивые англійскіе военные мундиры представляли весьма эффектную картину. Ужинъ и открытый буфетъ были очень изящно и богато сервированы. Губернаторъ и его секретарь были въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, бѣлыхъ штанахъ, чулкахъ и башмакахъ.

На другой день корветъ салютовалъ націи, на что мы получили отвѣтъ съ баттареи, на которой, по неимѣнію королевскихъ войскъ, прислугу у орудій составляли волонтеры.

Въ этотъ же день капитанъ дѣлалъ визиты нѣкоторымъ оффиціальнымъ лицамъ въ городѣ. Корветъ, между тѣмъ, сталъ дѣятельно готовиться къ посѣщенію публики, которой было объявлено чрезъ посредство здѣшней прессы, что ранѣе извѣстнаго срока, необходимаго для приведенія судна въ порядокъ, она къ осмотру допущена быть не можетъ. Наконецъ, 17-го мая кор-

ветъ былъ готовъ, выкрасился, вычистился, вымылся. Въ два часа отъ пристани отвалила первая шлюпка съ посѣтителями, за ней вторая, третья.... Наконецъ, цѣлая флотилія ихъ окружила корветъ, высаживая пеструю публику. Верхняя и нижняя палубы были положительно запружены посѣтителями, залѣзавшими во всѣ углы, въ шкиперскую, малярную, въ водяной трюмъ — однимъ словомъ всюду. Всѣ эти сокровенныя мѣста были безукоризненно чисты, что вызывало всеобщее удивленіе и одобреніе. Главное вниманіе обращала на себя наша артиллерія и ружья Баранова. Со спускомъ флага публика стала разъѣзжаться, выставка кончилась.... Мы могли вздохнуть свободнѣе. Въ этотъ день перебывало народу около 2,000 человѣкъ!

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, съ двухъ до пяти часовъ корветъ оставался открытымъ для посѣтителей, продолжавшихъ свои визиты, но съ нѣсколько меньшимъ усердіемъ. Tasmanian Club прислалъ приглашенія капитану и офицерамъ состоять почетными членами во время нашего пребыванія въ портѣ. Клубъ занимаетъ хотя не роскошное, но очень удобное помѣщеніе въ домѣ, котораго бо̀льшая половина принадлежитъ отелю Webb, лучшей гостинницѣ въ городѣ. За прилавкомъ ея bar-room'а постоянно толпились въ извѣстные часы наши офицеры и мѣстная молодежь, расточавшіе комплименты хорошенькой, стройной бѣлокурой миссъ Алисѣ, дочери хозяина отеля, быстро исполнявшей съ постоянной улыбкой на устахъ многоразличныя требованія по части утоленія жажды ея поклонниковъ и еще болѣе быстро обиравшей обильно сыпавшіеся шиллинги и сиксъ-пенсы. Во всѣхъ городахъ Австраліи за bar'омъ всѣхъ гостинницъ, даже тавернъ, вы всегда встрѣтите молодыхъ дѣвушекъ, болѣе или менѣе хорошенькихъ. Цѣль достигается вполнѣ — bar-room'ы рѣдко бываютъ пусты,—хотя, конечно, такое примѣненіе женской красоты къ практическимъ цѣлямъ жизни едва-ли можетъ назваться строго нравственнымъ. Въ пятницу, 15-го мая, капитанъ и всѣ свободные офицеры были приглашены на балъ въ Assembly rooms; онъ начался около десяти часовъ вечера съ пріѣздомъ губернатора и его лэди.

При входѣ ихъ въ залу всѣ встали, раздался God save the Queen, послѣ чего танцы начались вальсомъ и продолжались до 2-хъ час. ночи. Климатъ Тасманіи считается лучшимъ между всѣми австралійскими колоніями; этимъ можно объяснить свѣжесть и красоту здѣшняго населенія. Услужливые кавалеры не замедлили насъ представить мѣстнымъ красавицамъ, и вечеръ былъ проведенъ нами очень пріятно. На другой день мы опять танцовали на вечерѣ у директора одного изъ здѣшнихъ банковъ.

Семейство его оказало наиболѣе вниманія и радушія въ отношеніи нашихъ офицеровъ.

Среда, 20-го мая, была назначена для осмотра правительственныхъ и благотворительныхъ заведеній. По съѣздѣ на берегъ мы сѣли въ ожидавшіе насъ экипажи, и въ сопровожденіи колоніальнаго секретаря Вильсона, министровъ Ботлера и Чапмана поѣхали по городу. Первое изъ посѣщенныхъ нами мѣстъ было зданіе парламента, довольно скромное по наружности и внутренней отдѣлкѣ. Мы были встрѣчены и проведены по заламъ гг. Голломъ и Ноуэллемъ, секретарями, первый — палаты представителей, второй — законодательнаго совѣта. Изъ парламента мы отправились далѣе; осмотрѣли ратушу (Town-Hall), о которой я имѣлъ случай упоминать выше, главный судъ (Supreme Court), музеумъ, состоящій изъ одной большой залы и содержащей разные предметы естественной исторіи, изъ которыхъ нѣкоторые весьма плохо препарированы; между прочимъ, въ музеѣ хранятся черепа казненныхъ въ Тасманіи преступниковъ; затѣмъ бѣгло осмотрѣли таможню, почту, замѣчательно удобно и хорошо организованную; госпиталь, не отличающійся ни чистотой, ни хорошей вентиляціей, и наконецъ тюрьму, устроенную по англійскому образцу.

Преступники по категоріямъ помѣщаются вмѣстѣ или въ отдѣльныхъ келіяхъ, которыя не отапливаются и сыры. Заключенные употребляются для общественныхъ и правительственныхъ работъ, какъ-то: для проложенія дорогъ, ломки камня и проч. Виновные въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ отсылаются въ портъ Arthur, гдѣ, намъ говорили, тюрьма устроена со всѣми новѣйшими усовершенствованіями и представляетъ образцовое заведеніе.

Смертная казнь производится чрезъ повѣшеніе и не публично, а въ зданіи тюрьмы, въ присутствіи немногихъ свидѣтелей. Статистическія данныя указываютъ на малое число преступленій въ колоніи, что объясняется счастливымъ положеніемъ страны, дешевизною жизни и дороговизною труда — условіями, рѣдко совпадающими вмѣстѣ. Слѣдующій нашъ визитъ былъ въ пріютъ стариковъ, не имѣющихъ силъ, по старости или нездоровью, добывать себѣ пропитаніе. Этотъ пріютъ носитъ названіе Brickfield's Establishment; правительство содержитъ здѣсь около 200 человѣкъ на полномъ иждивеніи. Четыре ряда двухъ-этажныхъ, почернѣвшихъ и непривлекательныхъ по наружности домовъ составляютъ замкнутый четыреугольникъ, оставляя въ срединѣ мѣсто для обширнаго двора, не отличающагося чистотой и не представляющаго заманчиваго мѣста для прогулки бѣдныхъ инвалидовъ. Комнаты хотя чисты, но почти всѣ безъ потолковъ,

а въ столовомъ залѣ я даже замѣтилъ просвѣчивающееся черезъ крышу голубое небо Тасманіи, не всегда остающееся голубымъ и которое въ осенніе дни должно сильно безпокоить стариковъ; они имѣютъ читальную комнату, на столахъ которой было разбросано нѣсколько старыхъ журналовъ и газетъ; тутъ же стоитъ довольно жалкое фортепьяно; на него, какъ на предметъ роскоши, съ нѣкоторою гордостью указалъ мнѣ одинъ изъ сопутствовавшихъ намъ министровъ. Я вспомнилъ дырявую крышу....

Послѣднимъ мы осмотрѣли Orphan School Asylum, гдѣ воспитывается до 500 человѣкъ обоего пола. Мальчики и дѣвочки встрѣтили насъ, построенные во фронтъ по обѣимъ сторонамъ аллеи, ведущей къ зданію. Посрединѣ стоялъ хоръ музыкантовъ-дѣтей, игравшій національный гимнъ. Видъ дѣтей здоровый и свѣжій. Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ не было ни одного смертнаго случая; это лучше всего рекомендуетъ уходъ за сиротами и климатъ Тасманіи. Пріютъ расположенъ за городомъ, на очень красивой мѣстности, я думаю, лучшей въ ближайшихъ окрестностяхъ Гобартъ-Тоуна. Мы осмотрѣли спальни, столовыя, классы. Дѣти, подъ руководствомъ учителя, спѣли нѣсколько гимновъ и, между прочимъ, очень удачно исполнили «Ring the bell». Въ заключеніе, при нашемъ уходѣ, дѣти прокричали «three hearty cheers for captain Serkoff». За такую любезность нашъ командиръ послалъ имъ на другой день около двухъ пудовъ конфектъ; начальникъ заведенія, г. Ковердаль, благодарилъ капитана письмомъ за его подарокъ.

Окончивши осмотръ пріюта, мы приглашены на завтракъ къ г. Чапману, гдѣ собралось довольно значительное общество. Не обошлось безъ многочисленныхъ тостовъ, изъ которыхъ одинъ былъ за здоровье русскихъ дамъ.

19-го мая губернаторъ, въ сопровожденіи своей супруги и секретаря, посѣтилъ корветъ и былъ принятъ съ подобающимъ церемоніаломъ, салютомъ, посылкой людей по реямъ и проч.

Спустившись послѣ осмотра судна въ каюту капитана, гдѣ посѣтителямъ было предложено угощеніе, губернаторъ сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ командиру относительно чистоты и порядка, замѣченныхъ имъ на корветѣ, заявивъ желаніе почаще видѣть русскія суда въ водахъ Дервента. Въ этотъ же день капитанъ, старшій офицеръ и я обѣдали у губернатора. Столъ былъ роскошно сервированъ. Мы явились въ эполетахъ, англійскіе офицеры въ мундирахъ, дамы были одѣты по бальному. Обѣдъ и вечеръ были проведены очень вяло. Господствовавшая натянутость, англійская «*stiffness*», не позволяла обществу оживиться. Дамы болѣе занимались разсматриваніемъ кипсековъ и аль-

бомовъ (очень спасительныхъ въ извѣстныхъ случаяхъ), губернаторша составила себѣ партію виста, мужчины какъ-то неслышно разговаривали въ разныхъ кучкахъ. Въ 11 часовъ мы откланялись. Если подобное времяпровожденіе принято во всѣхъ фешенебельныхъ обществахъ Англіи, оно далеко не весело.

22-го мая мы получили приглашеніе на концертъ музыкальнаго общества, дававшійся «Under the patronage of Capt. Serkoff and the Officers of R. I. Corvette Boyarin», въ залѣ механическаго института. Въ 8 часовъ, въ сопровожденіи мэра города, доктора Смарта (одного изъ любезнѣйшихъ людей Гобартъ-Тоуна), мы вошли въ залу и были встрѣчены звуками «Боже царя храни», послѣ чего начался концертъ. Программа, напечатанная на бѣломъ moire antique и розданная намъ, заключала между прочимъ и двѣ русскихъ пьесы: «По Дунаю» и «Тройку», обѣ исполненныя очень удачно.

Во все время стоянки корвета мы постоянно получали отъ разныхъ лицъ приглашенія, даже до нѣкоторой степени стѣснявшія офицеровъ, такъ какъ лишали свободы располагать временемъ по своему желанію; вслѣдствіе этого многіе изъ насъ не успѣли осмотрѣть окрестностей города, отличающихся, какъ намъ говорили, красотой мѣстоположенія. Будущимъ русскимъ посѣтителямъ Гобартъ-Тоуна совѣтуемъ съѣздить въ New-Norfolk, небольшое мѣстечко, живописно расположенное вверхъ по рѣкѣ Дервентъ, недалеко отъ котораго находятся, устроенные для искусственнаго разведенія лососей, такъ-называемые «Salmon ponds».

Подъемъ на гору Веллингтонъ также обѣщаетъ, по словамъ жителей, много удовольствія любителю видовъ природы.

Въ отношеніи вниманія и радушія, оказываемаго нашимъ офицерамъ, многія семейства, можно сказать, соперничали между собою; наибольшею любезностью мы пользовались со стороны Gresley, Гарриса, директора высшей школы, Иннеса, спикера законодательнаго совѣта, Чапмана, колоніальнаго казначея, и др. Почти не проходило вечера, который бы мы не проводили въ одномъ изъ этихъ домовъ.

Тѣснота помѣщенія и отсутствіе музыки не позволяли намъ устроить никакихъ увеселеній на корветѣ; желая, однакожъ, чѣмъ-нибудь отплатить тасманскимъ знакомымъ, мы устроили 25-го мая незатѣйливый пикникъ, пригласивъ нѣкоторыхъ дамъ и кавалеровъ. Забравши общество на нашихъ шлюпкахъ и покатавшись съ ними подъ парусами, мы высадились въ Кенгурубэй, гдѣ занялись разными играми, пока воздвигалась импровизированная палатка изъ шлюпочныхъ парусовъ и привезенныхъ

флаговъ. Черезъ часъ она была готова, кипѣлъ самоваръ и на раскинутомъ коврѣ разставлено было угощеніе. Завязалась оживленная, веселая бесѣда, къ которой всегда такъ располагаетъ улыбающаяся природа, свѣжій воздухъ и прогулка. Когда подано было шампанское и десертъ, дамы, по принятому у англичанъ обычаю, хотѣли удалиться, но мы ихъ удержали и дамскія рюмки продолжали также часто наполняться виномъ, какъ наши стаканы. Уже совершенно стемнѣло, когда мы поднялись съ мѣстъ. Грянула русская пѣсня, зажглись фальшфейеры и мы тронулись въ обратный путь. Пикникъ, несмотря на простоту и спѣшность приготовленій, удался вполнѣ. Гости, повидимому, остались очень довольны.

Во время здѣшней стоянки мы давали обѣдъ нѣкоторымъ офицерамъ расположенныхъ здѣсь англійскихъ войскъ, и вскорѣ потомъ угощали литературный міръ Гобартъ-Тоуна въ лицѣ редакторовъ и сотрудниковъ главныхъ мѣстныхъ газетъ, «Tasmanian Times» и «Mercury», въ отплату за вниманіе и участіе, принятое прессою въ интересахъ нашего судна. Ежедневно столбцы газетъ были наполнены извѣстіями объ корветѣ. Даже ничтожныя мелочи не ускользали отъ вниманія здѣшнихъ репортеровъ. Чистился корветъ или красился, производилось ли ученье или какая-нибудь работа, на другой день это уже печаталось въ газетахъ, подъ рубрикой «Boyarin». Вообще отзывы здѣшнихъ печатныхъ органовъ были очень лестны для насъ. Вотъ, между прочимъ, для выдержки одна изъ замѣтокъ, относящаяся къ корвету: «....Ничто не можетъ превзойти любезности русскихъ офицеровъ; ихъ предупредительность и услужливость вызвали единодушную признательность со стороны гобарттоунцевъ. Самое судно, представляющее блестящій образчикъ корабельной архитектуры, которымъ могъ бы гордиться британскій судостроитель, было безукоризненно чисто какъ на верху, такъ и внизу, и по отличному виду дѣлаетъ честь командующему имъ и націи, которой оно принадлежитъ. Капитанъ Сѣрковъ и его офицеры не щадили трудовъ и вниманія въ отношеніи посѣтителей, часто очень безпокойныхъ, показывая имъ всѣ подробности вооруженія, которыя обращали на себя вниманіе посѣтителей.... До сихъ поръ наши граждане не имѣли случая познакомиться съ русскимъ типомъ, они могутъ заняться этимъ теперь не только къ своей собственной пользѣ, но и къ выгодѣ самихъ русскихъ....»

Въ другой замѣткѣ говорилось: «....Присутствіе въ нашемъ портѣ судна отдаленной націи, неимѣющей почти никакихъ сношеній съ колоніями, которыя еще такъ недавно смотрѣли на

нее съ чувствомъ опасенія и вражды, не могло не принести намъ пользы: оно расширяетъ сферу нашего наблюденія и знакомитъ съ новыми предметами и людьми. Еще въ 1854-мъ году мы страшились появленія въ нашей рѣкѣ русскаго крейсера, какъ вѣстника разоренія и ужасовъ войны; теперь мы привѣтствуемъ посѣщеніе «Боярина», какъ счастливый случай и искренно предлагаемъ ему свое радушіе....» Это послѣднее замѣчаніе заставляетъ меня сказать, что колоніи Австраліи совершенно беззащитны и подвержены всѣмъ случайностямъ безнаказаннаго нападенія, въ случаѣ войны Англіи даже съ слабой морской націею, въ особенности въ наше время быстрыхъ океанскихъ крейсеровъ. Можно сказать, что колоніи — самыя уязвимыя мѣста Англіи; впрочемъ, рѣшенный теперь правительствомъ отзывъ войскъ изъ колоній вѣроятно заставитъ ихъ позаботиться о средствахъ защиты, до сихъ поръ почти не существующихъ. Капитанъ нашъ тоже давалъ обѣдъ, на который были приглашены нѣкоторые изъ министровъ, мэръ города и нѣсколько нашихъ офицеровъ. Не обошлось, конечно, безъ спичей; между прочимъ сущность рѣчи Иннеса, спикера законодательнаго совѣта, считающагося здѣсь ораторомъ, состояла въ слѣдующемъ: «Пребываніе корвета «Бояринъ» въ нашемъ портѣ хотя и случайное, имѣетъ въ нашихъ глазахъ значеніе знаменательнаго событія. Чрезъ посредство корвета мы знакомимся съ русскими, которыхъ до сихъ поръ почти не встрѣчали. Правда, сношенія наши съ Россіей еще не существуютъ, но кто опредѣлитъ время, при быстромъ движеніи Россіи впередъ, когда они начнутся? Это время можетъ быть очень близко, ближе, чѣмъ мы подозрѣваемъ! Обмѣнъ дружескихъ чувствъ съ корветомъ служитъ намъ залогомъ продолженія такихъ же отношеній къ націи. Благо и слава ея народа, скажу болѣе, благо всего міра зависятъ отъ успѣховъ, которые дѣлаетъ Россія на пути мирнаго и могущественнаго развитія неисчерпаемыхъ силъ этой страны. Предлагаю тостъ, господа, за успѣхи благихъ начинаній русскихъ!...» За этимъ тостомъ послѣдовало нѣсколько другихъ. Было уже очень поздно, когда гости поднялись изъ-за стола. При ихъ съѣздѣ на берегъ люди были посланы по реямъ и корветъ внезапно освѣтился фальшфейерами, горѣвшими изъ всякаго порта, со всякаго нока. При темной, безлунной ночи картина была очень эффектна. Въ среду, 27-го мая, назначенъ былъ день нашего ухода, но его отложили, въ ожиданіи почты изъ Европы, которая должна была придти вскорѣ. Во вторникъ, 26-го мая, мы были приглашены въ концертъ, дававшійся музыкальнымъ обществомъ въ Town-Hall'ѣ, Under the patronage of Capt. Serkoff...

и проч. Ровно въ 8 часовъ мы вошли въ залу, уже наполненную избраннымъ обществомъ Гобартъ-Тоуна. Дамы, участвовавшія въ хорѣ, были одѣты въ бѣлыхъ платьяхъ, съ лентами изъ русскихъ національныхъ цвѣтовъ черезъ плечо. Нѣсколько пьесъ на органѣ, преимущественно изъ «Un balo in maschiera», равно какъ хоры и соло были исполнены любителями очень хорошо. Въ заключеніе концерта г. Чапманъ, сынъ колоніальнаго казначея, взошелъ на эстраду и прочелъ прощальные стихи «Боярину».

По окончаніи чтенія все общество, по предложенію автора, соединилось въ «three cheer sfor captain Serkoff». Этимъ закончился длинный рядъ пріемовъ радушныхъ гобарт-тоунцевъ. Почту, оказалось, мы ожидали напрасно, — она не привезла никакихъ писемъ. На другой день мы стали готовиться къ походу, а въ воскресенье, 31 мая, разстались, съ тяжелымъ чувствомъ грусти, съ гостепріимными берегами Тасманіи, оставившей во всѣхъ насъ самыя пріятныя воспоминанія. Только одно обстоятельство помрачало нѣсколько прошлое—смерть баталера Бѣлавина, честнаго и очень способнаго человѣка. Кончина его вызвала искреннее сожалѣніе всѣхъ сослуживцевъ. Въ печальной церемоніи погребенія приняли участіе нѣсколько лицъ здѣшняго духовенства и хоръ музыки волонтеровъ. На другой день послѣ похоронъ въ газетахъ явилась статья за подписью какого-то Портсмута, предлагавшаго подписку на построеніе памятника; въ этомъ, впрочемъ, не предстояло надобности, такъ какъ памятникъ былъ уже заказанъ на деньги, пожертвованныя капитаномъ и офицерами. Передъ уходомъ онъ былъ готовъ и поставленъ на мѣсто; тѣмъ не менѣе, заявленіе Портсмута свидѣтельствуетъ о вниманіи къ памяти нашего сослуживца, надгробная плита котораго останется вмѣстѣ съ тѣмъ и памятникомъ нашего пребыванія въ водахъ Дервента.

Тасманія, прежде извѣстная какъ Ван-Дименова земля, получила свое названіе отъ Абеля Янса Тасмана, голландскаго мореплавателя, посланнаго для изслѣдованія Южной земли (такъ называлась въ то время Австралія) Антономъ Ванъ-Дименомъ, губернаторомъ Батавіи въ семнадцатомъ столѣтіи. Тасманія лежитъ между 40° 15′ и 43° 45′ юж. шир. и 144° 45′ и 148° 30′ вост. долг., отдѣляясь отъ Австраліи Бассовымъ проливомъ. Западный берегъ ея омывается Индійскимъ океаномъ, а восточный Тихимъ. Тасманъ присталъ къ острову 1-го декабря 1642 года. Впослѣдствіи, островъ посѣтили Кукъ въ 1779 г. и другіе

мореплаватели, но честь открытія этой земли какъ отдѣльнаго острова выпала на долю Басса, врача англійскаго флота. Наибольшая длина острова 230 миль, а ширина 190. Поверхность его достигаетъ 24,000 кв. миль, т.-е. онъ только на 4,000 м. меньше Ирландіи. Первое поселеніе, состоявшее изъ 367 человѣкъ ссыльныхъ, было основано въ 1804-мъ г. при губернаторѣ Коллинсѣ. Въ 1824-мъ г. провозглашена была губернаторомъ Дарлингомъ независимость колоніи отъ Новаго-Южнаго Валлиса, къ которому она до сихъ поръ принадлежала.

Въ 1847-мъ году на островѣ уже было 5,500 ссыльныхъ. Въ это время сталъ распространяться духъ неудовольствія по поводу ссыльной системы и даже образовалась, такъ-называемая, австралійская лига, цѣлью которой было заставить англійское правительство отказаться отъ отправленія на будущее время преступниковъ въ колонію. Это обстоятельство и открытіе въ 1851 году золота произвело желаемое дѣйствіе на правительство. Оно поняло, что невозможно было бы держать въ должномъ порядкѣ ссыльное населеніе вблизи открытыхъ золотыхъ розсыпей. Въ 1853-мъ году была получена формальная депеша о прекращеніи высылки преступниковъ.

По поводу этого радостнаго событія были выбиты медали: колонія какъ разъ въ это время праздновала юбилей своего пятидесятилѣтняго существованія.

Климатъ Тасманіи всегда отличался своею особенною здоровостью и отсутствіемъ крайнихъ температуръ, поэтому лѣтомъ никогда не бываетъ особенно жарко, зимою — особенно холодно [1]). Въ этомъ отношеніи Тасманія имѣетъ большое преимущество передъ австралійскимъ материкомъ.

Многіе богатые жители Аделаиды, Мельбурна и Сиднея, страдая во время лѣта отъ невыносимо жаркихъ вѣтровъ, несущихъ съ собою пыль и песокъ, ищутъ на этомъ островѣ убѣжища и освѣженія. Бóльшая часть его рѣкъ, берущихъ начало въ горахъ, имѣетъ быстрое паденіе и потому не разливаются въ болота, производящія всегда вредныя испаренія. Годовое паденіе дождя умѣренно и равномѣрно распредѣляется по всѣмъ мѣсяцамъ въ году. Одно изъ весьма компетентныхъ лицъ въ колоніи д-ръ Голлъ, изслѣдовавшій страну, говоритъ, что Тасманія, по здоровости климата, равняется, если даже не превосходитъ, самымъ извѣстнымъ въ этомъ отношеніи мѣстамъ Европы и въ

---

[1]) Далѣе я привожу нѣкоторыя числовыя данныя, касающіяся метеорологическихъ условій страны.

особенности можетъ служить для поправленія здоровья, разстроеннаго долговременнымъ пребываніемъ въ тропикахъ.

Внутренняя часть острова до сихъ поръ остается неизвѣстною и есть еще много мѣстъ только частію изслѣдованныхъ. Мѣста, открытыя по западному берегу, подаютъ поводъ къ хорошимъ заключеніямъ обо всемъ остальномъ.

Центральная часть острова представляетъ плоскую возвышенность, средняя высота которой надъ уровнемъ океана около 3000 футъ; на этой возвышенности лежатъ семь озеръ различной величины; общая ихъ водная поверхность простирается до 175 квадр. верстъ. Эти озера служатъ источниками многихъ большихъ рѣкъ; р. Дервентъ, на которой лежитъ Гобартъ-Тоунъ, имѣетъ 120 миль длины и судоходна какъ выше, такъ и ниже Гобартъ-Тоуна, гдѣ она имѣетъ 2 мили ширины, на протяженіи 40 м. отъ моря; р. Тамаръ судоходна до Лонгестона, Гуонъ (Huon), длиною 110 м., доступенъ пароходамъ почти на 30 миль. Эти рѣки и еще 11 другихъ, никогда не высыхая, пролагаютъ свой извилистый путь среди горныхъ цѣпей, достигающихъ иногда высоты 5,000 ф. и слабо волнующихся холмовъ, составляя въ общемъ итогѣ около 900 миль постоянно текущей воды. Около тридцати меньшихъ рѣчекъ текутъ въ продолженіи большей части года; кромѣ того множество мелкихъ ручьевъ и горныхъ потоковъ шумно прыгаютъ въ горныхъ ущельяхъ или спадаютъ бурными каскадами съ высокихъ скалъ и утесовъ, доставляя вездѣ обиліе чистой, прѣсной воды и освѣжая благотворно страну даже въ то время, когда другія австралійскія колоніи страдаютъ отъ томительной засухи. Вмѣстѣ съ этимъ рѣчки служатъ отличнымъ средствомъ орошенія полей и движущей силой для мельницъ и заводовъ.

Базальтовыя горы съ ихъ вершинами, покрытыми снѣгомъ въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ въ году, бросаются въ глаза, съ какой бы стороны къ Тасманіи ни приближаться. Волнующаяся поверхность острова, покрытая, большею частью, лѣсомъ громадныхъ деревъ, спускающихся иногда съ высокихъ холмовъ почти до самой воды, берегъ, изрѣзанный небольшими, но глубокими заливами и бухтами, съ нависшими зазубренными скалами, и окаймленный мѣстами небольшими живописными островками, все это можетъ доставить любителю природы одно изъ самыхъ величественныхъ и прекрасныхъ зрѣлищъ. Пейзажи острова по разсказамъ многихъ путешественниковъ напоминаютъ часто красивѣйшіе виды Германіи, Швейцаріи и Италіи. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Джемсъ Смитъ, библіотекарь при парламентѣ Викторіи: «Окрестности Лонгестона очень напоминаютъ Тоскану.

Мнѣ все казалось, что долина р. Арно далеко простирается передо мной, опоясанная румяными Апеннинами. Вблизи рѣки Кора Линнъ скалы, укутанныя зеленью, напоминали Via Mala и проходъ Шплюгенъ, въ Швейцаріи. Часть же р. Дервентъ до Новаго-Норфолька можно сравнить съ Рейномъ. Фантастическія скалы и неровные, стрѣльчатые утесы замѣняютъ романическія развалины зàмковъ классической рѣки Германіи».

Золото еще не найдено здѣсь въ большомъ количествѣ, но уже существуетъ нѣсколько компаній [1]), занятыхъ его разработкою. Полагаютъ, что когда западный берегъ будетъ лучше изслѣдованъ, золото откроется въ большемъ содержаніи; въ этомъ случаѣ здоровый климатъ и обиліе воды для промывки золотоноснаго песку должны будутъ привлечь сюда множество рудокоповъ. Желѣзо почти въ чистомъ металлическомъ видѣ находится вездѣ на островѣ, въ особенности же на сѣверѣ. Каменный уголь обыкновенный и антрацитъ найденъ на обѣихъ половинахъ острова, также какъ и мраморъ высшаго качества. Во время пребыванія нашего корвета, въ Тасманіи доживалъ *послѣдній* изъ туземцевъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ ихъ было отъ 4,000 до 5,000 человѣкъ. Вскорѣ послѣ перваго поселенія страшныя жестокости были совершаемы другъ надъ другомъ, бѣлыми и черными, послѣ чего число послѣднихъ стало постоянно уменьшаться. Приводимъ нѣсколько подробностей на основаніи нынѣ дознанныхъ фактовъ.

Въ первое время занятія острова туземцы вели себя совершенно безвредно для бѣлыхъ, что, впрочемъ, не защитило ихъ отъ жестокостей послѣднихъ. Уже въ 1810-мъ году губернаторъ Коллинсъ, для защиты черныхъ, долженъ былъ издать приказъ, что каждый виновный въ нападеніи на черныхъ и умерщвленіи ихъ подвергнется крайнимъ карамъ закона. Во время управленія губернатора Деви «стрѣльба по чернымъ» сдѣлалась очень обыкновенною, а во время полковника Сорреля, слѣдующаго губернатора, кража дѣтей у туземцевъ и безжалостное обращеніе съ ихъ женщинами оставались совершенно безнаказанными. Нашелся негодяй, который хвастался, что захватилъ одну черную женщину, мужа ея убилъ и голову его повѣсивъ ей на шею, гналъ несчастную передъ собою какъ призъ. Нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы этотъ звѣрь въ человѣческомъ образѣ задумался исполнить то, о чемъ онъ разсказывалъ. Нѣтъ также сомнѣнія, что и туземцы совершали много неслыханныхъ свирѣпостей надъ бѣлыми, въ возмездіе за то, что терпѣли сами.

Черные были доводимы до бѣшенства не только варварскимъ

---

[1]) Union Comp., Fingal Comp. и другія.

обращеніемъ съ ними, но и съ ихъ женщинами и дѣтьми. Дѣла приняли наконецъ такой оборотъ, что надо было рѣшиться на какія-нибудь крайнія мѣры. Губернаторъ Артуръ возымѣлъ мысль отправиться войною на черныхъ, выставляя предлогомъ неудачу всѣхъ прежнихъ попытокъ къ ихъ усмиренію, и то обстоятельство, что собственности бѣлыхъ постоянно угрожаетъ опасность, пока дикіе пользуются свободой. Всѣмъ поселенцамъ было предложено ополчиться и составилось нѣчто въ родѣ облавы. Сила колонистовъ состояла около 5,000 хорошо вооруженныхъ людей, а несчастныхъ, ничего не подозрѣвавшихъ дикихъ отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ включая сюда женщинъ и дѣтей; все ихъ оружіе состояло изъ палокъ и копій. Туземцевъ хотѣли окружить и загнать всѣхъ на Тасмановъ полуостровъ, но война съ черными, несмотря на то что стоила около 30 тыс. фунт. стерл., оказалась совершенно безуспѣшною и не принесла никакихъ результатовъ; двое плѣнныхъ туземцевъ были ея единственными трофеями. Тамъ, гдѣ нельзя было дѣйствовать открытою силою, приходилось прибѣгнуть къ нравственнымъ мѣрамъ. Для этого дѣла нашелся вполнѣ пригодный человѣкъ, нѣкто Робинзонъ, бывшій прежде простымъ каменьщикомъ. Проникнутый филантропическими идеями, и желая спасти туземцевъ отъ совершеннаго истребленія, онъ сталъ во главѣ составившагося общества покровительства чернымъ, принявъ на себя званіе защитника аборигеновъ (protector of aborigines). Изучивъ мѣстный языкъ и нравы, Робинзонъ успѣлъ, при помощи нѣсколькихъ приверженныхъ туземцевъ, въ теченіи пятилѣтняго промежутка времени захватить малыми партіями всѣхъ дикихъ, которыхъ отсылали потомъ на островъ Флиндерсъ, въ Бассовомъ проливѣ; этотъ пустынный, непроизводительный островъ былъ избранъ мѣстомъ ихъ новаго жилища. Робинзонъ, въ описаніи своихъ подвиговъ, говоритъ, что ему во всѣхъ случаяхъ приходилось дѣйствовать только силою убѣжденія. Врядъ ли это такъ. Не силѣ убѣжденія уступали дикіе, разставаясь съ своими родными лѣсами, а своему безвыходному положенію. Если бы дикіе знали, что̀ ихъ ожидаетъ въ будущемъ, они, вѣроятно, скорѣе бы рѣшились умереть съ голоду въ своихъ трущобахъ, какъ затравленные звѣри, чѣмъ склониться на убѣжденія Робинзона. Жизнь ихъ на островѣ Флиндерсъ была не лучше тюремнаго заключенія. Одинъ изъ посѣтившихъ островъ говоритъ, что поселеніе дикихъ скорѣе можно было бы назвать «звѣринцемъ», чѣмъ жилищемъ людей. Въ началѣ дѣятельности Робинзона дикихъ оставалось еще 700 человѣкъ, въ 1850 году ихъ было только тридцать, и несмотря на переселеніе въ Oyster Cove, неда-

леко отъ Гобартъ-Тоуна, гдѣ ихъ содержаніе было улучшено, заключеніе, перемѣна образа жизни и привычекъ оказались роковыми для ихъ существованія—дѣтей болѣе не рождалось. Такимъ образомъ, надежды Робинзона не оправдались; черная раса послѣ короткой борьбы съ бѣлыми погибла.

Существующая нынѣ форма правленія установлена 24-го октября 1855 года и составляетъ какъ бы копію съ англійской конституціи. Губернаторъ есть представитель интересовъ метрополіи, а собственно колонія управляется законодательнымъ совѣтомъ (Legislative Council) и палатою представителей (House of Assembly). Оба эти установленія вмѣстѣ называются, какъ вездѣ въ Австраліи, парламентомъ. Члены обѣихъ палатъ выборные.

Никакихъ условій собственности для того, чтобъ быть членомъ не существуетъ. Законодательный совѣтъ состоитъ изъ 15-ти членовъ, избираемыхъ на шесть лѣтъ. Совѣтъ не можетъ быть распускаемъ.

Необходимое условіе, чтобъ быть избирателемъ членовъ совѣта, состоитъ во владѣніи собственностью, приносящей годовой доходъ не менѣе 315 р. с.; отъ этого освобождаются: всѣ имѣющіе ученую степень, полученную въ одномъ изъ университетовъ британскаго королевства, адвокаты, юристы, состоящіе въ спискахъ, пасторы и офицеры, не находящіеся на дѣйствительной службѣ и прожившіе въ избирательномъ округѣ не менѣе года. Предсѣдательствующій членъ совѣта называется президентомъ.

Палата представителей состоитъ изъ 30-ти членовъ, избираемыхъ на 5 лѣтъ, если палата, по какому-либо случаю, не будетъ распущена ранѣе этого срока. Условіями избирательства служатъ: владѣніе недвижимою собственностью, оцѣненною не менѣе какъ въ 630 р. с., аренда не менѣе какъ на 3 года недвижимой собственности, дающей 63 р. с. ежегоднаго дохода и, наконецъ, жалованье въ 630 р. с. въ годъ. Члены, принявшіе какія-либо мѣста у правительства выходятъ изъ палатъ. Предсѣдательствующій членъ называется спикеромъ. Обѣ палаты владѣютъ почти одинаковыми правами съ тѣмъ только исключеніемъ, что совѣтъ не имѣетъ права поднимать денежныхъ вопросовъ. Система подачи голосовъ закрытая посредствомъ баллотировки. Обѣ палаты дѣйствуютъ до сихъ поръ совершенно согласно, столкновеній еще не бывало. Вначалѣ встрѣчались нѣкоторыя затрудненія, но впослѣдствіи, съ уясненіемъ принциповъ конституціи, причины къ несогласіямъ мало по малу устранились.

Населеніе Тасманіи къ 31-му декабря 1869 года состояло изъ

101,592 чел. Оно увеличивается довольно медленно. Среднимъ числомъ около 245 ч. въ годъ, и если возрастаніе населенія будетъ уменьшаться въ существующей нынѣ пропорціи, то чрезъ 7 лѣтъ число рожденій сравняется съ смертностью и съ этого времени населеніе начнетъ уменьшаться. Тасманія, какъ и другія австралійскія колоніи, нуждается въ рабочихъ рукахъ; ихъ отсутствіе объясняетъ малое развитіе земледѣлія и заводской промышленности. Въ видахъ поощренія эмиграціи мѣстный парламентъ сдѣлалъ распоряженіе, по которому всякому взрослому, хорошо аттестованному колоніальнымъ агентомъ въ Европѣ, эмигранту выдается удостовѣреніе въ надѣленіи его землею на сумму 113 р. с.; эмигрантъ ниже 15-лѣтняго возраста пользуется землею въ половинномъ количествѣ. Единственнымъ условіемъ постановлено, чтобы эмигрантъ уплатилъ какъ за свой переѣздъ, такъ и за переѣздъ своего семейства и слугъ. Кромѣ того каждый, желающій поселиться въ колоніи и пріѣхавшій туда на свой счетъ, получаетъ свидѣтельство на право выбора въ теченіи 12-ти-мѣсячнаго срока для себя одиннадцати, для жены восьми и для всякаго изъ дѣтей четырехъ десятинъ земли. Право владѣнія ею, какъ собственностью, выдается, однакожъ, не ранѣе, какъ послѣ пятилѣтняго пользованія. До сихъ поръ продано или роздано поселенцамъ около 3.760,000 акровъ земли, во владѣніи правительства остается еще 13.000,000 акровъ. Коронныя земли продаются по 1 ф. стерл. за акръ, но всякій пріобрѣтающій землю на сумму, превышающую 15 ф. стерл. можетъ разсрочить уплату на восемь лѣтъ. При покупкѣ земли въ количествѣ не меньшемъ ста акровъ вносится только одна тридцатая капитала по оцѣнкѣ 1 ф. стерл. за акръ, съ правомъ заплатить остальную сумму по частямъ въ теченіи 14 лѣтъ. Если же земля не покупается, но арендуется въ количествѣ не болѣе 100 акровъ, то рента производится въ размѣрѣ шести пенсовъ за акръ въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ, одного шиллинга въ продолженіи слѣдующихъ двухъ лѣтъ и двухъ шиллинговъ за все остальное время.

Обработанной почвы къ 31-му марта 1869 года считалось 287,000 акровъ, лошадей 22,512, рогатаго скота 105,450, овецъ 1.715,517 и свиней 55,222. Изъ предыдущихъ цифръ видно, что населеніе Тасманіи далеко не соотвѣтствуетъ ея протяженію; во время нашего пребыванія ожидали прибытія нѣсколькихъ сотъ нѣмцевъ, которые по трудолюбію, трезвости, умѣнью обходиться малымъ, настойчивости въ трудѣ и знанію сельскаго хозяйства считаются здѣсь лучшими колонистами.

Трудъ [1]) въ колоніи очень дорогъ и рабочій смѣло можетъ разсчитывать заработать здѣсь въ три раза болѣе, чѣмъ въ Англіи. Одинъ изъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о благосостояніи рабочаго класса есть слѣдующій: потребленіе чаю, сахару и мяса, сравнительно предметовъ роскоши для бѣдныхъ людей въ Тасманіи, вдвое болѣе того, какое приходится на каждаго человѣка въ Англіи. Тасманія по преимуществу страна земледѣльческая, но къ сожалѣнію улучшенныхъ способовъ хозяйства и обработки почвы почти не существуетъ. Нѣтъ ни земледѣльческихъ обществъ, ни земледѣльческихъ школъ. Теперь на этотъ важный предметъ начинаютъ обращать должное вниманіе, и вѣроятно Тасманія въ скоромъ времени послѣдуетъ за другими образованными странами по дорогѣ распространенія полезныхъ земледѣльческихъ знаній, лѣсоводства, огородничества и проч.

Мануфактуръ въ странѣ почти нѣтъ, тогда какъ въ другихъ колоніяхъ, напр., въ южной Австраліи и Викторіи онѣ уже начинаютъ развиваться.

Прекращеніе высылки преступниковъ неоспоримо имѣло вліяніе на упадокъ торговли, потому что правительство затрачивало прежде значительныя суммы на содержаніе ссыльныхъ и еще потому, что колонія лишилась дешевыхъ рукъ, хотя, съ другой стороны, нѣкоторыя затрудненія, какія испытываетъ страна въ настоящее время, произошли отъ самой ссыльной системы. Субсидіи, выдававшіяся правительствомъ, производили тоже самое дѣйствіе на страну, какъ всякій стимулъ на человѣка, т.-е. порождали временно неестественное возбужденіе и ложную силу, за чѣмъ всегда слѣдуетъ слабость и безпомощность. Молодая колонія научалась обращаться за поддержкой къ метрополіи, а не полагаться на свои собственныя силы и средства. Дешевый трудъ порождалъ безпорядочное хозяйство, не обращавшее вниманія на истощеніе почвы, и устранялъ распространеніе земледѣльческихъ машинъ. Кромѣ того, присутствіе ссыльныхъ налагало разные расходы по содержанію благотворительныхъ заведеній.

Торговля въ настоящее время въ застоѣ; нѣкоторое вліяніе на упадокъ ея имѣло пониженіе цѣны на шерсть въ Европѣ. Вообще Тасманія отличается сельскимъ характеромъ и далеко

---

[1]) Поденьщикъ получаетъ въ сутки отъ 3-хъ до 5-ти шиллинг. Общая прислуга отъ 15-ти до 30-ти ливр. въ годъ. Ремесленники отъ 5-ти до 10 шилл. въ день. Цѣны провизіи: мясо за 1 ф. отъ $2^1/_2$ до 4-хъ пенсовъ; хлѣбъ отъ 1 до $1^1/_2$ пенса за фунтъ, картофель отъ 4—5 шилл. за 100 фунт.

не представляетъ той кипучей, лихорадочной дѣятельности, которая оживляетъ жителей Мельбурна, Сиднея и даже Квинсленда.

Въ 1869 г. привозъ простирался до 975,412 ф. стерл. Вывозъ 826,702 фунт. Предметами послѣдняго служатъ: шерсть, мука, зерновой хлѣбъ, фрукты, консервы, хмѣль, лошади, спермацетовое масло, дерево, овощи, красильная кора и проч. Главные порта острова Гобартъ-Тоунъ и Лонгестонъ. Послѣдній по торговымъ оборотамъ не только не уступаетъ первому, но судя по отчету 1868 года даже превосходитъ, что объясняется строющеюся на сѣверѣ желѣзной дорогой [1]).

Мысль о свободной торговлѣ между австралійскими колоніями въ послѣднее время возбудила общее вниманіе. Послѣ предварительныхъ совѣщаній особеннаго комитета, засѣдавшаго въ Сиднеѣ, члены котораго принадлежали торговымъ палатамъ разныхъ колоній, рѣшено было составить конференцію изъ уполномоченныхъ представителей правительствъ австралійскихъ колоній.

Эта конференція недавно открыла совѣщанія въ Мельбурнѣ, и судя по отчетамъ, печатавшимся въ газетахъ, нельзя думать, чтобы она пришла къ какому-нибудь соглашенію, вслѣдствіе упорства Викторіи, отстаивающей покровительственную систему, тогда какъ Тасманія и Новый Южный Валлисъ ратуютъ за свободу торговли. Если вопросъ о торговомъ союзѣ на этотъ разъ и не будетъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, все-таки труды конференціи, вѣроятно, проложатъ дорогу къ соглашенію на будущее время. Нѣтъ сомнѣнія, что благопріятный исходъ этого дѣла долженъ былъ бы принести большую пользу всѣмъ колоніямъ, уничтоживши существующій между ними до сихъ поръ антагонизмъ и положивъ начало новому, лучшему порядку вещей. Федерація торговая можетъ быть сдѣлалась бы закваской будущей федераціи политической, о которой и теперь начинаютъ поговаривать многіе въ Австраліи. Учрежденіе однообразнаго тарифа по всей группѣ австралійскихъ поселеній освободило бы промышленность отъ многихъ стѣсненій и, доставивъ свободное обращеніе мѣстнымъ произведеніямъ, необходимо усилило бы производительность, уравняло цѣны и увеличило бы доходы колоній, торговые обороты которыхъ достигаютъ слѣдующихъ крупныхъ цифръ, относящихся къ 1867-му г.

---

[1]) Эта дорога отъ Лонгестона до Делорена, лежащаго въ самой промышленной части острова, открыта была при насъ, отъ нея ожидаютъ большой пользы для края.

КОЛОНІИ.	Привозъ.	Вывозъ.	Общіе торговые обороты.
Викторія	11.674,080 ф. ст.	12.724,427 £	24.398,507 ф. ст.
Нов. Южн. Валлисъ . .	6.599,804	6.880,715	13.480,519
Южн. Австралія. . . .	2.506,394	3.164,622	5.671,016
Квинслендъ	1.715,582	2.160,340	3.875,922
Новая Зеландія. . . .	5.894,863	4.520,074	10.414,937
Тасманія.	845,152	920,820	1.765,972
ИТОГО. . .	29,235,875	30.370,998	59.606,873

Число судовъ, ведущихъ торговлю съ Тасманіей, простирается до 650-ти, представляющихъ общую вмѣстительность 100,000 тоннъ.

Почти всѣ суда принадлежатъ Англіи. Китовый промыселъ составлялъ прежде одно изъ главныхъ занятій жителей, потому что киты во множествѣ посѣщали бухты острова, но преслѣдованіе заставило ихъ удалиться въ другія болѣе безопасныя мѣста. Въ 1847-мъ году промыселъ за обыкновенными китами почти былъ оставленъ и возобновлены поиски за спермацетовыми. Во время открытія золота въ сосѣднихъ колоніяхъ Тасманія считала 40 китоловныхъ судовъ, доставлявшихъ занятіе болѣе чѣмъ тысячѣ человѣкъ. Въ 1862 году число судовъ уменьшилось до 25-ти и даже до 5-ти, но въ настоящее время, съ поднятіемъ цѣны на спермацетъ промыселъ начинаетъ увеличиваться. Нельзя не упомянуть еще о слѣдующихъ цифрахъ, свидѣтельствующихъ о богатствѣ австралійскихъ колоній по снабженію мануфактуръ Англіи шерстью.

Въ 1867-мъ году въ Англію ввезено шерсти:

Изъ Испаніи.	494,049 lbs.
» Германіи	3.819,288
Другихъ европ. странъ. . .	17.172,526
Изъ Британскихъ владѣній:	
Въ Южн. Африкѣ	36.126,750
» Остъ-Индіи	15.234,620
Южн. Америки	21.381,281
Другихъ странъ.	6.366,494
Всего. . . .	100.505,008
Изъ одной Австраліи . . .	133.108,176

Отсюда видно, что одни колоніи Австраліи доставляютъ Англіи болѣе шерсти, чѣмъ всѣ остальныя страны свѣта, взятыя вмѣстѣ!

Въ заключеніе моей замѣтки я позволю себѣ привести нѣкоторыя метеорологическія данныя, заимствованныя мною изъ журнала наблюденій, производившихся въ теченіи 25-ти лѣтъ сначала на правительственной обсерваторіи, подъ руководствомъ капитана Кея, а потомъ на частной обсерваторіи Фрэнсиса Эббота.

Господствующій вѣтеръ въ Гобартъ-Тоунѣ N W, дующій почти въ теченіи трехъ четвертей года. Проходя надъ континентомъ Австраліи онъ сильно нагрѣвается, почему повышаетъ температуру на сѣверномъ берегу Тасманіи, хотя не всегда чувствуется внизу, въ долинахъ, такъ какъ будучи нагрѣтъ и потому легокъ, онъ движется въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Приближаясь къ Гобартъ-Тоуну воздушная струя, постепенно охлаждаясь, опускается и осаждаетъ въ видѣ дождя свою влагу при переходѣ черезъ горы. Этотъ N W-й вѣтеръ отражается западной цѣпью горъ въ SW, такъ что въ то время, какъ въ Викторіи дуетъ жаркій N W въ Гобартъ-Тоунѣ бываетъ SW, а въ морѣ по восточную сторону острова даже случается NO.

Другой господствующій вѣтеръ SO; вліяніе его уменьшаетъ жару, приносимую N W-мъ и дѣлаетъ климатъ Тасманіи прохладнымъ. Средняя температура лѣта + 13°,3 R, зимы +7°,5, средняя темп. года 10°,8. Годовая амплитуда 5,8 тогда какъ у насъ въ Петербургѣ она достигаетъ до 19°,1, а въ Нью-Іоркѣ, лежащемъ хотя и въ сѣверномъ полушаріи, но въ широтѣ почти одинаковой съ Гобартъ-Тоуномъ, она равняется 18°,1. Незначительная величина годовой амплитуды обнаруживаетъ ровность климата Тасманіи, считающагося по справедливости лучшимъ въ Австраліи. Число дождевыхъ дней распредѣляется тоже довольно равномѣрно по всѣмъ мѣсяцамъ года. Среднее число (145 дней), выведенное за 11 лѣтъ, не отличается болѣе чѣмъ на 32 дня отъ всѣхъ промежуточныхъ годовъ. Другія колоніи Австраліи болѣе или менѣе страдаютъ отъ засухи; Новый же Южный Валлисъ подверженъ въ этомъ отношеніи очень большимъ колебаніямъ. (Въ 1860 году выпало дождя 82 дюйма, а въ 1862 только 23 д.)

Въ настоящемъ году обиліе воды въ этой колоніи было замѣчательное; многія рѣки, разлившись, произвели наводненія, принесшія огромныя потери. Въ колоніи же Южной Австраліи, городъ Аделаида положительно зависитъ по снабженію воды отъ дождей, въ ближайшемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ весь

городъ снабжается водою изъ резервуара, питающагося дождемъ. Расходу воды ведется строгая отчетность и о количествѣ остающейся запасной воды печатается въ газетахъ. Во время нашего тамъ пребыванія вслѣдствіе засухи резервуаръ грозилъ истощиться, почему прекращено было орошеніе улицъ, къ счастью пошедшій дождь выручилъ городъ изъ бѣды.

II.

Острова Фиджи.

Группа островов Фиджи, раскинувшаяся въ Южномъ Тихомъ океанѣ, между меридіанами 176° и 178° вост. долг. и параллелями 15° и 20° южн. шир. въ послѣднее время начинаетъ пріобрѣтать важное значеніе, какъ новое поприще для предпріимчивыхъ колонистовъ по разведенію хлопчато-бумажныхъ плантацій, что, при существующей пока еще дешевизнѣ земли и мѣстнаго труда, даетъ возможность получать хорошіе барыши и скоро возвращать затрачиваемый капиталъ, потому что фиджійскій хлопокъ дорого цѣнится на рынкахъ Европы, достигая 4-хъ шиллинговъ за фунтъ, предполагая, конечно, хлопокъ высшаго качества. Почти каждое судно, приходящее изъ колоній Австраліи, привозитъ цѣлыми десятками новыхъ эмигрантовъ, небоящихся труда, опасностей и соблазненныхъ газетными слухами о быстрой наживѣ денегъ.

Прежде чѣмъ начать подробно говорить объ этомъ предметѣ, насколько мнѣ позволяютъ печатные источники и собранные на мѣстѣ матеріалы, я считаю небезъинтереснымъ сообщить краткій очеркъ открытія островов, ихъ заселенія, производительности почвы и проч.

Архипелагъ Фиджи, состоящій приблизительно изъ 200 островов, изъ которыхъ главные Вити-Леву и Вануа-Леву, имѣющіе до 250 миль въ окружности, былъ открытъ Абелемъ Янсеномъ Тасманомъ въ 1643 году; потомъ его посѣтилъ Кукъ, Бляйгъ, Вильсонъ, Дюмонъ-Дюрвиль и американскій коммодоръ Уильксъ; оба послѣдніе мореплаватели доставили наиболѣе свѣдѣній объ островахъ, Уильксъ же кромѣ того составилъ ихъ подробную карту.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія острова стали посѣщать остъ-индскія суда въ поискахъ за трепангомъ (beche de mer) и сандальнымъ деревомъ, теперь уже почти совершенно вырубленнымъ. Въ настоящее время торговля трепангомъ значительно

упала, — хлопокъ поглотилъ всеобщее вниманіе,—но прежде доставляла большія выгоды, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра: грузъ, пріобрѣтаемый на мѣстѣ за 1,200 долларовъ, былъ продаваемъ за 12,000; другой, стоившій 3,500 дол., выручилъ въ Китаѣ 27,000. Теперь трепанга вывозится въ годъ, по показаніямъ Нетльтона, миссіонера въ Левука, всего на сумму 2,000 фунт. стерл.

Нѣкоторыя изъ первыхъ заходившихъ на острова судовъ разбились, на другихъ произошли возмущенія, и бѣлые, искавшіе въ обоихъ случаяхъ прибѣжища у туземцевъ, сдѣлались первыми разсадниками европейскаго населенія, которое по грубости нравовъ, корысти и жестокости стояло немного выше дикихъ. Владѣя огнестрѣльнымъ оружіемъ и принимая участіе въ войнахъ дикарей, они успѣли сдѣлаться полезными для нѣкоторыхъ начальниковъ племенъ и этимъ обезопасить свое существованіе. Будь у нихъ желаніе, они могли бы даже пріобрѣсти верховную власть надъ всѣми островами, но для этого нужно было имѣть извѣстную долю честолюбія и энергіи, которыхъ у нихъ не хватало; они губили себя въ разныхъ ссорахъ и предавались всевозможнымъ порокамъ. Въ 1804-мъ году бѣжало на Фиджи нѣсколько преступниковъ изъ Новаго Южнаго Валлиса, увеличившихъ собою число бѣлыхъ. Впослѣдствіи явились промышленники и миссіонеры, а въ настоящее время острова быстро наполняются новыми бѣлыми поселенцами.

По восточную сторону острова Вити-Леву находится небольшой островокъ Бау, или по мѣстному произношенію Мбау, начальникъ котораго Какобау, или Такомбау признается титулованнымъ королемъ всѣхъ островов; хотя каждый изъ нихъ имѣетъ своихъ отдѣльныхъ начальниковъ, всѣ они платятъ дань Такомбау, который считается верховнымъ главою, если не по власти, то по крайней мѣрѣ по званію, всей группы Фиджи.

Въ 1855 году командиръ американскаго военнаго судна «Джонъ Адамсъ», капитанъ Баутвелль, предъявилъ претензію въ 45,000 долларовъ за убытки, понесенные въ разныя времена подданными Соединенныхъ Штатовъ. Такомбау обѣщалъ уплатить эту сумму въ теченіи 12-ти мѣсяцевъ, но не видя возможности собрать такихъ значительныхъ для него денегъ, и боясь наказанія, онъ обратился къ Притчарду, бывшему въ то время англійскимъ консуломъ, съ предложеніемъ отдать Англіи весь архипелагъ съ переводомъ долга и даровымъ надѣленіемъ 200,000 акрами земли въ видѣ вознагражденія за уплату американскаго долга. Притчардъ, вполнѣ оцѣнивая всѣ выгоды пріобрѣтенія островов, отправился въ ноябрѣ 1868 года

въ Англію съ формальнымъ предложеніемъ короля. Прежде, чѣмъ постановить какое-либо рѣшеніе по этому предмету, англійское правительство отправило коммиссію подъ начальствомъ полковника Смита (Smythe) для ближайшаго ознакомленія съ островами, ихъ произведеніями, гаванями и проч. Въ этой экспедиціи принялъ участіе ботаникъ Seeman, составившій описаніе флоры островов и первый привезшій въ Европу полную коллекцію мѣстныхъ растеній.

Полковникъ Смитъ, хотя доставилъ вполнѣ благопріятный отзывъ о природѣ островов, указывалъ на безполезность ихъ занятія въ смыслѣ политическихъ цѣлей. Правительство, руководствуясь отчасти этимъ заявленіемъ, а также занятое возмущеніемъ въ Новой Зеландіи, требовавшемъ присутствія всѣхъ ея морскихъ силъ, находившихся на австралійской станціи, рѣшилось не подвергать себя новымъ компликаціямъ и отказать въ просьбѣ Такомбау, что̀ ему было объявлено въ іюлѣ 1862 года на корветѣ Миранда.

Притчардъ, хотя и не облеченный никакою властью, во все время пока разсматривался вопросъ объ протекторатѣ, пользовался наибольшимъ вліяніемъ между бѣлымъ и чернымъ населеніемъ страны. Ему удалось устранить много столкновеній, разрушить много интригъ, къ которымъ такъ склонны фиджіанцы, считающіе лукавство и хитрость главными доблестями въ человѣкѣ, и предупредить много разъ пролитіе крови. Со времени отказа Англіи, его значеніе исчезло: ему приходилось дѣйствовать уже не какъ оффиціальному, а какъ частному лицу; впрочемъ и здѣсь, отлично знакомый съ обычаями и понятіями островитянъ, онъ часто былъ опять полезенъ.

«Споры между бѣлыми поселенцами—говоритъ Притчардъ—доставляли мнѣ чуть ли не болѣе случаевъ къ разбирательству, чѣмъ между черными. Если первые обращались ко мнѣ по поводу столкновеній съ черными, они постоянно требовали, чтобъ я рѣшалъ дѣло въ ихъ пользу, хотя бы это была самая явная несправедливость, полагая, что въ этомъ только и заключается моя обязанность. Многіе изъ бѣлыхъ поселенцевъ, пріобрѣвшихъ привычку покупать за ружья, топоры и проч. черныхъ женщинъ у начальниковъ племенъ, дали мнѣ понять, чтобы я не мѣшался въ эти семейныя дѣла». Столкновенія между англичанами и американцами обсуждались обоими консулами этихъ націй; впослѣдствіи, при умноженіи спорныхъ дѣлъ, составился Mercantile Court, въ которомъ присутствовали оба консула и присяжные изъ лицъ, непричастныхъ къ дѣлу. Постановленія суда этого утверждались начальниками племенъ. Такимъ образомъ въ

странѣ, не имѣющей никакого правительства, никакой защиты или охраны, явилось нѣчто въ родѣ власти.

Нѣкоторые изъ миссіонеровъ, которыхъ большинство принадлежитъ здѣсь къ сектѣ весліянскихъ методистовъ, кромѣ распространенія слова божія, занимались еще разными болѣе или менѣе выгодными спекуляціями и также являлись къ Притчарду съ своими, иногда очень странными требованіями. «Помирить спорящія стороны разныхъ вѣроисповѣданій, говоритъ Притчардъ, часто стоило мнѣ бо́льшихъ усилій, чѣмъ справиться съ дикими. Однажды явились ко мнѣ, reverend Кэри и патеръ Лоренцо Фавръ, оба миссіонеры, первый весліянскій, второй католическій. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: начальникъ и жители округа Нукубулаву, въ бухтѣ Насавусаву, объявили себя послѣдователями весліянскаго ученія, и построили хижину, въ мѣстномъ стилѣ, предназначавшуюся для часовни. Весліянскій учитель поселился на мѣстѣ для проповѣди. Вслѣдствіе возникшихъ безпокойствъ жители бухты стали готовиться къ войнѣ. Весліянцы по странному, утвердившемуся между ними обычаю, удалились въ виду угрожавшей опасности. Католическій миссіонеръ занялъ ихъ мѣсто и жители, покинутые своимъ учителемъ въ годину испытанія, очень скоро объявили себя за католицизмъ и часовня изъ весліянской была превращена въ католическую.

«Rev. Кэри не выдержалъ; легковѣрность дикихъ его возмутила; онъ отправился въ Нукубулаву, сорвалъ распятіе и иконы Божіей Матери и Спасителя, помѣщенныя съ должною торжественностью неутомимымъ патеромъ Фавромъ. Отнеся вещи къ начальнику племени Луи Насавусаву, онъ ихъ бросилъ къ его ногамъ, восклицая съ благороднымъ негодованіемъ: «вотъ вамъ идолы католической вѣры».

«Послѣ совершеннаго подвига онъ спокойно удалился въ свой домъ. Отецъ Лоренцо Фавръ возсталъ противъ такого поруганія святыни, соперники встрѣтились и жарко заспорили. Одинъ утверждалъ, что часовня, разъ предназначенная для весліянскаго служенія, навсегда принадлежитъ ихъ церкви; другой говорилъ, что покинутая весліянцами она перешла въ руки жителей, ее строившихъ, не получившихъ никакого вознагражденія и потому распорядившихся о передачѣ ея католикамъ, какъ законною ихъ собственностью. Rev. Кэри, маленькій тщедушный человѣкъ, не уступалъ энергическимъ аргументаціямъ отца Фавра, высокаго, здороваго савояра, едва удерживавшаго руки отъ расправы. Католическій священникъ остался побѣдителемъ. Я постановилъ рѣшеніе въ его пользу, основываясь на заявленіи

начальника племени, что часовня построена его людьми, что это его собственность и что онъ вправѣ былъ распорядиться ею по своему усмотрѣнію. Веслеянцы не простили мнѣ этого событія; можетъ быть тутъ примѣшивалась и личная обида, потому что Rev. Кэри, описывая происшествіе, говоритъ: заклятый католикъ въ жару спора чуть не прикасался самыхъ выдающихся частей моего лица».

Послѣ отказа Англіи принять острова подъ свое покровительство, въ Мельбурнѣ составилась компанія подъ названіемъ «Полинезійской», предложившая королю Такомбау принять на себя обязательство уплаты американскаго долга съ вознагражденіемъ за это обѣщанными Англіи 200,000 акрами земли. Король принялъ предложеніе и въ іюлѣ 1868-го года подписалъ, вмѣстѣ съ другими начальниками, законный актъ о передачѣ земли. Учрежденіе компаніи несомнѣнно принесетъ огромную пользу островамъ, привлечетъ новыхъ поселенцевъ и усилитъ производительность, обезпечивъ вѣрный и скорый сбытъ продуктовъ на рынки Европы и Австраліи. Номинальный капиталъ компаніи 100,000 ф. стерл., въ 50,000 акцій по 2 ф. каждая; компанія намѣрена тотчасъ приступить къ землемѣрнымъ работамъ, устройству плантацій, разведенію хлопка, сахарнаго тростника, кофе и другихъ растеній, которыя только богатая почва Фиджи способна производить; къ введенію лучшихъ средствъ по обработкѣ земли и выдѣлкѣ кокосоваго масла, производящейся патріархальнымъ способомъ, по методѣ туземцевъ, при чемъ безполезно теряется очень много матеріала; къ учрежденію правильнаго сообщенія между островами; къ ссудамъ капитала подъ залогъ продуктовъ и земель и къ продажѣ частнымъ лицамъ участковъ земли, перешедшей во владѣніе компаніи. Послѣдняя мѣра спасетъ многихъ вновь прибывающихъ отъ лишняго безпокойства и неудобствъ по пріисканію свободныхъ земель, часто сопряженнаго съ потерей по-напрасну времени и денегъ. Акціонеры надѣются получать хорошій дивидендъ и вообще все предсказываетъ успѣхъ компаніи, которая встрѣтила однакожъ оппозицію со стороны нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ монополію по торговлѣ и продажѣ земель въ своихъ рукахъ.

Компанія обратилась опять къ Англіи о принятіи острововъ подъ ея покровительство; какой послѣдуетъ отвѣтъ, до сихъ поръ еще неизвѣстно. Главная причина, вызвавшая такое движеніе къ колонизаціи острововъ,—это распространившіяся въ послѣднее время извѣстія о чрезвычайномъ удобствѣ ихъ для разведенія хлопка; дѣйствительно, ботаникъ Seeman, обратившій особенное вниманіе на этотъ предметъ, отзывается чрезвычайно выгодно

объ Фиджи. Онъ говоритъ, что почва острововъ какъ бы приспособлена природою къ произрастанію хлопка всякаго рода, отъ низшаго до самаго высшаго сорта. Разведеніе хлопка, подъ названіемъ sea island cotton, оказалось очень успѣшно; кромѣ того насчитываютъ шесть разныхъ другихъ видовъ. Слѣдующій примѣръ показываетъ, какъ благодарна почва: консулъ Притчардъ, посылая образчики хлопка въ 1862 году на всемірную выставку, писалъ между прочимъ, что нѣкто Макъ-Клинтокъ посѣялъ немного sea-island cotton въ одномъ округѣ на островѣ Вити-Леву; черезъ 24 часа сѣмена принялись и дали уже два открытыхъ листа; черезъ 2 мѣсяца и 12 дней кусты были въ полномъ цвѣту и менѣе чѣмъ въ 3 мѣсяца можно было уже сбирать хлопокъ.

Чтобы показать, насколько здѣсь прибыльно занятіе плантатора, я приведу слѣдующій разсчетъ, конечно, только приблизительный. Я не могъ сосчитать, говоритъ упомянутый ботаникъ, сколько почекъ даетъ дерево въ теченіи года, но въ іюлѣ мѣсяцѣ среднимъ числомъ каждый кустъ имѣлъ около 700 почекъ [1]). Полагая, что 20 почекъ по вѣсу составляютъ одну унцію, каждое дерево дастъ 2 фунта 3 унціи. Разсчитывая по 14 квадр. фут. на кустъ, акръ можетъ содержать 222 куста, которые дадутъ 485 фунт. 10 унцій; если положимъ цѣну хлопка на мѣстѣ 6 пенсовъ за фунтъ, хотя въ Манчестерѣ онъ стоитъ дороже одного шиллинга, окажется, что акръ доставитъ 12 фунт. 2 шил. $9^3/_4$ п., т.-е. на наши деньги около 76 руб. сер. (золотомъ). Надо замѣтить, однакоже, что исчисленіе относится къ хлопку въ дикомъ состояніи, на уходъ за которымъ не было обращено никакого вниманія. Если примемъ въ разсчетъ, что хлопокъ даетъ плоды здѣсь въ теченіи сухого времени, съ іюня по сентябрь, что его не уничтожаетъ ни морозъ, ни низкая температура, какъ это случается въ Соединенныхъ Штатахъ и другихъ странахъ, и что тоже дерево будетъ служить въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, вышеприведенный разсчетъ становится гораздо ниже дѣйствительнаго, и при улучшенныхъ средствахъ къ обработкѣ почвы, употребленіи нужныхъ орудій и должномъ вниманіи можно ожидать двойную и даже тройную цифру дохода.

Рабочіе для плантацій употребляются или туземцы, или привозятся съ окрестныхъ острововъ, съ Ротума, Фотуна, Уере, Раротонга и Ново-Гебридскихъ; вообще здѣсь считается, что люди съ отдаленныхъ острововъ работаютъ лучше и усерднѣе чѣмъ мѣстные жители. Рабочій, кромѣ расходовъ по привозу, стоитъ отъ 3-хъ до 5-ти фунт. ст. въ годъ. Иногда эти люди,

---

[1]) Наблюденія относятся къ Gossipium Religiosum, Nankin cotton.

скучая по родинѣ, придумываютъ очень опасныя для бѣлыхъ средства къ возвращенію домой, какъ это видно изъ слѣдующаго эпизода [1]), случившагося лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Нѣкто Норманъ съ мулатомъ Джимми Ласуласу отправился съ 17-ю человѣкъ рабовъ, привезенныхъ съ Ново-Гебридскихъ острововъ, изъ Левука на свою плантацію. На дорогѣ дикіе взбунтовались, завладѣли шлюпкой и заставили править на Ново-Гебридскіе острова. На семнадцатый день они убили Нормана, расколовъ ему голову томагаукомъ, сжарили и съѣли, бросая куски отвратительнаго блюда въ лицо Джимми. По недостатку провизіи возникъ голодъ и дикіе стали умирать одинъ за другимъ. Наконецъ шлюпку выбросило на берегъ одного острова, оказавшагося всего въ 12-ти миляхъ отъ того, съ котораго были взяты рабочіе.

Джимми оставался тамъ, въ ожиданіи судна, почти цѣлый годъ и былъ наконецъ принятъ на баркъ Colleen Bawn. Для предотвращенія насильственнаго захватыванія дикихъ, начинавшаго развиваться въ правильный промыселъ, составлены довольно строгія правила, обязательныя для англійскихъ судовъ, занятыхъ преимущественно доставленіемъ людей на плантаціи. Капитаны должны передъ отправленіемъ въ крейсерство за рабочими брать у консула свидѣтельство и по возвращеніи доставлять людей для опроса; конечно, такой контроль только номинальный и допускаетъ злоупотребленія. Плантаторы не охотно подчиняются этой мѣрѣ, влекущей при удаленіи плантацій отъ Левуки (на островѣ Овалау), мѣстожительства консула, къ лишнимъ денежнымъ расходамъ. Плантаторы намѣрены выписать китайскихъ кули и по этому предмету сдѣланы уже необходимыя распоряженія. Лучшая плантація вблизи Овалау, находится на островѣ Вакайя въ разстояніи 10 миль отъ Левуки и принадлежитъ американскому консулу Броуэру, съ успѣхомъ разводящему, кромѣ хлопка, кофе и сахарный тростникъ; у него много козъ, рогатаго скота и лошадей. Военные суда, заходящіе на Овалау, могутъ обращаться за всякаго рода запасами къ Броуэру.

Цѣны въ Левука, какъ и слѣдовало ожидать, очень высоки. Мы покупали мясо по 1 шилл. за фунтъ, хлѣбъ по 4 пенса фунтъ, овощи, какъ напр. таро, ямсъ и проч., также не могутъ назваться дешевыми.

Заканчивая статью о хлопкѣ, мнѣ остается сказать, что туземные начальники начинаютъ вполнѣ понимать всѣ выгоды разведенія этого продукта. Такомбау недавно издалъ законъ,

---

[1]) Заимствовано изъ Fiji Times отъ 23 іюля 1870 г.

обязывающій его подданныхъ обработывать извѣстное количество хлопка и обезпечивающій частную собственность отъ произвольнаго захвата начальниками, что составляло ихъ естественное право по туземнымъ понятіямъ. Недавно Рату-Драуниба, братъ и наслѣдникъ короля заплатилъ денежный штрафъ за нарушеніе упомянутыхъ правилъ [1]).

Такомбау былъ прежде людоѣдомъ, но со времени принятія христіанства строго исполняетъ всѣ обряды и много старается объ утвержденіи своей власти и порядка на островахъ. Желая подчинить изданнымъ законамъ дикія, не принявшія еще христіанства племена, заселяющія внутренность острова Вити-Леву, король формируетъ нынѣ легіонъ въ 500 человѣкъ изъ бѣлыхъ, обѣщая охотникамъ довольно щедрые надѣлы земли; что касается послѣдней [2]), каждый дюймъ ея на Фиджи имѣетъ своего собственника. Всякая полоса поля имѣетъ свое названіе и точно опредѣленныя границы. Владѣніе ею остается за семействами, а главы ихъ суть представители только права на землю. Начальникъ, относительно владѣнія земли, пользуется тѣми же правами, какъ каждый глава семейства, но такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и глава племени, то ему принадлежитъ извѣстная доля власти надъ землями подчиненнаго ему народа. Каждое изъ племенъ содержитъ своего начальника, доставляя ему во время мира продукты и слѣдуя за нимъ во время войны; такимъ образомъ, цѣлое племя пріобрѣтаетъ извѣстный коллективный интересъ въ земляхъ, владѣемыхъ отдѣльными семьями, и выдѣленіе земли заключаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣленіе опредѣленной части изъ общихъ средствъ, идущихъ на содержаніе начальника. Отсюда слѣдуетъ довольно сложная форма владѣнія землею, и продажа участковъ ея можетъ быть законною только при согласіи начальника и главъ семей.

Для предупрежденія часто возникавшихъ процессовъ при покупкѣ земель, Притчардъ составилъ нѣкоторыя правила, одобренныя туземными начальниками. Они заключаются въ немногихъ формахъ. Требуется 1) прежде передачи земли во владѣніе, трех-мѣсячная льгота для подачи могущихъ существовать на землю претензій; 2) согласіе начальника и племени, къ которому продавецъ принадлежитъ. По составленіи акта о соблюденіи всѣхъ этихъ формальностей, и приложеніи къ нему консульской печати, пріобрѣтеніе земли считается вполнѣ узаконеннымъ и гарантированнымъ отъ всякихъ недоразумѣній, мо-

---

[1]) Заимствовано изъ Fiji islands, by Cercs, стр. 60.

[2]) Polynesian Reminiscences, by Pritchard, стр. 242.

гущихъ возникнуть впослѣдствіи. Всѣмъ покупаемымъ землямъ ведется въ консульствѣ реестръ.

Столица острововъ Фиджи, Левука—небольшой городокъ на островѣ Овалау, лежащемъ къ востоку отъ Вити-Леву. Островъ окруженъ коралловымъ рифомъ, представляющимъ предъ Левука три прохода; корветъ нашъ вошелъ южнымъ, а вышелъ сѣвернымъ. На рейдѣ мы застали нѣсколько купеческихъ судовъ и много мелкихъ, каботажныхъ, занимающихся торговлею между островами. Городъ состоитъ изъ ряда небольшихъ домовъ, раскинутыхъ по самому берегу; многіе изъ нихъ выстроены изъ досокъ, другіе изъ гальванизированнаго желѣза; есть три, четыре отеля съ весьма скромною, простою обстановкой, много лавокъ и еще болѣе кабаковъ. Проходя по берегу я видѣлъ нѣскольких человѣкъ мертвецки пьяныхъ, валявшихся на улицѣ. Такое явленіе сразу располагаетъ не въ пользу мѣстныхъ нравовъ. Есть аптека и даже типографія, въ которой печатается еженедѣльная газета «Fiji Times». Эта типографія принадлежала прежде миссіонерамъ, которые нашли болѣе разсчетливымъ печатать свои изданія въ Лондонѣ и потому ее продали. Въ Левука можно достать почти всѣ припасы, хотя болѣе чѣмъ по двойнымъ австралійскимъ цѣнамъ.

Въ Левука живетъ около восьми миссіонеровъ, католическаго, англиканскаго и весліянскаго вѣроисповѣданій; каждая изъ сектъ имѣетъ свою церковь.

Такъ какъ на всей группѣ острововъ не существуетъ никакого признаннаго правительства, то монета въ обращеніи самая смѣшанная; купивъ какую-то вещь, я получилъ сдачи съ одного фунта стерлинга американскими долларами, бразильскими мильрейсами, прусскими талерами, даже какою-то монетою изъ Перу. Бѣлое населеніе простирается до 300 человѣкъ и состоитъ изъ выходцевъ со всѣхъ странъ свѣта (есть даже двое со славянскими фамиліями, Rodziak и Rogalsky). Несмотря на отсутствіе власти и полиціи въ Левука не слышно объ безпорядкахъ и безчинствахъ. Все какъ-то управляется само собою. Передъ нашимъ уходомъ произошло столкновеніе между однимъ плантаторомъ и купцомъ[1]), по поводу уплаты денегъ за какія-то купленныя въ лавкѣ вещи. Дѣло отъ горячаго разговора перешло въ драку и наконецъ купецъ, схвативъ ножъ, бросился съ нимъ на плантатора, который успѣлъ увернуться отъ удара, а потомъ подалъ жалобу англійскому консулу. Послѣдній вѣжливымъ письмомъ пригласилъ обвиняемаго къ себѣ въ контору

[1]) Заимствовано изъ Fiji Times отъ 9-го іюля 1870 года.

для разслѣдованія дѣла; тотъ сначала просилъ отсрочки въ явкѣ, а потомъ увѣдомилъ письмомъ консула, что не считая послѣдняго облеченнымъ какою-либо судебною властью, онъ не находитъ нужнымъ являться къ нему на судъ. Такое явное нарушеніе принятаго обычаемъ всего населенія, хотя и добровольнаго, подчиненія консульской власти, вызвало всеобщее возбужденіе. Тотчасъ напечатаны были приглашенія къ созванію митинга и учрежденію комитета бдительности. Большинство на митингѣ осуждало поведеніе обвиняемаго, вызваннаго для объясненій и изъявившаго согласіе подчиниться приговору собранія; конечно, въ виду неимѣнія средствъ къ наказанію такой приговоръ не можетъ быть строгъ, и вѣроятно ограничится выраженіемъ общественнаго неудовольствія; какъ-бы то ни было, поведеніе жителей свидѣтельствуетъ о прочности, врожденнаго англійскому племени, чувства законности и порядка.

Теперь дѣлаются попытки къ образованію представительнаго правленія и жители призваны подать свои мнѣнія.

Въ окрестностяхъ Левуки, къ югу и сѣверу отъ нея находятся нѣсколько туземныхъ селеній, или, какъ ихъ здѣсь почему-то называютъ, городовъ, хотя они состоятъ только изъ нѣсколькихъ хижинъ, большею частью, неправильно разбросанныхъ, безъ улицъ. По наружному виду эти хижины похожи на наши скирды хлѣба, съ однимъ или двумя отверстіями для дверей; внутренность ихъ очень проста и довольно опрятна; полъ устланъ листьями папоротника и цыновками; въ центрѣ помѣщается обыкновенно очагъ, съ небольшимъ числомъ весьма незатѣйливой утвари; ничего подобнаго кроватямъ я не видалъ; туземцы спятъ прямо на полу, подкладывая подъ голову небольшую перекладину, чаще всего изъ бамбука, утвержденную на двухъ короткихъ ножкахъ.

Жители острововъ по происхожденію папуанцы, темнаго цвѣта, съ большими, вьющимися, часто взбитыми кверху, волосами, которые они иногда покрываютъ слоемъ извести, добываемой изъ коралла. Они довольно высокаго роста, хорошо развитые, хотя очень разнообразнаго тѣлосложенія, съ черными, яркими, проницательными глазами; относительно татуировки, достигшей въ Полинезіи наибольшаго развитія на островахъ Общества и Маркизскихъ, на Фиджи это украшеніе принято только женщинами. Дикіе ходятъ совершенно нагіе, прикрывая голову и поясъ кускомъ тапы, мѣстной матеріи, приготовляемой изъ коры дерева (Broussonetia). Нѣкоторыя изъ женщинъ, преимущественно христіанки, въ окрестностяхъ Левуки, носятъ узкія, короткія пестрыя юбки и пелеринки, прикрывающія грудь.

Правила нравственности между ними, кажется, благодаря вліянію миссіонеровъ, строго развиты...

Что касается нравовъ и обычаевъ туземцевъ, они, несмотря на начавшіяся сношенія съ бѣлыми, сохранили до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ черты страшной жестокости и изувѣрства. Достаточно указать на обычай удушенія друзей, преимущественно женъ покойнаго, чтобы вселить ужасъ въ каждаго образованнаго человѣка. Этотъ обрядъ составляетъ національное учрежденіе страны. По вѣрованіямъ островитянъ, духъ умершаго не можетъ достигнуть загробнаго блаженства, не сопровождаемый душами своихъ приближенныхъ и женъ. Этотъ обрядъ носитъ названіе «лолуку» и совершается не только какъ жертвоприношеніе богамъ, но и для воздаянія должной почести благороднымъ предкамъ умершаго. Чѣмъ выше по званію и положенію послѣдній, тѣмъ больше жертвъ влечетъ за собою его смерть; обреченные на удушеніе добровольно подчиняются своей участи, потому что еслибъ избѣгнули ея, то подвергнулись бы позору и презрѣнію. Чувство въ пользу «лолуку» до того сильно между дикими, что одна изъ причинъ, почему они непріязненно смотрятъ на христіанство, заключается въ запрещеніи послѣднимъ этого варварства.

Сѣдины и старый возрастъ вызываютъ у фиджіанцевъ не уваженіе и почетъ, а презрѣніе и пренебреженіе; дѣти прехладнокровно убиваютъ, большею частью задушаютъ своихъ родителей, когда они дѣлаются безсильны отъ дряхлости или болѣзни, полагая при этомъ, что они совершаютъ похвальный актъ милосердія, такъ какъ по существующему повѣрью загробная жизнь продолжается въ томъ состояніи, въ какомъ застаетъ смерть, т.-е. умершій молодымъ остается молодымъ, умершій отъ страданій будетъ продолжать страдать и т. д.

Людоѣдство также распространено, хотя есть мѣстности, составляющія исключеніе. Многіе до послѣдняго времени отказывались вѣрить въ существованіе этого страшнаго обычая, пока очевидность не отстранила всякія сомнѣнія. Людоѣдство — одно изъ національныхъ учрежденій; въ прежнее время всякое пиршество, закладка храма, спускъ лодки и проч. сопровождались жертвами. Человѣческое мясо имѣетъ значеніе для дикихъ не только какъ тонкое блюдо, считающееся многими мѣстными гастрономами большимъ лакомствомъ, но и какъ средство мести. Самое сильное оскорбленіе наносится словами: «я тебя съѣмъ», и побѣдитель почти всегда празднуетъ свое торжество кускомъ мяса своего врага или противника. Во время войнъ непріятели, взятые въ плѣнъ, почти всегда поѣдаются, женщины не подпа-

дають исключенію. Приготовленіе «баколо», такъ называется страшное блюдо, сопровождается извѣстнымъ церемоніаломъ и считается праздникомъ; иногда эти сцены не лишены бываютъ еще ужасовъ истязанія, такъ какъ случалось, что отрубались члены отъ живого человѣка, зажаривались и съѣдались въ глазахъ несчастнаго. Одинъ путешественникъ приводитъ случай [1]), когда цѣлое племя было обречено на съѣденіе: во внутренности острова Вити-Леву, жило племя, оскорбившее въ давнія времена начальника округа Намози, и въ наказаніе за это преступленіе племя было осуждено на уничтоженіе. Каждый годъ съѣдалось одно семейство, хижина, которую оно занимало, сжигалась и на ея мѣстѣ сѣялось таро; на другой годъ, когда это таро созрѣвало, это служило сигналомъ къ съѣденію другого семейства и т. д. Въ 1860-мъ году оставалась въ живыхъ только одна женщина изъ цѣлаго племени! Всѣ выбрасываемые при крушеніяхъ на берегъ считаются какъ бы посланными самою судьбою для угощенія и неумолимо пожираются.

Сколько человѣческихъ труповъ было съѣдено въ Намози трудно сказать съ точностью, но такъ какъ въ воспоминаніе каждаго съѣденнаго человѣка, или лучше сказать, въ воспоминаніе пира, клался камень у храма, то число ихъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о массѣ убитыхъ. Упомянутый авторъ насчиталъ около 400 камней, хотя туземцы говорили, что много ихъ было смыто во время наводненія.

На публичныхъ площадяхъ устраиваются очаги для жаренія и варенія мертвыхъ тѣлъ; замѣчательно, что сосуды, въ которыхъ приготовляется *баколо*, считаются «табу», т.-е. неприкосновенными для всякихъ другихъ цѣлей; также, что человѣческое мясо ѣдятъ не пальцами, какъ всѣ прочія блюда, а деревянными вилками, часто имѣющими разныя циническія названія. Иногда людоѣдство бываетъ такъ сказать напускное, употребляемое какъ средство для внушенія страха. Притчардъ разсказываетъ, что Лоти, одинъ изъ фиджійскихъ военноначальниковъ, признавался ему, что съѣлъ свою жену изъ желанія пріобрѣсти страшное renommée.

Войны между дикими очень часты, почти постоянны; оружіемъ служатъ копья, палицы разнообразной формы, луки, стрѣлы и такъ-называемыя «ула», короткія палки съ шишкою на концѣ, употребляемыя для метанія. Въ настоящее время распространилось и огнестрѣльное оружіе, которое, сдѣлавъ военныя предпріятія болѣе рискованными и дорогими, не мало способ-

---

[1]) Mission to Viti, by Seeman, стр. 177.

ствовало уменьшенію враждебныхъ дѣйствій, значительно сокращающихъ населеніе страны; миссіонеръ Вильямсъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ число жителей уменьшилось почти на половину; вообще племя довольно быстро вымираетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ островъ Овалау могъ выставить около 3,000 воиновъ, теперь онъ не можетъ дать болѣе пятисотъ. Наибольшею жестокостью, грубостью нравовъ и наклонностью къ войнѣ отличаются горцы, населяющіе внутренности большихъ островозъ. Во время пребыванія корвета, горные жители острова Вити-Леву сдѣлали нападеніе на округъ Ба, лежащій на сѣверо-западной его оконечности, истребивъ болѣе четырехъсотъ человѣкъ, при чемъ ихъ предводитель сказалъ слѣдующую, выразительную рѣчь [1]: «Я Уауабалаву, тотъ самый, который съѣлъ Бекера и многихъ людей изъ Ба, и который съѣстъ васъ, если вы не покоритесь».

Хотя бо̀льшая часть битвъ ведется на сушѣ, туземцы употребляютъ для передвиженій и нападеній лодки, которыя бываютъ разныхъ родовъ; небольшія изъ нихъ, длиною не превосходящія 30 или 40 футъ, выдалбливаются изъ цѣльнаго дерева и имѣютъ противовѣсъ, «кама»; большія лодки, достигающія иногда 100 ф. длины называются «друа»; вмѣсто противовѣса къ ней присоединяется другая лодка, нѣсколько отличная по формѣ; на нихъ настилается помостъ, часто довольно высокій, парусъ употребляется сшитый изъ цыновокъ, онъ треугольной формы и одною изъ своихъ вершинъ, представляющей галсъ, крѣпится у передней оконечности. Лодки управляются, подобно фелукамъ Средиземнаго моря, двумя длинными веслами, спереди и сзади; при лавировкѣ, во время поворота, приводятъ сначала на фордевиндъ, а потомъ переносятъ галсъ съ одного конца лодки на другой, такъ что корма становится носомъ; такой маневръ необходимъ для того, чтобъ держать противовѣсъ на вѣтрѣ, въ противномъ случаѣ онъ зароется въ водѣ и лодку перевернётъ; при шквалѣ противовѣсъ можетъ приподнять и лодка подвергается новой опасности опрокинуться, поэтому для управленія требуется много навыка и вниманія.

Большія лодки могутъ поднимать нѣсколько тоннъ груза и около 100 человѣкъ; туземцы, занимающіеся ихъ постройкою, составляютъ отдѣльную касту и носятъ громкое названіе «матаи» или королевскихъ плотниковъ. Фиджіанцы считаются лучшими строителями и матросами, между другими островитянами. Жители

---

[1]) Заимств. изъ Fiji Times отъ 23 іюля 1870 года.

Тонга заимствовали отсюда искусство постройки своихъ судовъ, отличающихся болѣе тщательной отдѣлкой.

Говоря объ островахъ Фиджи, нельзя не упомянуть о жителяхъ архипелага Тонга, пріобрѣвшихъ болѣе или менѣе значительное вліяніе во всей группѣ, и даже въ одно время, когда велись переговоры объ уступкѣ острововъ Англіи, бывшихъ близкими въ лицѣ своего хитраго и могущественнаго начальника Маафу къ захвату верховной власти надъ островами въ свои руки, только вмѣшательство Притчарда, англійскаго консула, помѣшало исполненію этого плана. Одна изъ многихъ причинъ, побуждавшихъ короля Фиджи сдѣлать предложеніе Англіи о принятіи острововъ подъ свое покровительство, заключалась въ желаніи избѣгнуть требованій и тираніи тонганцевъ, которые по красотѣ и способностямъ стоятъ далеко выше жителей Фиджи, и по справедливости могутъ назваться красою полинезской расы. Физическія преимущества тонганъ можетъ быть происходятъ отчасти какъ отъ различія расы, такъ и отъ высшаго положенія, занимаемаго женщиною въ средѣ ихъ; въ то время, какъ у фиджіанцевъ женщины обречены на самыя тяжкія, трудныя работы и занимаютъ самое низшее положеніе въ обществѣ, на Тонга съ незапамятныхъ временъ онѣ пользовались большимъ уваженіемъ и снисхожденіемъ.

Островитянъ Тонга можно назвать англо-саксами Южнаго Тихаго океана. Будучи выходцами съ архипелага Самоа, они сначала подчинили себѣ острова Тонга, а потомъ, находя ихъ малыми по размѣрамъ своего населенія, основали многочисленныя колоніи на Фиджи и даже дѣлали отчаянныя попытки для присвоенія себѣ надъ ними власти. Похвалы, расточаемыя нѣкоторыми путешественниками ихъ наружности, сдѣлали тонганцевъ заносчивыми и самоувѣренными.

Съ увеличеніемъ эмиграціи на Фиджи явились и начальники острововъ Тонга, изъ которыхъ Маафу суждено было играть довольно важную роль въ дѣлахъ Фиджи. Я уже упоминалъ выше, что Маафу дѣлалъ попытки къ сверженію власти Такомбау; интрига, которую онъ велъ, была очень сложна и вѣроятно увѣнчалась бы успѣхомъ, еслибъ не явились преграды въ лицѣ англійскаго консула. Между прочимъ, хитрый Маафу, желая привлечь на свою сторону миссіонеровъ весленской церкви, или по крайней мѣрѣ избѣгнуть ихъ противодѣйствія, во всѣхъ мѣстностяхъ, которыя онъ покорялъ оружіемъ, утверждалъ, что явился для утвержденія весленской вѣры. Подъ предлогомъ ея распространенія онъ совершалъ страшныя жестокости. Слѣдующій разсказъ можетъ дать нѣкоторую идею объ ужасахъ фиджій-

ской войны. Самизи, одинъ изъ военноначальниковъ, подвѣдомственныхъ Маафу, напалъ на одно селеніе, на островѣ Вануа-Леву; жители поспѣшили удалиться въ горы. Самизи вступилъ съ ними въ переговоры и обѣщалъ пощаду въ случаѣ покорности. Жители требовали гарантій; Самизи послалъ отвѣтъ: «Я назначаю мѣстомъ нашей встрѣчи церковь, а время воскресенье утромъ; тамъ, предъ лицомъ Бога, наши переговоры будутъ священны». Фиджійцы, числомъ около 30-ти, повѣрили, явились въ церковь и отдали свое оружіе. Окруженный вооруженными людьми Самизи сказалъ плѣнникамъ: «вы всѣ язычники; вы дрались противъ насъ, проповѣдующихъ истинную вѣру и должны умереть»,— и Мафи, помощникъ его сталъ связывать имъ всѣмъ руки. Всякое сопротивленіе было бы безполезно, просьба о пощадѣ напрасна, и съ тою стойкостью, которая нерѣдко характеризуетъ дикаго, когда неизбѣжная смерть прямо глядитъ ему въ глаза, несчастные фиджійцы пассивно ожидали своего конца. Затѣмъ Мафи прехладно кровно занялся точеніемъ американскаго топора и, взявъ копье, на концѣ котораго былъ насаженъ штыкъ, выкололъ по одному глазу у каждой изъ связанныхъ, неподвижно сидѣвшихъ жертвъ, послѣ чего поочередно принялся снимать головы[1])!

Къ стыду миссіонеровъ надо сказать, что долгое время они проходили молчаніемъ всѣ эти изувѣрства, и только начавшееся распространяться между бѣлымъ населеніемъ всеобщее негодованіе заставило ихъ обратиться съ протестомъ къ Маафу.

Христіанство стараніями весліянскихъ миссіонеровъ распространено теперь въ большей части острововъ Фиджи; изъ всего населенія, простирающагося до 200.000 чел., 125.000 считаются христіанами. Когда на островахъ Тонга ученіе Спасителя было достаточно упрочено, миссіонеры стали думать объ островахъ Фиджи, съ которыми жители Тонга почти постоянно находились въ сношеніяхъ; въ 1835 году они перенесли свою дѣятельность на островъ Лакемба, самый восточный въ группѣ Фиджи и жители котораго, вслѣдствіе близости къ Тонга, были знакомы съ языкомъ послѣднихъ острововъ, а слѣдовательно представляли наиболѣе удобную почву для начальныхъ трудовъ миссіонеровъ. Здѣсь они основали свое первое заведеніе и впослѣдствіи распространились по всему архипелагу; ихъ подвигъ былъ значительно облегченъ мѣстными учителями изъ тонганцевъ и отчасти изъ фиджіанцевъ, получившихъ подготовку подъ руководствомъ миссіонеровъ. Школы для учителей существуютъ теперь на островѣ Кандаву, въ Аук-

---

[1]) Polynesian Reminiscences, стр. 228.

ландѣ (въ Новой Зеландіи), на одномъ изъ острововъ Тонга и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Океаніи.

Слѣдуетъ отдать справедливость веслеянскимъ миссіонерамъ въ огромной услугѣ, оказанной ими островамъ. Они первые доставили наиболѣе подробныя и вѣрныя свѣдѣнія объ архипелагѣ, и поэтому можетъ быть были главною причиною, вызвавшею ихъ колонизацію, хотя въ своей дѣятельности нерѣдко впадали въ слабости и ошибки. Они перевели на фиджійскій языкъ, избравъ нарѣчіе Мбау, какъ господствующее, библію, катехизисъ, и составили словарь фиджійскаго языка. Миссія существуетъ на средства общества веслеянскихъ методистовъ, на частныя пожертвованія новообращенныхъ христіанъ, заключающіяся большею частью въ кокосовомъ маслѣ и хлопкѣ. Съ развитіемъ австралійскихъ колоній и открытіемъ обогатившаго ихъ золота, общество методистовъ, избравшихъ мѣстомъ своей дѣятельности острова Тихаго океана, отдѣлилось отъ англійскаго, образовавъ отдѣльную вѣтвь, которая поддерживается одними средствами австралійскихъ колоній.

Несмотря на то, что большинство населенія христіане, можно сказать, что истинная дѣятельность миссіонеровъ только-что начинается. Поселившіеся бѣлые явились не для просвѣщенія черныхъ, не для облегченія труда миссіонеровъ, а для пріобрѣтенія денегъ, какія бы мѣры къ тому ни вели; они принесли всѣ недостатки и пороки того класса общества, изъ котораго вышли; для неутвердившейся нравственности черныхъ предстоитъ много соблазна и потребуется много усилій со стороны миссіонеровъ для удержанія ихъ на истинномъ пути.

Такъ какъ часть жителей язычники, то кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о религіи фиджіанцевъ. Высшее божество, признаваемое ими есть Нденгеи, извѣстное въ другихъ группахъ Полинезіи подъ именемъ Танга-роа, или Таа-роа. Танга—собственное имя, роа—отдаленный. Этому богу приписывается сотвореніе міра и управленіе, онъ не представляется ни въ какихъ изображеніяхъ, также какъ и низшіе боги, коллективно называемые «Калу».

Кромѣ Нденгеи есть еще множество другихъ боговъ, за которыми признаются разныя достоинства; часто одна мѣстность оспариваетъ у другой преимущества своихъ божествъ. Души умершихъ родителей считаются фиджіанцами домашними богами, они воздвигаютъ въ ихъ память храмы и приносятъ жертвы, въ видѣ разныхъ явствъ; поклоняются также обоготворяемымъ камнямъ, деревьямъ, рощамъ; даже нѣкоторыя рыбы, птицы и люди считаются вмѣстилищами боговъ и потому почитаются.

Фиджійскіе храмы имѣютъ пирамидальную форму и внутри раку, въ которую снисходитъ богъ, призываемый жрецами, чрезъ нихъ же сообщаются велѣнія божества; обыкновенно, въ этомъ случаѣ служитель алтаря впадаетъ въ изступленіе и бормочетъ несвязныя, отрывочныя слова, признаваемыя за откровенія свыше.

Безсмертіе души и загробная жизнь составляютъ главные догматы фиджійской вѣры. Назначеніе души есть «Булу», отдѣляющееся рѣкою, — и которое достигается душами послѣ борьбы съ «Самуяло», охранителемъ Булу. Будущая жизнь представляется исполненною тѣхъ же занятій, какъ и на землѣ: это — морскія путешествія, охота, рыбная ловля и т. п.

Замѣчательно, что холостому считается путь для достиженія блаженства болѣе затруднительнымъ, чѣмъ женатому; не слѣдуетъ, однакожъ, отсюда заключать, чтобы женщина, имѣющая такое важное значеніе въ загробной жизни, пользовалась имъ и въ земной; совершенно обратно, положеніе ея на Фиджи очень низкое, и вѣроятно происходитъ отъ весьма распространенной на всей группѣ полигаміи.

О фаунѣ островов можно сказать, что она сравнительно бѣдна; кромѣ крысъ изъ млекопитающихся есть только нѣсколько видовъ летучихъ мышей. Царство птицъ болѣе богато: ихъ насчитываетъ около 46 разныхъ видовъ; есть попугаи, совы, соколы, утки, голуби, чирки и проч. Рыбы много, около ста видовъ, изъ нихъ нѣкоторыя годны для пищи; изъ пресмыкающихся извѣстны около 10 родовъ змѣй, самыя длинныя не превосходятъ шести футъ. На островахъ разводится рогатый скотъ и домашняя птица, какъ-то куры, гуси и проч., впрочемъ ея еще очень мало и мы не могли достать, кромѣ поросятъ, никакой живности. Изъ овощей мы получили только таро и ямсъ, а изъ фруктовъ нѣсколько пучковъ зеленыхъ банановъ; ананасы, апельсины и другіе не были еще поспѣвшими. Считаю небезъинтереснымъ здѣсь упомянуть объ напиткѣ, общемъ почти всей Полинезіи, и извѣстномъ на Фиджи подъ именемъ «яконы». Онъ приготовляется изъ корней кавы (peper metysticum), при чемъ эти корни сначала жуются — занятіе, преимущественно поручаемое молодымъ людямъ—а потомъ опускаются въ деревянную чашу, въ которую вливается извѣстное количество воды; въ этомъ видѣ напитокъ похожъ на кофе, разведенный молокомъ и имѣетъ, кромѣ возбуждающаго, еще опьяняющее свойство.

Климатъ на островахъ вообще здоровый; тропическая жара умѣряется дующими съ моря вѣтрами. Наименьшая температура, замѣченная миссіонеромъ Вильямсомъ, 14° R, самая высшая 40°, а средняя около 21° R.

Острова совершенно свободны отъ лихорадки—этого бича архипелага Самоа — и единственная болѣзнь, которой слѣдуетъ опасаться, есть диссентерія; противъ нея, какъ говорятъ, служитъ отличнымъ средствомъ аррорутъ. Время съ октября по апрѣль самое жаркое, и совпадаетъ съ дождевымъ сезономъ; впрочемъ, здѣсь нѣтъ рѣзкой границы между сухимъ и дождевымъ періодами, непродолжительные ливни случаются во всякіе мѣсяцы года.

Происхожденіемъ своимъ острова обязаны вулканической силѣ и неутомимому труду кораллов. Хотя въ настоящее время нѣтъ дѣйствующихъ вулкановъ, надо думать, что самыя высокія изъ горъ были въ прежнія времена громадными кратерами. Горячіе ключи встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, иногда чувствуются землетрясенія, и недавно между группами Фиджи и Тонга поднялся со дна океана цѣлый островъ; на южные берега Кандаву иногда прибиваются большія массы пемзы; все это доказываетъ, что хотя Фиджи и не находятся въ центрѣ вулканическаго дѣйствія, они все-таки подвержены плутоническимъ возмущеніямъ. Мѣстность почти всюду волнистая, и самые большіе острова имѣютъ пики до 4,000 ф. высоты. Почва очень плодородная и почти нѣтъ клочка земли, который бы не годился для обработки или обращенія подъ пастбища. Метеорологическія условія навѣтренной и подвѣтренной части островов очень различны; первая, на которой осаждается большая часть влаги, приносимой морскими вѣтрами, покрыта самой богатой, густой, почти непроницаемой растительностью; вторая представляетъ луговыя, менѣе поросшія лѣсомъ пространства[1]). Лучшая изъ гаваней въ группѣ считается бухта Галоа, на южной сторонѣ острова Кандаву; предполагается даже, что въ ней будетъ устроена станція пароходовъ, содержащихъ сообщеніе между Санъ-Франциско и Сиднеемъ. Бухта Сува на югѣ Вити-Леву тоже представляетъ хорошій портъ, также какъ Рева, нѣсколько миль отъ Сувы.

Китоловы часто становятся на якорь у берега Макуата, острова Вануа-Леву и въ бухтѣ Савусаву на южной сторонѣ его.

Юго-восточный пассатъ господствуетъ съ апрѣля по декабрь. Съ начала января до конца марта вѣтры перемѣнны и часто дуютъ очень свѣжо отъ N и NW, принося съ собою проливные дожди. Это время совпадаетъ съ сезономъ, посѣщающихъ иногда Фиджи, ураганов. Теченія довольно неправильны, около нѣкоторыхъ островов они круговыя, общее же ихъ направленіе отъ SO

[1]) Для интересующихся флорой Фиджійскихъ острововъ можетъ служить сочиненіе Seeman'a: Mission to Viti.

къ NW. Высота прилива небольшая, отъ 3-хъ до 6-ти футъ, самый значительный случается въ проливѣ Сомосомо.

Деревья для рангоута можно получать изъ Насева, на южной части острова Кандаву, также какъ изъ Насавусаву на Вануа-Леву. Бѣлыхъ поселенцевъ на всей группѣ считается около 2,500 человѣкъ.

Торговыхъ судовъ было въ приходѣ 91, но въ послѣдній годъ число ихъ почти утроилось; китолововъ (всѣ американцы), посѣтившихъ острова, 10. Вывозится отсюда хлопокъ, кокосовое масло, трепангъ и черепаховая кость,—по даннымъ 1868-го г. всего на сумму около 325.000 р. с.

Надо замѣтить, что вывозъ хлопка въ послѣднее время значительно увеличился. Предметами ввоза служатъ: матеріалы для постройки домовъ, оружіе, земледѣльческія орудія, колоніальные товары, вино, спиртные напитки, и проч. Конечно, никакихъ пошлинъ, ни портовыхъ, ни таможенныхъ не существуетъ.

Какъ-бы ни были бѣглы предыдущія замѣтки, я полагаю, сказаннаго достаточно, чтобы оправдать предсказаніе богатаго будущаго островамъ Фиджи; по крайней мѣрѣ, богатая почва, здоровый климатъ и успѣхи колонистовъ даютъ отчасти право на это; очень можетъ быть, что относительно Австраліи острова займутъ такое же мѣсто, какое Вестъ-Индія имѣетъ для Америки, и что чрезъ нѣсколько лѣтъ Левука сдѣлается цвѣтущимъ городомъ и средоточіемъ торговой дѣятельности на архипелагѣ; этимъ замѣчаніемъ мы покончимъ свою замѣтку, чтобъ перейти къ слѣдующему острову, посѣщенному корветомъ во время плаванія.

III.

Санъ-Кристоваль.

(Изъ группы Соломоновыхъ).

Утромъ 25-го іюня мы подходили ко входу въ бухту Макира, расположенной на сѣверо-западной оконечности вышеназваннаго острова, а около полудня бросили въ ней якорь. Еще за нѣсколько миль до якорнаго мѣста насъ встрѣтило множество туземныхъ шлюпокъ, одиночныхъ и съ противовѣсами (пироги); одна изъ нихъ была очень красивая, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежавшая начальнику, съ концами, загнутыми какъ у гондолъ, выложенная перламутровыми раковинами и увѣшанная фестонами,

въ родѣ кистей, изъ красной травы, а на кормѣ, въ видѣ украшенія помѣщено было какое-то украшеніе въ родѣ дракона. Всѣ эти шлюпки очень легки и держались наравнѣ съ корветомъ, который шелъ, по крайней мѣрѣ, узловъ по 4 или 5. Когда мы бросили якорь, насъ окружила цѣлая флотилія лодокъ дикихъ; вскорѣ пріѣхалъ на корветъ одинъ изъ двухъ или трехъ европейцевъ, живущихъ на островѣ; онъ оказался выходцемъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, по фамиліи Вильямъ Перри, а по прозванію Bill. Перри во все пребываніе корвета былъ очень услужливъ и полезенъ для насъ, по переговорамъ съ дикими, доставкѣ припасовъ и проч. Не скрываясь, онъ разсказалъ, что молодость провелъ въ Остъ-Индской компаніи матросомъ; послѣ войны въ Индіи вышелъ въ отставку, служилъ на купеческихъ судахъ, бывалъ въ Китаѣ, Японіи, держалъ boarding house въ Бомбеѣ, разорился, даже участвовалъ въ торговлѣ невольниками, однимъ словомъ, какъ говорится, прошелъ сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы и, наконецъ, явился пробовать счастья на островахъ. Труды его до сихъ поръ сопровождались успѣхомъ и оказались довольно прибыльными; въ 3 года онъ выручилъ здѣсь около 3 тысячъ руб. сер. Онъ занимается сборомъ у туземцевъ кокосоваго масла, трепанга и черепаховой кости, которые продаетъ заходящимъ на островъ судамъ.

Небольшой его домъ, состоящій изъ хижины, построенной въ мѣстномъ стилѣ, и сараи, гдѣ хранятся запасы провизіи и собираемые продукты, находится на сѣверномъ берегу бухты у самаго входа ея; на верху горы Перри развелъ небольшую плантацію, а возлѣ дома разсадилъ апельсинныя, ананасовыя и другія деревья. Кокосовое масло дикіе ему привозятъ не только съ Кристоваля, но и съ другихъ острововъ, обыкновенно въ бамбуковыхъ, пустыхъ внутри, длинныхъ палкахъ. Такъ какъ мы нуждались въ освѣтительномъ матеріалѣ, то Перри снабдилъ насъ безплатно нѣсколькими пудами кокосоваго масла, которое превосходно горитъ и даетъ мало копоти; кромѣ того онъ доставилъ нѣсколько свиней, большое количество таро и ямса, хватившаго почти до Японіи; послѣдній овощь превосходно сохраняется въ морѣ, но нельзя сказать, чтобъ онъ приходился по нашему вкусу. Перри рѣшительно отказывался отъ всякаго денежнаго вознагражденія и при нашемъ уходѣ подарилъ еще капитану туземную шлюпку, совершенно новую; но согласился принять немного пороху, рому, сухарей и троса—предметовъ, въ которыхъ онъ очень нуждался. Старый морякъ заслуживаетъ нашу общую благодарность и чрезвычайно облегчалъ сношенія съ дикими, потому что, хотя нѣкоторые изъ нихъ и понимаютъ немного по-

англійски, но объясняться на этомъ языкѣ не могутъ. Значительныя выгоды, получаемыя Перри съ промысла, вполнѣ окупаются лишеніями и опасностями, съ которыми сопряжена жизнь среди дикихъ, стоящихъ на самой низшей степени цивилизаціи; они почти всѣ людоѣды и десять лѣтъ тому назадъ прогнали французскихъ миссіонеровъ, изъ которыхъ четырехъ съѣли. Недавно (прошло около 3-хъ лѣтъ) они завладѣли, торговавшей между островами, шкуной Marion Reny—и истребили весь экипажъ.

Въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ погибло здѣсь отъ дикихъ около пяти судовъ.

Поселеніе дикихъ расположено на сѣверномъ берегу бухты, хижины хуже и грязнѣе фиджійскихъ; внутренность ихъ очень неопрятна, свиньи, собаки и куры помѣщаются вмѣстѣ съ людьми. Мы заглянули въ два или три «табу-лума», навѣсы, гдѣ собираются дикіе во время пиршествъ, для совѣщаній и въ другихъ важныхъ случаяхъ. Въ срединѣ одного изъ нихъ стояла лодка начальника, около 40 ф. длины и 5 ширины, украшенная раковинами, кистями травы и проч., а подъ крышей помѣщался цѣлый рядъ, правильно разставленныхъ, человѣческихъ череповъ убитыхъ непріятелей, изжаренныхъ и съѣденныхъ въ этомъ самомъ зданіи; мы даже видѣли кучу, наваленныхъ у одной изъ стѣнъ, камней, служившихъ очагомъ для приготовленія блюда. Дикіе ходятъ голыми, съ узкими поясами, почти безполезными въ смыслѣ скромности. Замужнія женщины прибавляютъ къ поясу спереди бахрому, дѣвушки же совсѣмъ поясовъ не носятъ. Многіе изъ нихъ татуируются, а во время войнъ раскрашиваютъ тѣло и лицо; распространена также мода прокалывать среднюю перепонку носа, втыкая въ отверстіе круглую, въ видѣ кольца, раковину или что-нибудь подобное; часто также прокалываютъ и уши, которыя страшно растянуты вставленными свертками какого-нибудь листа или цилиндрическими деревяшками, иногда около одного вершка въ діаметрѣ. Почти всѣ жуютъ бетель, отчего у нихъ внутренняя сторона губъ отвратительно красна, и страстно любятъ табакъ, почему онъ составляетъ главный предметъ мѣны, также какъ бусы и бисеръ. Многіе изъ дикихъ носятъ на шеѣ перламутровыя въ видѣ полумѣсяца раковины, а на шеѣ и головѣ ожерелья изъ бѣлыхъ, мелкихъ ракушекъ. Парадный костюмъ ихъ состоитъ изъ множества колецъ, выдѣлываемыхъ изъ раковинъ, иногда цѣлыми десятками надѣваемыхъ на руки, и изъ пояса, состоящаго изъ нитей, унизанныхъ бисеромъ или крошечными кружечками изъ раковинъ. Нѣкоторыя изъ женщинъ ухитряются въ самомъ

кончикѣ носа продолбить небольшую ямку, въ которую вставляютъ наклонно тонкую раковинную или коралловую палочку. По наружности жители принадлежатъ къ папуанскому племени, цвѣтъ кожи темный, оттѣнкомъ свѣтлѣе чѣмъ у негровъ, волоса большіе, курчавые, часто взбитые къ верху, голову ничѣмъ не покрываютъ, но часто вставляютъ въ волоса гребень, съ привѣшенною кистью изъ красной травы. Обычая, свойственнаго фиджіанцамъ намазывать волоса известью, здѣсь не существуетъ. Они хорошо сложены, не безобразны лицомъ и кажется миролюбивы, по крайней мѣрѣ, это можно сказать про береговыхъ жителей, въ сношеніяхъ же съ племенами, населяющими внутренность островов, по словамъ Перри, слѣдуетъ быть очень осторожными. Во время трехдневной стоянки намъ удалось довольно близко познакомиться съ туземцами, мы съѣзжали на берегъ почти всегда вооруженными, а на корветѣ ночью ставился усиленный караулъ; но всѣ эти предосторожности оказались напрасными, дикіе ни разу не выказали враждебныхъ намѣреній, навезли намъ множество своего оружія, копій, стрѣлъ, палицъ, но съ украшеніями разставались неохотно, а перламутровыхъ, въ видѣ полумѣсяца, раковинъ нельзя было достать ни за какіе соблазны. Благодаря благоразумію Перри, удерживающагося отъ распространенія между дикими спиртныхъ напитковъ, пьянство между ними неизвѣстно; жители не приготовляютъ даже кавы, напитка, общаго всей Полинезіи, а только листьями ея закусываютъ известь, выжигаемую изъ коралла, и которую они почти постоянно ѣдятъ изъ бамбуковыхъ трубочекъ. Пищу туземцевъ составляютъ бананы, таро, ямсъ, кокосы и другіе мелкіе орѣхи, въ родѣ американскихъ, чрезвычайно маслянистые, обыкновенное же ихъ блюдо — «тальма», родъ тѣста изъ смѣси орѣховъ, бетеля, ямса и кокосовъ, которому предварительно передъ печеніемъ дается прокиснуть.

Относительно религіозныхъ вѣрованій я не могъ получить отъ Перри никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Въ Табу-лума я видѣлъ какихъ-то грубо вырѣзанныхъ истукановъ, но это кажется не идолы, а просто украшенія. Лѣтосчисленіе у дикихъ ведется по перемѣнамъ луны, названій дней нѣтъ, годъ «тонъхула» содержитъ 10 мѣсяцевъ, послѣдніе называются по времени поспѣванія таро, кокосовъ, прихода въ бухту извѣстной рыбы и т. д.

Жрецовъ нѣтъ. Нравственность весьма не строгая. За глиняную трубку и кусокъ табаку можно купить здѣсь любую мѣстную красавицу; мужья иногда наказываютъ очень строго

своихъ женъ за тайную измѣну, но дѣлаютъ это просто потому, что въ этомъ случаѣ все вознагражденіе достается одной сторонѣ, но сами они не прочь заключить сдѣлку и уступить на время другому права супруга.

Въ архипелагѣ каждый годъ крейсеруетъ нѣсколько мелкихъ купеческихъ судовъ отъ 80-ти до 100 тоннъ, собирающихъ трепангъ, кокосовое масло и проч.

Бухта Макира часто посѣщается этими судами, также какъ и китоловами, преимущественно американскими; послѣдніе заразили жителей сифилитической болѣзнью, которая до тѣхъ поръ была неизвѣстна. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на островахъ свирѣпствовала эпидемія въ родѣ азіатской холеры, отъ которой умирали цѣлыми сотнями, съ тѣхъ поръ она не повторялась. Одно изъ нашихъ развлеченій, можно сказать единственное, было катанье на мѣстныхъ шлюпкахъ съ противовѣсами, весьма легко опрокидывающихся, почему дѣло не обходилось безъ частыхъ купаній; въ бухтѣ много акулъ, но купаться можно совершенно безопасно, несчастныхъ случаевъ еще не бывало. Чѣмъ объясняется такое благородное поведеніе акулъ, сказать не умѣю.

Относительно природы острововъ, ихъ климата, производительности и проч. мы не могли собрать свѣдѣній; по словамъ Перри, островъ можетъ производить табакъ, хлопокъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ разведенъ бѣжавшими съ китоловнаго судна матросами, сахарный тростникъ и проч.; наиболѣе удобными мѣстами для плантацій могли бы служить плоскія возвышенности горъ, часто тянущіяся на нѣсколько миль. На островѣ находится много сѣры, забираемой приходящими судами, есть и желѣзная руда.

Приливы и отливы, по замѣчаніямъ того же Перри, здѣсь очень неправильны. Вѣтеръ въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ изъ 12-ти дуетъ изъ остовой половины компаса, въ ураганное время, въ январѣ, февралѣ и мартѣ, вѣтеръ дуетъ отъ NW до S. Въ бухтѣ, утромъ около 10 часовъ вѣтеръ бываетъ съ берега, послѣ того съ моря; потомъ около 4 часовъ по полудни начинается опять береговой бризъ и теченіе отъ берега. Вышеприведенными краткими замѣтками, я, къ сожалѣнію, долженъ ограничиться по описанію острововъ, о которыхъ не существуетъ почти никакихъ печатныхъ источниковъ. Во многихъ англійскихъ сочиненіяхъ, спеціально трактующихъ о Полинезіи, о Соломоновыхъ островахъ даже не упоминается, а въ лоціяхъ, какъ, напр., у Финдлея, только приводятся краткій очеркъ

исторіи ихъ открытія и разныя чисто гидрографическія замѣтки. Шкипера мелкихъ купеческихъ судовъ, крейсирующихъ въ архипелагѣ, заняты своимъ промысломъ и не подготовлены къ подобнаго рода занятіямъ. Военныя суда заходятъ рѣдко (изъ русскихъ, нашъ корветъ первый посѣтилъ бухту Макира), поэтому до учрежденія на островахъ постоянныхъ миссій трудно и ожидать получить подробныя свѣдѣнія объ этомъ еще столь мало извѣстномъ архипелагѣ, честь открытія котораго принадлежитъ Альваро Мендана въ 1567-мъ году; точное положеніе его не было извѣстно до путешествій Картере въ 1767 году, и Бугенвиля въ 1768-мъ. Позднѣйшія и наиболѣе достовѣрныя, хотя далеко неполныя, свѣдѣнія были доставлены знаменитымъ и несчастнымъ Дюрвилемъ, въ 1838-мъ году въ его плаваніи на «Астролябіи». Архипелагу дано названіе «Соломонова» съ тою цѣлію, чтобы побудить испанцевъ предполагать, что это тѣ самые острова, съ которыхъ Соломонъ вывозилъ золото для украшенія храма въ Іерусалимѣ, и тѣмъ вызвать ихъ скорѣйшее заселеніе.

IV.

Островъ Уаланъ.

(Въ группѣ Каролинскихъ.)

12-го августа около полудня мы увидѣли берега этого острова, а на слѣдующій день, благополучно миновавъ довольно узкій проходъ, ведущій въ бухту Кокиль, бросили якорь почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ стоялъ корветъ «Сенявинъ», подъ начальствомъ капитана Литке.

Бухта имѣетъ полукруглую форму и берега ея окружены непроницаемымъ поясомъ мангровыхъ или манглевыхъ деревъ, любящихъ влажную, болотистую почву и подобно панданамъ, пускающихъ корни со ствола и съ вѣтвей внизъ; эти корни потомъ вростаютъ въ землю, перепутываются и дѣлаютъ берега совершенно недоступными для шлюпокъ, кромѣ узкихъ проходовъ большею частью въ устьяхъ ручьевъ и рѣчекъ.

Почти все время нашей стоянки шелъ дождь; сначала мы собирали воду въ систерны, а потомъ бросили,—ее некуда было дѣвать. Въ послѣдніе дни погода нѣсколько прояснилась, что позволило намъ осушиться и вытировать стоячій такелажъ. Когда мы подходили къ рифу, къ намъ выѣхалъ на встрѣчу вельботъ,

подъ парусомъ, на которомъ сидѣло нѣсколько туземцевъ, одѣтыхъ въ рубашкахъ и соломенныхъ шляпахъ. Шлюпка пристала къ борту, гребцы вышли на палубу, и одинъ изъ нихъ Лижелкса, оказавшійся мѣстнымъ учителемъ, первый доставилъ намъ кое-какія свѣдѣнія объ островѣ, которыя онъ могъ передать довольно сносно на англійскомъ языкѣ.

Въ глубинѣ бухты лежатъ два небольшихъ острова; на ближайшемъ къ выходу построены хижины и живетъ нѣсколько туземцевъ; противъ островковъ впадаютъ двѣ рѣчки или лучше сказать два рукава одной и той же рѣчки, которую мы поѣхали въ тотъ же день осмотрѣть на вельботѣ. Она извивается между мангровыми кустарниками и вскорѣ до того съуживается, что грести уже нельзя, а можно только толкаться. Рѣчка течетъ по топкой, илистой почвѣ. Воздухъ пропитанъ сыростью и какимъ-то болотнымъ запахомъ, деревья покрыты тысячами разныхъ паразитовъ, мховъ, папоротниковъ и проч.

Внутренность острова, вслѣдствіе обильной влажности, поросла чрезвычайно густой растительностью, задерживающей движеніе воздуха, и климатъ поэтому очень нездоровъ.

Жители, для избѣжанія вредныхъ условій, селятся преимущественно по берегамъ или на островкахъ, продуваемыхъ вѣтромъ. Мнѣ также здѣсь говорили, что прежде населеніе было гораздо гуще, а теперь быстро вымираетъ, всего осталось около 300 или 400 человѣкъ; господствующая болѣзнь какая-то лихорадка. Жители всѣ малайскаго племени, оливковаго цвѣта, съ прямыми, черными какъ смоль, волосами, черты лица и его выраженіе у многихъ туземцевъ мало чѣмъ отличаются отъ кавказскаго типа; всѣ они, за исключеніемъ 50 человѣкъ, христіане, протестантскаго исповѣданія. Бѣлые миссіонеры (американцы) уѣхали съ острова по причинѣ разстройства здоровья. Они оставили послѣ себя добрые слѣды, видимые повсюду, и подготовленныхъ ими же мѣстныхъ учителей изъ туземцевъ; на островѣ четыре церкви, въ которыхъ бываетъ нѣсколько разъ въ недѣлю служба.

На другой день по приходѣ въ Кокиль-бэй, несмотря на проливной дождь, я, Б. Ф. и нѣсколько человѣкъ изъ молодежи отправились на другую сторону острова, въ Леле—главное селеніе, гдѣ живетъ король и начальники.

Мы сожалѣли впослѣдствіи, что не отправились туда на шлюпкѣ, а предпочли идти сухимъ путемъ,—потому что настоящей дороги не существуетъ и намъ приходилось брести въ лѣсу почти по колѣно въ водѣ, спотыкаясь о колючіе сучья, пни,

задѣвая за нависшіе корни пандановъ и къ довершенію всего пронизываемые насквозь дождемъ. Такого рода путешествіе продолжалось по крайней мѣрѣ часа два; я уже порывался вернуться, но не могъ склонить къ тому нашу компанію, не поддававшуюся печальнымъ обстоятельствамъ, бодро, съ шумомъ и смѣхомъ встрѣчавшую всѣ невзгоды. По дорогѣ мы занялись охотой на угрей и убили двухъ изъ нихъ палками; дѣйствительно, мутный разлившійся ручей, по которому мы брели, кишитъ этой рыбой, и будь у насъ какое-нибудь орудіе въ родѣ копья, мы бы набили ихъ множество. Мы очень обрадовались, когда вышли на морской берегъ, здѣсь уже ноги не вязли въ мягкомъ илѣ и мы могли удобно идти по песку; на пути намъ попадались много ручьевъ отличной прѣсной воды, около нихъ обыкновенно стояли хижины. У одной мы остановились для отдыха; туземцы предложили намъ банановъ и печенаго хлѣбнаго плода, который показался мнѣ послѣ усиленнаго моціона очень вкуснымъ, но насъ мучилъ не голодъ, а жажда; солнце, стоявшее въ это время вертикально надъ головою, жгло невыносимо; чего, казалось, мы бы не отдали въ эти минуты за кусокъ льду! Подъ тропиками одна мысль объ немъ дразнитъ и раздражаетъ воображеніе, пришлось ограничиться молокомъ изъ кокосовъ, цѣлую кучу которыхъ намъ набросалъ одинъ изъ туземцевъ, съ быстротою и ловкостью взобравшійся на дерево, при чемъ они обыкновенно чѣмъ-нибудь связываютъ себѣ ноги. Пройдя по берегу около двухъ миль, мы увидѣли наконецъ бухту Леле, на восточномъ берегу острова; въ глубинѣ ея на островкѣ виднѣлись дома селенія — цѣли нашего странствія. Оставалось переправиться и мы это сдѣлали самымъ первобытнымъ образомъ, прямо вбродъ. Уже вблизи берега выѣхало къ намъ на встрѣчу нѣсколько лодокъ. Насъ встрѣтило чуть ли не все селеніе, при чемъ мы были поражены видѣть всѣхъ жителей одѣтыми, мужчинъ въ рубашкахъ, а часто и нижнемъ платьѣ, женщинъ въ ситцевыхъ, большею частью, синихъ блузахъ или юпкахъ. Глазъ, привыкшій къ наготѣ жителей другихъ острововъ, невольно удивлялся. Женщины не носятъ волосъ длиннѣе какъ до плечъ, расчесываютъ ихъ посрединѣ и часто подбираютъ ихъ полукруглымъ гребнемъ; многія изъ нихъ казались миловидны, а нѣкоторые изъ мужчинъ положительно останавливали наше вниманіе своею красивою наружностью. Узнавши, что на островѣ живетъ одинъ бѣлый поселенецъ, мы прямо къ нему и отправились, какъ единственному лицу, которое могло намъ доставить разныя подробности и свѣдѣнія объ Уаланѣ. Насъ повели по тротуару, грубо настланному изъ кораллового плитняка; ими

соединены почти всѣ дома на островѣ, что объясняется частыми дождями, которые, при отсутствіи такихъ дорогъ, сдѣлали бы сообщеніе между хижинами невозможнымъ. Европеецъ, встрѣтившій насъ у своего дома, оказался мужчина огромнаго роста, съ рыжею бородою, съ физіономіей, внушающей мало довѣрія.

Онъ пригласилъ насъ войти въ хижину, довольно просторную, устланную цыновками, съ развѣшанною по стѣнамъ разной утварью, оружіемъ и съ дымившимся посрединѣ очагомъ, около котораго сидѣло три женщины, чуть ли не три спутницы жизни нашего хозяина, привезенныя, какъ онъ намъ впослѣдствіи сообщилъ, съ какихъ-то подъэкваторныхъ острововъ. Рыжая борода оказалась далеко не радушнымъ хозяиномъ, очевидно онъ былъ съ нами на-сторожѣ и очень не сообщителенъ. Между тѣмъ совершенно стемнѣло. Возвращаться ночью, по той-же ужасной дорогѣ, было немыслимо. Слѣдовало подумать объ ночлегѣ, обсушиться и позаботиться объ ужинѣ. Разсчитывая на большее вниманіе со стороны короля, мы пошли къ нему; дѣйствительно, тотъ встрѣтилъ насъ очень любезно и вѣроятно для большей важности надѣлъ, съ трудомъ застегивавшійся у него на груди, сюртукъ, который потомъ, не выдержавъ, сбросилъ. Мы пожали ему и королевѣ руки, объявивъ, что пришли искать пріюта на ночь,—на что благородная чета намъ объявила, что ихъ домъ въ полномъ нашемъ распоряженіи. Королева молодая женщина и была бы недурна, еслибъ ее не безобразили продыравленныя и отвисшія уши. Она понимаетъ по-англійски, такъ что я могъ довольно легко объясняться. Промокши до костей, я отправился въ другую хижину, королевскую кухню, гдѣ видѣлъ горѣвшій посрединѣ костеръ, и присѣлъ просушиться. На очагѣ стоялъ котелокъ съ готовившейся для насъ курицей; кругомъ сидѣли полунагія фигуры дикихъ, подкладывавшихъ скорлупы кокосовъ въ огонь. Сцена была довольно фантастическая: черныя лица дикихъ, освѣщавшіяся по временамъ вспыхивавшимъ пламенемъ, ихъ тихій носовой говоръ, беззвѣздная съ нависшими тучами ночь, мелькавшія на дворѣ какія-то тѣни, отдаленный грохотъ морского прибоя, все это настраивало воображеніе къ тревогѣ, вызывало мысль объ опасности, несмотря на револьверъ за поясомъ и полную увѣренность въ противномъ. Впрочемъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, не болѣе, наше положеніе могло бы быть совершенно другое: не далѣе, какъ въ пятидесятыхъ годахъ, здѣсь были вырѣзаны экипажи кораблей «Waverley» и «Harriet» [1]).

---

[1]) Voyage of H. R. M. Serpent. Nautical Magazine 1854.

Вскорѣ насъ позвали ужинать; на столѣ стояла курица, хлѣбный плодъ, таро и жареные бананы. Мы не заставили себя просить и черезъ нѣсколько минутъ бананы, курица и проч. исчезли безвозвратно. Король не принималъ участія въ нашемъ ужинѣ, а только издали любовался общимъ аппетитомъ. Затѣмъ намъ притащили два шерстяныхъ одѣяла, подушки, нѣсколько цыновокъ, мы поспѣшили завладѣть ими и разлеглись какъ попало. Ночникъ съ кокосовымъ масломъ мы оставили на столѣ; вскорѣ молодые члены нашей экспедиціи захрапѣли, а я и Б. бодрствовали: каждый легкій шумъ заставлялъ невольно безпокоиться, вздрагивать. Вдругъ раздались гдѣ-то недалеко тихіе, довольно стройные голоса, пѣвшіе псалмъ. Я и Б. вышли. Напротивъ насъ въ хижинѣ, освѣщенной лампочкой, сидѣло на полу нѣсколько фигуръ, король присутствовалъ тутъ же немного въ сторонѣ. Пѣли гимнъ. По его окончаніи одна изъ нагихъ фигуръ стала читать довольно длинную молитву, всѣ слушали съ поникнутыми головами и, какъ намъ казалось, съ большимъ вниманіемъ слова молитвы. Когда всталъ король, всѣ поднялись за нимъ. Странно какъ-то казалось видѣть этихъ людей, про которыхъ напуганное нѣсколько воображеніе готово было рисовать разные ужасы, въ благоговѣйной молитвѣ, поющими гимнъ!

И всю эту перемѣну, весь этотъ нравственный переворотъ въ дикихъ натурахъ совершили два, три человѣка протестантскихъ миссіонеровъ!... На слѣдующій день мы собирались отправиться пораньше, но дождь задержалъ насъ. Обратный путь былъ легче, потому что часть его мы сдѣлали въ лодкѣ, а потомъ шли все морскимъ берегомъ. Черезъ нѣсколько часовъ мы были на корветѣ и могли наконецъ переодѣться въ сухое платье.

Думаютъ, что первыя свѣдѣнія о Каролинскихъ островахъ были доставлены португальцемъ Diego de Roche въ 1525 году, но кажется, что это предположеніе не имѣетъ основанія; наиболѣе правъ на открытіе принадлежитъ мореплавателямъ Villalopos и Miguel Lopez de Legaspi. Наконецъ, въ 1686-мъ году испанскій адмиралъ Don Francisco Lazeano открылъ большой островъ, которому онъ далъ названіе Каролина, въ честь царствовавшаго короля Карла II. Труды Литке и Дюперре представляютъ позднѣйшія и наиболѣе полныя извѣстія объ этихъ островахъ.

На Уаланѣ три бухты: Кокиль, Леле и Лотинъ. Болѣе всего посѣщаются послѣднія двѣ, преимущественно китоловами, которыхъ заходитъ около 20-ти судовъ въ годъ. Леле

открыта восточнымъ вѣтрамъ, а потому выходъ изъ нея, во время господства пассата, затруднителенъ; въ этомъ отношенiи Кокиль-бэй имѣетъ преимущество, будучи защищена съ востока горами острова, но выходъ изъ нея по причинѣ узкаго прохода, какъ мы это извѣдали собственнымъ опытомъ, сопряженъ тоже съ неудобствами. По этимъ причинамъ портъ Лотинъ, или какъ здѣсь его называютъ South Harbour, начинаетъ преимущественно посѣщаться судами, такъ какъ расположенiе гавани, имѣющей доступъ съ юга, дѣлаетъ бухту удобною какъ для входа, такъ и выхода.

Климатъ очень влажный, дожди часты, менѣе всего имъ подвержены ноябрь, декабрь и январь, когда вѣтры случается дуютъ отъ S и W. На островѣ можно достать живность, свиней, таро, бананов, ананасовъ, кокосовыхъ орѣховъ и проч. Табакъ, глиняныя трубки и водка, которые съ такою жадностью принимались на Соломоновыхъ островахъ, здѣсь не идутъ на промѣнъ; больше всего спросъ распространенъ на ситецъ, котораго мы не имѣли, почему приходилось платить деньгами: за свинину по 5-ти сентовъ за фунтъ, за курицу по $^1/_4$ доллара, за рыбу, таро, хлѣбный плодъ и фрукты по уговору. Надо сказать, что при уплатѣ денегъ приходится покупщику болѣе руководствоваться своею совѣстью, чѣмъ спросомъ продавца, потому что всякая монета, начиная съ шиллинга, можетъ сойти за долларъ, такъ какъ туземцы кажется только и знаютъ слово «долларъ», но не имѣютъ понятiя о стоимости этой денежной единицы.

Нѣкоторые изъ дикихъ, однакожъ, курятъ табакъ; выкуривъ трубку, они закладываютъ ее въ дыру уха, а потомъ заворачиваютъ его, чтобъ трубка не выпадала. При отсутствiи кармановъ такое храненiе курительнаго снаряда довольно удобно и, кажется, въ глазахъ жителей служитъ еще украшенiемъ. Рыбу, въ особенности угрей, можно достать въ изобилiи и дешево; но рыба вообще не вкусна, имѣя твердое мясо, а угри скоро портятся. Я уже выше упоминалъ, что почти всѣ жители носятъ рубашки, это лучше всего показываетъ, что они имѣютъ частыя сношенiя съ европейцами, которымъ промѣниваютъ живность, зелень, фрукты, кокосовое масло и черепаховую кость; для собиранiя послѣднихъ двухъ продуктовъ на островѣ поселилось двое бѣлыхъ, но по недостатку денегъ и трудности, при маломъ населенiи, достать рабочiя руки, они бросили это занятiе и теперь живутъ въ полномъ бездѣйствiи, дожидаясь вѣроятно прихода судна, чтобъ оставить островъ.

Хижины дикихъ отличаются по наружности отъ видѣнныхъ

мною на другихъ дикихъ островахъ высокой, вогнутой крышей; вѣроятно такое устройство дается для легчайшаго стока воды; стропила, соединительныя балки, раскосины и другія деревья не кладутся на замокъ, а довольно искусно связываются многими шлагами тонкой веревки изъ кокосовой шелухи; стѣны состоятъ изъ вертикальныхъ тонкихъ жердей, поперегъ которыхъ наложены небольшія дощечки, похожія на нашу дрань; эти дощечки привязаны тоже шнуромъ.

У богатыхъ дворъ снаружи хижины устланъ грубыми, тростниковыми циновками, а внутренность хижинъ тоже циновками, но только болѣе тонкой работы.

Посерединѣ обыкновенно помѣщается очагъ. Часто хижины дѣлятся перегородками на отдѣленія; утвари видно мало; почти въ каждомъ домѣ стоятъ два, три наклонныхъ желоба съ подставленными сосудами; на эти желоба кладется растертый кокосовый орѣхъ и масло постепенно стекаетъ внизъ. Такъ какъ при этомъ нѣтъ выжиманія, то понятно, что очень много матеріала тратится непроизводительно. Почти всѣ жители обзавелись жестяными, небольшими лампочками или ночниками; кокосовое масло горитъ превосходно и суда всегда могутъ разсчитывать получить его въ небольшомъ количествѣ.

Женщинъ мы большею частью заставали за небольшими станками, за которыми они ткутъ пояса. Нитки берутся изъ бананника, они ихъ окрашиваютъ въ разные цвѣта; желтая краска добывается изъ аррорута. Такіе пояса ткутся очень медленно, одна женщина тратитъ иногда три недѣли на работу пояса, и между тѣмъ многіе изъ насъ покупали ихъ по шиллингу за штуку. Очевидно здѣсь «время не деньги».

Пища островитянъ преимущественно растительная, ее составляютъ хлѣбный плодъ, таро, бананы, кокосы.

Въ праздники прибавляется свинья, курица или рыба. Свиней и собакъ очень много. Эти животныя живутъ здѣсь, кажется, въ полномъ согласіи, я видѣлъ суку, кормившую очень покойно поросятъ. Прежде собакъ откармливали и ѣли, этотъ обычай сохранился еще до сихъ поръ на нѣкоторыхъ островахъ Океаніи, но здѣсь онъ вѣроятно выведенъ миссіонерами. На островѣ много голубей и дикихъ куръ, которыхъ можно настрѣлять какое угодно количество.

Мужчины татуируются, проводя черныя черты вдоль ногъ на подобіе узкихъ лампасовъ; у многихъ я видѣлъ разные знаки, часто надписи на рукахъ; очевидно это заимствовано отъ матросовъ съ китоловныхъ судовъ. По словамъ жителей, на островѣ

можно съ успѣхомъ разводить хлопокъ, сахарный тростникъ, табакъ и проч. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи, когда колонизація достигнетъ Каролинскихъ острововъ, то Уаланъ, какъ передовой изъ нихъ, обладающій хорошими гаванями, сдѣлается цвѣтущимъ и богатымъ, но слѣдуетъ опасаться, чтобы при существующей смертности все населеніе острова не перемерло. На островѣ много вампировъ, сильно вредящихъ хлѣбному дереву, есть нѣсколько рогатаго скота и козъ. Населеніе преимущественно группируется около восточнаго и южнаго берега. Лодки, употребляемыя туземцами, такія же, какъ на Соломоновыхъ островахъ, разница заключается только въ размѣрахъ. По приказанію капитана здѣсь произведены были наблюденія надъ приливомъ, высота коего найдена отъ 4-хъ до 6-ти футъ.

Я записывалъ для себя слова нарѣчія, которымъ говорятъ на Уаланѣ, со словъ королевы, а потомъ провѣрилъ при помощи мѣстнаго учителя Ликэикса; но это можетъ интересовать однихъ лингвистовъ.

В. Линденъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ
ЧААДАЕВЪ

Изъ воспоминаній современника *).

Статья первая.

Четырнадцатаго апрѣля 1856-го года, въ день великой субботы, т.-е. въ канунъ Пасхи, въ одинокой и почти убогой холостой квартирѣ на Новой Басманной, одной изъ отдаленныхъ улицъ старой Москвы, умеръ Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. Кратковременная острая болѣзнь довольно загадочнаго свойства въ три съ половиною дня справилась съ его чудеснымъ и хрупкимъ нервнымъ существомъ. По догадкамъ ученыхъ предназначенный къ необыкновенно продолжительной жизни, онъ окончилъ ее однакоже въ тѣ лѣта, въ которые только-что начинается старость. Ему едва исходилъ шестьдесятъ третій годъ. Но въ послѣдніе трое сутокъ съ половиной своей жизни онъ прожилъ, если можно такъ выразиться, въ каждые сутки по десяти или пятнадцати лѣтъ старости. Для меня, слѣдившаго за ходомъ болѣзни, это постепенное обветшаніе, это быстрое, но преемственное наступленіе дряхлости, было однимъ изъ самыхъ поразительныхъ яв-

---

*) Печатая слѣдующую здѣсь біографію, редакція считаетъ неизлишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. Авторъ біографіи близко зналъ Чаадаева въ теченіе многихъ лѣтъ, и его впечатлѣнія и понятія объ этой личности, вынесенныя изъ продолжительныхъ и тѣсныхъ отношеній, имѣютъ большую цѣну историческаго свидѣтельства, тѣмъ болѣе еще, что многое въ сообщеніяхъ автора совершенно ново, иное даже очень неожиданно. Но мы не вездѣ согласны съ личными взглядами автора, издавая теперь мѣсто его воспоминаніямъ, а также нѣкоторымъ изъ переданныхъ намъ, еще неизданныхъ, писемъ и сочиненій Чаадаева, мы предоставляемъ себѣ возвратиться впослѣдствіи къ исторической оцѣнкѣ личности Чаадаева. — *Ред.*

леній этой жизни, столько обильной поученіями всякаго рода. Чаадаевъ занемогъ, болѣлъ и умеръ на ногахъ. Онъ выдержалъ первые припадки болѣзни съ тою моложавостью наружности, которая, по справедливости, возбуждала удивленіе всѣхъ тѣхъ, которые его знали, и, на основаніи которой ему пророчили необыкновенное многолѣтіе. Со всякимъ днемъ ему прибавлялось по десяти лѣтъ, а наканунѣ, и въ день смерти, онъ, въ половину тѣла согнувшійся, былъ похожъ на девяносто-лѣтняго старца. За два или за полтора часа до смерти агонизирующій старецъ, пульсъ котораго пересталъ уже биться, перешелъ съ неимовѣрнымъ трудомъ изъ одной комнаты въ другую. Здѣсь усадили его на диванъ, а ноги положили на стулъ. Незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій врачъ вышелъ объявивъ, что жизнь оканчивается. Вошелъ хозяинъ дома, въ которомъ жилъ Чаадаевъ. Этотъ хозяинъ былъ человѣкъ безразличный, не могшій и не желавшій отдавать себѣ отчета въ торжественной необычайности зрѣлища, котораго ему приходилось быть свидѣтелемъ. Чаадаевъ сказалъ ему нѣсколько несвязныхъ словъ про его дѣло, потомъ замѣтилъ, что ему самому «становится легче», что «онъ долженъ одѣться и выйти, чтобы дать прислугѣ свободу убираться къ празднику» (неизвѣстно, что хотѣлъ сказать покойникъ,—желалъ ли онъ уѣхать со двора или только перебраться въ другую комнату), повелъ губами (движеніе всегда ему бывшее обыкновеннымъ), перевелъ взглядъ съ одной стороны на другую — и остановился. Присутствующій умолкъ, уважая молчаніе больного. Черезъ нѣсколько времени онъ взглянулъ на него и увидѣлъ остановившійся взглядъ мертвеца. Прикоснулся къ рукѣ: рука была холодная.

Въ ту же ночь аристократическое общество Москвы, которому покойникъ былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ его членовъ, и ученый и грамотный людъ московскій, который зналъ его за одного изъ замѣчательныхъ людей въ Россіи, извѣстились въ заутрени Свѣтлаго дня, что Чаадаева не стало. Всѣ удивились и всѣ успокоились. Обыкновенныхъ толковъ, пересудовъ, оцѣнки ученой, или какой бы то ни было другой дѣятельности отшедшаго не было. Всякій сказалъ: «Чаадаевъ умеръ, — странно, — недѣлю тому назадъ онъ былъ совершенно здоровъ и казался чрезвычайно молодымъ». И только.

Чаадаевъ не занималъ никакого оффиціальнаго мѣста по службѣ и никогда не обозначался ничѣмъ особеннымъ на служебномъ поприщѣ; онъ имѣлъ небольшой чинъ (гвардіи ротмистръ), бо́льшая или меньшая крупность котораго составляетъ отличіе чрезвычайно важное и совершенно необходимое въ рус-

скомъ обществѣ; онъ не былъ богатъ: напротивъ, его личныя хозяйственныя дѣла представляли самое жалкое и не совсѣмъ чистое зрѣлище; онъ, наконецъ, не имѣлъ никакого скрѣпленнаго и подписаннаго положенія въ дѣлѣ науки, мышленія или искусства. То-есть, онъ не обладалъ никакимъ яснымъ, опредѣленнымъ, положительнымъ конкретнымъ правомъ занимать общество или народъ ни своей жизнью, ни ея концомъ.

Тѣмъ не менѣе бумагомаратели очень скоро, не позднѣе другого дня, принялись или желать написать что-нибудь про него, или нѣкоторые приводить свое желаніе въ исполненіе [1]), и обнаружили тѣмъ, по моему мнѣнію, отсутствіе всякаго практическаго смысла и совершенное неимѣніе такта. Я полагаю, что молчаніе, вынужденное и строгое, спокойное и невозмутимое, было бы единственнымъ и лучшимъ проводомъ такой личности, каковою былъ Чаадаевъ.

Независимо объ бумагомарателей всякаго свойства, издатель «Московскихъ Вѣдомостей» счелъ необходимымъ объявить своей читающей публикѣ про эту смерть [2]). Будь я на его мѣстѣ—я и не подумалъ бы печатать въ газетахъ, что Чаадаевъ умеръ. Но не менѣе того я ожидалъ этого объявленія съ чувствомъ нетерпѣнія и любопытства. Мнѣ интересно было знать, какъ выпутается изъ своей задачи издатель газеты? Чѣмъ именно онъ объяснитъ, почему, на какомъ основаніи онъ увѣдомляетъ государство, что въ Москвѣ умеръ Чаадаевъ? «Московскія Вѣдомости» читаются во всей имперіи, и даже, говорятъ, иногда заграницей [3]); ихъ объявленія по справедливости могутъ быть названы всенародными. Во вторникъ свѣтлой недѣли вышелъ номеръ, заключавшій въ себѣ объявленіе. Въ немъ значилось, что «*скончался такой-то, одинъ изъ московскихъ старожиловъ, извѣст-*

---

[1]) Замѣчательно, что ни одинъ изъ составителей этихъ біографій train de vitesse и ни одинъ изъ тѣхъ, кто удостоивалъ ихъ въ то время немедленной голословной критикой, не соглашались между собою, на что именно должно было указывать въ чертахъ жизни того, о комъ шло дѣло. Такъ, одни говорили, что слѣдовало указывать на его значеніе въ обществѣ, другіе—что это-то именно необходимо оставить безъ вниманія, а толковать про его знакомство съ Пушкинымъ, третьи выдвигали на первый планъ еще что-нибудь, четвертые также, и т. д. Настоящаго же значенія самого Чаадаева никто не коснулся.

[2]) Единственное возможное объявленіе, по моему мнѣнію, было бы слѣдующее: «14-го апрѣля, въ страстную субботу, окончилъ жизнь въ Москвѣ Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ».

[3]) Исключая лицъ почему-нибудь извѣстныхъ вообще «Московскія Вѣдомости» объявляютъ еще о смерти превосходительныхъ особъ безъ различія, были ли они генералъ-майоры, контръ-адмиралы или дѣйствительные статскіе совѣтники: но Чаадаевъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ.

ный во всѣхъ кружкахъ столицы». То-есть въ двухъ словахъ заключались двѣ неразъяснимыя непонятности. Въ самомъ дѣлѣ, если умершій стóилъ объявленія по необыкновенной продолжительности жизни, то по самому простому умозаключенію слѣдовало написать, сколько ему было лѣтъ; если по своей извѣстности, то не мѣшало коротко означить, въ чемъ именно состояла эта извѣстность. Былъ ли онъ поэтъ, художникъ, философъ, врачъ, ремесленникъ, купецъ, солдатъ, фабрикантъ или что другое? Объявленіе подняли на смѣхъ, говорили — «connu comme le loup blanc», да и все тутъ. Наконецъ упоминовеніе о «кружкахъ столицы» поставило всякаго въ тупикъ. Если онъ былъ знакомъ и проводилъ жизнь въ различныхъ семейныхъ кружкахъ, которыхъ безчисленное множество въ народонаселеніи цѣлой Москвы, точно также какъ и въ народонаселеніи другихъ столицъ, то, повторяю, никакъ не стоило этого печатать въ газетахъ. Такихъ людей огромное количество умираетъ каждый день въ цѣломъ свѣтѣ, и, опричь знакомыхъ, никого о томъ не увѣдомляютъ, и то не всегда письменно: если же подъ совершенно неограждансвеннымъ въ Россіи словомъ «кружки», издатель разумѣлъ что-нибудь особенное, то ему необходимо было растолковать чтó такое [1]).

Какая же была причина общеизвѣстности и общеобнародованія этой кончины? Что за загадочный человѣкъ былъ покойникъ, извѣстность котораго вообще признавалась и никѣмъ съ точностью не опредѣлялась? Почему, наконецъ, все общество знало, что оно теряетъ Чаадаева, но никто въ немъ не могъ или не хотѣлъ сказать, чтò и кого именно оно теряетъ?

Для приведенія въ ясность этого вопроса я и сталъ составлять свою записку.

Годъ рожденія Чаадаева мнѣ неизвѣстенъ положительно (кажется 1796-й, 27-го мая), знаю только, что онъ родился въ концѣ прошедшаго столѣтія въ Нижегородской губерніи. Онъ и его братъ Михаилъ Яковлевичъ—единственныя дѣти брака своихъ родителей, остались послѣ отца и матери младенцами въ колыбели, которыхъ, несмотря на многочисленное, довольно бо-

---

[1]) Я никакъ не могу уразумѣть, что такое по-русски значитъ «кружокъ». Если кругъ или кружокъ извѣстнаго семейства или знакомства, то, повторяю, нечего было про это печатать. Кружку предоставляется всегда и вездѣ своими средствами узнавать, живъ или умеръ одинъ или нѣсколько изъ его членовъ: если же принять значеніе, которое имѣетъ во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ слово «cercle», то это значеніе у насъ не существуетъ.

гатое и знатное родство, некому было взять на руки. Его мать (Наталья Михайловна) была по себѣ княжной Щербатовой и дочерью извѣстнаго историка, князя Михаила Михайловича Щербатова. Про его отца я не имѣю никакихъ свѣдѣній.

Оба ребенка-сироты остались въ деревнѣ ни на чьихъ рукахъ. Родная ихъ тетка съ материнской стороны, княжна Анна, дѣвица въ лѣтахъ, кончившая жизнь очень недавно, послѣ несовсѣмъ обыкновеннаго многолѣтія, около девяноста лѣтъ отъ роду и только за три или за четыре года до кончины своего знаменитаго питомца, какъ я слыхалъ изъ разсказовъ, разума чрезвычайно простого и довольно смѣшная, но какъ видно изъ ея жизни, исполненная благости и самоотверженія, обрекла себя на трудное и священное дѣло воспитанія сиротъ-племянниковъ. Мнѣ извѣстно, что получивъ увѣдомленіе о сиротствѣ, ихъ постигшемъ, она, въ самое неблагопріятное время года, весною, въ половодье, не теряя ни минуты, отправилась за ними, съ опасностью жизни переправилась черезъ двѣ разлившіяся рѣки— Волгу и какую-то другую, находившуюся на дорогѣ, добралась до мѣста, взяла малютокъ, привезла въ Москву, гдѣ и помѣстила вмѣстѣ съ собой, въ небольшомъ своемъ домикѣ, бывшемъ гдѣ-то около Арбата [1]).

Попеченіе надъ личностью малолѣтныхъ было слѣдовательно принято родной теткой [2]); ихъ имущественныя дѣла, довольно обширныя, нашли себѣ вѣрнаго, безупречнаго и дѣлового охранителя въ лицѣ родного дяди, князя Дмитрія Михайловича Щербатова. Былъ еще другой опекунъ, какой-то графъ Толстой, но про того я ничего не знаю.

Въ этомъ положеніи благородное дитя выростало и лѣтъ черезъ двѣнадцать сдѣлалось чрезвычайно умнымъ, бойкимъ, живымъ, замѣчательно образованнымъ, необыкновенно красивымъ, и до послѣдней степени избалованнымъ и самовольнымъ мальчикомъ.

---

[1]) Здѣсь мѣсто воспоминанію о прекрасномъ и трогательномъ анекдотѣ, приведенномъ М. Н. Лонгиновымъ въ его статьѣ о Чаадаевѣ. Анекдотъ этотъ, впрочемъ, нѣсколько разукрашенъ и не имѣетъ въ себѣ той театральной эффектности, которую ему старались придать. Княжна Анна Михайловна просто сначала не догадалась въ чемъ дѣло. Она разъ находилась въ церкви вмѣстѣ съ обоими племянниками. Въ это время въ домѣ у нихъ случился пожаръ. Слуга прибѣжалъ въ церковь съ криками: «у насъ въ домѣ несчастье». «Какое же можетъ быть несчастье—возразила княжна— дѣти оба со мной и здоровы».

[2]) Около одного милліона рублей ассигнаціями стоимости всего состоянія на двухъ братьевъ; по тому времени это очень много и почти значительное богатство. Оно состояло изъ большого оброчнаго имѣнія въ Нижегородской губерніи, изъ какого-то денежнаго капитала, и кажется еще изъ дома въ Москвѣ.

Образъ жизни старой дѣвицы съ двумя малолѣтными племянниками въ Москвѣ, само собою сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ то время и чѣмъ, кажется, по настоящую минуту остался, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма не коренныхъ, измѣненій. Сначала за дѣтьми ходили няньки; кстати и некстати, ради гигіеническихъ причинъ, лишали ихъ пищи и воздуха, а иногда безъ всякой благоразумной причины черезчуръ надѣляли и тѣмъ и другимъ; въ праздничные и воскресные дни брали къ обѣднѣ; зимой возили кататься; осенью и весной выводили гулять, преимущественно туда, гдѣ собирается много народа; наряжали (какъ и теперь) самымъ безтолковымъ и безобразнымъ образомъ; разъ или два въ недѣлю возили на поклонъ обѣдать къ наиболѣе почетнымъ лицамъ изъ родни; изрѣдка показывали театръ. Лѣто, т.-е. четыре и много пять лѣтнихъ мѣсяцевъ, всегда проводили въ деревнѣ либо у себя, либо у родственниковъ и даже у близкихъ знакомыхъ. Потомъ, по наступленіи семилѣтняго возраста, вдругъ совершалось коренное преобразованіе; устранялись няньки, принимались дядьки, учители, гувернеры, наставники [1]); дѣтскій образъ жизни мѣнялся мало или не мѣнялся совсѣмъ, но въ него вносился новый элементъ, въ немъ выработывалась новая сторона: дѣтей начинали учить. Это ученье въ то время всегда было дѣломъ прихотливаго случая; про него говорить нечего; оно и обрисовано и исчерпано всѣмъ извѣстными стихами [2]).

Въ настоящемъ разѣ этотъ общій образъ жизни всѣхъ богатыхъ и знатныхъ, полубогатыхъ и полузнатныхъ дѣтей московскихъ семействъ былъ нѣсколько измѣненъ, частію отъ внѣшней обстановки и связей щербатовской фамиліи, частію же преимущественно отъ склада ума и самаго характера молодого Чаадаева [3]).

---

[1]) У Чаадаева былъ какой-то въ родѣ дядьки англичанинъ, про котораго мнѣ ничего неизвѣстно, исключая того, что по этому случаю оба брата хорошо знали по-англійски, что̀ между русскими не часто бываетъ. Сверхъ того, Петра Чаадаева (какъ не разъ мнѣ это пересказано было) дядька-англичанинъ научилъ пить грогъ.

[2]) Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

Пушкинъ, въ «Онѣгинѣ».

[3]) Одинъ разъ навсегда слѣдуетъ оговориться. Здѣсь я имѣю въ виду только одного Петра Чаадаева. Его брата, Михаила Яковлевича, я не знавалъ. (Съ тѣхъ поръ, какъ это написано, я имѣлъ случай его узнать). Изъ достовѣрныхъ разсказовъ мнѣ извѣстно, что онъ также чрезвычайно замѣчательный человѣкъ, хотя совершенно въ противоположномъ родѣ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Щербатовъ[1]) (какъ сказано выше, братъ княжны Анны, родной дядя Чаадаева, сынъ историка, умеръ въ маѣ 1839 года, въ супружествѣ съ Глѣбовой-Стрешневой) рано овдовѣлъ. Онъ былъ уменъ, богатъ, мало честолюбивъ, очень самостоятеленъ, до-нельзя своенравенъ и своеобыченъ, очень самолюбивъ, чрезвычайно капризенъ, барски великолѣпенъ въ замашкахъ и пріемахъ, отчасти склоненъ къ похвальбѣ и превозношенію, и имѣлъ неограниченное уваженіе, въ то время понятное и основательное, къ своему состоянію и къ своему происхожденію. Людей такой формаціи и такого закала теперь едва ли можно найти въ Россіи. Они начались и кончились съ вѣкомъ Екатерины II-й и складывались по образу и по подобію большихъ баръ Лудовика XIV, напоминая собою строгую, недовольную и желчную фигуру Сенъ-Симона, съ плеча испещренную, растушеванную и изуродованную различными русскими мѣстными колоритами. Молодой вдовецъ, князь Щербатовъ обрекъ свою жизнь исполненію нѣкоторыхъ прихотей, весьма незначительныхъ въ общей картинѣ его существованія, воздѣлыванію своего изобильнаго достатка и воздвиженію къ жизни двухъ дочерей, въ которыхъ его гордость заранѣе видѣла блистательныхъ невѣстъ, и сына, въ которомъ онъ, вѣроятно, всегда больше чтилъ преемника, нежели любилъ дѣтище, и которому мнилъ передать продолженіе жизни своей и своей породы. Я видѣлъ по-

---

[1]) Князь Дмитрій Михайловичъ Щербатовъ служилъ лейбъ-гвардіи въ семеновскомъ полку, обстоятельство довольно важное, такъ какъ вѣроятно въ его силу его сынъ князь Иванъ и оба Чаадаевы очень скоро будутъ записаны въ тотъ же полкъ, чтó въ судьбѣ Петра Чаадаева можетъ быть, какъ увидимъ, сочтено за событіе роковое и предопредѣленное. Кажется, онъ состоялъ въ чинѣ полковника. Его служебная карьера ничего въ себѣ замѣчательнаго не заключала. Обучался онъ въ кёнигсбергскомъ университетѣ, по общему примѣру тогдашней знатной молодежи, рыскавшей въ то время по университетамъ Европы. Его университетская жизнь обозначилась двумя случаями, вѣроятно выдуманными, но очень характеристичными. Послѣдній, сколько я понимаю, принадлежитъ изобрѣтательности Чаадаева. Въ какой-то проѣздъ черезъ Кёнигсбергъ великаго князя Павла Петровича (впослѣдствіи императора Павла I), князя Щербатова, какъ родового русскаго избрали для произнесенія его высочеству на русскомъ языкѣ привѣтствія; но когда великій князь пріѣхалъ, то Щербатова тщетно старались найти и не отыскали; онъ скрылся на какомъ-то чердакѣ, и великій князь принужденъ былъ отбыть въ дальнѣйшее слѣдованіе, обходясь безъ всякаго русскаго привѣтствія. Второй случай еще забавнѣе. Студенчеству Щербатова въ Кёнигсбергѣ была современною тамъ же, довольно, впрочемъ, извѣстная на цѣломъ земномъ шарѣ, профессура Эммануила Канта. Несмотря, однакожъ, на нѣкоторую степень извѣстности, ни профессорское положеніе Канта, ни его преподаваніе, ни даже имя будто бы не дошли до слуха князя Щербатова въ студенческіе годы, и провѣдалъ онъ про нихъ, и то очень смутно, неясно и отрывочно, только лѣтъ тридцать спустя.

томъ, какъ эти надменныя помышленія развѣялись волею судьбы, какъ пыль пустынная; но не исторію этого крушенія, безслѣднаго и безрадостнаго, я здѣсь описываю.

Князь Щербатовъ давалъ своимъ дѣтямъ образованіе совершенно необыкновенное, столько дорогое, блистательное и дѣльное, что для того, чтобы найти ему равное, должно подняться на самыя высокія ступени общественныхъ положеній. Не говоря объ отличнѣйшихъ представителяхъ московской учености, между наставниками въ его домѣ можно было указать на два или на три имени, извѣстныя европейскому ученому міру. Въ этой средѣ, исполненной образованности и знанія, молодой Чаадаевъ, по своему рожденію и состоянію имѣвшій право занять мѣсто и стать твердою ногою, какъ равный между равными, силою особенностей своей изобильно и разнообразно одаренной прихотливой натуры, немедленно помѣстился, какъ между равными первый. Онъ сей же часъ сдѣлался лучшимъ перломъ и благороднѣйшимъ украшеніемъ этой маленькой котеріи московской дѣтской знати, и въ самое короткое время симпатическими свойствами своего существа успѣлъ значительно расширить сферу ея знакомства и извѣстности. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался знаменитостью, это свойство магнетическаго притяженія людей въ тѣ мѣста, гдѣ онъ находился, прибавимъ, безъ большого съ его стороны искательства, всегда было отличительною чертою его личности, какъ впрочемъ эта особенность постоянно является неразлучнымъ признакомъ человѣка, стоящаго выше уровня другихъ людей [1]). Сто-

[1]) При этомъ необходимо сдѣлать небольшую оговорку, иначе помнящіе дѣло могутъ обвинять меня въ пристрастіи. Общество само собою стекалось въ тѣ домы, въ которыхъ Чаадаевъ дѣлался обыкновеннымъ гостемъ, и можно смѣло сказать, что въ этомъ случаѣ, онъ, кромѣ своей особы, не навязывалъ хозяевамъ никого, но къ себѣ онъ сзывалъ людей чрезвычайно усиленно, черезъ что многимъ и надоѣдалъ. Такая неотвязчивость доводила его иногда до довольно смѣшныхъ случаевъ. Приведемъ объ этой чертѣ его характера нѣсколько выраженій другого прославленнаго современника, А. И. Герцена, предварительно замѣтивъ, что Герценъ, этотъ неумолимый, суровый, злой, желчный и обидный насмѣшникъ и бичеватель, питалъ къ Чаадаеву особенное пристрастіе, и, если и позволялъ себѣ иногда надъ нимъ трунить, то всегда не иначе, какъ съ ироніей, исполненной любезности, благоволенія и тихаго успокоенія. Такъ, онъ говорилъ, что «Чаадаевъ не обращаетъ и не долженъ обращать вниманія на то, что кто-нибудь изъ его знакомыхъ отъѣхалъ, заболѣлъ или умеръ, что такія случайности не должны имѣть вліянія на численность гостей въ дни его пріемовъ», что «общая цифра народонаселенія въ Москвѣ извѣстна Петру Яковлевичу и что, соображаясь съ нею, онъ, независимо отъ всякихъ другихъ разсчетовъ, долженъ полагать себя въ правѣ ожидать въ эти дни соотвѣтствующаго контингента гостей». Однажды довольно поздно, когда всѣ уже съѣхались (Чаадаевъ принималъ по утрамъ), я вмѣстѣ съ Герценомъ стоялъ передъ окномъ, мимо котораго гости должны были проѣзжать. Проѣхалъ какой-то извощикъ безъ сѣдока.

нило только завести въ домѣ Чаадаева, чтобы и завести въ немъ много народа. Замѣчу мимоходомъ, что, украшая собою извѣстный кругъ знакомства, онъ, въ тоже время, дѣлался въ немъ довольно тяжелымъ, давая волю своему эгоизму иногда до несносности.

Лѣтъ четырнадцати, пятнадцати, шестнадцати и никакъ не позже семнадцати, молодой Чаадаевъ представлялъ собою слѣдующее явленіе: онъ успѣлъ перемѣнить порядочное количество дядекъ, гувернёровъ и учителей, между которыми запало нѣсколько памятныхъ именъ; какъ я сказалъ выше, онъ былъ отмѣнно красивъ и слылъ однимъ изъ наиболѣе свѣтскихъ, а можетъ быть и самымъ блистательнымъ изъ молодыхъ людей въ Москвѣ; пользовался репутаціей лучшаго танцовщика въ городѣ по всѣмъ танцамъ вообще, особенно по только-что начинавшейся вводиться тогда французской кадрили, въ которой выдѣлывалъ «entrechat» не хуже никакого танцмейстера [1]); очень рано, какъ того и ожидать слѣдовало, принялся жить, руководясь исключительно своимъ произволомъ, началъ ѣздить и ходить куда ему приходило въ голову, никому не отдавая отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и пріучая всѣхъ этого отчета не спрашивать. Къ этому же времени не мѣшаетъ отнести и начало въ немъ развитія того эгоизма и того жестокаго, немилосерднаго себялюбія, которые конечно родились вмѣстѣ съ нимъ, конечно могли привиться и разцвѣсти только при благопріятныхъ для нихъ естественныхъ условіяхъ, но которые однако же особенно тщательно были въ немъ воздѣланы, взлелѣяны и вскормлены сначала угодливымъ баловствомъ тетки, а потомъ и баловствомъ

Герценъ увидѣвъ его сказалъ: «ѣздили, ѣздили экипажи съ гостями, наконецъ пустые извощики стали ѣздить». Кто-то какъ-то замѣтилъ, что общество, встрѣчаемое у Чаадаева, уже черезъ чуръ перемѣшано—упрекъ совершенно справедливый. Чаадаевъ принималъ всѣхъ почти безъ всякаго разбора; отъ этого у него попадались часто люди, которыхъ никакъ и пускать бы не слѣдовало. Герценъ, ни въ какомъ случаѣ не выдававшій Чаадаева, отвѣчалъ слѣдующей забавной шуткой: «на это нечего жаловаться: Петръ Яковлевичъ очень любитъ, чтобы у него было много гостей; отъ этого онъ и пускаетъ къ себѣ денного разбойника графа *** и ночную тать В. И. К.». Герценъ чрезвычайно уважалъ Чаадаева. Когда послѣдній, познакомившись съ московскимъ митрополитомъ, назвалъ его *«un aimable prince de l'église*, то первый, говоря со мной объ этомъ знакомствѣ довольно долго спустя, сослался на это словечко. «Какъ, вы не забыли этого?», сказалъ я.—«Я ничего не забываю, что говоритъ Петръ Яковлевичъ,—отвѣчалъ Герценъ,—потому что все, что онъ говоритъ, либо чрезвычайно умно, либо чрезвычайно смѣшно». Герценъ Чаадаева никогда не звалъ просто по фамиліи, а всегда Петромъ Яковлевичемъ.

[1]) Послѣ двадцати пяти лѣтъ, будучи лейбъ-гусарскимъ офицеромъ, словомъ, живя въ Петербургѣ, онъ танцовать уже пересталъ. Однакожъ сказывалъ мнѣ, что иногда танцовалъ мазурку, которую исполнялъ превосходно.

всеобщимъ. Этотъ эгоизмъ въ своемъ заключительномъ періодѣ, къ концу его жизни, особенно по причинѣ его разстроенныхъ имущественныхъ дѣлъ, получилъ безпощадный, хищный характеръ, сдѣлалъ всѣ безъ исключенія близкія, короткія съ нимъ отношенія тяжелыми до нестерпимости, и былъ для него самого источникомъ многихъ золъ и тайныхъ, но несказанныхъ нравственныхъ мученій. Я для того рѣшился такъ рѣзко и такъ рано указать на это свойство его существа, чтобы потомъ не имѣть неудовольствія опять къ нему возвращаться.

Независимо отъ такой пустой, забавной и своевольной личности рядомъ съ ней возникала въ немъ личность другого рода, возбуждавшая интересъ и уваженіе. Этотъ молодой изящный плясунъ оказывался въ тоже время чрезвычайно умнымъ, начитаннымъ, образованнымъ и въ особенности гордымъ и оригинальнымъ юношей. Складъ его рѣчи и ума поражалъ всякаго какой-то рѣдкостью и небывалой невиданностью, чѣмъ-то ни на кого не похожимъ. Весьма внимательно ведя свою свѣтскую жизнь, очень занимаясь своими удовольствіями и забавами, чрезвычайно озабочиваясь своимъ моднымъ положеніемъ, онъ велъ ихъ однакоже съ кажущеюся пышно-барскою небрежностью, съ наружной беззаботностью, съ тѣми тонкими тактомъ и умѣньемъ, при помощи которыхъ давалъ очень ясно понимать всѣмъ и каждому, что эта сфера не иное что, какъ сфера его рожденія и положенія, что это его стихія, какъ вода—стихія рыбы, что все это дѣлается само собой, и отнюдь не составляетъ ни существеннаго, ни главнаго. Забота и попеченіе его о томъ, чтобы его положеніе свѣтскаго человѣка никогда и никому не вздумалось смѣшивать съ его положеніемъ историческаго дѣятеля и мыслителя во всю его жизнь была постоянною, а притворное равнодушіе къ свѣтскимъ успѣхамъ, только къ его старости переставшее всѣхъ обманывать и порочить, было, можетъ быть, и въ гораздо большей степени, нежели предполагаютъ, причиною чрезвычайной къ нему благосклонности общества и главною въ немъ для свѣта приманкою. Необыкновенная самостоятельность и независимость мышленія, чудесная интуитивная способность съ раза, однимъ взмахомъ глаза чрезвычайно вѣрно примѣчать въ каждомъ явленіи то, чего не видятъ другіе, обозначились въ немъ очень рано. Только-что вышедши изъ дѣтскаго возраста, онъ уже началъ собирать книги и сдѣлался извѣстенъ всѣмъ московскимъ букинистамъ, вошелъ въ сношенія съ Дидотомъ въ Парижѣ, четырнадцати лѣтъ отъ рода писалъ къ незнакомому ему тогда князю Сергѣю Михайловичу Голицыну о какомъ-то нуждающемся, толковалъ съ знаменитостями о предметахъ

религіи, науки и искусства, словомъ велъ себя, какъ обыкновенно себя не ведутъ молодые люди въ эти годы, и какъ почти всегда себя показываютъ люди, что-нибудь особенное обѣщающіе. Въ щербатовскомъ семействѣ играли какое-то представленіе по случаю торжествованія тильзитскаго мира. Дѣло было лѣтомъ и въ деревнѣ. Чаадаевъ ушелъ на цѣлый день въ поле и забился въ рожь, а когда его тамъ отыскали, то съ плачемъ объявилъ, что домой не вернется, что не хочетъ присутствовать при праздкованіи такого событія, которое есть пятно для Россіи и униженіе для государства. Вскорѣ послѣ асперискаго сраженія ходила объ немъ по рукамъ въ Москвѣ нѣмецкая реляція, гдѣ дѣло изложено было въ настоящемъ видѣ. Въ то время, знаетъ каждый, русскій дворъ всячески угождалъ Наполеону. Реляцію, очень впрочемъ рѣдкую, приказано было отобрать повсемѣстно, и такъ какъ оба Чаадаевы, тогда еще несовершеннолѣтніе, ее имѣли, то за нею къ нимъ пріѣзжалъ самъ полицмейстеръ, которому Петръ Чаадаевъ ее и передалъ, поставивъ ему въ тоже время рѣзко на видъ, что недостойно русской политики раболѣпствовать Наполеону до такой степени, чтобы скрывать его неудачи. Я не говорю уже про мелкія столкновенія, которыя ему случалось имѣть въ семействѣ, и въ которыхъ острый, смѣлый и бойкій мальчикъ почти всегда бралъ верхъ надъ важнымъ, строгимъ опекуномъ и дядей кн. Щербатовымъ. Для смѣха можно прибавить, что слышалъ я, помнится, будто разъ примиреніе между дядей и племянникомъ послѣ одной изъ такихъ ссоръ исполнилось какимъ-то хорошимъ обѣдомъ вдвоемъ въ Бацовомъ трактирѣ, не знаю гдѣ находившемся [1]). Этотъ Бацовъ трактиръ былъ тогда въ большой модѣ; онъ держалъ общій столъ или table d'hôte, родъ обѣда и до настоящей поры въ Москвѣ очень рѣдкій.

Наконецъ необходимо упомянуть, хоть бы для того только, чтобы окончательно раздѣлаться съ этими мелочами и бездѣлицами, о необычайномъ изяществѣ его одежды. Одѣвался онъ, можно положительно сказать, какъ никто. Нельзя сказать, чтобы одежда его была дорога [2]); напротивъ того никакихъ драгоцѣнностей, всего того, что зовутъ «bijou», на немъ никогда не было. Очень много я видѣлъ людей одѣтыхъ несравненно бо-

---

[1]) Между университетомъ и Охотнымъ рядомъ.

[2]) Хотя разнымъ портнымъ, сапожникамъ, шляпныхъ дѣлъ мастерамъ и тому подобнымъ лицамъ, онъ платилъ очень много и гораздо больше нежели слѣдовало, безпрестанно перемѣняя платье, а иногда и просто по привычкѣ безъ всякаго толка тратить деньги.

гаче, но никогда, ни послѣ, ни прежде, не видалъ никого, кто былъ бы одѣтъ прекраснѣе и кто умѣлъ бы столько достоинствомъ и граціей своей особы, придавать значеніе своему платью. Я не знаю какъ одѣвались мистеръ Бруммель и ему подобные, и потому удержусь отъ всякаго сравненія съ этими исполинами всемірнаго дандизма и франтовства, но заключу тѣмъ, что искусство одѣваться Чаадаевъ возвелъ почти на степень историческаго значенія.

Благородная утонченность его пріемовъ, нынче съ каждымъ днемъ рѣже встрѣчаемая, памятна всѣмъ его знавшимъ. Она была до такой степени велика и замѣчательна, что появленіе его прекрасной фигуры, особенно въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, иногда, очень рѣдко, съ желѣзнымъ крестомъ на груди, въ какое бы то ни было многолюдное собраніе, почти всегда было поразительно. Этимъ появленіемъ общество, хотя бы оно вмѣщало въ себѣ людей въ голубыхъ лентахъ и самыхъ привлекательныхъ женщинъ, какъ бы пополнялось и получало свое закончаніе. Его недоброжелатели, которыхъ въ послѣдніе годы онъ имѣлъ очень много, справедливо указывали, какъ на тѣнь въ общей картинѣ его особы, на нѣкоторое въ ней отсутствіе простоты, на излишнюю изысканность, даже, хотя въ весьма незначительной степени, на чопорность и напыщенность, словомъ на то, что французы зовутъ аффектаціей [1]).

---

[1]) Здѣсь, я думаю, мѣсто разъясненію въ его особѣ одной случайности, можетъ быть не совершенно соотвѣтствующей достоинству исторической работы, но о которой однакожъ въ исторіи отдѣльныхъ лицъ всегда поминается. Я тороплюсь приступить къ этой подробности, потому что мнѣ хочется какъ можно скорѣе съ нею развязаться. Чаадаевъ имѣлъ огромныя связи и безчисленныя дружескія знакомства съ женщинами. Тѣмъ не менѣе никто никогда не слыхалъ, чтобы которой-нибудь изъ нихъ онъ былъ любовникомъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства онъ очень рано— лѣтъ тридцати пяти—стяжалъ репутацію безсилія, будто бы происшедшаго отъ злоупотребленія удовольствіями. Потомъ стали говорить, что онъ во всю свою жизнь не зналъ женщинъ. Самъ онъ объ этомъ предметѣ говорилъ уклончиво, никогда ничего не опредѣлялъ, никогда ни отъ чего не отказывался, никогда ни въ чемъ не признавался, многое давалъ подразумѣвать и оставлялъ свободу всѣмъ возможнымъ догадкамъ. Тогда я рѣшился напрямки и очень серьезно сдѣлать ему лично вопросъ, на который потребовалъ категорическаго отвѣта: «правда или нѣтъ, что онъ во всю свою жизнь не зналъ женщины, и, если правда, то почему: отъ чистоты ли нравовъ, или по другой какой причинѣ?» Отвѣтъ я получилъ немедленный, ясный и опредѣленный: «ты это все очень хорошо узнаешь, когда я умру». Прошло восемь лѣтъ послѣ его смерти и я не узналъ ничего. Въ прошломъ годѣ, наконецъ, достовѣрный свидѣтель, котораго я не имѣю права назвать, сказывалъ мнѣ, что никогда, ни въ первой молодости, ни въ болѣе возмужаломъ возрастѣ, Чаадаевъ не чувствовалъ никакой подобной потребности, что таковымъ онъ былъ созданъ. Должно согласиться, что организація такого свойства въ высшей степени феноменальна. Тотъ же свидѣтель прибавилъ, что будучи молодымъ офицеромъ, въ походахъ и другихъ мѣ-

Передъ отправленіемъ на службу, Чаадаевъ нѣсколько времени слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ вмѣстѣ съ своими роднымъ и двоюроднымъ братьями (Михайломъ Яковлевичемъ Чаадаевымъ и княземъ Иваномъ Щербатовымъ). Изъ его разсказовъ я не сохранилъ никакихъ особенныхъ воспоминаній объ его университетской жизни. Онъ вспоминалъ объ ней довольно рѣдко, не безъ удовольствія, но и не особенно охотно. Въ это время образовались нѣкоторыя связи; изъ нихъ были такія, которыя пережили десятки годовъ, забытыя, но не прерванныя, при случаѣ всегда готовыя къ возобновленію; другія, выдержавшія страшный искусъ удаленія, разлуки, ссылки, изгнанія и каторги; была, наконецъ, ознаменованная и славой, и страданіемъ. Такъ, пріятельскія отношенія съ И. М. Снегиревымъ, столь мало понятныя между людьми другъ другу вполнѣ противоположными, пережили почти полустолѣтіе: на похоронахъ Чаадаева, Снегиревъ съ глубокимъ чувствомъ сказывалъ мнѣ, что онъ самый старый изъ всѣхъ знакомыхъ, провожавшихъ покойника въ вѣчное жилище; такъ, несокрушимая дружба умирающаго Якушкина, послѣ тридцатилѣтнихъ нескончаемыхъ золъ, была, къ умершему уже, также жива, также любопытна, также баловлива, также снисходительна, также разговорчива, какъ въ лучшіе дни молодости; такъ, пріязнь и самая тѣсная короткость съ Грибоѣдовымъ, черезъ четверть вѣка послѣ бѣдственной его смерти, выросла до степени историческаго преданія [1]). Впрочемъ подробностей про отношенія его къ Грибоѣдову я слыхалъ очень мало. Ранняя его кончина, предшествуемая продолжительной разлукой, была вѣроятно причиною того, что и я мало разспрашивалъ про ихъ взаимныя отношенія и Чаадаевъ мало про нихъ пересказывалъ. Я запомнилъ только нѣсколько смѣшныхъ случаевъ [2]), происшедшихъ въ Петербургѣ

стахъ, онъ имѣлъ слабость иногда хвалиться интрижками и нѣкотораго рода болѣзнями, но что всѣ эти розсказни никакого основанія не имѣли и ничѣмъ другимъ были, какъ однимъ хвастовствомъ. Желая еще болѣе углубиться въ этотъ предметъ, я подвергнулъ свидѣтеля еще нѣкоторымъ вопросамъ, но за неполученіемъ на нихъ ясныхъ отвѣтовъ больше ничего утверждать не смѣю, хотя изъ постояннаго тона разговора Чаадаева, изъ различныхъ умолчаній, изъ недосказанныхъ намековъ и изъ нѣкоторыхъ слуховъ, впрочемъ совершенно на вѣтеръ и особеннаго вниманія не стоющихъ, могъ бы, кажется, пуститься въ нѣкоторыя догадки.

[1]) Мать Грибоѣдова, жившая очень долго и его сестра, чтили воспоминаніе этой короткости до конца, а его супруга, какъ извѣстно, никогда на долго въ Москвѣ не бывавшая и при жизни мужа Чаадаева никогда не знавшая, по пріѣздѣ съ Кавказа поспѣшила его навѣстить въ память связи съ мужемъ. Это случилось около тридцати лѣтъ послѣ смерти Грибоѣдова.

[2]) Эти случаи собственно состоятъ изъ театральной закулисной жизни поэта,

передъ самымъ отправленіемъ Грибоѣдова въ Персію, да холодное отношеніе, довольно долго существовавшее между Чаадаевымъ и Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, будто бы по случаю несогласія на счетъ личности прославленнаго автора знаменитой комедіи. Чаадаевъ пересказывалъ, будто Ермоловъ во дни своего величія, во дни командованія на Кавказѣ и сношеній съ персидскимъ правительствомъ, былъ почему-то Грибоѣдовымъ недоволенъ, а потомъ позволилъ себѣ, уже послѣ его умерщвленія, клеветать на его нравственный характеръ. Будто бы въ Москвѣ, въ разговорѣ, въ довольно многолюдномъ обществѣ, онъ сказалъ, что «Грибоѣдовъ былъ человѣкъ черный», и тутъ же былъ Чаадаевымъ остановленъ словами: «кто же этому повѣритъ, Алексѣй Петровичъ?» Если это правда, то всякій, кто помнитъ личность Ермолова, конечно ни на минуту не усомнится, что такого противорѣчія Ермоловъ Чаадаеву никогда не простилъ. Сверхъ того я знаю, что несмотря на ихъ постоянно дружескія и ясныя отношенія въ свѣтѣ, Ермоловъ Чаадаева никогда не долюбливалъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, черезъ очень близкаго къ Ермолову человѣка, я предлагалъ ему портретъ Чаадаева, и это предложеніе онъ отклонилъ довольно неучтивымъ образомъ. Мнѣ послѣдовалъ отвѣтъ, что по случаю болѣзни «Алексѣя Петровича», тогда совсѣмъ здороваго, ему про то не могли сказать. Впрочемъ необходимо добавить, что кромѣ разномыслія въ сужденіяхъ о Грибоѣдовѣ, не жаловать Чаадаева Ермоловъ могъ имѣть очень много другихъ причинъ.

По окончаніи университетскихъ занятій пришло время опредѣляться на службу, т.-е. ѣхать въ Петербургъ, потому что тогда, какъ впрочемъ и теперь, всѣ себѣ воображали, что опричь Петербурга служить нигдѣ нельзя. Про это отправленіе я ничего особеннаго не знаю кромѣ того, что переѣздъ пожилой тетки и молодыхъ племянниковъ совершился въ трехъ кибиткахъ. Въ Твери молодые люди видѣлись съ своимъ знаменитымъ наставникомъ, философомъ Буле. Вѣроятно, мало склонный къ военному званію, въ то время однакоже столько обольстительному, онъ имъ совѣтовалъ воротиться въ Москву и избрать болѣе мирное поприще. «Не ходите, господа, въ военную службу,—говорилъ онъ,—вы не знаете какъ она трудна». Судьба судила иначе: пріѣхавши въ Петербургъ оба юноши были записаны

изъ его знакомствъ съ тогдашними актрисами, изъ образа существованія, очень неправившагося его семейству, отъ котораго оно его всячески желало отвлечь, и, наконецъ, отвлекло, изъ отношеній его къ комику князю Шаховскому и примѣчательнаго въ себѣ ничего не имѣютъ.

лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ. Это случилось за нѣсколько мѣсяцевъ до громадныхъ событій двѣнадцатаго года [1]).

Три похода, сдѣланные Чаадаевымъ въ военную эпоху послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ, въ военномъ отношеніи не представляютъ собою ничего для него примѣчательнаго. Въ концѣ двѣнадцатаго года онъ былъ боленъ какой-то страшной горячкой, гдѣ-то въ польскомъ мѣстечкѣ, на квартирѣ у какого-то жида, однакоже поспѣлъ во-время къ открытію военныхъ дѣйствій въ тринадцатомъ году. Подъ Кульмомъ въ числѣ прочихъ получилъ желѣзный крестъ [2]). Въ четырнадцатомъ, въ самомъ Парижѣ, по какимъ-то неудовольствіямъ, перешелъ изъ Семеновскаго полка въ Ахтырскій гусарскій, странствованія котораго и раздѣлялъ (Краковъ, Кіевъ и другія мѣстности австрійскихъ и русскихъ предѣловъ) до окончательнаго своего перевода въ Лейбъ-Гусарскій полкъ и до назначенія адъютантомъ къ командиру гвардейскаго корпуса Илларіону Васильевичу Васильчикову (впослѣдствіи графу, князю, предсѣдателю государственнаго совѣта). Здѣсь его служба и прекратилась, увидимъ при какихъ обстоятельствахъ, и никогда уже болѣе не возобновлялась.

Съ выступленіемъ русскихъ войскъ за границу, съ пребываніемъ ихъ во время перемирія и войны, въ тринадцатомъ году, въ Германіи [3]) и особенно со днемъ вступленія союзниковъ въ Парижъ, для меня совпадаетъ появленіе передъ глазами Чаадаева той мысли, которою обозначилось и осѣнилось все его существованіе. Смутно мелькавшая передъ нимъ, въ дни перваго юношества, она могла, сколько я понимаю, принять плоть и

---

[1]) Въ бородинскій бой оба Чаадаевы были подпрапорщиками и въ этотъ день произведены стараніями Закревскаго (впослѣдствіи графа, министра внутреннихъ дѣлъ и московскаго генералъ-губернатора), сдѣлавшаго въ ихъ пользу несправедливость и посадившаго ихъ товарищамъ на голову въ память ихъ какого-то родства съ графомъ Каменскимъ.

[2]) Кромѣ желѣзнаго креста онъ имѣлъ еще два другихъ, прусскій „pour le mérite“ и кажется какую-то Анну на саблѣ, но этихъ двухъ никогда не надѣвалъ. Всѣ медали того времени, разумѣется, онъ также имѣлъ.

[3]) Кажется, во все время перемирія семеновскій полкъ былъ расположенъ въ Силезіи, въ деревнѣ Lang Bilau. Стоянкѣ въ этой деревнѣ я приписываю для Чаадаева чрезвычайную важность. Тутъ впервые охватило его вѣяніе европейской жизни въ одной изъ самыхъ прелестныхъ и самыхъ обольстительныхъ изъ ея формъ. О деревнѣ Lang Bilau Чаадаевъ до конца жизни не поминалъ иначе, какъ съ восхищеніемъ, очень понятнымъ всякому, кто знаетъ различіе между русской деревней и деревней Силезіи или Венгріи.

кровь, осязательныя, наглядныя формы только при собственноличномъ сравненіи русскаго общества съ тѣмъ другимъ обществомъ, которое, въ такъ-называемой Европѣ, создалось вѣковымъ трудомъ церкви, зàмка и школы, т.-е. не прерывающейся въ продолженіе столѣтій, совокупной и дружной работой религіозныхъ вѣрованій, вещественнаго могущества и знанія. Сверхъ того необходимо, мнѣ кажется, добавить, что такого рода сравненіе, несмотря на самоличность и ни на какую силу индивидуальнаго мышленія, не могло бы дать плода и окончательныхъ выводовъ, если бы совершено было отдѣльно, частно, изолированно, не окруженное, такъ сказать, средой самого отечества, не сопутствуемое всѣми обаяніями и впечатлѣніями не удалившейся родины, словомъ, не сопровождаемое самой путешествующей Россіей [1].

Пребываніе въ Парижѣ имѣло въ ту минуту, для иностранца вообще и для русскаго въ особенности, смыслъ, котораго ни прежде, ни послѣ, получить оно никогда не могло. Всякому извѣстно, что тогда побѣда и завоеваніе успѣли соединить въ немъ на время чудеса искусствъ и науки почти цѣлой Европы, и, что столько же изумительнымъ, сколько и непрочнымъ, усиліямъ побѣдителя полувселенной удалось, хотя на мгновеніе, возвести, до нѣкоторой степени, свою столицу до значенія столицы образованнаго человѣчества.

Если бы я хоть сколько-нибудь чтилъ историческія сближенія этого рода, то указалъ бы, быть можетъ, на первое путешествіе въ просвѣщенную Европу вѣнчаннаго странника - властелина, отправлявшагося туда во всеоружіи безпредѣльнаго могущества и неукротимаго гнѣва, добывать новый гражданскій строй и новую государственную жизнь для своего народа, а потомъ, какъ на явленіе этому странствованію аналогическое и соотвѣтственное, на тотъ чудесный, вѣчно памятный, почти баснословный походъ, въ который сама страна какъ бы подъяла паломничество въ чуждыя земли, изъ котораго лучшія дѣти русскаго отечества вынесли за собою въ ранцахъ столько новыхъ мыслей и столько несбывшихся мечтаній, и въ которомъ, по моему мнѣнію, впервые засверкалъ, передъ жадными познанія очами Чаадаева, новый, небывалый взглядъ на протекшую жизнь Россіи... Затѣмъ я предоставилъ бы каждому обсудить, насколько плодотворнѣе, насколько богаче послѣдствіями, насколько глубже и обширнѣе смысломъ и значеніемъ было правильное, обдуман-

---

[1] Une armée hors des frontières, c'est l'état qui voyage, сказалъ, помнится, старый Наполеонъ.

ное, державное шествіе странствующаго царства сравнительно съ прихотливымъ, индивидуальнымъ скитаніемъ деспотическаго произвола.

Я дошелъ теперь до времени самаго счастливаго, самаго удачнаго и послѣдняго пребыванія Чаадаева въ Петербургѣ.

Послѣ упомянутыхъ мною его странствованій съ ахтырскимъ полкомъ за границей и по юго-западнымъ мѣстностямъ россійской имперіи, гдѣ онъ имѣлъ случай довольно коротко узнать не совсѣмъ еще исчезнувшую тогда жизнь польскихъ магнатовъ, перейдя въ лейбъ-гусары, онъ поселился сначала въ Царскомъ Селѣ, гдѣ кажется съ незапамятныхъ временъ расположенъ лейбъ-гусарскій полкъ, а назначенный адъютантомъ къ Васильчикову— въ самомъ Петербургѣ. Это случилось около 1817 и продолжалось до 1821 года. Его положеніе служебное и общественное было во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпное и многообѣщающее. Молодость заканчивалась, и можно утвердительно сказать, что никогда и никому, на своемъ прощальномъ закатѣ, она привѣтливѣе не улыбалась.

Храбрый, обстрѣленный офицеръ, испытанный въ трехъ исполинскихъ походахъ, безукоризненно благородный, честный и любезный въ частныхъ отношеніяхъ, онъ не имѣлъ причины не пользоваться глубокими, безусловными уваженіемъ и привязанностью товарищей и начальства [1]); обладая преимуществами прекрасной наружности, кромѣ чего другого, сдѣлался еще извѣстенъ по гвардейскому корпусу прозваніемъ «le beau Tchaadaef», данномъ ему сослуживцами; чрезвычайно способный играть видную роль въ обществѣ, созданный для великосвѣтской жизни, онъ очень скоро вступилъ въ связи и знакомства, которыхъ, я думаю, въ его годы и въ его чинахъ, ни послѣ, ни прежде никто не имѣлъ и овладѣлъ такимъ значеніемъ, которому равнаго, при одинаковыхъ условіяхъ, никто не запомнитъ [2]); замѣчательно образованный, чрезвычайно находчивый

---

[1]) Это уваженіе было такъ велико, что, безъ малѣйшаго затрудненія и безъ всякаго нареканія, онъ могъ отказаться отъ дуэли за какіе-то пустяки ему предложенной довольно знатнымъ лицомъ, приводя причиною отказа правила религіи и человѣколюбія и простое нежеланіе; все это, подтверждаемое слѣдующимъ размышленіемъ въ видѣ афоризма: si pendant trois ans de guerre je n'ai pas pu établir ma réputation d'homme comme il faut, un duel, certainement, ne l'établira pas.

[2]) Не говоря уже про его близкія отношенія съ людьми, занимавшими высшія государственныя должности или почему-нибудь пользовавшимися какими-нибудь исключительными безпримѣрными преимуществами, съ княземъ Кочубеемъ и Карамзинымъ

въ разговорѣ и геніально-умный, онъ вошелъ въ кругъ ученыхъ, литераторовъ и художниковъ, и, самъ ничего не сдѣлавши, только на основаніи ума, любезности, и, думаю я, необычайной меткости, вѣрности и неожиданности критической сметки, успѣлъ завоевать мѣсто въ «задорномъ цехѣ». Не было въ Россіи сильнаго аккредитованнаго лица, которое бы за честь себѣ не почло въ то время способствовать его служебнымъ успѣхамъ, и не было, вѣроятно, столько высокаго предѣла, куда, съ нѣкоторой основательной и благоразумной надеждой, не могло бы возносить взглядовъ его честолюбіе. Наконецъ, онъ былъ замѣченъ лично самимъ государемъ, и носились слухи, что императоръ прочитъ его къ самому себѣ въ адъютанты при первомъ удобномъ случаѣ. Государь, по часту встрѣчаясь съ Чаадаевымъ, ронялъ ему иногда нѣсколько привѣтливыхъ словъ, и всегда ту милостивую, кроткую, благодушную, знаменитую по цѣлой Европѣ улыбку, оставшуюся неразлучною съ воспоминаніемъ о Благословенномъ. По своему же положенію при командирѣ гвардейскаго корпуса съ великими князьями онъ былъ давно знакомъ, и съ двумя изъ нихъ, Константиномъ [1]) и Михаиломъ, сохранилъ отношенія и послѣ службы до своихъ московскихъ прегрѣшеній, на довольно продолжительное время отъ него отда-

---

напримѣръ, высокое положеніе которыхъ, одного какъ министра, другого какъ прославленнаго писателя и историка, обоихъ какъ личныхъ искреннихъ друзей государя, принадлежитъ исторіи, даже люди вообще извѣстные дикостью и звѣроподобіемъ нравовъ, смирялись и дѣлались кроткими, приходя въ сношенія съ Чаадаевымъ. Въ Петербургѣ находился въ то время многимъ памятный, довольно сильный и вліятельный по самому себѣ и по значительнымъ связямъ тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь и президентъ академіи художествъ ***). Я не занимаюсь оцѣнкой его личности, и приводимымъ здѣсь случаемъ не желаю бросать на нее никакой тѣни. Однакоже положительно про него всѣ знали, что онъ ни съ кѣмъ вообще не обходился иначе, какъ непомѣрно грубо и дурно, и что отъ него, кого онъ только можетъ обругать или кому нагрубіянить, никто безъ ругательства, или по крайней мѣрѣ безъ грубостей не уходитъ. Въ число подобныхъ жертвъ, какъ мнѣ сказывали, включались и всѣ, безъ исключенія, его домашніе. Разъ, въ какое-то утро, да еще и не по очень важному дѣлу, Васильчиковъ прислалъ къ нему своего адъютанта Чаадаева. Вотъ разсказъ объ этомъ свиданіи достовѣрнаго свидѣтеля:

«Такихъ адъютантиковъ и офицериковъ къ намъ всякій день ѣзжало безъ числа, и всѣмъ имъ пріемъ былъ весьма неласковый, а по часту и брань. Представьте же себѣ мое удивленіе: входитъ Чаадаевъ. Статсъ-секретарь, правда, его не посадилъ, но за то самъ всталъ, и разговаривалъ съ нимъ стоя, сколько тому было нужно, какъ съ себѣ подобнымъ, а прощаясь подалъ руку и проводилъ до дверей кабинета: я остолбенѣлъ».

[1]) Великаго князя Константина Павловича онъ почему-то считалъ своимъ благодѣтелемъ и чрезвычайно чтилъ его память до конца жизни. Про это я буду говорить еще.

лившихъ большую часть знакомствъ съ оффиціальнымъ характеромъ [1]).

Достовѣрный, неопровержимый свидѣтель въ этомъ случаѣ, вездѣ и во всемъ болѣе строгій, нежели пристрастный, судья Чаадаева, женщина, которой нѣтъ причины не назвать. Катерина Николаевна Орлова, дочь прославленнаго Раевскаго и жена того любимаго адъютанта Александра I, которому 19 марта 1814 года довелось заключить одну изъ самыхъ громкихъ на свѣтѣ капитуляцій, и конечно, самую славную во всей русской военной исторіи, условіе о сдачѣ Парижа, — знавшая какъ свои пять пальцевъ всѣ тогдашнія положенія петербургскаго общества, сказывала мнѣ, что въ эти года Чаадаевъ съ своими репутаціей, успѣхами, знакомствами, умомъ, красотою, модной обстановкой, библіотекой [2]), значущимъ участіемъ въ масонскихъ ложахъ, былъ неоспоримо, положительно и безъ всякаго сравненія самымъ вид-

---

[1]) Меньше всѣхъ онъ былъ знакомъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Однако же многіе помнили, что и онъ оказывалъ Чаадаеву особенное расположеніе, на которое, какъ извѣстно, и будучи еще великимъ княземъ, Николай Павловичъ быть особенно тароватымъ никогда не любилъ. Чаадаевъ пересказывалъ, что разъ въ манежѣ, великій князь Николай засталъ его обучающимъ лошадь для фронта, и сейчасъ же очень милостиво спросилъ: зачѣмъ учить лошадь не водитъ въ собственный его манежъ въ аничковомъ дворцѣ? На полученный же отвѣтъ, что въ манежѣ, принадлежащемъ члену царскаго семейства, гораздо стѣснительнѣе, что, напримѣръ, надобно быть непремѣнно въ формѣ, великій князь будто бы весело возразилъ: Quelle idée, mon cher, entre nous, allons donc, vous viendrez comme vous voudrez, vous viendrez en bonnet de police. Въ послѣдніе же годы царствованія Николая I, а слѣдовательно и въ послѣдніе годы жизни Чаадаева, по миновaніи и по забытіи вещей, могшихъ возбуждать на него гнѣвъ или неудовольствіе государя, на балѣ у московскаго генералъ-губернатора, императоръ, будто бы вошедши въ залу, перваго для себя короткаго человѣка встрѣтилъ графа Павла Дмитріевича Киселева, съ которымъ въ то время находился Чаадаевъ. Государь остановился съ Киселевымъ и началъ съ нимъ продолжительную бесѣду, передъ чѣмъ однакоже предварительно съ Чаадаевымъ поздоровался словами: «здравствуй, Чаадаевъ» и легкимъ наклоненіемъ головы. Чаадаевъ въ это время, разумѣется, отступилъ шага на два назадъ, а государь, продолжая разговоръ съ Киселевымъ, будто какъ бы въ доказательство того, что говорилъ, нѣсколько разъ указывалъ на него рукой, произнося: «да вотъ, спроси хоть у Чаадаева». Этотъ случай пересказывалъ мнѣ самъ Чаадаевъ, а я ему даю вѣру не иначе, какъ съ большою осмотрительностью и несовсѣмъ охотно, принимая въ соображеніе какъ личный характеръ горделиваго императора, тогда стоявшаго на апогеѣ своего величія,—это было не задолго до крымской войны,—такъ и то очень немаловажное обстоятельство, что въ это время со дня ихъ послѣдняго свиданія прошло немного побольше двадцати пяти годовъ.

[2]) Эта библіотека, въ которой, говорятъ, есть нѣкоторыя библіографическія рѣдкости, передъ его отправленіемъ въ заграничное путешествіе, до котораго скоро дойдемъ, была продана князю Шаховскому и нынѣ находится въ имѣніи его сына въ Серпуховскомъ уѣздѣ.

нымъ, самымъ замѣтнымъ и самымъ блистательнымъ изъ всѣхъ молодыхъ людей въ Петербургѣ.

Въ этотъ періодъ жизни Чаадаева особенному разсмотрѣнію подлежатъ два главныхъ случая, рѣзко отъ всего другого отдѣленные и рѣзко очерченные: *знакомство и пріязнь съ Пушкинымъ*, вѣроятно самая сильная, глубокая и дорогая дружеская связь, которую когда-либо и съ кѣмъ-либо имѣлъ наиболѣе великій, наиболѣе прославленный и наиболѣе геніальный изъ всѣхъ русскихъ писателей, и *семеновская исторія*, въ которой косвенное участіе, Чаадаевымъ принятое, вліяло на него неисчислимыми послѣдствіями, навсегда закрыло ему служебное поприще, всецѣлостно измѣнило и перевернуло весь смыслъ его существованія, всѣ условія его жизни, и дало имъ совершенно иное направленіе....

И то и другое обстоятельство, по моему мнѣнію, вслѣдствіе многихъ причинъ, исчисленіе которыхъ въ рамы моей задачи вовсе не входитъ, до сей поры видѣли въ свѣтѣ превратномъ. И то и другое изображали на основаніи своихъ личныхъ взглядовъ, потребностей, пристрастій и предубѣжденій въ ту или другую сторону, иногда даже на основаніи духа партій. Второе же обстоятельство, его участіе въ «семеновской исторіи» запутано сверхъ того вымыслами и клеветами, имѣвшими въ виду то оправданіе, то обвиненіе различныхъ лицъ, смотря по настоянію нужды каждаго, такъ что познаніе истиннаго положенія дѣла не можетъ быть добыто иначе, какъ по критическомъ соображеніи различныхъ противорѣчащихъ слуховъ и обстоятельствъ. Я постараюсь и то и другое уяснить и изложить въ томъ видѣ, въ какомъ, по моему крайнему разумѣнію, они были.

Во время пребыванія Чаадаева съ лейбъ-гусарскимъ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, между офицерами полка и воспитанниками недавно открытаго царскосельскаго лицея образовались непрестанныя, ежедневныя и очень веселыя сношенія. То было, какъ извѣстно, золотое время лицея, взлелѣяннаго высокой царственной заботой и во главѣ имѣвшаго Энгельгардта, человѣка и по сю пору еще не оцѣненнаго въ лѣтописяхъ русской педагогіи. Воспитанники поминутно пропадали въ садахъ державнаго жилища, промежду его живыми зеркальными водами, въ тѣхъ тѣнистыхъ вѣковыхъ аллеяхъ, по счастливому выраженію про другую мѣстность современнаго поэта-историка [1]), «далекихъ и

---

[1]) Ламартинъ въ «Исторіи жирондистовъ».

обширныхъ какъ царскія думы», иногда даже въ переходахъ и различныхъ помѣщеніяхъ самаго дворца [1]).... Шумныя скитанія щеголеватой, утонченной, богатой самыми драгоцѣнными надеждами молодежи, очень скоро возбудили внимательное бодрствующее чутье Чаадаева и еще скорѣе сдѣлались цѣлью его вѣрнаго, меткаго, исполненнаго симпатическаго благоволенія охарактеризованія. Юныхъ, разгульныхъ любомудрцовъ онъ сейчасъ же прозвалъ «философами-перипатетиками». Прозваніе было принято воспитанниками съ большимъ удовольствіемъ, но ни одинъ изъ нихъ не сблизился столько съ его творцомъ, сколько тотъ, которому впослѣдствіи было суждено сдѣлаться неоцѣненнымъ сокровищемъ, лучшею гордостью и лучезарнымъ украшеніемъ Россіи.

Дружбу Пушкина съ Чаадаевымъ разсматривали до сихъ поръ различно, и, можно сказать, двоякимъ образомъ. Большинство въ ней больше ничего не видало какъ только рекомендацію для одного Чаадаева, т.-е. оно допускало нѣкоторое значеніе въ Чаадаевѣ, насколько его зналъ Пушкинъ. Внѣ отношеній съ Пушкинымъ, съ точки этого воззрѣнія, Чаадаевъ самъ по себѣ терялъ всякій смыслъ. Меньшинство [2]), напротивъ того, воздвигало Чаадаева какимъ-то наставникомъ и даже создателемъ великаго поэта русской земли, его воспитателемъ и пѣстуномъ, на него безконечно вліявшимъ, недремлющимъ провидѣніемъ, ко-

---

[1]) Сюда можно отнести анекдотъ очень потѣшный и вообще мало извѣстный. Одинъ разъ подъ вечеръ, когда всѣ кошки дѣлаются сѣрыми, Пушкинъ, бѣгая по какому-то корридору, наткнулся на какую-то женщину, къ которой присталъ съ неосмотрительными рѣчами и даже, сообщаютъ злоязычники, съ необдуманными прикосновеньями. Женщина подняла крикъ и ускользнула, однакоже успѣла разсмотрѣть и узнать виноватаго. Она была не молода, не красива и настолько знатна, что слухъ объ этомъ маленькомъ происшествіи дошелъ до ушей самого государя. Государь, недовольный шалостью одного изъ воспитанниковъ своего любимаго лицея, приказалъ немедленно Пушкина высѣчь. Энгельгардтъ этого приказанія не исполнилъ. Извѣстно, что при императорѣ Александрѣ I можно было иногда повелѣній такого рода не выполнять, а потомъ за ослушаніе получать благодарность. Слухъ же про крошечный скандальчикъ разнесся по Царскому Селу и раздражительный поэтъ почтилъ пожилую дѣвушку слѣдующимъ французскимъ четверостишіемъ, въ которомъ, мнѣ кажется, уже вполнѣ проглядываютъ столько впослѣдствіи извѣстные и грозные пушкинскіе когти:

«On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon:
Mais pour une grace, — oh, mon Dieu, non».

[2]) Въ этомъ меньшинствѣ должно считать и самого Чаадаева, и надо признаться, что если пребываніе его въ рядахъ этого меньшинства ни подъ какимъ видомъ и ни въ какомъ случаѣ оправдано быть не можетъ, однакожъ объясняется и, до нѣкоторой степени извиняется, какъ его огромными самолюбіемъ и тщеславіемъ, такъ и тѣмъ, что онъ самъ себя съ очевидной добросовѣстностью и въ сердечной простотѣ, обманывалъ и ослѣплялъ.

торое его образовало, укрѣпило и двинуло на великое служеніе, а въ роковое мгновеніе опасности окончательно спасло и сохранило. Словомъ сказать, это мнѣніе буквально приняло на вѣру и себѣ усвоило пушкинскіе комплименты Чаадаеву, щедро разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ сочиненій и особенно въ знаменитомъ посланіи.

По моему, одинаково трудно рѣшить, который изъ этихъ двухъ взглядовъ ошибочнѣе, сколько положительно и несомнѣнно, что они оба, еслибы могли быть справедливыми и вѣрными, были бы до крайней степени оскорбительными и обидными для памяти обоихъ дѣятелей. Слава и личность каждаго изъ нихъ понесли бы значительную убыль, еслибы такія воззрѣнія могли имѣть хотя тѣнь основательности.

Первый взглядъ собственно не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Какъ ни великъ былъ геній Пушкина, не настолько же онъ былъ могуществен, чтобы изъ ничтожества создать памятнаго человѣка. Въ числѣ прочихъ высокихъ свойствъ, отличавшихъ Пушкина, рѣзко выказалось въ цѣлой его жизни то, что французы зовутъ «réligion, culte de l'amitié», религія дружбы, почтеніе къ старымъ привязанностямъ молодыхъ годовъ, уваженіе памяти минувшаго, вѣрность узамъ уже охладѣвшимъ, и иногда, можетъ быть, недостойнымъ, сохраняемая не столько по сердечному влеченію или разумной потребности, сколько по привычной обязанности, одинъ разъ хорошо или дурно сознанной. Такихъ связей онъ имѣлъ очень много, что, кромѣ изустнаго преданія, доказывается еще огромнымъ количествомъ его «посланій». Почему же ни одной изъ нихъ онъ не могъ возвести на ту степень историческаго значенія, которую имѣетъ его дружба съ Чаадаевымъ? Почему даже имена тѣхъ, которые были предметомъ такого рода связей, дѣлаются мало-по-малу неизвѣстными потомству и постепенно предаются забвенію немногими оставшимися современниками [1])?

---

[1]) Религія дружбы была такъ велика въ Пушкинѣ и такъ присуща его существу, что нѣкоторые думали даже объяснить продолжительность его привязанности къ Чаадаеву этимъ чувствомъ, говоря, что иначе невозможно было бы понять столько короткихъ искреннихъ отношеній между людьми, до такой степени противоположными, и убѣжденій совершенно различныхъ. Надобно добавить, что это говорили люди, Чаадаеву не очень доброжелательствовавшіе, и что Пушкинъ не успѣлъ высказать своихъ мыслей по поводу раздражительнаго пренія, Чаадаевымъ возбужденнаго. Очень легко быть можетъ, что своей смѣлой и блистательной инициативой Чаадаевъ еще болѣе поднялся бы и выросъ въ его глазахъ. Поле догадокъ на счетъ того положенія, которое онъ могъ бы принять, широко: если сомнительно, чтобы онъ вполнѣ раздѣлилъ чаадаевскія мнѣнія, то болѣе нежели вѣроятно, что съ частію ихъ онъ бы согласился, а остальное, можетъ быть, и отвергнулъ бы, но все же не иначе какъ съ

Видѣть же въ Чаадаевѣ создателя и воспитателя величайшаго изъ русскихъ писателей, находить, что явленіемъ Пушкина Россія обязана Чаадаеву, значитъ впадать въ ошибку историческаго несмыслія, потому что такой чести одинъ человѣкъ, какой бы онъ ни былъ, никогда и нигдѣ не заслуживалъ и, по счастію, никогда заслужить не въ состояніи. Явленія, подобныя Пушкину, не создаются отдѣльными лицами: ихъ отъ своихъ неизреченныхъ и неисчерпаемыхъ щедротъ даруетъ только Господь Богъ, да творятъ исторія и народы.

Въ чемъ же, наконецъ, спросятъ, состояло существо этой дружеской пріязни? Въ простомъ общеніи двухъ отличныхъ умовъ, своимъ естествомъ и самою природою созданныхъ для этого общенія. Я готовъ согласиться, что оба друга имѣли полное право взаимно гордиться своей связью, но ни подъ какимъ условіемъ и ни въ какомъ случаѣ не могу допустить, чтобы одинъ все далъ другому, не получая ничего въ обмѣнъ, и наоборотъ. Въ данномъ разѣ, не говоря уже про его совершенную физическую невозможность для котораго-нибудь изъ двухъ, а быть можетъ и для обоихъ, дружба была бы унизительною и вмѣсто стройнаго, прекраснаго согласія двухъ изысканныхъ изящныхъ организацій, представила бы собою жалкое зрѣлище игры и страданія самыхъ нехорошихъ страстей, присущихъ человѣку, тщеславія и себялюбія. Таково было всемірно-извѣстное отношеніе Шиллера къ Гёте; никто однакожъ не вздумалъ утверждать, что одинъ изъ нихъ другого создалъ. Конечно, Пушкинъ и Чаадаевъ, Чаадаевъ и Пушкинъ вліяли другъ на друга въ силу столько же обыкновеннаго, такъ сказать простонароднаго, сколько и непреложнаго закона, что «люди людьми живутъ», но изъ этого закона ни для

полною осторожностью и съ уваженіемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступили люди, по духовному закалу наиболѣе Пушкину тожественные, и сверхъ того съ Чаадаевымъ вполнѣ несогласные, убѣжденій діаметрально противоположныхъ, каковы М. Ѳ. Орловъ, А. И. Герценъ, Ив. В. Кирѣевскій и многіе другіе. Страннаго, чтобы не сказать больше, объясненія, что Пушкинъ любилъ и уважалъ Чаадаева по какой-то нравственной обязанности, конечно, никто бы и не сталъ выдумывать, еслибы зналъ или потрудился вспомнить, какія по своему существу были ихъ отношенія. Въ «письмахъ» Пушкина, и къ такимъ лицамъ, которыхъ не было ему причины не уважать, проглядываетъ почасту какое-то ухарство и даже озорство, очевидно заимствованныя и несовсѣмъ шедшія къ его личности, страстной и пламенной, но въ то же время, какъ и всѣ великія натуры, важной, простой, скромной, геніально-застѣнчивой. Ничего подобнаго, во всю его жизнь, нѣтъ ни въ одномъ словѣ, сказанномъ Чаадаеву. Сверхъ того, нѣкоторыхъ изъ своихъ стихотвореній, которыми поэтъ никакой особенной причины не имѣлъ гордиться, хотя они однакоже въ свое время способствовали распространенію его извѣстности въ опредѣленномъ кругѣ, онъ Чаадаеву никогда не сообщалъ, можетъ быть опасаясь его укора и, ужъ навѣрное, находя ихъ недостойными столько дорогого и уважаемаго суда.

кого на свѣтѣ никакихъ особенныхъ и необычайныхъ послѣдствій не вытекаетъ. Перевѣсъ вліянія въ первую эпоху ихъ знакомства былъ, я думаю, на сторонѣ Чаадаева и, можетъ быть, навсегда таковымъ остался какъ по причинѣ превосходства въ годахъ, чарующаго военнаго преданія, правда недавняго еще, но уже успѣвшаго сдѣлаться волшебнымъ и обаятельнымъ, и необыкновенной, даже и для такого человѣка какъ Пушкинъ, обольстительной свѣтскости, такъ и по другому еще поводу. Въ моихъ понятіяхъ Чаадаевъ былъ самый крѣпкій, самый глубокій и самый разнообразный мыслитель, когда-либо произведенный русской землей; Пушкинъ самый великій ея поэтическій геній: свѣтозарный геній поэзіи, довѣрчивый, воспріимчивый, исполненный радости, этой «божественной искры», ясности и веселія, охотно подчиняется величаво-сумрачному генію мысли, пытливому, ничего на вѣру не принимающему, обуреваемому сомнѣніемъ, недовѣріемъ и подозрительностью, обильному путями страданія и скорбнаго мученичества. Впрочемъ, поэтъ, можетъ быть, и не совсѣмъ преднамѣренно, но съ свойственными ему вѣрностью и точностью, намекнулъ на свое тайное чувство и, какъ всегда, мастерски его охарактеризовалъ однимъ словомъ. Въ вышеупомянутомъ «посланіи» онъ говоритъ, съ какимъ удовольствіемъ увидитъ кабинетъ, гдѣ Чаадаевъ:

,......«всегда мудрецъ, а иногда мечтатель» [1]).

Чтобы сдѣлать окончательный выводъ и, такъ сказать, подвести итогъ значенію этой исторической дружбы, я назову ее свѣтлымъ, прекраснымъ эпизодическимъ явленіемъ въ жизни обоихъ, дѣлающимъ величайшую честь и тому и другому, достойнымъ для каждаго изъ нихъ сдѣлаться предметомъ справедливаго, законнаго превозношенія и сладкаго, отраднаго воспоминанія про лучшую пору жизни; но далѣе этого я не могу идти. Эпизодъ, въ художественномъ созданіи, какъ бы прекрасенъ онъ ни былъ, всегда останется только эпизодомъ. Безъ нарушенія изящества цѣлаго онъ можетъ быть выкинутъ или отброшенъ. Пушкинъ и Чаадаевъ, Чаадаевъ и Пушкинъ, еслибы никогда не видали другъ друга и никогда ничего другъ про друга не слыхали, не меньше бы оттого остались значительными и памятными, не меньше были бы честью и гордостью Россіи.

---

[1]) Конечно, бываютъ и весьма часто дружескія отношенія, вовсе не исключающія иногда очень большого другъ къ другу уваженія, основанныя совсѣмъ не на чисто интеллектуальныхъ началахъ, а на другихъ, болѣе суетныхъ и мірскихъ, напримѣръ, на совокупно-веселой и даже разгульной жизни; но про такого рода связь между Пушкинымъ и Чаадаевымъ не можетъ быть и рѣчи.

Такова, мнѣ кажется, была эта связь. Она еще болѣе усилилась и получила новую жизнь отъ одного чисто случайнаго обстоятельства, въ которомъ Чаадаевъ имѣлъ случай и счастье оказать Пушкину важную услугу, не настолько, впрочемъ, значительную, насколько ее преувеличили сначала самъ Пушкинъ, а потомъ съ его голоса и другіе. Уже давно извѣстно, что благодарность—добродѣтель, свойственная только душамъ самымъ возвышеннымъ и, прибавимъ, умамъ самымъ сильнымъ: слишкомъ обременительное и не по силамъ для обыкновенныхъ ежедневныхъ организацій, въ духѣ великомъ и въ умѣ могущественномъ, уже по самому своему существу способнымъ къ преувеличенію, это благородное и изящное чувство экзальтируется иногда до невѣроятной степени и ихъ постоянно питаетъ, возвышая ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ. Чего же удивительнаго, что такъ случилось съ Пушкинымъ, столько богато, разнообразно надѣленномъ счастливыми духовными дарами? Чего же удивительнаго, что въ силѣ и значеніи полученныхъ имъ публичныхъ отъ поэта комплиментовъ никто не сравнялся съ Чаадаевымъ? Чего, наконецъ, удивительнаго, что чувствуя себя обязаннымъ, Пушкинъ не находилъ для Чаадаева никакого изъявленія слишкомъ лестнымъ [1]).

---

[1]) Кромѣ не одинъ разъ цитованнаго «посланія» вотъ еще, напримѣръ, какими стихами Пушкинъ почиталъ Чаадаева:

«Я погибалъ.... святой хранитель
Первоначальныхъ, юныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей,
Ты утолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ,
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!»

Здѣсь я также хочу упомянуть о томъ, что первому знакомству импер. Александра I съ сочиненіями Пушкина способствовалъ Чаадаевъ, и о надписи къ чаадаевскому портрету, Пушкинымъ сдѣланной. Быстро возрастающая извѣстность Пушкина достигла до царскаго слуха. Государь пожелалъ прочитать что-нибудь изъ его произведеній, и для этого обратился къ Васильчикову, который, съ своей стороны, зная близкія отношенія съ поэтомъ своего адъютанта, возложилъ на него исполненіе государевой воли. Для такого почетнаго прочтенія была подвергнута вниманію императора извѣстная пьеса «Деревня» или «Уединеніе», въ которой поэтъ призываетъ только въ царствованіе Александра II приведенное въ исполненіе уничтоженіе крѣпостного права, ту самую, въ которой слѣдующіе стихи:

«Увижу ли когда народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?»

Извѣстенъ отзывъ государя. Говорятъ, будто по прочтеніи онъ сказалъ Васильчикову: «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent».

Знаменитая услуга, въ которой Чаадаевъ «въ минуту гибели» поддержалъ Пушкина «недремлющей рукой надъ потаенной бездной», когда онъ, какъ провидѣніе, его спасъ и окончательно сохранилъ для Россіи, состояла вотъ въ чемъ. Такъ-называемыми возмутительными стихами, которыми, ка́къ извѣстно, такъ богата первая половина поэтической карьеры Пушкина, онъ раздразнилъ противъ себя сильныхъ земли настолько, что уже состоялось повелѣніе удалить его на ссылку въ соловецкій монастырь. Чаадаевъ, свѣдавши про это, не теряя ни минуты бросился къ Карамзину, и притомъ пришлось это въ такой часъ, когда тотъ работалъ надъ своимъ историческимъ трудомъ, когда его никто не смѣлъ безпокоить и никто къ нему не допускался. Чаадаевъ прорвалъ всѣ препятствія и Карамзина увидѣлъ; представилъ ему всѣ возможныя соображенія, по которымъ онъ нравственно обязанъ принять на себя ходатайство за Пушкина передъ государемъ; поставилъ ему на видъ, что даже неблаговидно будетъ для славы самого императора, подвергнуть подобной ссылкѣ и подобному заключенію такой драгоцѣнный залогъ надежды и славы отечества, — и успѣлъ склонить, вѣроятно, и самого по себѣ уже къ тому довольно расположеннаго Карамзина, къ употребленію въ этомъ случаѣ своего ходатайства, своего кредита и своего нравственнаго вліянія. Гражданское мужество Карамзина не подлежитъ никакому сомнѣнію и выше всякихъ подозрѣній: стоитъ только вспомнить его письмо къ государю о польскомъ дѣлѣ и весь образъ его поведенія, по благородству и чистотѣ, можетъ быть не имѣющій себѣ ничего равнаго въ русской исторіи въ отношеніяхъ съ своимъ императоромъ и другомъ, котораго по кончинѣ послѣдняго онъ называетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ «милымъ пріятелемъ». Потомъ, говорятъ, но этого я положительно не знаю, въ дѣло вмѣшался своимъ заступничествомъ графъ Каподистрія. Послѣдствія извѣстны. Пушкинъ вмѣсто соловецкаго монастыря былъ сосланъ въ новороссійскій край, гдѣ употребленъ на службу, потомъ въ деревню, откуда возвращенъ уже въ царствованіе Николая I.

Портретъ, подъ которымъ Пушкинъ сдѣлалъ собственноручную надпись (я никогда не видалъ этого портрета и не знаю, куда онъ дѣвался, но знаю очень хорошую съ него копію), изображаетъ Чаадаева, впослѣдствіи совершенно лысаго, въ великолѣпныхъ каштановыхъ кудряхъ, самихъ собою вьющихся, въ мундирѣ ахтырскаго гусарскаго полка. Вотъ эта надпись, сколько мнѣ помнится, ни разу еще не бывшая напечатанною въ Россіи:

«Онъ вышней волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской:
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ,
А здѣсь онъ — офицеръ гусарской».

Слышалъ я еще, но помѣщаю это здѣсь въ качествѣ не достовѣрно мнѣ извѣстнаго анекдота, будто государь, не знаю черезъ кого, черезъ графа ли Милорадовича, или черезъ Карамзина, приказалъ потребовать отъ Пушкина обѣщанія не писать возмутительныхъ стиховъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣкотораго времени, и что къ выдачѣ обѣщанія склонялъ его Чаадаевъ. Пушкинъ будто бы такое обѣщаніе далъ на одинъ годъ и сдержалъ его твердо. Ровно черезъ годъ онъ прислалъ извѣстное стихотвореніе «Кинжалъ».

Вотъ во всей подробности та услуга, которую Чаадаевъ оказалъ Пушкину и которую впослѣдствіи многіе не запнулись назвать огромною и невознаградимою. Разсматривая ее хладнокровно, безпристрастно, должно признаться, что, дѣлая Чаадаеву величайшую честь, она ему не стоила ни большихъ пожертвованій, ни даже большихъ хлопотъ. Еслибы вмѣсто Карамзина Чаадаевъ, нравственнымъ вліяніемъ на Васильчикова, его заставилъ быть заступникомъ передъ государемъ — я вполнѣ сознаю, что это было бы вовсе не кстати, и гораздо меньше сообразно съ цѣлью,—то, разумѣется, исполненіе дѣла было бы несравненно затруднительнѣе и слѣдовательно заключало бы въ себѣ несравненно болѣе заслуги. Но подвинуть Карамзина, самого писателя, человѣка хорошо понимающаго достоинство и значеніе литературныхъ преступленій, сверхъ того всегда имѣвшаго у государя свободный доступъ и свободную рѣчь, не представляло особой непреодолимости. Можно сказать, что то, что Чаадаевъ сдѣлалъ, онъ былъ обязанъ сдѣлать, и прибавить, что было оно сдѣлано, какъ и все почти, что онъ дѣлалъ, отмѣнно ловко, кстати и вó-время. Да и въ подобномъ случаѣ можно ли было ожидать мéньшаго отъ такого человѣка и отъ такого друга, какъ Чаадаевъ? И еслибы онъ ничего не сдѣлалъ, или сдѣлалъ меньше, не пало ли бы то на него жестокимъ осужденіемъ? Также какъ и про всю цѣлость ихъ дружбы, и про этотъ ея эпизодъ мнѣ приходится сказать, что онъ равно почетенъ для нихъ обоихъ, и едва-ли что можетъ прибавить къ достоинству каждаго.

Наконецъ, что касается до прямыхъ практическихъ результатовъ услуги, то невозможно отрицать, что они достигли очень большой цѣли и были очень велики. Хотя Пушкинъ и не былъ совершенно помилованъ, однакожъ мѣра наказанія понесла коренное и почти всецѣлостное измѣненіе. Говорятъ, что его геній окрѣпъ, возмужалъ, выросъ и вдохновился при видѣ и подъ сѣнью гордыхъ, независимыхъ, дѣвственныхъ кавказскихъ горъ и прекрасныхъ береговъ Тавриды. Я этому не вѣрю. Геніальный человѣкъ извлекаетъ свой геній только изъ глубины сво-

его духа, и его выработываетъ одними своей душой и своимъ сердцемъ, одними силами собственнаго индивидуальнаго существа. Само собою разумѣется, что при этомъ онъ и по своему пользуется окружающей его случайной обстановкой. Да еслибы и правда была, что видъ Кавказа имѣлъ такое дѣйствіе и такое вліяніе на развитіе дарованій Пушкина, то несомнѣнно, что видъ иной природы, съ иными чудесами и обаяніями, видъ сѣдого гнѣвнаго Бѣломорья, сѣверныхъ сіяній и другихъ явленій полунощнаго края не меньше былъ бы вліятеленъ и вдохновителенъ. Природа во всѣхъ странахъ и во всѣхъ поясахъ земного шара одинаково удивительна, одинаково волшебна, одинаково чарующа, вездѣ одинаково питаетъ существо способное читать въ этой непонятной, непостижимой и непритворной книгѣ. Но,—сравнивать ужасы заточенія на пустынномъ непривѣтномъ островѣ, съ почти свободнымъ удаленіемъ въ самыя благодатныя страны Россіи, съ почти пріятнымъ и веселымъ даже, еслибы оно было добровольное, путешествіемъ,—конечно никому не придетъ и въ голову.

Подробный пересказъ о «семеновской исторіи», разумѣется, не можетъ войти въ предѣлы моего предмета. Сверхъ того, для него онъ вовсе и не нуженъ.

Для общаго уразумѣнія дѣла достаточно знать, что солдаты семеновскаго полка отказали въ повиновеніи своему полковому командиру. Извѣстно, что никакихъ другихъ демонстрацій они не дѣлали. Столько же не подлежитъ сомнѣнію, что неповиновеніе солдатъ имѣло источникомъ постоянное неудовольствіе, существовавшее между корпусомъ офицеровъ и полковымъ командиромъ и подстрекательство солдатъ офицерами противъ своего общаго начальника.

Полковой командиръ, какъ извѣстно, былъ назначенъ самимъ государемъ и состоялъ подъ особеннымъ его покровительствомъ. За нѣсколько времени до окончательнаго обнаруженія безпорядка, офицеры приходили къ полковому командиру изъявить ему свое нежеланіе служить съ нимъ и просить его полкъ оставить, что онъ имъ-было и обѣщалъ, но чего однакоже не исполнилъ.

Понятно, что мнѣ ни на минуту не можетъ войти въ голову мысль судить, правы или виноваты, и если виноваты, то насколько именно были офицеры: но мнѣ необходимо установить фактъ, что солдатъ противъ полкового командира они возбуждали.

Покойникъ Якушкинъ, по возвращеніи изъ Сибири, переска-

зывалъ мнѣ лично, что съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ существуютъ арміи, никогда и нигдѣ не было во всѣхъ отношеніяхъ полка болѣе прекраснаго, какъ семеновскій въ это время; и, что тѣмъ неоспоримо были обязаны стараніямъ, глубокому, гуманному чувству, преданности къ долгу и самоотверженію офицеровъ. При всемъ почтеніи къ едва не замогильнымъ словамъ этого человѣка, очень мудрено понять превосходство такого полка, въ которомъ корпусъ офицеровъ, состоя въ самыхъ нехорошихъ и натянутыхъ отношеніяхъ съ полковымъ командиромъ, озабочивается въ такія же съ нимъ поставить и солдатъ. Впрочемъ, административныя и политическія соображенія иногда бываютъ настолько непонятны и спутаны, побудительныя причины дѣйствій настолько разнообразны, тайныя пружины настолько невидимы, что не зная твердо и хорошо общей цѣлости подробностей, нѣтъ никакой возможности составить себѣ объ нихъ яснаго, опредѣленнаго понятія. Въ исторіи бывали примѣры такихъ неизъяснимостей, и притомъ въ размѣрахъ несравненно болѣе обширныхъ.

Чаадаевъ очень часто мнѣ сказывалъ, что Васильчиковъ и другіе генералы, уговаривавшіе солдатъ, могли бы достигнуть цѣли, еслибы взялись за дѣло способнѣе и свѣдущѣе. Онъ сказывалъ, что ѣхавши на мѣсто съ Васильчиковымъ, говорилъ ему въ каретѣ: «Général, pour que le soldat soit ému, il lui faut parler sa langue», на что получилъ въ отвѣтъ: «soyez tranquille, mon cher, la langue du soldat m'est familière, j'ai servi à l'avant-garde», и, что потомъ черезъ часъ спустя, когда дѣло дошло до уговариванья, тотъ же Васильчиковъ и бывшіе тутъ генералы, порывами неумѣстнаго гнѣва и языкомъ солдату непонятнымъ, только дѣло испортили и солдатъ пуще раздразнили.

Этотъ маленькій случай я выдаю за то единственно, чего онъ стòитъ. Чаадаевъ во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни очень любилъ утверждать, что дѣло тѣмъ испортили, что его не спросились или не послушались, и весьма охотно всякаго рода чужія неудачи приписывалъ одной только неспособности исполнителей. Такъ, впослѣдствіи, утверждалъ, что живи онъ въ Петербургѣ во время предсмертной дуэли Пушкина, Пушкинъ никогда бы не дрался, а слѣдовательно и избѣгнулъ бы не самой лучшей изъ страницъ въ своей жизни, и имъ, Чаадаевымъ, вторично бы былъ спасенъ для Россіи.

Какъ бы то ни было, когда дѣло окончательно разъяснилось и когда пріобрѣтена была увѣренность, что солдаты отъ послушанія положительно отказываются, съ ними были приняты мѣры,

до моего разсказа не касающіяся, а государя, въ то время въ Петербургѣ не находившагося, надобно было увѣдомить.

Государь, какъ извѣстно, находился на конгрессѣ въ Троппау.

Васильчиковъ съ донесеніемъ къ государю отправилъ туда Чаадаева, несмотря на то, что Чаадаевъ былъ младшій адъютантъ и что ѣхать слѣдовало бы старшему [1]).

Чаадаевъ, отправляясь въ Троппау, получилъ инструкціи, разумѣется, отъ Васильчикова, и, сверхъ того, еще отъ графа Милорадовича, бывшаго тогда петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Послѣ свиданія съ государемъ, по возвращеніи изъ Троппау въ Петербургъ, Чаадаевъ очень скоро подалъ въ отставку и вышелъ изъ службы.

Причина такой неожиданной непріятной развязки была будто бы та, что сначала Чаадаевъ, безъ нужды мѣшкая въ дорогѣ, пріѣздомъ въ Троппау опоздалъ. Австрійскій курьеръ, отправившійся къ князю Меттерниху, выѣхалъ изъ Петербурга въ одно съ нимъ время и поспѣлъ прежде. Извѣстіе о «семеновской исторіи» австрійскій министръ узналъ прежде русскаго императора. Этого мало. Въ день пріѣзда своего курьера князь Меттернихъ обѣдалъ вмѣстѣ съ государемъ, и на его слова, что «въ Россіи все покойно», довольно рѣзко возразилъ ничего незнавшему императору: «excepté une révolte dans un des régiments de la garde impériale». Наконецъ, будто бы и послѣ всего этого Чаадаевъ очень долго не являлся, занимаясь омовеніями, притираньями и переодѣваньемъ въ близь лежащей гостинницѣ. Раздраженный государь только-что его завидѣлъ, вошелъ въ большой гнѣвъ, кричалъ, сердился, наговорилъ ему пропасть непріятностей, прогналъ его, и обиженный Чаадаевъ потребовалъ отставки.

Эту сказку, въ продолженіе довольно длиннаго времени, очень, впрочемъ, укоренившуюся и бывшую въ большомъ ходу, опровергать собственно не стóитъ. Чаадаевъ не опаздывалъ, австрійскій курьеръ прежде его не пріѣзжалъ, да еслибы и пріѣхалъ и увѣдомилъ князя Меттерниха, то есть ли какая-нибудь возможность предположить, чтобы столько искусный и осторожной дипломатъ не догадался смолчать до времени про непріятное извѣстіе? Возможно ли себѣ представить, чтобы онъ позволилъ себѣ за столомъ, публично, сказать родъ дерзости импера-

---

[1]) Кромѣ его было еще нѣсколько лицъ, которыхъ можно бы было, и даже слѣдовало послать прежде Чаадаева. Но Васильчиковъ предпочелъ его.

тору Александру? О томъ же, что Чаадаевъ еще замѣшкался, убираясь и одѣваясь, нельзя по моему и говорить серьезно. Надобно быть глупцомъ, чтобы будучи посланнымъ съ важнымъ донесеніемъ къ императорскому величеству, вмѣсто того, чтобы по прибытіи на мѣсто, какъ можно скорѣе спѣшить къ государю, начать одѣваться и чиститься.

Всего вѣроятнѣе, что вся эта нелѣпица придумана и распространена, довольно впрочемъ неискусно, самимъ Чаадаевымъ затѣмъ, чтобы по возможности скрыть грозную для него истину: по счастію, правда—такого рода демонъ, совершенное заклинаніе котораго никогда еще не было и никогда не будетъ вполнѣ возможнымъ.

Постараюсь возстановить событія, какъ они были.

Чаадаевъ прибылъ въ Троппау между двумя и тремя часами по полудни, прямо на квартиру военно-походной государевой канцеляріи. Государь сію же минуту былъ извѣщенъ о пріѣздѣ изъ Петербурга курьера, объ его имени, о томъ, какое донесеніе онъ привезъ, и сію же минуту послѣдовало повелѣніе курьеру явиться къ императору въ шестомъ часу вечера и быть во фракѣ [1]). Импер. Александръ дѣйствительно въ тотъ день сбирался куда-то обѣдать, гдѣ долженъ былъ встрѣтить князя Меттерниха, и нѣтъ ничего мудренаго, что государь и министръ о случившемся въ Петербургѣ между собою поминали.

Когда около пяти часовъ Чаадаевъ пришелъ къ государю, императора еще не было дома. Какъ только онъ воротился, Чаадаевъ былъ немедленно принятъ.

Про это свиданіе мнѣ извѣстно только то, что оно продолжалось немного болѣе часа и происходило въ большой длинной и узкой комнатѣ, по серединѣ которой стоялъ столъ, заваленный бумагами и имѣвшій на себѣ въ подсвѣчникахъ шесть зажженыхъ восковыхъ свѣчей; что государь былъ одѣтъ въ черной статской шалоновой сертукъ, на всѣ пуговицы до верха застегнутый; что сначала разговора государь заплакалъ [2]), выражая, сколько ему прискорбно несчастіе, случившееся въ семеновскомъ полку, который всегда такъ любилъ, въ которомъ самъ началъ службу и синій воротникъ котораго такъ долго носилъ; что, въ продолженіе разговора государь съ неудовольствіемъ отозвался

---

[1]) При Чаадаевѣ фрака не было. Въ то время не существовало еще того огромнаго количества всякаго рода готоваго платья, котораго теперь въ Европѣ вездѣ такое изобиліе. Поэтому, идти къ государю Чаадаевъ надѣлъ фракъ своего камердинера.

[2]) Извѣстно, что императоръ Александръ I-й легко плакалъ.

о ланкастерскихъ школахъ Греча, говоря, что то, что онъ про нихъ думаетъ, онъ «и сказать не смѣетъ» [1]); что нѣсколько разъ въ комнату входилъ и изъ нея выходилъ, не принимая въ бесѣдѣ никакого участія, князь Петръ Михайловичъ Волконскій; — и что, наконецъ, государь заключилъ словами: — «ну, ступай себѣ съ Богомъ; поѣзжай домой: теперь мы будемъ служить вмѣстѣ». Затѣмъ въ комнату былъ позванъ князь Волконскій, которому послѣдовало приказаніе отправить курьера назадъ и выдать на дорогу денегъ. «Когда же, государь, прикажете ему ѣхать?» спросилъ князь Волконскій, «не завтра-ли?» «Чтожъ, ты его уморить хочешь?» отвѣчалъ Александръ, «пускай отдохнетъ». Это были послѣднія слова императора, послѣ которыхъ Чаадаевъ удалился.

Говорятъ, будто въ приказахъ уже стояло назначеніе Чаадаева въ флигель-адъютанты; но такъ какъ я самъ этого не видалъ, то и утверждать того не смѣю.

Какая же была причина его прошенія объ увольненіи отъ службы?

По возвращеніи его въ Петербургъ, чуть ли не по всему гвардейскому корпусу послѣдовалъ противъ него всеобщій мгновенный взрывъ неудовольствія, для чего онъ принялъ на себя поѣздку въ Троппау и донесеніе государю о «семеновской исторіи». «Ему—говорили—не только не слѣдовало ѣхать, не только не слѣдовало на поѣздку набиваться, но должно было ее всячески отъ себя отклонить, принимая въ соображеніе самыя уважительныя причины, собственную свою службу въ семеновскомъ полку, бывшее товарищество со всѣми почти офицерами, и неминуемыя болѣе или менѣе непріятныя послѣдствія, болѣе или менѣе тяжелыя наказанія, каждаго изъ нихъ ожидающія. Ѣхать было бы и безъ него кому. Не довольствуясь вовсе ему не подобавшей, совсѣмъ для него неприличной поѣздкой, онъ сдѣлалъ еще больше и хуже: онъ поѣхалъ съ тайными приказаніями, съ секретными инструкціями представить дѣло государю въ такомъ видѣ, чтобы правыми казались командиръ гвардейскаго корпуса и полковой командиръ, а вина всею тяжестію пала на корпусъ офицеровъ. Стало быть, изъ честолюбія, изъ желанія поскорѣе быть государевымъ адъютантомъ, онъ, безъ всякой другой нужды, рѣшился совершить два преступленія, сначала извращая истину, представляя однихъ болѣе правыми, другихъ болѣе виноватыми, нежели они были, а потомъ и измѣну противъ бывшихъ това-

[1]) «Я про нихъ думаю.... я про нихъ думаю.... что я про нихъ думаю, я и сказать не смѣю».

рищей. Вдобавокъ и поведеніе его въ этомъ случаѣ было самое безразсудное: этимъ, почти доносомъ, онъ кидалъ нехорошую тѣнь на свою до сихъ поръ безукоризненную репутацію, а получить за него могъ только флигель-адъютантство, которое отъ него, при его извѣстности и отличіяхъ, и безъ того бы не ушло».

Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, общественное неудовольствіе, подкрѣпленное завистниками и недоброжелателями, сдѣлалось чрезвычайно преувеличено и высказывалось гораздо громче, нежели слѣдовало.

Теперь, когда прошло болѣе сорока годовъ послѣ этого плачевнаго случая, обязанность біографа Чаадаева состоитъ въ томъ, чтобы справедливо опредѣлить степень его виновности, потому что оправдать его вполнѣ я не вижу никакой, ни нравственной, ни физической возможности.

Пробовали изъяснить его поѣздку простымъ исполненіемъ служебнаго долга, не знающаго и обязаннаго не знать никакихъ соображеній товарищества и военнаго братства. Не говоря про то, что дѣйствія такого рода, которыми, по несчастію, изобилуетъ исторія, всегда представляли чрезвычайную трудность для обсужденія, можно, я думаю, признать подобное изъясненіе ниже критики, желающимъ не рѣшить, а обойти вопросъ, лицемѣрнымъ и, смѣю сказать, недостойнымъ памяти самого Чаадаева, дѣятеля, какъ увидимъ, далеко не безупречнаго, но чистаго и сознаніемъ исполненнаго.

Утверждали еще, будто Чаадаевъ поѣхалъ въ Троппау не ожидая вознагражденій и не имѣя возможности ихъ ожидать, такъ какъ за непріятныя извѣстія никогда никого не награждаютъ. Это утвержденіе смѣшно и исполнено, надо сказать, самаго простодушнаго притворства. Неоспоримо, что сообщеніе непріятныхъ извѣстій, само по себѣ, по своему существу весьма прискорбно, и передавать извѣстія веселыя гораздо забавнѣе. Это сомнѣнію не подлежитъ. Но чтобы за горькія извѣстія награжденій никогда не получали, чтобы ихъ сообщеніе никогда не бывало лестнымъ для посылаемыхъ и, наконецъ, чтобы почти всегда не было оно безъ всякаго сравненія важнѣе сообщенія счастливыхъ вѣстей, этого также, безъ сомнѣнія, никто оспаривать не станетъ. Полковникъ Мишо, передающій Александру I страшную, громовую, раздирающую вѣсть о занятіи Москвы французами; герцогъ рагузскій, повѣствующій Наполеону про славную защиту отданнаго имъ Парижа, — не согласились бы, конечно, вырвать подобныхъ страницъ изъ своего существованія.

Въ моихъ понятіяхъ Чаадаеву положительно и безусловно,

чисто и просто слѣдовало отъ поѣздки въ Троппау и отъ донесенія государю отказаться. На его мѣсто нашлись бы десятки другихъ, которые бы дѣло исполнили нисколько его не хуже, и которые, сверхъ того, не могли бы имѣть тѣхъ причинъ, какія имѣлъ онъ, его на себя не принимать. Что вмѣсто того, чтобы отъ поѣздки отказываться, онъ ее искалъ и добивался, для меня также не подлежитъ сомнѣнію. Въ этомъ несчастномъ случаѣ онъ уступилъ ему прирожденной слабости непомѣрнаго тщеславія: я не думаю, чтобы при отъѣздѣ его изъ Петербурга передъ его воображеніемъ блистали флигель-адъютантскіе вензеля на эполетахъ столько, сколько сверкало очарованіе близкаго отношенія, короткаго разговора, тѣснаго сближенія съ императоромъ. Когда онъ разъ уступилъ побужденію малодушному, ни въ какомъ случаѣ неизвинительному, все дальнѣйшее его поведеніе естественно и неминуемо должно было нести на себѣ слѣды шаткости, нетвердости, безхарактерности, отсутствія яснаго пониманья и вѣрной поступи.

Обвиненіе, что онъ поѣхалъ съ тайно обдуманнымъ намѣреніемъ и съ секретными инструкціями представить дѣло не такъ, какъ оно было, и обвинить офицеровъ, съ него должно быть совершенно снято. Въ немъ онъ долженъ быть вполнѣ оправданъ. «Такой гадкой коммиссіи онъ бы на себя не принялъ»,—говорилъ мнѣ недавно его строгій, правосудный и много любившій его братъ. Я самъ настолько зналъ Чаадаева, чтобы вполнѣ раздѣлять это мнѣніе и вполнѣ быть въ томъ увѣреннымъ. Къ такой низкой измѣнѣ, къ такому черному злодѣйству, презрѣнно обдуманному и хладнокровно совершаемому, онъ былъ положительно неспособенъ.

Но отъ этого для него не легче. Надобно быть лишеннымъ всякаго познанія человѣческаго сердца, чтобы не догадаться, что Чаадаевъ, становясь передателемъ государю огорчительнаго извѣстія про «семеновскую исторію», естественнымъ образомъ становилъ себя въ чрезвычайно опасное положеніе,—въ неизбѣжное желаніе его передать въ томъ видѣ, въ которомъ оно императора наименѣе могло огорчить: будучи посланнымъ отъ корпуснаго командира, при которомъ находился адъютантомъ, для него сдѣлалось совершенно невозможнымъ, и внѣ всякаго приличія,—не радѣть пуще всего о своемъ начальникѣ, не беречь преимущественно передъ всѣмъ остальнымъ своего генерала. Послѣдствія такого соображенія болѣе нежели очевидны. Полковой командиръ пользовался особеннымъ расположеніемъ государя; еслибы онъ сталъ особенно напирать и особенно указывать на его виновность, скорбѣло бы нравственное чувство императора и не

одобрялся бы собственный его выборъ: корпусный командиръ былъ «свой» человѣкъ; отъ него посланному было немыслимо не желать изобразить его въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ. По самому существу дѣла, виноватый былъ однакоже необходимъ. Обвинить однихъ солдатъ и думать нечего: ими кто-нибудь да руководилъ же. Оставались офицеры.... И Чаадаевъ, нечувствительно, непреднамѣренно, самъ того не зная, по неумолимой логической необходимости, внезапно увидѣлъ себя замкнутымъ въ безвыходномъ, заколдованномъ кругѣ, въ состояніи трагическомъ и роковомъ...

Такимъ образомъ, сами собою падаютъ предположенія о тайныхъ инструкціяхъ и секретныхъ предписаніяхъ. Да и къ чему они были, когда и безъ нихъ все простымъ, естественнымъ теченіемъ должно было совершиться? Развѣ порядочные люди другимъ порядочнымъ людямъ даютъ подобныя инструкціи? Развѣ не избѣгаютъ они ихъ пуще всего на свѣтѣ? Развѣ благоразумные и дѣло понимающіе люди не знаютъ, что выдавъ и получивъ ихъ разъ, они послѣ не могутъ не краснѣя смотрѣть другъ на друга, и на вѣчныя времена остаются другъ съ другомъ связанными узами безпощадной, неразрывающейся совокупности проступка, злодѣйства или преступленія, которая часто ихъ и переживаетъ? Развѣ на свѣтѣ не бываетъ краснорѣчивыхъ и многоговорящихъ умолчаній? Развѣ съ тѣхъ поръ, какъ есть на землѣ политическія и административныя соображенія, какъ существуютъ начальники и подчиненные, первые не приказываютъ меньше, нежели чего бы хотѣлось, вторые не исполняютъ больше, нежели что предписано? Развѣ предписываютъ измѣну? Развѣ повелѣваютъ убійство? Развѣ, наконецъ, не споконъ вѣка извѣстно, что единственное средство къ избѣжанію подобныхъ нареканій состоитъ въ одномъ только непринятіи на себя тѣхъ скользкихъ, соблазнительныхъ исполненій, гдѣ бываютъ шаги невольные, неизбѣжные и неумолимые?

Почти достовѣрно, что серьезная сущность и самая занимательная, любопытная часть разговора, который Чаадаевъ имѣлъ съ государемъ, навсегда останутся неизвѣстными, и это неоспоримо доказываетъ, что въ немъ было что-то такое, чего пересказывать Чаадаевъ вовсе не имѣлъ охоты. Изъ моего повѣствованія видѣли, что про это свиданіе мнѣ извѣстна только самая пустая, самая мелочная его сторона, такъ сказать, его наружная обстановка. Не безъ причины же хранилъ столько продолжительное, долговременное и упорное молчаніе передо мной объ одномъ изъ самыхъ интересныхъ и самыхъ значительныхъ случаевъ изъ своей жизни Чаадаевъ, въ продолженіе двадцати го-

довъ ничего отъ меня не скрывавшій, всегда находившій необходимую потребность мнѣ довѣрять крохотныя подробности ежедневнаго времяпровожденія точно также, какъ и самыя важныя и сокровенныя свои тайны. Не безъ причины же никогда не могъ я отъ него узнать ясно, обстоятельно и отчетливо настоящаго повода его отставки [1]). Да и по какому случаю, зачѣмъ и для чего его разговоръ съ государемъ продолжался такъ долго? Очевидно, что этого бы случиться не могло, еслибы онъ не заключалъ въ себѣ какихъ-нибудь особенныхъ сообщеній. Что такое могъ такъ длинно говорить гвардейскій ротмистръ со всероссійскимъ императоромъ? И съ какимъ императоромъ? Съ тѣмъ, предъ чьимъ счастьемъ померкла звѣзда одного изъ самыхъ великихъ людей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, съ тѣмъ, который поднялся на самую высокую изъ вершинъ человѣческаго величія, дальше которой ничего уже нѣтъ, и на которую ни послѣ, ни прежде его властелинъ Россіи никогда не возносился.

Мнѣніе порицателей Чаадаева о безразсудствѣ его поведенія въ данномъ случаѣ вполнѣ вѣрно и не допускаетъ никакого противорѣчія. Его нетерпѣніе измѣняло его честолюбію, и въ безчисленный разъ доказывало старую истину, ненужность, а часто и вредъ всего несовсѣмъ честнаго и даже просто двусмысленнаго. Флигель-адъютантство ни въ какомъ случаѣ не могло бы его миновать при той степени замѣтности, на которой находилась его особа, и при несомнѣнномъ, кажется, къ тому желаніи самого государя. Мало того, поѣздкой въ Троппау видоизмѣнялась его репутація. Гордый, свободный, независимый, и въ глазахъ начальства, и въ глазахъ товарищества ничѣмъ незапятнанный, онъ терялъ свое очарованіе. На немъ ложилась укоризна. Въ глазахъ того и другого съ него срывалась его нравственная неприкосновенность: онъ превращался въ обыкновенное орудіе вышепоставленныхъ, лишившееся собственнаго голоса и самостоятельнаго мнѣнія, въ такое, съ которымъ особенно церемониться нечего, которому можно давать и которое на себя принимаетъ какія угодно порученія.

Разъ ставши на такомъ роковомъ склонѣ, ему больше ничего не оставалось дѣлать, какъ очертя голову и закрывши глаза по нему катиться, хотя бы до самыхъ плачевныхъ паде-

---

[1]) Одинъ разъ я, какъ-то совершенно для него неожиданно, спросилъ у Чаадаева, «для чего онъ вышелъ въ отставку, послѣ словъ государя: теперь мы станемъ служить вмѣстѣ»? Онъ отвѣчалъ очень скоро и рѣзко, сь замѣтнымъ неудовольствіемъ: «стало быть, мнѣ такъ надо было».

ній, хотя бы до шпіонства и высматриванья,—или великимъ пожертвованіемъ, геройскимъ усиліемъ опять отвоевать прежнее положеніе.

Людей, вó-время умѣющихъ поправлять ошибку, не исправляющихъ глупости дурачествомъ, а проступка преступленіемъ, безъ различія, въ какой бы высокой или низкой сферѣ ни вращалась ихъ дѣятельность, я, не затрудняясь, считаю геніальными и великими.

Чаадаевъ осмѣлился окинуть и измѣрить свое положеніе, и разомъ увидѣлъ и постигнулъ весь его ужасъ. Пренебрегая всякаго рода соображеніями, не взирая на неудовольствіе государя[1]), безъ какой бы то ни было заботы о будущности, онъ рѣшился пожертвовать обольщеніями столько обѣщавшей его честолюбію служебной карьеры попеченію о сохраненіи добраго имени, уваженія своего и другихъ: онъ оставилъ службу. На его отставку не запинаясь слѣдуетъ смотрѣть, какъ на усиліе истинной добродѣтели и какъ на исполненное славы искупленіе великой ошибки.

М. Жихаревъ.

---

[1]) Государь былъ крайне удивленъ и крайне недоволенъ его отставкой. Онъ даже присылалъ отъ себя очень значительное лицо спросить, «для чего онъ выходитъ, и если чѣмъ недоволенъ или въ чемъ имѣетъ нужду, такъ чтобы сказалъ. Коли, напримѣръ, нужны ему деньги,» то государь приказалъ ему передать, «что онъ самъ лично готовъ ими снабдить». Когда же Чаадаевъ отвѣчалъ, что «кромѣ отставки ничего не желаетъ и ни въ чемъ не нуждается», государь не далъ ему мундира и чина полковника, при увольненіи ему слѣдовавшихъ. Не помню что-то, жалѣлъ ли Чаадаевъ объ мундирѣ, но объ чинѣ имѣлъ довольно смѣшную слабость горевать до конца жизни, утверждая, что очень хорошо быть полковникомъ, потому, дескать, что «полковникъ—un grade fort sonore».

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИЗЪ ЖИЗНИ

И

СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ.

I.

Нѣтъ сомнѣнія, что наша литература не выражаетъ, да и не можетъ выражать всѣхъ потребностей нашего общества; есть цѣлый рядъ предметовъ, болѣе или менѣе существенныхъ, составляющихъ необходимую принадлежность цивилизованнаго европейскаго міра, которыхъ публицистика можетъ касаться только слегка, вскользь; есть, точно также, множество явленій самыхъ ненормальныхъ, которыя наша литература, поставленная далеко не въ выгодныя условія, по необходимости вынуждена обходить. Оттого-то наша литература еще далеко не обрисовываетъ всей нашей общественной жизни, и тотъ, кто захотѣлъ бы составить себѣ полную картину этой жизни, долженъ, по необходимости, искать недостающихъ чертъ, отсутствующихъ тѣней въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ, можетъ быть, рисуются грубо и аляповато, но за то ярко и живо. Такимъ мѣстомъ, гдѣ нерѣдко можно подсмотрѣть цѣлые отрывки изъ общей картины русской жизни служитъ, въ послѣднее время, судъ, и потому было бы непростительно время отъ времени не пользоваться этими отрывками, не соединять ихъ въ нѣчто цѣлое для того, чтобы знакомиться съ тѣми вопросами и потребностями, которыхъ литература касалась только рѣдко и неполно. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи судебныя

дѣла имѣютъ еще ту важность, что въ нихъ всевозможныя явленія представляются открытыми съ разныхъ сторонъ, что эти явленія нельзя уже отрицать, какъ выдуманныя, а не вышедшія прямо изъ дѣйствительности, и наконецъ, что явленія эти передаются совершенно самостоятельно, безъ всякихъ предвзятыхъ идей и взглядовъ.

Желая сообщать по временамъ изъ судебной практики нѣкоторые изъ такихъ вопросовъ и картинъ нашей жизни, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, бывали мало доступны и недостаточно извѣстны нашей литературѣ, на первый разъ обратимся къ дѣламъ рабочаго класса.

Всякому болѣе или менѣе извѣстно, до какой степени бѣдно, неразвито, безграмотно и, вслѣдствіе того, безпомощно наше рабочее населеніе. Но, къ сожалѣнію, все это извѣстно больше по наслышкѣ и по личнымъ отрывочнымъ наблюденіямъ. Въ литературѣ, кромѣ нѣсколькихъ, разсѣянныхъ въ журналахъ, статей, найдется немного данныхъ о положеніи нашихъ рабочихъ. За послѣднее время, кромѣ книги г. Флеровскаго «Положеніе рабочаго класса въ Россіи», нельзя указать ни одного сочиненія, въ которомъ бы сколько-нибудь полно и вѣрно обрисовывалась жизнь рабочаго, его отношенія къ хозяину, фабриканту и нанимателю, условія его быта. Странно сказать, что для такого знакомства съ русскимъ рабочимъ людомъ легче найти матеріалы въ литературѣ иностранной, нежели отечественной. Въ западной Европѣ, гдѣ положеніе рабочаго класса совершенно иное, нежели у насъ, гдѣ существуетъ цѣлая богатая литература по рабочему вопросу, въ европейскомъ его смыслѣ, уже давно обратили вниманіе и на русское рабочее населеніе, и время отъ времени сообщаютъ собранныя на мѣстѣ свѣдѣнія и данныя по этому предмету. Такъ, не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго года, вышло въ Англіи сочиненіе Кесберта Джонсона о положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Англіи, Россіи, Пруссіи и Голландіи. Извлеченіе изъ этого сочиненія было помѣщено въ «Mark-Lane Express», въ видѣ небольшой замѣтки, которая и была переведена въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ «Сельское хозяйство и лѣсоводство»[1]). Такимъ образомъ выходитъ, что даже оффиціальный органъ министерства принужденъ пользоваться иностранными матеріалами для ознакомленія русской публики съ русскимъ рабочимъ населеніемъ. Изъ этой небольшой статьи можно видѣть, съ какимъ тщаніемъ и добросовѣстностью собираютъ иност-

[1]) «Сельское хозяйство и лѣсоводство», 1870, декабрь.

ранцы свѣдѣнія о предметѣ, который для нихъ, конечно, менѣе важенъ и интересенъ, нежели для насъ. Главнымъ матеріаломъ для сочиненія Джонсона служили отчеты англійскихъ посланниковъ и консуловъ, въ которыхъ самымъ подробнымъ образомъ собрано все, дающее понятіе о жизни русскаго крестьянина и его питаніи. Въ послѣднемъ отношеніи поражаетъ, до какой степени мало питательна пища нашего рабочаго, особенно если сравнить ее съ тѣмъ, что потребляетъ въ пищу не только крестьянинъ голландскій, котораго положеніе Джонсонъ считаетъ наилучшимъ, но даже и англійскій сельскій рабочій, положеніе котораго авторъ считаетъ крайне неудовлетворительнымъ. Конечно, говоря о непитательности пищи русскаго крестьянина и объясняя это не только его бѣдностью, «но и церковными правилами о постахъ, запрещающими въ теченіе 210 дней въ году употреблять мясную пищу», англійскій писатель не могъ имѣть въ виду, что́ иногда способны ѣсть русскіе рабочіе люди не гдѣ-нибудь въ захолустьѣ въ голодный годъ, а въ Петербургѣ, въ обыкновенное время.

У петербургскаго мирового судьи 23-го участка, въ ноябрѣ минувшаго года, разбиралось дѣло по обвиненію купца Егорова за дурное помѣщеніе и пищу рабочихъ на его фабрикѣ. Въ этомъ дѣлѣ врачебно-полицейскій протоколъ удостовѣрилъ, что 12 человѣкъ рабочихъ кожевеннаго завода Егорова употребляютъ въ пищу соскобленную съ сырыхъ кожъ мездру и жирныя частицы вмѣстѣ съ обрѣзками кожъ, привозимыхъ на заводъ для выдѣлки и снимаемыхъ съ убитаго или палаго, нерѣдко и отъ заразительной болѣзни, скота. Такая отвратительная снѣдь сильно прожаривалась на противнѣ, на которомъ частный врачъ и видѣлъ недоѣденный еще остатокъ ея. Остатокъ этотъ представлялъ, по его описанію, грязную черную массу, съ застывшимъ слоемъ темнаго жира на верху, состоявшую изъ сала, ушныхъ хрящей, кусковъ кожи съ уцѣлѣвшими на нихъ волосами, изъ сору и мочалъ; присутствіе сора и мочалъ объяснялось тѣмъ, что сырыя кожи валяются по землѣ и грязнымъ поламъ. Употребленіе въ пищу подобныхъ обрѣзковъ на заводѣ Егорова было уже замѣчено и прежде. Врачъ предварялъ хозяина о недозволеніи рабочимъ питаться ими; но Егоровъ не обратилъ вниманія на такое предвареніе, и за это, также, какъ и за весьма неопрятное, сырое и холодное помѣщеніе для рабочихъ, приговоренъ мировымъ судьею къ денежному штрафу въ 50 рублей.

Случая, однороднаго съ настоящимъ, въ нашей судебной практикѣ мы не знаемъ, хотя и думаемъ, что онъ не исклю-

чительный; за то нерѣдко повторяются жалобы рабочихъ на дурную пищу и протоколы полиціи, преимущественно петербургской, о дурномъ и вредномъ помѣщеніи рабочихъ. На дурное помѣщеніе рабочіе сами рѣдко жалуются суду потому, что по большей части не понимаютъ происходящаго отъ того вреда. Но какъ дѣйствуетъ на человѣка свѣжаго, иностранца, обыкновенное помѣщеніе нашихъ рабочихъ, объ этомъ можно судить по показанію англійскаго консула Митчеля у петербургскаго мирового судьи 22 участка при разборѣ у него, въ минувшемъ маѣ мѣсяцѣ, дѣла по гражданскому иску англійскихъ рабочихъ съ заводчика Бабушкина, въ которомъ имъ было отказано.

Англійскій консулъ говорилъ на судѣ, что англійскіе рабочіе жаловались ему, осенью прошлаго года, на помѣщеніе для нихъ отведенное, благопріятствовавшее, по ихъ словамъ, холерной эпидеміи, отъ которой двое изъ рабочихъ и умерло. Консулъ отправился тогда въ квартиру рабочихъ и увидѣлъ, что она состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ и кухни; въ ней помѣщалось около 30 человѣкъ. Умершій въ тоже утро отъ холеры рабочій лежалъ еще въ одной изъ комнатъ, въ которой рабочіе завтракали, обѣдали и ужинали. Консулъ нашелъ помѣщеніе рабочихъ «не только непристойнымъ, но даже вреднымъ для ихъ здоровья». Ходъ былъ мимо помойной ямы; подъ этимъ помѣщеніемъ было помѣщеніе для русскихъ рабочихъ, распространявшее также зловоніе. Рабочіе жаловались, что Бабушкинъ оставляетъ ихъ безъ медицинской помощи, и боясь холеры хотѣли оставить заводъ. Но консулъ убѣждалъ рабочихъ покориться и терпѣть, «такъ какъ они здѣсь не могутъ ожидать, чтобы помѣщеніе ихъ было такое же, какъ въ Англіи, гдѣ они привыкли жить съ бо́льшимъ комфортомъ»; онъ ихъ уговаривалъ также не оставлять заводъ, такъ какъ это будетъ стачка, а стачки въ Россіи запрещены закономъ.

Англійскій консулъ, конечно, правъ, уговаривая своихъ соотечественниковъ «покориться и потерпѣть», такъ какъ они здѣсь не могутъ требовать тѣхъ необходимыхъ удобствъ, которыя даются англійскому рабочему въ его отечествѣ. Но отчего же явились въ Англіи эти удобства, о которыхъ у насъ и понятія еще не имѣютъ? Безспорно, что этому значительно содѣйствовала бо́льшая развитость, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, самого рабочаго населенія; но главнымъ образомъ это объясняется простымъ, прямымъ взглядомъ англичанъ на отношеніе рабочаго къ нанимателю.

Каноникъ Гирдельстонъ, въ своемъ докладѣ о рабочихъ, обсуждавшемся недавно въ девонширской палатѣ земледѣлія,

говоритъ: «У многихъ изъ насъ есть болѣе или менѣе хорошія лошади, и мы конечно желаемъ, чтобы онѣ хорошо работали. Но для обезпеченія этого одно изъ первыхъ условій составляетъ хорошее стойло. Никто изъ насъ конечно не будетъ держать своихъ лошадей въ холодныхъ или дурныхъ, низкихъ или тѣсныхъ стойлахъ и т. п., даже не изъ видовъ сострадания къ животнымъ, а просто изъ соблюденія своихъ выгодъ. По меньшей мѣрѣ точно также должны мы заботиться и о рабочемъ. Помимо христіанскихъ побужденій и чувства гуманности, наши собственныя выгоды должны бы насъ заставлять заботиться о здоровомъ и удобномъ помѣщеніи для нашихъ рабочихъ».

Такой, можетъ быть, слишкомъ матеріальный, но за то, безспорно, практическій взглядъ англичанъ и объясняетъ появленіе въ англійскомъ законодательствѣ цѣлаго ряда постановленій, ограждающихъ здоровье и жизнь рабочихъ — постановленій, къ числу которыхъ относится и санитарный надзоръ, ввѣренный такъ-называемымъ фабричнымъ инспекторамъ.

Въ нашемъ обширномъ законодательствѣ ничего въ этомъ отношеніи точно опредѣленнаго и обязательно установленнаго не найдется. Подчасъ, подъ видомъ ограждающихъ человѣческую жизнь или безопасность статей закона, выищется такая статья, которая по своей неудачной редакціи легко можетъ принести вредъ тому и другому. Такъ, напримѣръ, въ уложеніи о наказаніяхъ есть статьи (1,378 и 1,380), возлагающія на обязанность мастеровъ, подъ страхомъ наказанія, смотрѣть за поведеніемъ своихъ учениковъ и грозящія наказаніемъ мастеру или подмастерью за злоупотребленіе «дозволенными ему закономъ мѣрами домашняго исправленія учениковъ». Но какія это «дозволенныя закономъ мѣры исправленія» — найти въ законѣ нельзя. Практика же ввела подъ видомъ мѣръ исправленія — побои и битье по чему ни попало тѣмъ инструментомъ, которымъ производится работа; такъ, кузнецъ бьетъ клещами, сапожникъ — колодкой или ремнемъ, столяръ — стамескою или рубанкомъ. И вотъ, когда въ прошедшемъ году, въ петербургскомъ окружномъ судѣ, судился одинъ мастеровой-хозяинъ за то, что онъ жестокимъ обращеніемъ чуть въ гробъ не заколотилъ ученика-мальчика, въ чемъ и признанъ былъ виновнымъ присяжными засѣдателями, то онъ въ свое оправданіе смѣло указывалъ на законъ, обязывающій его принимать мѣры домашняго исправленія ученика, къ числу которыхъ онъ, очевидно, причислялъ тѣлесныя наказанія и всяческія физическія истязанія.

Рядъ крупныхъ и мелкихъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ постоянно свидѣтельствуетъ о необходимости измѣнить тѣ не-

опредѣленныя, ненормальныя и произвольныя отношенія, которыя, ко вреду обѣихъ сторонъ, установились между рабочимъ и нанимателемъ. Но тутъ къ несчастію могутъ примѣшиваться совершенно постороннія опасенія.

Европейское рабочее движеніе можетъ, пожалуй, дать поводъ предполагать, что нѣчто подобное способно повториться и у насъ. И для многихъ этого опасенія достаточно, чтобы на самыя простыя недоразумѣнія между рабочими и нанимателями смотрѣть не иначе, какъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, отнимающимъ всякую возможность къ правильному разрѣшенію вопроса. Но стоитъ только отказаться отъ предвзятаго намѣренія не видѣть и не сознавать самыхъ ясныхъ и осязательныхъ вещей, и тогда невольно придется убѣдиться въ томъ, что въ настоящее время вся масса нашего рабочаго населенія, надѣленнаго, въ большинствѣ, земельнымъ надѣломъ, настолько по своему развитію, понятіямъ, условіямъ жизни, домашней и общественной, отличается отъ европейскаго беземельнаго пролетаріата, что смѣшно даже подозрѣвать у насъ какіе-либо признаки такъ-называемаго рабочаго движенія.

Ставши на такую прямую и единственно вѣрную точку зрѣнія, нельзя, кажется, не признать, что вполнѣ спокойное и безопасное положеніе рабочаго населенія и отношенія его къ нанимателямъ, хозяевамъ и фабрикантамъ обязываютъ законодательство не относиться безучастно къ участи рабочихъ и нанимающихъ ихъ людей и принять на себя вмѣшательство въ такого рода отношенія однихъ къ другимъ, которыя нарушаютъ справедливость и личную безопасность.

«Нелицепріятность и долгъ справедливости требуютъ—говоритъ предсѣдатель петербургскаго столичнаго мирового съѣзда, Н. А. Неклюдовъ, въ внесенной имъ на разсмотрѣніе съѣзда объяснительной запискѣ по проекту правилъ для рабочихъ и нанимателей,—чтобы законъ одинаково охранялъ права и интересы всѣхъ своихъ подданныхъ. Передъ лицомъ государства, какъ высшаго представителя правды и истины, добро и благо для всѣхъ и каждаго безразлично,—безразличны хозяева и рабочіе и одинаково должны быть дороги права тѣхъ и другихъ».

«Глубоко заблуждаются тѣ — продолжаетъ далѣе г. Неклюдовъ — которые думаютъ, что различныя государственныя соображенія требуютъ подчиненія интересовъ рабочаго класса интересамъ ихъ хозяевъ и властвующаго положенія нанимателей надъ нанимающимися. Во-первыхъ—говорю не лично отъ себя, а по собраннымъ многочисленнымъ отзывамъ — положеніе нашего рабочаго класса самое благонадежное въ государствен-

номъ отношеніи; даже болѣе: государственныя отношенія ему совершенно чужды и недоступны его пониманію. Во-вторыхъ, искусственно введенная въ западной Европѣ соціальная, или попросту артельная форма быта рабочихъ составляетъ у насъ исконное историческое явленіе; посему поразить умъ нашего простолюдина своего обаятельностью эта форма, какъ хорошо ему извѣстная, не можетъ. По отзывамъ провинціальныхъ мировыхъ посредниковъ и судей, отношенія внутри Россіи между хозяевами и рабочими самыя патріархальныя; всѣ сдѣлки и договоры заключаются на слово; весь разсчетъ производится на память; возникающіе между сторонами споры почти всегда добросовѣстны, т.-е. проистекаютъ изъ недоразумѣній или забывчивости; рабочіе не скрываютъ на судѣ количества полученнаго ими разсчета и сдѣланнаго прогула, хотя могли бы удобно скрыть и то и другое при отсутствіи письменнаго документа, и почти всѣ дѣла между ними и хозяевами оканчиваются въ судѣ первой степени, и при томъ по добровольному соглашенію. При такомъ положеніи вещей, гдѣ основанія, гдѣ данныя, гдѣ побудительныя причины для такъ-называемаго соціальнаго движенія рабочаго люда!? Въ-третьихъ, исторія всѣхъ странъ и народовъ показываетъ, что причиною движенія рабочаго класса было именно властвующее или господствующее положеніе нанимателей надъ нанимающимися и эксплуатація интересовъ послѣднихъ въ пользу первыхъ. Въ каждомъ народѣ, въ каждомъ классѣ общества, даже при самой грубой его неразвитости, настолько развито чувство справедливости и практическаго разсудка, что онъ, хотя и завидуя болѣе счастливой доли другого, легко подчиняется тому закону, который, охраняя права одного класса, охраняетъ въ тоже время съ равною заботою и права противоположнаго класса и напротивъ того: одинъ классъ будетъ враждебенъ другому, коль скоро его права, его интересы принесены въ жертву интересамъ и выгодамъ этого другого класса.

«Какъ было бы противно духу закона, для всѣхъ равнаго и нелицепріятнаго, подчинить интересы хозяевъ интересамъ рабочихъ, точно также противно закону подчинить интересы рабочихъ интересамъ ихъ нанимателей. Принятіе послѣдняго начала было бы еще опаснѣе, чѣмъ принятіе перваго, ибо оно создало бы громадную, по своей численности, массу недовольныхъ, недовольство которой могло бы заставить опасаться серьезно, если и не за государственный, то во всякомъ случаѣ за общественный порядокъ. Кромѣ того нельзя не замѣтить, что принятіе подобнаго начала противно современному порядку суда въ Россіи. Съ понятіемъ новаго суда—какъ хранителя правомѣрности общественныхъ от-

ношеній, какъ суда по совѣсти, какъ суда, единственная заповѣдь котораго есть заповѣдь «правды и милости»,—не совмѣстны отношенія хозяевъ и рабочихъ, основанныя на эксплуатаціи послѣднихъ. Что-нибудь одно: или судъ, подчиняясь стремленію общественной совѣсти и обычаю, вынужденъ былъ бы обходить законъ, склоняя его болѣе на сторону «правды», или, напротивъ того, судъ сталъ бы примѣнять законъ во всей его наготѣ, т.-е. принося интересы рабочихъ въ жертву интересамъ нанимателей. Въ первомъ случаѣ законъ погибъ бы вновь подъ давленіемъ торжествующаго обычая; въ послѣднемъ случаѣ судъ потерялъ бы въ сознаніи народа значеніе суда по совѣсти. Съ утратою же вѣры въ судъ утратился бы и путь для мирнаго разрѣшенія несогласій и споровъ между хозяевами и рабочими, а послѣдствія утраты подобной вѣры, а вмѣстѣ съ нею и мирнаго пути для разрѣшенія столкновеній, понятны сами собою».

Доказать ошибочность приведенныхъ соображеній положительно нельзя. Напротивъ того факты изъ дѣйствительной жизни, примѣры изъ судебной практики должны убѣдить всякаго, что если теперь и возникаютъ у насъ недоразумѣнія между хозяевами и рабочими, то чаще вслѣдствіе неопредѣленности ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей, нежели вслѣдствіе злонамѣреннаго желанія однихъ воспользоваться неразвитостью и непониманіемъ своихъ интересовъ со стороны другихъ. При этомъ нельзя не засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, доходившихъ до суда, виновною стороною оказывались не рабочіе.

Чего напр. не говорили по поводу дѣла о такъ-называемой стачкѣ рабочихъ Невской бумагопрядильной мануфактуры съ цѣлію увеличенія заработной платы. Благодаря тому, что прокурорская власть, дѣйствовавшая въ этомъ случаѣ далеко не такъ осторожно и осмотрительно, какъ бы этого слѣдовало желать, привлекла къ обвиненію въ стачкѣ 62-хъ человѣкъ, — въ иностранной печати появились цѣлыя статьи о рабочемъ движеніи въ Россіи, и даже здѣсь въ Петербургѣ этому дѣлу придали какое-то громадное и вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпое значеніе. А между тѣмъ, когда дѣло дошло до суда, то оказалось, что въ данномъ случаѣ стачки никакой не было и все дѣло, какъ мы сейчасъ увидимъ, вышло изъ простого непониманія не только рабочими и фабрикою, но и властями ихъ правъ и обязанностей.

Вотъ какъ было дѣло. Прядильщики на Невской бумагопрядильной мануфактурѣ, будучи недовольны сдѣланнымъ у нихъ

начальствомъ фабрики вычетомъ изъ задѣльной платы, слѣдующей за апрѣль мѣсяцъ 1870 года, въ пользу мальчиковъ и подручныхъ за прогульные дни, послѣдствіемъ котораго былъ слишкомъ малый заработокъ, согласились обратиться къ начальству фабрики съ просьбою о прибавкѣ задѣльной платы. Для этого они, 22-го мая, послѣ перерыва работъ, придя на фабрику въ корридоръ, въ числѣ 56-ти человѣкъ, съ цѣлью ходатайствовать у главнаго мастера Бека о прибавкѣ, просили сторожа Ивана Петрова передать о ихъ желаніи Беку. Петровъ объяснилъ на судѣ, что онъ передалъ просьбу рабочихъ Беку, и на вопросъ его, что дѣлать, отворить что-ли имъ дверь, получивъ въ отвѣтъ: «нужно отворить дверь», исполнилъ это и рабочіе ушли. Свидѣтель Бекъ и мастеръ Марчъ показали, что Бекъ, на просьбу рабочихъ прибавить жалованья, не входя съ ними ни въ какія объясненія, велѣлъ сторожу отворить дверь и сказалъ: «кто хочетъ работать, тотъ пускай работаетъ, а кто не хочетъ, тотъ пускай уходитъ», такъ какъ удерживать ихъ онъ не вправѣ, послѣ чего рабочіе разошлись. Подсудимые, съ своей стороны, утверждали, что Бекъ, выйдя къ нимъ, обратился къ сторожу со словами: «гони ихъ вонъ», и съ ними никакихъ объясненій не имѣлъ. Послѣ этого они ушли и въ тотъ же день, съ общаго согласія рабочихъ, трое изъ нихъ отправились въ 3-й участокъ Рожественской части, гдѣ заявили помощнику пристава жалобу на начальство фабрики, объяснивъ, что ихъ, за просьбу о прибавкѣ задѣльной платы, выгнали съ фабрики и что ихъ неправильно разсчитали, вычтя въ пользу мальчиковъ за прогульные дни. На эту жалобу помощникъ пристава посовѣтовалъ рабочимъ о неправильности разсчетовъ съ фабрикою обратиться къ мировому судьѣ. Неудовлетворенные этимъ отвѣтомъ, рабочіе, 26-го мая, обратились съ тою же жалобою на письмѣ къ оберъ-полиціймейстеру; а 27-го мая прокуроръ окружнаго суда далъ судебному слѣдователю предложеніе немедленно приступить къ производству слѣдствія о стачкѣ рабочихъ, послѣдствіемъ чего и было обвиненіе 62-хъ человѣкъ въ томъ, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, «что 22-го мая 1870 года предъявивъ требованіе объ увеличеніи задѣльной платы, съ цѣлью добиться возвышенія платы, прекратили работы, несмотря на установленныя для Невской бумагопрядильной мануфактуры правила, по которымъ они о намѣреніи своемъ оставить фабрику должны были заявить за мѣсяцъ впередъ до приведенія этого намѣренія въ исполненіе, при чемъ Владиміровъ, Петровъ, Ильинъ, Потаповъ, Ивановъ и Акуловъ руководили дѣйствіями другихъ,

т.-е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1,358 улож. о нак. изд. 1866 года» [1]).

Между тѣмъ относительно существованія условій фабрики съ нанимаемыми рабочими, показаніемъ свидѣтелей Марча, Бека, Ландезена (служащихъ на фабрикѣ) и подсудимыхъ обнаружено слѣдующее: работники прядильщики поступали на мануфактуру по словесному найму къ мастерамъ, которые только давали знать объ этомъ въ контору; при наймѣ рабочихъ не заключалось формальныхъ письменныхъ договоровъ и не выдавалось имъ разсчетныхъ листовъ съ обозначеніемъ въ нихъ условій найма и количества задѣльной мѣсячной или поденной платы. Увольнялись рабочіе, въ случаѣ неисправности или дурного поведенія, тотчасъ же. На Невской мануфактурѣ правила внутренняго распорядка, подписанныя бывшимъ оберъ-полиціймейстеромъ Анненковымъ, вывѣшены въ мастерскихъ; подписи хозяина мануфактуры (какъ того требуетъ законъ, ст. 108 т. XI уст. о промыш.) на нихъ не имѣется и, какъ видно изъ показаній нѣкоторыхъ подсудимыхъ и мастера Марча, правила эти не были вполнѣ извѣстны многимъ изъ подсудимыхъ и даже самому Марчу. Такъ напримѣръ, требуя, согласно заведенному конторою порядку, чтобы прядильщики удовлетворили своихъ мальчиковъ за прогульные дни, что и было причиною неудовольствія рабочихъ, Марчъ не зналъ, что такое вмѣшательство его было противно 3-му пункту помянутыхъ правилъ, въ которомъ сказано: «прядильщики нанимаютъ сами своихъ подручныхъ и мальчиковъ и имъ платятъ жалованье, а затѣмъ фабрика за нихъ ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ». Правда, что во 2-мъ пунктѣ тѣхъ же правилъ сказано, что рабочій, желающій оставить мануфактуру, долженъ объ этомъ заявить за мѣсяцъ до ухода и въ случаѣ неисполненія этого лишается заработанной за текущій мѣсяцъ платы. Но изъ показанія управляющаго мануфактурою, Ландезена, видно, что контора мануфактуры не пользовалась этимъ правомъ и отходившихъ рабочихъ разсчитывала сполна, черезъ двѣ недѣли, а иногда тотчасъ по заявлені и желанія уйти съ фабрики.

При существованіи такого порядка на Невской бумагопрядильнѣ, т.-е. при отсутствіи какихъ-либо условій между хозяиномъ ея и рабочими о срокѣ работъ и о количествѣ заработной

---

[1]) Въ ст. 1,358 Уложенія сказано: «за стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истеченія условленнаго съ содержателями сихъ заведеній времени, для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются: аресту, зачинщики на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, а прочіе отъ 7-ми дней до 3-хъ недѣль.»

платы, можно ли было обвинить рабочихъ въ стачкѣ, на основаніи уложенія о наказаніяхъ, т.-е. въ томъ, что рабочіе раньше «условленнаго времени» (когда такого условія не было) прекратили работу? Конечно нѣтъ. Такъ понимала законъ и административная власть, какъ это видно изъ циркуляра петербургскаго губернатора, отъ 24-го іюля 1870-го года, въ которомъ предписано чинамъ полиціи объяснить фабрикантамъ и заводчикамъ, что если на какомъ-нибудь заводѣ или фабрикѣ не будутъ заключены съ рабочими письменныя условія, то, въ случаѣ оставленія рабочими работъ и всякихъ другихъ недоразумѣній, дѣйствія ихъ не будутъ считаться за стачку потому, что человѣкъ, не заключившій условій, свободенъ оставить работу по его желанію. Точно также истолковала законъ и петербургская судебная палата, которая, признавъ, что при существовавшемъ на Невской бумагопрядильнѣ порядкѣ работники могли всегда оставить свою работу и требовать увеличенія платы, а также, что самое существованіе какого-либо соглашенія между рабочими оставить работу и тѣмъ увеличить плату — не доказано, всѣхъ подсудимыхъ оправдала.

Мы привели это дѣло не для того, чтобы въ виду безусловно-правильнаго и законнаго рѣшенія судебной палаты говорить о неосновательности обвиненія, а съ тою цѣлію, чтобы показать, насколько въ этомъ случаѣ, подавшемъ поводъ къ самымъ нелѣпымъ слухамъ, — рабочіе ни въ чемъ незаконномъ виноваты не были.

Этого вовсе нельзя сказать про тѣ дѣла, въ которыхъ подсудимыми являлись наниматели и подрядчики. Такихъ дѣлъ было, правда, немного; обвинительная власть, такъ легко привлекающая къ суду рабочихъ, какъ-то осмотрительнѣе и осторожнѣе дѣйствовала по отношенію къ фабрикантамъ и подрядчикамъ. А между тѣмъ, изъ тѣхъ немногихъ случаевъ, которые до сихъ поръ доходили до суда, видно, что фабриканты и подрядчики нерѣдко даютъ поводъ къ обвиненіямъ весьма существеннымъ. Самое крупное изъ дѣлъ этого рода есть дѣло по обвиненію Андреева въ неосторожности при производствѣ работъ по харьковско-азовской желѣзной дорогѣ.

Эту желѣзную дорогу строилъ г. Поляковъ. На этой дорогѣ онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность всякаго рода. Не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ въ петербургскомъ окружномъ судѣ разрѣшено гражданское дѣло о пресловутомъ пожертвованіи Поляковымъ 300,000 рублей въ пользу харьковскаго земства, обѣщанномъ имъ для пріобрѣтенія этой дороги. Дѣло это настолько интересно, что его стóитъ разсказать въ главныхъ чертахъ: 5-го

января 1868-го года между депутатами харьковскаго земства Матушинскимъ и Данилевскимъ съ одной стороны и Поляковымъ съ другой, заключено было письменное условіе, по которому Поляковъ принялъ на себя обязательство построить желѣзную дорогу отъ Курска до Азовскаго моря, въ извѣстный срокъ, а депутаты земства обязались «всѣми зависящими отъ нихъ средствами поддерживать предположеніе Полякова, а на мѣстѣ, при сооруженіи дороги, способствовать къ удешевленію пріобрѣтенія матеріаловъ и земель». Какіе послѣ того происходили переговоры между участвовавшими въ договорѣ лицами,—неизвѣстно, но не далѣе, какъ 23 января Поляковъ пишетъ депутатамъ слѣдующее собственноручное письмо: «Милостивые государи! Признавая вполнѣ пользу и важность сочувствія и поддержки и ходательства харьковскаго земства въ дѣлѣ сооруженій Курско-Азовской Линій, я въ дополненіи къ условій нашему заключенному 5-го сего января, Имѣю честь заявить Вамъ, Милостивые Государи, Что когда ходательство Ваше осуществится и Сооруженіе Курско-Азовской Линій будетъ предоставлено мнѣ, я изъявляю готовность и обязанность по разрѣшеніи Правительствомъ Выпуска бумагъ Общества, внести въ пользу харьковскаго земства 5% бумагами наминальный капиталъ въ триста тысячъ рублей серебромъ (300 т. р.), съ тѣмъ, чтобы Капиталъ этотъ былъ употребленъ на улучшеніе побочныхъ путей Сообщеній идущихъ въ предѣлахъ харьковской губерніи на соединеніе съ Азовской линій или на другой общественный предметъ, по усмотреніи земства. Объ настоящемъ моемъ заявленіи и пожертвованіи покорнѣйше прошу Васъ довести до свѣдѣнія Харьковскаго Земства». Спустя полтора мѣсяца послѣ этого письма, Поляковъ подтверждаетъ его въ особомъ сообщеніи въ харьковскую губернскую управу, которую и увѣдомляетъ о своемъ «пожертвованіи». Концессія на постройку дороги была предоставлена Полякову и въ происходившемъ въ октябрѣ того же года харьковскомъ губернскомъ земскомъ собраніи происходили весьма горячія пренія о томъ: «слѣдуетъ ли принять 300 т. р., подлежащіе со стороны Полякова къ взносу въ пользу земства». При этомъ нѣкоторые изъ гласныхъ указывали на то, что «проданное вліяніе во всякомъ случаѣ приноситъ кому-либо вредъ» и предлагали не принимать отъ Полякова денегъ, принадлежащихъ не земству, а депутатамъ, хлопотавшимъ для Полякова. Отвѣчая на такое мнѣніе, депутатъ земства, заключавшій съ Поляковымъ сдѣлку 5-го января, Данилевскій, доказывалъ собранію, что на вызовъ Полякова пожертвовать 300,000 рублей онъ смотрѣлъ «какъ на добровольную съ его стороны жертву, а не какъ на плату за участіе земства въ ходатайствѣ о выдачѣ концессіи

Полякову». Должно быть собраніе убѣдилось этими доводами, потому что большинствомъ 37 голосовъ противъ 19 рѣшило принять пожертвованіе Полякова. Но, какъ видно, собраніе поторопилось «принять» то, что еще ему не давалъ и до сихъ поръ не далъ Поляковъ. Видя, что Поляковъ не исполняетъ обѣщанія, земство предъявило въ петербургскомъ окружномъ судѣ искъ, требуя взысканія съ Полякова 300,000 рублей. Это требованіе Поляковъ, черезъ повѣреннаго своего, отвергалъ на томъ основаніи, что онъ никакого обязательства земству не выдавалъ, а что касается до пожертвованія имъ обѣщаннаго, то сдѣлать его или нѣтъ—зависитъ отъ его доброй воли. Быть можетъ, еслибы это дѣло разбиралось судомъ присяжныхъ, по совѣсти, то Поляковъ и проигралъ бы его; но разсматривая его по закону, окружный судъ не могъ не отказать въ искѣ земству потому, что обѣщанное Поляковымъ земству пожертвованіе есть не что иное, какъ даръ, а даръ можетъ послѣдовать только по доброй волѣ дарителя, а не по судебному рѣшенію.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, характеризующее впрочемъ г. Полякова и тѣ способы, какими онъ старался пріобрѣсти харьковско-азовскую дорогу, возвратимся къ процессу еще болѣе характерному—къ производившемуся объ этихъ работахъ, въ уголовномъ порядкѣ, дѣлу.

Во время весеннихъ работъ, въ апрѣлѣ 1869-го года, на линіи строившейся дороги около Филиппова села, за Харьковомъ, произошелъ обвалъ земли, при чемъ получили повреждене двое рабочихъ, а третій, Степанъ Липовой, задавленъ обвалившеюся землею до смерти. При производствѣ объ этомъ обстоятельствѣ дознанія и слѣдствія обнаружено, что земляная выемка для насыпки полотна подъ желѣзную дорогу около Филиппова села представляла раскопанную по срединѣ гору, съ совершенно отвѣсными и прямыми, какъ стѣна, боками вышиною въ двѣ сажени. На всемъ протяженіи выемки стѣна идетъ прямо, безъ террасъ и уступовъ, а въ одномъ ея мѣстѣ виденъ подкопъ. Самый трупъ Липоваго лежалъ въ разстояніи около сажени отъ стѣны, изогнутый и какъ-бы вдавленный по срединѣ, головою къ стѣнѣ. Подъ трупомъ оказалось разбитое въ дребезги колесо колымажки, въ которой возятъ землю. Надъ правою бровью трупа—ссадина кожи съ разсѣченіемъ ея въ вершокъ и съ запекшеюся кровью. На правой скулѣ ссадина въ вершокъ; языкъ высунутъ и прикушенъ. По заключенію врача смерть Липоваго послѣдовала отъ задушенія его обваломъ земли.

Работы на этой, какъ и на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, производились, по объясненію свидѣтелей, съ чрезвычайною тороп-

живостью и поспѣшностью, вслѣдствіе постоянныхъ настояній довѣреннаго отъ подрядчика, Андреева. Гора срывалась прямо, безъ всякихъ уступовъ и подъ образовавшеюся стѣною даже дѣлались подкопы для скорѣйшаго своза земли, при чемъ земля, нависшая надъ подкопомъ сверху, не сбивалась и не сколачивалась. Подкопъ былъ шириною въ 2 сажени и такъ глубокъ, что въ него можно было входить и подъ нависшую надъ нимъ землю въѣзжали колымажки.

3-го апрѣля, послѣ обѣда на работы явился довѣренный Андреевъ и по его приказанію были забиты «довбами» въ землю надъ обваломъ четыре желѣзныхъ лома.

Пріѣхавшіе съ колымажками рабочіе боялись, вслѣдствіе этого, подъѣзжать къ обрыву, но Андреевъ торопилъ ихъ и, на заявленія объ опасности работать, кричалъ и грозилъ штрафами. Одновременно съ этимъ онъ приказалъ продолжать вбиваніе ломовъ, но лишь только рабочіе принялись за это, какъ земля рухнула и обрушилась вмѣстѣ съ ними. Стоявшіе внизу рабочіе бросились въ стороны. «Чего не работаете»—спросилъ Андреевъ и на заявленія, что земля, кажется, задавила нѣсколькихъ рабочихъ — приказалъ разрывать землю, изъ которой и были вытащены двое ушибенныхъ рабочихъ, двѣ разбитыя въ дребезги колымажки и мертвый уже крестьянинъ Липовой. Ушибенные крестьяне были отправлены въ больницу въ Харьковъ, а остальнымъ рабочимъ было приказано убирать землю отъ обвала.

Изъ сообщенія участковаго врача по харьковскому участку желѣзной дороги видно, что съ весны 1868-го года, въ теченіе года, пострадало въ разное время отъ обваловъ 12 рабочихъ, изъ которыхъ умерло 4; во всѣхъ этихъ случаяхъ по мнѣнію врача, «смерть обусловливалась, съ одной стороны, свойствомъ самыхъ поврежденій, а съ другой, слабостью и разстройствомъ организмовъ рабочихъ, не могшихъ противустоять вліянію этихъ поврежденій».

Отвѣтственнымъ лицомъ за смерть Липоваго харьковскій прокурорскій надзоръ призналъ Андреева и потому привлекъ его къ суду по обвиненію въ томъ, что отъ явно неосторожныхъ дѣйствій его и распоряженій послѣдовала смерть крестьянина Липоваго, оставившаго жену съ четырьмя малолѣтными дѣтьми.

Оканчивая свою обвинительную рѣчь передъ судомъ, г. товарищъ прокурора въ слѣдующихъ словахъ высказалъ то впечатлѣніе, которое нельзя было не вынести изъ судебнаго слѣдствія: «Настоящее дѣло открываетъ передъ судомъ покровъ, которымъ до сихъ поръ бывала покрыта картина постройки желѣзной дороги. Настоящее дѣло позволило разсмотрѣть только кончикъ этой картины; нужно сознаться, что картина эта не

совсѣмъ веселаго содержанія. Всматриваясь въ эту картину, мы узнаемъ, что тамъ, гдѣ идетъ теперь тяжело нагруженный, весело пыхтя и свистя, локомотивъ, во время оно лилось много трудового поту и легло костями нѣсколько человѣкъ, пришедшихъ издалека и принесшихъ сюда свой трудъ. Лица эти погибли, погибли вслѣдствіе того, что жизнь ихъ ставилась почти въ ничто, приносилась въ жертву какому-то «ускоренію работъ». Они погибли; ихъ вернуть къ жизни нельзя; но такого рода происшествіе не можетъ не возбуждать въ сердцѣ вообще и во всякомъ случаѣ въ сердцѣ, любящемъ русскій народъ, болѣзненнаго чувства, не можетъ не возбуждать мысли о томъ, что неужели же подобныя дѣйствія могутъ быть терпимы и оставаться безнаказанными. На эти вопросы должно отвѣчать настоящее дѣло. Дѣйствія эти оставаться безнаказанными не должны. Ничто не можетъ остановить судъ отъ произнесенія по настоящему дѣлу своего спокойнаго, согласнаго съ требованіемъ правосудія приговора, который покажетъ, что на охранѣ жизни каждаго изъ гражданъ, на охранѣ жизни каждаго изъ рабочихъ на желѣзной дорогѣ стоитъ законъ, не дозволяющій надъ безопасностью этой жизни безнаказанно ругаться». Судъ, согласно съ требованіемъ обвиненія, — призналъ Андреева виновнымъ въ преступной неосторожности.

Если бы большинство лицъ прокурорскаго надзора понимали обязанности обвинительной власти такъ, какъ понималъ ихъ товарищъ прокурора харьковскаго окружнаго суда, то, быть можетъ, убѣжденіе въ невозможности ругаться надъ чужою жизнью распространилось бы гораздо больше, нежели оно распространено до сихъ поръ. Но, къ сожалѣнію, случаи подобныхъ обвиненій почти исключительны; кромѣ разсказаннаго нами и еще нѣсколькихъ однородныхъ съ нимъ дѣлъ, начатыхъ харьковскимъ прокурорскимъ надзоромъ, — мы не помнимъ, чтобы въ другихъ судахъ производились такія дѣла. А между тѣмъ нельзя, кажется, пожаловаться, чтобы однородные случаи повторялись рѣдко; бѣда только въ томъ, что они оканчиваются извѣстіемъ въ дневникѣ приключеній, что на фабрикѣ или на работѣ такой-то рабочій одинъ или нѣсколько (слѣдуютъ фамиліи) ушибенъ до смерти или изувѣченъ «по собственной неосторожности».

Впрочемъ, правда и то, что отсутствіе въ законѣ необходимыхъ санитарныхъ правилъ для фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній допускаетъ безнаказанное соединеніе условій, самымъ вреднымъ образомъ, если не разомъ, то постепенно, уничтожающихъ здоровье, а затѣмъ и жизнь рабочаго. Несмо-

тря на бѣдность всякихъ данныхъ въ нашей литературѣ объ условіяхъ жизни рабочихъ, все же можно представить нѣсколько свѣдѣній о томъ, при какой гигіенической обстановкѣ производятся различныя работы.

Д-ръ Португаловъ, осматривавшій, въ качествѣ оффиціальнаго лица, уральскіе рудники, разсказываетъ [1]), что устройство рудниковъ, работы въ нихъ производимыя, содержаніе рабочихъ— все это устроено самымъ первобытнымъ и вреднымъ для здоровья рабочаго способомъ. Воздухъ въ уральскихъ рудникахъ бѣденъ кислородомъ и богатъ азотомъ потому, что въ каждомъ рудникѣ постоянно работаетъ отъ 200 до 300 человѣкъ, ходы тѣсны и узки, балки гніютъ и покрыты плесенью, постоянно горятъ сальныя свѣчи и производится порохострѣльная работа, при отсутствіи въ рудникѣ какой-либо вентиляціи. Пища, даваемая рабочимъ отъ управленія заводомъ, такова, что они отказываются отъ варева и довольствуются кускомъ чернаго хлѣба. При этомъ устройство рудника таково, что на каждомъ шагу рабочій рискуетъ потерять жизнь, здоровье же онъ теряетъ безъ того отъ дурной пищи и всѣхъ вредныхъ условій жизни. Гудимъ-Левковичъ сообщаетъ [2]) слѣдующія свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ Кіевской губерніи: «Наиболѣе пагубное вліяніе на здоровье рабочихъ производятъ слѣдующія занятія: на многихъ винокуренныхъ заводахъ — работы при заторахъ, во время которыхъ полунагіе рабочіе подвергаются сквозному вѣтру; на сахарныхъ заводахъ — тяжелыя работы въ прессовомъ отдѣленіи и на дезинфекціонныхъ и сатураціонныхъ котлахъ, при которыхъ рабочіе, задыхаясь удушливой отъ извести и аммоніачныхъ испареній атмосферой, при высокой температурѣ, должны работать почти нагіе, едва прикрывшись передниками, и за отсутствіемъ при заводахъ отхожихъ мѣстъ и особыхъ прохладительныхъ камеръ, выходятъ потными и распаренными для смѣны въ казармы, расположенныя на значительномъ разстояніи, или иногда бѣгутъ за версту и болѣе домой; на табачныхъ фабрикахъ — работы производятся при удушливой табачной пыли, а при усиленныхъ заказахъ и по ночамъ; наружный видъ этихъ рабочихъ представляетъ людей слабыхъ, истомленныхъ, страдающихъ грудными болѣзнями. На суконныхъ фабрикахъ—разборка шерсти, распространяющая вредную для дыханія и зрѣнія мелкую пыль—работа по преимуществу женская и дѣтская. Пища рабочихъ, получаемая отъ подрядчиковъ, плоха. Особыхъ помѣ-

[1]) Архивъ судебной медицины, 1870 г. декабрь.

[2]) Кіевлянинъ 1868 г.

щеній въ большей части винокуренныхъ заводовъ нѣтъ; спятъ, гдѣ попало, а въ холодное время года—обыкновенно на паровикѣ или возлѣ него. Особыя помѣщенія на сахарныхъ заводахъ, большею частью, если и есть, то сырыя, тѣсныя, безъ всякой вентиляціи, почему воздухъ въ нихъ спертый и тяжелый. При такихъ условіяхъ рабочіе страдаютъ худосочіемъ, часто подвергаются болѣзнямъ, которыя разносятъ по сосѣднимъ губерніямъ или поступаютъ для леченія въ больницы, имѣющіяся при нѣкоторыхъ заводахъ, за что съ нихъ производится тогда извѣстный вычетъ изъ заработной платы».

Новгородскій губернскій врачебный инспекторъ Ф. Филиппов, осматривавшій, по порученію мѣстнаго губернатора, спичечныя фабрики Новгородской губерніи, свидѣтельствуетъ [1]), что сдѣланныя имъ при осмотрѣ этихъ фабрикъ наблюденія и собранныя свѣдѣнія подтверждаютъ, что фабрикація зажигательныхъ спичекъ приноситъ громадный вредъ въ рукахъ невѣжественныхъ хозяевъ и производителей, при чемъ обязательное по закону попеченіе о здоровьи рабочихъ, самыя простыя правила предосторожности приносятся хозяевами фабрикъ въ жертву одной единственной цѣли, — заботѣ о возможно большихъ промышленныхъ выгодахъ. На это указываютъ состояніе фабричныхъ зданій, помѣщеній для рабочихъ, характеръ разныхъ техническихъ приспособленій, рабочихъ пріемовъ, словомъ, всѣ условія устройства фабрикъ, ихъ производства и прискорбныя послѣдствія для здоровья рабочихъ. Фабрикація спичекъ въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ до сихъ поръ въ Новгородской губерніи, составляетъ источникъ цѣлаго ряда болѣзней съ общимъ медленнымъ отравленіемъ организма и органическими измѣненіями, разрушающими организмъ. Внимательно и безпристрастно всматриваясь въ этихъ малолѣтныхъ фабричныхъ рабочихъ (поступающихъ на фабрики съ 7 и 8 лѣтъ), нельзя не убѣдиться, что не только они сами обречены на раннюю смерть, но что и дѣти такого поколѣнія могутъ быть только хилыя, недолговѣчныя, хотя бы даже фабрикація спичекъ и прекратилась со временемъ въ данной мѣстности. Такія фабрики разсѣеваютъ сѣмена, плоды которыхъ съ лихвою пожнутъ и настоящее и будущее поколѣнія.

Мы нарочно привели оффиціальныя свѣдѣнія о санитарномъ положеніи рабочихъ въ совершенно различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Всѣ эти свѣдѣнія удостовѣряютъ въ одномъ: что существующія между рабочими и фабрикантами отношенія требуютъ

[1]) Архивъ судебной медицины, 1871 г. мартъ.

измѣненія и что сами фабриканты, безъ принудительныхъ къ тому мѣръ, сами, по собственной иниціативѣ, безъ побужденія къ тому принудительными мѣрами, ничего дѣлать не намѣрены. Въ послѣднемъ убѣждаетъ впрочемъ и судебная практика, какъ мы это уже видѣли въ разсказанныхъ нами дѣлахъ, такъ и въ чуть не ежедневно повторяющихся въ мировомъ судѣ разбирательствахъ. Еще недавно газеты сообщали, какъ въ Москвѣ, гдѣ давно существуетъ и гласный судъ, и прокуратура, и довольно дорого стоющая полиція, были привлечены къ суду фабриканты Носовы, у которыхъ на громадной фабрикѣ работаютъ до 1,000 человѣкъ,—за то, что санитарныя условія, въ которыя поставлены рабочіе на фабрикѣ, крайне неудовлетворительны. Это неудовлетворительное положеніе имѣло особенное значеніе при развившейся въ Москвѣ холерѣ, отдѣльные случаи которой весьма часто и прежде повторялись на фабрикѣ. Мировой судья приговорилъ Носовыхъ къ штрафу; тогда Носовы прогнали рабочихъ съ фабрики и рѣшеніе мирового судьи обжаловали мировому съѣзду. Газеты говорили также, что въ защитники Носовы наняли извѣстныхъ московскихъ адвокатовъ. Интересно, чтó они будутъ приводить въ защиту своихъ кліентовъ; тема, конечно, богатая; при извѣстномъ многословіи и беззастѣнчивости можно, пожалуй, весьма либерально доказывать стѣсненіе свободы Носовыхъ, нападать на полицію и, затѣмъ, въ благовидной формѣ утверждать, что Носовы подверглись ограниченію принадлежащихъ имъ правъ дѣлать на своей фабрикѣ что имъ угодно. Во всемъ этомъ не будетъ ничего удивительнаго. Вѣдь хватило же духу у г. Шкляревскаго, защитника д. с. с. Компанейщикова, обвинявшагося въ петербургскомъ окружномъ судѣ за неуваженіе оказанное имъ мировому судьѣ и оскорбленіе помощника контролера банка, утверждать, что основное право русскаго гражданина есть право титуловаться по чину. Открывши такое основное право (Grundrecht, у нѣмцевъ), г. Шкляревскій точно также упорно стоялъ на томъ, что онъ защищаетъ законность противъ заявленной тенденціи къ полному безправію, какъ въ другомъ, гражданскомъ дѣлѣ, другой адвокатъ, сравнивая отношеніе издателя къ переводчику съ отношеніями нанимателя и наемщика, смѣло стоялъ на томъ, что переводчикъ теряетъ право на свой трудъ, если не заключилъ письменнаго условія съ издателемъ, который, пользуясь этимъ, выпустилъ переводъ вторымъ изданіемъ. Ну что же, и благо имъ, этимъ либеральнымъ ораторамъ! Пусть пользуются пока еще можно этими неопредѣленными отношеніями «нанимателя къ наемщику». Пусть торопятся только оканчивать свою выгод-

ную практику, такъ какъ слишкомъ безконтрольное положеніе нанимателей скоро можетъ измѣниться.

Законодательная власть уже обратила вниманіе на необходимость установить болѣе нормальныя отношенія между наемщиками и нанимателями. Особой, высочайше учрежденной коммиссіи по пересмотру законовъ о личномъ наймѣ рабочихъ и прислуги указаны двѣ цѣли: во-1-хъ, наилучшее обезпеченіе быта рабочаго класса населенія, и во-2-хъ, устроеніе прочныхъ отношеній между нанимателями и нанимающимися.

Нѣтъ сомнѣнія, что, въ видахъ исполненія первой цѣли, коммиссія должна будетъ обратить вниманіе и на необходимость санитарнаго надзора надъ помѣщеніями рабочихъ и на мѣры, обезпечивающія ихъ здоровье и жизнь, такъ какъ въ противномъ случаѣ бытъ рабочихъ не можетъ быть признанъ обезпеченнымъ отъ всяческаго произвола и злоупотребленій.

Въ видахъ же достиженія второй цѣли коммиссіи придется обсудить, въ какой мѣрѣ существующіе законы достаточны въ смыслѣ указанія тѣхъ границъ, далѣе которыхъ частная воля договаривающихся сторонъ, въ интересахъ государственныхъ, не должна простираться и указать тѣ предѣлы, которыми ограничивается правоспособность частныхъ лицъ входить въ сдѣлки о личномъ наймѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что задача коммиссіи весьма трудная, въ виду необходимости установить удобныя и практически примѣнимыя правила для рабочаго населенія всей Россіи, тогда какъ условія рабочаго быта разнообразны не только въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, но и не одинаковы даже внутри одной и той же губерніи. Въ этомъ отношеніи большимъ пособіемъ для коммиссіи могли бы служить указанія мѣстныхъ мировыхъ судей и предсѣдателей съѣздовъ, которые весьма часто сталкиваются въ своей практикѣ съ дѣлами изъ рабочаго быта. Такія, весьма многія и полезныя указанія относительно города уже сдѣланы г. предсѣдателемъ столичнаго мирового съѣзда Н. А. Неклюдовымъ, въ теченіи пятилѣтней своей дѣятельности успѣвшимъ весьма близко ознакомиться съ петербургскимъ рабочимъ бытомъ. Въ своемъ докладѣ къ проекту правилъ для найма ремесленныхъ и мастеровыхъ рабочихъ, г. Неклюдовъ указываетъ, что за немногими исключеніями бытъ рабочихъ фабричныхъ находится въ несравненно болѣе невыгодномъ состояніи, чѣмъ бытъ рабочихъ ремесленниковъ. Слѣдующія приводимыя г. Неклюдовымъ черты изъ обстановки того и другого быта вполнѣ подтверждаютъ, что въ быту фабричномъ интересы рабочихъ поглощены совершенно интересами нанимателей, тогда какъ въ

быту ремесленниковъ обстоятельства не рѣдко слагаются почти на оборотъ.

По установившимся фабричнымъ правиламъ, фабричный, неявившійся на работу спустя 5 минутъ послѣ звонка, считается прогулявшимъ весь рабочій день, лишается платы и подвергается штрафу равному дневному жалованью; фабричный рабочій получаетъ разсчетъ въ первую субботу послѣ 15-го числа слѣдующаго мѣсяца, т.-е. спустя 15—22 дня послѣ срока; еслиже рабочій, не получивъ разсчета даже и въ срокъ, назначенный правилами фабрики, вынужденъ будетъ отказаться отъ работы, за неимѣніемъ средствъ къ жизни, то таковой рабочій считается самовольно прекратившимъ работу, и подвергается штрафу, или даже вовсе лишается права на сдѣланный имъ заработокъ. Еще недавно подобная неаккуратность въ выдачѣ жалованья послужила поводомъ къ безпорядкамъ на одномъ изъ петербургскихъ заводовъ, и мировой судья призналъ въ нихъ виновною стороною не рабочихъ, а управленіе завода. Фабричный рабочій не только не получаетъ впередъ задатка или жалованья, но даже слѣдующая ему полумѣсячная плата удерживается у него въ видѣ залога до окончанія разсчета. Еще хуже положеніе фабричныхъ, нанятыхъ на извѣстный срокъ съ платою поштучно: въ одномъ дѣлѣ рабочіе выставляли, какъ основаніе къ самовольному отходу ранѣе срока найма, слѣдующее весьма уважительное обстоятельство: хозяинъ нанялъ ихъ на три мѣсяца изъ провинціи, съ платою по 80 коп. за каждую штуку работы; въ теченіе же мѣсяца каждому рабочему было дано такой работы всего по 3 штуки; очевидно, что рабочій, живущій на своихъ харчахъ, не въ состояніи не только скопить копѣйку, но даже и прокормиться въ Петербургѣ на 2 р. 40 к. въ мѣсяцъ.

Все это указываетъ на большую зависимость фабричнаго или заводскаго рабочаго отъ нанимателя. Совершенно иное встрѣчается въ бытѣ ремесленныхъ рабочихъ. Ремесленникъ получаетъ всегда при наймѣ задатокъ и почти всегда забираетъ впередъ слѣдующее ему жалованье. Забравши жалованье впередъ, онъ становится лѣнивъ къ работѣ, самовольно уходитъ отъ одного хозяина къ другому, забираетъ впередъ жалованье и отъ этого послѣдняго,—предоставляя первому искать съ него судебнымъ порядкомъ весь сдѣланный имъ переборъ.

Это различіе въ положеніи различныхъ классовъ рабочихъ не можетъ не вліять на различіе и самыхъ правилъ личнаго найма.

Въ настоящее время личный наемъ производится обыкно-

венно словесно, безъ всякаго письменнаго договора, и это обстоятельство, главнымъ образомъ, и составляетъ причину, по которой такъ часто возникаютъ споры о наймѣ и почему, какъ говоритъ г. Неклюдовъ, «въ дѣлахъ между хозяевами и рабочими судъ не увѣренъ въ правильности своихъ собственныхъ рѣшеній». Чтобы устранить эти постоянныя затрудненія и недоразумѣнія, происходящія отъ отсутствія письменнаго условія между рабочими и нанимателями, — обыкновенно предлагаютъ, какъ радикальное средство противъ зла, — ввести обязательно рабочія книжки. Эти рабочія книжки существенно отличаются отъ книжекъ разсчетныхъ прежде всего тѣмъ, что они составляютъ какъ бы непремѣнную принадлежность всякаго рабочаго, предлагающаго свой личный трудъ; это нѣчто въ родѣ паспорта, и подобно ему первоначальная книжка получается съ мѣста постояннаго жительства рабочаго. Кромѣ того, такъ какъ въ эту рабочую книжку вносятся условія и срокъ найма, или даже и отмѣтка нанимателя о томъ, какъ нанимающійся исполнялъ принятую на себя работу, то въ рабочей книжкѣ многіе видятъ, во-первыхъ, средство предотвратить самовольное нарушеніе договора найма со стороны нанимающихся и переманиваніе ихъ отъ одного нанимателя къ другому, и во-вторыхъ, способъ, посредствомъ сдѣланной въ рабочей книжкѣ аттестаціи, — знать новому нанимателю, чего онъ можетъ ожидать отъ предлагающаго ему свой личный трудъ.

Прежде, нежели входить въ обсужденіе кажущихся удобствъ обязательной рабочей книжки, слѣдуетъ замѣтить, что это есть вещь далеко не новая. Одно время она и въ западной Европѣ признавалась чѣмъ-то очень полезнымъ, пока наконецъ не пришлось убѣдиться въ томъ, что она ни къ чему, кромѣ взаимнаго раздраженія рабочихъ и нанимателей, не ведетъ. Эта рабочая книжка не охранила французское общество отъ рабочаго движенія въ самой жгучей его формѣ. Германія, тоже знакомая, на практикѣ, съ этою прибавкою къ договору личнаго найма, отмѣнила ее у себя въ 1869 году.

У насъ рабочая книжка введена закономъ еще въ 1863-мъ году; но, какъ извѣстно, она на практикѣ не привилась. Сдѣлать рабочую книжку обязательною принадлежностью договора о наймѣ рабочихъ наше законодательство до сихъ поръ не рѣшалось. Причины этого отчасти видны изъ высочайше утвержденнаго журнала главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія въ соединенномъ засѣданіи съ департаментомъ законовъ государственнаго совѣта, 25 сентября 1862 и 14 января и 20 февраля 1863-го года. «Цѣль рабочихъ книжекъ, сказано въ этомъ

журналѣ, должна заключаться въ томъ, чтобы предохранить нанимателя отъ неисполненія работниками условій найма, доставить ему возможность получить скорое взысканіе съ неисправнаго рабочаго, побудить рабочихъ къ точному выполненію принятыхъ ими на себя обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставить имъ защиту отъ притѣсненія недобросовѣстныхъ нанимателей. Если рабочій нанимается въ работу въ мѣстѣ своего жительства, на короткій срокъ, то означенная цѣль можетъ быть достигнута и безъ рабочей книжки, потому что и рабочій, и наниматель, живущіе въ одномъ мѣстѣ, извѣстны другъ другу или по крайней мѣрѣ всегда могутъ получить отъ сосѣдей свѣдѣнія другъ о другѣ. Завѣдомо неблагонадежнаго работника никто не станетъ нанимать; рабочій, нанявшійся, хотя бы и по словесному договору, не можетъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, ему нельзя скрыться, а если онъ окажется неисправнымъ, то его легко преслѣдовать и всегда получить скорое удовлетвореніе. Поэтому нѣтъ никакой надобности обязывать рабочихъ, нанимающихся въ работы въ своихъ селеніяхъ или по сосѣдству, брать рабочія книжки, и распространеніе на такіе наймы правилъ о сихъ книжкахъ было бы не только не нужно, но и крайне стѣснительно, какъ для работниковъ, такъ и для нанимателей». Эти соображенія, касающіяся рабочихѣ сельскихъ, т.-е. именно тѣхъ, которые всего чаще нарушаютъ договоръ найма и, раньше условленнаго срока, переходятъ отъ одного нанимателя къ другому, какъ нельзя болѣе подходятъ и ко всѣмъ случаямъ найма рабочихъ какъ мѣстныхъ, такъ и приходящихъ издалека. Странно думать, что рабочая книжка удержитъ рабочаго отъ перехода къ другому нанимателю лучше нежели можетъ удержать паспортъ, остающійся въ рукахъ у нанимающаго. Если же рабочій способенъ иногда оставить даже свой паспортъ и перейти на другое мѣсто, гдѣ его примутъ и безъ паспорта, то точно также броситъ онъ и свою рабочую книжку и найдетъ себѣ мѣсто, гдѣ его возьмутъ и безъ книжки. Безспорно, что договоръ о наймѣ, хотя бы и словесный, долженъ быть соблюденъ обѣими сторонами, и неисполненіе его подвергаетъ виновнаго взысканію убытковъ; обезпечивать еще чѣмъ-нибудь другимъ исправное исполненіе условія,—положительно нельзя. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать рабочую книжку «обязательною». Придется для этого или подвергать взысканію обѣ стороны, вступившія въ договоръ о личномъ наймѣ безъ соблюденія правила о рабочей книжкѣ, или отказывать въ судебной защитѣ всякій разъ, когда это правило не будетъ соблюдено. Но какое бы взысканіе ни установить,—оно ни къ чему не поведетъ: слабое потому, что

никого не устрашая, оно не предотвратитъ нарушеній; слишкомъ строгое—оттого, что оно будетъ служить достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы не доводить дѣла до суда во избѣжаніе тяжкихъ послѣдствій. Отказывать же въ судебной защитѣ, въ правосудіи потому только, что не была соблюдена формальность, т.-е. не было рабочей книжки, хотя бы другими доказательствами подтверждалось неоспоримо существованіе договора, — значило бы принести сущность дѣла и право въ жертву формальности и уронить авторитетъ судебной власти, завѣдомо совершающей несправедливость.

Что же касается рабочей книжки, какъ содержащей въ себѣ аттестатъ нанимающагося, то въ этомъ отношеніи она совсѣмъ непригодна. Вопросъ объ аттестаціи рабочихъ и слугъ есть также вопросъ старый. Въ западной Европѣ онъ уже давно порѣшенъ въ томъ смыслѣ, что нельзя одному человѣку давать право произвольной оцѣнки качествъ другого человѣка. У насъ этотъ вопросъ былъ поднятъ еще за тридцать лѣтъ до рабочей книжки. Но съ 1833-го года, т.-е. съ самаго начала, законодательная власть постоянно стремилась къ ограниченію этого права нанимателей, и если не уничтожила еще его вовсе въ Петербургѣ и Москвѣ, то принимая, безъ сомнѣнія, во вниманіе тѣ затрудненія, съ которыми связано установленіе правильныхъ отношеній между обѣими сторонами, оно свело эту аттестацію къ простой отмѣткѣ на адресномъ билетѣ о томъ, что нанявшійся отпущенъ, безъ всякаго обозначенія причинъ, но за то съ обозначеніемъ срока пребыванія на мѣстѣ, что замѣняетъ собою глухую аттестацію о неблагонадежности нанимающагося. Такой взглядъ нашего законодательства на выдачу аттестатовъ вполнѣ правиленъ и разуменъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на вопросъ; жаль только, что онъ не доведенъ до конца, т.-е. вовсе не уничтожены какія бы то ни было отмѣтки на адресныхъ билетахъ. Такъ, если взглянуть на него съ точки зрѣнія юридической, то невольно бросается въ глаза, что въ то время, когда съ прекращеніемъ всякаго договора оканчиваются всѣ взаимныя обязательства обѣихъ сторонъ и ни одна изъ нихъ не сохраняетъ никакого вліянія на другую, на вступленіе ея въ послѣдующіе договоры,—аттестація (все равно—будетъ ли она говорить о качествахъ рабочаго или только о срокѣ его послѣдняго пребыванія на мѣстѣ), дѣлаемая въ рабочей книжкѣ, подчиняетъ одну изъ участвующихъ въ договорѣ найма сторонъ другой даже и по прекращеніи договора. Такимъ образомъ, наемъ къ одному лицу сохраняетъ за послѣднимъ право, простирающееся далеко за предѣлы заключеннаго договора и вовсе изъ него не вытекающее,

право по произволу вліять на дальнѣйшее вступленіе другой стороны въ новый договоръ. Да и можно ли въ сколько-нибудь благоустроенномъ обществѣ подчинять однихъ его полноправныхъ членовъ другимъ до такой степени, что наниматель, по своему капризу, будетъ предрѣшать будущность рабочаго или слуги, т.-е. заранѣе рѣшать, найдетъ ли онъ себѣ трудъ или нѣтъ, найдетъ ли вознагражденіе за этотъ трудъ въ томъ или другомъ размѣрѣ, ибо естественно размѣръ его будетъ зависѣть отъ большей или меньшей степени добропорядочности нанимающагося, понятіе о которой будетъ составляться на основаніи отмѣтокъ прежнихъ нанимателей.

Главнымъ образомъ изъ всего того, что мы до сихъ поръ говорили объ обязательной рабочей книжкѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ ее обыкновенно предлагаютъ, какъ самую простую и незатѣйливую мѣру, — выходитъ, что она можетъ только водворить неравноправность двухъ сторонъ, участвующихъ въ договорѣ найма, неравноправность способную поселить взаимное раздраженіе сторонъ, ведущее обыкновенно къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. При этомъ для Россіи, особенно для тѣхъ мѣстностей, которыя не богаты рабочими руками, въ виду избытка всякихъ стѣснительныхъ мѣръ противъ свободы передвиженія, рабочая книжка можетъ имѣть самое вредное вліяніе для самихъ нанимателей. Нѣтъ сомнѣнія, что установленіе такой новой стѣснительной мѣры можетъ только усилить недостатокъ рабочихъ рукъ во вредъ промышленности, возвысить заработную плату въ ущербъ нанимателямъ, такъ какъ умноженіе неудобствъ и затрудненій, съ которыми будетъ связанъ личный наемъ, не будутъ вызывать охоты и привлекать къ такому труду.

Все сказанное нами противъ обязательной рабочей книжки вовсе однако не доказываетъ, чтобы желательно было оставить нынѣ существующія гражданскія отношенія рабочихъ и нанимателей въ прежнемъ ихъ неопредѣленномъ видѣ. Къ счастію, — рабочая книжка далеко не есть единственный способъ спасенія отъ тѣхъ недоразумѣній, въ которыя легко впадаютъ обѣ договаривающіяся стороны въ дѣлѣ личнаго найма, при отсутствіи письменнаго условія. Всего желательнѣе, конечно, было бы возможное распространеніе письменныхъ договоровъ; но такъ какъ ожидать, чтобы народъ неграмотный и ненавидящій письменность былъ способенъ къ заключенію письменныхъ условій, — очевидно нельзя, то слѣдуетъ прибѣгнуть къ другому способу для установленія болѣе прочныхъ отношеній между нанимателями и нанимающимися. Способъ этотъ — опредѣленіе нормальныхъ условій найма.

Если законодательство считаетъ возможнымъ опредѣлить количество рабочихъ часовъ, обязательность извѣстныхъ санитарныхъ условій, то едва-ли можетъ встрѣтиться затрудненіе къ установленію нормальныхъ условій личнаго найма. Тутъ конечно не нужна подробная регламентація, которая всегда только способна запутать дѣло; но два, самыя существенныя препятствія къ правильному разрѣшенію споровъ въ дѣлахъ о личномъ наймѣ—это, во-первыхъ, срокъ найма, и во-вторыхъ—договорная за работу плата. Оба эти препятствія легко устранимы. Почему бы, напримѣръ, не узаконить, что при отсутствіи письменнаго договора о наймѣ, или при необозначеніи въ заключенномъ договорѣ срока, на который договоръ заключенъ, слѣдуетъ признавать, что дѣйствіе договора продолжается мѣсяцъ. Что же касается заработной платы, то и въ этомъ отношеніи едва-ли можетъ встрѣтиться затрудненіе, если на обязанности земства каждаго уѣзда или губерніи, а также на обязанности общественнаго управленія города будетъ лежать, въ извѣстные періоды года, опредѣленіе, на основаніи среднихъ цѣнъ, нормальной цѣнности извѣстной заработной платы. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ этомъ отношеніи никакихъ неудобствъ не представится. Если теперь въ дѣлахъ о личномъ наймѣ приходится нерѣдко суду, для опредѣленія договорной платы, основываться на показаніяхъ свидѣтелей или экспертовъ, то почему же придавать менѣе вѣры и значенія показанію цѣлаго общественнаго управленія. Нужды нѣтъ, что этотъ размѣръ будетъ въ одномъ случаѣ выше, въ другомъ ниже дѣйствительно слѣдующей платы; иной исходъ, при отсутствіи добровольно заключеннаго нанимателя съ наемщикомъ письменнаго условія,—положительно невозможенъ.

Со временемъ, при новомъ накопленіи въ судебной практикѣ случаевъ, характеризующихъ положеніе нашего рабочаго населенія, мы еще возвратимся и къ вопросу объ установленіи нормальныхъ отношеній между рабочими и нанимателями. Теперь же, исчерпавши всѣ сколько-нибудь интересныя, въ этомъ отношеніи, судебныя дѣла послѣдняго времени, намъ бы хотѣлось передать нѣкоторыя впечатлѣнія, вынесенныя вообще изъ уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ минувшую половину нынѣшняго года. Въ это время уголовныя дѣла, производившіяся въ Петербургѣ и Москвѣ, не представляли ничего особенно интереснаго. На этотъ разъ отличилась провинція, — главнымъ образомъ процессомъ Карицкаго и Дмитріевой.

Дѣло это достаточно извѣстно; о немъ много и говорилось

и печаталось. Поэтому мы не станемъ разсказывать его подробно и возьмемъ только изъ предварительнаго и судебнаго слѣдствія наиболѣе выдающіеся факты для того, чтобы легче было судить: основательно ли было обвиненіе и чѣмъ объясняется оправдательный приговоръ присяжныхъ.

II.

Дѣло Дмитріевой и Карицкаго кончено. Съ того дня, когда кассаціонный сенатъ призналъ протестъ прокурора неосновательнымъ и оставилъ не отмѣненнымъ оправдательный приговоръ присяжныхъ,—пропала надежда на то, что рѣшеніе, правильность котораго признавалась болѣе, нежели сомнительною, измѣнится. За то теперь можно взглянуть на это дѣло, какъ на фактъ уже совершившійся и взглянуть на него спокойно, безпристрастно.

Въ уголовной лѣтописи процессъ Дмитріевой и Карицкаго не займетъ виднаго мѣста. Кража и вытравленіе плода, — преступленія, къ сожалѣнію, не рѣдкія и притомъ такія, въ которыхъ весьма часто виновныхъ не находится. Въ своихъ подробностяхъ дѣло это не представило ничего особеннаго въ юридическомъ отношеніи. Даже рѣчи извѣстныхъ адвокатовъ, съѣхавшихся въ Рязань изъ Петербурга и Москвы, не представили собою ничего выдающагося.

Но за то въ лѣтописи нашей общественной жизни и преимущественно жизни провинціальной тѣхъ слоевъ, которыхъ не смѣетъ касаться провинціальная печать, дѣло Дмитріевой, во всѣхъ его подробностяхъ, останется навсегда однимъ изъ самыхъ выдающихся фактовъ. Дѣло Дмитріевой, — это семейная драма изъ провинціальной жизни, драма не выдуманная, съ живыми дѣйствующими лицами, не успѣвшими скрыть своихъ страстей, желаній и инстинктовъ, своихъ друзей и покровителей. Въ дѣлѣ Дмитріевой рисуется вся провинціальная жизнь, незнакомая съ какимъ-либо духовнымъ наслажденіемъ, но для которой за то доступны и понятны блага матеріальныя во всѣхъ ихъ видахъ. Этимъ условіямъ жизни одинаково подчиняются всѣ дѣйствующія лица, начиная съ губернской аристократіи и кончая ихъ прислугой. Въ эту тину, въ это всепоглощающее болото втягивается всякій, случайно попадающій въ провинціальную среду, если только ему не удастся спасти себя одиночествомъ, похожимъ на аскетизмъ, или не посчастливится найти двухъ трехъ людей, способныхъ тратить время не на одни только карты, сплетни и любовныя интриги.

Взгляните на дѣйствующихъ лицъ въ дѣлѣ Дмитріевой, прослѣдите инстинкты ими руководившіе.

Вѣра Павловна Дмитріева — дочь довольно богатыхъ помѣщиковъ, 17-ти лѣтъ выдается замужъ за офицера пѣхотнаго полка. Любить своего мужа она, повидимому, не могла, разрушить брачный съ нимъ союзъ она, если и желала, то не имѣла права въ силу неразрывности нашего церковнаго брака. Кто былъ причиною несогласій между молодыми супругами — осталось неизвѣстнымъ. На судѣ мужъ Вѣры Павловны, рыдая, такъ говорилъ о ней:

«Клянусь крестомъ и евангеліемъ, я ничего не могу сказать про нее кромѣ хорошаго.... Я самъ во всемъ виноватъ.... Она можетъ совершенно подчиниться тому, кто будетъ мягко обращаться съ нею: характеръ у нея мягкій, добрый, слабый...»

Не будучи въ состояніи жить съ нелюбимымъ человѣкомъ, Дмитріева оставила мужа. Къ счастію для нея онъ былъ настолько честенъ, что не злоупотреблялъ своимъ супружескимъ правомъ и не требовалъ къ себѣ жену для «совмѣстнаго по закону жительства». Быть можетъ, еслибы онъ сдѣлалъ это, то при страстномъ темпераментѣ Дмитріевой развязка вышла бы еще болѣе трагическая. Къ счастію для обоихъ этого не случилось, и Вѣра Павловна, уѣхавши отъ мужа, переселилась къ родителямъ въ Рязанскую губернію.

Тутъ, живя въ деревнѣ, она встрѣтилась съ человѣкомъ женатымъ и не молодымъ, занимающимъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ губернской аристократіи. Рязанскій воинскій начальникъ, полковникъ Николай Никитичъ Кострубо-Карицкій — человѣкъ съ характеромъ сильнымъ и натурой энергической; это человѣкъ, правда, старыхъ понятій и строгій формалистъ, но онъ никогда не теряется и даже на скамьѣ подсудимыхъ, защищая свою будущность, напрягая всѣ силы своего ума для того, чтобы отрицать рѣшительно все, онъ не забываетъ того, что онъ воинскій начальникъ и блюдетъ за дисциплиной.

«Я попрошу удалить свидѣтеля въ особую комнату» — сказалъ Карицкій предсѣдателю суда послѣ того, какъ тотъ окончилъ допросъ свидѣтеля, арестанта Громова, и по принятому обычаю пригласилъ его сѣсть. Просьба Карицкаго была исполнена и свидѣтель выведенъ изъ залы засѣданія.

«Я потому просилъ удалить его», продолжалъ тогда подсудимый полковникъ, «что вы, г. предсѣдатель, предложили ему сѣсть, а онъ не смѣетъ сѣсть въ моемъ присутствіи. Еслибы онъ сдѣлалъ это, то подлежалъ бы отдачѣ подъ судъ...»

Такой человѣкъ можетъ не нравиться, ему трудно симпатизировать, но онъ легко могъ подчинить себѣ молодую, неразвитую женщину и вполнѣ овладѣть ея волей. Дѣйствительно, скоро Дмитріева совершенно подчинилась Карицкому. Онъ часто бывалъ у ея родителей, его посѣщенія и короткость съ нею прикрывались родственными отношеніями: Карицкій приходится двоюроднымъ племянникомъ жены дяди Дмитріевой. Такое отдаленное родство можетъ имѣть значеніе даже и въ провинціи только развѣ для того, чтобы прикрывались другія, болѣе близкія связи.

Черезъ нѣсколько времени Вѣра Павловна переѣхала въ Рязань, гдѣ и жила довольно скромно. Видѣлась она съ Карицкимъ часто; подружившись съ его женою, она часто бывала въ ихъ домѣ, а самъ онъ навѣщалъ ее каждый день и короткость свою простиралъ до того, что приглашалъ въ квартиру Дмитріевой зубного врача для дерганья больного своего зуба. При этомъ онъ окружалъ свою дальнюю родственницу возможнымъ вниманіемъ: давалъ ей свой экипажъ, посылалъ ей для услугъ солдатъ и т. п.

Все это впослѣдствіи Карицкій смѣло отвергалъ, ссылаясь на выставленныхъ имъ свидѣтелей. Но, къ сожалѣнію, излишнее отрицаніе расходилось слишкомъ ярко съ показаніями другихъ свидѣтелей и тѣмъ самымъ само себя побивало.

«Я никогда не позволилъ бы себѣ взять солдата для женщины» — говорилъ на судебномъ слѣдствіи полковникъ такимъ тономъ, въ которомъ слышалось оскорбленное чувство воина.— «Я офицерамъ не позволялъ брать для услуженія солдатъ. Правда, у отца Дмитріевой, въ деревнѣ, бывало человѣкъ по пяти отпускныхъ солдатъ, которые поступали къ нему по моей рекомендаціи. Но чтобы я давалъ ей въ услуженіе своихъ солдатъ — слѣдствіе этого не доказало....»

— «Я жила у Вѣры Павловны горничною—показывала подъ присягою мѣщанка Марья Царькова. Отличная она была барыня; кромѣ хорошаго я ничего не могу про нее сказать. Я живала у ней въ Рязани только по временамъ, а больше жила въ деревнѣ. Здѣсь служила ей Елисавета Өедоровна (Кассель) и солдаты, которыхъ присылалъ полковникъ Карицкій.

«Въ чемъ были одѣты эти солдаты?» спросилъ предсѣдатель.

— Обыкновенно какъ одѣваются: мундиръ, фуражка, портупеей подпоясанъ и въ немъ штыкъ торчитъ.

«Почему вы знаете, что ихъ присылалъ Карицкій?»

— Да они сами говаривали, что отъ Карицкаго. Иногда

придутъ смѣняться, да и разговариваютъ, что у полковника Карицкаго сердится поваръ, что онъ своихъ вѣстовыхъ сюда посылаетъ, а дома дѣловъ много.

«Что же дѣлали у васъ эти солдаты?»

— Воду носили, на посылкахъ служили.

«Самъ Карицкій часто бывалъ у вашей барыни?» спросилъ товарищъ прокурора.

— Прежде онъ бывалъ часто, а въ послѣднее время сталъ ѣздить рѣже. Мы полагали, что онъ родственникъ и ничего между ними не замѣчали. Бывалъ онъ и по утрамъ, и по вечерамъ—какъ придется. Иногда засидится почти до утра и я за нимъ дверь запру. . . . .

. . . .

— Встрѣчали вы у Дмитріевой Карицкаго или жену его? спрашивалъ защитникъ Карицкаго, Плевако, выставленнаго его кліентомъ свидѣтеля, врача Модестова.

— Карицкаго я ни разу не видалъ у ней, а жену его постоянно, отвѣчалъ подъ присягою Модестовъ. Дмитріева была съ нею, кажется, въ очень хорошихъ отношеніяхъ.... Но Карицкаго я не встрѣчалъ никогда, хотя бывалъ у Дмитріевой довольно часто и по утрамъ и по вечерамъ.

«Вы меня встрѣчали у Дмитріевой, г. Модестовъ? спросилъ подсудимый Карицкій.

— Нѣтъ, вѣдь я уже заявилъ, что видалъ у нея только вашу супругу.

«Скажите, въ какое время вы у меня бывали? обратилась къ свидѣтелю Дмитріева.

— Въ разное время, и утромъ и вечеромъ.

«Очень часто?

— Прежде изрѣдка, а потомъ, когда былъ у васъ годовымъ медикомъ, довольно часто.

«Карицкую вы у меня не видѣли?

— Нѣтъ, видалъ очень часто.

«Въ какомъ году это было?

— Въ 1868 г.

«Такъ позвольте же заявить, г. предсѣдатель, заговорила, волнуясь, Дмитріева, что жены Карицкаго въ это время не было въ Рязани. Она уѣхала совсѣмъ въ Одессу въ началѣ сентября 1867-го года.

«Да, это правда; свидѣтель должно быть ошибся...», замѣтилъ Карицкій.

«Вы говорите, обратилась къ свидѣтелю Дмитріева, что ни разу не встрѣчали у меня самого Карицкаго... Но я напомню

вамъ два случая: во-первыхъ, вы встрѣтили его у меня одинъ разъ при Правдинѣ, который подтвердитъ это.

— Да, это дѣйствительно... отвѣчалъ смѣшавшись свидѣтель.

«Я и другой случай помню: вы еще разъ видѣли у меня Карицкаго...

— Нѣтъ .. не помню...

«Это вѣрно...

— Но припомнить все невозможно... Бываешь во многихъ домахъ, видишь много лицъ..., оправдывался свидѣтель, ссылаясь на слабую память...

Близкія отношенія Дмитріевой съ Карицкимъ длились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ это время она сдѣлалась беременна. Боязнь родителей и скандала могли, и помимо вліянія Карицкаго, заставить Дмитріеву желать во что бы то ни стало избавиться отъ живой улики ея незаконной связи. Быть можетъ, впрочемъ, что она одна не имѣла бы средствъ сдѣлать то, въ чемъ ей могъ помочь только Карицкій, человѣкъ съ вѣсомъ и большимъ вліяніемъ въ губернскомъ городѣ. Воинскій начальникъ, имѣющій по своимъ служебнымъ занятіямъ сношенія со всѣмъ губернскимъ высшимъ міромъ, имѣлъ ихъ конечно и съ инспекторомъ врачебнаго отдѣленія, гдѣ свидѣтельствуются солдаты и рекруты. Инспекторъ врачебнаго отдѣленія, Дюзингъ, слишкомъ мало знакомый съ женскими болѣзнями, не рѣшился однако самъ помочь Карицкому и Дмитріевой въ ихъ намѣреніи изгнать плодъ и вступилъ по этому предмету въ переписку съ скопинскимъ врачемъ, Сапожковымъ, котораго уговариваютъ перейти въ Рязань. Сапожковъ не сразу рѣшается оставить Скопинъ, гдѣ онъ уже пріобрѣлъ себѣ и практику и положеніе, но наконецъ соглашается: предложенія Дюзинга очень ужъ были соблазнительны. «Дѣло о вашемъ перемѣщеніи — въ шляпѣ; я такъ устроилъ дѣло, что начальникъ губерніи самъ далъ предложеніе васъ опредѣлить на мѣсто рязанскаго уѣзднаго врача», писалъ Дюзингъ Сапожкову 11-го іюня. Спустя полтора мѣсяца Дюзингъ торопитъ Сапожкова «пріѣхать на одинъ день къ нему для совѣщанія объ одной больной», говоритъ, что ему нужно переговорить съ Сапожковымъ объ одномъ дѣлѣ, за которое тотъ можетъ получить порядочное вознагражденіе, и наконецъ проситъ у Сапожкова 75 рублей въ займы. Черезъ двѣ недѣли послѣ того Дюзингъ уже прямо пишетъ Сапожкову: «Особа, о которой я вамъ говорилъ, пріѣхала и желаетъ васъ видѣть, дабы посовѣтоваться съ вами о ея болѣзни. А потому съ полученія сего пріѣзжайте въ Рязань, взявъ съ собою по

крайней мѣрѣ маточное зеркало и маточный зондъ. Вы знаете для какой надобности. Будущая практика ваша значительно можетъ увеличиваться на будущее время черезъ рекомендацію этой особы. Труды ваши, кромѣ того, будутъ вознаграждены... Я говорилъ уже на счетъ васъ и Стародубскаго съ губернаторомъ; онъ, по настоянію моему, никогда не согласенъ перемѣнить свое разъ высказанное намѣреніе, чтобы вы были здѣсь уѣзднымъ врачемъ. Стародубскому уже отказано. Будьте въ этомъ отношеніи благонадежны».

Сапожковъ переѣхалъ изъ Скопина въ Рязань на мѣсто уѣзднаго врача «не по ходатайству Дюзинга, а для пользы службы, какъ опытный и искусный врачъ», впослѣдствіи показывалъ рязанскій губернаторъ Болдыревъ. Тутъ, вмѣстѣ съ Дюзингомъ, они принялись исполнять то, чего отъ нихъ требовали Карицкій и Дмитріева. Вводился зондъ, употреблялись горячія души, давалась даже спорынья внутрь—ничто не дѣйствовало. Довести дѣло до конца не рѣшались ни Дюзингъ, ни Сапожковъ, первый быть можетъ по неумѣнью, а второй потому, что у него «рука не поднималась на это». Тѣмъ не менѣе изгнаніе плода послѣдовало, какъ утверждала Дмитріева, при помощи Карицкаго, совершившаго собственноручно необходимую операцію у себя на квартирѣ.

Послѣ этого Дмитріева заболѣла и заболѣла опасно. Къ ней пріѣхала изъ деревни мать; лечилъ ее Сапожковъ. Во время этой болѣзни, когда Дмитріева находилась въ бреду, она, не сознавая ничего окружающаго, говорила при матери: «кровь... кровь... Николай Никитичъ, у васъ сюртукъ въ крови!... Николай, дай напиться!... больно, больно!...» и при этомъ прямо называла то, въ чемъ состояла операція.

Болѣзнь Дмитріевой, настоящую причину которой знало не много лицъ, не имѣвшихъ выгоды болтать объ ней,—прошла и ея отношенія къ Карицкому пошли по прежнему. Оба они бывали у родныхъ Дмитріевой, въ томъ числѣ и у ея дяди, Галича. Во время этихъ посѣщеній Карицкій ночевалъ въ кабинетѣ Галича, а Дмитріева въ дѣтской. Въ кабинетѣ Галича, въ его столѣ, хранились у него разныя процентныя бумаги въ пачкахъ. Пачекъ этихъ было три, но содержаніе ихъ Галичъ, повидимому, провѣрялъ рѣдко. Годъ спустя послѣ болѣзни Дмитріевой, лѣтомъ 1868 года, послѣ того, какъ Карицкій и Дмитріева были въ гостяхъ у Галича, обнаружилась кража одной пачки процентныхъ бумагъ, имянныхъ и безъимянныхъ. Опредѣлить съ точностью время, когда произведена была кража, положительно нельзя, такъ какъ этого не могъ или не хотѣлъ

сдѣлать самъ Галичъ, т.-е. лицо, потерпѣвшее отъ преступленія. На судебномъ слѣдствіи, въ теченіе допроса, продолжавшагося почти день, Галичъ давалъ показанія до того неясныя и противорѣчивыя, что даже нельзя было опредѣлить, гдѣ произведена кража — въ деревнѣ или Липецкѣ, куда пріѣзжалъ Галичъ и бралъ съ собою пачки съ билетами. Оцѣнка показаній Галича сдѣлана весьма вѣрно представителемъ обвинительной власти: «или Галичъ совсѣмъ не зналъ, есть ли у него деньги и какое значеніе имѣютъ тѣ пачки, которыя жена держала у него въ столѣ, или онъ страдалъ тогда, какъ и теперь, разстройствомъ умственныхъ способностей, или, наконецъ, онъ даетъ свои показанія по чьей-нибудь, заранѣе подготовленной программѣ».

Но судя по предварительному слѣдствію, кража была обнаружена въ деревнѣ и объ этомъ подано было тотчасъ же заявленіе.

Сначала заподозрили въ кражѣ лакея, продержали его цѣлый мѣсяцъ подъ арестомъ, но потомъ выпустили за отсутствіемъ всякихъ противъ него уликъ. А спустя нѣсколько времени, оказалось, что нѣкоторые изъ проданныхъ билетовъ проданы были Дмитріевою въ Ряжскѣ. Билеты эти, какъ объясняла впослѣдствіи Дмитріева, она получила отъ Карицкаго, съ которымъ передъ тѣмъ ѣздила въ Москву для размѣна билетовъ, что́, впрочемъ, ей не удалось, такъ какъ банкирскія конторы уже были предувѣдомлены о нумерахъ украденныхъ билетовъ.

Карицкій отвергалъ и въ этомъ случаѣ все, т.-е. и передачу имъ билетовъ Дмитріевой и поѣздку съ нею въ Москву. Рядъ свидѣтелей, бывшихъ его подчиненныхъ, подтверждалъ на судѣ, что военный начальникъ никуда въ это время изъ Рязани не ѣздилъ. Самъ Карицкій, желая доказать, что онъ никуда и никогда не отлучался изъ города, не сдавши свою должность, сказалъ:

«Я долженъ заявить суду, что не только на одинъ день, но и на одинъ часъ не можетъ уѣхать воинскій начальникъ изъ города, не поручивъ кому-нибудь исправленіе своей должности, потому что воинскій начальникъ есть комендантъ города. Если случится пожаръ или безпорядокъ въ острогѣ, а воинскій начальникъ уѣхалъ куда-нибудь,—онъ подвергается за это отвѣтственности... Я уѣзжалъ иногда обѣдать часа на два къ помѣщику Лихареву версты за три отъ Рязани, и то я всегда назначалъ исправляющаго должность»....

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого заявленія въ залу за-

сѣданія вошелъ свидѣтель поручикъ Филипповъ, дѣлопроизводитель въ управленіи воинскаго начальника, выдавшій вмѣстѣ съ своими сослуживцами свидѣтельство Карицкому въ томъ, что «не только при отъѣздѣ полковника изъ Рязани на день или болѣе, но и при отъѣздѣ даже на 3—4 часа за городъ, сообщалось старшему изъ баталіонныхъ командировъ объ исправленіи обязанности воинскаго начальника».

«Скажите, обратился къ свидѣтелю предсѣдатель, во время вашей службы въ управленіи воинскаго начальника бывали такіе примѣры, чтобы Карицкій уѣзжалъ изъ Рязани за нѣсколько верстъ, на нѣсколько часовъ, напримѣръ, хоть въ гости къ какому-нибудь помѣщику, давалъ бы приказъ объ исправленіи своей должности»?

— Не помню-съ... нѣтъ... такихъ примѣровъ не бывало.., отвѣчалъ свидѣтель, очевидно забывшій о подписанномъ имъ самимъ свидѣтельствѣ...

Какъ бы то ни было, но когда Галичъ узналъ, что въ Ряжскѣ какая-то дама мѣняла его процентные билеты, ему уже не трудно было собрать свѣдѣнія объ этой дамѣ, которая оказалась его племянницей. Тогда Галичъ вмѣстѣ съ женою отправляются къ больной Дмитріевой и прямо спрашиваютъ ее, была ли она въ Ряжскѣ и гдѣ взяла размѣненные тамъ билеты. Смущенная этими вопросами Дмитріева сказала дядѣ, что объ этомъ знаетъ Карицкій, котораго просила пригласить къ ней. Карицкій сначала отказывался пріѣхать, но наконецъ пріѣхалъ, прямо пошелъ въ спальню, гдѣ больная Дмитріева лежала въ постели, и остался тамъ съ нею наединѣ. Что они тамъ говорили—никто конечно не слыхалъ; Дмитріева утверждала потомъ, что Карицкій упрашивалъ ее не говорить, что билеты она получила отъ него, и принять все на себя, обѣщая, при своихъ связяхъ и близкомъ знакомствѣ съ прокуроромъ окружнаго суда, потушить все это дѣло. Какъ бы то ни было, но когда окончилось это свиданіе и Карицкій вышелъ изъ спальни, то онъ обьявилъ роднымъ Дмитріевой, что она созналась и всѣ билеты сожжены. Вслѣдъ затѣмъ вышла изъ спальни Дмитріева и сама подтвердила это сознаніе...

Но потушить дѣло оказалось невозможнымъ; слѣдствіе уже началось и больную Дмитріеву арестовали и посадили въ острогъ, въ больничное отдѣленіе.

Тутъ она остается одна — съ своими физическими и нравственными страданіями. Всѣ ее оставили, и даже Карицкій, расточавшій ей недавно всевозможныя родственныя ласки—бро-

силъ ее. Несчастная женщина не знаетъ, что ей дѣлать, не знаетъ къ кому ей обратиться и въ цѣломъ городѣ не находитъ ни одного человѣка, у котораго могла бы попросить совѣта. Тогда она вспоминаетъ о товарищѣ прокурора московскаго окружнаго суда Костылевѣ, который жилъ въ Рязани и былъ съ нею знакомъ, и проситъ его пріѣхать. Костылевъ исполняетъ эту просьбу и тутъ, въ острожной больницѣ, при первомъ же свиданіи Дмитріева разсказываетъ ему откровенно и подробно все: какъ она была въ связи съ Карицкимъ, какъ было произведено изгнаніе плода, какъ посылалъ ее Карицкій мѣнять билеты и какъ упросилъ ее взять на себя вину.

Послѣ отъѣзда Костылева, Дмитріева еще разъ повторила тотъ же разсказъ судебному слѣдователю. Съ этихъ поръ начатое дѣло о кражѣ приняло новый оборотъ; къ обвиненію были привлечены новыя лица и самое дѣло усложнилось новыми обстоятельствами.

Но это не мѣшало Карицкому оставаться на свободѣ. Таже самая обвинительная власть, которая считала возможнымъ, по первому подозрѣнію въ кражѣ, арестовать лакея Галича, не посягала на личность Карицкаго. И Карицкій пользовался своей свободой. Если онъ не посѣщалъ явно Дмитріеву, то онъ видѣлся съ нею тайно, два раза, въ больницѣ и въ острогѣ.

Напрасно Карицкій старался отвергать эти свиданія. Свиданіе въ острогѣ въ особенности представляется несомнѣннымъ. Оно подтверждалось показаніями свидѣтелей, правда, не принадлежавшихъ къ высшимъ сферамъ губернской аристократіи, но за то такихъ лицъ, которые, еслибъ не хотѣли жертвовать своими интересами, то должны были бы показывать совершенно противное тому, что они говорили на судѣ.

Рязанскій нотаріусъ, Соколовъ, подъ присягою показывалъ, что смотритель острога, Морозовъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ, разсказывалъ ему сначала, что Карицкій просилъ его устроить свиданіе съ Дмитріевой, но онъ не соглашается, боясь прокурорскаго надзора, а потомъ, черезъ недѣлю, сообщилъ, что онъ допустилъ это свиданіе.

Четыре арестанта, сидѣвшихъ въ острогѣ, показали, что однажды вечеромъ они видѣли, какъ подъѣхалъ къ острогу Карицкій и какъ, потомъ, провели черезъ дворъ Дмитріеву. Въ памяти арестантовъ, — для которыхъ пріѣздъ воинскаго начальника составляетъ важное событіе, — оно не могло не врѣзаться. Напрасно штабсъ-капитанъ Морозовъ, бывшій смотритель острога, на очной ставкѣ съ Соколовымъ и арестантами

стоялъ на своемъ, что онъ «ничего по этому дѣлу не знаетъ». Напрасно также Карицкій въ отвѣтъ Дмитріевой, которая стала убѣждать Морозова припомнить, какъ онъ свелъ ее съ Карицкимъ, воскликнулъ: «это ужъ не просто ложь, а дерзкая ложь!» Напрасно было это голое отрицаніе потому, что только свиданіе Карицкаго съ Дмитріевой можетъ объяснить происхожденіе записки Дмитріевой на имя Кассель, писанной ею изъ тюрьмы съ очевидною цѣлью поколебать достовѣрность первоначальнаго показанія Дмитріевой.

Если ужъ гдѣ видна «не простая, а дерзкая ложь», такъ это не въ разсказѣ и показаніяхъ Дмитріевой, а въ цѣлой половинѣ дѣла. Рядъ свидѣтелей подъ присягою удостовѣряетъ то, что другой рядъ свидѣтелей точно также отвергаетъ. Гдѣ въ этомъ случаѣ была правда и гдѣ «дерзкая ложь»—должны были рѣшить присяжные. Но они этого вопроса не рѣшили; они признали *всѣхъ* невиновными. Корреспондентъ «Русской Лѣтописи» такъ описываетъ общую картину, по произнесеніи оправдательнаго вердикта:

«Публика выслушала приговоръ присяжныхъ въ глубокомъ молчаніи. Карицкій три раза перекрестился и черезъ рѣшетку обнялся съ своимъ защитникомъ. Дюзингъ плакалъ; Кассель цѣловала своего защитника; Сапожковъ и Дмитріева сидѣли, мрачно углубившись внутрь себя.

— Господа, обратился предсѣдатель къ подсудимымъ, — вы свободны. Можете выйти изъ-за рѣшетки и сѣсть тамъ, гдѣ сидятъ всѣ честные, не запятнанные судомъ люди».

Дюзингъ, Сапожковъ и Кассель вышли. Дмитріева неподвижно сидѣла, прижавшись къ рѣшеткѣ и склонивъ на нее голову. Карицкій тоже оставался въ своемъ углу. Для того, чтобы выйти, ему нужно было пройти мимо Дмитріевой, и онъ, казалось, ждалъ, чтобы она вышла первая.

Затѣмъ предсѣдатель объявилъ резолюцію и закрылъ засѣданіе.

Судъ удалился изъ залы. Было около 9-ти часовъ вечера. Публика толпилась кругомъ подсудимыхъ, — всѣ весело поздравляли ихъ. Дмитріева задумчиво стояла у входа за рѣшетку, за которою провела она десять дней. Что-то странное было на лицѣ ея: чахоточный румянецъ ярко горѣлъ, но глаза потускли и ничего нельзя было прочесть въ нихъ, — ни радости, ни горя. Проходя мимо, Карицкій нагнулся къ ней и протянулъ руку.

— Поздравляю васъ, Вѣра Павловна! сказалъ онъ. Поздравляю.

Дмитріева быстро отвернулась, судорога пробѣжала по губамъ ея.

Между тѣмъ Карицкій подошелъ къ присяжнымъ, которые столпились около своихъ мѣстъ.

— Господа! говорилъ онъ пожимая имъ руки, — вашъ приговоръ справедливъ. Клянусь вамъ Богомъ, клянусь прахомъ моей матери, что я невиненъ!... Если я лгу, пусть застану я мертвыми дѣтей своихъ, когда пріѣду домой....

Выговоривъ эту страшную клятву, полковникъ отбѣжалъ въ другую сторону, сталъ въ проходѣ между боковой дверью и мѣстами защитниковъ и началъ принимать поздравленія. Публика толпами повалила изъ залы. По дорогѣ, всѣ проходившіе мимо Карицкаго останавливались и лобызались съ нимъ.

Въ это время къ Дмитріевой, которую горячо цѣлуя, обступали дамы, подошелъ со слезами на глазахъ Дюзингъ.

— А! поздравляю, поздравляю васъ! заговорилъ онъ, схвативъ ея руку. Такой хорошій приговоръ.

— Благодарю васъ, Августъ Өедоровичъ, отвѣчала Дмитріева. Простите.... простите меня, Августъ Өедоровичъ за то, что я говорила и противъ васъ...

— Э! что теперь вспоминать объ этомъ, Вѣра Павловна! Всѣ мы виноваты, да все прошло!...»

Передавъ самыя характерныя черты изъ дѣла Карицкаго и Дмитріевой, мы не нашли нужнымъ останавливаться на защитѣ главныхъ подсудимыхъ потому, что защита какъ Карицкаго, такъ и Дмитріевой ничего не сдѣлала для выясненія темныхъ обстоятельствъ дѣла; напротивъ того, оба московскихъ адвоката — Карицкаго, г. Плевако, и Дмитріевой, кн. Урусовъ, въ теченіе процесса гораздо болѣе занимались собою, нежели судьбою своихъ кліентовъ. Въ то время, когда защитникъ Дмитріевой допрашиваетъ свидѣтеля Галича, защитникъ Карицкаго, вмѣсто того, чтобы слушать вопросы и отвѣты, занимается только тѣмъ, что записываетъ число ихъ и затѣмъ проситъ предсѣдателя прервать засѣданіе для того, чтобы дать отдохнуть ему самому и свидѣтелю, которому г. Урусовъ «предложилъ 360 вопросовъ». Стòитъ только г. Урусову заявить просьбу объ удержаніи на ночь въ зданіи суда троихъ свидѣтелей, чтобы такую же просьбу заявилъ и г. Плевако относительно другихъ трехъ свидѣтелей. Несмотря на то, что предсѣдатель суда убѣждаетъ г. Плевако не удерживать одну изъ свидѣтельницъ, Стабникову, потому, что она беременна и нездорова и было бы нечеловѣчно оставлять въ зданіи суда безъ постели и тѣхъ удобствъ, въ которыхъ она

нуждается, г. Плевако стоитъ на своемъ, — что ему нужна Стабникова, также какъ и г. Урусову остальные свидѣтели для дополнительнаго допроса. Тогда, чтобы не удерживать напрасно свидѣтелей, предсѣдатель предложилъ защитникамъ сдѣлать тотчасъ же дополнительный допросъ тѣмъ свидѣтелямъ, которыхъ они хотѣли удержать на ночь, но оказалось, что никакихъ дополнительныхъ вопросовъ защитники предложить не имѣютъ. Личные споры и пререканія двухъ московскихъ адвокатовъ продолжались въ теченіе всего процесса. Г. Плевако нашелъ даже почему-то нужнымъ покичиться передъ г. Урусовымъ своимъ знакомъ присяжнаго повѣреннаго, котораго тотъ не имѣетъ, не понимая того, что этотъ знакъ, какъ доказательство принадлежности къ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, еще болѣе обязывалъ г. Плевако не затягивать дѣло личными, недостойными преніями, ко вреду для подсудимыхъ, которые поручили ему и его товарищамъ свою защиту.

Не находя никакого разъясненія темнаго дѣла относительно двухъ главныхъ подсудимыхъ — Карицкаго и Дмитріевой — въ защитѣ, присяжнымъ оставалось, при постановленіи приговора, основываться на судебномъ слѣдствіи и обвиненіи. Судебное слѣдствіе, несмотря на множество свидѣтелей, выставленныхъ Карицкимъ и подтверждавшихъ голое отрицаніе всего, что только ни касалось его отношеній къ Дмитріевой, — вовсе не было безусловно въ его пользу. Уже по однимъ тѣмъ фактамъ и показаніямъ, которые приведены нами,—можно видѣть, до какой степени шатки и сомнительны были показанія нѣкоторыхъ изъ свидѣтелей; но мы не приводили вовсе показаній и разсказовъ лицъ, говорившихъ, безъ всякаго о томъ вопроса, о своей неподкупности, о своемъ служеніи правдѣ и о святости присяги, тогда какъ въ самыхъ показаніяхъ невольно слышалось что-то совершенно противоположное. Еслибы присяжные признали, что не Дмитріева и выставленные обвиненіемъ свидѣтели утверждаютъ «дерзкую ложь» и обвинили бы Карицкаго, то они не могли въ такомъ случаѣ не обвинить и остальныхъ лицъ. Обвинить Карицкаго въ кражѣ они также не могли, — на это у нихъ было слишкомъ мало уликъ, особенно послѣ того, какъ лицо, потерпѣвшее отъ кражи, т.-е. Галичъ, чуть не утверждалъ, что у него никакой кражи и произведено не было. Между тѣмъ, обвиняя Карицкаго въ изгнаніи плода, присяжные не могли бы оправдать Дмитріеву, которая сама созналась въ этомъ преступленіи, ни Кассель, Дюзинга и Сапожкова, противъ которыхъ судебное слѣдствіе хотя представило меньше уликъ, чѣмъ сколько

давало ихъ предварительное слѣдствіе, но все же и этихъ уликъ могло быть достаточно для обвиненія, особенно въ виду того, что судебное слѣдствіе недостаточно опровергло всѣ тѣ обстоятельства, которыя были доказаны на слѣдствіи предварительномъ. А что вмѣстѣ съ Карицкимъ присяжные не рѣшились обвинить и всѣхъ остальныхъ лицъ, — это совершенно понятно. Совѣсть не позволила имъ покарать Дмитріеву, которая достаточно выстрадала за свой проступокъ, перенеся, въ теченіе двухъ лѣтъ, такія физическія и нравственныя муки, послѣ которыхъ еще новое наказаніе было бы просто безчеловѣчно. Не позволила присяжнымъ совѣсть обвинять и остальныхъ лицъ потому, что преступленія, въ которыхъ эти лица обвинялись, по понятіямъ большинства провинціальнаго общества, даже и не считаются безнравственными дѣйствіями, потому что присяжные, сами жители города Рязани, слишкомъ близко знали, насколько преступныя дѣйствія этихъ лицъ объяснялись тѣми условіями, въ которыя поставила ихъ мѣстная губернская жизнь. Наконецъ, откинувши въ сторону всѣ эти нравственныя причины, которыми могли руководствоваться присяжные, можно ли требовать, чтобы эти двѣнадцать человѣкъ служили безусловной справедливости, тогда какъ кругомъ ихъ эта справедливость попиралась ногами? Можно ли требовать, чтобы эти двѣнадцать человѣкъ отрѣшились отъ традицій и поклоненія силѣ и вліянію, когда кругомъ ихъ все падаетъ ницъ передъ матеріальными благами? Можно ли требовать, чтобы эти двѣнадцать человѣкъ придавали больше вѣры словамъ больной женщины, показаніямъ горничной, какихъ то неизвѣстныхъ доктора и нотаріуса и нѣсколькихъ арестантовъ и арестантокъ, нежели клятвеннымъ завѣреніямъ заслуженнаго полковника и воинскаго начальника, объясненіямъ губернатора и показаніямъ цѣлаго ряда лицъ, съ которыми чуть не всякій день сталкиваются ихъ интересы? Можно ли, говоримъ мы, этого требовать отъ людей, воспитанныхъ въ понятіяхъ недавняго прошлаго, когда самъ законъ обязывалъ судей «при равной степени достовѣрности законныхъ свидѣтелей, въ случаѣ противорѣчія ихъ давать преимущество; 1. Мужчинѣ передъ женщиною. 2. Знатному передъ незнатнымъ. 3. Ученому передъ неученымъ. 4. Духовному передъ свѣтскимъ».

Но если для насъ совершенно понятенъ оправдательный приговоръ присяжныхъ, то мы рѣшительно не знаемъ, чѣмъ объяснить, сколько-нибудь благовидно, образъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ прокурорскаго надзора рязанскаго окружнаго суда. Въ Рязани, въ первый разъ со времени судебной реформы, обвинялъ

не мѣстный прокуроръ или его товарищъ, а товарищъ прокурора московской судебной палаты, пріѣхавшій для этого изъ Москвы. Обвинялъ же онъ потому, что рязанскій прокурорскій надзоръ полагалъ прекратить слѣдствіе, и только московская судебная палата вмѣсто этого сдѣлала постановленіе о преданіи суду обвиняемыхъ, въ томъ числѣ и Карицкаго, какъ главнаго виновнаго. Чѣмъ руководствовался рязанскій прокуроръ, предлагая прекратить слѣдствіе,—мы недоумѣваемъ. Изъ самаго короткаго, поверхностнаго очерка дѣла Дмитріевой и Карицкаго видно, что въ немъ матеріала для обвиненія обоихъ представлялось достаточно. А между тѣмъ этотъ взглядъ рязанскаго прокурора на дѣло объясняетъ многое. Зная, до какой степени несамостоятельны исправляющіе должность судебныхъ слѣдователей и какое сильное вліяніе на производство предварительнаго слѣдствія имѣетъ прокурорскій надзоръ,—легко себѣ объяснить, почему въ этомъ слѣдствіи многое осталось нераскрытымъ, а многое, благодаря пребыванію Карицкаго на свободѣ, успѣло совершенно измѣниться, такъ что на судебномъ слѣдствіи дѣло легко могло бы представляться иначе, еслибы оно ведено было правильно съ самаго начала. Этотъ отказъ мѣстнаго прокурора отъ обвиненія въ дѣлѣ, въ которомъ представлялось достаточно для того данныхъ, былъ повидимому встрѣченъ одобрительно со стороны его начальства, какъ это видно изъ того, что вслѣдъ за дѣломъ Дмитріевой прокуроръ рязанскаго окружнаго суда получилъ высшее назначеніе[1]).

Въ виду такого образа дѣйствій рязанскаго прокурорскаго надзора, — положеніе обвинителя, пріѣхавшаго изъ Москвы и сразу попавшаго въ чуждую и враждебную среду, было весьма затруднительно и нельзя поэтому не признать справедливыми слова г. товарища прокурора московской судебной палаты, Петрова, что его положеніе, какъ обвинителя, въ этомъ дѣлѣ труднѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Нужно отдать справедливость г. Петрову, что, несмотря на невыгодное положеніе, онъ велъ обвиненіе весьма старательно. Въ одномъ его можно упрекнуть,— это въ томъ, что приведенные имъ въ кассаціонномъ протестѣ поводы къ отмѣнѣ рѣшенія слабы.

Упомянувши о той ничѣмъ необъяснимой осторожности, которую обнаружилъ рязанскій прокурорскій надзоръ по дѣлу Дмитріевой и Карицкаго, мы считаемъ нужнымъ сказать, что мы вовсе не противъ такой осмотрительности въ тѣхъ случаяхъ, когда

---

[1]) Г. Жихаревъ назначенъ прокуроромъ саратовской судебной палаты.

она дѣйствительно умѣстна. Мы желали бы даже, чтобы всякій разъ, когда для обвиненія представляется недостаточно данныхъ и нѣтъ жалобы лица потерпѣвшаго отъ преступленія,—прокурорскій надзоръ дѣйствовалъ какъ можно осмотрительнѣе. Нѣтъ надобности возбуждать дѣла, которыя неминуемо должны окончиться оправданіемъ.

Къ числу такихъ дѣлъ принадлежитъ, напримѣръ, дѣло, разсматривавшееся въ прошломъ году въ Харьковѣ, по обвиненію гг. Шидловскаго и Паскевича въ оскорбленіи полицейскаго чиновника, который на это оскорбленіе вовсе и не жаловался. Еслибы даже оскорбленіе и было нанесено, но самъ оскорбленный считаетъ такое оскорбленіе за милость или счастіе, дающее ему право на вознагражденіе не уголовнымъ путемъ, то къ чему было поднимать цѣлое дѣло, окончившееся оправданіемъ подсудимыхъ во взводимомъ на нихъ обвиненіи.

Нѣчто подобное представляетъ другое дѣло, болѣе серьезное, производившееся въ Харьковѣ въ февралѣ нынѣшняго года. Это дѣло по обвиненію г. Рукавишникова въ покушеніи на убійство г. Пащенко; оно осталось почти совершенно неизвѣстнымъ публикѣ, объ немъ въ газетахъ почти не говорилось, тогда какъ обстоятельства этого дѣла вполнѣ заслуживали вниманія.

Въ Харьковѣ, въ домѣ Пащенко и его молодой жены, бывалъ часто, какъ хорошій знакомый и пріятель Пащенко, молодой человѣкъ 18-ти лѣтъ, Рукавишниковъ. Возрастъ г. Рукавишникова, его короткое знакомство съ молодыми супругами, между которыми бывали несогласія, наружность г-жи Пащенко, — все это могло подать поводъ къ тому, что молодой человѣкъ началъ увлекаться, и однажды, когда онъ былъ у Пащенко, тотъ ему посовѣтывалъ бывать у нихъ рѣже. Спустя день, или два послѣ этого, Пащенко былъ въ домѣ у родныхъ Рукавишникова, гдѣ былъ и самъ молодой Рукавишниковъ. Онъ вмѣстѣ съ Пащенко собирался стрѣлять въ комнатѣ въ цѣль изъ пистолета монте-кристо, заряжающагося, какъ извѣстно, не порохомъ, а однимъ капсюлемъ, сила котораго такъ незначительна, что онъ на близкомъ разстояніи выгоняетъ пулю величиною въ среднюю дробину. Вдругъ въ комнатѣ, куда ушли Пащенко и Рукавишниковъ, раздался выстрѣлъ,—изъ двери выбѣжалъ Пащенко и по всему дому распространилось извѣстіе, что Рукавишниковъ въ него выстрѣлилъ изъ пистолета. Побѣжали за докторомъ; тотъ сталъ отыскивать пулю, которая ранила Пащенко въ грудь и скользнувъ по ребру, прошла въ бокъ. Операція вынимания пули произвела сильную потерю крови раненому, который, можетъ быть, подъ

первымъ впечатлѣніемъ боли и въ особенности хлороформированія, на вопросъ доктора, какъ это случилось, отвѣтилъ, что Рукавишниковъ въ него выстрѣлилъ, должно быть изъ ревности. Но вслѣдъ затѣмъ, когда явилась полиція отобрать отъ Пащенко допросъ о происшествіи, онъ уже утверждалъ, что по неосторожности выстрѣлилъ въ себя самъ, а потомъ, что выстрѣлъ сдѣлалъ Рукавишниковъ и ранилъ его нечаянно. Это свое показаніе онъ не измѣнилъ до самого конца дѣла. Не будучи въ состояніи, вслѣдствіе неудачной операціи и потери крови, отправиться домой, Пащенко остался въ гостяхъ, гдѣ его уложили въ постель. Не далѣе, какъ черезъ день, Пащенко уже настолько поправился, что переѣхалъ къ себѣ и тутъ его, въ теченіе всего времени, пока онъ выздоравливалъ, навѣщалъ Рукавишниковъ, однажды даже ночевавшій у постели больного. Казалось, что никакихъ послѣдствій все это происшествіе имѣть не будетъ, какъ не имѣло оно для здоровья г. Пащенко.

Вдругъ, прокурорскій надзоръ начинаетъ слѣдствіе. Рукавишниковъ подвергается домашнему аресту, подъ которымъ сидитъ болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Въ это время дѣлается обыскъ у него и у г-жи Пащенко, при чемъ у послѣдней находятъ и пріобщаютъ къ дѣлу какія-то письма, когда-то ею писанныя къ Рукавишникову, въ которыхъ ничего ни предосудительнаго, ни относящагося прямо къ дѣлу не находятъ. Пишется обвинительный актъ и Рукавишниковъ предается суду по обвиненію въ покушеніи, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, на убійство Пащенко, т.-е. въ преступленіи, за которое по закону можетъ быть назначена каторжная работа.

На судебномъ слѣдствіи допрашивается множество свидѣтелей, въ томъ числѣ и прислуга Пащенко, повторяются вслухъ всякія сплетни, приводятся отрывки изъ писемъ г-жи Пащенко, словомъ, дѣлается все, чтобы обвинить Рукавишникова въ взводимомъ на него преступленіи и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было набросить тѣнь на его отношенія къ г-жѣ Пащенко и нанести ея мужу рядъ ударовъ, гораздо болѣе чувствительныхъ чѣмъ выстрѣлъ въ него дробиною. Эксперты, приглашенные въ судъ, осмотрѣвши вещественное доказательство—злополучный пистолетъ монте-кристо, заявили, какъ и слѣдовало ожидать, что нужна особая несчастная случайность, чтобы убить изъ такого пистолета взрослаго человѣка. Присяжные не могли, конечно, обвинить Рукавишникова въ покушеніи на убійство и признали его виновнымъ лишь въ неосторожномъ обращеніи съ оружіемъ.

Вотъ коротко обстоятельства дѣла, по которому предваритель-

ное слѣдствіе тянулось почти три мѣсяца и судебное засѣданіе цѣлыхъ два дня. Спрашивается теперь, — съ какою цѣлью начиналъ прокурорскій надзоръ преслѣдованіе Рукавишникова въ преступленіи, въ которомъ его не подозрѣвало лицо, пострадавшее отъ неосторожности подсудимаго, и въ которомъ признать его виновнымъ присяжные не могли? А между тѣмъ, сколько вреда принесло это обвиненіе лицамъ ни въ чемъ не виновнымъ, — т.-е. Пащенко и его женѣ! Сколько пищи дала прокурорская власть губернскимъ сплетникамъ и сплетницамъ для того, чтобы забросать самыми скверными подозрѣніями людей, ничего преступнаго не сдѣлавшихъ. Все это, также какъ и оправдательный приговоръ присяжныхъ, должна была предвидѣть обвинительная власть. Неужели-же прокурорскому надзору нужно слѣдовать отжившему свой вѣкъ правилу стараго римскаго права — fiat justitia et pereat mundus.

Мы этого не думаемъ. Мы знаемъ, напротивъ, что судебные уставы вовсе не требуютъ такого усердія обвинительной власти, и желали бы, чтобы она рѣже обнаруживала свою дѣятельность съ тою неосмотрительностью и излишнимъ усердіемъ, все превозмогающимъ, какое мы видѣли не только въ провинціальныхъ судахъ, но и во многихъ случаяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

В. И.

ВСЕ ВПЕРЕДЪ

РОМАНЪ.

Переводъ съ рукописи.

ГЛАВА ПЯТАЯ *).

Молодые господа, какъ выражались жители Ротебюля, уже цѣлыхъ три дня находились въ зáмкѣ, а волненіе, вызванное этимъ великимъ событіемъ въ маленькомъ городѣ, все еще не унималось. Никогда еще кумушки не отрывались такъ часто отъ работы, чтобы перешептываться черезъ плетни, отдѣлявшіе ихъ садики. Никогда еще не собирались онѣ такъ часто пить кофе въ большой бесѣдкѣ, передъ аптекой, подъ вывѣской «Лебедя», на небольшой базарной площади. Никогда еще жена оружейнаго мастера Финдельманъ, жена купца Целлеръ, жена управляющаго фабрикой Кёрнике, не завидовали такъ сильно дружбѣ аптекарши Гиппе съ женой совѣтника. Никогда еще эти дамы не жили въ такомъ ладу другъ въ другомъ; никогда еще привычка совѣтницы вѣчно толковать про свою Лизхенъ не казалась имъ такой смѣшной и неприличной, какъ теперь.

Совѣтница, само собой разумѣется, уже побывала въ зáмкѣ вмѣстѣ съ Лизхенъ, чтобы представиться господамъ. «Она могла сказать безъ преувеличенія, что пріемъ превзошелъ всѣ ея ожиданія. Она съ своей стороны не заявляетъ никакихъ претензій;

---

*) См. выше: іюнь, 648 стр. Въ предыдущей книжкѣ мы назвали новый трудъ Шпильгагена «повѣстью», вслѣдствіе ошибки въ самой рукописи автора; исправляемъ теперь это названіе по его указанію. — *Ред.*

она старая женщина и ей все равно—отличают ее или нѣтъ, лишь бы оказывали ей должное уваженіе; а въ этомъ послѣднемъ ей никогда и прежде не отказывали въ зáмкѣ. Но что касается Лизхенъ! Дамы могутъ вѣрить или нѣтъ, какъ имъ будетъ угодно: но молодая графиня отнеслась къ Лизхенъ, какъ къ сестрѣ. И вотъ, какъ оправдалось еще разъ то, чтó совѣтница всегда утверждала: истинная любезность и истинная гуманность встрѣчаются лишь у истинныхъ, у настоящихъ аристократовъ. Черезъ какихъ-нибудь пять минутъ графиня обращалась съ Лизхенъ такъ дружески, какъ супруга принца — при этомъ мадамъ Ифлеръ энергически поправила завязки чепца подъ подбородкомъ — ни разу въ цѣлые четыре года не отнеслась къ ней. Графиня сейчасъ же замѣтила, какого прекраснаго голубого цвѣта глаза у Лизхенъ, и какъ хорошъ ея цвѣтъ лица, и съ какимъ вкусомъ дѣвочка одѣвается. И это тѣмъ любезнѣе со стороны графини, что у ней у самой прелестнѣйшіе голубые глаза и прекраснѣйшій цвѣтъ лица и самые дивные, бѣлокурые волосы; а ужъ про туалетъ и говорить нéчего: само собой разумѣется, что у такой знатной, молодой, хорошенькой дамы, которая только-что пріѣхала изъ Берлина, туалетъ и не можетъ быть иной, какъ самый изящный, самый великолѣпный; а что онъ самымъ превосходнымъ образомъ приспособленъ къ интересному положенію, въ какомъ находится теперь молодая женщина — объ этомъ и упоминать безполезно».

Тутъ глаза всѣхъ присутствующихъ дамъ устремились на зáмокъ, возвышавшійся надъ городскими крышами и виднѣвшійся въ раскрытыя двери бесѣдки.

Ну и само собой разумѣется, что дамы пустили въ ходъ всѣ уловки, чтобы выспросить совѣтницу касательно этого въ высшей степени интереснаго пункта. Но совѣтница или не хотѣла, или не могла передать разговоръ свой съ графиней на эту тему; кромѣ того разговоръ длился не долго, потому что графиня занималась исключительно Лизхенъ; Лизхенъ заставили пѣть и играть и графиня очень изумилась, когда Лизхенъ пропѣла большую арію изъ Роберта съ французскими словами, и спросила у Лизхенъ: долго ли она пробыла въ Парижѣ? при чемъ, бѣдное дитя, вспыхнула какъ огонь и отвѣчала, что она никогда не выѣзжала изъ Ротебюля. Но и самъ графъ — кстати, онъ одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ, какихъ только можно встрѣтить, высокій, стройный съ темной бородой — былъ также очень любезенъ съ Лизхенъ; а его свѣтлость — она не можетъ не упомянуть объ этомъ — видимо очень радовался восхищенію, какое возбудила Лизхенъ и сказалъ:

— Да, да, мы провинціалы и находимъ время, и любимъ заниматься полезнымъ дѣломъ; мы вовсе не гуроны, за какихъ вы, берлинцы, насъ считаете.

— Что такое гуроны? спросила Кёрнике.

Совѣтница успѣла только бросить взглядъ невыразимаго состраданія на вопрошавшую. Очень возможно, что графиня отдастъ сегодня визитъ, Лизхенъ потому и дома осталась, а она сама пришла лишь на минуточку, чтобы доказать дамамъ, что она не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя ради новыхъ и знатныхъ знакомыхъ забываютъ старыхъ друзей.

— Мнѣ кажется, что старая рехнулась, сказала Кёрнике, какъ только чепецъ совѣтницы, съ развѣвающимися лентами, скрылся изъ бесѣдки.

— Вы очень жестко выражаетесь, милая Кёрнике! сказала кроткая аптекарша, фрау Гиппе.

— Я не думаю также, чтобы мы выиграли отъ этого всего, сказала жена купца Целлера; до сихъ поръ мы отлично обходились и безъ берлинскихъ господъ.

— Вы повторяете слова вашего мужа, замѣтила жена оружейнаго мастера Финдельмана. Онъ еще въ 1866 году стоялъ за Австрію противъ Пруссіи.

— А вы, сказала Целлеръ, только со вчерашняго дня стоите за пруссаковъ, да и то — сколько мнѣ извѣстно — потому только, что графъ уже побывалъ въ вашей лавкѣ.

— Ахъ! мои дорогія, предоставимъ политику мужчинамъ, сказала Гиппе успокоивающимъ тономъ.

— Наше дѣло, къ счастью, не зависитъ отъ того, будутъ ли въ замкѣ держать сторону австрійцевъ или пруссаковъ; нашъ фарфоръ, слава тебѣ Господи, идетъ и въ Голландію и въ Америку, сказала жена управляющаго фабрикой.

Въ то время, какъ ротебюльскія барыни, взволнованныя великимъ событіемъ, съ трудомъ могли поддерживать то мирное настроеніе, какому прилично царствовать за кофе — мужья ихъ, собравшіеся въ кегельную залу, въ саду гостинницы подъ вывѣской «Три Форели», вступили также въ ожесточенный споръ.

— А я еще разъ повторяю: онъ похожъ на кронпринца, сказалъ Финдельманъ.

— А я говорю, что на графа Бисмарка, возразилъ Целлеръ, при чемъ насмѣшливо усмѣхнулся.

— Онъ можетъ быть похожъ на обоихъ, сказалъ аптекарь Гиппе успокоивающимъ тономъ.

— Чортъ побери! будемъ продолжать игру, замѣтилъ управляющій фабрикой Кёрнике.

— Дѣло въ томъ, что кумъ Целлеръ считаетъ нужнымъ высказывать саксонско-австрійскія симпатіи, потому что получаетъ свой чулочный товаръ изъ Хемница, а сушеные плоды изъ Богеміи, продолжалъ Финдельманъ.

— А кумъ Финдельманъ воображаетъ, что онъ долженъ сочувствовать Пруссіи, потому что графъ удостоилъ вчера купить въ его лавкѣ пару пистолетовъ.

— Но, въ сущности, вѣдь всѣ мы пруссаки, сказалъ Гиппе.

— Пруссаки ли, саксонцы, или австрійцы, это для меня все равно; годика черезъ два всѣ мы будемъ республиканцами, замѣтилъ Кёрнике.

— Ахъ! не говорите этого при нашемъ многоуважаемомъ совѣтникѣ! сказалъ тревожно Гиппе, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній показался въ саду и направился къ кегельной залѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! господинъ совѣтникъ! какая честь... кто бы могъ этого ожидать! вскричали всѣ присутствующіе разомъ.

— Много обязанъ, много обязанъ! сказалъ совѣтникъ, благосклонно пожимая присутствующимъ руки, но сегодня я право не могъ придти раньше. Жена моя ожидала визита берлинскихъ господъ и мнѣ нельзя же было уйти. Они однако не были, но что отложено, то не потеряно. А что только происходило въ эти три послѣдніе дни.... великій Боже! столько дѣла, столько дѣла! Встрѣча пріѣзжихъ господъ! длинныя конференціи по утрамъ съ его свѣтлостью; или на-единѣ съ его свѣтлостью, по обыкновенію, или же съ его свѣтлостью и съ графомъ, касательно тирклицскаго наслѣдства; парадные визиты моихъ дамъ въ замокъ, обѣды, ужины....

— Смотрите, не испортите себѣ желудка, сказалъ Кёрнике и засмѣялся во все горло.

— Какъ идутъ у васъ дѣла? спросилъ Гиппе, чтобы сгладить дурное впечатлѣніе, произведенное неловкой шуткой Кёрнике.

— Хорошо, очень хорошо! сказалъ совѣтникъ, я могу сказать: лучше, чѣмъ я смѣлъ ожидать. Вамъ, господа, извѣстно, что уже осенью 1866-го года я имѣлъ честь служить графу и былъ очевидцемъ, близкимъ очевидцемъ важныхъ событій тѣхъ достопримѣчательныхъ дней. Теперь я могу сказать: графъ былъ мнѣ симпатиченъ уже тогда и я оплакивалъ въ душѣ, что между нимъ и наслѣдствомъ стояла Тирклицкая линія, и, правду сказать, такого прекраснаго, любезнаго, милаго господина....

— Который вдобавокъ похожъ на кронпринца, замѣтилъ Целлеръ съ горькой насмѣшкой.

— Есть люди, на которыхъ я менѣе желалъ бы походить, сказалъ Финдельманъ.

— Но вѣдь мы сошлись здѣсь не затѣмъ, чтобы заниматься политикой, возразилъ Гиппе тревожно.

— Какъ разъ то же самое сказалъ сегодня за обѣдомъ его свѣтлость! вскричалъ съ жаромъ совѣтникъ. Право! почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Мы собрались здѣсь не затѣмъ, чтобы заниматься политикой! Между нами будь сказано, разговоръ принялъ непріятное направленіе. Супруга принца, несмотря на то, что она по рожденію пруссачка и даже дочь прусскаго солдата—здѣсь совѣтникъ чуть-чуть улыбнулся,—и воспитывалась въ домѣ и въ семействѣ прусскаго генерала, пропитана анти-прусскимъ духомъ и сегодня за столомъ это высказалось рѣзче, чѣмъ того требуютъ интересы нашихъ молодыхъ господъ. Нужно отдать справедливость графу, онъ сохранилъ спокойствіе и вѣжливость, несмотря на то, что фрау Гедвига зашла такъ далеко, что сказала, будто пруссаки не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не сведутъ счетовъ со всѣми державами Европы поочередно.

— Вы сами высказали это въ своей книгѣ, господинъ совѣтникъ, вскричалъ Целлеръ; и здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, вы повторяли это сто разъ. Послушайте! развѣ вы не говорили, что Пруссія проглотитъ цѣликомъ всю Германію, развѣ вы этого не говорили?

— И это было бы въ порядкѣ вещей! вскричалъ оружейный мастеръ Финдельманъ, ударяя по столу.

— Миръ доброе дѣло, кумъ Финдельманъ, но и война также имѣетъ свои хорошія стороны, кумъ Целлеръ, сказалъ Гиппе.

— И въ концѣ концовъ все-таки всѣ вы работаете на пользу республики, замѣтилъ Кёрнике.

— Однако я покорнѣйше прошу, началъ совѣтникъ....

Господа члены кегельнаго клуба такъ и не узнали, о чемъ хотѣлъ покорнѣйше просить этотъ почтенный человѣкъ, потому что въ эту минуту послышался стукъ колесъ и показались два экипажа, быстро катившіеся отъ зáмка по шоссе. Мужчины бросились къ окнамъ кегельной залы, изъ которыхъ видна была дорога; даже самъ республиканецъ Кёрнике не утерпѣлъ, чтобы не встать на цыпочки и не поглядѣть черезъ головы другихъ господъ.

— Въ переднемъ экипажѣ сидятъ его свѣтлость и графъ, вмѣстѣ съ двумя дамами, сказалъ Финдельманъ.

— А въ заднемъ господинъ фонъ-Цейзель съ докторомъ, замѣтилъ Целлеръ.

— И васъ тамъ нѣтъ, господинъ совѣтникъ? спросилъ Гиппе испуганнымъ голосомъ.

— Вы забываете, что сегодня день, когда мы собираемся въ кегельный клубъ! сказалъ съ кроткимъ упрекомъ совѣтникъ, который не получалъ приглашенія.

— Они вѣрно ѣхали на мызу, замѣтилъ Финдельманъ.

— А не то на фазаній дворъ, сказалъ Целлеръ.

— А не то черезъ мызу на дворъ фазановъ, сказалъ Гиппе.

— По моему, они могутъ ѣхать и на Блоксбергъ, замѣтилъ Кёрниве.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сегодня утромъ во время конференціи, которую принцъ имѣлъ обыкновеніе держать съ своими подчиненными до завтрака, фонъ-Цейзель объявилъ, что паркъ, окружающій дворъ фазановъ, и чайный домикъ готовы для пріема гостей и что онъ проситъ позволенія у его свѣтлости приготовить сегодня вечеромъ тамъ чай.

Это извѣстіе нѣсколько смутило принца. Онъ не вспоминалъ больше объ этомъ дѣлѣ и полагалъ, что Гедвига также о немъ забыла. Если же теперь, несмотря на твердо выраженное желаніе его, она все-таки принесла въ жертву обществу свое любимое убѣжище, то неужели это была месть за то, что онъ рѣшился заявить ей такое требованіе? или быть можетъ она желала сдѣлать ему угодное и съ своей стороны содѣйствовать развлеченію гостей? Находясь въ сомнѣніи, принцъ почти нехотя далъ фонъ-Цейзелю разрѣшенія, котораго тотъ просилъ, и только за обѣдомъ, когда рѣчь зашла о чайномъ домикѣ, его успокоила видимая непринужденность Гедвиги. «Она благодарна принцу за то, что онъ вылечилъ ее отъ романической затѣи. Еслибы дать волю ей и Прахатицу, то чайный домикъ вскорѣ превратился бы въ печальную развалину, среди первобытнаго лѣса. Теперь она сама рада сдѣланнымъ поправкамъ и надѣется заслужить сегодня вечеромъ похвалу».

Гедвига похвалилась не даромъ. Домикъ былъ исправленъ, а паркъ расчищенъ окончательно. Гедвигу осыпали похвалами, которыя по ея мнѣнію принадлежали фонъ-Цейзелю, а тотъ въ свою очередь утверждалъ, что слѣпо исполнялъ указанія Гедвиги. Всѣхъ больше восхищался принцъ.

— Кромѣ изумительной быстроты, съ какой произведена вся эта работа, сказалъ онъ, меня еще болѣе поражаетъ тон-

кое пониманіе, благодаря которому духъ времени, создавшій это убѣжище, сохраненъ въ малѣйшихъ деталяхъ. Я долженъ вамъ сказать, любезный графъ, что по крайней мѣрѣ цѣлыхъ полстолѣтія никто не заботился объ этомъ мѣстѣ. Дорожки заросли, боскеты заглохли, подстриженныя деревья и изгороди утратили свою форму, статуи свалились съ пьедесталовъ, гроты полу-обрушились—словомъ все это мѣсто превратилось, какъ справедливо замѣтила Гедвига сегодня за обѣдомъ, въ романтическую глушь, но до того романтическую, до того дикую, что нашъ общій предокъ Эрихъ XXXIV, творецъ фазаньяго двора, едва-ли бы узналъ свое созданіе. И вотъ мудрая рука стерла слѣды столѣтія, пролетѣвшаго надъ нимъ, и все снова получило свой прежній видъ.

Съ этими словами принцъ взялъ руку Гедвиги и поднесъ ее къ своимъ губамъ. Графъ также поспѣшилъ выразить свое одобреніе.

— Я не могу опредѣлить, сколько труда стоило создать все это, сказалъ онъ, но могу лишь повторить, что все вмѣстѣ взятое производитъ на меня впечатлѣніе чего-то гармоническаго и милаго. И на тебя также, милая Стефанія, не правда ли?

— Разумѣется, возразила графиня смѣясь. Все здѣсь гармонично. Мы составляемъ единственное пятно въ картинѣ; я предлагаю, чтобы всѣ мы собрались опять здѣсь завтра, но только — смѣю просить—въ костюмахъ Людовика XV. Что ты скажешь на это, Гедвига? и графиня весело захохотала.

— Я не люблю разыгрывать комедій, отвѣчала Гедвига сухо.

— Пойдемте дальше, сказалъ принцъ.

Пришли къ чайному домику. Принцъ повелъ Стефанію по витой лѣстницѣ.

— Я доставляю много хлопотъ вашей свѣтлости, сказала графиня, но я благодарна отъ всего сердца.

Принцъ пожалъ прекрасную ручку, покоившуюся на его рукѣ.

— Я не очень избалованъ въ этомъ отношеніи, возразилъ онъ, и глаза его невольно остановились на Гедвигѣ, которая стояла на верху, на террасѣ.

— А между тѣмъ вы больше, чѣмъ кто-либо въ мірѣ, заслуживаете благодарности, сказала Стефанія, отъ которой не укрылся взглядъ принца. Принцъ вздохнулъ.

— Мнѣ кажется, что ваша свѣтлость немного хандрите, сказала Стефанія съ лукавой усмѣшкой. Ваша покорнѣйшая слуга употребитъ всѣ старанія, чтобы исправить васъ отъ этого

маленькаго недостатка, единственнаго, какой она въ васъ могла замѣтить.

— Когда такъ, то вы разумѣется будете первымъ человѣкомъ, который приметъ на себя такой неблагодарный трудъ, а по всей вѣроятности также и послѣднимъ, возразилъ принцъ, стараясь поддѣлаться подъ веселый тонъ Стефаніи.

— Ваша свѣтлость любите шутить, сказала Стефанія.

Въ первый разъ со времени пребыванія ея въ зáмкѣ разговоръ ея съ принцемъ зашелъ за предѣлы обыкновенныхъ любезностей; въ первый разъ онъ принялъ направленіе, наводившее ее на размышленія.

Стефанія нашла чайный домикъ, его мѣстоположеніе, убранство, словомъ все рѣшительно — восхитительнымъ. — Я видала много бесѣдокъ въ королевскихъ садахъ, вскричала она, но ни одна не можетъ съ этой сравниться! Право! Здѣсь передана вся поэзія *рококо!* И какой дивный видъ отсюда въ горы! Съ каждаго пункта открываются новые виды и одинъ прекраснѣе другого. Какъ здѣсь все наводитъ на размышленія и навѣваетъ мечты. Ты вѣроятно оцѣнила это, Гедвига. Ты всегда умѣла находить перлы поэзіи среди мусора повседневной, будничной жизни. Право! я только теперь оцѣняю всю великость жертвы, принесенной тобою! Въ такіе любимые уголки неохотно пускаешь постороннихъ. Но посторонніе съумѣютъ оцѣнить это, не правда ли, ваша свѣтлость?

— Конечно, конечно, сказалъ принцъ, хотя я собственно чувствую себя нѣсколько неловко, потому что вы не подозрѣваете, господа, какъ велика жертва. Я вижу, Гедвига, что ты очистила даже свою мастерскую; признаюсь: это значитъ доводить доброту до крайности.

— По моему мнѣнію, это значитъ, что насъ пришельцевъ считаютъ за варваровъ, сказалъ графъ.

— Ахъ, пожалуйста, милая Гедвига, возстанови все, какъ было, вскричала Стефанія; и ты должна мнѣ позволить приходить къ тебѣ въ гости. Ты знаешь, какой интересъ возбуждали во мнѣ всегда твои рисунки. У тебя былъ рѣшительный талантъ къ рисованію. Ты конечно сдѣлала большіе, большіе успѣхи? Не правда ли, ваша свѣтлость?

— Вы должны спросить объ этомъ у Прахатица, возразилъ принцъ, улыбаясь, у того старика, съ сѣдой бородой, который провожалъ васъ на фазаній дворъ. Онъ одинъ пользуется счастіемъ любоваться произведеніями нашей художницы. Всѣхъ прочихъ — не исключая и меня — она оставляетъ въ невѣдѣніи. Конечно вы не должны забывать, любезная графиня, что всѣ

мы здѣсь живемъ нѣсколько уединенно, а потому у всѣхъ у насъ развилась наклонность къ нелюдимости, которую мы всѣ отложимъ въ сторону въ угоду нашимъ милымъ гостямъ, послѣ того какъ наша милая Гедвига показала намъ такой хорошій примѣръ. Но, я полагаю, что пора пить чай.

Онъ предложилъ Стефаніи руку, чтобы провести ее изъ бокового покоя, въ которомъ они находились, въ ротонду, куда поданъ былъ чай. Графъ Гейнрихъ повелъ Гедвигу. Кавалеръ и Германъ пошли за ними. Въ тотъ моментъ, какъ принцъ съ Стефаніей уже подошли къ столу, а оба господина замѣшкались позади, графъ наклонился къ Гедвигѣ и сказалъ тихо и убѣдительно:

— Умоляю васъ, позвольте мнѣ переговорить съ вами безъ свидѣтелей.

Гедвига подняла свои темныя рѣсницы и поглядѣла на графа такимъ страннымъ взглядомъ, что онъ вздрогнулъ. Она стала еще красивѣе, чѣмъ въ то время, когда была, собственно говоря, еще ребенкомъ; но какъ дерзко складывались теперь эти алыя губы; какою гордостью свѣтились темные глаза. Графъ не зналъ: радоваться ли тому, что онъ осмѣлился выразить просьбу, которая съ первыхъ же минутъ вертѣлась у него на языкѣ. Отвѣта не воспослѣдовало и онъ имѣлъ достаточно времени за чаемъ раздуматься объ этомъ. Онъ мало принималъ участія въ разговорѣ, который вели почти исключительно принцъ и Стефанія. Глаза его неоднократно останавливались на оживленномъ лицѣ жены и затѣмъ неудержимо переходили на Гедвигу. Ему казалось страннымъ, что жена его могла когда-нибудь серьезно ему нравиться. Онъ не переставалъ сравнивать ее съ Гедвигой, но съ какой бы стороны ни шло сравненіе, оно постоянно оказывалось не къ выгодѣ жены. Даже самая главная красота очаровательной женщины, ея необыкновенно густые, бѣлокурые волосы, ея мягкіе, осѣненные длинными рѣсницами, голубые глаза, ея ослѣпительно-бѣлая кожа стушовывались передъ темными глазами и смуглымъ лицомъ Гедвиги. Зимній лунный свѣтъ рядомъ съ яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, говорилъ самъ себѣ графъ, и затѣмъ пробуждался отъ своихъ мечтаній и старался уловить потерянную нить разговора.

— Но почему же, говорила Стефанія, этотъ прелестный домъ, несмотря на его красивое и удобное мѣстоположеніе, находился въ такомъ пренебреженіи у его послѣднихъ владѣльцевъ, какъ у покойнаго родителя вашей свѣтлости, такъ и у васъ самихъ? Мнѣ все кажется, что тутъ кроется какая-нибудь

романическая причина, которую, говоря откровенно, мнѣ очень хотѣлось бы знать.

— Вы ошибаетесь, любезная графиня, возразилъ принцъ; здѣсь вовсе не кроется никакого романическаго происшествія, никакой мрачной тайны, въ которой бы играли роль голубые или черные глаза и сверкали шпаги. Напротивъ того: событіе, происходившее здѣсь, принадлежитъ исторіи. Какъ бы вы думали, милостивые государи и милостивыя государыни, кто жилъ здѣсь въ послѣдній разъ, кто послѣдній ужиналъ на этомъ самомъ мѣстѣ, на этомъ самомъ столѣ, для кого были зажжены вотъ эти большіе канделябры? Ну-съ, вы никогда этого не угадаете, а поэтому я вамъ скажу, кто это былъ. Никто иной, какъ самъ Наполеонъ, послѣ Іенскаго сраженія. Я повторяю, любезный графъ, событіе это принадлежитъ исторіи; а потому мы можемъ спокойно о немъ говорить и никому не можетъ быть непріятно, если я разскажу, какъ историческій фактъ, что блаженной памяти отецъ мой, ученикъ Руссо и жаркій послѣдователь гуманныхъ стремленій прошедшаго столѣтія, видѣлъ въ императорѣ французовъ помазанника Божія, апостола великихъ, гуманныхъ идей, которыми онъ увлекался. Мнѣ, его сыну, едва ли слѣдуетъ прибавлять, что въ его поклоненіи императору не было и тѣни эгоизма. Въ этомъ сомнѣвались, потому что большія, матеріальныя преимущества стояли на заднемъ планѣ: безусловное возстановленіе прежней власти, расширеніе владѣній въ тѣхъ границахъ, въ какихъ они существовали во времена имперіи, даже корона вновь учреждаемаго герцогства. Ну-съ, я не хочу и не могу отрицать того, что все это было такъ, но для моего, блаженной памяти, отца — я глубоко убѣжденъ въ этомъ — все это были только средства, ведущія къ цѣли, а цѣлью было осуществленіе его мечты о счастіи и благосостяніи людей въ широкихъ размѣрахъ. Поэтому привѣтствовалъ онъ императора, поэтому принималъ онъ его у себя; онъ познакомился съ нимъ еще въ Парижѣ и теперь возобновилъ дружескія связи, пригласилъ его въ замокъ своихъ предковъ. Мѣстоположеніе этого павильона чрезвычайно понравилось императору и онъ здѣсь поселился.

Принцъ замолкъ на минуту и провелъ рукою по лбу; затѣмъ продолжалъ, какъ бы очнувшись:

— Это было самое счастливое время въ жизни моего несчастнаго отца. Онъ уже видѣлъ себя на той высотѣ, какой онъ былъ достоинъ предпочтительно передъ многими другими; онъ уже чувствовалъ себя центромъ значительнаго кружка, которому его великое, прекрасное сердце сообщало жизнь, свѣтъ

и тепло. То была мечта. Скоро увидѣлъ онъ, что Наполеонъ не хочетъ или не можетъ сдержать своихъ обѣщаній и сознаніе того, что все это было одной только мечтой, разбило это прекрасное, великое сердце. Настоящее было для него отравлено паденіемъ его героя, враждой, какую онъ навлекъ на себя; будущее не сулило ему ничего; о прошедшемъ онъ не хотѣлъ больше вспоминать. Всего болѣе навѣвали на него болѣзненныя воспоминанія эти мѣста, бывшія, такъ сказать, колыбелью его мечтаній; они казались ему проклятыми и онъ порѣшилъ, что нога его не будетъ больше здѣсь.

Голосъ принца задрожалъ при этихъ послѣднихъ словахъ и онъ снова задумчиво провелъ рукою по лбу.

— Что же касается меня, продолжалъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ — потому что я вижу, милая Стефанія, что этотъ вопросъ готовъ сорваться съ вашихъ устъ — то я такъ глубоко почиталъ моего отца и такъ жарко любилъ его, что съ почтеніемъ и вниманіемъ относился даже къ его слабостямъ. Этотъ паркъ, куда никогда не проникала его нога, казался и мнѣ недоступнымъ, и такъ длилось долго, пока, наконецъ, я не побѣдилъ моего страха и не далъ позволенія возобновить фазаній дворъ. Да, теперь я могу сознаться, что мнѣ было вначалѣ очень страшно, когда тебя, милая Гедвига, такъ привлекало это мѣсто. Мнѣ все казалось, что мнѣ слѣдуетъ охранять тебя здѣсь отъ злыхъ демоновъ. Ну теперь я, конечно, вижу, насколько это было безполезно и какъ пріятно пить чай въ этомъ очарованномъ домѣ. Я благодарю всѣхъ, кто доставилъ мнѣ эти пріятныя минуты: нашихъ милыхъ гостей, за то, что они дали этому поводъ; тебя, милая Гедвига, за то, что ты принесла намъ въ жертву твое убѣжище; васъ, любезный Цейзель, за ваши хлопоты и содѣйствіе въ прекрасномъ устройствѣ, и наконецъ васъ, любезный докторъ, за то, что вы позволили мнѣ, несмотря на нездоровье, выѣхать сегодня вечеромъ изъ дому; но теперь напомню вамъ старинную поговорку, что слѣдуетъ выходить изъ-за стола, прежде чѣмъ почувствовалъ пресыщеніе.

Принцъ подалъ знакъ къ отъѣзду. Экипажи стояли у павильона. Когда общество сошло съ лѣстницы, луна взошла надъ лѣсомъ, между тѣмъ какъ на западѣ послѣдніе лучи дня догарали на горизонтѣ. Воздухъ былъ необыкновенно тепелъ; ни малѣйшій вѣтерокъ не колебалъ высокихъ деревьевъ, верхушки которыхъ ясно обозначались на свѣтломъ фонѣ неба.

— Я рѣшаюсь предложить вашей свѣтлости послать экипажи впередъ и пройтись пѣшкомъ, сказалъ графъ.

— Отлично! отвѣчалъ принцъ. Мы должны доставить да-

мамъ удовольствіе. Прогулка при лунномъ свѣтѣ, это прекрасно — ею не слѣдуетъ пренебрегать. Я не знаю только, какъ наша милая графиня... Вотъ что, любезный Цейзель, прикажите людямъ остановиться у большого дуба. Это какъ разъ половина дороги, а затѣмъ дайте мнѣ вашу руку; мнѣ нужно съ вами переговорить.

Экипажи поѣхали впередъ. Принцъ очень плохо видѣлъ въ темнотѣ и боялся, чтобы не обнаружился этотъ недостатокъ, если онъ поведетъ подъ руку даму. Даже и теперь шелъ онъ осторожно и тихимъ шагомъ.

Такимъ образомъ случилось, что остальные: графъ и Гедвига, графиня и докторъ вскорѣ обогнали его на довольно значительное разстояніе, а такъ какъ первые, казалось, вели оживленную бесѣду, а послѣдніе стали замедлять шаги, чтобы принцъ могъ ихъ догнать, то между отдѣльными парами оказалось довольно значительное пространство, что весьма способствовало непринужденности разговора.

— Исполнили ли вы мое порученіе, любезный Цейзель, и разузнали ли, что собственно гонитъ его отъ насъ? сказалъ принцъ.

— Я пришелъ къ заключенію, ваша свѣтлость, что причина, высказанная докторомъ, дѣйствительно настоящая, возразилъ кавалеръ. Во всякомъ случаѣ фрейлейнъ Ифлеръ, какъ ваша свѣтлость полагали сначала, тутъ ни при чемъ. Я полагаю, что могу сказать это положительно.

— Это очень непріятно, сказалъ принцъ. Я все надѣялся, что его свяжутъ эти отношенія. Что лично я не могу удержать его, никого изъ васъ не могу удержать, это я всегда зналъ и никогда не ощущалъ такъ глубоко, какъ теперь, когда надъ замкомъ Роде взошло новое свѣтило!

— Ваша свѣтлость говорите...

— О нашемъ графѣ, любезный Цейзель, о комъ же еще я могу говорить! Сознайтесь, что вы очарованы, что всѣ вы очарованы! Знаменитый чародѣй Гамельна ученикъ въ сравненіи съ этимъ великимъ мастеромъ. Въ чемъ состоитъ его мастерство — я не знаю, но очень и очень желалъ бы это узнать.

Принцъ говорилъ все это самымъ веселымъ, самымъ шутливымъ тономъ, но даже юный кавалеръ, который не отличался особой наблюдательностью, догадался, что веселость поддѣльная, что за шуткой скрывается горькая иронія. Да и самъ принцъ вскорѣ перемѣнилъ тонъ и началъ безъ всякаго вступленія:

— Тучи сгущаются на политическомъ горизонтѣ. Я полу-

чилъ сегодня извѣстіе изъ Парижа, которое очень смущаетъ меня; я не могу отдѣлаться отъ мысли, что дѣло вскорѣ дойдетъ до разрыва.

— Мнѣ кажется, что ваша свѣтлость видите дѣло въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, сказалъ кавалеръ.

— Вы полагаете? возразилъ принцъ съ необыкновеннымъ волненіемъ. Ну-съ, дѣло имѣетъ также и свою свѣтлую сторону, весьма свѣтлую сторону, и мечта можетъ еще перейти въ дѣйствительность. Я нѣмецкій принцъ, такой же нѣмецкій, какъ и всякій другой, но именно потому и не желаю быть прусскимъ вассаломъ, если только могу избѣжать этого; а своей собственной силой намъ никогда не разбить цѣпей, какія намъ куетъ Пруссія. Я говорю вамъ это, любезный Цейзель, потому, что знаю, что вы не тамъ ищете непримиримаго врага, гдѣ его ищетъ слѣпая толпа, потому что знаю, что вы не только лично привязаны ко мнѣ, но что мое дѣло есть также и ваше дѣло.

— Во всякомъ случаѣ, ваша свѣтлость можете быть увѣрены въ моей безусловной скромности, сказалъ кавалеръ.

— Я знаю это, любезный Цейзель. Кстати, я соображаю, что позабылъ сообщить вамъ новость; черезъ нѣсколько дней къ намъ пріѣдетъ новый гость: маркизъ де-Флорвиль, съ которымъ мы познакомились осенью 1866 г. въ Римѣ; онъ былъ членомъ французскаго посольства и показался мнѣ весьма любезнымъ и образованнымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ недавно наслѣдовалъ своему отцу и ѣдетъ въ Германію изучать наше сельское хозяйство. Я говорилъ ему въ Римѣ о нашемъ образцовомъ хозяйствѣ. Онъ проситъ теперь позволеніе пріѣхать ознакомиться съ нимъ. Кстати, молодой человѣкъ показался мнѣ нѣсколько избалованнымъ. Недурно будетъ, если вы, любезный Цейзель, прикажете Порсту приготовить для него нѣсколько лучшихъ комнатъ.

— Приказаніе вашей свѣтлости будетъ исполнено! Можно, значитъ, говорить о предстоящемъ посѣщеніи?

— А почему же нѣтъ, любезный Цейзель? сказалъ принцъ. Мой молодой французскій другъ вовсе не какой нибудь тайный агентъ. Однако, мы кажется догнали наше общество? Кто идетъ впереди насъ?

— Графиня и докторъ, какъ кажется, сказалъ кавалеръ.

— Ну, сказалъ принцъ, смѣясь, навѣрное сплетничаютъ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ.

Едва только графиня замѣтила, что осталась почти наединѣ съ Германомъ, какъ немедленно завладѣла его рукой и стала

опираться на нее крѣпче, чѣмъ того требовало ея положеніе. При этомъ она сказала:

— Врачу не унизительно сознаться въ своей слабости, не правда ли, докторъ?

— О, конечно, конечно! отвѣчалъ Германъ, мысли котораго летѣли вслѣдъ за парой, только-что скрывшейся изъ ихъ глазъ въ темномъ лѣсу.

— Я вообще очень смѣла, продолжала графиня, но сознаніе великой отвѣтственности, лежащей на мнѣ, дѣлаетъ меня трусливой. Вы будете смѣяться надо мной, любезный докторъ, смѣйтесь сколько хотите. Но еслибы вы знали, что̀ испытываетъ женщина, которая лишилась уже двухъ дѣтей, нѣсколько дней спустя послѣ ихъ рожденія и которая ожидаетъ теперь третьяго... и вдругъ у насъ родится дѣвочка или умретъ мой бѣдный Гейнрихъ...

— Зачѣмъ графу умирать! сказалъ Германъ разсѣянно.

— Это было бы ужасно, сказала графиня, потому что видите ли въ чемъ дѣло, любезный докторъ: если мужская линія совершенно угаснетъ — а родоначальникъ фамиліи не сдѣлалъ на этотъ случай никакихъ особенныхъ распоряженій—то родовое имѣніе сдѣлается безусловной собственностью настоящаго его владѣльца, слѣдовательно принца, который съ нѣкоторыми ограниченіями можетъ передать его кому хочетъ; таковъ порядокъ наслѣдія по прусскому праву.

— Который вы, графиня, кажется хорошо изучили, замѣтилъ Германъ.

— Мнѣ кажется, есть полное основаніе заботиться о томъ, отъ чего зависитъ все наше будущее и будущее нашихъ дѣтей? сказала Стефанія съ жаромъ. А тутъ какъ разъ представляется такой случай! Безусловная собственность, любезный докторъ! Я могу вамъ сказать, что провела не одну безсонную ночь. Если погаснетъ мужская линія, то мы, бѣдныя женщины, за это отвѣчаемъ! Развѣ это не жестокая несправедливость, любезный докторъ? Пожалуйста, скажите мнѣ, дѣйствительно ли простая случайность то, что въ настоящее время вырождается такъ много владѣтельныхъ домовъ?

— Но вѣдь всѣ мы смертны, графиня.

— Конечно! но оставимъ это; я хотѣла собственно спросить васъ о другомъ. Меня озабочиваетъ нашъ бѣдный, милый принцъ. Я, какъ вамъ извѣстно, не видала его цѣлыхъ четыре года. Тогда онъ былъ такъ свѣжъ, такъ бодръ, такъ... я бы сама готова была во всякую минуту выдти за него замужъ... а теперь я нахожу, что онъ такъ постарѣлъ, такъ измѣнился,

какъ я не ожидала. Скажите мнѣ, ради Бога, милый докторъ, что это значитъ? Простое вліяніе времени? Это невозможно. Принцу всего шестьдесятъ шесть лѣтъ, ну много ли это! Я не могу иначе объяснить себѣ это, какъ тѣмъ, что онъ серьезно боленъ. Вы должны быть со мною совершенно откровенны.

— Его свѣтлость пользуется, вообще говоря, прекраснымъ здоровьемъ, сказалъ Германъ уклончиво.

— Въ самомъ дѣлѣ, Богъ васъ благослови за эти слова! Вы сняли у меня камень съ груди. Но, быть можетъ, у него есть какая-нибудь другая причина горевать. Я сказала ему это сегодня вечеромъ, и онъ вздохнулъ. Докторъ, онъ вздохнулъ! Прошу васъ, объясните мнѣ это! Вы должны быть увѣрены въ моей безграничной скромности.

— Вы, графиня, требуете, по истинѣ, больше того, что я, при всемъ моемъ желаніи, могу вамъ сказать,—возразилъ Германъ, котораго этотъ разговоръ съ каждой минутой тяготилъ все сильнѣе. Но мнѣ кажется, что заботы, отъ которыхъ не свободенъ такой добрый, дальновидный владѣтель, политическое положеніе...

— Ради самого неба! вскричала Стефанія, не говорите мнѣ объ этихъ вещахъ; точно мой мужъ, который кажется считаетъ, что я ничѣмъ инымъ не интересуюсь и постоянно утверждаетъ, что въ непродолжительномъ времени у насъ будетъ война съ Франціей. Но вы вѣдь, докторъ, не военный; вы даже не пруссакъ, то-есть, я хочу сказать, не природный пруссакъ, потому что въ сущности вы, ганноверцы, принадлежите теперь намъ. Но, Богъ мой, я кажется тоже свела рѣчь на политику! Возвратимся къ нашей темѣ. Вы еще мало знакомы со мной, любезный докторъ, и не знаете, что мнѣ можно все говорить. Къ тому же не забывайте одного: Гедвига и я росли вмѣстѣ съ трехлѣтняго возраста. А поэтому я понимаю Гедвигу лучше, чѣмъ кто-нибудь; лучше, чѣмъ она сама себя понимаетъ. Поэтому отъ меня не можетъ укрыться многое, что незамѣтно для другихъ. Я тогда еще твердила ей: ты сдѣлаешь себя несчастной, Гедвига, а принца не сдѣлаешь счастливымъ. Все было напрасно; она захотѣла поступить по-своему. Не всегда хорошо бываетъ, милый докторъ, когда люди поступаютъ по-своему!

— Конечно, конечно, пробормоталъ Германъ.

— Мы всѣ были поражены и до извѣстной степени разсержены, продолжала Стефанія. Я какъ теперь вижу растерянное лицо мама́, а графъ просто выходилъ изъ себя. Ну, между нами будь сказано, мы конечно не заслужили такого поступка со стороны Гедвиги. Но вѣдь всѣ мы немножко эгоисты. Не правда

ли? Какъ жаль! Я хотѣла еще такъ о многомъ разспросить васъ, но быть можетъ вы будете такъ добры завтра...

— Гдѣ остальные? спросилъ принцъ, который теперь подошелъ къ нимъ съ Цейзелемъ.

— Мы потеряли ихъ изъ виду, сказала графиня.

— Мы сойдемся съ ними у экипажей, сказалъ Цейзель.

Тѣмъ временемъ графъ, замѣтивъ, что опередилъ другихъ на значительное разстояніе, сказалъ тихимъ, но страстнымъ голосомъ:

— Благодарю васъ, что вы такъ скоро исполнили мою просьбу.

— Мнѣ кажется вамъ нѣтъ причины благодарить меня, возразила Гедвига. Но будьте такъ добры, сообщите мнѣ то, что вы хотѣли сказать?

Она отняла свою руку отъ руки своего спутника и въ голосѣ ея слышалось волненіе, которое графъ перетолковалъ въ свою пользу.

— Я бы не просилъ, какъ милости, удостоить меня разговора, сказалъ онъ, еслибы я могъ надѣяться, что вы поймете, захотите понять нѣмой языкъ моей мольбы. Но...

— Извините, графъ, перебила его Гедвига. Я полагаю, что избавлю васъ отъ необходимости продолжать вашу рѣчь, если скажу вамъ, что я съ своей стороны не понимаю, что для меня просто непостижимо, откуда у васъ, графъ, берется смѣлость напоминать мнѣ, хотя бы только взглядомъ, что мы когда-нибудь были знакомы съ вами до настоящей минуты. А такъ какъ я знаю, что́ вы хотѣли мнѣ сказать, и такъ какъ вамъ извѣстенъ единственный отвѣтъ, какой я могу вамъ дать, то разговоръ нашъ можно считать поконченнымъ.

Гедвига не думала, увлеченная гнѣвомъ, о томъ, что если она дѣйствительно хотѣла, чтобы этой странной сценѣ былъ положенъ конецъ, то ей слѣдовало остановиться и подождать остальную компанію. Она же, напротивъ того, быстрыми шагами пошла впередъ. Графъ не отставалъ отъ нея. Онъ ждалъ, что она ему отвѣтитъ въ такомъ духѣ, но слова ея только подливали масла въ огонь; страсть съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе бушевала въ его груди, въ то время какъ онъ шелъ въ темномъ паркѣ, наединѣ съ этой прекрасной женщиной. Совсѣмъ тѣмъ, онъ сказалъ спокойнымъ и увѣреннымъ голосомъ:

— Разумѣется, разговоръ нашъ на этомъ покончится, если вы прикажете, но вы будете неправы относительно себя и меня: относительно себя, потому что для васъ не безразлично, какія отношенія установятся между нами какъ теперь, такъ и послѣ;

а относительно меня вы будете неправы потому, что даже преступнику предоставляютъ возможность защищаться. Я не чувствую за собой преступленія, но полагаю, что вы неправильно судите обо мнѣ, а подобное сознаніе тяготитъ честнаго человѣка, какъ преступленіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала Гедвига.

— Въ самомъ дѣлѣ; а потому вы должны позволить мнѣ высказать то, что я хотѣлъ сказать въ тотъ памятный вечеръ, въ Висбаденѣ, и...

— Великій Боже! вскричала Гедвига, возможно ли!

— Возможно и даже необходимо. Необходимо, чтобы въ случаѣ, если мы придемъ къ соглашенію, я началъ тамъ, гдѣ порвалась нить... я не спрашиваю по чьей винѣ, по моей или когонибудь другого... но все же порвалась. Да, клянусь Богомъ, вы должны выслушать меня сегодня, а для того, чтобы это не было для васъ слишкомъ тяжело, представьте себѣ, что мы говоримъ не про васъ и не про меня, а про постороннихъ людей: про молодого, двадцатичетырехлѣтняго человѣка и про шестнадцатилѣтнюю дѣвушку. Молодой человѣкъ—офицеръ и потомокъ такого стариннаго и родовитаго дворянства, носитъ такое громкое имя, что волей или неволей долженъ играть извѣстную роль въ обществѣ. Онъ вращается въ самыхъ высшихъ кружкахъ, но всего охотнѣе посѣщаетъ домъ своего генерала, бывшаго директоромъ того кадетскаго корпуса, гдѣ онъ воспитывался, генерала, которому онъ много обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ. Жена генерала относится съ материнской добротой къ молодому человѣку, и если она даетъ ему понять, что охотно назоветъ его сыномъ, то это лишь новое доказательство ея безкорыстной любви, потому что молодой офицеръ бѣденъ, очень бѣденъ, а генералъ далеко не богатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ, въ обществѣ, при дворѣ, толкуютъ объ этомъ бракѣ, какъ о вещи рѣшенной. Но вотъ наступаетъ война, въ которой молодой человѣкъ участвуетъ, въ качествѣ адъютанта генерала; генералъ падаетъ на полѣ битвы и умирая поручаетъ молодому офицеру свою жену, свою дочь. Офицеръ раненъ. Онъ ѣдетъ на воды къ дамамъ, не желающимъ уступить кому-нибудь удовольствіе ухаживать за нимъ, и здѣсь встрѣчается съ главой своего рода, съ которымъ глубокая фамильная вражда разлучала его и котораго до тѣхъ поръ онъ никогда не видалъ. Онъ также, противъ всякаго ожиданія, покровительствуетъ вышеупомянутому союзу. Офицеръ поступаетъ такъ, какъ онъ волею или неволею необходимо долженъ былъ поступить, въ виду существующихъ обстоятельствъ, какъ всякій другой поступилъ бы на

его мѣстѣ: онъ оффиціально заявляетъ о томъ, о чемъ знали всѣ въ послѣдніе два года и....

— Трогательная повѣсть кончена, сказала Гедвига. Вы превосходно разсказали ее, ничего не прибавляя, ничего не опуская, даже не забыли упомянуть о шестнадцатилѣтней молодой дѣвушкѣ, съ которой, какъ вамъ извѣстно, графъ, вы начали свой разсказъ и которая въ немъ больше не появлялась. Но вѣдь это была тонкая аллегорія, не правда ли? Вы хотѣли этимъ намекнуть, что молодая дѣвушка принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые не замѣчаются въ обществѣ и задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы при малѣйшемъ знакѣ безслѣдно исчезать, какъ скоро они мѣшаютъ, а къ сожалѣнію, они всегда мѣшаютъ. Или же, быть можетъ, вы полагаете, что эта часть повѣсти мнѣ лучше извѣстна, чѣмъ вамъ? что я лучше знаю, каково было бѣдной дѣвочкѣ, когда графъ то появлялся, то исчезалъ, ухаживалъ за дочерью хозяйки дома и... Графъ, сбросимъ маски, перестанемъ разыгрывать комедію, которая неприлична для насъ обоихъ, а въ особенности для меня. Посмотримъ смѣло въ лицо другъ другу и выскажемъ правду. Только при этомъ условіи могу я оправдать въ собственныхъ глазахъ разговоръ, котораго не желала и не вызывала. Итакъ, выслушайте правду: я не стыжусь ея я не стыжусь сказать, что въ то время я любила васъ безгранично, страстно! и думала, что и вы меня также любите! я не хочу разбирать, имѣла ли я на то право, давали ли вы мнѣ право заключить это. Я говорю только: такъ было. Я должна это сказать, потому что иначе могу запутаться въ противорѣчіяхъ; и могу это сказать, потому что была тогда молода, ребячески молода и неопытна, и не постигала, чтобы благородная душа могла поставить что-либо выше своей любви; чтобы могло существовать на землѣ какое-нибудь препятствіе, какая-нибудь преграда, которую любовь не была бы въ состояніи преодолѣть. Ну-съ, графъ, теперь я и сама смѣюсь надъ этимъ, но тогда я не смѣялась. Я разсмѣялась только тогда — то былъ дикій, убійственный смѣхъ,—когда не могла больше скрывать отъ себя ужасной истины: человѣкъ, котораго я любила, который, я полагала, платилъ мнѣ взаимностью, этотъ человѣкъ, Богъ вѣсть изъ какихъ соображеній, измѣнилъ моей, своей любви; когда я услышала это отъ него самого — никому другому я бы не повѣрила — и при этомъ онъ не былъ даже настолько благородно жестокъ, чтобы сказать мнѣ: наша любовь была ошибкой; нѣтъ, напротивъ того, онъ клялся мнѣ всѣмъ святымъ, что не переставалъ и никогда не перестанетъ любить меня. А вы, графъ, воображали и быть можетъ воображаете до сихъ поръ, что послѣдняя, всесильная

вспышка страсти въ горькій часъ разлуки помѣшала мнѣ въ тотъ вечеръ оттолкнуть вашу руку, отвернуться отъ поцѣлуя, который вы осмѣлились мнѣ дать! Слѣдуетъ ли мнѣ высказываться? рискуя, что меня не поймутъ теперь, какъ и тогда! Да, я иду на рискъ! Для меня поцѣлуй любви, первый поцѣлуй, казался священнѣе, чѣмъ причащеніе для вѣрующаго. Такъ дала бы я первый поцѣлуй, такъ приняла бы его; къ тому же я помнила слова молитвы: кто пріемлетъ причащеніе, не будучи того достоинъ, тому оно обращается въ судъ и въ осужденіе! въ судъ! слышите ли, графъ, въ судъ! который тутъ же долженъ разразиться надъ предателемъ. А такъ какъ молнія не сверкнула въ небесахъ, такъ какъ предатель не палъ сраженный къ моимъ ногамъ, и луна спокойно взошла на небѣ, и деревья, осѣнявшія насъ, спокойно колыхали своими вершинами, какъ будто ничего преступнаго не совершилось,—то завѣса, прикрывавшая мою святыню, порвалась и я увидѣла кукольную комедію, происходившую за ней и расхохоталась, расхохоталась такъ дико, что сбѣжалось наше общество и спрашивало съ изумленіемъ: что со мной? Кстати: мы заговорили о нашемъ обществѣ, и, я замѣчаю, сбились съ настоящей дороги. Удивительное дѣло! я знаю здѣсь каждый уголокъ, но лунный свѣтъ такъ обманчивъ. Ахъ, теперь я вижу, что мы взяли слишкомъ вправо, и выйдемъ на шоссе выше. Ну тамъ ужъ мы не можемъ заблудиться.

Гедвига сказала послѣднее спокойнымъ тономъ, который рѣзко отличался отъ того, которымъ она говорила до тѣхъ поръ. Графъ напрасно искалъ словъ для возраженія. Разговоръ принялъ не то, совсѣмъ не то направленіе, какое онъ хотѣлъ ему дать. Онъ сердился на себя, какъ хорошій, смѣлый наѣздникъ, который чувствуетъ, что не можетъ справиться съ дикимъ, горячимъ конемъ; и въ тоже самое время Гедвига казалась ему такой очаровательной, такой желанной. Онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не обнять милое существо, не прижать его къ своей груди, не сказать: говори, что хочешь, унижай меня, сколько тебѣ угодно, а я все-таки люблю тебя такъ, какъ никогда не любилъ, какъ никогда не подозрѣвалъ, что можно любить! А тамъ, въ какихъ-нибудь ста шагахъ, на шоссе, которое сквозило изъ-за темныхъ елей, залитое луннымъ сіяніемъ, стояли экипажи; возлѣ экипажей стояли люди; общество, безъ сомнѣнія, уже было въ сборѣ. Разговору наступилъ конецъ.

Но онъ не долженъ былъ такъ кончиться.. Графъ быстро проговорилъ:

— Вы расхохотались и пошли прочь, и отдались старику не за деньги, величіе или власть — на это вы неспособны, я

знаю—но, чтобы отмстить предателю и сдѣлать себя невыразимо несчастной на всю жизнь.

— Нѣтъ, это слишкомъ! вскричала Гедвига, это обидно, это просто оскорбленіе!

— Нѣтъ, не оскорбленіе, а простая, печальная истина, отъ которой сердце мое разрывается на части и вынуждаетъ меня высказаться. Неужели вы думаете, я промолвилъ бы хотя одно слово, еслибы нашелъ васъ столько же счастливой, сколько вы несчастны. Да, печальнаго преимущества знать васъ лучше другихъ людей вы у меня не можете отнять; да, не можете, несмотря ни на что.

— Я надѣюсь вамъ доказать, что вы зовете сердцемъ свое тщеславіе, а несчастіе мое сводится просто къ несчастію, испытываемому вами потому, что вамъ не удалось сдѣлать меня несчастной.

— Я бы желалъ, чтобы вы доказали мнѣ это, сказалъ графъ.

— Что такое должна вамъ доказать Гедвига? спросилъ принцъ, тонкое ухо котораго поймало послѣднія слова.

— Что она также легко найдетъ здѣсь дорогу ночью, какъ и днемъ, возразилъ графъ. Она именно обязана доказать мнѣ это, потому что, будь это правда, мы бы вышли на шоссе въ одно время со всѣмъ обществомъ, и намъ не пришлось бы теперь просить извиненія у вашей свѣтлости за то, что заставили себя ждать.

— Я желаю одного только, чтобы ночной воздухъ не повредилъ нашей милой графинѣ, сказалъ принцъ, обращаясь къ Стефаніи, которая уже сидѣла въ экипажѣ.

— О, я желала бы пробыть всю ночь на воздухѣ! отвѣчала Стефанія, заботливо кутаясь въ свой бѣлый бурнусъ.

Стефанія взяла на себя трудъ на возвратномъ пути занимать разговоромъ молчаливое общество. Все было такъ прелестно, такъ ей по душѣ: чудная погода, очаровательный паркъ, милый чайный домикъ, пріятная бесѣда и наконецъ романтическая, ночная прогулка по лѣсу, при лунномъ свѣтѣ, во время которой она имѣла случай познакомиться съ докторомъ, и онъ показался ей искуснымъ врачемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образованнымъ человѣкомъ. Его свѣтлость можно поздравить съ такимъ пріобрѣтеніемъ, и для нея самой это большое утѣшеніе. Мама́ такъ безпокоилась о ней. Она завтра же напишетъ мама́, что она должна быть спокойна на счетъ этого пункта, также какъ и на счетъ остальныхъ. Она всегда представляла себѣ замокъ Роде очаровательнымъ убѣжищемъ, но онъ болѣе чѣмъ очаровательное убѣжище, онъ простой рай.

— Вы очень любезны, милая графиня, замѣтилъ принцъ разсѣянно.

Больше никто не вымолвилъ ни слова. Остальная часть пути совершилась молча и даже какъ будто уныло. Во второмъ экипажѣ оба спутника также молча сидѣли другъ возлѣ друга. Только разъ кавалеръ замѣтилъ:

— Мнѣ сдается, докторъ, что наша графиня просто змѣйка. А вы какъ думаете?

Докторъ ничего не отвѣчалъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ комнату графини, черезъ раскрытый балконъ, проникалъ теплый, ароматическій воздухъ. Садъ зáмка подъ балкономъ, лужайки парка въ долинѣ, лѣса на верху отлогихъ горъ — все было залито яркимъ утреннимъ солнцемъ. Графинѣ было очень жаль, что она изъ-за того, чтобы написать письмо своей мамá вынуждена была отказаться отъ поѣздки на мызу, предложенной принцемъ. Она вышла на балконъ, поглядѣла на открывавшійся передъ ея глазами видъ, вернулась въ комнату, сѣла въ кресло, оглядѣла свои розовые ногти и задумалось о докторѣ; о томъ, что онъ одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ, какихъ она когда-либо встрѣчала, и что ему не слѣдовало бы вовсе ѣздить сегодня утромъ въ Гюнерфельдъ, или какъ тамъ это называется; затѣмъ снова вышла на балконъ, вспомнивъ, что ей говорили, что изъ зáмка видна деревня, лежащая въ горахъ; разсердилась, увидя, что при ослѣпительномъ солнечномъ сіяніи верхніе уступы горъ сливались другъ съ другомъ; наконецъ усѣлась за письменный столъ, оглядѣла еще разъ свои ногти и принялась писать мелкимъ, красивымъ почеркомъ.

«Ты сердишься, дорогая мамá, что за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ тотчасъ по пріѣздѣ сюда, ты до сихъ поръ не получаешь обѣщанныхъ, подробныхъ извѣстій; но какая возможность писать подробно, когда общество отнимаетъ у насъ весь день! Даже и сегодня утромъ мнѣ пришлось взбунтоваться; всѣ улетѣли. Принцъ хотѣлъ непремѣнно, чтобы я ѣхала съ нимъ, но твоя Стефанія оказалась стойкой: она не забываетъ обязанностей доброй дочери относительно такой добрѣйшей матери.

«Дорогая мамá, я не могу передать тебѣ, какою счастливой я чувствую себя здѣсь и какъ я благодарна тебѣ за то, что ты тогда настояла на своемъ. Бѣдный Д...! Вчера Гейнрихъ сказалъ мнѣ, и какъ кажется не безъ намѣренія, что если король снова

не поможетъ ему, то онъ не въ состояніи будетъ удержать свои помѣстья и все его имущество будетъ продано осенью съ аукціона! я была бы поставлена въ печальное положеніе! Я сожалѣю о немъ отъ всего сердца; онъ былъ дѣйствительно такой милый человѣкъ, хотя и тогда уже немножко легкомысленный. Ну, мы не можемъ ему помочь, а для насъ всѣ обстоятельства дѣла сложились такъ удачно, какъ я, быть можетъ, въ то время не смѣла и надѣяться. Но моя умная мамаша была права, какъ и всегда.

«Въ одномъ только она, конечно, не права: что не пріѣхала одновременно съ нами и пустила свою бѣдную Стефанію ѣхать одну. Я увѣряю тебя, дорогая мамà, что такая сдержанность вовсе не была необходима, хотя я согласна, что гораздо болѣе comme-il-faut пріѣхать тебѣ немного позднѣе и какъ будто къ времени великаго событія: я твердо рѣшилась выждать его здѣсь. Принцъ, воплощенная любовь и доброта относительно меня, и самъ предложилъ это, находя, какъ онъ писалъ къ тебѣ, прекраснымъ и желаннымъ, чтобы наслѣдникъ Роде-Ротебюль-Тирклицской линіи узрѣлъ свѣтъ въ за́мкѣ своихъ предковъ. Ну вотъ мы и поймаемъ его на словѣ. Ты удивишься быть можетъ, дорогая мамà, что я съ такой увѣренностью говорю о наслѣдникѣ; но на этотъ разъ я такъ увѣрена въ его рожденіи, какъ будто бы его окрестили и нарекли ему имя: Эрихъ-Гейнрихъ-Леопольдъ, которое ему прилично носить, какъ представителю трехъ линій. Откуда во мнѣ эта увѣренность, я, собственно говоря, сама не знаю; и родилась она недавно, я полагаю со вчерашняго вечера, когда, во время поѣздки въ фазаній паркъ, мнѣ довелось вести длинную, весьма умную и совсѣмъ дружескую бесѣду съ здѣшнимъ докторомъ, которая меня удивительно утѣшила и успокоила. Но онъ такой милый, превосходный человѣкъ, немного застѣнчивый и грустный, каковы, я полагаю, всѣ эти господа, если они не имѣли случая, подобно нашему милому тайному совѣтнику, постоянно вращаться въ высшемъ обществѣ, которое конечно способно нѣсколько отшлифовать самый грубый камень. Принцъ о немъ самаго высокаго мнѣнія и съ жаромъ отрекомендовалъ мнѣ его, какъ человѣка достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

«Этотъ человѣкъ чистое золото, сказалъ онъ мнѣ вчера, а ему слѣдуетъ безусловно вѣрить. За всѣмъ тѣмъ я полагаю, что эта сильная привязанность принца обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что докторъ не пруссакъ, а ганноверецъ, сынъ незначительнаго чиновника при дворѣ короля Георга, который воспиталъ мальчика, рано потерявшаго своихъ родителей, на свой счетъ. Поэтому конечно нельзя ставить въ вину бѣдняку, что онъ участвовалъ въ 1866 году, въ качествѣ вольноопредѣ-

ляющагося, въ неудачномъ походѣ противъ насъ. Въ битвѣ при Лангензальцѣ—который, слѣдуетъ тебѣ сказать, лежитъ въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда—онъ былъ раненъ, а на слѣдующую весну, не знаю какимъ случаемъ, попалъ сюда и поступилъ на службу принца, положеніе котораго до извѣстной степени одинаково или весьма сходно съ положеніемъ несчастнаго короля Георга, и который одинаково не можетъ примириться съ потерей своей независимости. Но, объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе, когда ты сюда пріѣдешь. Это весьма щекотливый пунктъ и я желала бы, чтобы Гейнрихъ относился къ нему съ большей деликатностью. Но вѣдь ты знаешь, что осмотрительность не совсѣмъ въ его характерѣ, поэтому разговоръ уже неоднократно принималъ весьма скверное направленіе, и въ сущности почти всегда по винѣ Гедвиги, которая выказываетъ такую враждебность къ Пруссіи, что можно подумать, будто она сама лишилась короны, благодаря войнѣ.

«Эта черта въ Гедвигѣ для меня отвратительна и она виновата, если мы еще до сихъ поръ не вполнѣ на дружеской ногѣ. Ты можешь быть увѣрена, дорогая мама́, что я твердо держусь нашего рѣшенія и любезна съ ней до послѣдней степени. Я встрѣтила ее братскимъ «ты»; обнимаю ее всякій разъ, какъ мы здороваемся по утру и прощаемся вечеромъ; но это, повидимому, не дѣлаетъ на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія и мнѣ право приходитъ иногда въ голову: бѣдное дитя, помѣшалась отъ высокомѣрія. Мнѣ жаль только милаго, стараго принца, который конечно не затѣмъ сдѣлалъ такой mésalliance, чтобы ему отплачивали самой черной неблагодарностью и чтобы его жена—если только ее можно назвать женой—иногда не удостоивала его ни однимъ ласковымъ словомъ, ни однимъ дружескимъ взглядомъ. Я пристально наблюдала за ними и могу въ этомъ поклясться; и несмотря на это, добрый старый принцъ относится къ ней такъ внимательно, какъ если бы она въ самомъ дѣлѣ была принцессой крови и принесла ему въ приданое герцогство. Но, дорогая мама̀, для насъ это собственно выгодно, потому что какъ аукнется, такъ и откликнется, какъ я сказала вчера Гейнриху, когда мы вернулись домой; но онъ сейчасъ же разсердился и совсѣмъ не кстати. Какъ будто я въ этомъ виновата! Гейнриху право слѣдовало бы быть благодарнымъ за то, что я никогда не попрекала его страстишкой къ Гедвигѣ. Да ему право нѣтъ никакого резона снова увлекаться, потому что Гедвига обращается съ нимъ вовсе не любезно, что ей впрочемъ и не трудно, потому что она ни съ кѣмъ не любезна. Съ докторомъ, напримѣръ, она совсѣмъ не разговариваетъ. Богу

одному извѣстно, чѣмъ тотъ провинился передъ ней! Быть можетъ, она завидуетъ благосклонности, съ какой относится къ нему принцъ; быть можетъ, она не можетъ простить ему несчастной любви къ одной ротебюльской дѣвочкѣ, дочери совѣтника канцеляріи принца, ничтожнѣйшему созданію; дѣвочка, какъ я слышу, почти помолвлена съ нѣкимъ господиномъ фонъ-Цейзелемъ, здѣшнимъ придворнымъ кавалеромъ, для котораго она гораздо болѣе подходящая партія, чѣмъ для моего доктора. Ты видишь, дорогая мама́, что я совсѣмъ здѣсь освоилась и довольно хорошо вникла во всѣ дѣла. Да оно и необходимо, такъ какъ рано или поздно мнѣ придется быть здѣсь хозяйкой. Теперь же, послѣ того, какъ я вдоволь наболталась съ моей дорогой мама́, я позволю, чтобы пришла Софья, помогла мнѣ одѣться и покатаюсь съ часокъ.

«Я собственно дожидаюсь доктора; но онъ что-то медлитъ и быть можетъ я встрѣчу его по дорогѣ, такъ какъ знаю, куда онъ поѣхалъ».

«*Postscriptum.* Только-что я послала Софью распорядиться на счетъ экипажа, явился докторъ и я снова вела съ нимъ длинный и въ высшей степени интересный разговоръ. Представь себѣ мой испугъ: онъ собирается уѣхать отсюда! За день до нашего пріѣзда онъ просилъ у принца отставки, въ чемъ его свѣтлость, слава Богу, отказалъ ему. Онъ конечно остался, но счелъ своей обязанностью, какъ онъ говоритъ, предупредить меня, что пробудетъ здѣсь лишь нѣсколько дней. Я сказала ему, что онъ не долженъ думать объ отъѣздѣ, что мы вполнѣ разсчитывали на него и невозможно, чтобы онъ оставилъ женщину въ моемъ положеніи безъ помощи. Само собою разумѣется, что такая аттака, которую я съ намѣреніемъ вела довольно живо, не осталась безъ желаннаго успѣха.

«Эти люди никогда не могутъ отказывать намъ, если мы не захотимъ этого. Онъ обѣщалъ мнѣ навѣрное, что не уѣдетъ, прежде чѣмъ не поступитъ другой на его мѣсто—стараго, глупаго деревенскаго ротебюльскаго доктора я, разумѣется, не соглашусь взять на его мѣсто. И при этомъ я сдѣлала одно наблюденіе, что у этого человѣка самая аристократическая рука, какую только можно себѣ представить. Онъ просто феноменъ!

«Кавалькада только-что вернулась домой. Я слышу, какъ лошади скачутъ по мосту. Ахъ! подумать только, что я лишена этого удовольствія! Это слишкомъ тяжко! А Гедвига разумѣется пользуется этимъ. Она ѣздитъ недурно, хотя мнѣ кажется не такъ хорошо, какъ я, но разумѣется кокетничаетъ своей ловкостью и представляется, что жить не можетъ безъ того, чтобы

не провести на сѣдлѣ нѣсколько часовъ ежедневно. Я боюсь, что, благодаря высокомѣрію нашей принцессы, мнѣ трудно будетъ, несмотря на все мое добродушіе, держаться относительно ея условленной роли. Прощай, дорогая мама́, я слышу, Гейнрихъ вошелъ въ свою комнату и спѣшу кончить письмо.

«Онъ конечно не заботится, слава тебѣ Господи, о моей перепискѣ, но всегда чувствуешь себя какъ-то неловко, когда знаешь, что мужъ можетъ войти каждую минуту и мелькомъ заглянуть въ письмо, а у Гейнриха такое острое зрѣніе. Прощай!»

Графъ вошелъ въ комнату, прошелъ прямо на балконъ и поглядѣлъ, опираясь на перила, въ садъ; затѣмъ вернулся въ комнату.

— Ахъ! сказалъ онъ, я тебя не видѣлъ.

— Мнѣ кажется, мы не видѣлись съ тобой со вчерашняго дня, милый другъ, отвѣчала Стефанія, захлопывая портфель.

— Конечно, замѣтилъ графъ, ты такъ устала, да и я также.

— И могъ обойтись такъ рѣзко съ своей маленькой женой, сказала Стефанія, вставая и ласкаясь къ мужу.

— Я былъ рѣзокъ? возразилъ графъ, проводя рукой по бѣлокурымъ волосамъ молодой женщины, съ чего ты это взяла? я быть можетъ увлекся въ разговорѣ, но уже никакъ не былъ рѣзокъ. Я не помню теперь, въ чемъ было дѣло. Да, теперь вспомнилъ. Ты сдѣлала какое-то замѣчаніе объ отношеніяхъ стараго принца къ Гедвигѣ, которое мнѣ не понравилось. И я въ самомъ дѣлѣ думаю, что намъ слѣдуетъ изъ деликатности воздерживаться отъ всякихъ комментаріевъ на этотъ счетъ.

— Мнѣ кажется, въ свое время ты высказывалъ довольно много комментаріевъ объ этомъ предметѣ, замѣтила Стефанія, усаживаясь въ креслѣ.

— Въ свое время! повторилъ графъ, на все есть свое время. Теперь мы здѣсь въ гостяхъ и приличіе требуетъ, чтобы мы относились къ хозяевамъ дружески и внимательно.

— Ну, мнѣ кажется, меня нельзя упрекнуть въ недостаткѣ дружелюбія и всякаго рода вниманія, сказала Стефанія.

— Да, всякаго рода, кромѣ быть можетъ того, который слѣдуетъ, отвѣчалъ графъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ. Позволь мнѣ быть откровеннымъ, Стефанія; тотъ родъ дружелюбія, о которомъ ты говоришь, не нравится мнѣ. А то, что ты называешь вниманіемъ, слишкомъ похоже на разсчетъ, котораго не слѣдуетъ выказывать такъ явно, а иначе онъ можетъ смутить. У тебя же разсчетъ слишкомъ выступаетъ наружу. Ты слишкомъ низкаго мнѣнія о принцѣ. При всѣхъ сво-

ихъ странностяхъ, онъ истинный джентльменъ, съ большимъ тактомъ. За нимъ не слѣдуетъ слишкомъ явно ухаживать. Женѣ же моей всего менѣе прилично это по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что она моя жена; ты знаешь, что я хочу этимъ сказать; во-вторыхъ потому, что его жена—вѣдь какъ бы то ни было, а Гедвига ему жена — не пріучила его къ такого рода дружелюбію, извини меня—и все это получаетъ такой видъ, какъ будто ты желаешь выставить Гедвигу въ невыгодномъ свѣтѣ.

— Какая нѣжная заботливость о Гедвигѣ, замѣтила Стефанія.

— Совершенно наоборотъ, возразилъ графъ, я забочусь о тебѣ: я хотѣлъ бы, чтобы ты вела себя такъ прилично, какъ только можно. Я нахожу также, что ты слишкомъ любезна съ Гедвигой; ты ее не привлечешь этимъ къ себѣ, не заставишь ее забыть, что въ былое время, когда ты сама была хозяйкой дома, то часто, слишкомъ часто и безжалостно давала ей чувствовать ея зависимое положеніе. Спроси сама себя, добилась ли ты до сихъ поръ отъ Гедвиги чего-нибудь, кромѣ вѣжливо-холоднаго отпора! Ты согласишься, что такое зрѣлище не особенно для меня пріятно.

— Быть можетъ, я слишкомъ внимательна также и съ другими, спросила Стефанія, съ господиномъ фонъ-Цейзелемъ, съ докторомъ, съ...

— Говоря откровенно, да, отвѣчалъ графъ съ живостью, въ особенности съ послѣднимъ, въ которомъ ты, къ несчастію, ошибаешься. Этотъ человѣкъ ненавидитъ насъ, прусскихъ аристократовъ, двойной ненавистью ганноверца и демократа. Я, конечно, не дѣлаю ему чести ненавидѣть его въ свою очередь—на это у меня нѣтъ никакого основанія—но онъ мнѣ антипатиченъ, и я бы желалъ—разъ его общество неизбѣжно, не быть ему ничѣмъ обязаннымъ. Это напоминаетъ мнѣ о томъ собственно предметѣ, о которомъ я хотѣлъ съ тобой переговорить. Ты, конечно, писала твоей мамà; передай ей пожалуйста, что я возвращаюсь къ нашему первоначальному плану и прошу ее на всякій случай привезти съ собой тайнаго совѣтника.

— Боже мой, сказала Стефанія, серьезно испугавшись, это совсѣмъ невозможно, это очень оскорбитъ принца, да и доктора также. Я такъ сказать пригласила уже его... только сегодня утромъ... съ часъ тому назадъ.

— Я не вижу причины, возразилъ графъ, почему бы тебѣ здѣсь, также какъ и въ Берлинѣ, не пригласить двухъ или трехъ врачей, въ особенности при такихъ важныхъ обстоятельствахъ.

А теперь, милое дитя, я долженъ тебя оставить. Я хочу съѣздить до обѣда съ Цейзелемъ въ одно сосѣднее помѣстье, гдѣ можно купить пару лошадей, которыхъ онъ очень расхваливаетъ. Мнѣ непріятно постоянно ѣздить на лошадяхъ принца, а своихъ я не могу выписать сюда. Кто знаетъ, какъ скоро мнѣ придется вернуться въ Берлинъ. Прощай, милое дитя, и не правда ли, ты сдѣлаешь то, о чемъ я тебя просилъ.

Графъ слегка коснулся губами лба жены и вышелъ изъ комнаты. Стефанія осталась неподвижной въ креслѣ, какъ это всегда съ ней бывало послѣ всякой сцены съ мужемъ. Она не сомнѣвалась больше въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, что графъ совсѣмъ готовъ снова влюбиться въ Гедвигу, если уже не влюбился; во-вторыхъ, что онъ подозрѣваетъ ее въ томъ, что она интересуется докторомъ. Она не знала, сердиться ли ей за первое, или радоваться послѣднему. Что графъ имѣлъ обыкновеніе усердно ухаживать за всѣми хорошенькими женщинами — это была для нея не новость, но въ первый разъ замѣтила она въ немъ ревность, хотя по временамъ и давала ему поводы къ ней. Это было пикантно, это льстило ея тщеславію. Она, конечно, должна была покориться волѣ графа, которому нельзя было безнаказанно противорѣчить или противодѣйствовать. Но за то она намѣрена была доставить себѣ маленькое развлеченіе: вскружить голову красивому доктору.

Эта мысль заключала въ себѣ такую прелесть для Стефаніи, что она безъ особенной горечи сообщила матери, во вторичной припискѣ, о желаніи супруга и могла выказать за обѣдомъ ту любезность, которую графъ считалъ такой неприличной, а она сама такой очаровательной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Стефанія могла, по крайней мѣрѣ, привести въ свое оправданіе, что—не говоря о другихъ лицахъ—принцъ, на которомъ главнѣйшимъ образомъ сосредоточивалась ея внимательность, отнюдь не оставался нечувствительнымъ, но напротивъ платилъ ей тѣмъ же. За обѣдомъ онъ преимущественно обращался къ ней съ разговорами и всегда охотно слушалъ ея болтовню. Шутки ея всегда вызывали у него усмѣшку, конечно, спокойную и слегка ироническую, по обыкновенію, но все-таки усмѣшку; когда только представлялась возможность поддержать ея не всегда логическія замѣчанія, онъ никогда не упускалъ этого. Онъ очень былъ ей благодаренъ, за то, что она исполняла по вече-

рамъ на фортепьяно нѣкоторыя новѣйшія салонныя піесы, хотя ея поверхностная игра едва-ли могла нравиться такому привычному уху, какъ его. Онъ бралъ на себя трудъ водить ее по прекрасной картинной галлереѣ и объяснять ей разницу въ стилѣ различныхъ школъ и мастеровъ, хотя она очевидно еще менѣе понимала въ живописи, чѣмъ въ музыкѣ. Этого мало; онъ простеръ любезность до того, что прислалъ въ ея комнату нѣсколько портфелей изъ своего богатаго собранія гравюръ, и когда Леди, ея англійская лягавая собака, весьма немилостиво обошлась съ одной драгоцѣнной гравюрой, то онъ обратилъ все дѣло въ шутку и похвалилъ животное за его хорошій вкусъ.

Но особенно нѣжную внимательность возбуждала въ немъ беременность Стефаніи, которую вообще она переносила чрезвычайно легко. Стефанія не могла взойти на лѣстницу или сойти съ нея безъ того, чтобы онъ не предложилъ ей своей руки или не поручилъ этого кому-нибудь изъ кавалеровъ, и едва лишь успѣла Стефанія высказать мнѣніе, что въ комнатахъ нижняго этажа, выходящихъ въ садъ, должно быть особенно удобно жить, какъ онъ немедленно отдалъ приказъ приготовить эти комнаты для графини и просилъ извиненія, что самъ не догадался о такой простой вещи.

Стефанія, послѣ нѣкоторой борьбы, согласилась на эту перемѣну, какъ скоро увидѣла, что графъ ничего противъ нея не имѣетъ. Но она не мало испугалась, когда вслѣдъ затѣмъ онъ попросилъ позволенія, съ своей стороны, удержать за собой комнаты верхняго этажа, которыя ему особенно нравились.

Ей пришло въ голову, что онъ, вѣроятно, потому только дорожилъ этими комнатами, что онѣ находились въ близкомъ сосѣдствѣ съ тѣми, въ которыхъ жила Гедвига и отъ которыхъ ихъ отдѣляла только такъ-называемая красная башня, откуда вела общая обоимъ флигелямъ, соприкасавшимся другъ съ другомъ, лѣстница въ самую уединенную, тихую часть сада. Теперь она охотно взяла бы назадъ свое согласіе, но перемѣщеніе совершилось и она должна была удовольствоваться, давъ волю своему гнѣву въ разговорѣ съ принцемъ, когда все общество гуляло въ саду послѣ обѣда. Въ этомъ разговорѣ она весьма кротко пожаловалась на горе, достающееся въ удѣлъ женщинѣ, которая любитъ своего мужа больше всего на свѣтѣ, живетъ только для него и порою замѣчаетъ, какъ легко обходится безъ нея нѣжно-любимый мужъ.

— Иначе не можетъ быть, прибавила она, вздыхая; въ этихъ отношеніяхъ, какъ говорятъ французы, участвуютъ двое: одинъ, который любитъ, и другой, который позволяетъ себя любить.

Лицо принца омрачилось.

— Конечно, сказалъ онъ, но мало ли безъ чего намъ приходится обходиться, да и существуютъ ли наконецъ вещи или люди, которые были бы вполнѣ необходимы!

— А вы, напримѣръ, ваша свѣтлость, возразила Стефанія.

— Я? вскричалъ принцъ. Великій Боже! для кого же я такъ необходимъ?

— Для всѣхъ!

— Для всѣхъ? это обширное понятіе. Я желалъ бы, чтобы весь міръ могъ обойтись безъ меня, лишь бы для нѣкоторыхъ людей я былъ необходимъ.

— Я не буду говорить о себѣ, о всѣхъ насъ, отвѣчала Стефанія, но Гедвига....

— Гедвига обезпечена на всякій случай, замѣтилъ принцъ.

— Кто объ этомъ думаетъ? вскричала Стефанія, да и развѣ возможно, чтобы ваша свѣтлость забыли кого-нибудь обезпечить? въ особенности же Гедвигу, которая.... но объ этомъ право ужасно даже говорить.

— Говорите, говорите, сказалъ принцъ. Я чаще думаю о смерти, чѣмъ вы полагаете, и смерть не представляетъ для меня ничего ужаснаго. Но что такое хотѣли вы сказать про Гедвигу?

— Я хотѣла сказать, возразила Стефанія, что Гедвига на тотъ случай, о которомъ я не могу и не хочу думать, можетъ разсчитывать на насъ, которые ее такъ любимъ.

— Опирается ли эта любовь на взаимности? спросилъ принцъ съ иронической улыбкой.

— Правда, возразила Стефанія, Гедвига такъ сдержанна, такъ скрытна; часто нельзя сказать, какъ она относится къ людямъ. Да, говоря откровенно, никто изъ насъ не можетъ похвалиться, что дѣйствительно былъ близокъ съ ней, кромѣ одного Гейнриха.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ принцъ, пристально поглядѣвъ на графа и Гедвигу, которые уже съ четверть часа какъ стояли рядомъ на одной изъ нижнихъ террасъ и глядѣли въ оленій паркъ. Графъ казалось что-то доказывалъ; онъ съ живостью размахивалъ руками; затѣмъ они исчезли въ боковой аллеѣ, которая вела на послѣднюю ступень террасы.

— Въ самомъ дѣлѣ, повторилъ принцъ.

— Конечно, отвѣчала Стефанія, и я вполнѣ понимаю это. Въ ихъ характерѣ столько общаго; покойный папа́ всегда говорилъ, что Гедвигѣ слѣдовало бы родиться мужчиной, изъ нея вышелъ бы отличный солдатъ. Ну, разумѣется, въ ней много мужества, этого нельзя отрицать, а такъ какъ Гейнрихъ всего

более цѣнить это качество, то весьма естественно, что они чувствовали въ то время нѣкоторое влеченіе другъ къ другу. Покойный папа́ часто поддразнивалъ меня этимъ, а добрая, милая мама́ дѣлала иногда весьма серьезное лицо. Боже мой, вы, мужчины, не можете не ухаживать за хорошенькими женщинами. Неужели намъ слѣдуетъ изъ-за этого выплакать всѣ глаза? вѣдь это было бы глупо! Нѣтъ, лучше намъ смотрѣть сквозь пальцы. Мы вѣдь знаемъ, что милый измѣнникъ вернется къ намъ обратно. И вотъ теперь, когда Гедвига достигла всего, чего только могло желать ея сердце, и когда мой Гейнрихъ тоже не можетъ пожаловаться на свою судьбу.... Но что съ вами, ваша свѣтлость?

— Развѣ вы не слыхали крика? сказалъ принцъ, внезапно выпуская руку Стефаніи и подходя къ каменнымъ периламъ террасы, чтобы поглядѣть въ оленій паркъ.

— Я ничего не слышу, отвѣчала Стефанія.

Въ эту минуту ясно долетѣлъ женскій крикъ.

— Боже мой, что́ случилось? вскричалъ принцъ, сбѣгая съ крутыхъ ступенекъ съ такой быстротой, какой нельзя было бы ожидать въ его годы, между тѣмъ какъ нѣсколько слугъ пробѣжало мимо изъ верхней части сада. Стефанія не знала, бѣжать ли ей за ними или сѣсть на скамейку и на ней дожидаться объясненія этого страннаго случая. Послѣ нѣкотораго колебанія, она рѣшилась на послѣднее, проговоривъ про себя скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ испугомъ:

— Неужели Гейнрихъ былъ такъ неостороженъ!

Гедвига рѣшила не избѣгать общества графа, когда послѣ обѣда онъ подошелъ къ ней.

Она говорила себѣ, что столкновенія съ нимъ неизбѣжны и что слишкомъ суровое обращеніе съ ея стороны можетъ быть ложно истолковано. Кромѣ того ее давило сознаніе, что въ прошлый вечеръ, на возвратномъ пути изъ фазаньяго парка, она зашла слишкомъ далеко. Она разгорячилась, тогда какъ ей слѣдовало оставаться хладнокровной; говорила съ ѣдкой насмѣшкой, когда всего умѣстнѣе была бы легкая иронія. Она была виновата въ томъ, что разговоръ принялъ такое бурное направленіе и этимъ дала преимущество графу, которымъ такой смѣлый человѣкъ, какъ онъ, не могъ не воспользоваться.

Вотъ почему она нѣсколько удивилась, когда графъ подошелъ къ ней съ той непринужденностью, какою отличались его манеры и заговорилъ о положеніи за́мка съ военной точки зрѣнія.

— Не нужно даже заглядывать въ хроники, сказалъ онъ,

чтобы узнать, что замокъ построенъ въ то время, когда не существовало еще никакого огнестрѣльнаго оружія и слѣдовательно скала, отдѣленная отъ близлежащихъ высотъ рѣкой, шириной футовъ въ двѣсти, представляла довольно безопасное убѣжище.

— Мнѣ подобный замокъ на его крутой скалѣ всегда представляется рыцаремъ, закованнымъ въ желѣзо, на конѣ, который точно также весь закованъ въ желѣзо, замѣтила Гедвига.

— Превосходное сравненіе, возразилъ графъ съ живостью. Это именно то же самое; къ молодцу нельзя было подступиться ни съ какой стороны, и это давало ему перевѣсъ въ битвѣ и позволяло имѣть дѣло съ цѣлой толпой плохо обученныхъ и плохо вооруженныхъ пѣхотинцевъ. Когда видишь подобный замокъ, тогда понимаешь средніе вѣка съ кулачнымъ правомъ рыцарей, уклончивой политикой маленькихъ династій, заповѣдными границами городовъ и всѣми другими характеристическими чертами, которыя очень пристали тому времени, такъ какъ они тогда были совершенно въ порядкѣ вещей, но надъ которыми нельзя не смѣяться, когда наталкиваешься на нихъ въ наши дни.

— Средніе вѣка должны однако пользоваться бо́льшей милостью у дворянства, возразила Гедвига.

— Только у той части дворянства, живо подхватилъ графъ, которая ничему не научилась и ничего не позабыла; у той части, которая выдаетъ намъ свою близорукость за героизмъ и черезъ это только срамитъ себя въ глазахъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей и въ концѣ концовъ возстаетъ на свою собственную плоть и кровь. Кто стремится къ извѣстной цѣли, тотъ не долженъ брезгать средствами!

— Даже съ ущербомъ для своего достоинства?

— Достоинство ни мало не страдаетъ, когда соединяютъ вещи подходящія другъ къ другу.

— Напримѣръ? спросила Гедвига.

— Ну вотъ то, о чемъ сейчасъ было говорено: средство и цѣль.

— Вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что намъ слѣдуетъ — если только мы желаемъ остаться цѣлы, а кто этого не желаетъ — соединяться, подобно тому, какъ всѣ ныньче соединяются, и избрать фирму, подъ которой мы могли бы съобща заботиться о своихъ интересахъ и проводить ихъ, потому что интересы фирмы главнымъ образомъ сходятся и съ нашими интересами: я подразумѣваю сильное государство съ королемъ, царствующимъ Божіею милостью.

— Весьма.... купеческая мысль для такого богатаго графа!

— Мы, Штейнбурги, никогда не были особенно богаты, возразилъ графъ, да будь мы и богаты, то я считалъ бы не купеческимъ, а политическимъ разсчетомъ пожертвовать формой, въ которой не сохранилось ни малѣйшаго содержанія. Мнѣ кажется, что 1866 годъ показалъ достаточно ясно, какая судьба постигала и постигаетъ тѣхъ, кто остается глухъ къ урокамъ исторіи. Мнѣ нисколько не жаль людей, которые не хотятъ ничего видѣть, несмотря на то, что у нихъ есть глаза.

— Даже если мы имѣемъ дѣло съ старикомъ, у котораго мы въ гостяхъ, и котораго намъ хотя бы изъ одного этого слѣдовало щадить? спросила Гедвига.

— Я знаю, что̀ вы хотите сказать, возразилъ графъ, и мнѣ искренно жаль, если я черезъ-чуръ увлекался въ политическихъ спорахъ, которые поднимались у насъ слишкомъ часто. Но скажите сами, могу ли я равнодушно выслушивать доктрины принца, которыя вы раздѣляете, хотите вы сказать? Быть можетъ! я вѣрю, что вы находите жестокое удовольствіе раздражать меня противорѣчіемъ; что вы серьезно относитесь къ бреднямъ о свободѣ, которыя высказываете иной разъ, и къ консерватизму, который проявляется у васъ въ другой—хотя для меня непонятно такое сочетаніе. Я охотно предоставляю женщинамъ право увлекаться политикой чувства. Я также ничего не имѣю противъ того, если такой человѣкъ, какъ докторъ, дѣлается республиканцемъ по влеченію своего сердца. Люди его происхожденія принадлежатъ къ такому классу, который цѣлыя столѣтія провелъ въ непробудномъ политическомъ снѣ. Я не говорю, что этотъ классъ виноватъ въ этомъ, но вѣдь это фактъ. Можно ли серьезно требовать, чтобы въ тотъ моментъ, какъ они пробуждаются отъ этого сна и протираютъ глаза,—они увидѣли свѣтъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ? чтобы они не приняли своихъ сновидѣній — а такихъ у нихъ было вдоволь — за дѣйствительность? Но что касается принца, то тутъ иное дѣло. *Noblesse oblige!* Кто, какъ онъ, происходитъ изъ такого рода, который не сходилъ со сцены во все время, пока существуетъ исторія Германіи, тотъ долженъ былъ научиться видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ; тотъ не долженъ отставать отъ вѣка, обязанъ понимать настоящее положеніе дѣлъ. Что было бы съ принцемъ, еслибы въ 1866 году у него была безсильная возможность, какъ у другихъ ослѣпленныхъ людей, ухватиться за колесо всемірной исторіи? Оно до смерти раздавило бы его, какъ и тѣхъ. А принцъ—глава моего дома! несправедливо требовать отъ меня, чтобы я спокойно глядѣлъ на то, какъ такое имя, какъ

наше, вычеркивается изъ золотой книги нашего дворянства и, что всего хуже, какъ оно само себя вычеркиваетъ.

Графъ говорилъ съ энергіей и жаромъ. Гедвига въ первый разъ поняла, что въ этомъ человѣкѣ, чьи блестящія качества, должны были плѣнить ея юное сердце, жило вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое убѣжденіе въ справедливости своего міросозерцанія. Это міросозерцаніе совершенно противорѣчило ея понятіямъ о справедливомъ, которое вполнѣ уяснилось ей въ долгихъ, серьезныхъ, умныхъ бесѣдахъ съ Германомъ. Она спрашивала себя, что возразилъ бы на это Германъ, будь онъ на ея мѣстѣ; она говорила себѣ: вотъ нашъ врагъ, вотъ нашъ злѣйшій врагъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла относиться къ этому врагу съ пренебреженіемъ, хотя онъ самъ пренебрежительно отзывался о своихъ противникахъ; не могла отказать ему въ томъ уваженіи, какое внушало ей всякая мужественная манера держать себя.

— Вы ничего не отвѣчаете? началъ снова графъ. Я не убѣдилъ васъ, это мнѣ хорошо извѣстно; слѣдовательно, вы не считаете меня достойнымъ возраженія. Но я еще не отчаяваюсь убѣдить васъ. Такія женщины, какъ вы, таятъ въ себѣ глубокое сознаніе истиннаго порядка, смутное, но вѣрное пониманіе вещей; сердце влечетъ ихъ туда, гдѣ онѣ видятъ силу и власть. А вѣрьте мнѣ, сила въ насъ и намъ принадлежитъ власть! Но куда это мы забрели?

Они спустились съ довольно крутой дорожки и находились теперь на тропинкѣ, огибавшей садовую террасу и съ одной стороны примыкавшей къ ея послѣдней, крутой скалѣ, между тѣмъ какъ по другую журчали темно-прозрачныя волны Роды, которая въ этомъ мѣстѣ была очень глубока и медленными извивами катила свои воды. По ту сторону раскинулись поросшія кустарникомъ холмистыя лужайки оленьяго парка, и повидимому его не нашли нужнымъ обнести въ этомъ мѣстѣ оградой. Только узкій мостикъ, который въ нѣкоторомъ разстояніи велъ къ охотничьему домику, замыкался рѣшеткой съ воротами. Тропинка, которую пришлось въ этомъ мѣстѣ пробивать въ скалѣ, была такъ узка, а край идущій къ рѣкѣ такъ крутъ, что проходя здѣсь приходилось тѣсниться другъ къ другу.

— Мнѣ кажется тропинка кончается здѣсь, сказалъ графъ, который шелъ нѣкоторое время въ молчаніи, возлѣ Гедвиги.

— Это только такъ кажется, возразила Гедвига, она круто огибаетъ вотъ ту скалу, которую мы зовемъ Лебединой. Нѣсколько дальше пробитъ гротъ, отъ котораго новая тропинка ведетъ обратно въ садъ.

Она пошла впередъ быстрыми шагами. Графъ послѣдовалъ за ней.

— Одинъ смѣлый и сильный человѣкъ, сказалъ онъ, могъ бы остановить здѣсь цѣлый полкъ.

Едва успѣлъ онъ проговорить это, какъ изъ-за угла скалы показался громадный олень и завидѣвъ обоихъ спутниковъ наклонилъ огромные рога, затѣмъ приподнялъ ихъ снова, и снова наклонилъ, при чемъ концы ихъ громко ударяли въ скалу.

— Это становится серьезнымъ, замѣтилъ графъ.

— Это старый Гансъ, возразила Гедвига, идя далѣе, онъ не сдѣлаетъ мнѣ вреда; мы съ нимъ хорошіе пріятели.

Въ этотъ моментъ разъяренное животное издало глухой ревъ и еще ниже наклонивъ рога направилось какими-то странными прыжками имъ на встрѣчу.

Въ одно мгновеніе ока графъ отбросилъ Гедвигу назадъ, сталъ между ней и оленемъ и закричалъ громкимъ голосомъ, надѣясь этимъ устрашить животное. Но олень, повидимому, только сильнѣе разсвирѣпѣлъ, глаза его горѣли, онъ отступилъ назадъ, приготовляясь къ новому прыжку.

— Ради Бога, Гедвига, спасайтесь! вскричалъ графъ, бросаясь къ животному и предупреждая такимъ образомъ его нападеніе. Его движеніе было такъ быстро и онъ такъ удачно схватилъ оленя за рога, что одну минуту казалось, что ему удасться привести въ исполненіе задуманное и столкнуть животное съ узкой тропинки въ рѣку. Но это продолжалось всего одну минуту; затѣмъ гигантская сила звѣря побѣдила силу человѣка. Онъ побѣдилъ его сопротивленіе съ такой легкостью, какъ будто имѣлъ дѣло съ самымъ слабымъ мальчикомъ, и приперъ его къ скалѣ, точно хотѣлъ пригвоздить къ ней. Гедвига не въ силахъ была долѣе выносить ужаснаго зрѣлища и громко закричала; на ея крикъ отозвался короткій, рѣзкій выстрѣлъ винтовки. Олень прыгнулъ впередъ, опрокинулъ графа къ своимъ ногамъ и повалился самъ, испуская духъ. По ту сторону рѣки, на лужайкѣ парка стоялъ Прахатицъ, вышедшій изъ-за кустовъ, медленно, по охотничьему, отводя винтовку, которая еще дымилась.

— Убитъ ли онъ? закричалъ онъ.

Гедвига ничего не отвѣчала. Она опустилась на колѣни возлѣ графа, который лежалъ передъ ней на спинѣ безъ малѣйшаго признака жизни, съ лицомъ, покрытымъ мертвенной блѣдностью.

— Онъ умеръ за меня, прошептала она, приподняла его голову, съ которой давно уже слетѣла военная фуражка и пы-

талась его приподнять; и вотъ въ ту минуту, какъ его мертвенно блѣдная голова покоилась на ея груди, въ ея умѣ промелькнула странная мысль: каковы бы были ея чувства теперь, еслибы она была его женой. Сильный испугъ какъ будто сгладилъ всѣ другія воспоминанія, все вокругъ нея какъ будто замерло и ей казалось, что она осталась одна въ цѣломъ мірѣ съ мертвецомъ. Но это безсознательное состояніе длилось всего одну минуту. Блѣдное лицо передернулось. Рѣсницы медленно приподнялись и глаза его пристально остановились на ея лицѣ. То, что происходило передъ тѣмъ въ душѣ Гедвиги, повторилось въ душѣ графа. Пробуждаясь отъ смертельнаго обморока, онъ помнилъ только о прекрасной женщинѣ, которая держала его въ своихъ объятіяхъ. Онъ видѣлъ только ее одну и ему представлялось, что кромѣ нея никого больше нѣтъ въ этомъ обширномъ мірѣ.... все это длилось одну минуту. Затѣмъ дѣйствительность вступила въ свои права. Онъ увидѣлъ смуглое, бородатое лицо; онъ услышалъ слова Гедвиги: что намъ теперь дѣлать? Воспоминаніе о случившемся вернулось къ нему, а вмѣстѣ съ нимъ и силы. Онъ попытался приподняться; это удалось ему при помощи смуглаго человѣка, въ которомъ онъ теперь узналъ лѣсничаго Прахатица. Затѣмъ изъ за-угла скалы появилось двое слугъ, которымъ пришлось перескочить черезъ мертваго оленя, лежавшаго поперегъ дороги, прежде чѣмъ достичь до группы; и вотъ наконецъ показался и самъ принцъ, поблѣднѣвшій болѣе обыкновеннаго, отъ непривычнаго напряженія, съ какимъ онъ бѣжалъ внизъ съ террасы и отъ внутренняго волненія; онъ поглядѣлъ мрачными глазами на необыкновенную сцену, которую ему трудно было объяснить себѣ, и спросилъ нетвердымъ голосомъ, что такое случилось? Графъ оправился настолько, что самъ взялся дать требуемое объясненіе.

— Дѣло могло кончиться хуже и кончилось бы худо, безъ сомнѣнія, если бы не подоспѣлъ во-время Прахатицъ, который далъ такой выстрѣлъ, съ какимъ могъ сравниться только выстрѣлъ Вильгельма Телля.

При этихъ словахъ графъ хотѣлъ протянуть принцу руку, и только теперь замѣтилъ, что съ трудомъ могъ двигать правою рукой, вслѣдствіе, какъ ему показалось, сильнаго ушиба, во время борьбы, или при паденіи.

Тѣмъ временемъ слуги хотѣли принять оленя съ дороги, и при этомъ огромное животное полетѣло съ крутого берега въ воду. Прибѣжавшій въ эту минуту, третій слуга хотѣлъ помочь остальнымъ, но отъ избытка усердія едва самъ не полетѣлъ

внизъ; всѣ были облиты водой съ головы до ногъ. Это возбудило смѣхъ. Тѣмъ не менѣе мрачное настроеніе, вызванное всей предыдущей сценой, не могло разсѣяться.

Принцъ былъ совершенно разстроенъ. Гедвига молчала. Старый Прахатицъ тихо ушелъ черезъ мостикъ; слуги шли сзади и шептались; графъ, отклонившій отъ себя всякую помощь, былъ рѣшительно бодрѣе всѣхъ. Онъ говорилъ, хотя очевидно еще съ трудомъ, о случившемся спокойно и даже весело. Онъ припомнилъ о подобномъ же происшествіи, случившемся съ однимъ принцемъ, изъ его друзей, на котораго напалъ кабанъ и точно также былъ сраженъ на смерть. Конечно, то было на охотѣ, когда всякій приготовленъ къ подобнымъ вещамъ, между тѣмъ какъ старый пріятель, заплатившій такъ дорого за минуту сквернаго расположенія духа, былъ настолько неблагороденъ, что напалъ на безоружнаго врага.

Графъ ни единымъ словомъ не намекнулъ на то, что Гедвига первая задѣла оленя, что самъ онъ легко могъ спастись, спрыгнувъ въ воду или отступивъ на нѣсколько шаговъ внизъ. Гедвига чувствовала, что ей слѣдуетъ вступить въ разговоръ и возстановить событіе въ его настоящемъ свѣтѣ, но не находила словъ, молчала, а сознаніе въ своей неловкости еще болѣе смущало ее и дѣлало еще молчаливѣй. Такимъ образомъ дошли до сада, гдѣ, тѣмъ временемъ, Стефанія пришла въ такой ужасъ отъ бѣготни и криковъ слугъ и раздавшагося затѣмъ выстрѣла, что нашла нужнымъ обратиться за помощью къ доктору, который бѣжалъ въ эту минуту мимо нея и хотѣлъ пробѣжать дальше.

— Я боюсь, графиня, что тамъ помощь моя еще нужнѣе, отвѣчалъ Германъ и хотѣлъ посадить обратно на скамейку Стефанію, лежавшую у него на рукахъ и частію разыгрывавшую обморокъ, частію же въ самомъ дѣлѣ напуганную. Но въ эту минуту показалось общество, а графъ издали еще закричалъ: прошу извиненія, милая Стефанія!

— Ради Бога! вскричала Стефанія, поспѣшно подымаясь на ноги и спѣша на встрѣчу къ графу: что случилось? что ты сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ не особенно много, возразилъ графъ, только допустилъ одурѣвшаго оленя такъ повредить мнѣ руку, что не могу поздороваться съ тобой, какъ слѣдуетъ, и долженъ просить нашего доктора любезно заняться моей особой, хотя надѣюсь не долго.

Общество разошлось на остальную часть дня, такъ какъ графъ, по приказанію Германа, долженъ былъ удалиться въ

свою комнату и выразилъ желаніе остаться наединѣ съ своимъ камердинеромъ. Принцъ также объявилъ, что ему нуженъ покой, а дамы не чувствовали ни малѣйшаго желанія сообщать другъ другу свои впечатлѣнія отъ случившагося.

— Знаете ли, докторъ, сказалъ фонъ-Цейзель, который поздно вернулся изъ сосѣдняго помѣстья, гдѣ покупалъ для графа лошадей и только теперь узналъ о послѣобѣденныхъ происшествіяхъ:—знаете ли, докторъ, это преглупая исторія. Мы только-что было-расходились; нашъ старый, мертвый за́мокъ оживился, а съ прибытіемъ маркиза, о которомъ его свѣтлость отзывается какъ о настоящемъ свѣтскомъ человѣкѣ, мы окончательно развернулись бы: устроилась бы настоящая придворная жизнь, какая для насъ прилична и о которой я всегда мечталъ. Я снова проштудировалъ «Гофмаршала» Малортиса и былъ готовъ устроить всякія увеселенія: обѣды, завтраки, балы во всѣхъ видахъ, театръ, все, что́ угодно. У меня былъ въ головѣ цѣлый міръ плановъ, и вотъ вдругъ случай, разъединяющій все общество, снова превращаетъ насъ въ пустынниковъ! Это можетъ привести въ отчаяніе! Принцъ, у котораго я только-что былъ, чрезвычайно разстроенъ; графъ сидитъ съ холодными компрессами на своей храброй рукѣ; графиня, по всей вѣроятности, прикладываетъ ихъ къ своимъ заплаканнымъ глазамъ, а супруга принца.... ну про ту я ужъ и не знаю что мнѣ думать, въ какомъ видѣ мнѣ ее себѣ представить. А васъ, докторъ, васъ я нахожу невыносимымъ. Я пойду къ Ифлерамъ; вы пойдете со мной?

— Мнѣ нельзя.

— Ну и прекрасно, чтобы изобрѣсти рецептъ противъ меланхоліи, и первому себѣ пропишите сильный пріемъ.

Кавалеръ ушелъ, смѣясь. Германъ также разсмѣялся и поглядѣлъ на окна Гедвиги; сквозь опущенныя занавѣсы въ нихъ виднѣлся свѣтъ; докторъ ударилъ себя по лбу и сказалъ: просто безумно, что я здѣсь остаюсь.

Гедвига же сидѣла въ своей комнатѣ и писала:

«Я не могу допустить, чтобы ночь смѣнила день, не высказавъ вамъ того, что тѣснитъ мою душу. Вы сегодня спасли мнѣ жизнь. Всякій другой на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое, да и кромѣ того, я не особенно дорожу моимъ спасеніемъ. Но тѣмъ не менѣе быть обязаннымъ кому-нибудь жизнью— странное чувство, въ особенности, когда человѣкъ по природѣ такъ мало способенъ ощущать благодарность, какъ я. Хотите освободить меня отъ этого тягостнаго чувства? Я не знаю, считаете ли вы себя виноватымъ противъ меня, но я догадываюсь объ этомъ. По крайней мѣрѣ только этимъ я могу объяснить

себѣ странный разговоръ, къ которому вы меня принудили недавно. Итакъ, сведемъ наши счеты! Ни я, ни вы, мы не въ долгу больше другъ у друга. Мы квиты. Быть можетъ, хорошо, что такъ случилось; быть можетъ, такъ надо было для того, чтобы мы могли встрѣчаться и относиться другъ къ другу не какъ два старыхъ друга, не какъ два старыхъ врага, но какъ два честныхъ человѣка, которые свели свои счеты и могутъ спокойно идти каждый своей дорогой».

Гедвига запечатала записку и хотѣла уже позвать свою камеръ-юнгферу, какъ вдругъ ей пришла мысль, что людямъ можетъ показаться страннымъ, что она пишетъ графу, да еще въ такую позднюю пору. Не лучше ли положить записку въ книгу, которую она пошлетъ графу читать на ночь? Но гордость ея возмутилась противъ такого мелочного поступка и она позвонила.

— Что Августъ, въ передней? спросила она входившую Мету.

— Августъ просилъ позволенія сходить въ Ротебюль, отвѣчала дѣвушка.

— И ты дала ему это позволеніе за меня?

— Я полагала, что ваша милость ничего не будете имѣть противъ этого и....

— Есть тамъ еще кто-нибудь?

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, запинаясь.

— Съумѣешь ли ты найти камердинера графа?

— Онъ только-что былъ въ коридорѣ, возразила Мета поспѣшно.

— Такъ отдай ему эту записку къ его господину. Отвѣта не требуется.

Мета взяла записку и быстро удалилась, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ вопросовъ. Она отослала Августа, чтобы на свободѣ провести часокъ-другой съ Дитрихомъ, своимъ женихомъ.

— Ну, спросилъ Дитрихъ, въ чемъ дѣло? Письмо? навѣрно къ доктору?

— Что ты вѣчно пристаешь ко мнѣ съ своимъ докторомъ, отвѣчала Мета.

— Ну, такъ къ кому же? спросилъ Дитрихъ, вырывая быстрымъ движеніемъ письмо изъ рукъ дѣвушки.

— Ахъ, какой ты несносный человѣкъ! вскричала Мета.

— Тише, замѣтилъ Дитрихъ, насъ могутъ услышать. — Къ графу? О чемъ она можетъ ему писать? Записку легко было бы распечатать.

Онъ вертѣлъ записку въ рукахъ.

— Ты слишкомъ много себѣ позволяешь, Дитрихъ!

— Позволяю? сказалъ Дитрихъ:—глупости; можно все себѣ позволять, лишь бы только не попадаться. Но мнѣ собственно нѣтъ никакого дѣла до этой записки. Что ты хочешь съ ней дѣлать?

— Я должна передать ее Филиппу, графскому камердинеру.

— Лучше я самъ это сдѣлаю, сказалъ Дитрихъ.

— Но ты отдашь записку непремѣнно?

— Ну да, разумѣется! отвѣчалъ Дитрихъ. Спокойной ночи, глупая дѣвочка.

Онъ побѣжалъ по коридору, Мета пустилась-было ему въ догонку, но изъ комнаты Гедвиги послышался звонокъ и она принуждена была вернуться.

— Да, или нѣтъ? сказалъ Дитрихъ, остановившійся у одной изъ лампъ, горѣвшихъ въ коридорѣ, держа въ одной рукѣ записку, а другою пересчитывая пуговицы своей куртки. Да! если я не могу вывести на свѣжую воду ея отношеній съ докторомъ, за то знаю теперь, что она пишетъ по ночамъ записки графу; это все-таки открытіе для стараго.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Виконтъ де-Флорвиль извѣстилъ самымъ положительнымъ образомъ о своемъ пріѣздѣ; господинъ фонъ-Фишбахъ, дворянинъ, у котораго графъ купилъ лошадей, также счелъ своей обязанностью сдѣлать визитъ; точно также и баронъ Нейгофъ, владѣлецъ одного сосѣдняго помѣстья, бывшій товарищъ графа, котораго послѣдній посѣтилъ въ первую недѣлю по пріѣздѣ, отдалъ ему визитъ вмѣстѣ съ своей молодой женой. Пріѣздъ ея превосходительства графини-матери былъ обѣщанъ не позже слѣдующаго мѣсяца, по домашнимъ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ наступили самые оживленные, самые блестящіе дни, какихъ, быть можетъ, зàмокъ Роде не переживалъ съ незапамятныхъ временъ. Тѣмъ не менѣе господинъ фонъ-Цейзель имѣлъ больше времени въ своемъ распоряженіи, чтобы приготовиться ко всѣмъ этимъ событіямъ, чѣмъ ему было угодно, и могъ еще и еще разъ проштудировать «Гофмаршала» Малортиса. Хотя графъ страдалъ только ушибомъ верхней части руки, какъ оказалось, однако онъ провелъ нѣсколько дней и ночей въ лихорадочномъ состояніи и все еще не могъ выходить изъ своей комнаты. Но и другіе члены общества также не часто

показывались изъ своихъ комнатъ. Холодная, дождливая погода наступила теперь, въ началѣ іюля, вслѣдъ за прекрасными днями. Изъ ущелій непрерывно подымался темно-сѣрый туманъ и затѣмъ разбивался на бѣловатыя облака, которыя принимали самыя фантастическія формы и проносились надъ горами, а иногда окутывали ихъ до самой подошвы непроницаемымъ покрываломъ. Непрерывно падали капли дождя съ иглъ елей, вершины которыхъ, по временамъ, грозно обрисовывались сквозь туманъ. Непрерывно вихрь теребилъ кусты и куртины въ саду зáмка, и непрерывно завывалъ вѣтеръ и шумѣлъ дождь вокругъ владѣтельнаго зáмка, который при этой погодѣ казался такимъ же древнимъ, какъ и та порфировая скала, съ вершины которой онъ господствовалъ надъ долиной Роды. Совсѣмъ тѣмъ, молодой кавалеръ готовъ былъ вступить въ борьбу съ злыми геніями, наславшими вѣтеръ и дождь и принудившими общество запереться въ четырехъ стѣнахъ, еслибы само общество, какъ онъ говорилъ, не положило оружія. Ну, къ чему служило то, что онъ привелъ въ порядокъ большую и давно уже заброшенную билліардную? что въ обоихъ каминахъ прекрасной библіотеки, по его распоряженію, постоянно горѣлъ огонь и что онъ велѣлъ уставить зимній садъ, прилегавшій къ столовой, самыми прекрасными растеніями и самыми прелестными цвѣтами? что въ манежѣ онъ каждое утро приказывалъ укатывать полъ такъ гладко, какъ въ овинѣ и украсилъ голыя стѣны его еловыми вѣтвями? Никто не ходилъ въ билліардную, никто не грѣлся у каминовъ библіотеки; никто не любовался его розами и азаліями, а въ манежѣ одни только рейткнехты проѣзжали лошадей.

— Рѣшительно есть отъ чего придти въ отчаяніе! говорилъ фонъ-Цейзель. Они не могли бы больше горевать, еслибы графъ сломилъ себѣ обѣ руки и обѣ ноги, и мы каждую минуту ожидали бы, что онъ отправится къ праотцамъ! Его свѣтлость сидитъ въ своей комнатѣ надъ старыми дрянными книжонками, которыя Глейхъ ему таскаетъ изъ архива и которыя ему, право, слѣдовало бы предоставить нашему буквоѣду совѣтнику, хотя, конечно, онѣ служатъ ему, чтобы доказывать то, отъ чего онъ тотчасъ же отказывается, какъ скоро успѣлъ доказать. Про графа я не говорю, онъ самый удалой изъ всего общества, и конечно ему пріятнѣе было бы самому кататься на своихъ гнѣдыхъ, чѣмъ предоставлять это мнѣ; но графиня! положимъ, я понимаю, что она напускаетъ на себя меланхолію, потому что она здѣсь въ модѣ, точно такъ, какъ она стала бы подражать всякой другой модѣ, да и тяжело это должно быть ей, съ ея глазами! Чортъ побери! Какой вы счастливый человѣкъ, докторъ! Видите ли, за

такіе глаза я охотно разстался бы съ жизнью, не будь я очарованъ другою; хотя эта другая, между нами будь сказано, докторъ, въ послѣднее время относится ко мнѣ совсѣмъ странно. Говорю вамъ, докторъ, что не принадлежи я къ рыцарямъ, которые находили величайшее наслажденіе въ томъ, чтобы оставаться вѣрными дамѣ своего сердца и умирать по ея желанію, то мнѣ слѣдовало бы покинуть неблагодарную, которая меня покидаетъ! Но для кого? Я, разумѣется, прежде всего заподозрилъ бы васъ, еслибы была какая-нибудь возможность подозрѣвать такого жено-ненавистника, какъ вы. Скажите, докторъ, неужели у васъ дѣйствительно нѣтъ сердца въ груди? не купали ли васъ въ крови дракона? или что, наконецъ, дѣлаетъ васъ нечувствительнымъ къ прелести и очарованію, которыя на насъ, поклонниковъ женщинъ, дѣйствуютъ неотразимо? Поклонникъ женщинъ! божественное слово; нѣтъ, знаете ли, геніальное слово, всю глубину котораго можетъ только тотъ оцѣнить, кто самъ можетъ быть окрещенъ этимъ названіемъ: поклонникъ женщинъ! я вовсе не стыжусь, напротивъ того, я горжусь, что я—поклонникъ женщинъ! Но вы!... Я не успѣлъ пробыть здѣсь сутокъ, какъ уже влюбился въ жену принца и даже спрашивалъ себя, не повелѣваетъ ли мнѣ долгъ превратиться въ дикаго сокола, схватить сильнымъ клювомъ красавицу за косы и далеко, далеко улетѣть съ ней, какъ это дѣлаютъ пажи въ народныхъ пѣсняхъ, когда ихъ сожигаетъ безнадежная страсть къ женѣ или дочери ихъ леннаго властителя; вы же остались холодны и нечувствительны. Затѣмъ открылъ я въ долинѣ чудный полевой цвѣтокъ, который люди зовутъ Элизой Ифлеръ — съ тѣхъ поръ я началъ бредить риѳмами Wiese и Elise, но вы остались холодны! Теперь на нашемъ горизонтѣ взошла звѣзда; я созерцаю ея мягкое сіяніе изъ моего безнадежнаго земного далека, въ печальной тиши безсонныхъ ночей, тогда какъ вы, счастливецъ, можете безнаказанно приближаться къ божеству! и вы все-таки остаетесь холодны! Это значитъ, что природа сдѣлала тяжкій промахъ; это значитъ, что мы должны удалиться въ мою комнату и за партіей пикета, при пылающемъ каминѣ, въ обществѣ двухъ хорошихъ сигаръ и бутылки портвейна мужественно бороться съ ужасами этой іюльской зимы.

Такъ говорилъ веселый молодой человѣкъ, почувствовавшій съ первыхъ дней своего пребыванія въ замкѣ Роде сердечную склонность къ доктору, который былъ старше его нѣсколькими годами; грустное настроеніе, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшее въ послѣднее время его другомъ, въ самомъ дѣлѣ озабочивало его. Онъ, относившійся вообще довольно легко къ явленіямъ

жизни, серьезно раздумывалъ: какія могли быть причины такого сильнаго разстройства. Но напрасно ломалъ онъ себѣ голову; напрасно шутя и серьезно убѣждалъ мрачнаго товарища высказаться и раздѣлить, если можно, тяжесть, которую ему очевидно было не подъ силу нести одному. Германъ не оставался глухъ къ безкорыстному участію добраго юноши. Онъ благодарилъ его въ словахъ, исходившихъ изъ сердца; онъ крѣпко жалъ ему руку, но вотъ и все. И когда этотъ послѣдній, у котораго на языкѣ было то, что̀ и на умѣ, горько жаловался на такую, какъ онъ называлъ, скрытность и даже сердился насколько только умѣлъ, Германъ сказалъ ему:

— Вы не должны на меня сердиться, любезный другъ; я не принадлежу къ числу людей, которымъ боги даровали способность высказывать свои страданія, въ особенности, когда по ихъ мнѣнію страданія происходятъ отъ ихъ собственной глупости; но я не долго буду васъ мучить; черезъ нѣсколько недѣль я уѣду отсюда и это напоминаетъ мнѣ, что я долженъ воспользоваться этимъ временемъ съ наибольшей пользой. Здѣсь я не понадоблюсь въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, а тамъ, на верху, въ деревнѣ, дѣла все еще идутъ плохо; я съѣзжу туда. Если я не вернусь къ чаю, то извинитесь за меня.

Германъ еще разъ пожалъ другу руку, быстро удалился, сѣлъ на лошадь на дворѣ за́мка, гдѣ она стояла осѣдланная, и поскакалъ въ горы, чтобы побыть наединѣ съ самимъ собой и съ своими мыслями.

Онѣ гармонировали съ природой, какою она представлялась его мрачнымъ взорамъ въ эти мрачные дни, и онъ былъ ей благодаренъ, какъ матери, которая не разспрашиваетъ огорченнаго сына, а только прижимаетъ его голову къ своей груди, предоставляя ему спокойно выплакать свое горе. Да, не разспрашивали его эти крутыя скалы, облеченныя въ волнующіяся траурныя одежды, не разспрашивали его темныя ели, печально наклонявшія то въ одну, то въ другую сторону свои мощныя вершины; не разспрашивали его и воды, съ шумомъ катившіяся по сторонамъ дороги по каменному руслу; не разспрашивали его ни вѣтеръ, который съ стономъ проносился надъ лѣсной долиной и освѣжалъ его горячую голову, ни дождь, медленно накрапывавшій и смочившій его сухія губы; они не разспрашивали о его тайнѣ: она давно была имъ извѣстна и ему приходилось сознаться имъ еще и въ томъ, что онъ охотно утаилъ бы отъ самого себя, еслибы это было только возможно, а именно: что его постигло худшее изъ худшаго, что онъ утратилъ то, что̀ слу-

жило ему единственнымъ утѣшеніемъ въ его печальной жизни; что онъ утратилъ уваженіе къ самому себѣ:

— Да, шепталъ онъ, уваженіе къ самому себѣ, котораго самая злая судьба, постигающая человѣка, самое страшное несчастіе, обрушивающееся на него, не могутъ у него отнять, пока онъ въ состояніи дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ, и котораго онъ тотчасъ же и невозвратно лишается, какъ скоро ему измѣняютъ силы, какъ скоро онъ не можетъ больше исполнять своего долга: тогда онъ страдаетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, страдаетъ не тѣмъ страданіемъ, которое составляетъ удѣлъ всѣхъ людей на землѣ, нѣтъ, но тѣмъ, которое выпадаетъ на долю слабыхъ людей, жадно пьющихъ отраву, потому что она сладка.

Онъ поступилъ такъ съ первой минуты, тогда, когда впервые поглядѣлъ въ темные глаза Гедвиги. Тогда сладкая отрава разлилась по его жиламъ и сдѣлала его глухимъ къ голосу разсудка. Что заставило его, горько прочувствовавшаго, будучи еще маленькимъ мальчикомъ, зависимость отъ личной милости короля, котораго онъ не могъ уважать и которому онъ уплатилъ тяжкую дань благодарности, всю сполна, цѣной самыхъ святыхъ убѣжденій—что заставило его, когда онъ почувствовалъ себя свободнымъ, когда судьба разбила рабскія цѣпи, снова поступить въ рабство, на личную службу къ господину? О, все, что она говорила ему въ тотъ тихій вечеръ, когда они ѣхали по этой самой дорогѣ, по которой стучали теперь копыта его лошади, все это говорилъ онъ самъ себѣ сто, тысячу разъ, и вотъ теперь ему пришлось выслушать это изъ устъ той самой женщины, которою онъ жилъ, которою онъ дышалъ въ эти послѣдніе три года! И у него не хватило даже силы сказать ей: ради тебя выносилъ я это! не хватило мужества прекратить жертву, въ которой перестали нуждаться, послѣ того, какъ долго и милостиво принимали ее.

Неужели онъ утратилъ всякое чувство собственнаго достоинства, неужели въ немъ погасла послѣдняя искра гордости? Что удержало его, какъ не увѣренность въ томъ, что она его любитъ? Увѣренность? развѣ у нея достало бы силы отослать меня, если бы она меня дѣйствительно любила, и такъ жестоко наказывать за неповиновеніе?

Такъ разсуждалъ про себя несчастный человѣкъ и остановился передъ тѣмъ дубомъ на пустоши, подъ которымъ онъ впервые увидѣлъ ее. Онъ слушалъ, какъ вѣтеръ шелестилъ листьями; дождь мочилъ его, а онъ все думалъ и его дума была чернѣе всѣхъ остальныхъ думъ, такая дума, въ которой онъ

едва смѣлъ признаться себѣ, которую онъ не рѣшился бы повѣрить вѣтру, потому что у него есть голосъ и онъ могъ бы передать ее дальше; дума, отъ которой такъ судорожно сжалось его сердце, что онъ вдругъ пришпорилъ коня и какъ безумный понесся по скользкому лугу, не взирая на густой туманъ, какъ будто всѣ адскія силы гнались за нимъ и хотѣли его поглотить.

Онъ поѣхалъ въ Гюнерфельдъ, самую жалкую изъ всѣхъ лѣсныхъ деревушекъ на верху горы; поставилъ свою лошадь въ сарай одного изъ первыхъ домовъ, служившаго за разъ кузницей и трактиромъ, и пошелъ осматривать своихъ больныхъ, число которыхъ снова возрасло въ послѣдніе дни. Здѣсь было много страданія, такъ много, что помощь, которую онъ приносилъ, которую могъ принесть, показалась ему затѣей человѣка, вздумавшаго рукой вычерпать всю воду изъ гнилого болота. Онъ говорилъ это себѣ, переходя изъ одной жалкой лачужки въ другую, но совсѣмъ тѣмъ горе, душившее его, оставалось за порогомъ этихъ лачужекъ и не смѣло проникать въ эти душныя горницы. Здѣсь нуждались въ немъ, здѣсь тяжело почувствуютъ его отъѣздъ. Жители знали, что онъ собирался уѣхать. Они не жаловались, но считали, что къ старому несчастію присоединяется еще новое. Одна молодая женщина сказала:

— Тогда мы всѣ, конечно, умремъ и пропадемъ.

Одинъ старикъ прибавилъ:

— Да, да, особенно, когда умретъ нашъ принцъ, который все-таки помогаетъ, насколько можетъ, и когда новый господинъ изъ Пруссіи вступитъ во владѣніе; у того, конечно, нѣтъ жалости къ бѣднымъ людямъ!

— Не правда, дѣдушка, замѣтилъ одинъ молодой парень. Онъ недавно, какъ я везъ дрова изъ лѣсу, далъ мнѣ талеръ только за то, что я ему сказалъ, что онъ долженъ ѣхать къ двору фазановъ, если хочетъ нагнать госпожу Гедвигу, которая только-что туда проѣхала. Не знаю, окупился ли ему его талеръ! И парень засмѣялся.

Онъ конечно не думалъ о томъ, что говорилъ этотъ грубый парень съ его грубымъ смѣхомъ, но въ ушахъ Германа, когда онъ скакалъ на обратномъ пути черезъ пустошь, сквозь туманъ, раздавался какъ будто смѣхъ злого демона, который громко прокричалъ то, что человѣкъ робко таилъ на днѣ души. Да, вотъ оно опять поднялось то страшное видѣніе, которое уже прежде преслѣдовало его, вотъ прошмыгнуло оно возлѣ въ туманѣ, вотъ оно повисло на его скачущей лошади, вотъ оно ринулось на наѣздника и сжало какъ въ тискахъ его сердце, и громко и на-

смѣшливо-злобно захохотало, а онъ, этотъ измученный наѣздникъ, онъ также разразился громкимъ и насмѣшливымъ хохотомъ. И вѣдь было отъ чего хохотать. Съ робкимъ благоговѣніемъ, цѣлыхъ три года, преклонялся онъ передъ Мадонной, не смѣя прикоснуться къ краямъ ея одежды, едва осмѣливаясь поднимать глаза на нее, изъ боязни, чтобъ неосторожный взглядъ не выдалъ его любви. Но вотъ явился рыцарь — хищникъ занесъ дерзкую руку надъ Мадонной, которая для него не была святой! нѣтъ, то было земное созданіе, женщина, такая же, какъ и всѣ другія, игрушка для его праздной фантазіи, трофей для всесвѣтнаго побѣдителя, который забираетъ себѣ, какъ добычу, все, что есть на землѣ самаго драгоцѣннаго: власть, честь, богатство, любовь женщинъ... себѣ и только одному себѣ!

Да, такъ было, такъ должно было быть! Видѣніе, посѣтившее его въ тотъ вечеръ, когда онъ во снѣ увидѣлъ ее въ его объятіяхъ, было только отраженіемъ страшной дѣйствительности въ его впечатлительной душѣ! Все указывало на это. Не почтительная благодарность, которую она приняла за любовь, заставила ее забыть разницу лѣтъ и отдать руку кроткому, доброму, старому принцу! нѣтъ, оскорбленная гордость, муки презрѣнной любви, неблагородная месть, чувство торжества, при мысли, что она все-таки попадетъ на ту высоту, возвести на которую другіе считали ее недостойной, съ которой другіе столкнули ее жестокой рукой! Это ясно изъ разсказа совѣтника канцеляріи: ея нерѣшительность, колебаніе, когда дѣло дошло до развязки,— гнѣвъ графа, когда онъ увидѣлъ, что прекрасная добыча ускользнула отъ него въ ту минуту! только въ ту минуту! да, онъ долженъ былъ вернуть потерянное, въ свое время, которое должно было рано или поздно наступить, и вотъ теперь наступило!

— Великій Боже! простоналъ Германъ. И она можетъ такъ поступать? она! Измѣнить добрѣйшему супругу, измѣнить своимъ друзьямъ, измѣнить своимъ лучшимъ убѣжденіямъ? Да, своимъ убѣжденіямъ! или же, быть можетъ, эти убѣжденія вертѣлись у нея только на языкѣ, а не исходили изъ сердца: ненависть къ этимъ аристократамъ, которые господствуютъ не потому, чтобы они были лучше другихъ, но потому, что люди желаютъ подчиняться ихъ господству, покоряются тому, у кого хватаетъ настолько смѣлости и нахальства, чтобы наложить имъ ярмо на шею и взять въ руки плеть! И все, что она говорила о сходствѣ нашей судьбы, которая и меня и ее бросила въ оппозицію еще тогда, когда мы были беззащитными дѣтьми; которая заставила насъ напрасно провздыхать всю юность въ этой оппозиціи, пока наконецъ, освободясь сначала духомъ, а потомъ и тѣломъ, мы не

разбили нашихъ цѣпей, одну за другой, и вмѣсто ярма, тяготѣвшаго на насъ, не приняли священной обязанности бороться всю жизнь противъ насилія и тиранніи, въ какой бы формѣ она ни проявлялась: какъ жажда завоеванія, какъ юнкерское управленіе или какъ желаніе общественныхъ отличій,—всѣ эти воспоминанія, мысли, ощущенія, намѣренія, которыми мы обмѣнивались, о которыхъ разсуждали — все это было только фразы, словоизверженія, остроумная забава, наполнявшая часы досуга... и ничего больше!

И для кого все это: измѣна, униженіе, паденіе, вся эта комедія? Для человѣка, который,—не будь у него длиннаго ряда предковъ, не носи онъ громкаго имени,—былъ бы себѣ исправнымъ унтеръ-офицеромъ съ достаточно крѣпкими легкими, чтобы кричать на рекрутъ, съ достаточно сильными руками, чтобы проказывать артикулъ: «ружье на плечо!», съ достаточно прямыми и длинными ногами для церемоніальнаго шага! человѣка, для котораго въ цѣломъ мірѣ существуютъ только экзерциргаузъ, манежъ, да еще въ крайнемъ случаѣ поле битвы, гдѣ онъ можетъ выказать свои старательно пріобрѣтенные таланты! человѣка, который на всѣхъ насъ, простыхъ смертныхъ, немогущихъ похвастаться дворянскимъ гербомъ, глядитъ какъ на подлую чернь, какъ на пушечное мясо! человѣка, который глухъ къ бѣдствіямъ неимущихъ, страждущихъ! человѣка, для котораго жизнь проходитъ въ суетливой праздности, а порокъ составляетъ славную прерогативу человѣка, способнаго также быстро надоѣсть всякой женщинѣ, какъ онъ надоѣлъ своей молодой, хорошенькой женѣ и до того безсердечнаго, что даже ребенокъ, котораго жена его носитъ подъ сердцемъ, не освящаетъ эту послѣднюю въ его глазахъ!.... Для такого человѣка!.. развѣ я повѣрилъ бы этому, еслибы не видѣлъ собственными глазами?

Погруженный въ печальныя мысли, Германъ ѣхалъ не замѣчая дороги и не приподнимая опущенныхъ глазъ, какъ вдругъ вокругъ него стемнѣло и зашумѣли высокія деревья, колеблемыя вѣтромъ. Ближайшая дорога изъ лѣсу въ замокъ вела черезъ дворъ фазановъ. Утомленная лошадь, найдя ворота открытыми, избрала этотъ кратчайшій путь и теперь остановилась передъ домикомъ лѣсничаго, какъ будто желая найти для себя и для своего всадника пріютъ отъ дождя, внезапно полившаго какъ изъ ведра.

— Милости просимъ! закричалъ старый Прахатицъ, вызванный изъ дому лошадинымъ топотомъ. Въ такую погоду не годится быть на дворѣ. Я поставлю лошадь въ конюшню.

Германъ слѣзъ съ лошади; онъ чувствовалъ полнѣйшее ис-

тощеніе силъ и, войдя въ комнату, почти безъ чувствъ опустился на первый попавшійся стулъ. Въ такомъ состояніи нашелъ его старикъ, вернувшись со двора. Онъ услужливо досталъ изъ шкапа бутылку и принудилъ Германа выпить рюмку водки.

— Еще рюмочку, сказалъ онъ, это согрѣетъ душу и тѣло; да снимите-ка, господинъ докторъ, ваше мокрое платье; я высушу его въ кухнѣ, а вы, тѣмъ временемъ, закутайтесь въ это одѣяло. На ваши широкіе плечи не влѣзетъ ни одинъ сюртукъ такого приземистаго парня, какъ я.

Германъ отказался отъ предложенія старика; онъ совсѣмъ оправился, говорилъ онъ, и поѣдетъ обратно черезъ нѣсколько минутъ. Только теперь оглядѣлся онъ вокругъ себя и изумился, увидя въ полутемной комнатѣ пропасть рисунковъ, которые лежали и стояли вдоль стѣнъ.

— Это рисунки госпожи Гедвиги, сказалъ Прахатицъ. Мнѣ пришлось ихъ спрятать, когда она принялась приводить въ порядокъ, какъ они говорили, чайный домикъ. Я заперъ ихъ на чердакѣ, да дождь проходитъ туда, и вотъ мнѣ пришлось внести ихъ въ комнату. Она больше нисколько не интересуется ими, точно это какая-нибудь ветошь; а вѣдь есть хорошенькія вещицы; поглядите-ка сюда, господинъ докторъ.

Старикъ взялъ одинъ холстъ и держалъ его на свѣту, скудно проникавшемъ черезъ окошко, у котораго сидѣлъ Германъ. Послѣдній узналъ самого себя: это былъ этюдъ въ натуральную величину, не вполнѣ еще оконченный, но исполненный съ большимъ стараніемъ и, насколько можно было судить, удавшійся.

Германъ никогда не слыхалъ и не видалъ, чтобы Гедвига рисовала что-нибудь, кромѣ ландшафтовъ; то былъ опытъ, который она держала отъ него втайнѣ, хотя вообще охотно говорила и совѣтовалась съ нимъ на счетъ своихъ этюдовъ—старательный, удавшійся опытъ и еще недавно онъ былъ бы глубоко тронутъ и восхищенъ; но теперь мучительное чувство, наполнявшее его сердце, выразилось горькимъ смѣхомъ.

— Ну вотъ, а я полагалъ, что это мастерское произведеніе, сказалъ старикъ, поворачивая картину въ разныя стороны. Но бѣдная госпожа Гедвига никому больше не можетъ угодить. Прахатицъ съ сердцемъ отставилъ картину.

— Никому? повторилъ Германъ.

— Да, отвѣчалъ старикъ; а отъ васъ, господинъ докторъ, я всего менѣе этого ожидалъ. Васъ я всегда считалъ за ея лучшаго друга и говорилъ себѣ: онъ останется ей вѣренъ, когда другіе ее покинутъ.

— Другіе? повторилъ Германъ.

— Да, другіе, отвѣчалъ Прахатицъ; всѣ они, сколько ихъ ни на есть, завидуютъ воздуху, которымъ она дышетъ. А вѣдь она ничего имъ не сдѣлала, кромѣ добра, и никто никогда не слыхалъ отъ нея худого слова. Люди злы, очень злы! Но Дитриху это даромъ не сойдетъ; негодяй не скоро дождется, чтобы я отдалъ ему Мету въ жены.

— Но что такое случилось? спросилъ Германъ, сердце котораго безпокойно забилось отъ несвязныхъ рѣчей старика.

— Что случилось? закричалъ старикъ, усердно затягиваясь изъ своей коротенькой трубочки; а то, что они вѣчно преслѣдуютъ ее своимъ лаемъ, точно злобныя овчарки въ погонѣ за косулей, которую они подняли въ лѣсу. То она сдѣлала одно, то другое; то сказала такъ-то, то этакъ-то, и все-то они перетолковываютъ, переиначиваютъ, перевираютъ, такъ что иной разъ просто руки чешутся. Да, да, господинъ докторъ, вамъ этого слышать не приходится, а передъ нашимъ братомъ не стѣсняются, хотя я тысячу разъ говорилъ, что ни о чемъ подобномъ и слышать не хочу. Такъ было всѣ эти годы; ну, а теперь они сочинили новую исторію, хуже всѣхъ прежнихъ, и хотятъ меня увѣрить въ ней, точно я не знаю, что все это одна злая ложь.

— Ради Бога, чтó случилось? спросилъ Германъ.

— Ровнехонько ничего такого, чтобы призывать Бога или святыхъ его, отвѣчалъ Прахатицъ. Они не слышатъ того, чтó здѣсь говорятъ, а если и слышатъ, то не вѣрятъ, какъ не вѣрю и я, грѣшный человѣкъ, тому, что они разсказываютъ въ Ротебюлѣ, куда я ходилъ вчера послѣ обѣда, чтобы купить пороху у Целлера. А онъ какъ закричитъ: очень радъ, что вы сдѣлали мнѣ наконецъ эту честь, а я давно уже желалъ услышать все, какъ было, отъ васъ самихъ. Чтò услышать-то? спрашиваю я. Вы сами знаете, говоритъ онъ, и налилъ мнѣ рюмку кюммеля, да что ни на есть лучшаго. Ну, вотъ я сталъ разсказывать, какъ я былъ въ охотничьемъ домикѣ и вдругъ вижу, что плетень-то помятъ и поломанъ; ну, думаю себѣ, это опять старый Гансъ накуралесилъ; придется пристрѣлить стараго звѣря, какъ я и давно бы сдѣлалъ, да госпожа Гедвига все отговаривала; ну, вотъ пошелъ я въ кустарникъ, чтобы срѣзать нѣсколько кольевъ и вдругъ вижу, какъ мой мусье по ту сторону Роды чешетъ себѣ рога объ скалы. А, ты опять купался, говорю я; вѣдь я обѣщалъ, что это тебѣ съ рукъ не сойдетъ, а самъ вотъ этакъ берусь за винтовку. Въ эту минуту съ горы спускался графъ и госпожа Гедвига и направляются къ Родѣ; я хочу закричать имъ, чтобы они повернули назадъ, какъ вдругъ мой звѣрь пускается галопомъ впередъ, въ одно мгновеніе подлетаетъ

въ Лебединой скалѣ и не успѣлъ я опомниться, какъ они уже очутились другъ противъ друга, да въ такомъ положеніи, что я и выстрѣлить-то совсѣмъ не могъ, пока не улучилъ удобную минуту.... ну, тутъ ужъ, конечно, звѣрю пришелъ капутъ. И это все, что было? спрашиваетъ Целлеръ, усмѣхаясь про себя, а жена Целлера, которая тѣмъ временемъ пришла изъ второй лавки, гдѣ она продаетъ, знаете, господинъ докторъ, матеріи, и прислушивалась къ моему разсказу, тоже усмѣхнулась про себя. А что еще могло быть? спрашиваю я. Не сердитесь, отвѣчаетъ Целлеръ, я хочу только спросить: какъ вамъ понравилось шелковое платье, которое графъ подарилъ вашей Метѣ? — Моей Метѣ? спрашиваю я, и должно быть сталъ самъ на себя не похожъ, потому что жена Целлера сейчасъ же вмѣшалась и сказала: все это совершенно въ порядкѣ вещей, что графъ подарилъ моей Метѣ платье, когда я спасъ ему жизнь, и что графъ и ихъ осчастливилъ, какъ и Финдельмана, хотя не лично своей персоной, а черезъ своего камердинера.

«Однако я отъ этихъ рѣчей разсвирѣпѣлъ, да должно быть порядкомъ настращалъ ихъ, потому что Целлеръ поблѣднѣлъ какъ смерть, а жена его принялась выть и приговаривать: что она ничего не хотѣла сказать обиднаго про мою Мету и что съ своей стороны она-де не вѣритъ, чтобы графъ назначилъ свиданіе госпожѣ Гедвигѣ въ гротѣ, у Лебединой скалы, а я будто все подглядѣлъ, какъ они миловались и цѣловались, да и хотѣлъ застрѣлить графа, но вмѣсто него попалъ въ оленя, а графъ подарилъ моей Метѣ платье, а мнѣ тысячу талеровъ за тѣмъ, чтобы я держалъ языкъ за зубами. Что все это конечно ложь, хотя—дескать Дитрихъ и велъ вчера вечеромъ такія худыя рѣчи и говорилъ: что даромъ никто денегъ не даетъ и что графъ конечно знаетъ, съ чего онъ такъ разщедрился.

«— И я также хочу это знать, закричалъ я, да и пустился какъ безумный изъ лавки по городу, да на шоссе и прямо въ замокъ, гдѣ сейчасъ же вызвалъ Мету и принялся ее пытать. Та, разумѣется, первымъ дѣломъ въ слезы и говоритъ: что она ничего ровно не знаетъ, а только графъ прислалъ ей матерію на платье черезъ своего камердинера, а Дитрихъ разсердился на нее за это, потому что ревнуетъ къ графскому камердинеру Филиппу, а она не можетъ знать, что тамъ Дитрихъ навралъ въ своей злобѣ.

«Я, затѣмъ, къ Дитриху и спрашиваю: что ты такое навралъ, малый? Онъ совсѣмъ смутился, а отъ смущенья сталъ грубить, да и говоритъ: я-дескать ничего не навралъ, а вотъ это не годится, что Филиппъ и Мета вѣчно торчатъ вмѣстѣ въ ко-

ридорѣ, пока я нахожусь въ конюшнѣ. А я ему въ отвѣтъ: Дитрихъ, говорю я, если Мета для тебя худа, то ты для меня не хорошъ, ну, значитъ, и баста объ этомъ! а вотъ, что ты сплетничаешь про дѣвушку, такъ за это я съ тобой расправлюсь по-своему.

«А теперь я пойду къ графу и поблагодарю его за тысячу талеровъ, которую онъ мнѣ подарилъ за то, что я его не убилъ. Ну, тутъ молодецъ мой весь поблѣднѣлъ, да и молитъ: что я не долженъ дѣлать его несчастнымъ, а ужъ онъ на будущее время будетъ держать языкъ за зубами, когда госпожа Гедвига опять вздумаетъ посылать въ ночное время графу записки. — Вѣдь вотъ ты опять врешь, Дитрихъ, говорю я. Куда тебѣ, божится, клянется малый, что говоритъ сущую правду. Онъ самъ-дескать взялъ записку изъ рукъ Меты и передалъ Филиппу, который отнесъ ее графу. А что онъ видѣлъ собственными глазами, того ужъ никому не уступитъ.»

Старикъ замолчалъ, подошелъ къ окну и раскрылъ его.

Дождь пересталъ, на дворѣ стало свѣтло, несмотря на густую тѣнь деревьевъ. Старикъ остался у окна, сильно затягиваясь изъ трубочки. Вдругъ онъ переломилъ трубку пополамъ и выбросилъ за окошко, а самъ, круто повернувшись, сказалъ:

— И все это сочинено и выдумано; не правда ли, господинъ докторъ?

— Но чтожъ изъ того, еслибы это была и правда? спросилъ Германъ.

— Ну вотъ и я говорю тоже самое, съ живостью возразилъ старикъ. Сто разъ повторялъ я себѣ: ну что же такое? почему не можетъ госпожа Гедвига написать графу записку, да хотябы и не одну, а нѣсколько... и... и... видите ли, господинъ докторъ, это меня такъ грызетъ, что я просто съ ума схожу! Дитрихъ конечно лгунъ: но онъ не посмѣлъ бы быть такимъ дерзкимъ, еслибы... еслибы... Чортъ побери! да вѣдь она-то здѣсь ни при чемъ! Но графъ... Этотъ берегись у меня! не попадайся опять въ такомъ положеніи, какъ недавно! Я не всегда могу оказаться подъ рукой, а если и окажусь, то пожалуй не попаду такъ ловко.

Старикъ громко захохоталъ и запустивъ обѣ руки въ курчавые съ просѣдью волосы, принялся бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ онъ остановился возлѣ Германа и сказалъ тихимъ голосомъ:—Я долженъ облегчить свою душу и охотнѣе выскажусь передъ вами, чѣмъ передъ священникомъ на духу, потому что живя между вами, протестантами, я и самъ сталъ плохимъ католикомъ. То, что наболталъ Дитрихъ... вѣдь я всему

этому вѣрю и вѣрилъ, раньше его болтовни. Она была совсѣмъ разстроена въ тотъ вечеръ, наканунѣ ихъ пріѣзда, когда ходила въ чайный домикъ, а теперь больше никогда туда не заглядываетъ; но онъ является туда ежедневно и я долженъ отпирать для него чайный домикъ, а онъ торчитъ по цѣлымъ часамъ у окна, черезъ которое видна часть дороги въ за́мокъ и красная башня; а наканунѣ исторіи съ оленемъ, онъ опять явился сюда среди бѣлаго дня и поспѣшно такъ спросилъ: не проѣзжала ли сейчасъ госпожа Гедвига черезъ дворъ фазановъ?—Я ее не видѣлъ, отвѣчалъ я, и сказалъ правду. А онъ какъ глянетъ на меня, да такъ странно, что у меня морозъ по кожѣ пробѣжалъ; однако не сказалъ ни слова, а велѣлъ отпереть чайный домикъ и простоялъ тамъ у окна съ добрый часъ, точно къ землѣ приросъ. Это мнѣ вовсе не понравилось, господинъ докторъ, потому что — быть можетъ такому простому человѣку, какъ я и не пристало такъ говорить—я люблю ее, какъ мое родное дитя. Когда я вижу ее смѣющеюся, то сердце мое веселится, а когда я вижу ее грустной, такъ мнѣ весь день трубка кажется противной. А она была такъ грустна послѣднее время, господинъ докторъ! И въ этомъ виноватъ графъ, я твердилъ себѣ это каждый день, а тутъ еще не доставало этого. У меня и безъ того не лежало къ нему сердце, къ этому прусскому барину, который въ 1866 году опустошилъ огнемъ и мечомъ мою прекрасную родину, и вотъ недоставало еще, чтобы онъ явился сюда огорчать моего добраго господина, и...

Старикъ замолчалъ и когда опять заговорилъ послѣ минутной паузы, то совсѣмъ уже хриплымъ голосомъ:

— И вотъ, когда я въ послѣдній разъ увидѣлъ ихъ, какъ они шли рядкомъ въ уединенномъ мѣстѣ и съ жаромъ бесѣдовали, а я стоялъ по другую сторону за кустами, съ винтовкой въ рукѣ, то и подумалъ: неужто будетъ очень грѣшно, если я размозжу ему голову прежде, чѣмъ случится еще бо́льшее несчастіе? Но тутъ подоспѣла исторія съ оленемъ и когда я увидѣлъ, какъ онъ боролся съ разсвирѣпѣвшимъ звѣремъ, какъ въ этой борьбѣ плохо приходилось человѣку... ну, тутъ я подумалъ... или нѣтъ, ничего я не думалъ, но взялъ да и застрѣлилъ не человѣка, а оленя.

Старикъ глубоко перевелъ духъ, окончивъ свою исповѣдь и прибавилъ спокойнѣе: слава Богу, что я свалилъ съ души это бремя; ну а теперь, господинъ докторъ, побраните меня хорошенько за то, что я угрюмый и желчный человѣкъ, которому среди бѣлаго дня кажутся привидѣнія. Но во всемъ виноваты уединеніе и праздность. У меня слишкомъ мало работы, госпо-

динъ докторъ, но госпожа Гедвига совсѣмъ насъ позабыла, а господинъ главный лѣсничій въ охотничьемъ домѣ подражаетъ принцу. Такъ думаетъ самъ графъ, а ужъ ему можно повѣрить; у него въ одномъ мизинцѣ больше охотничьей крови, чѣмъ у нашего принца и главнаго лѣсничаго вмѣстѣ взятыхъ. Когда онъ вступитъ въ управленіе, то не знаю какъ другимъ, а намъ егерямъ придется держать ухо востро—это вѣрно!

Честный старикъ, казалось, хотѣлъ загладить свою несправедливость, признавъ въ своемъ врагѣ всѣ добрыя качества, какія только можно. «Графъ уже нѣсколько разъ звалъ его къ себѣ, но до сихъ поръ онъ оставался глухъ къ его приглашеніямъ. Теперь же онъ пойдетъ туда завтра. Хотя исторія съ тысячью талерами и вздоръ, однако нужно же дать возможность человѣку, которому спасъ жизнь, высказать свою благодарность, еслибы даже онъ и не былъ такой знатный господинъ.»

Германъ слушалъ все это, какъ во снѣ. Онъ отвѣчалъ безсознательно, а затѣмъ также безсознательно очутился на дорогѣ къ зàмку, не помня, какъ онъ усѣлся въ сѣдло. Дождь и буря, снова разыгравшаяся послѣ короткаго промежутка, ревѣла и завывала въ лѣсу, верхушки гигантскихъ елей склонялись то въ ту, то въ другую сторону, сучья трещали и скрипѣли. Лошадь дрожала и раза два совсѣмъ останавливалась, но Германъ снова пришпоривалъ ее. Такъ ѣхалъ онъ въ зàмокъ, черезъ лѣсъ, гдѣ стонала и завывала буря.

Фр. Шпильгагенъ.

ФРАНЦІЯ и ФРАНЦУЗЫ
ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

Изъ путешествія.

IV.

Національное собраніе.

Какъ далеко кажется то время, когда національное собраніе открыто было въ Бордо для разрѣшенія тяжелаго вопроса о войнѣ или мирѣ между Франціею и Германіею. Между тѣмъ не прошло еще и четырехъ мѣсяцевъ съ той минуты, когда «деревенское большинство» въ своей пламенной любви къ народу постановило принять самыя позорныя условія, лишь бы поскорѣй только доставить истерзанной странѣ «всѣ благодѣянія мира». Событія, и страшныя событія летѣли съ такою невѣроятною быстротою, что дни, недѣли, мѣсяцы, можно было принять за многіе и долгіе годы. Въ эти дни, въ эти мѣсяцы Франція успѣла уже перенести новую, самую страшную изъ войнъ — войну междоусобную, которая поразила міръ своею небывалою, чудовищною жестокостью. Конечно, въ настоящую минуту нужно было бы имѣть слишкомъ большую самонадѣянность, чтобы съ увѣренностью сказать, созерцая всѣ бѣдствія и всѣ ужасы, въ которые погрузилась Франція: вотъ кто безусловно правъ, вотъ кто безусловно виноватъ! Но какъ бы ни разрѣшился этотъ трудный вопросъ, будущіе историки, которые станутъ судить настоящія горестныя событія уже безъ того желчнаго раздраженія, безъ той возбужденной страсти, которая такъ свойственна со-

временникамъ, склоняющимся на ту или на другую сторону, соотвѣтственно своимъ личнымъ симпатіямъ или антипатіямъ, несомнѣнно кажется одно—они должны будутъ признать, что на національное собраніе 1871 года падаетъ весьма крупная доля отвѣтственности за всѣ тѣ бѣдствія, которыя вызваны были гражданскою войною, разразившеюся во Франціи. Въ оправданіе этого собранія можетъ быть приведено одно—оно избрано всѣмъ народомъ, слѣдовательно народная воля должна служить для него крѣпкимъ щитомъ. Но если бы возможно было принимать такое оправданіе, то личная отвѣтственность людей падаетъ навсегда и отдѣльныя личности, отдѣльныя группы людей ускользали бы отъ суда исторіи. Національное собраніе, избранное среди хаоса и паники, поселенной наплывомъ чужеземныхъ полчищъ, избранное исключительно для заключенія мира, узурпировало свою власть, продливъ свое существованіе подъ предлогомъ—возстановленія нравственныхъ и матеріальныхъ силъ Франціи. Единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли національное собраніе или по крайней мѣрѣ его «деревенское большинство» считало лютую реакцію и не скрывая своихъ клерикально-монархическихъ замысловъ, бросилось на все, что только заявляло преданность искренней республикѣ.

Реакція во всѣхъ направленіяхъ сдѣлалась девизомъ, mot d'ordre, знаменемъ «деревенскаго большинства», которое радостно торжествуетъ свою побѣду надъ республикой, опьяненное зрѣлищемъ десятковъ тысячъ труповъ и плавая въ крови «нечестивыхъ» французовъ. Долго придется раскаяваться Франціи за выборъ этого реакціоннаго собранія, которое бросило ее во всѣ бѣдствія и свирѣпыя сцены междоусобной войны и вмѣсто «возстановленія нравственныхъ и матеріальныхъ силъ» нанесло странѣ такой страшный ударъ, отъ котораго ей будетъ тяжелѣе оправиться, нежели отъ удара, нанесеннаго ей Германіею. Вникая въ смыслъ послѣднихъ событій и задумываясь надъ образомъ дѣйствій національнаго собранія 1871 года, невольно задаешься вопросомъ, что составляетъ его отличительную черту—преступность, безуміе, или просто какой-то идіотизмъ? Самое справедливое кажется признать въ немъ и то, и другое, и третье. Оно преступно, потому что, имѣя полную возможность предупредить внутренній кризисъ, оно не только ничего не дѣлало для того, но напротивъ сдѣлало все, чтобы его вызвать; оно не только не избѣгало пролитія крови, но желало затопить въ ней всѣхъ искреннихъ республиканцевъ. Оно безумно потому, что оно не понимало, что пролитая кровь обратится, въ концѣ концовъ, противъ него же, и что если въ странѣ есть партія, которая спо-

собна драться въ продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, то минутное усмиреніе ея не означаетъ вовсе уничтоженія ея, и что пораженная сегодня, она снова поднимется завтра. Оно безумно, потому что оно не поняло, что для того, чтобы уничтожить навсегда возможность коммуны, нужно установить въ странѣ искреннюю республику, и что для того, чтобы не бросать людей въ крайній радикализмъ, не нужно подчинять ихъ крайней реакціи. Какъ не признать вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ собраніи идіотизма, когда видишь, какъ оно ликуетъ свои побѣды и восхваляетъ только-что возвратившуюся изъ плѣна армію въ то время, когда къ этимъ побѣдамъ оно должно было бы относиться съ нѣмою печалью и отвращеніемъ. Трудно разобрать, чего во всемъ поведеніи національнаго собранія больше — преступнаго цинизма или непомѣрнаго идіотизма! Пройдутъ года, пройдутъ десятки лѣтъ, а образъ національнаго собранія будетъ продолжать тревожить общественную совѣсть Франціи, если эта совѣсть только окончательно не погибла въ крови, наполнившей улицы Парижа. Въ исторіи оно займетъ, безъ сомнѣнія, такое мѣсто, къ которому страшно будетъ подойти, такъ какъ для того, чтобы подойти къ нему, нужно будетъ столкнуться съ отталкивающею горою труповъ.

Роль, которую займетъ, или вѣрнѣе заняло уже національное собраніе 1871 года въ исторіи Франціи, не только благодаря тому, что оно заключило миръ, въ силу котораго Франція потеряла двѣ свои лучшія области, но главнымъ образомъ благодаря событіямъ, которыя оно подготовило и которыя разыгрались только въ Парижѣ; а также и благодаря всему тому, что оно продолжаетъ дѣлать, чтобы завершить «возстановленіе матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія страны» возстановленіемъ бурбоновской или какой-нибудь другой монархіи,—такъ велика, что нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобы это собраніе не положило начало новому направленію въ жизни французскаго народа. Его роковое значеніе заставляетъ по неволѣ относиться къ нему еще съ бо́льшимъ вниманіемъ и возстановить, такъ сказать, то непосредственное впечатлѣніе, которое оно производило въ первыя, рѣшительныя минуты своего существованія. Интересъ, возбуждавшійся національнымъ собраніемъ въ ту минуту, когда оно вотировало раздробленіе и униженіе Франціи, не только, мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, не утратился, но скорѣе увеличился, благодаря всѣмъ тѣмъ кровавымъ событіямъ, которыя такъ быстро слѣдовали одно за другимъ. Первыя минуты существованія національнаго собранія, его первые шаги до такой степени заставляли предчувствовать, до такой степени поясняютъ все то,

что̀ случилось въ послѣдніе мѣсяцы и даже дни, что обратиться къ этимъ первымъ минутамъ, къ этимъ первымъ шагамъ въ политическомъ существованіи «деревенскаго большинства» значитъ обратиться къ прямому, истинному источнику всѣхъ послѣднихъ событій.

Я передавалъ вамъ до сихъ поръ о томъ общемъ впечатлѣніи, которое производили на меня Франція и сами французы въ первыя минуты послѣ того, какъ заглохъ громъ усовершенствованныхъ орудій для скорѣйшаго и болѣе обильнаго истребленія людей; я говорилъ вамъ, съ какимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ ожидалось то рѣшеніе судьбы Франціи, которое принадлежало избраннымъ представителямъ страны; я старался по возможности выяснить взаимное положеніе партій, въ различной пропорціи вошедшихъ въ національное собраніе, но я ни слова еще не сказалъ о томъ впечатлѣніи, которое пришлось вынести мнѣ изъ самаго національнаго собранія, послѣ того, какъ я увидѣлъ и услышалъ весь этотъ старый и прогнившій хламъ, изъ котораго составилось большинство національнаго собранія. Кто его видѣлъ, кто его слышалъ, тотъ, безъ сомнѣнія, не могъ болѣе удивляться всему, что ни услышалъ бы онъ о немъ. Вамъ говорятъ, что это собраніе реветъ и требуетъ казней, эшафотовъ, гильотины—вы не можете удивляться, вы должны были этого ожидать; вамъ говорятъ, что «Франція обрѣла свою славную армію»—вы не поражаетесь, такъ должны говорить эти люди; вы слышите, что собраніе не можетъ нахвалиться бонапартовскими генералами и шумно привѣтствуетъ войска, которыя клали оружіе передъ нѣмцами и теперь бьютъ и одерживаютъ побѣды, потому что ихъ въ нѣсколько разъ больше надъ своими согражданами—вы не пожимаете даже плечами и у васъ не вырывается даже слова негодованія! Отчего? оттого, что если вы видѣли всѣхъ этихъ людей, это большинство, вблизи, если вы слышали то, что они говорятъ, и тѣ крики, которыми они заглушали голосъ честныхъ людей, то вы давно уже научились презирать ихъ и ожидать отъ нихъ всего худшаго. Я видѣлъ этихъ людей, которые торжествуютъ теперь побѣду, не надъ коммуной, но надъ республикой, я слышалъ ихъ рѣчи, и я думаю, я надѣюсь, что то немногое, что̀ я видѣлъ и слышалъ, будетъ однако слишкомъ достаточно для того, чтобы многія изъ послѣдующихъ событій получили свой истинный, а не выдуманный колоритъ.

Для характеристики національнаго собранія 1871 года, что̀ бы еще ни случилось, самыми важными засѣданіями останутся все-таки тѣ первыя мрачно торжественныя засѣданія, когда разрѣшался вопросъ о мирѣ между Франціей и Германіей. Эти за-

сѣданія какъ бы служили камертономъ будущаго. Трудно забыть то горячечное состояніе, ту лихорадку, которая носилась въ воздухѣ и заражала собою всякаго француза въ бо́льшей степени, иностранца въ меньшей, въ тѣ дни и въ особенности въ утро 28-го февраля 1871 года, т.-е. ровно за три мѣсяца до покоренія Парижа Версалемъ, когда вся Франція съ напряженнымъ до послѣдней степени вниманіемъ должна была выслушать предложеніе мирныхъ условій, произнесенное разбитымъ и хилымъ голосомъ Тьера. Съ ранняго утра вся площадь «Комедіи» была покрыта густою толпою народа. Всѣ знали, что наступила рѣшительная минута и всѣ были, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то довольны, когда въ толпѣ проносился слухъ: «засѣданія не будетъ, Тьеръ не пріѣхалъ». Видно было, что дѣйствительность ихъ такъ пугала, что несмотря на все желаніе выйти поскорѣе изъ неизвѣстности, въ послѣднюю минуту все-таки неизвѣстность казалась имъ слаще того, чего они должны были ожидать и ожидали на самомъ дѣлѣ. Въ это утро толпа не была такъ оживлена, не слышались шумные споры; какая-то сосредоточенность, тоскливое чувство всевозможныхъ опасеній было господствующимъ настроеніемъ массы народа. Около 12-ти часовъ дня сталъ раздаваться барабанный бой и на площадь начало стекаться войско, которое предназначалось для защиты національнаго собранія Франціи, если бы французы вздумали помѣшать ему принять такое рѣшеніе, которое казалось имъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Франціи. Когда войска составили плотную цѣпь кругомъ національнаго собранія, оттѣснивши всю толпу за цѣпь, тогда на самой площади остались только тѣ немногіе, которымъ удалось добыть себѣ билетъ для входа въ засѣданіе. Прежде, чѣмъ войти въ засѣданіе, являлось уже такимъ образомъ непріятное чувство съ одной стороны вслѣдствіе того, что приходилось пробираться сквозь цѣпи солдатъ, съ другой отъ одного вида этой массы войска, которому какъ бы говорили: «держите народъ въ порядкѣ»! и тѣмъ умышленно или неумышленно поддерживали тотъ антагонизмъ между народомъ и войскомъ, который всегда былъ источникомъ стольких бѣдствій для Франціи.

Когда я подошелъ къ тому входу, который былъ предназначенъ для журналистовъ и для тѣхъ, которые имѣли право сидѣть въ трибунахъ перваго яруса, около него стояло уже довольно много народу. Впускали по два, по три человѣка для избѣжанія безпорядка, но особеннаго порядка это не прибавляло. Всѣ рвались поскорѣй занять свои мѣста, какъ будто бы ожидали услышать что̀-нибудь очень пріятное. Зала засѣданія была еще почти пуста, когда я сѣлъ на свое мѣсто. Роскошный театръ

Бордо мало соотвѣтствовалъ тяжелымъ обстоятельствамъ, при которыхъ его зала должна была превратиться въ залу національнаго собранія. Вся облитая золотомъ зала «Комедіи» составляла неподходящую обстановку для той политической трагедіи, которая должна была здѣсь разыграться. Лампы еще не были зажжены, когда мало-по-малу зала стала наполняться, только въ партерѣ было еще пусто. Трибуна, отведенная для журналистовъ, была одна изъ лучшихъ, какъ разъ противъ сцены, гдѣ возвышалось теперь предсѣдательское кресло. Рядомъ съ трибуною журналистовъ была трибуна дипломатическая, затѣмъ въ первомъ ярусѣ или бель-этажѣ было еще три-четыре ложи, занятыхъ публикою, получившею особенные билеты. Въ трибунахъ второго и третьяго яруса видно было множество военныхъ, прежнихъ депутатовъ, и главнымъ образомъ дамъ. Первое впечатлѣніе было обманчиво. Можно было подумать, что публика собирается для какого-нибудь веселаго зрѣлища. Всѣ смотрѣли въ бинокли, переговаривались, показывали другъ другу знакомыхъ, называли фамиліи сидѣвшихъ лицъ, между которыми было столько извѣстныхъ именъ! Точь-точь la première de Dumas или la première de Sardou, когда въ театръ собирается «весь Парижъ». Часа полтора я уже сидѣлъ въ трибунѣ, а въ партерѣ все-таки еще не было никого.

— Voila Millière! сказалъ мнѣ вдругъ мой сосѣдъ, указывая на довольно молодого еще господина съ черными усами и одѣтаго всего въ черномъ, усаживавшагося на лѣвой сторонѣ.

Мильеръ усѣлся, развернулъ свои бумаги и сталъ что-то писать.

— Этотъ человѣкъ, продолжалъ мой сосѣдъ, не можетъ минуты остаться безъ работы, онъ поразительно дѣятеленъ, но я не особенно вѣрю въ искренность его соціально-республиканскихъ убѣжденій, я увѣренъ, что онъ не пожертвуетъ своею жизнью для дѣла, и еще болѣе увѣренъ, что онъ пойдетъ далеко и будетъ играть большую роль въ собраніи!

Какъ скоро событія дали опроверженіе этой увѣренности моего сосѣда въ трибунѣ! Мильеръ былъ убитъ версальскими солдатами въ одинъ изъ послѣднихъ дней сопротивленія Парижа.

Вслѣдъ за Мильеромъ стали входить и другіе депутаты, и партеръ сталъ наполняться. Въ трибунѣ дипломатической появились лордъ Лайонсъ, Нигра, Меттернихъ, Олозага, папскій нунцій и другіе дипломаты; въ трибунѣ журналистовъ было столько же представителей прессы различныхъ странъ. Тутъ были англичане, бельгійцы, австрійцы, американцы и американки, въ качествѣ корреспондентовъ различныхъ газетъ, различныхъ

журналовъ. Въ партеръ прибывало все больше и больше депутатовъ, и мнѣ постоянно указывали то на Шанзи, то на Виктора Гюго, то на Дюпанлу, который занялъ мѣсто на крайней правой, то на Рошфора, который садился на лѣвой. Чѣмъ больше наполняется зала, тѣмъ сильнѣе всѣми овладѣваетъ какое-то трепетное чувство, которое бросается въ глаза. Прекратились остроты надъ тѣмъ или другимъ лицомъ, тѣмъ или другимъ депутатомъ. Вамъ не говорятъ больше, когда въ залу входитъ Трошю съ спокойною, улыбающеюся физіономіею, точно тріумфаторъ:

— Смотрите, смотрите, вотъ Трошю!

Вамъ не указываютъ болѣе на медленно двигающагося старика, и не говорятъ: вотъ идетъ Кинэ! Знаменитости хорошія или печальныя появляются въ залу и не привлекаютъ больше вниманія, наступилъ приступъ лихорадки, всѣ ждутъ и про себя говорятъ: сейчасъ мы услышимъ! Нѣтъ, люди собрались сюда не для веселаго зрѣлища, теперь это чувствуется, это видно по возгласамъ, которые раздаются кругомъ васъ.

— Гамбетта! услышалъ я около себя, и дѣйствительно въ эту минуту вошелъ въ залу ex-диктаторъ Франціи, какъ его называли почти всѣ. Физіономія его болѣе нежели серьезна, строгая, полная энергіи и силы. Въ этотъ день на его лицѣ не было еще выраженія той печали, той «убитости», которая бросалась въ глаза на слѣдующій день. Гамбетта занялъ мѣсто на крайней лѣвой, то, что въ залѣ «Комедіи» можно было назвать la Montagne. Зала была уже полна, а между тѣмъ президентъ еще не появлялся на своемъ креслѣ. Въ залѣ пронесся слухъ о тяжелыхъ условіяхъ, предлагаемыхъ побѣдителемъ, и какъ ни близка была та минута, когда эти условія должны были перестать быть однимъ «слухомъ», а перейти въ грустную «правду», тѣмъ не менѣе и теперь, за нѣсколько минутъ, этому «слуху» просто не хотѣли вѣрить.

— Mais non, mais non! cela n'est pas possible!

— Allons donc! tout est possible! и сколько отчаянія, бѣшенства въ этихъ простыхъ словахъ: tout est possible!

Пробило три часа, и все ничего! Въ эти минуты, которыя тянулись такъ безконечно долго, каждый думалъ про себя: о! хоть бы поскорѣе кончилось, хоть бы поскорѣе объявили, чего отъ насъ требуютъ, что хотятъ съ нами сдѣлать! Депутаты внизу разговаривали между собою, образуя кружки. Дюпанлу былъ окруженъ «вѣрными» католиками. Викторъ Гюго подходилъ то къ одной, то къ другой группѣ; толстая фигура Араго съ сѣрыми волосами выдавалась среди черныхъ сюртуковъ и среди

толпы плѣшивыхъ и какъ снѣгъ бѣлыхъ волосъ. Гамбетта сидѣлъ одинъ, молча, не двигаясь съ своего мѣста, какъ бы покинутый всѣми. Въ шагахъ десяти отъ него я замѣтилъ длинную сухощавую фигуру, которая меня поразила своею болѣзненностью, какою-то видимою раздражительностью, и, я готовъ сказать, своимъ страдальческимъ видомъ.

— Это кто?

— Делеклюзъ! было мнѣ отвѣтомъ: не правда ли, характерная физіономія, настоящій якобинецъ!

Я съ какимъ-то тревожнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на эту залу и при видѣ этихъ старыхъ людей, принадлежащихъ различнымъ партіямъ, различнымъ направленіямъ, невольно задавалъ себѣ вопросъ: какъ будетъ вести себя національное собраніе въ эту торжественную минуту въ исторіи Франціи. Я зналъ одно, что если въ залѣ этой много людей, то еще больше въ ней ненависти между ними и что это послѣднее чувство до такой степени сильно, что едвали эти люди способны слиться воедино, даже во имя своей родины. Но тѣмъ не менѣе я надѣялся.

Я не ожидалъ и не вправѣ былъ ожидать послѣ первыхъ собраній такого воодушевленія, которое охватило бы всѣ партіи и погасило бы на минуту всѣ ненависти; но какъ отказаться отъ мысли, что въ минуту гибели, въ ту минуту, когда крикъ: «отечество въ опасности» долженъ былъ перейти въ крикъ «отечество гибнетъ», что въ этотъ страшный моментъ любовь къ родинѣ, къ своему народу не пересилитъ все остальное, не заглушитъ, хотя бы на время, всѣ другія чувства: Гамбетта разсчитывалъ на это—и ошибся. Онъ давалъ начальство въ одно и тоже время Гарибальди, Шаретту и Бурбаки, показывая тѣмъ, что любовь къ родинѣ и ея благо, ея спасеніе, должны стоять выше принадлежности къ той или другой партіи, и что забота о спасеніи Франціи заставляетъ забывать о легитимизмѣ, бонапартизмѣ и даже республикѣ. Оказалось, что надежда эта относилась къ области идеализма, и что это желаніе слить всѣ элементы въ минуту опасности не только не слило, но напротивъ всѣхъ вооружило другъ противъ друга и всѣхъ вмѣстѣ противъ него. Но пока борьба длится, опасность не такъ бросается въ глаза, всегда живетъ надежда, что не сегодня, такъ завтра фортуна измѣнитъ свое колесо. Борьба прекратилась. Ужасъ положенія обрисовался со всею яркостью. Если возможно общее воодушевленіе одною и тою же мыслью, то теперь или никогда. Черезъ нѣсколько минутъ національное собраніе Франціи должно было окончательно показать, на что̀ оно способно.

Среди ходившаго по залѣ гула вдругъ раздался барабанный бой.

— C'est le Président! C'est Grévy!

И дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ Греви занялъ президентское кресло.

— Chapeau bas, messieurs, chapeau bas! кричатъ huissiers, расхаживая по залѣ, приглашая депутатовъ усаживаться по ихъ мѣстамъ. Послѣ небольшого волненія, все стало приходить въ порядокъ. Было уже около четырехъ часовъ, когда еще разъ раздался барабанный бой и въ залу вошелъ глава исполнительной власти французской республики. По залѣ пролетѣло одно слово — Тьеръ! Онъ усѣлся на министерскую скамью, стоявшую впереди всѣхъ депутатовъ, какъ разъ противъ трибуны, а Греви сталъ читать громко и внятно имена тѣхъ депутатовъ, которые, будучи избраны въ нѣсколькихъ, объявляли себя депутатами того или другого департамента. Раздалось имя Гамбетты, избраннаго въ десяти департаментахъ, и когда президентъ добавилъ:

...opte pour le département du Bas-Rhin! въ залѣ пробѣжало какое-то движеніе и нѣсколько разъ повторилось слово: bravo! bravo! Гамбетта избиралъ тотъ департаментъ, который былъ захваченъ непріятелемъ и этимъ какъ бы впередъ протестовалъ еще разъ противъ всякой уступки двухъ провинцій.

Затѣмъ президентъ сталъ читать письмо Ледрю-Роллена, которымъ онъ отказывался отъ своего mandat de député, но письмо едва слушали, нетерпѣніе росло. Всѣ знали, что Тьеръ сейчасъ взойдетъ на трибуну. Наступила рѣшительная минута. Въ залѣ водворилась такая тишина, о которой вовсе нельзя себѣ составить понятія. Эта тишина была хуже всякой грозы. Въ ней чувствовалось что-то страшное, томительное, тишина эта вызывала дрожь на вашемъ тѣлѣ. Всѣ точно притаили дыханіе; мнѣ кажется можно было слышать усиленное біеніе сердца. Сейчасъ, сейчасъ, казалось, разверзнется та пропасть, въ которую безжалостно толкали эту бѣдную Францію, эту мученицу за человѣчество, и вы, будь вы самый хладнокровный человѣкъ, вы не могли отдѣлаться отъ самаго мучительнаго чувства и холодный потъ не могъ не выступить на вашемъ лицѣ. Опасеніе, страхъ за любимую страну никогда не сравнится съ опасеніемъ, съ страхомъ за самаго близкаго, за самаго дорогого человѣка; мученіе, страданіе цѣлаго народа куда тяжелѣе, куда ужаснѣе мученія, страданія отдѣльнаго лица. Въ эту минуту это страданіе и опасеніе за судьбу цѣлаго народа чувствовалось съ такою силою, которую никто не въ состояніи передать вамъ перомъ.

Тьеръ стоялъ на трибунѣ. Всѣ глаза были устремлены въ одну точку. Старческимъ, разбитымъ голосомъ произнесъ онъ свои первыя слова. Отъ этихъ словъ становилось еще холоднѣе. «Скорѣй, скорѣй», хотѣлось ему крикнуть, когда онъ сталъ говорить о той тяжелой обязанности, которую возложили на него, о тѣхъ усиліяхъ, которыя онъ употреблялъ, о той усталости, которую онъ чувствуетъ, не отдохнувъ ни минуты послѣ длиннаго пути.

Дальше, дальше! кто говоритъ объ этомъ, кто станетъ слушать это, когда дѣло идетъ о цѣлой Франціи, о цѣломъ народѣ!

Наконецъ онъ читаетъ проектъ закона, для котораго требуетъ urgence: «національное собраніе принимаетъ предварительныя условія мира», — тишина. Всѣ ждутъ этихъ условій, никто не шевелится.

«Франція уступаетъ Германіи.....» Только съ лѣвой стороны раздаются возгласы, крики, когда національному собранію объявляютъ, что Франція теряетъ Эльзасъ со Страсбургомъ и часть Лотарингіи съ Метцомъ. Правая сторона и весь центръ залы хранятъ при этихъ словахъ гробовое молчаніе.

Но это не все. Германія не довольствуется раздробленіемъ Франціи, ей нужно лишить эту страну ея богатствъ, и Бартелеми Сентъ-Илеръ, на долю котораго выпала печальная прерогатива читать текстъ предварительныхъ условій мира, произноситъ: «Франція уплатитъ императору Германіи пять мильярдовъ франковъ!» Сцена мѣняется. На лѣвой сторонѣ тишина. Правая издаетъ при этихъ словахъ какой-то неистовый крикъ, возбуждающій отвращеніе въ трибунахъ. Этотъ циническій крикъ говорилъ одно: пусть берутъ землю, за нее мы не постоимъ, но пять мильярдовъ, пять мильярдовъ! вѣдь они задѣваютъ нашъ карманъ, наше богатство! Бартелеми Сентъ-Илеръ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и потому при чтеніи предварительныхъ условій пропустилъ подробный перечень территоріальныхъ уступокъ.

— Мы требуемъ, раздается голосъ съ лѣвой стороны, чтобы было прочитано то мѣсто, гдѣ дѣло идетъ о подробномъ перечнѣ территоріальныхъ уступокъ. Для насъ онѣ не менѣе интересны, чѣмъ финансовыя условія!

Бартелеми Сентъ-Илеръ сталъ читать подробный списокъ уступаемыхъ мѣстностей.

Условія, самыя тяжелыя условія стали извѣстны, и правительство, не считая нужнымъ подробное обсужденіе ихъ, требуетъ, чтобы немедленно приступлено было къ совѣщаніямъ. Съ правой стороны не раздается ни одного слова протеста, она не возмущена этими условіями, ея патріотизмъ не тронутъ, уступка двухъ провинцій не воодушевляетъ ее негодованіемъ, она тайно скорбитъ

только о пяти мильярдахъ. Только съ лѣвой слышится крикъ: «мы протестуемъ противъ немедленнаго обсужденія, мы еще находимся подъ впечатлѣніемъ постыдныхъ условій, предложенныхъ намъ!» Въ это же самое время у Гамбетты вырываются изъ груди слова отчаянія и негодованія, потрясающія всю залу: «ces conditions sont inacceptables»!

Тьеръ снова входитъ на трибуну и обращаясь почти прямо къ Гамбеттѣ, рѣзкимъ, заносчивымъ голосомъ говоритъ, что онъ отталкиваетъ слово: inacceptables, что эти условія не постыдны, что виноваты въ нихъ тѣ, которые довели своими ошибками Францію до такого положенія, но что онъ, Тьеръ, чуждъ этихъ ошибокъ и ни въ чемъ неповиненъ.

Правая соглашается на все, принимаетъ немедленное обсужденіе, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; лѣвая протестуетъ, но ея протестъ тонетъ въ апплодисментахъ, разсыпаемыхъ Тьеру.

Для того, чтобы Тьеру настоять на своемъ, и чтобы принудить національное собраніе въ тотъ же вечеръ собраться въ бюро для совѣщаній, ему нужно было только сказать: «не заставляйте меня говорить.... каждую минуту я получаю депеши, которыя сообщаютъ мнѣ о такихъ вещахъ, которыхъ не могу раскрыть.... если вы не уважаете меня, уважайте, по крайней мѣрѣ, мое молчаніе. Приступая къ немедленному обсужденію вы, быть можетъ, избавитесь отъ многихъ бѣдствій. Я покинулъ Парижъ вчера, я знаю, что̀ я говорю»! Національное собраніе, не зная въ чемъ дѣло, было запугано; этого было довольно, чтобы не только немедленно приступить къ обсужденію предварительныхъ условій, но немедленно вотировать ихъ безъ всякаго обсужденія. Съ этой минуты обсужденіе предварительныхъ условій дѣлалось ничѣмъ инымъ, какъ забавой, вопросъ былъ окончательно порѣшенъ, предварительныя условія, самыя тяжкія, которыя испытывала Франція въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, могли считаться окончательно принятыми. Тьеръ торжествовалъ, правая была послушна, лѣвая обезсилена. На вечеръ было назначено собраніе въ бюро, а на другой день въ 12 часовъ публичное засѣданіе. Вотъ что происходило въ этомъ историческомъ засѣданіи 18-го февраля,—но если вы прочли только отчетъ о немъ, то для васъ оно едвали можетъ имѣть какой-нибудь особенный смыслъ. Нѣтъ, только тѣ, которые лично присутствовали на немъ, только тѣ, которые были нѣмыми свидѣтелями въ этой залѣ «Комедіи», только тѣ могутъ сказать, что это было за засѣданіе, только у тѣхъ могутъ стать волосы дыбомъ при одномъ воспоминаніи о немъ. Смрадный запахъ разлагающагося, гнилого трупа—вотъ что чувствовалось въ этотъ день въ національномъ

собраніи Франціи. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы эти люди, это большинство было истиннымъ представительствомъ страны, еслибы въ ней не было другихъ элементовъ, чѣмъ тѣ, которые первенствовали здѣсь, то нечего было бы жалѣть о гибели Франціи, нужно было бы только радоваться окончательному уничтоженію этой страны. Отъ начала и до конца во время засѣданія слышалась такая фальшь, такая пустота, я готовъ сказать—такая низость, которая не столько даже приводила въ отчаяніе, сколько должна была удивлять васъ. Національное собраніе Франціи превзошло всякія ожиданія.

Около меня сидѣлъ въ трибунѣ одинъ изъ журналистовъ. Послѣ нѣсколькихъ взрывовъ бѣшенаго негодованія онъ не выдержалъ, и слезы отчаянія и злобы обильно покатились изъ его глазъ.

— Voila les répresentants de la France! произнесъ онъ, когда засѣданіе было закрыто и депутаты поднялись съ своихъ мѣстъ, admirez-les!

Я молчалъ.

— Ну что же! что же вы молчите, хорошо!

— Я не знаю, кто здѣсь лучше, кто здѣсь хуже! добавилъ онъ грустно.

И дѣйствительно трудно было сказать, кто здѣсь былъ лучше, кто хуже.

Какъ отдѣльныя личности, никто не производилъ на меня впечатлѣнія болѣе тяжелаго, нежели Тьеръ. Я хотѣлъ вѣрить въ его искренность и не могъ. Въ этомъ голосѣ, полномъ слезъ, которымъ онъ сталъ говорить о себѣ, о своей тяжелой обязанности, о своей усталости, чувствовалась такая неискренность, такая неправда, которая рѣзала ухо. Его слезы казались фальшивыми, притворными, его слова не внушали ни малѣйшаго довѣрія. Я не хотѣлъ думать ни о министрѣ Луи-Филиппа, который постоянно перебѣгалъ изъ одного лагеря въ другой, ни о человѣкѣ, который съ такимъ жаромъ защищалъ свободу печати во время реставраціи и потомъ, во время іюльской монархіи, когда эта свобода печати обратилась противъ него, еще съ бóльшею энергіею поддерживалъ и настаивалъ на знаменитыхъ и вмѣстѣ отвратительныхъ «сентябрьскихъ законахъ», уничтожавшихъ эту свободу. Я забывалъ его двусмысленное поведеніе въ послѣдніе дни, въ послѣдніе часы іюльской монархіи и его двуличность во время второй республики; я старался не думать о его недостойной роли во всемъ томъ, чтó предшествовало водворенію второй имперіи, какъ первоначально вражда его къ Бонапарту доходила до того, что онъ говорилъ, что избраніе его

въ президенты было бы позоромъ для Франціи, и какъ затѣмъ онъ подавалъ голосъ за этого самаго человѣка; однимъ словомъ, я позабывалъ въ эту минуту, что этотъ человѣкъ склонялся всегда на ту сторону, куда тянули его личные интересы, я хотѣлъ вѣрить въ его искренность, и все-таки его фальшь, его притворство казались для меня очевидными, его слезы дѣйствовали на меня какъ можетъ дѣйствовать на человѣка самый циническій обманъ. Когда человѣкъ не видитъ предъ собою ничего иного, кромѣ блага государства, когда онъ думаетъ только объ интересахъ народа, тогда этотъ человѣкъ, и притомъ въ такую страшную минуту для цѣлой націи, не станетъ занимать національное собраніе своею персоною, не станетъ разсказывать въ ту минуту, когда всѣ съ такимъ трепетомъ ждутъ или, по крайней мѣрѣ, должны были бы ждать, чего требуетъ побѣдитель, — о томъ, что онъ не успѣлъ отдохнуть съ дороги, и что его совѣсть чиста, и вспоминать о своихъ заслугахъ. Честные государственные люди не дѣлаютъ такъ. Не одними своими притворными слезами возмущалъ Тьеръ въ этотъ памятный день. Нѣтъ, все, что онъ говорилъ, обличало одно безконечное самолюбіе и желаніе, чтобы воля его исполнялась безпрекословно. Нужно было слышать, съ какою желчью и злобою отвѣчалъ онъ Гамбеттѣ, когда у него вырвались слова: c'est inacceptable! куда дѣвались слезы, куда пропалъ жалобный голосъ, слышно было одно раздраженіе и нелюбовь къ человѣку, силу котораго онъ не могъ не признавать.

Если все поведеніе Тьера не могло не возмущать въ это роковое засѣданіе, если нельзя было не почувствовать крайней антипатіи къ этому новому импровизованному республиканцу, то нужно, чтобы быть къ нему справедливымъ, сказать все-таки, что тѣмъ не менѣе онъ былъ лучше того національнаго собранія, которое вручило ему высшую власть въ государствѣ. Онъ считалъ, по крайней мѣрѣ, приличнымъ драпироваться въ мантію горести, онъ придавалъ себѣ видъ человѣка, удрученнаго печалью, отчаяніемъ; что же касается до «деревенскаго большинства», то оно истинно было огорчено только въ ту минуту, когда ему объявили о пяти мильярдахъ, только при этомъ у него вырвался какой-то животный крикъ, какое-то рычаніе. У этого «деревенскаго большинства», у этихъ «палачей Франціи», какъ назвали ихъ въ первое же засѣданіе національнаго собранія, не только не было того истиннаго патріотизма, способнаго воодушевить людей на великое дѣло спасенія своей страны, но у нихъ не было даже того простого чувства приличія, которое могло бы имъ подсказать, что громкій смѣхъ минуту спустя послѣ выслушанія такихъ предварительныхъ условій мира у честныхъ людей

зовется преступленіемъ. А это «деревенское большинство» смѣялось, смѣялось минуту спустя послѣ прочтенія мирныхъ условій, предложенныхъ побѣдителемъ. Одного этого факта кажется довольно, чтобы характеризовать это большинство; этотъ смѣхъ служилъ лучшимъ ручательствомъ того, что впереди, въ будущемъ не будетъ такой низости, на которую съ радостью не согласились бы эти люди. Что значитъ для такихъ людей, которые могутъ разражаться дикимъ смѣхомъ въ такую тяжелую минуту, междоусобная война, отвратительная рѣзня, свирѣпыя казни, разстрѣливаніе сотенъ тысячъ безъ суда. Они доказали, что все это для нихъ ничего не значитъ, и что они съ цинизмомъ умѣютъ торжествовать побѣды надъ своими собственными братьями.

Если вполнѣ презрѣнно было поведеніе «деревенскаго большинства», то и поведеніе лѣвой стороны въ эти страшныя минуты не могло внушать къ себѣ особеннаго уваженія. Это поведеніе было безцвѣтно, лѣвая сторона ярко обнаружила свое безсиліе, недостатокъ энергіи, мужества. Нельзя было въ это засѣданіе не видѣть, что она будетъ поглощена, затерта «деревенскимъ большинствомъ», что она не съумѣетъ поставить себя въ такое положеніе, которое внушало бы реакціонному, по своему существу, собранію не только уваженіе, но и извѣстный страхъ. Когда, какъ не въ эту минуту было рѣшиться на какое-нибудь коллективное дѣйствіе, на серьезный протестъ противъ той гнили, которую послала въ собраніе невѣжественная сельская масса. И между тѣмъ ничего, кромѣ нѣскольких криковъ вырвавшагося негодованія, какая-то боязнь, какой-то страхъ въ тотъ моментъ, когда имъ больше всего нужно было мужества и смѣлости. Лѣвая сторона была такъ безсильна, что не нашла даже средствъ заставить говорить Тьера, когда онъ запугивалъ собраніе тѣмъ, что̀ приготовляется въ Парижѣ, какъ запугиваютъ дѣтей. Тѣ нѣсколько человѣкъ, которые обладали и достаточною нравственною силою, и достаточною энергіею, тѣ, которые должны были бы стоять въ данную минуту во главѣ Франціи, тѣ удалялись изъ собранія, говоря: «здѣсь намъ нечего дѣлать, это не такое собраніе, на которое возможно дѣйствовать, оно не заботится ни о чести, ни объ интересахъ Франціи, оно покрываетъ наглымъ рычаніемъ честное слово, голосъ каждаго честнаго человѣка». Эти люди сидѣли, въ то роковое засѣданіе 28-го февраля, не произнося почти ни слова—будущность ихъ страны не могла не представляться имъ полною невзгодъ и бѣдствій.

Если когда-нибудь, въ самомъ дѣлѣ, можно было отчаяваться за будущность Франціи, то, безъ сомнѣнія, въ этотъ день, когда

такъ ярко бросалось въ глаза политическое ничтожество ея представителей, недостойная готовность и поспѣшность принять всякія условія, какъ бы ни были онѣ унизительны. Деревенское большинство не желало вовсе разсуждать о томъ, возможно или невозможно продолженіе войны, оно хотѣло заключить скорѣе миръ, потому что ему поскорѣе хотѣлось освободиться отъ дѣйствительнаго республиканскаго правительства. Война означала для него республику, миръ — монархію или, во всякомъ случаѣ, реакцію, и оно не задумывалось въ своемъ рѣшеніи. Въ этотъ день самые ярые защитники suffrage universel'я должны были отъ него отказаться, они не могли не сказать, что если suffrage universel даетъ возможность невѣжественной сельской массѣ, наперекоръ всему городскому населенію страны, отдавать судьбы Франціи въ руки той смердящей гнили, которая составила «деревенское большинство» въ собраніи, то въ такомъ случаѣ suffrage universel, эта идеальная форма для будущаго, является для настоящаго времени, когда сельское населеніе находится еще въ невѣжественномъ состояніи однимъ изъ самыхъ крупныхъ бѣдствій. Только тогда это начало перестанетъ быть зломъ, когда даровое и обязательное образованіе, столь настойчиво требуемое искренними республиканцами или партіею революціи, подниметъ эту массу на высоту пониманія своихъ политическихъ правъ и обязанностей.

Я какъ въ чаду вышелъ изъ залы національнаго собранія. Никогда такъ сильно не закрадывалось во мнѣ сомнѣніе относительно ближайшаго будущаго этой страны, никогда такъ отчетливо я не сознавалъ, что Франціи предстоитъ вынести еще не одинъ суровый переворотъ, прежде чѣмъ выбраться на широкую дорогу, безъ пропастей и овраговъ на каждой верстѣ. Я съ ужасомъ думалъ о томъ, въ какихъ рукахъ очутилась Франція въ одну изъ самыхъ бѣдственныхъ минутъ въ ея исторіи; въ рукахъ людей безсильныхъ какъ съ нравственной, такъ и съ физической стороны, въ рукахъ бездушныхъ стариковъ, сторонниковъ стараго сгнившаго порядка, въ рукахъ людей, которые ненавидятъ все новое, все молодое, все, что стремится искоренить прежнія основы уродливаго, износившагося, изжившаго общества и способныхъ развѣ на одно — столкнуть окончательно націю въ ту пропасть, на краю которой она была поставлена роковыми событіями. Старость внушаетъ уваженіе, когда рядомъ съ пріобрѣтенною опытностью она сохраняетъ строгую честность; но она возбуждаетъ ненависть, когда эта старость послужила только къ тому, чтобы всѣ чувства притупѣли и замѣнились нескрываемымъ цинизмомъ. Какъ кошмаръ какой-то,

меня преслѣдовала цѣлый вечеръ эта сплошная масса сѣдыхъ головъ, которыя приходили въ движеніе только тогда, когда они поднимали дикій ревъ. Что за печальное положеніе страны, когда во главѣ ея становится человѣкъ семидесяти пяти лѣтъ, какъ Тьеръ! но какъ было быть иначе, когда средняя сложность лѣтъ каждаго депутата въ національномъ собраніи 1871 года болѣе шестидесяти лѣтъ, какъ меня увѣряли люди, занявшіеся подобнымъ вычисленіемъ.

Все было мрачно, все было печально въ Бордо въ этотъ вечеръ. Все волновалось и какъ нельзя лучше, казалось, сознавало то безвыходное положеніе, въ которомъ очутилась Франція. Передъ собраніемъ на площади продолжала стоять густая толпа народу, въ различныхъ группахъ шли толки все о томъ же, но я не остановился и не сталъ прислушиваться, мои мысли не могли еще придти въ порядокъ отъ того возмутительнаго зрѣлища, при которомъ я только-что присутствовалъ. Я отправился въ клубъ. Долго и тутъ длилось какое-то напряженное, неестественное молчаніе, почти всякій держалъ газету въ рукахъ, но можно смѣло сказать, что никто не читалъ. Газета все оставалась на одной и тойже страницѣ, листы не переворачивались. Можетъ быть долго еще длилось бы это тяжелое молчаніе, еслибы въ небольшую залу, гдѣ сидѣло человѣкъ пятнадцать, не вошелъ одинъ молодой еще человѣкъ и не сказалъ какъ-то весело, съ улыбкою на устахъ, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ:

— Eh bien! me voila prussien! и при этомъ громко расхохотался. Онъ былъ родомъ изъ Метца, который долженъ былъ теперь отойти къ Германіи.

Присутствовавшіе какъ-то странно на него взглянули, не зная какъ принять этотъ смѣхъ. Между тѣмъ тотъ продолжалъ все въ томъ же тонѣ, и подходя къ одному пріятелю сказалъ:

— Adieu, cher ami, tu reste français, toi! moi non, je suis prussien maintenant!

Кто-то изъ присутствовавшихъ, необладавшій должно быть большою проницательностью, замѣтилъ:

— Что же, это васъ особенно радуетъ, что вы смѣетесь!

— Меня то! еще бы! вы думаете, что я не радуюсь? Нѣтъ, я искренно радуюсь; я счастливъ, что я больше не французъ, я не хочу принадлежать къ той націи, я не хочу принадлежать къ тому народу, который настолько безстыденъ, настолько низокъ, что позволяетъ отрывать отъ себя насъ, которые готовы были жертвовать всѣмъ, чтобы остаться только французами, чтобы насъ не отрывали только отъ Франціи. И

вы хотите, чтобы я былъ недоволенъ,—продолжалъ онъ уже болѣе естественнымъ голосомъ, переставая усиленно смѣяться:—allons donc, la France est bien pourrie et les écus ont remplacé les sentiments! произнесъ онъ съ горячностью, въ которой прорвалось искреннее чувство и, громко зарыдавъ, онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Еще болѣе тяжело сдѣлалось небольшому кружку, эта сцена подѣйствовала такъ, что многимъ, я думаю, пришлось сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы удержаться отъ слезъ.

— Pauvre garçon! произнесъ кто-то.

— Ah! mais il n'y a rien à dire! il a bien raison! Онъ правъ, что деньги замѣнили во Франціи все остальное, и чувство чести, и чувство любви къ родинѣ и любви къ свободѣ! Развѣ національное собраніе не отвѣчало молчаніемъ, когда ему сказали объ уступкѣ Эльзаса и Лотарингіи, и развѣ оно не испустило изъ себя крика, когда услышало о пяти мильярдахъ.

— Національное собраніе — не Франція! отвѣтилъ сердито одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Но вы подчиняетесь его волѣ, его рѣшеніямъ, продолжалъ первый послѣдовательно.

— Ненадолго!

— Ну такъ подчинитесь какому-нибудь Орлеану и Бонапарту, котораго оно провозгласитъ королемъ или императоромъ.

— Это еще вопросъ!

— Который скоро перестанетъ имъ быть. Такой миръ уничтожаетъ республику; реакція это хорошо знаетъ, потому-то они такъ и торопятся его заключить.

Нечего говорить о томъ, какія чувства вызывали предварительныя условія мира; нечего говорить, какъ относились въ республиканской средѣ къ поведенію «деревенскаго большинства», все это слишкомъ понятно, чтобы стоило на немъ останавливаться. Ненависть и отчаяніе больше чѣмъ когда-нибудь—вотъ собственно два слова, которыя могли характеризовать собою общее настроеніе.

Недовольство поведеніемъ лѣвой стороны было всеобщее, всѣ соглашались, что она лишена того воодушевленія, той нравственной силы, на которую она давала право разсчитывать, и всѣ понимали, что такое поведеніе сдѣлаетъ большинство еще болѣе нетерпимымъ, еще болѣе открыто реакціоннымъ. Что меня удивляло, это то, что мнѣ приходилось слышать о Тьерѣ, который въ этотъ день былъ на языкѣ у всѣхъ. На него не то, чтобы разсчитывали, но по крайней мѣрѣ выражали надежду, что онъ искренно обратится къ республикѣ, и что онъ не лука-

витъ, когда завѣряетъ, что республиканская партія не должна его опасаться, что онъ отнынѣ сдѣлался республиканцемъ и рѣшительно будетъ поддерживать республику.

Насколько основательно было такое довѣріе, можно видѣть изъ того, какъ велъ себя Тьеръ послѣ паденія іюльской монархіи и какъ въ то время онъ относился къ республикѣ. Если припомнить, что говорилъ онъ въ то время, то не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что все то, въ чемъ онъ увѣряетъ насъ настойчиво въ настоящую минуту, есть не что иное, какъ старая пѣсня, какъ старый маневръ, который онъ не постарался даже подновить. Одинъ изъ историковъ той эпохи разсказываетъ, что послѣ паденія іюльской монархіи Тьера окружали вниманіемъ различныя партіи, всѣ желали притянуть его на свою сторону, и временное правительство старалось, чтобы онъ оказывалъ ему свое полное содѣйствіе. Ламартинъ и Арманъ Маррастъ убѣждали его, что содѣйствіе, которое онъ можетъ оказать временному правительству, вовсе не будетъ рѣзкимъ противорѣчіемъ съ его привязанностью къ орлеанской династіи. «Къ чему вы мнѣ говорите о моей привязанности къ династіи, которая только-что рухнулась—отвѣчалъ Тьеръ;—можетъ быть въ самомъ дѣлѣ было бы лучше выправить ее, чѣмъ опрокинуть; но она сама полетѣла въ такую пропасть, изъ которой ничто не въ состояніи ее вытащить. Въ концѣ концовъ—продолжалъ Тьеръ,—съ монархіею во Франціи покончено навсегда; она опередила, это правда, часъ своего паденія, но, чтó бы ни говорили, она отжила свое время, она покончила, и я охотно присоединяюсь къ республикѣ, которой нечего опасаться съ моей стороны». Таковы были подлинныя слова Тьера, которыя онъ повторялъ въ настоящую минуту. Но «слова» эти, произнесенныя въ 1848 году, нисколько не помѣшали, какъ извѣстно, Тьеру стать на сторону враговъ республики, какъ только онъ убѣдился, что ему нечего думать о томъ, чтобы сдѣлаться президентомъ республики. Убѣдившись въ столь печальномъ для него обстоятельствѣ, онъ соединился тѣсными узами съ партіями клерикальной и легитимистской, и въ концѣ концовъ, несмотря на то, что «избраніе Бонапарта въ президенты республики было бы позоромъ для Франціи», онъ не только подалъ своей голосъ за Бонапарта, но склонилъ на его сторону всѣхъ друзей порядка. Онъ не можетъ быть оправданъ тѣмъ, что онъ не могъ предполагать, что избраніе въ президенты повлечетъ за собою возстановленіе имперіи, нѣтъ, было бы несправедливо отказывать въ большой проницательности Тьеру, который еще задолго до coup d'état сказалъ знаменитыя слова: l'Empire est fait! Этотъ другъ респу-

блики, какъ увѣрялъ онъ, преспокойно примкнулъ къ самому реакціонному кружку людей, который былъ извѣстенъ въ то время подъ именемъ комитета улицы Пуатье. Этотъ другъ республики садился въ то время рядомъ съ Персиньи и Мюра, и затѣмъ былъ въ самыхъ близкихъ и интимныхъ отношеніяхъ съ президентомъ Луи-Бонапартомъ.

Припоминая эти черты изъ его прошедшей жизни, припоминая вообще, насколько можно довѣрять *словамъ* Тьера, я не могъ не удивляться, когда слышалъ отъ искреннихъ республиканцевъ такія разсужденія:

— Тьеръ, какъ глава исполнительной власти — это лучшее, что могло быть въ настоящую минуту, это лучшее, что могло быть при существованіи «деревенскаго большинства». Можетъ быть, ему и удастся сохранить хоть форму республики, а и это уже будетъ много и за это ему нужно будетъ быть благодарнымъ.

— Слѣдовательно, — спрашивалъ я, — вы довѣряете, что онъ дѣйствительно склонился въ пользу республики и что онъ искрененъ, говоря, что онъ душой стоитъ за нее?

На это одинъ изъ молодыхъ депутатовъ - республиканцевъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

— Я собственными ушами слышалъ, — говорилъ онъ, — какъ Тьеръ, разсуждая о республикѣ, выражался такимъ образомъ: «меня крайне удивляетъ недовѣріе республиканцевъ къ моимъ словамъ, къ моему увѣренію, что я не хочу ничего иного, кромѣ республики. Если они не довѣряютъ мнѣ, какъ честному человѣку, то они могли бы повѣрить, сообразивши одно: чего мнѣ болѣе нужно, мои личные разсчеты, мое самолюбіе, моя личная выгода заставляли бы меня предпочитать республику, еслибы я даже не былъ искренно убѣжденъ въ томъ, что она есть лучшая форма для Франціи. Какая монархія, какая другая форма правленія можетъ мнѣ дать такое положеніе, какъ то, которое дала мнѣ республика. Я глава исполнительной власти, я занимаю высшее положеніе, которое могло только рисоваться моей фантазіи, чего же мнѣ больше, съ какой же стати я буду лукавить и работать противъ республики, когда мои личные, эгоистическіе интересы заставляютъ меня желать ея сохраненія!» Согласитесь, добавлялъ депутатъ, что дѣйствительно, подумавъ объ этомъ, нельзя не придти къ заключенію, что Тьеръ, объявляя себя сторонникомъ республики, искренно желаетъ ея сохраненія.

Я никогда не могъ съ этимъ согласиться и удивлялся только нѣкоторому легкомыслію молодого радикальнаго депутата. Дѣло

въ томъ, что находить для себя выгоднымъ существованіе республики въ извѣстную минуту—не значитъ еще быть искренно преданнымъ ей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы Тьеру удалось сдѣлаться президентомъ въ 1848 году, то слова его о томъ, что онъ присоединяется къ республикѣ, не оказались бы такъ скоро отъявленною ложью. Не окажутся эти слова, повторенныя въ 1871 году, ложью до тѣхъ поръ, пока ему удастся сохранить за собою званіе главы исполнительной власти, сомнѣваться въ этомъ — значило бы сомнѣваться въ томъ, что у Тьера личный интересъ, самолюбіе и тщеславіе не стоятъ на первомъ планѣ. Тотъ, который объявляетъ, что монархія во Франціи отжила свое время и высказываетъ себя сторонникомъ республики, для того не можетъ быть рѣчи объ «испробованіи» республики. Эта «проба» республики какъ нельзя болѣе удобна и выгодна. Пока я во главѣ ея—республика удобна; какъ только мое положеніе пошатнулось—республика объявляется неудобною, и сторонникъ республики естественнымъ образомъ становится сторонникомъ монархіи. Тьеръ будетъ ея держаться до тѣхъ поръ, пока реакція не сдѣлается настолько сильна, чтобы сломить ему шею и провозгласить д'Омаля или Шамбора или кого другого королемъ Франціи; какъ только это случится, онъ преспокойно объявитъ, что время для республики еще не наступило для Франціи; и смотря по обстоятельствамъ, сдѣлается или первымъ министромъ, или пэромъ Франціи, или еще чѣмъ-нибудь инымъ. Одно въ Тьерѣ дѣйствительно поразительно — это его живучесть, его бодрость, свѣжесть его хитраго, практическаго, эгоистическаго ума, его способность въ семьдесять-пять лѣтъ говорить два-три часа безъ всякаго отдыха. Я очень хорошо помню, какъ одинъ остроумный французъ характеризовалъ Тьера, говоря о его живучести и бодрости:

— Натура Тьера,—говорилъ онъ,—совершенно посредственная, весь его талантъ посредственный. Какъ ораторъ, онъ всегда былъ посредственнымъ; онъ посредственный писатель, посредственный историкъ, посредственный государственный человѣкъ, а такія посредственныя натуры необыкновенно бываютъ живучи, необыкновенно долго могутъ держаться и сохранять всѣ свои качества.

Къ этой характеристикѣ я хотѣлъ прибавить одно—и честность его также посредственная, и никогда для меня это не было такъ ясно, какъ въ то мрачное засѣданіе 28-го февраля, когда онъ разыгрывалъ постыдную комедію, обманывая честныхъ людей своими слезами, своимъ мнимымъ отчаяніемъ и своею преданностью республикѣ. Какъ скоро, впрочемъ, разоблачился этотъ

республиканецъ своею знаменитою и безсмертною даже фразою: la France a retrouvé son armée! и своими громкими и неприличными заявленіями о мужествѣ и храбрости солдатъ, возвратившихся только-что изъ плѣна и, наконецъ, призывомъ на службу республики бонапартовскихъ генераловъ и другихъ отъявленныхъ негодяевъ, служившихъ второй имперіи.

Впрочемъ, немногіе только изъ республиканцевъ обманывались насчетъ стремленій и истиннаго образа мыслей главы исполнительной власти, большинство же цѣнило его по достоинству и вовсе не довѣряло его патріотическимъ страданіямъ.

Какъ ни ярко обрисовалось поведеніе большинства въ національномъ собраніи, тѣмъ не менѣе находились еще оптимисты, которые если не вѣрили, то по крайней мѣрѣ тѣшили себя какою-то иллюзіею, что, быть можетъ, въ послѣднюю минуту, когда нужно будетъ вотировать предварительныя условія мира, составится большинство, которое скажетъ «нѣтъ», и начнется уже настоящая guerre à outrance. Въ клубъ отъ времени до времени приходили различныя личности и разсказывали о томъ, что въ бюро, гдѣ происходило въ этотъ вечеръ предварительное обсужденіе привезенныхъ Тьеромъ условій, мнѣніе колеблется, что партія легитимистовъ получила приказаніе не соглашаться на такой позорный миръ, что Шанзи и другіе генералы умоляютъ продолжать войну, что легитимисты соединятся съ республиканцами и назавтра приготовляется величайшій сюрпризъ — продолженіе войны.

Немного находилось въ клубѣ людей, которые готовы были вѣрить этимъ слухамъ, большинство только печально качало головою, не желая даже разувѣрять въ томъ приносившихъ такія вѣсти. Но если эти слухи не находили себѣ вѣры здѣсь, за то на улицахъ, на площади они необыкновенно волновали толпу и держали ее въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Было уже поздно, ночь, когда я вышелъ изъ клуба, и несмотря на это, на площади «Комедіи» я нашелъ толпу, раздѣлившуюся на группы, въ которыхъ велись оживленные споры. На площади въ этихъ группахъ были свои ораторы, которыхъ также прерывали ропотомъ или словами très bien, très bien, какъ и въ національномъ собраніи. Толпа стояла передъ національнымъ собраніемъ, не думая вовсе расходиться, несмотря на то, что ночь давно уже наступила и что въ національномъ собраніи давно уже никого нѣтъ. Едвали въ собраніи были произносимы такія горячія рѣчи, какъ здѣсь, и едвали тамъ эти рѣчи принимались съ такимъ восторгомъ или негодованіемъ, смотря по

тому, что̀ говорилось. Я подошелъ къ одной изъ группъ, и первое, что услышалъ, были слова: Россія и Польша.

— Le citoyen qui vient de parler, началъ какой-то народный ораторъ, безъ всякаго сомнѣнія правъ; мы не можемъ, мы не должны принимать такого позорнаго мира, мы не можемъ, не должны уступать Эльзаса, Страсбурга, Метца; онъ правъ, когда говоритъ, что мы погибнемъ, если миръ этотъ будетъ принятъ, мы погибнемъ и превратимся въ новую Польшу!

— Mais soyez donc raisonnables! прерываетъ этого оратора какой-то другой. Дайте время собраться съ силами, дайте намъ пять-шесть лѣтъ,—мы поправимся и тогда отомстимъ; повѣрьте, что Тьеръ знаетъ, что̀ онъ говоритъ.

— Laissez moi tranquille avec votre Thiers, c'est une.... и тутъ шелъ эпитетъ, вовсе несоотвѣтствующій званію главы исполнительной власти: мы знаемъ эти пять-шесть лѣтъ! Нѣтъ, если у насъ отнимутъ теперь и мы не будемъ продолжать войны, то намъ уже не возвратить. Кончено будетъ; такъ говорятъ реакціонеры.

— Il ne s'agit pas de tout cela! началъ рѣшительнымъ образомъ какой-то человѣкъ весьма почтенныхъ лѣтъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, сохранимъ ли республику или не сохранимъ. Если республика у насъ останется, то республика отмститъ за насъ, республика побѣдитъ нѣмецкую имперію и мы внесемъ къ нимъ революцію, какъ они внесли къ намъ разореніе. Если же, продолжалъ онъ, у насъ республику эскамотируютъ, то тогда мы погибли, слѣдовательно у насъ должна быть теперь одна задача — не дать эскамотировать республику.

Раздалось нѣсколько très bien и раздались голоса: «мы не дадимъ, мы не позволимъ ее эскамотировать!»

Вѣроятно долго еще на эту тему продолжались разговоры въ этой группѣ, но я отошелъ отъ нея, чтобы послушать, что̀ говорилось въ другой. Въ другой, третьей и т. д. говорилось съ небольшими варіантами тоже, что говорилось и въ первой: обвинялись одни, оправдывали другихъ, прошедшее, настоящее и будущее страны—все было на очереди, по поводу всего высказывались соображенія, надежды, опасенія. Былъ уже чуть не третій часъ, когда я рѣшился оставить площадь, а толпа все еще не расходилась, все волновалась судьбою своей родины. Сонъ бѣжалъ отъ всѣхъ. Частные интересы пропали, общественные поглотили всю жизнь. Странное и необыкновенное зрѣлище представляла площадь «Комедіи» въ темную ночь съ 28-го февраля на 1-е марта. Нѣсколько фонарей, стоявшихъ на площади, бросали слабый свѣтъ на толпу, на группы, которыя волно-

валъ въ эту ночь одинъ вопросъ:—что будетъ съ родною страною и что скажетъ завтрашній день: миръ и вмѣстѣ позоръ или война и новыя бѣдствія? Положеніе поистинѣ трагическое, толпа сознавала его и это сознаніе удерживало ее на площади, не пуская расходиться по домамъ. «На людяхъ и смерть красна», пришла мнѣ на умъ поговорка, когда я покидалъ темную площадь. Среди толпы, среди разговоровъ и споровъ эти люди искали взаимнаго утѣшенія и опоры.

Какъ ни несомнѣненъ былъ исходъ засѣданія слѣдующаго дня, какъ ни велика была увѣренность, что «деревенское большинство» въ одинъ голосъ скажетъ: миръ, потому что ему и недоступно было вовсе сознаніе собственнаго позора, тѣмъ не менѣе какая-то дѣтская надежда не покидала горячихъ сторонниковъ войны до крайности и они, если не высказывали, то думали: а все-таки можетъ быть! Такъ трудно не надѣяться, когда хочется надѣяться. На утро 1-го марта, когда вопросъ о войнѣ или мирѣ долженъ былъ быть окончательно разрѣшенъ, напряженное нервное состояніе населенія казалось еще увеличилось, если только это было возможно. Какъ ни велика можетъ быть увѣренность въ томъ, что извѣстное событіе неминуемо совершится, тѣмъ не менѣе, пока оно не совершилось, не превратилось въ фактъ, до тѣхъ поръ все еще шевелится мысль, что можетъ быть и не довершится. Должно быть, люди ужъ такъ созданы!

— Что же вы хотите, говорилъ мнѣ въ это утро одинъ провинціальный журналистъ, мы похожи сегодня на людей, которые стоятъ передъ кроватью умирающаго, когда этотъ умирающій самое дорогое для нихъ лицо въ цѣломъ мірѣ. Доктора давно уже сказали, что надежды нѣтъ, что все кончено, а любящіе люди все-таки не вѣрятъ и думаютъ: кто знаетъ, чтó можетъ случиться; быть можетъ, явится какое-нибудь чудо и умирающій будетъ спасенъ. Но чудо обыкновенно не является и минута смерти наступаетъ. Только тогда въ первый разъ является сознаніе, что все кончено и что ничто въ мірѣ не возвратитъ болѣе жизни. Такъ и мы. «Деревенское большинство» громко сказало вчера, что все кончено, что надѣяться больше не на что, а мы все-таки ждемъ какого-нибудь чуда, которое навѣрно не явится и не спасетъ намъ Франціи. Какъ ни приготовлены мы къ удару, но минута, когда намъ скажутъ: «предварительныя условія мира приняты!» эта минута будетъ ужасная!

Минута эта не заставила себя ждать. Въ двѣнадцать часовъ площадь, по обыкновенію, была уже занята войсками и зала національнаго собранія быстро стала наполняться народомъ.

Если засѣданіе 28-го февраля могло быть названо агоніею, то засѣданіе 1-го марта могло сравниться со смертью. Смерть всегда бываетъ болѣе спокойна, нежели часы агоніи. На долгія времена останется памятнымъ это засѣданіе, которое пройдетъ въ исторію окаймленное черною полосою, какъ вписавшее въ скрижали Франціи стыдъ и позоръ, и вмѣстѣ ненависть и месть. Наружный видъ залы мало чѣмъ отличался отъ того, какимъ онъ былъ наканунѣ. Только дамы всѣ были одѣты въ глубокій трауръ и трибуны были еще болѣе наполнены народомъ, если только это было возможно. Въ залѣ говоръ былъ не такъ шуменъ, всѣ были или, по крайней мѣрѣ, старались казаться сосредоточенными. Нетерпѣніе было не такъ велико, какъ вчера, всѣ сознавали, что неожиданнаго ничего не случится въ этомъ печальномъ засѣданіи. Въ трибунахъ всѣ говорили только о томъ, что Тьеръ наканунѣ вечеромъ всѣмъ бюро сообщалъ депешу отъ Жюля Фавра, который телеграфировалъ, что въ Парижѣ волненіе страшное по случаю приготовленія пруссаковъ войти въ столицу Франціи, что опасаются возстанія и страшной рѣзни и что необходимо поспѣшнымъ вотированіемъ мира предупредить, если возможно, вшествіе въ Парижъ нѣмецкой арміи.

— Тьеръ, слѣдовательно, не совсѣмъ былъ увѣренъ въ томъ, что условія мира будутъ приняты, если онъ велѣлъ себѣ послать такую депешу, — замѣтилъ кто-то изъ тѣхъ, кто хорошо зналъ главу исполнительной власти.

Всѣ стали усаживаться, и только особенно рѣзко выдѣлялась посерединѣ залы фигура Виктора Гюго, который не снималъ съ своей головы кэпи національнаго гвардейца, какъ бы желая этимъ показать, что онъ не хочетъ снимать военнаго костюма, что онъ стоитъ на сторонѣ тѣхъ, которые требуютъ: la guerre à outrance. Какъ вчера, раздался барабанный бой, явился Греви, huissiers прокричали нѣсколько разъ: chapeau bas, messieurs, chapeau bas! и засѣданіе было открыто. На трибуну взошелъ Викторъ Лефранъ, докладчикъ коммиссіи, разсматривавшей проектъ закона, касающійся предварительныхъ мирныхъ условій. Нужно было удивляться одному только, какимъ образомъ человѣкъ, рѣшающійся говорить въ такую минуту, не можетъ отрѣшиться отъ пустого фразерства, отъ театральныхъ криковъ и жестовъ, какъ могъ не сознавать онъ, что комедіантство въ такую минуту унижаетъ его и оскорбляетъ всѣхъ тѣхъ, кто его слушаетъ. Его реторическій докладъ часто прерывался криками негодованія, раздававшимися съ лѣвой, и еще чаще шумными одобреніями правой. Когда онъ произнесъ слова: «l'honneur de la France est sauf dans ce cruel traité»—страшные крики лѣ-

вой: non, non, non! оглушили всю залу. Его докладъ постоянно прерывался словами: je demande la parole, ропотомъ, криками «très bien, très bien», аплодисментами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ правая думала найти уязвленіе республиканцевъ. Когда Лефранъ окончилъ свой докладъ, приглашая вотировать предварительныя условія мира, его слова покрылись дружными аплодисментами «деревенскаго большинства», которое не желало ничего другого. На трибуну взошелъ Кинэ и тихимъ, едва слышнымъ голосомъ произнесъ великолѣпную историко-философскую тираду. «Деревенское большинство» не шипѣло вѣроятно только потому, что вовсе не понимало того, что̀ говорилось знаменитымъ историкомъ.

Можно было уже ожидать въ сущности самаго безцвѣтнаго засѣданія, можно было думать, что какъ для формальности былъ прочитанъ докладъ коммиссіи, такъ ради той же формальности произнесено будетъ нѣсколько рѣчей, и затѣмъ приступятъ къ подачѣ голосовъ, когда на трибуну почти вбѣжалъ уроженецъ Страсбурга Бамбергеръ, умоляя не принимать этого «трактата мира или стыда» и утверждая, что только одинъ человѣкъ могъ подписать этотъ трактатъ, и этотъ человѣкъ Наполеонъ III, «dont le nom restera éternellement cloué à l'infamant pilori de l'histoire», прибавилъ съ большою энергіею Бамбергеръ. Вы знаете ту страшную бурю, которая поднялась изъ-за этихъ словъ, когда одинъ изъ клевретовъ Наполеона вступился за его честь. Трудно себѣ представить, что̀ происходило въ эту минуту въ залѣ національнаго собранія Франціи. Половина залы сидитъ, другая стоитъ; одинъ депутатъ бросается въ одну сторону, другой въ другую; шумъ, смятеніе, хаосъ, негодованіе, которое выражается криками, жестами, всѣми движеніями; предсѣдатель звонитъ въ колокольчикъ, но звонъ теряется въ шумѣ; сотни человѣкъ говорятъ въ одно и тоже время, видно по жестамъ, что люди кричатъ, но что̀—никто конечно не могъ разобрать, однимъ словомъ въ залѣ господствовало такое смятеніе, которое невозможно описать. Едвали это не была единственно честная минута въ жизни національнаго собранія, минута, въ которую оно стояло на высотѣ событій и на высотѣ своего положенія. «Деревенское большинство», какъ это ни кажется поразительно, въ эту минуту, правда единственную, внушало уваженіе; оно чувствовало грязь, которая ложится на него вотированіемъ такого мира и хотѣло нѣсколько смыть ее, бросая ее на Наполеона. Можно исписать двадцать страницъ по поводу этой сцены, и все-таки никто не въ состояніи былъ бы передать такого потрясающаго, величественнаго впечатлѣнія, которое она произво-

дило. Это былъ энтузіазмъ не заказной, энтузіазмъ, который находилъ себѣ громкое эхо въ трибунахъ, принимавшихъ участіе въ этой сценѣ. Зала буквально дрожала. Глядя на это оживленіе, на это негодованіе, можно было вообразить себя не въ національномъ собраніи 1871 года, можно было думать, что попалъ не туда, гдѣ собралась квинтъ-эссенція всего гнилого, что накопилось во Франціи, а среди истинныхъ сыновъ 1789 года. Въ моемъ умѣ невольно рисовалась Assemblée Constituante въ одно изъ ея бурныхъ засѣданій, такъ какъ среди шума, хаоса, смятенія чувствовалась благородная мысль.

— Что съ ними сдѣлалось? обратился ко мнѣ одинъ французъ: вотъ уже голову прозакладывалъ бы, что они неспособны на это, c'est un vrai miracle, добавилъ онъ.

— Кажется, отвѣчалъ я ему, что теперь можно быть увѣреннымъ, что Наполеона, по крайней мѣрѣ, они не призовутъ!

— Ну, я и за это не поручусь! было мнѣ отвѣтомъ.

Въ то время, когда онъ произносилъ эти слова, въ залѣ раздались оглушительные крики: «la déchéance! la déchéance», которые все усиливаются и усиливаются. Наступила наконецъ такая минута, когда всѣ депутаты поднялись съ своихъ мѣстъ, несмотря на усиленный звонокъ президента, и въ залѣ не было слышно ничего, кромѣ страшнаго гула, слагавшагося изъ криковъ: «la déchéance des Bonaparte»! Смятеніе достигло до своего высшаго предѣла. Это была настоящая буря. Президентъ прервалъ засѣданіе, чтобы дать улечься страстямъ, сознавая, что продолженіе засѣданія невозможно. Но перерывъ засѣданія не помогъ успокоиться собранію, и когда черезъ четверть часа засѣданіе возобновилось, можно было убѣдиться, что буря еще не окончилась. Среди этой бури было прочитано мотивированное низложеніе династіи Бонапартовъ, на которое отвѣтило собраніе почти единодушно; всѣ депутаты поднялись съ своихъ мѣстъ и только шесть человѣкъ счетомъ, шесть корсиканцевъ остались на своихъ мѣстахъ и протестовали такимъ образомъ противъ низложенія любезной имъ династіи. Когда эта сцена окончилась, національное собраніе опять быстро вошло въ свою роль и снова на каждомъ шагу заявляло себя тѣмъ реакціоннымъ, тѣмъ презрѣннымъ собраніемъ, которое, побоявшись продолженія внѣшней войны, съ такимъ мужествомъ рѣшилось на кровавую внутреннюю междоусобицу.

Рѣчь Виктора Гюго была какимъ-то голосомъ изъ могилы, или вѣрнѣе, быть можетъ, голосомъ далекаго будущаго, когда на землѣ водворится рай и всюду будетъ господствовать безусловная справедливость. Онъ рубилъ на право и на лѣво, не ща-

дилъ никого и въ дипломатической трибунѣ произвелъ своими нападками на всѣ правительства сильное замѣшательство. Когда онъ произнесъ слова: «dans cette fatale année de conciles et de carnage»—папскій нунцій всталъ съ своего мѣста и, замѣченный всѣми, вышелъ изъ трибуны.

Рѣчь Гюго, этого нельзя было не видѣть, произвела извѣстное впечатлѣніе своею образностью и шириною своихъ политическихъ воззрѣній, но манера говорить, манера держаться поражала, нужно сказать, довольно непріятно. Гюго умышленно или неумышленно, съ участіемъ воли или безъ нея, походилъ на льва, мечущагося въ своей клѣткѣ; то выдвигался онъ впередъ на трибуну, то дѣлалъ шагъ назадъ, скрестивъ руки на груди и оглядывая собраніе свирѣпымъ взоромъ, точно желая всѣхъ уничтожить однимъ своимъ взглядомъ. Характеристичною чертою можетъ служить тотъ протестъ, который громко выразился лѣвою стороною, когда думая, что Гюго, говоря о лѣвомъ берегѣ Рейна, о Майнцѣ и Кобленцѣ, говоритъ о завоеваніи со стороны Франціи.

— Мы протестуемъ, мы не хотимъ завоеваній, намъ ненавистна грубая завоевательная сила! раздалось за разъ въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ. Для того, чтобы быть справедливымъ, нужно сказать, что Гюго вовсе и не думалъ о завоеваніяхъ силою, онъ говорилъ о завоеваніи путемъ республиканскихъ идей, путемъ братства всѣхъ народовъ.

Развѣ не правъ я, скажите, когда говорю, что рѣчь Гюго должна была быть сказана нѣсколько столѣтій спустя.

Сильное впечатлѣніе и на собраніе и на трибуны произвела одна только рѣчь, это рѣчь Луи-Блана, сказанная спокойно и съ большимъ политическимъ смысломъ.

— Какъ онъ выигралъ въ эти двадцать лѣтъ, раздавалось со всѣхъ сторонъ:—онъ никогда въ 1848 году не говорилъ какъ сегодня, онъ сдѣлался ораторомъ.

Но что во всѣхъ этихъ рѣчахъ? всѣ онѣ были, строго говоря, одною формальностью, потому что у «деревенскаго большинства» все было порѣшено впередъ, и никакое убѣжденіе на нихъ не могло бы подѣйствовать. Воскресни самъ Мирабо, онъ оказался бы безсиленъ передъ такимъ собраніемъ. Нѣкоторые изъ сильныхъ людей лѣвой стороны это понимали, и потому не считали вовсе нужнымъ произносить рѣчи, полагая, что всѣ рѣчи въ виду рѣшимости собранія принять даже самый постыдный миръ были бы ничѣмъ инымъ, какъ пустымъ словопреніемъ. Дѣйствительно, еслибы въ эту минуту явился человѣкъ и доказалъ какъ дважды два четыре, что Франція способна продол-

жать съ успѣхомъ войну, эти люди и тогда вотировали бы миръ. До какой степени это «деревенское большинство» смотрѣло на эти рѣчи, какъ на пустую формальность, какъ на требованіе только простого приличія, это видно изъ тѣхъ отвратительныхъ криковъ, которые съ силою раздались послѣ окончанія рѣчи Луи-Блана: la clôture! la clôture? Даже въ эту минуту они не хотѣли выслушать тѣхъ доводовъ, которые представляли имъ честные и убѣжденные люди въ пользу продолженія войны. Они не хотѣли принимать никакихъ доводовъ, у нихъ былъ свой: ненависть къ республикѣ и сознаніе, что только одно истинно-республиканское правительство способно было бы продолжать войну, войну à outrance. Республиканское же правительство представлялось имъ хуже всякаго мира, какъ бы позоренъ онъ ни былъ. У нихъ было утѣшеніе: они избавлялись отъ Гамбетты и республиканцевъ. Нужно было слышать, какой ревъ поднялся въ залѣ, когда Луи-Бланъ въ своей рѣчи упомянулъ о молодомъ министрѣ, создавшемъ чуть не въ нѣсколько дней три арміи! Чѣмъ долѣе длилось засѣданіе, тѣмъ сильнѣе становилось то отвращеніе, которое внушали представители невѣжественной массы. Каждое честное слово прерывалось криками: la clôture, собранію хотѣлось поскорѣе покончить и сдать это дѣло въ архивъ. Напрасно произнесъ Жоржъ, депутатъ тѣхъ французовъ, которыхъ силою дѣлали нѣмцами, короткую, но сильную и пламенную рѣчь, напрасно спрашивалъ Келлеръ, можно ли назвать тотъ миръ, который имъ предлагали, именемъ honnorable, такъ какъ Тьеръ обѣщалъ, что иного мира онъ и не предложитъ, напрасно со слезами, почти съ рыданіями умоляли они собраніе не принимать этихъ условій и не жертвовать лучшими и самыми преданными родинѣ французами, деревенское большинство съ возмутительнымъ цинизмомъ повторяло одно слово: la clôture.

— Oh! des lâches, des lâches! повторялось съ какимъ-то зубовнымъ скрежетомъ въ трибунахъ, но этого слова не слышало «деревенское большинство», а если бы слышало, то оно бы не тронуло ихъ.

— Эти люди безъ совѣсти, безъ чести; что имъ Франція, они готовы погубить ее! говорилось съ отчаяніемъ, съ бѣшенствомъ людьми, у которыхъ глаза были полны слезъ.

И съ этими словами нельзя было не согласиться. Они такъ послѣдовательно шипѣли каждый разъ, какъ раздавалось благородное слово, выражалась честная мысль, что очевидно было, что честность и благородство для нихъ не имѣютъ никакого значенія. Нужно было видѣть, съ какимъ безстыдствомъ рукопле-

скали они Тьеру, когда онъ безсовѣстно увѣрялъ съ трибуны, что условія мира, который онъ привезъ изъ Версаля доказываютъ только одно—это силу Франціи, такъ какъ еслибы Пруссія ея не боялась, то не требовала бы отъ нея такихъ жертвъ! Чего въ этихъ словахъ было больше—тупоумія или цинизма, мудрено отвѣтить. Собраніе рукоплескало, сознавая очевидно, что слова Тьера по меньшей мѣрѣ походили на самую беззастѣнчивую ложь. Отъ такого собранія конечно ничего нельзя было ожидать для будущаго Франціи кромѣ бѣдствій, которыми оно уже наградило и продолжаетъ стараться, чтобы наградить ее ими еще больше. Напрасно задаю я себѣ вопросъ, какими болѣе рельефными, болѣе яркими чертами могъ бы обрисовать вамъ характеръ этого національнаго собранія. Я не умѣю себѣ отвѣтить. Поведеніе собранія обрисовывалось главнымъ образомъ однимъ—это криками «très bien», шумными аплодисментами съ одной стороны, дикимъ ревомъ съ другой, недопущеніемъ каждаго искренняго республиканца выразить то, что онъ хочетъ, подавляя его слова или оглушительнымъ мычаніемъ или начиная требовать: clôture, однимъ словомъ всѣми этими такъ-называемыми парламентскими маневрами. Но нужно знать, чему они аплодировали, чему они шикали, чтобы понять ту ненависть, которую возбудило противъ себя національное собраніе 1871 года.

«Деревенское большинство» съ такимъ азартомъ, съ такою настойчивостью, не давая говорить ни одному оратору, требовало прекращенія преній, что требованіе это должно было быть уважено и президентъ объявилъ, что приступлено будетъ къ подачѣ голосовъ. Аплодисменты и радостные крики: «très bien, très bien», были отвѣтомъ на слова президента, какъ будто бы дѣло шло о вотированіи самаго выгоднаго и почетнаго для Франціи мира. На трибуну поставлены были двѣ урны, и каждый депутатъ долженъ былъ опускать въ нихъ бѣлый или синій билетикъ. Бѣлый, эмблема чистоты и невинности, означалъ: миръ, синій—войну. Если съ чѣмъ-нибудь можно было сравнить эту печальную и длинную процессію депутатовъ, подходившихъ къ урнамъ и опускавшихъ билетики, то только съ погребеніемъ. Точно каждый бросалъ горсть земли на свѣжую могилу, если не всей Франціи, то по крайней мѣрѣ Эльзаса и Лотарингіи. Болѣе часу продолжалось это траурное шествіе къ урнамъ. Большинство разумѣется опускало свой бѣлый билетикъ съ какимъ-то довольнымъ видомъ, точно совершая «развеселое» дѣло, другіе же останавливались на нѣсколько секундъ передъ урнами, точно въ раздумьи, и потомъ съ видимымъ отчаяніемъ, съ болью бросали бѣлый или синій билетикъ. Окончились наконецъ эти

похороны. Сосчитано было число бѣлыхъ и синихъ билетиковъ и президентъ объявилъ, что предварительныя условія мира приняты большинствомъ 546 противъ 107 голосовъ.

Не у одного человѣка въ эту минуту ёкнуло сердце. Заключеніе мира сдѣлалось фактомъ, изъ области предположеній оно перешло въ область дѣйствительности, послѣдняя надежда исчезла, оставалось примириться со всѣмъ случившимся или жить надеждою на будущее, а до тѣхъ поръ ненавидѣть и проклинать. Глубоко опустилась въ этотъ вечеръ ненависть къ врагу, много проклятій обрушилось на національное собраніе, на «деревенское большинство», которому справедливо или несправедливо приписывали стыдъ и позоръ Франціи.

Послѣ того, какъ президентъ національнаго собранія объявилъ, что предварительныя условія мира приняты, на трибуну взошелъ депутатъ Эльзаса Grosjean и растроганнымъ голосомъ прочиталъ декларацію всѣхъ депутатовъ уступленныхъ департаментовъ — Мозеля, Нижняго и Верхняго Рейна, декларацію, въ которой они въ послѣдній разъ протестовали противъ договора, благодаря которому они должны быть отторгнуты отъ ихъ родины и вмѣстѣ объявили, что съ этой минуты ихъ достоинство не позволяетъ имъ болѣе оставаться въ собраніи. «Мы будемъ ждать говорили они, пока возрожденная Франція не откроетъ намъ снова своихъ объятій!» Въ числѣ подписавшихся подъ этою деклараціею депутатовъ былъ и тотъ, который въ продолженіи пяти мѣсяцевъ дѣлалъ все, чтобы не допустить до отторженія двухъ провинцій, и который до послѣдней минуты не переставалъ требовать одного—la guerre à outrance!

Послѣ прочтенія этой деклараціи наступила минута молчанія, полная укора, которая прервана была вопросомъ одного изъ депутатовъ, почему депутаты Эльзаса не хотятъ остаться въ собраніи.

— Вы,—вскрикнулъ Рошфоръ,—вытѣснили ихъ отсюда! Если вы желали, чтобы они оставались, не нужно было вотировать уступку Эльзаса.

Зала стала быстро пустѣть, всѣ расходились въ смущеніи. Драма была сыграна. Занавѣсъ опустился. Такъ кончилось это засѣданіе, которое уже сдѣлалось историческимъ, и такъ вмѣстѣ съ тѣмъ начался тотъ рядъ будущихъ бѣдствій, несчастій и войнъ, осуществленіе которыхъ началось войною между Версалемъ и Парижемъ.

Одна фигура поразила меня въ это памятное засѣданіе 1-го марта, это была фигура Гамбетты, который сидѣлъ неподвижно, не произнося ни одного слова, точно посторонній зри-

тель раздирающей душу трагедіи. Да, что невеселое было то зрѣлище, при которомъ онъ присутствовалъ, въ этомъ можно было убѣдиться, всмотрѣвшись въ выраженіе его лица. Рѣдко приходилось мнѣ видѣть человѣка, во всей фигурѣ котораго выражалась бы такая скорбь, такое страданіе! Неподвижный и молчаливый, онъ походилъ на статую печали, но печали мужественной, сознательной. Онъ не говорилъ, потому что ему нѣчего было говорить въ этомъ собраніи, которое, онъ въ этомъ могъ слишкомъ хорошо убѣдиться, ненавидѣло его, какъ только можно ненавидѣть врага. Его слова «деревенское большинство» заглушило бы ревомъ, какъ оно умѣло заглушать непріятныхъ для него ораторовъ; но еслибы даже онъ заставилъ силою своей могущественной рѣчи слушать себя, то для чего бы онъ сталъ говорить? онъ отлично сознавалъ, что національное собраніе сдѣлаетъ по-своему. Онъ слишкомъ страстно былъ преданъ тому дѣлу освобожденія страны, для котораго въ продолженіи пяти мѣсяцевъ онъ неутомимо работалъ, чтобы тѣшить себя одними словами. Ему нѣчего было больше протестовать противъ отторженія двухъ французскихъ провинцій — вся его дѣятельность была однимъ гигантскимъ протестомъ, что могъ онъ сказать теперь болѣе того, что онъ высказывалъ двадцать разъ, какія болѣе сильныя слова могъ онъ найти для своего протеста, какъ слова: la guerre à outrance! Онъ протестовалъ наконецъ еще разъ, подавая въ отставку вмѣстѣ съ другими депутатами Эльзаса и Лотарингіи, и опустивъ въ урну свой синій билетъ, онъ поспѣшилъ выдти изъ собранія, съ которымъ у него не было ничего общаго. Его общественная дѣятельность, послѣ пяти страшныхъ, мучительныхъ мѣсяцевъ, во время которыхъ онъ каждую минуту готовъ былъ жертвовать собою, теперь прекращается, и надломанный временно горемъ, разрушенными надеждами на спасеніе его родины, съ отчаяніемъ и столь понятнымъ въ такую минуту сомнѣніемъ въ будущности своей страны, онъ уходилъ въ частную жизнь. Исторія, мнѣ кажется, мало знаетъ людей, къ которымъ современники были бы такъ несправедливы, какъ къ Гамбеттѣ, но потомство, исторія, я въ этомъ не сомнѣваюсь, скажетъ то, что сказалъ недавно одинъ изъ представителей народа въ національномъ собраніи о Гамбеттѣ—c'est un grand citoyen, c'est un grand patriote. Исторія скажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, если она будетъ справедлива, что изъ двухъ людей, которые въ тяжелую для Франціи эпоху играли такую видную роль, тотъ, который назвалъ другого именемъ «fou furieux», не достоинъ былъ даже развязать ремня у башмака его.

Ни объ одномъ человѣкѣ мнѣ не приходилось столько разговаривать, ни о комъ мнѣ не приводилось слышать столько споровъ во Франціи, какъ о Гамбеттѣ. Онъ имѣетъ въ странѣ, конечно, много сторонниковъ, но еще больше, спѣшу прибавить, онъ имѣетъ противниковъ. Противники его, главнымъ образомъ, принадлежатъ къ двумъ партіямъ: партіи радикальной и партіи реакціонеровъ. Послѣдніе говорятъ о немъ не иначе, какъ съ пѣною на губахъ; они называютъ его разбойникомъ, воромъ, грабителемъ, однимъ словомъ, нѣтъ во всѣхъ человѣческихъ языкахъ такого браннаго слова, которымъ бы они не обзывали Гамбетту. Если слушать ихъ, можно подумать, что это какое-то исчадіе ада, если только не хуже. Сказать слово въ защиту Гамбетты достаточно для того, чтобы эти люди наговорили вамъ крупныхъ дерзостей. Я очень хорошо помню, какъ, пробираясь однажды изъ Ліона въ разоренный Страсбургъ, я сѣлъ въ вагонъ, въ которомъ было одинъ или двое изъ военныхъ и затѣмъ два какихъ-то старика. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ началъ съ бранью разсказывать о томъ, какъ онъ долженъ былъ пересѣсть изъ двухъ вагоновъ, потому что тамъ сидѣли какіе-то brigands, которые все говорили о Гамбеттѣ и защищали его. Разсказъ его сопровождался такими выходками противъ Гамбетты, что я замѣтилъ, какъ непріятны были слова этого старца другому старику, который сидѣлъ въ углу и ни слова не говорилъ. Мнѣ вчужѣ противна была эта брань, и потому я обратился къ нему со словами:

— Если я не принимаю защиты Гамбетты, прервалъ я его, то только потому, что мнѣ не хочется васъ безпокоить и заставлять искать новаго вагона, въ которомъ вы нашли бы наконецъ людей, раздѣляющихъ вашъ взглядъ на этого самаго замѣчательнаго человѣка настоящей минуты Франціи!

— Comment, comment, monsieur, vous aussi vous defendez ce brigand?

— Я могу утѣшаться только тѣмъ, возражалъ я, что если я имѣю несчастье расходиться съ вами, и такимъ образомъ ошибаться, то я по крайней мѣрѣ ошибаюсь не одинъ, ошибается почти вся передовая Европа, которая смотритъ на вашего «разбойника», какъ на замѣчательнаго человѣка.

— Тѣмъ хуже для этой передовой Европы!

— Но вы согласитесь по крайней мѣрѣ въ томъ, что тѣмъ лучше для чести Франціи!

Разговоръ завязался. Всѣ аргументы подобныхъ людей сводились къ тому, что Гамбетта погубилъ Францію, что онъ не думалъ о ея спасеніи, а только о республикѣ; что всюду онъ

насадилъ республиканцевъ и прогонялъ людей другихъ партій, что если даже не онъ самъ виновенъ въ грабежѣ, то виновны тѣ, которыми онъ окружалъ себя, а слѣдовательно рикошетомъ и онъ; что это интриганъ, человѣкъ тщеславный, который желалъ быть диктаторомъ и что если онъ требовалъ войны à outrance, то только для того, чтобы продолжать свою диктатуру, и т. д., и т. д. Спорить было просто невозможно; когда случалось возражать, говоря, что онъ вовсе не насадилъ всюду республиканцевъ, что онъ позабывалъ о партіяхъ и въ доказательство приводить примѣры Шаретта, Кателино — этихъ генераловъ открытаго легитимизма и клерикализма, Бурбаки — генерала бонапартовскаго порядка, Шанзи — генерала, приверженнаго орлеанамъ, на все это вы получали въ отвѣтъ: ce sont des exceptions, ce sont des exceptions! и на первый планъ выставляли другого разбойника—Гарибальди, которому онъ поручилъ начальство. Васъ не слушали, когда вы говорили, что если въ чемъ-нибудь виноватъ Гамбетта, то именно въ томъ, что онъ не оказалъ достаточной поддержки итальянскому герою, явившемуся на помощь Франціи, и отвѣчали, что Гамбетта долженъ былъ не давать ему начальства, а схватить и отправить въ Италію, если только не разстрѣлять его на мѣстѣ. Напрасно было точно также возражать, что все, что говорили о приближенныхъ Гамбетты, будто бы виновныхъ въ присвоеніи громадныхъ суммъ, все это одна клевета, которая должна была пасть даже среди реакціоннаго національнаго собранія, какъ только эта клевета попробовала назвать по имени одного изъ близкихъ людей Гамбетты.

Разсужденія, примѣры, факты, доказательства не убѣждали этихъ людей, которые всѣ, какъ тотъ старикъ, съ которымъ я встрѣтился въ вагонѣ, повторяли: c'est un brigand, c'est un ambitieux, c'est un «fou furieux». Когда старецъ этотъ вышелъ изъ вагона, ко мнѣ обратился другой старикъ, сидѣвшій молчаливо, и сказалъ:

— Я съ большимъ интересомъ слѣдилъ за вашимъ разговоромъ и былъ какъ нельзя болѣе радъ, что вы вступились за Гамбетту. Мнѣ все это такъ надоѣло, что я уже рѣшился не отвѣчать. Быть можетъ, я не спорю, прибавилъ онъ, Гамбетта и надѣлалъ ошибокъ, но тѣмъ не менѣе это единственный человѣкъ, который обнаружилъ истинную силу.

Говоря эти слова, старикъ подалъ мнѣ свою карточку, пожимая мнѣ руку. На карточкѣ я прочелъ имя: Jean Dollfus, maire de Mulhouse, т.-е. имя, пользующееся во Франціи большою популярностью, которая еще увеличилась вслѣдствіе его пове-

денія по отношенію къ пруссакамъ, наложившихъ на Мюльгаузъ тяжелую контрибуцію. Этому почтенному старику принадлежитъ честь устройства такъ-называемыхъ cités ouvrières.

Обвиненія, падавшія на Гамбетту со стороны крайняго радикальнаго лагеря, если и были болѣе серьезны, что̀ еще не много, то во всякомъ случаѣ не такого рода, которыя давали бы право относиться къ нему съ тѣмъ недовѣріемъ, съ которымъ относилась къ нему радикальная партія. Всѣ эти обвиненія, которыя мнѣ пришлось выслушивать столько разъ, можно кажется свести къ слѣдующему: Гамбетта виновенъ въ нерѣшительности, съ которою онъ дѣйствовалъ будучи еще въ Парижѣ въ послѣдніе дни до 4-го сентября, когда къ нему являлись различныя депутаціи съ просьбою дать имъ позволеніе поставить его во главѣ возстанія, и затѣмъ въ первые дни послѣ 4-го сентября, когда ему предлагали сдѣлаться главою правительства, смѣнить то, которое составилось, и образовать новое изъ элементовъ болѣе энергическихъ, болѣе ярко-республиканскихъ. На всѣ эти предложенія Гамбетта отвѣчалъ: «господа, вы предлагаете мнѣ совершить почти что coup d'état и сдѣлаться если не совсѣмъ, то почти диктаторомъ. На это я несогласенъ и никогда не пойду». Объ этомъ отвѣтѣ мнѣ приходилось слышать отъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя были у него въ качествѣ депутатовъ.

Затѣмъ другое обвиненіе, которое формулировалось крайнею радикальною партіею, состоитъ въ томъ, что тогда уже, когда Гамбетта вылетѣлъ на воздушномъ шарѣ изъ Парижа и явился въ провинціи, онъ не захотѣлъ вступить на тотъ единственный путь, какъ думала эта партія, который былъ возможенъ для спасенія страны—путь рѣшительной революціи. Гамбетта, по ихъ словамъ, долженъ былъ всюду назначить республиканцевъ, разослать коммиссаровъ съ обширнымъ полномочіемъ, въ то время, когда вмѣсто этого онъ входилъ во всевозможные компромиссы съ легитимистами, орлеанистами и даже чуть не бонапартистами. Однимъ словомъ, обвиняютъ его за прямо противоположное тому, за что обвиняютъ Гамбетту люди противоположнаго лагеря. Наконецъ еще обвиненіе, которое выставляется противъ него, заключается въ томъ, что въ самую рѣшительную минуту, когда вопросъ шелъ о томъ, чтобы быть или не быть, у него не хватило энергіи приказать арестовать Жюля Симона, когда онъ явился въ Бордо объявить, что онъ не признаетъ заключеннаго перемирія, провозгласить себя диктаторомъ и декретировать la levée en masse.

Всѣ эти обвиненія такого рода, что, мнѣ кажется, онѣ по

крайней мѣрѣ служатъ гораздо скорѣе къ чести Гамбетты, нежели на оборотъ.

Что Гамбетта не назначалъ на высшія мѣста однихъ республиканцевъ, что онъ выбиралъ способныхъ людей изъ всѣхъ лагерей, это не подлежитъ сомнѣнію; я приводилъ уже доказательства тому. Но что же это доказываетъ? Это доказываетъ только одно, что въ страшную минуту, въ которую Гамбетта увидѣлъ себя на вышинѣ власти, онъ заботился только объ одномъ—о спасеніи Франціи, онъ разсчитывалъ на патріотизмъ всѣхъ французовъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали, и конечно не его вина, если онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ на патріотизмъ французовъ. Для него во время войны Франція была дѣйствительно на первомъ планѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что торжество Франціи будетъ и торжествомъ республики и на оборотъ, и потому республиканцамъ нечего жаловаться, если онъ желалъ спасти Францію, дать ей торжество, употребляя всѣ средства, пользуясь всѣми людьми безъ различія въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Что касается до другого обвиненія, въ недостаткѣ энергіи, чтобы сдѣлаться въ рѣшительную минуту диктаторомъ, то если и можно жалѣть, что онъ не сдѣлался имъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ, быть можетъ, Франціи не пришлось бы испытать всѣхъ бѣдствій послѣдняго времени, то во всякомъ случаѣ обвинять Гамбетту за то, что онъ не сдѣлался диктаторомъ, какъ-то не очень идетъ крайнимъ радикаламъ. Гамбетта видѣлъ на исторіи Франціи, что никогда диктатура не приводила къ добру; онъ боялся ея, быть можетъ усомнился даже въ своихъ собственныхъ силахъ, чтобы принять такую тяжелую отвѣтственность, и потому тотъ самый фактъ, что онъ не принялъ диктатуры, долженъ быть поставленъ въ заслугу Гамбеттѣ, хотя можетъ быть онъ и ошибался, хотя быть можетъ его диктатура измѣнила бы къ лучшему ходъ событій. Исторія скажетъ: этотъ человѣкъ имѣлъ полную возможность сдѣлаться диктаторомъ и не сдѣлался имъ по собственной волѣ — хвала ему!

Одно обвиненіе, болѣе справедливое, должно быть дѣйствительно поставлено въ вину Гамбеттѣ — это его поведеніе въ законодательномъ корпусѣ въ первые дни войны. Его требованіе, чтобы рабочее населеніе, возставшее въ нѣкоторыхъ кварталахъ еще до 4-го сентября, было примѣрно наказано, его любезность по отношенію къ китайскому генералу Паликао — это такіе факты, которые, безъ сомнѣнія, не могутъ служить къ чести Гамбетты; но спрашивается, можно ли въ виду всего того, что онъ сдѣлалъ впослѣдствіи, въ виду его дѣйствительно громадныхъ заслугъ передъ отечествомъ, можно ли строго нападать за нихъ на

Гамбетту и не должны ли они быть отпущены ему за его неутомимую и поразительную энергію въ дѣлѣ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ?

Нужно все-таки сказать, что какъ ни нападаютъ на него крайніе радикалы, тѣмъ не менѣе нападки эти далеко не имѣютъ такого безсмысленнаго характера, какъ нападки людей имъ противоположныхъ. Тѣ называютъ его разбойникомъ, эти не отрицаютъ въ немъ все-таки извѣстныхъ заслугъ, не отрицаютъ, что онъ все-таки что-нибудь да сдѣлалъ для спасенія Франціи, и обвиняютъ только за то, что онъ не сдѣлалъ больше. Въ ихъ нападеніяхъ на Гамбетту видно, собственно говоря, то уваженіе, которое они внутри питаютъ къ нему, потому что постоянно въ ихъ разговорахъ прорываются такія слова:

— Развѣ Сенъ-Жюстъ дѣйствовалъ бы такимъ образомъ!

— Развѣ Дантонъ когда-нибудь рѣшился бы такъ поступить!

Но отъ того только, что человѣкъ не Сенъ-Жюстъ и не Дантонъ еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ не оказалъ громадныхъ услугъ своему отечеству. Нельзя не сказать, что среди французовъ, да впрочемъ какъ и среди всѣхъ почти націй, успѣхъ къ сожалѣнію играетъ слишкомъ большую роль. Въ Гамбетту бросаютъ грязью, потому что его дѣятельность не увѣнчалась успѣхомъ; онъ превратился бы въ бога, еслибы нѣмцы были изгнаны изъ Франціи.

Правда, тогда было бы меньше другимъ богомъ—богомъ Бисмаркомъ, такъ какъ это божество не было бы видно изъ-за грязи, которая была бы брошена въ него со всѣхъ сторонъ.

Не было бы человѣка, который не простилъ бы Гамбеттѣ диктатуру, неуспѣха же никто не можетъ простить. Но что крайніе радикалы знаютъ цѣну этому человѣку, можно было видѣть изъ каждаго разговора, такъ какъ всегда разговоръ оканчивался словами: «après tout, это единственный человѣкъ, который что-нибудь да сдѣлалъ, создалъ арміи; бѣда только въ томъ, что онъ не шелъ достаточно революціоннымъ путемъ, отталкивалъ отъ себя истинныхъ республиканцевъ и окружалъ себя дурно, не имѣлъ хорошихъ помощниковъ».

Нерасположеніе крайней партіи заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что Гамбетта никогда не высказывался въ соціальномъ вопросѣ, такъ что всѣ оставались въ нерѣшительности что̀ о немъ думать: что онъ за человѣкъ, республиканецъ ли, соціалистъ или просто искренній и рѣшительный республиканецъ?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы Гамбетта затронулъ экономическую жилку народа и показалъ ему въ будущемъ экономическія выгоды вслѣдствіе изгнанія пруссаковъ и прочнаго

установленія республики, тогда сельская масса не относилась бы такъ индифферентно къ войнѣ и ее можно было бы поднять на ноги. Онъ этого не сдѣлалъ, онъ не прогналъ пруссаковъ, онъ не установилъ настоящую республику, онъ даже не сдѣлался диктаторомъ; какъ же не обвинять его въ гибели Франціи! Сказать ли: мнѣ даже приходилось слышать обвиненія, зачѣмъ онъ не бросился въ одно изъ сраженій и не подставилъ своей груди подъ пулю!

До какой степени Гамбетта обладаетъ обаятельною силою, до какой степени онъ умѣетъ привлекать къ себѣ людей, я могъ замѣтить изъ того, что почти всякій разговоръ о Гамбеттѣ, въ которомъ на него взваливали самыя тяжкія обвиненія, оканчивался такимъ образомъ:

— Не думайте однако, слышалъ я отъ моего собесѣдника, чтобъ я не любилъ лично Гамбетту; нѣтъ, я люблю быть съ нимъ, люблю разговаривать, слушать его, но это не мѣшаетъ мнѣ только находить, что онъ сдѣлалъ Франціи много вреда! Впрочемъ, мы посмотримъ еще, какъ онъ будетъ вести себя въ будущемъ, потому что я увѣренъ, что онъ еще выплыветъ наружу.

Это увѣреніе въ любви къ Гамбеттѣ, какъ и выраженіе увѣренности, что онъ будетъ еще играть большую роль въ будущемъ, мнѣ приходилось слышать часто и очень часто. Я хорошо помню, какъ одинъ изъ депутатовъ крайней лѣвой заставилъ меня разсмѣяться, когда послѣ длинной филиппики противъ Гамбетты и всѣхъ его дѣйствій, онъ вдругъ остановился и почти съ злостью сказалъ:

— Но странное дѣло! вы видите, какъ я отношусь къ Гамбеттѣ: я имѣю о немъ самое опредѣлившееся мнѣніе, которое ничто не въ состояніи измѣнить, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разъ, что я выхожу отъ этого человѣка, каждый разъ я измѣняю о немъ свое мнѣніе и мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, нѣсколько часовъ, чтобы опять придти въ себя и возвратиться къ тому, что я думалъ прежде. Меня это приводило нѣсколько разъ просто въ бѣшенство, я давалъ себѣ слово, что это больше не повторится, отправляясь къ нему, и снова тоже самое. Cet homme a quelque chose de diabolique, добавлялъ ненавистникъ Гамбетты.

Когда я сталъ смѣяться, онъ остановилъ меня и сказалъ полусерьезно, полушутя:

— Вы знаете, этимъ же самымъ качествомъ, этимъ талантомъ располагать къ себѣ, притягивать, очаровывать, обладалъ также, по крайней мѣрѣ такъ говорятъ, Луи-Наполеонъ. Я потому, можетъ быть, такъ и не довѣряю Гамбеттѣ!

— Да, вѣдь вы же сами обвиняете его, возражалъ я ему

шутя, за то, что онъ не сдѣлался диктаторомъ, слѣдовательно съ этой стороны уже нѣтъ опасности.

„— Сегодня нѣтъ, а кто знаетъ, что̀ будетъ завтра! Во Франціи, добавилъ онъ, нужно всего опасаться.

Какъ обаятельно дѣйствовали слова Гамбетты, я могъ самъ въ этомъ убѣдиться на другой день послѣ принятія предварительныхъ условій мира. Какъ разъ въ этотъ самый день, или наканунѣ, въ Бордо скончался одинъ изъ депутатовъ Эльзаса, Кюссъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ мэромъ Страсбурга. Въ 8 часовъ утра назначенъ былъ выносъ тѣла на станцію желѣзной дороги, откуда тѣло отправляли въ его родной городъ Страсбургъ. Смерть этого депутата очевидно должна была послужить предлогомъ для того, чтобы еще разъ громко заявить протестъ противъ отторженія двухъ провинцій и противъ того національнаго собранія, которое освятило это отторженіе своимъ согласіемъ. Множество народу, вся почти лѣвая сторона національнаго собранія принимали участіе въ процессіи. Вдоль всей длинной дороги, по которой тянулась эта процессія, стояла шпалерами національная гвардія Бордо. Когда мы достигли до двора желѣзной дороги, колесница съ гробомъ покойника остановилась передъ лѣстницею, на самомъ верху которой толпа увидѣла черезъ минуту величавую фигуру Гамбетты. Лишь только онъ сталъ передъ гробомъ, наступила въ ту же секунду такая мертвая тишина, что можно было подумать, что вся эта толпа провалилась сквозь землю.

Фигуру Гамбетты нельзя назвать иначе, какъ величавою. Высокій ростомъ, довольно полный, съ широкою грудью и плечами, большая голова съ длинными откинутыми назадъ черными волосами и самое выразительное лицо, которое можно себѣ только представить — такова внѣшность Гамбетты. Смуглый цвѣтъ лица, черные блестящіе глаза, изъ которыхъ одинъ постоянно прищуренъ, черная какъ смоль борода, сросшіяся и нѣсколько нахмуренныя брови придавали его физіономіи извѣстную суровость и рѣшительность. Если не такъ трудно описать его внѣшность, за то передать то впечатлѣніе, которое производитъ его слово, его рѣчь, едвали даже возможно. Могущество его рѣчи просто поразительно, я не только нигдѣ и никогда не слышалъ ничего подобнаго, но никогда я не могъ себѣ представить, чтобы слово могло имѣть такую необыкновенную силу. Съ кѣмъ можно его сравнить? Мнѣ приходилось слышать Гладстона, Жюля Фавра, Дизраэли, Брайта, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ ораторовъ; но все это не идетъ даже для сравненія, никого я не могу поставить въ параллель, ничто не идетъ въ уровень, это нѣчто совершенно особенное, о чемъ, не слышавъ Гамбетту,

трудно даже составить себѣ понятіе. Сравненій, мнѣ кажется, слѣдуетъ искать въ исторіи и припоминая то, чтò приходилось читать о впечатлѣніи, которое производилъ своими рѣчами Мирабо, мнѣ кажется нужно назвать именно это имя, чтобы поставить его рядомъ съ именемъ Гамбетты.

Голосовыя средства огромныя. Голосъ сильный, звучный, симпатичный. Рѣчь его плавная, образная, страстная и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько въ ней простоты, что она должна производить дѣйствіе на людей совершенно различныхъ по развитію, по образованію, по возрасту. Никогда такъ ясно я не могъ представить себѣ то, чтò называется народнымъ ораторомъ, трибуномъ, какъ послѣ того, что я услышалъ Гамбетту. Это народный трибунъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ вкрадывается въ вашу душу, онъ приковываетъ ваше вниманіе и не даетъ вамъ перевести дыханіе, онъ рѣшительно овладѣваетъ вами. Его могущественное слово сопровождается необыкновенно выразительными жестами, которые дополняютъ его мысль, придаютъ энергію его рѣчи. Когда онъ говоритъ, кажется, что онъ говоритъ всѣмъ существомъ своимъ, до того вся его фигура живетъ въ это время. Слово его такъ сильно, что оно поминутно бросаетъ васъ изъ жара въ дрожь; что при этомъ дѣйствуетъ на васъ, дѣйствуетъ ли мысль, которую онъ высказываетъ, поражаетъ ли васъ эта блестящая форма, увлеченіе, страстность, которая дышетъ въ его словахъ—право, я не въ состояніи опредѣлить. Вѣроятнѣе всего, что все вмѣстѣ. Рѣчь его, несмотря на стоявшій передъ нимъ гробъ, постоянно прерывалась какими-то лихорадочными возгласами, криками «vive la République!» Очевидно, что вся слушавшая его толпа народа совершенно забыла даже тотъ поводъ, который далъ ему возможность говорить. Это былъ самый страстный, самый энергическій громовой протестъ противъ мира, противъ отторженій двухъ провинцій, это было проклятіе, брошенное во всѣхъ тѣхъ, которые злоумышляютъ противъ республики, это была какая-то анаѳема всѣмъ тѣмъ, которые стремятся свергнуть ее и снова возстановить ту или другую монархію. Съ какою-то нечеловѣческою силою произнесъ онъ свои послѣднія слова о томъ, что покойный не увидитъ, по крайней мѣрѣ, закрѣпленнаго позора его родины, точно звонъ двадцати колоколовъ раздались его послѣднія слова: il entre mort dans sa patrie mourante! Нѣсколько секундъ длилось еще всеобщее молчаніе послѣ того, что онъ заключилъ свою рѣчь; видимо вся толпа была поглощена тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвела его блестящая импровизація.

Его слушали женщины, старики, юноши, мужи и все это не

могло удержаться отъ слезъ; въ какую сторону я ни обращалъ вниманіе, вездѣ я видѣлъ воспламененныя лица, вездѣ я видѣлъ слезы. Тѣ, которые, идя за гробомъ, говорили мнѣ противъ Гамбетты, клали передъ нимъ оружіе и говорили:

— Когда онъ говоритъ, нѣтъ возможности устоять противъ него, нѣтъ возможности не подчиниться его вліянію.

Послѣ того, какъ я слышалъ Гамбетту, я перестала удивляться тѣмъ разсказамъ, которые передавали мнѣ даже его недруги.

— Бороться на выборахъ противъ Гамбетты—это просто безуміе! говорилъ мнѣ одинъ изъ его политическихъ противниковъ. Вы можете сколько вамъ угодно возбуждать противъ него, вы можете употреблять какія угодно средства, вы думаете, наконецъ, что вы достигли вашей цѣли и по крайней мѣрѣ извѣстная группа людей будетъ подавать голоса противъ него—ничуть не бывало. Если онъ самъ не явится, будутъ вотировать противъ, но если только онъ покажется на полчаса въ избирательное собраніе, вы можете быть увѣрены, что все собраніе подастъ голосъ, какъ одинъ человѣкъ, за Гамбетту. Его слово имѣетъ просто непреодолимую силу!

Я не могъ точно также не вѣрить тому, что разсказывалъ мнѣ одинъ изъ депутатовъ о поведеніи Гамбетты въ Ліонѣ и среди армій. Разсказы эти интересны, такъ какъ они лучше всякихъ словъ говорятъ о той силѣ впечатлѣнія, которое производили его рѣчи.

Гамбетта пріѣзжаетъ въ Ліонъ. Въ Ліонѣ идетъ борьба изъ-за краснаго знамени. Болѣе консервативный элементъ настаиваетъ, требуетъ, чтобы трехцвѣтное знамя замѣнило красное. Радикальная партія не уступаетъ. Въ одномъ изъ театровъ собирается митингъ умѣренной партіи, требующій трехцвѣтнаго знамени. Гамбетта является, говоритъ цѣлый часъ. Толпа выходитъ изъ театровъ съ криками: «vive le drapeau rouge»! и такимъ образомъ устанавливается соглашеніе между двумя лагерями.

Впечатлѣніе, которое производилъ онъ на арміи, было поразительное. Нѣсколько разъ Шанзи просилъ Гамбетту пріѣхать въ лагерь. Гамбетта являлся среди солдатъ въ ботфортахъ, въ застегнутомъ наглухо сюртукѣ, въ маленькой круглой шапочкѣ, придавая себѣ такимъ образомъ болѣе воинственный видъ.

Онъ объѣзжалъ на лошади различныя группы и тѣ, которые были недовольны, вялы, которые чуть не вчера отказывались драться, послѣ его рѣчи воодушевлялись и шли смѣло на бой. Разсказываютъ, что отправившись въ армію Шанзи тотчасъ послѣ какого-то сраженія, онъ встрѣтилъ на дорогѣ нѣсколько тысячъ

бѣглецовъ. Онъ останавливалъ ихъ крикомъ: «citoyens soldats! que faites vous!» затѣмъ слѣдовала страстная рѣчь объ ихъ родинѣ, объ обязанности защищать ее, о позорѣ бѣжать съ поля сраженія и т. д., и т. д. Нѣсколько тысячъ человѣкъ возвратились въ армію.

Послѣ похоронъ страсбургскаго мэра, Гамбетта пришелъ въ республиканскій клубъ, гдѣ въ продолженіи двухъ часовъ онъ не переставалъ говорить. Онъ мрачно смотрѣлъ па будущее Франціи, говоря, что такое національное собраніе, если оно не будетъ распущено, можетъ быть источникомъ страшныхъ несчастій. «Это самое дурное изъ всѣхъ собраній, которыя собирались съ 1815 года, не исключая и законодательнаго корпуса второй имперіи, говорилъ онъ; если оно съ чѣмъ-нибудь можетъ сравниться, то только съ палатой 1815 года». Эта палата 1815 года, явившаяся немедленно послѣ ста дней, была самая реакціонная, которую только возможно себѣ представить, реакціонная до того, что самъ Лудовикъ XVIII назвалъ ее la Chambre introuvable. Національное собраніе 1871 года совершенно оправдываетъ Гамбетту въ его знаменитомъ избирательномъ декретѣ, и можно только пожалѣть, что этотъ декретъ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ въ такомъ случаѣ Франція, безъ сомнѣнія, послала бы нѣсколько иныхъ представителей, Онъ отлично понималъ, каково будетъ то національное собраніе, которое будетъ избрано подъ вліяніемъ грозныхъ побѣдъ нѣмецкихъ войскъ и рокового паденія Парижа; онъ понималъ, что для того, чтобы собраніе не вышло реакціонное и готовое подписать какой угодно постыдный миръ, необходимо, чтобы избирательное право было нѣсколько ограничено и чтобы въ собраніе не могли войти люди гнилые, продажные. Онъ точно предчувствовалъ, каково будетъ это собраніе, когда въ воззваніи 31-го января говорилъ: «вмѣсто реакціонной и низкой палаты, о которой мечтаетъ чужеземецъ, изберемъ собраніе дѣйствительно національное и республиканское....»

Гамбетта въ тотъ же день уѣзжалъ изъ Бордо на югъ Франціи, именно въ Кагоръ, къ себѣ на родину, уѣзжалъ почти съ отчаяніемъ и сознаніемъ, что ему нечего болѣе оставаться, что для него нѣтъ мѣста въ данную минуту политической жизни Франціи, что его враги одинаково какъ и тѣ, которыхъ онъ считалъ своими—всѣ противъ него. Измученный, больной сходилъ этотъ «диктаторъ», какъ его называли, съ политической сцены, послѣ пяти мѣсяцевъ изумительной дѣятельности, которая доказала его гигантскую энергію, его безпредѣльную любовь къ родинѣ, его самоотверженіе и замѣчательный талантъ, какъ

организатора. Онъ сходилъ съ поприща, преслѣдуемый всѣми партіями, наживъ себѣ множество враговъ, но уходилъ съ сознаніемъ, что честно выполнилъ свой долгъ. Для блага Франціи нужно надѣяться только на то, что этотъ замѣчательный человѣкъ, который одиноко стоитъ въ этой несчастной эпохѣ—войны съ Германіею, снова выйдетъ скоро на политическое поприще и займетъ въ управленіи страною ту видную роль, которая принадлежитъ ему по праву. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ исторія съ уваженіемъ произнесетъ имя Гамбетты и потомство помѣститъ его въ пантеонъ замѣчательныхъ людей Франціи, на зло тѣмъ современникамъ, которые величаютъ его именемъ разбойника или fou furieux.

Не одинъ Гамбетта покидалъ Бордо. Послѣ засѣданія 1-го марта, когда вотированы были предварительныя условія мира, все какъ-то вдругъ опустѣло, замерло, на всю жизнь наложенъ былъ трауръ. Газеты, даже и тѣ появились на другой день съ черною каймою и съ надгробнымъ словомъ надъ старою Франціею. Переломъ совершился, казалось, должна начаться новая жизнь; но прежде, чѣмъ новое родится, Франціи предстоитъ перенести, и это многіе сознавали и высказывали, тяжелые роды. Мудрено передать то отчаяніе, которое охватило искреннихъ республиканцевъ.

— Всѣ наши надежды, говорили они, рушились. Въ будущее страшно и взглянуть. Впереди темная, мрачная ночь, никто не можетъ сказать, когда мы выберемся изъ этой мглы, когда наступитъ для насъ свѣтлый день. Если республика не утвердится, Франція можетъ погибнуть навсегда. Народъ по прежнему оставятъ коснѣть въ невѣжествѣ, поддерживаемомъ католицизмомъ, и по прежнему онъ будетъ налагать на себя руку, вотируя за своихъ враговъ. Одна республика можетъ дать ему то развитіе, то образованіе, то нравственное благосостояніе, которое одно обезпечиваетъ матеріальное благосостояніе народа!

Какъ забыть тѣ тяжелыя минуты, которыя переживала при мнѣ Франція, когда честные люди съ чувствомъ невыразимой боли говорили:

— Нѣтъ, бѣжать надо отсюда, бѣжать. Уѣхать въ Америку и забыть родную страну, преданную позору и поруганію. Всѣ планы на будущее разбиты; что мнѣ дѣлать съ дѣтьми, которыхъ я всегда до сихъ поръ училъ ненавидѣть войну, любить всѣ народы, въ которыхъ я такъ тщательно старался погашать чувство ревнивой національности. Я имъ долженъ сказать теперь: забудьте все, чему я училъ васъ до сихъ поръ, любите войну, умѣйте ненавидѣть другіе народы, однимъ словомъ, я долженъ

воспитывать ихъ въ жаждѣ мести и непримиримой ненависти къ врагу, который отрѣзалъ у насъ наши лучшія части. До тѣхъ поръ, пока Франція не возвратитъ себѣ отнятой у нея части Франціи, до тѣхъ поръ спокойствіе въ нашей странѣ будетъ жалкою иллюзіею!

Грустно было слышать подобныя рѣчи, а слышать ихъ приходилось часто, слишкомъ часто. Тоска начинала томить въ Бордо, нужно было бѣжать отсюда. Я вошелъ еще два, три раза въ національное собраніе, которое съ каждымъ разомъ производило все болѣе отталкивающее впечатлѣніе. Собраніе видимо разлагалось; лучшіе люди покидали собраніе, подавали въ отставку, не считая возможнымъ или, вѣрнѣе, считая безплоднымъ, безполезнымъ и даже вреднымъ оставаться въ этой гнилой атмосферѣ, гдѣ все дышало ненавистью къ республикѣ и реакціею. Одинъ депутатъ за другимъ подавалъ въ отставку, монархическое большинство съ цинизмомъ кричало имъ вслѣдъ: «bon voyage». Становилось холодно и страшно. Реакція усиливалась не по днямъ, а по часамъ. Всякое пустое слово вызывало цѣлую бурю негодованія. Въ національномъ собраніи французской республики нельзя уже было, не вызывая воя и рева, произносить нѣкоторыя слова, на которыя «палачи республики» наложили свое veto. Къ такимъ словамъ относились: citoyen, démocratie, и даже république. Самыя грустныя думы приходили въ голову, поднимались самыя мрачныя предчувствія и опасенія. Въ Бордо дѣлать было больше нечего, нужно было уѣзжать. Неохотно прощался я съ моими друзьями. Я не спрашивалъ ихъ, когда мы увидимся снова, я зналъ, что тяжело для нихъ будетъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я зналъ, что не съумѣютъ они на него отвѣтить, потому что всѣ они сознавали, что они живутъ на вулканической почвѣ, которая каждый день можетъ залить ихъ раскаленною лавою. Печально пожали они мою руку, еще печальнѣе тихо произнесли: au revoir, и въ этомъ словѣ выражалось столько сомнѣній, столько недосказаннаго, такое проклятое раздумье, что жутко становилось отъ одного этого слова.

— Какая трагедія, какая страшная трагедія разыгрывается въ этой странѣ, невольно думалось мнѣ, когда я усѣлся въ вагонъ и поѣздъ нашъ тронулся, направляясь въ Парижъ. Мысль эта еще сильнѣе преслѣдовала меня, когда проѣзжая по мѣстностямъ, гдѣ происходили кровавыя битвы, я встрѣчалъ вокругъ себя вездѣ и всюду только одно—неимовѣрное разоренье.

Евг. Утинъ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1860—1870 гг.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ *).

I.

Приступая къ разсмотрѣнію реформъ административныхъ, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, на что́ мы думаемъ обратить вниманіе нашихъ читателей. Ни время, ни предѣлы журнальныхъ статей не позволяютъ намъ разсматривать всѣхъ вообще законоположеній, состоявшихся въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ и имѣющихъ въ виду администрацію имперіи. Несмотря на то, что сближеніе нѣкоторыхъ даже и не крупныхъ законоположеній могло бы представить много любопытнаго и поучительнаго для характеристики нашего преобразовательнаго періода, мы однакожъ не можемъ взяться за такой громадный трудъ. На этомъ основаніи мы не будемъ говорить о тѣхъ перемѣнахъ, которыя сдѣланы въ центральномъ управленіи, вполнѣ сознавая, что въ настоящее время значительныя измѣненія здѣсь невозможны; направленіе дѣятельности центральныхъ органовъ власти имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ самые законы о ихъ организаціи, предметахъ вѣдомства и предѣлахъ власти[1]); а такъ какъ направленіе дѣятельности зависитъ отъ взглядовъ и убѣжденій лицъ, стоящихъ во главѣ управленій, то выборъ ихъ и получаетъ здѣсь преимущественное значеніе, что́ однакоже не можетъ быть предметомъ нашихъ статей. Мы не будемъ также говорить о тѣхъ положеніяхъ, которыя имѣютъ въ виду организацію отдѣльныхъ

---

*) См. выше: февр. 778; март. 332; апр. 771; май 386; іюнь 812 стр.

[1]) Мы говоримъ это не вообще, а въ примѣненіи къ порядкамъ, существующимъ у насъ въ настоящее время.

управленій, а ограничимся только тѣми мѣстными реформами, на которыхъ сосредоточено общее вниманіе, т.-е., въ которыхъ заинтересовано или все общество или значительная его часть. Сюда относятся: административная часть крестьянской реформы, полицейская реформа, земское положеніе, городовое положеніе и наконецъ законъ о печати.

Но прежде, нежели мы приступимъ къ разсмотрѣнію каждой изъ этихъ реформъ въ отдѣльности, намъ необходимо оглянуться на точку отправленія, т.-е. на то положеніе, въ которомъ находилось мѣстное управленіе губерній до начала реформъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что только изъ сравненія предыдущаго съ послѣдующимъ читатель можетъ уяснить себѣ, насколько вслѣдствіе совершенныхъ реформъ мы подвинулись впередъ въ дѣлѣ развитія нашихъ общественныхъ учрежденій. Мы убѣждены въ томъ, что многіе изъ нашихъ читателей незнакомы съ тѣми порядками, которые существовали до реформы или потому, что эти порядки существовали во время ихъ юности, или потому, что въ эти времена жили спустя рукава и не заботились знакомиться ни съ своими правами, ни съ своими обязанностями.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что въ нашей внутренней политикѣ до послѣдняго времени господствуетъ стремленіе къ системѣ административной централизаціи. Насколько это стремленіе ослаблено послѣдними реформами, мы увидимъ впослѣдствіи, но что оно до сихъ поръ остается въ силѣ, это кажется не требуетъ доказательствъ. Между тѣмъ неудобство этой системы сознавалось очень давно самимъ правительствомъ. Еще во времена Екатерины II были сдѣланы попытки вызвать самодѣятельность общества. Дворянскіе и городскіе выборы были не что иное, какъ сознаніе правительства въ невозможности собственными усиліями водворить порядокъ въ провинціальномъ управленіи. Сознавая всю трудность выбора всѣхъ должностныхъ лицъ полиціи и суда, правительство рѣшилось предоставить уѣздныя и нѣкоторыя губернскія должности выборамъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, но съ тѣмъ, чтобъ утвержденіе выбранныхъ лицъ зависѣло отъ губернатора, какъ представителя центральной администраціи въ губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ выбранныя лица вполнѣ подчинялись губернской администраціи.

Многіе думаютъ, что начало нашего самоуправленія слѣдуетъ считать съ учрежденія дворянскихъ и городскихъ выборовъ. Но это только показываетъ, какія смутныя понятія существуютъ у насъ о централизаціи и самоуправленіи. Правомъ выборовъ мѣстнымъ обществамъ не предоставлялось никакого права распоряженія какимъ бы то ни было дѣломъ, отъ нихъ требовалось только указаніе тѣхъ лицъ, которымъ губернская администрація могла ввѣрить извѣстную долю власти. Затѣмъ эти лица дѣлались такими же органами центральной

власти, какъ и непосредственно ею назначенные. Вся власть административная, хозяйственная, полицейская и отчасти судебная сосредоточивалась въ рукахъ губернатора и состоявшаго при немъ въ видѣ совѣта губернскаго правленія. Хотя послѣднее въ нашихъ законахъ и именуется высшимъ коллегіальнымъ мѣстомъ въ губерніи, но на практикѣ этого нѣтъ и никогда не было. Оно всегда было простымъ исполнителемъ распоряженій губернатора, что, при зависимости членовъ губернскихъ правленій отъ воли министра, вполнѣ понятно. Такимъ образомъ, несмотря на выборное начало, у насъ не существовало и тѣни самоуправленія.

Но нельзя сказать, чтобъ у насъ была осуществлена и система централизаціи, несмотря на то, что законодательство и высшая администрація стремились постоянно къ этой цѣли. Огромныя пространства нашего отечества, отсутствіе путей сообщенія, крѣпостные взгляды тогдашняго общества на всѣ отношенія людей и отсутствіе образованія между прямыми исполнителями распоряженій высшихъ правительственныхъ сферъ, представляли физическія и нравственныя препятствія къ водворенію какого бы то ни было порядка. Всякія системы, изобрѣтавшіяся законодательствомъ и центральной администраціей, были сами по себѣ, а жизнь — сама по себѣ. Послѣдняя никакъ не укладывалась въ тѣ рамки, которыя предписывались ей свыше. Эти рамки выходили на божій свѣтъ развѣ тогда только, когда это было выгодно для мелкихъ чиновниковъ. Однимъ словомъ, у насъ существовала централизація на бумагѣ, а на практикѣ царствовало одно чиновничье самоуправство. Заслуга автора „Губернскихъ Очерковъ“ состоитъ именно въ томъ, что онъ выставилъ типы всѣмъ намъ близко знакомые и до того распространенные, что они составляли чуть ли не огромное большинство чиновнаго міра. Такое болѣзненное явленіе русской жизни, при тогдашнихъ крѣпостныхъ порядкахъ, не могло сильно шокировать общество; напротивъ, оно относилось къ нему довольно снисходительно и это весьма понятно. Вооруженное крѣпостнымъ произволомъ, оно не могло строго относиться къ тому же самому явленію въ другой формѣ. Вотъ почему только съ уничтоженіемъ крѣпостного права начали у насъ выводиться типы „Губернскихъ Очерковъ“ и сдѣлалось возможнымъ примѣненіе какихъ-либо системъ управленія. Только съ этого времени появляются въ нашемъ провинціальномъ управленіи люди, которые считаютъ нужнымъ сообразоваться съ тенденціями и стремленіями центральнаго правительства. На этомъ основаніи мы думаемъ, что система административной централизаціи получаетъ дѣйствительное, практическое значеніе только въ послѣднее десятилѣтіе; до тѣхъ же поръ она существовала только на бумагѣ, и намъ кажется, что очень ошибаются тѣ, которые считаютъ этотъ послѣдній періодъ времени началомъ примѣненія къ

нашимъ учрежденіямъ системы самоуправленія. Даже введеніе земскихъ учрежденій нисколько не противорѣчитъ высказанному нами положенію, что мы и увидимъ впослѣдствіи.

Намъ могутъ возразить, что если у насъ не существовало административной централизаціи, то необходимо было самоуправленіе, такъ какъ отсутствіе первой предполагаетъ существованіе второго. Но мы уже выше замѣтили, что у насъ не могло быть никакихъ системъ. Самоуправленіе предполагаетъ извѣстный законный порядокъ вещей, у насъ же существовалъ крѣпостной произволъ, не только въ отношеніяхъ между помѣщикомъ и его крѣпостными, но и между чиновниками и народомъ. Жалобы рѣдко уважались, да и мало приносились. Русскій человѣкъ утѣшалъ себя только поговоркой, что *тутъ ничего не подѣлаешь*.

Господство чиновничьяго произвола имѣетъ то сходство съ строгой системой централизаціи, что и тотъ и другая имѣютъ своимъ послѣдствіемъ полное равнодушіе частныхъ лицъ къ общественнымъ интересамъ, полное отсутствіе всякой инициативы и самодѣятельности со стороны общества: вся энергія народа уходитъ въ сферу чисто личныхъ, эгоистическихъ интересовъ. Вредныя послѣдствія, отсюда возникающія, извѣстны всѣмъ и каждому; ихъ перечислять не стóитъ. Факты, обнаруженные пермской ревизіей, указываютъ прямо на отсутствіе общественной инициативы, при существованіи которой они были бы немыслимы. А кто намъ порукой, что подобныхъ случаевъ нѣтъ въ другихъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества?

II.

Мы говорили о централизаціи и самоуправленіи. Но въ нашемъ обществѣ существуютъ такія смутныя понятія объ этихъ системахъ государственнаго управленія, что мы рѣшаемся сказать объ этомъ нѣсколько словъ. Намъ случалось нетолько слышать, но даже читать такія сужденія, которыя ясно показываютъ, что часто централизацію смѣшиваютъ съ единствомъ государственнаго управленія, а самоуправленіе съ сепаратизмомъ. Кромѣ того, при опредѣленіи круга дѣятельности мѣстныхъ учрежденій и центральныхъ не существуетъ никакихъ общихъ руководящихъ началъ, такъ, что здѣсь каждый посвоему опредѣляетъ сферу дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Вслѣдствіе такой сбивчивости понятій непремѣнно должны являться недоразумѣнія, непониманіе своихъ правъ и обязанностей какъ со стороны органовъ самоуправленія, такъ и со стороны представителей центральной власти, столкновенія и пререканія между ними и наконецъ безсиліе тѣхъ и другихъ въ достиженіи полезныхъ результатовъ. Время, силы и средства тратятся безъ толку на безпо-

лезную борьбу, а общество совершенно напрасно обвиняетъ ту или другую сторону въ неумѣньи вести дѣло болѣе плодотворнымъ образомъ.

Для избѣжанія такой безполезной траты силъ и средствъ необходимо прежде всего уяснить понятія о системахъ централизаціи и самоуправленія; тогда, но только тогда, можетъ опредѣлиться правильно кругъ дѣятельности органовъ центральной власти и органовъ мѣстнаго самоуправленія. Постараемся же въ видѣ опыта представить себѣ нѣкоторое понятіе о той и другой системѣ.

Строгая система административной централизаціи существуетъ тогда, когда центральные органы власти при всякой формѣ правленія считаютъ своимъ правомъ и обязанностью управлять всѣми интересами, выходящими изъ круга частной, или, такъ-называемой, гражданской дѣятельности, хотя бы эти интересы, относясь къ извѣстной мѣстности, и не имѣли за собою обще-государственнаго значенія. Понятно, что для исполненія всѣхъ распоряженій центральной власти на мѣстахъ установляются мѣстные ея органы. Администрація въ обширномъ значеніи слова — дѣло весьма сложное и разнообразное, и кругъ административной дѣятельности не можетъ быть точно опредѣленъ закономъ. На этомъ основаніи чины административнаго вѣдомства никогда не могутъ быть поставлены въ такое независимое и самостоятельное положеніе, какъ, напримѣръ, члены судебнаго мѣста, а должны дѣйствовать подъ контролемъ и руководствомъ центральныхъ органовъ. Съ развитіемъ государственной жизни административныя функціи усложняются все болѣе и болѣе, а съ ними разумѣется растутъ и обязанности центральной администраціи, такъ что требуютъ раздѣленія труда. Это раздѣленіе труда ведетъ къ тому, что центральная администрація разростается въ массу департаментовъ и канцелярій, слѣдить за направленіемъ дѣятельности которыхъ для лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, становится невозможнымъ. Такимъ образомъ разрѣшеніе вопросовъ мѣстной администраціи и направленіе ея дѣятельности большею частію зависятъ отъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятелей центральнаго управленія. При такомъ порядкѣ можно ли ожидать единства въ распоряженіяхъ? напротивъ, мѣстная администрація сплошь и рядомъ получаетъ предписанія и циркуляры противорѣчащіе одинъ другому. Все это имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что добросовѣстная мѣстная администрація не имѣетъ возможности сдѣлать что-либо полезное, не прибѣгая къ произволу, а недобросовѣстная дѣйствуетъ въ своихъ личныхъ видахъ и интересахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ подрывается авторитетъ закона и власти, а съ нимъ и довѣріе общества къ правительству. Событія во Франціи намъ служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Францію не спасли ни

абсолютная, ни представительная монархія, ни даже республика. Строгая система централизаціи губила тамъ всѣ формы правленія.

Для избѣжанія всѣхъ означенныхъ неудобствъ многіе считаютъ необходимымъ допустить децентрализацію, но они полагаютъ, что для этой цѣли достаточно усилить власть и права мѣстной администраціи на счетъ центральной. Что такое мнѣніе имѣетъ своихъ послѣдователей, доказательствомъ тому служитъ недавній проектъ объ усиленіи власти губернаторовъ, противъ котораго высказалось большинство нашихъ министровъ. Въ оправданіе этихъ мнѣній приводится необходимость единства въ государственномъ управленіи, такъ какъ при такомъ порядкѣ мѣстная административная власть, состоя въ зависимости отъ центральной, по необходимости должна руководиться взглядами послѣдней, вслѣдствіе чего общее направленіе административной дѣятельности не нарушается. Но эти господа забываютъ, что обязанности администраціи не могутъ быть опредѣлены закономъ съ точностію и что, если лица высокопоставленныя и могутъ пользоваться извѣстной свободой дѣйствій, безъ особенной опасности, то этого никакъ нельзя допустить въ отношеніи лицъ, дѣйствующихъ въ провинціи. На дѣйствія лицъ, стоящихъ во главѣ управленій, обращено вниманіе не только верховной и законодательной власти, но цѣлаго государства и всей печати, тогда какъ дѣятельность мѣстнаго администратора остается на виду только лицъ ей подчиненныхъ или почему-либо отъ нея зависящихъ. Если при томъ вниманіи, какое обращено на дѣятельность лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, они не избѣгаютъ увлеченій и такихъ неправильныхъ системъ, какъ, напримѣръ, система нашего министерства народнаго просвѣщенія, то чего же можно ожидать отъ дѣятелей съ обширной властью, поставленныхъ въ другія условія, менѣе доступныя вниманію общественнаго мнѣнія? Можно ожидать того, что факты, открытые пермской ревизіей, будутъ не случайнымъ, а очень обыкновеннымъ явленіемъ.

Всѣ подобныя мнѣнія намъ кажутся послѣдствіемъ весьма печальнаго и пагубнаго недоразумѣнія, происходящаго изъ какого-то недовѣрія къ обществу. Люди, придерживающіеся этихъ мнѣній, полагаютъ, что если общество получитъ извѣстныя права, то сейчасъ же въ немъ и всплывутъ всѣ революціонные и антиобщественные элементы. Мы думаемъ, что это ошибка и притомъ очень печальная ошибка; мы думаемъ, что въ массѣ общества консервативныя начала всегда очень сильны. Примѣры всѣхъ государствъ западной Европы указываютъ, что радикальныя мнѣнія никогда не имѣли за себя большинства, а потому крайности и увлеченія, имѣющія возможность заявлять себя въ общественныхъ учрежденіяхъ, не представляютъ никакой опасности. Напротивъ, эти стремленія, имѣя свободный исходъ, становятся извѣстными и въ столкновеніи своемъ съ болѣе здравыми

понятіями обнаруживаютъ свою несостоятельность. Крайнія мнѣнія только тогда получаютъ значеніе, когда въ правительственныхъ сферахъ господствуетъ реакція. Люди умѣренные въ это время сходятъ со сцены, не желая поддерживать реакціи, а ихъ мѣсто занимаютъ радикалы. Для борьбы съ подобными стремленіями общество имѣетъ гораздо болѣе вѣрное оружіе, нежели правительство, потому что общественное мнѣніе всегда сдерживаетъ сильнѣе, нежели предписаніе начальства. На этомъ основаніи свободное выраженіе крайнихъ мнѣній въ средѣ общественныхъ учрежденій, не представляя ничего опаснаго, возбуждаетъ только мыслящую дѣятельность большинства и гарантируетъ его отъ застоя. Поэтому намъ рѣшительно не понятно то недовѣріе къ обществу, которое служитъ основаніемъ бюрократическихъ и централизаторскихъ стремленій. Подобныя стремленія имѣли бы полное основаніе только въ такомъ случаѣ, еслибъ интересы центральнаго управленія были противуположны интересамъ общества, но такъ какъ этого нѣтъ и ни одинъ защитникъ системы централизаціи не признается въ этомъ, а напротивъ каждый утверждаетъ, что эта система должна господствовать въ интересахъ самого общества, то и приходится дивиться той сбивчивости понятій, которая господствуетъ у этихъ людей. Изъ всего этого слѣдуетъ, что мѣстная администрація должна находиться не въ вѣдѣніи агентовъ центральной власти, которые могутъ преслѣдовать свои личныя выгоды и цѣли, а въ вѣдѣніи мѣстныхъ обществъ, которымъ, потребности и средства ихъ мѣстности ближе и виднѣе. Вотъ въ этомъ-то правѣ мѣстныхъ обществъ завѣдывать мѣстной администраціей посредствомъ избранныхъ ими лицъ, стоящихъ подъ контролемъ тѣхъ же обществъ и заключается система децентрализаціи и самоуправленія, а вовсе не въ расширеніи власти мѣстныхъ агентовъ центральнаго управленія, что можетъ повести только къ возникновенію сатрапій.

Не отрицая этихъ положеній по отношенію къ другимъ государствамъ, опередившимъ насъ на пути развитія, многіе думаютъ, что въ нашемъ отечествѣ они не могутъ быть примѣнены вполнѣ; что у насъ достаточно поручить мѣстному обществу нѣкоторые хозяйственные интересы, и притомъ не иначе, какъ подъ контролемъ административной власти во избѣжаніе ошибокъ и уклоненій отъ правильнаго пути; что впослѣдствіи, когда мѣстныя общества, испытаютъ свои силы въ дѣлѣ менѣе сложномъ, тогда права ихъ могутъ быть расширены. Разберемъ это мнѣніе въ подробности: для того, чтобъ выучиться плавать, необходимо самому взойти въ воду, а недостаточно смотрѣть съ берега, какъ другіе плаваютъ; занимаясь однимъ дѣломъ, нельзя сдѣлаться опытнымъ въ другомъ; устроивая мосты и гати, не научимся руководить школами. Чтожъ касается опасенія, что неумѣющіе плавать могутъ утонуть, то мы на это скажемъ, что взрослый человѣкъ не бросится

въ глубину, не выучившись плавать на мелкомъ мѣстѣ, и это опасеніе слишкомъ наивно, чтобъ не сказать болѣе. Затѣмъ мы скажемъ этимъ господамъ тоже, что́ мы говорили выше: функціи административной власти неуловимы для законодательства. Цѣль администраціи состоитъ въ управленіи и развитіи всѣхъ общественныхъ интересовъ даннаго времени и данной мѣстности, а эти интересы не только различны въ разныхъ мѣстностяхъ, но измѣняются съ каждымъ годомъ. Съ развитіемъ гражданственности, государственной и общественной жизни, обязанности администраціи не только усложняются, но и измѣняются: возникаютъ новыя нужды и новыя средства ихъ удовлетворенія, и уничтожаются прежнія. Какимъ же образомъ возможно исчерпать въ законѣ всѣ эти обязанности административной власти, въ особенности на всемъ пространствѣ нашего огромнаго отечества, и размежевать области, подлежащія вѣдѣнію мѣстнаго общества и агентовъ центральной власти. Всѣ интересы данной мѣстности такъ переплетаются между собою, что отдѣлить ихъ безъ вреда для общества невозможно, и мы никогда не будемъ въ состояніи указать на раціональную причину такого дѣленія. Она будетъ всегда произвольна. Слѣдствіемъ подобныхъ попытокъ необходимо является неясность и неопредѣленность отношеній между различными органами власти, что въ свою очередь вызываетъ недоразумѣнія, столкновенія и борьбу. Послѣдняя представляется не случайнымъ явленіемъ, которое можетъ быть устранено разъясненіемъ или дополненіемъ закона, а постояннымъ и необходимымъ послѣдствіемъ неправильно принятыхъ основаній. Вслѣдствіе приниженнаго положенія или равнодушія къ дѣлу одной стороны она можетъ быть временно устранена, но возможность ея возникновенія никогда не уничтожится. Съ развитіемъ чувства законности и сознанія своего долга люди дѣлаются болѣе чуткими ко всякому посягательству на интересы, ввѣренные ихъ охраненію, — а поэтому возможность столкновенія и борьбы не въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ увеличивается. Устранить ихъ можетъ только полное равнодушіе къ дѣлу, но мы не думаемъ, чтобы такое отношеніе агентовъ той или другой стороны къ своимъ обязанностямъ могло быть желательно.

Конечно, центральное управленіе всегда можетъ устранить возникшее столкновеніе въ мѣстномъ управленіи; но мы думаемъ, что независимо отъ того вреда, который происходитъ вслѣдствіе напрасной траты силъ и средствъ въ этихъ столкновеніяхъ, каждое изъ нихъ, какъ бы ни было оно разрѣшено, вызываетъ въ обвиненной сторонѣ то равнодушіе къ дѣлу, на которое мы указывали и кромѣ того каждое есть залогъ новаго столкновенія, во-первыхъ потому, что твердыхъ законныхъ основаній центральное управленіе имѣть не можетъ по самому свойству административныхъ вопросовъ, во-вторыхъ потому, что

взрослые люди не могутъ отказаться отъ своихъ понятій и убѣжденій вслѣдствіе предписанія начальства; все, чего можно отъ нихъ ожидать—это то, что они подчинятся въ данномъ случаѣ. Обвинять за это людей мы не можемъ: здѣсь виноваты не люди, — а неправильно принятая система.

Повидимому, вся ошибка людей, высказывающихъ подобныя мнѣнія, состоитъ въ томъ, что они ставятъ себѣ задачей опредѣлить: какія административныя функціи могутъ быть переданы въ вѣдѣніе мѣстныхъ обществъ? Разъ поставивши себѣ вопросъ въ такомъ видѣ, мы вступаемъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго выходъ очень затруднителенъ и даже невозможенъ. Какъ бы мы ни разрѣшили вопросъ, поставленный въ этомъ видѣ, наше рѣшеніе всегда будетъ носить характеръ неточности, неопредѣленности, будетъ хромать логикою и отзываться произволомъ. Всякій общегосударственный интересъ есть вмѣстѣ и интересъ мѣстный. Гдѣ же та граница, на которой должны остановиться мѣстныя общества при обсужденіи своихъ интересовъ? Чтобъ опредѣлить эту границу, намъ кажется, надо отказаться отъ всякой попытки исчислять предметы вѣдомства мѣстныхъ обществъ, а напротивъ поставить вопросъ такъ: *какія административныя функціи должны находиться въ вѣдѣніи центральнаго управленія?* При такой постановкѣ вопроса задача становится много легче. Очевидно, что вѣдѣнію центральнаго управленія должны принадлежать тѣ административныя функціи, которыя безъ явнаго неудобства не могутъ быть ввѣрены мѣстнымъ обществамъ, а также тѣ, которыя могутъ быть исполнены центральнымъ управленіемъ съ бо́льшею пользою и выгодой. Затѣмъ все остальное должно подлежать вѣдѣнію мѣстныхъ обществъ. Такимъ образомъ, кругъ административной дѣятельности ограничивается извѣстными предѣлами и опредѣлить его не трудно на томъ основаніи, что въ него входятъ только нѣкоторые, а не всѣ общественные интересы. Конечно, и въ этомъ могутъ мнѣнія расходиться, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, есть почва для соглашенія различныхъ мнѣній: оно состоитъ въ практическомъ удобствѣ и неудобствѣ и, еслибъ представилось какое-нибудь затрудненіе, то остается практическій опытъ, который всегда даетъ положительный отвѣтъ.

Изъ сказаннаго нами объ обязанностяхъ администраціи читатель, конечно, можетъ видѣть, что мы не принадлежимъ къ числу людей, которые желали бы ограничить правительственную дѣятельность самымъ тѣснымъ кругомъ. Напротивъ, мы думаемъ, что къ безспорнымъ правительственнымъ функціямъ слѣдуетъ отнести всѣ тѣ мѣры и предпріятія, исполненіе которыхъ правительствомъ болѣе выгодно и полезно. Мы думаемъ только, что кругъ дѣятельности центральной администраціи долженъ быть строго опредѣленъ закономъ, для того, чтобъ тѣмъ самымъ опредѣлить и сферу дѣятельности мѣстныхъ обществъ, а не

наоборотъ. Вѣдѣнію же послѣднихъ должны подлежать всѣ общественные интересы, за исключеніемъ тѣхъ, которые законъ предоставляетъ вѣдѣнію центральной администраціи.

Смѣемъ думать, что подобная постановка и рѣшеніе вопроса о самоуправленіи уничтожила бы всякую возможность недоразумѣній и столкновеній органовъ мѣстныхъ обществъ и агентовъ центральнаго управленія. Съ другой стороны, опредѣленіе круга дѣятельности центральной администраціи необходимо въ интересахъ самой правительственной власти. При отсутствіи этого условія составъ центральной администраціи растетъ въ ущербъ единству направленія, а государственное казначейство тратитъ свои средства не только напрасно, но съ положительнымъ вредомъ. Такъ, напримѣръ, если незначительная часть финансоваго управленія, по сбору дохода съ земель и лѣсовъ, казнѣ принадлежащихъ, могла разростись до цѣлаго министерства, состоящаго изъ четырехъ департаментовъ, которые, даже съ передачею казенныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, не могли быть упразднены, то ясно, что у насъ кругъ дѣятельности центральной администраціи безграниченъ, и что необходимо опредѣлить тотъ предѣлъ, за которымъ административная дѣятельность должна переходить въ вѣдѣніе мѣстныхъ обществъ. Намъ могутъ возразить, что примѣръ нами избранъ неудачно, что финансовое управленіе страны необходимо должно быть централизовано и никакъ не можетъ быть поручено мѣстнымъ обществамъ. Мы не будемъ оспаривать этого положенія, потому что совершенно согласны съ нимъ. Мы привели этотъ фактъ какъ болѣе яркій примѣръ, до чего могутъ доходить незначительныя вѣтви центральной администраціи при существующей въ этомъ отношеніи неопредѣленности въ законахъ; мы считали это возможнымъ тѣмъ болѣе, что министерство государственныхъ имуществъ имѣетъ въ виду не одинъ сборъ доходовъ, но и другія цѣли, которыя собственно и повели къ такому чрезмѣрному усиленію его личнаго состава. Впрочемъ, мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ этому предмету впослѣдствіи, а теперь перейдемъ къ тому порядку вещей, который существовалъ въ провинціальномъ управленіи до начала послѣдняго десятилѣтія. Мы уклонились нѣсколько отъ нашего изложенія потому, что считали необходимымъ указать на тѣ общія начала, которыя намъ будутъ служить руководящей нитью при дальнѣйшей оцѣнкѣ реформъ административныхъ.

III.

Выше мы сказали, что вся административная власть въ губерніи сосредоточивалась въ рукахъ губернатора, такъ какъ губернское правленіе имѣло только совѣщательный голосъ. Если принять въ сообра-

женіе, что губернаторъ имѣлъ право утверждать всѣхъ избранныхъ въ губерніи лицъ, за исключеніемъ лишь губернскихъ предводителей и предсѣдателей судебныхъ палатъ, то легко понять, какъ велико было его вліяніе на весь строй общественной жизни въ провинціи. Наказъ губернаторамъ, который до сихъ поръ остается дѣйствующимъ законодательствомъ, называетъ губернатора хозяиномъ губерніи и ввѣряетъ ему не только наблюденіе за исполненіемъ законовъ, но попеченіе о благосостояніи и даже нравственности мѣстныхъ жителей. Кромѣ того, то политическое значеніе, которое придавала высшая административная власть власти губернаторовъ, — значеніе, вслѣдствіе котораго губернаторы рѣдко подвергались отвѣтственности даже за неправильныя свои дѣйствія, — имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что воля губернатора была чуть ли не единственнымъ закономъ, управлявшимъ губерніей. Въ сферѣ администраціи единственнымъ ограниченіемъ власти губернаторовъ было учрежденіе комитета земскихъ повинностей и право дворянства на повѣрку отчетовъ по земскимъ сборамъ. Комитетъ земскихъ повинностей, въ которомъ присутствовали предводители и депутаты дворянства, а также депутаты отъ городовъ, разсматривалъ смѣту на государственныя повинности, а на губернскія какъ смѣту, такъ и раскладку. Замѣчанія его входили на разсмотрѣніе высшей власти. Кромѣ того, депутаты дворянства, передъ каждымъ періодическимъ собраніемъ дворянства, повѣряли отчетность по земскимъ сборамъ и представляли свои доклады собранію, которое, если находило неправильныя дѣйствія или безпорядки, могло представлять объ этомъ на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Но легко понять, что, при существовавшихъ тогда порядкахъ, эти права и ограниченія существовали только въ законодательствѣ, а не на практикѣ. Повинности падали на крестьянъ и мѣщанъ, слѣдовательно лично дворянство не было заинтересовано въ правильномъ употребленіи этихъ суммъ. Кромѣ того, обаяніе власти губернатора и возможность для него имѣть вліяніе на личные интересы каждаго члена губернскаго собранія были такъ велики, что рѣдко кому приходило въ голову пользоваться правами, предоставленными ему закономъ. Права эти обратились въ пустую формальность, вслѣдствіе которой депутаты дворянства собирались, подписывали смѣты и раскладки, утверждали отчеты и представляли доклады собранію, что всѣ расходы правильны и съ законами согласны, часто даже не видавъ ни смѣтъ, ни отчетовъ. Большинству дворянства права эти даже были неизвѣстны, и когда случайно возникали по земскимъ дѣламъ вопросы въ губернскихъ собраніяхъ, то многіе удивлялись, что у нихъ есть такія права и не находили нужнымъ ими пользоваться. Съ своей точки зрѣнія они, конечно, были правы, потому что сознавали вполнѣ и свою несостоятельность и безполезность усилій.

Что касается до судебной власти, то низшія инстанціи, т.-е. уѣздные суды и магистраты были вполнѣ подчинены губернской администраціи не только потому, что губернаторъ утверждалъ выборы, но и потому, что онъ имѣлъ право ревизіи, преданія суду и даже удаленія отъ должности членовъ суда. Во второй инстанціи вліяніе губернаторовъ было также весьма сильно, какъ потому, что ему принадлежало право аттестаціи членовъ и ревизіи, а по дѣламъ уголовнымъ даже право протеста противъ опредѣленій уголовной палаты, которыя шли къ нему на утвержденіе. Чтобъ вполнѣ оцѣнить, какое вліяніе могла имѣть администрація на судъ, необходимо вспомнить, что судъ основывалъ свои рѣшенія на письменномъ слѣдствіи, которое производила полиція, или лицо по назначенію губернскаго правленія. Такимъ образомъ, при теоріи формальныхъ доказательствъ судъ дѣлался орудіемъ слѣдователей, вполнѣ зависѣвшихъ отъ администраціи.

Губернаторъ былъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, приказа общественнаго призрѣнія, строительной и дорожной коммиссіи, тюремнаго комитета и, сверхъ того, обремененъ былъ огромной перепиской, какъ съ министерствами, такъ и съ уѣздными учрежденіями. Само собою разумѣется, что выполнить свои обязанности внимательно и добросовѣстно губернаторъ не могъ и власть его переходила къ лицамъ ему подчиненнымъ, которыя, прикрываясь его именемъ и авторитетомъ, дѣйствовали, какъ хотѣли. Если же припомнить, что существовалъ обычай назначать губернаторовъ изъ лицъ военныхъ, вовсе незнакомыхъ съ гражданскимъ законодательствомъ, то легко понять, какой порядокъ господствовалъ въ управленіи и могла ли быть рѣчь о приложеніи какой бы то ни было системы.

Переходя къ уѣздной администраціи, мы должны сказать, что здѣсь роль администраторовъ играли предводители дворянства. Но, такъ какъ эта власть не имѣла никакихъ законныхъ основаній, а существовала только въ силу обычая, по мѣрѣ того вліянія, которое имѣлъ предводитель на губернатора и дворянъ, то значеніе этой власти не вездѣ было одинаково и зависѣло вполнѣ отъ личныхъ качествъ занимавшаго должность человѣка. Къ сожалѣнію, на нашей памяти много лицъ, къ дѣятельности которыхъ въ это время мы не можемъ отнестись сочувственно.

IV.

Въ такомъ положеніи застаетъ насъ устройство губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Несостоятельность существовавшаго порядка сознавалась всѣми. Въ обществѣ ходило много рукописныхъ статей по этому поводу и молва указывала, что этой литературной

дѣятельности не чужды были и административныя сферы. Несмотря на строгость цензуры, мысли эти проходили даже въ печать. Наконецъ крестьянское дѣло и разработка вопросовъ, сюда относящихся, ясно показали, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права, служившаго подкладкой всей общественной жизни, старый порядокъ держаться не могъ. Вмѣсто отжившаго принципа необходимо было поставить что-нибудь новое, или, по крайней мѣрѣ, ограничить проявленіе крѣпостныхъ отношеній въ государственной жизни. Весьма естественно, что въ такомъ положеніи самостоятельная судебная власть, совершенно отдѣльная отъ полицейской и административной, представлялась единственно возможной и желательной гарантіей противъ этого проявленія. Потребность суда сознается на всѣхъ степеняхъ гражданскаго развитія народовъ, и этотъ способъ разрѣшенія недоумѣній и споровъ вездѣ и всегда пользовался особеннымъ авторитетомъ. Только при существованіи суда отношенія между людьми могутъ быть правомѣрными, такъ какъ назначеніе его есть охраненіе правъ всѣхъ и каждаго. Но для этого необходимо, чтобъ лица судебнаго вѣдомства находились въ совершенно самостоятельномъ положеніи и, не имѣя никакой активной власти, могли разрѣшать всѣ вопросы о нарушенномъ правѣ, кѣмъ бы это нарушеніе ни было сдѣлано. Конечно, такой принципъ, проведенный въ жизнь во всей полнотѣ и обставленный извѣстными гарантіями для того, чтобъ онъ могъ уберечься отъ всякаго искаженія, былъ бы однимъ изъ лучшихъ средствъ къ обезпеченію порядка и свободы. Мы убѣждены въ томъ, что еслибъ такой принципъ былъ проведенъ во всей чистотѣ и полнотѣ, то люди сдѣлались бы болѣе равнодушными къ правамъ политическимъ. Для того, чтобъ политическія права могли быть дѣйствительной гарантіей порядка и свободы, необходимы не только умѣнье, но и возможность пользоваться этими правами; въ противномъ случаѣ они не представляютъ не только такихъ гарантій, какія даетъ судъ, вѣдающій всѣ правонарушенія, но и ровно никакихъ. Французскій suffrage universel намъ это ясно доказалъ. Вслѣдствіе такого значенія судебной власти для общества, всѣ мыслящіе люди того времени пришли къ заключенію о необходимости судебной реформы и въ ней одной видѣли чуть ли не единственный выходъ изъ того натянутаго положенія, въ которомъ находилось все общество. Конечно, это было своего рода увлеченіе, такъ какъ трудно было ожидать, чтобъ принципъ самостоятельной власти суда прошелъ безъ компромиссовъ и уступокъ, но какъ бы то ни было, это увлеченіе было положительнымъ фактомъ. Оно отразилось и не могло не отразиться на дѣятельности крестьянскихъ комитетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ своихъ предположеніяхъ объ освобожденіи крестьянъ, признали устройство независимаго и самостоятельнаго суда непремѣннымъ условіемъ правильнаго хода реформы. Люди, защищав-

шіе такое воззрѣніе, говорили: „уничтоженіе крѣпостного права не есть реформа, касающаяся только помѣщиковъ и ихъ крестьянъ, а напротивъ есть реформа общегосударственная и вноситъ въ нашу жизнь новое начало: *свободный трудъ*. Это новое начало должно измѣнить весь строй соціальной жизни народа, должно измѣнить понятія, нравы и потребности общества, а съ ними направленіе не одной сельско-хозяйственной, но и всей вообще промышленности; при такомъ значеніи реформы уединять ее отъ всѣхъ другихъ — значитъ парализовать дѣйствіе тѣхъ началъ, которыя вдвигаются въ жизнь новымъ закономъ; уединять же ее отъ судебной реформы значитъ предоставлять случаю всѣ благія намѣренія законодателя: законъ недѣйствителенъ, если нѣтъ такого суда, который могъ бы поддержать его авторитетъ; единственная гарантія правильности приведенія въ исполненіе крестьянскаго положенія должна состоять въ гласномъ и самостоятельномъ судѣ, котораго у насъ нѣтъ, и потому судебная реформа необходима одновременно съ крестьянской“. Насколько были правы эти люди—обстоятельства не замедлили представить самыя наглядныя доказательства: повѣрочныя коммиссіи, учрежденныя въ западномъ краѣ послѣ возмущенія 1863 года, нашли, что положеніе 19-го февраля было совершенно искажено при исполненіи. Но мы это знаемъ, благодаря повѣрочнымъ коммиссіямъ, которыхъ не было въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, а потому никто не можетъ поручиться, что не было ничего подобнаго во внутреннихъ губерніяхъ, хотя быть можетъ и не въ такихъ размѣрахъ. Напротивъ, нѣкоторые примѣры, опубликованные недавно въ родѣ холмскихъ, мглинскихъ, суражскихъ и смоленскихъ, прямо указываютъ на несоразмѣрность платежей съ надѣлами крестьянъ, а потому очень вѣроятно, что воля законодателя истолкована и приведена въ исполненіе не вездѣ правильно.

Къ сожалѣнію, мы здѣсь встрѣчаемся съ тою же боязнью обобщенія вопросовъ, на которую мы указывали при разсмотрѣніи финансовыхъ реформъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь эта боязнь обобщенія и пристрастіе къ отдѣльнымъ проектамъ влекутъ за собой вредныя послѣдствія. Но въ области финансовъ эти вредныя послѣдствія менѣе опасны, чѣмъ въ другихъ сферахъ законодательства: тамъ они выступаютъ скоро наружу и потому могутъ быть сравнены съ накожными болѣзнями, тогда какъ здѣсь долго нѣтъ видимыхъ признаковъ, а между тѣмъ болѣзнь поражаетъ внутренніе органы.

Редакціонныя коммиссіи не рѣшились обобщить вопроса, хотя вполнѣ сознавали справедливость тѣхъ мнѣній, которыя высказывались въ пользу такого обобщенія. Не сознавать этой справедливости члены редакціонныхъ коммиссій не могли. Недостатки нашихъ судовъ были у всѣхъ на глазахъ: возможность различныхъ вліяній, всемогущество секретарей и безсиліе присутствій не подлежали никакому

сомнѣнію, а потому невозможно было и думать, чтобъ прежніе суды могли охранять новый законъ. Несмотря, однакожъ, на это редакціонныя коммиссіи рѣшились все-таки уединить крестьянскую реформу. Вмѣсто того, чтобъ сдѣлать этотъ вопросъ общегосударственнымъ, вывести его на настоящую дорогу и обставить всѣми необходимыми гарантіями для правильнаго разрѣшенія, редакціонныя коммиссіи ставятъ его вопросомъ частнымъ, относящимся только до двухъ сословій [1]) и проектируютъ цѣлую систему спеціальныхъ судебно-административныхъ учрежденій, которымъ поручается не только установленіе правомѣрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, но и судебное разбирательство по всѣмъ возникающимъ между ними спорамъ, со всѣми аппелляціонными и кассаціонными порядками. Какъ согласить такое противорѣчіе? Съ одной стороны — полное недовѣріе, вполнѣ основательное, къ прежнимъ судамъ; съ другой—отрицаніе необходимости введенія судебной реформы вмѣстѣ съ крестьянской, созданіе спеціальныхъ судебныхъ учрежденій для огражденія извѣстныхъ интересовъ, и оставленіе защиты всѣхъ другихъ въ вѣдѣніи прежнихъ, признанныхъ вполнѣ несостоятельными.

Мы слыхали мнѣнія, которыя обыкновенно высказываютъ въ защиту подобной политики, и постараемся разсмотрѣть, насколько они основательны. Утверждаютъ, что крестьянскій вопросъ, разъ поднятый, долженъ былъ разрѣшиться по возможности скоро, что связывать его съ другими — это значило усложнять дѣло и замедлять его рѣшеніе, доказательствомъ чему приводятъ то обстоятельство, что для проектированія судебныхъ уставовъ потребовалось болѣе двухъ лѣтъ времени и что введеніе въ дѣйствіе судебной реформы на всемъ пространствѣ Россіи замедлилось до настоящаго времени какъ по недостатку средствъ, такъ и по недостатку способныхъ и приготовленныхъ людей, и что вслѣдствіе этого, еслибъ крестьянская реформа соединилась съ судебной, то пришлось бы ожидать уничтоженія крѣпостного права до сихъ поръ. Но такія мнѣнія, какъ намъ кажется, не выдерживаютъ критики. Мы думаемъ, что все это такъ случилось потому только, что крестьянскій вопросъ съ самаго начала не былъ поставленъ на настоящую дорогу и ему не было придано такого значенія, которое онъ имѣетъ по своему вліянію на весь соціальный строй нашего отечества. Онъ былъ поднятъ безъ заранѣе обдуманнаго плана, такъ что вначалѣ имѣлъ въ виду не освобожденіе, а только улучшеніе быта крестьянъ. Но не будемъ касаться первоначальнаго возникновенія вопроса, допустимъ, что иначе это и быть не могло, а обратимся къ

[1]) Что коммиссія не ставила крестьянскаго вопроса общегосударственнымъ, это мы видѣли и въ вопросѣ о выкупѣ, который не былъ признанъ обязательнымъ въ видахъ государственной пользы, а отнесенъ также на средства однихъ крестьянъ.

послѣдующимъ фазисамъ этого дѣла. 1858-й и начало 1859-го года были посвящены на разработку вопроса въ губернскихъ комитетахъ. Въ теченіи 1858-го года онъ обрисовался очень ясно и не только въ главныхъ чертахъ, но и въ подробностяхъ. Къ открытію редакціонныхъ коммиссій было положительно рѣшено, что крѣпостное право упразднялось и даже было разрѣшено губернскимъ комитетамъ представить свои соображенія о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Это былъ моментъ, въ который выяснилось вполнѣ все значеніе предпринятой реформы и зависимость успѣшнаго ея хода отъ измѣненія другихъ условій общественнаго строя. Но съ этого времени до изданія крестьянскаго положенія проходитъ болѣе двухъ лѣтъ, изъ которыхъ конечно не мало времени было употреблено на проектированіе спеціальныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, не имѣющихъ никакой будущности и подлежащихъ упраздненію. Кромѣ того, люди, занимавшіеся впослѣдствіи проектированіемъ судебныхъ уставовъ, существовали также и въ 1859-мъ году съ тѣми же понятіями и убѣжденіями, какъ и въ 1862, и начала, внесенныя ими въ судебные уставы—не ихъ открытіе, а извѣстны всему образованному міру уже давно. Еслибъ эти люди были призваны въ редакціонныя коммиссіи для совмѣстнаго проектированія реформы, то судебные уставы могли бы явиться вмѣстѣ съ крестьянскимъ положеніемъ. Причина отдѣленія крестьянской реформы отъ другихъ заключается вовсе не въ недостаткѣ времени, а въ томъ, что члены редакціонныхъ коммиссій не стали или не могли стать въ уровень съ высотою той задачи, для разрѣшенія которой они были призваны, и вслѣдствіе этого крестьянская реформа изъ вопроса общегосударственнаго обратилась въ вопросъ сословный. Если намъ скажутъ, что въ виду тѣхъ мнѣній, которыя господствовали въ высшихъ административныхъ сферахъ, члены редакціонныхъ коммиссій не могли ставить вопросъ на ту дорогу, о которой мы говоримъ, то на это мы замѣтимъ, что мы не можемъ осуждать въ этомъ случаѣ отдѣльныя личности, мы указываемъ только на тѣ печальныя обстоятельства, при которыхъ люди, призванные для обсужденія государственныхъ вопросовъ, поставлены въ необходимость руководиться не столько собственными убѣжденіями и общими государственными интересами, сколько мнѣніями, господствующими въ различныхъ административныхъ сферахъ. При этомъ мы не можемъ не замѣтить, что, понимая вполнѣ необходимость соглашеній по вопросамъ второстепеннымъ, мы никакъ не можемъ допустить ихъ въ такомъ вопросѣ, какъ значеніе крестьянскаго положенія въ системѣ законодательства, даже безъ всякой попытки поставить вопросъ на истинную дорогу. Въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій нѣтъ и тѣни подобной постановки вопроса, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ комитетахъ и въ печати онъ былъ поставленъ именно на почвѣ обще-

государственной, а не сословной. Мы не хотимъ этимъ сказать, что рѣшеніе его въ этихъ комитетахъ было правильно и безупречно, мы говоримъ только о постановкѣ вопроса, а не о рѣшеніи его. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ основаніе думать, что, независимо отъ тѣхъ взглядовъ, которые существовали въ высшихъ сферахъ, члены редакціонныхъ коммиссій едвали сомнѣвались въ правильности своей постановки вопроса и повидимому вовсе не допускали иной точки зрѣнія.

Изъ сказаннаго кажется ясно, что недостатокъ времени и необходимость спѣшить окончаніемъ дѣла здѣсь были ни при чемъ. Точно также не могли быть помѣхою недостатокъ средствъ и людей. Если были средства для спеціальныхъ судебно-административныхъ учрежденій; если были средства для установленія новыхъ должностей судебныхъ слѣдователей, которые при старыхъ судебныхъ порядкахъ не могли принести никакой пользы; если существовало министерство государственныхъ имуществъ, стоившее до 9-ти милл. рублей, то мудрено говорить, что не было средствъ на устройство суда въ томъ видѣ, какъ это считается необходимымъ въ извѣстный моментъ времени. Судъ, представляя собою гарантію исполненія законовъ, есть одна изъ главныхъ функцій правительственной власти, а потому для этой потребности средства должны быть всегда. Преслѣдованіе другихъ цѣлей государственной жизни можетъ быть отложено, но эта потребность должна быть удовлетворена во что́ бы то ни стало. Въ особенности удивительно слышать подобное мнѣніе, когда знаешь, напримѣръ, какія средства употреблялись въ то время на содержаніе арміи и флота, между тѣмъ какъ Россія находилась въ такомъ положеніи, что ей невозможно было думать ни о какихъ военныхъ дѣйствіяхъ и въ этомъ отношеніи ей не угрожала никакая опасность. Мы даже думаемъ, что еслибъ крестьянская реформа была ведена въ томъ смыслѣ, какъ мы говоримъ, то даже польское возстаніе далеко не могло бы имѣть тѣхъ размѣровъ, до какихъ оно достигло, въ особенности въ западномъ краѣ.

Точно также неосновательна и жалоба на недостатокъ людей. Вспомнимъ только, какъ быстро найденъ былъ первый контингентъ мировыхъ посредниковъ, съ какимъ сознаніемъ долга стремились эти люди посвятить свою дѣятельность на пользу общую при первомъ призывѣ, и между ними было много такихъ людей, которые никогда не располагали жить въ провинціи и имѣли всѣ условія для занятія судебныхъ должностей. Правда, не болѣе какъ черезъ годъ люди эти начинаютъ исчезать изъ мировыхъ крестьянскихъ учрежденій, а на мѣсто ихъ являются новые, уже съ другими идеями, но это потому, что вѣтеръ подулъ съ другой стороны, голоса представителей покойной „Вѣсти“ стали выслушиваться съ бо́льшимъ сочувствіемъ, и они не сочли возможнымъ продолжать свою полезную дѣятельность. Смѣло

можно утверждать, что еслибъ крестьянская реформа была ведена въ томъ видѣ, какъ мы говоримъ, одновременно съ судебной и административной, то она встрѣтила бы еще болѣе сочувствія въ средѣ образованныхъ и честныхъ людей, а главное, больше готовности посвятить свои труды на упроченіе самостоятельныхъ учрежденій, которыя имѣли бы передъ собою цѣлую будущность. Вспомнимъ затѣмъ, какъ на другой годъ многоуважаемый директоръ департамента неокладныхъ сборовъ быстро нашелъ людей для акцизнаго вѣдомства, людей, изъ которыхъ многіе соотвѣтствовали вполнѣ условіямъ для занятія должностей по судебному вѣдомству. Хорошіе люди всегда найдутся для хорошаго дѣла при самостоятельномъ положеніи, если только отнестись къ обществу съ полнымъ довѣріемъ и безъ всякой задней мысли. Но если мы будемъ считать болѣе способными къ занятію должностей по судебному вѣдомству воспитанниковъ школы правовѣдѣнія и отдавать имъ преимущество передъ кандидатами университетовъ; если мы будемъ заподозривать людей въ какой-то политической неблагонадежности только потому, что они въ своихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ расходятся съ людьми правительственной партіи, то конечно мы не найдемъ много честныхъ и образованныхъ людей, готовыхъ отвѣчать на нашъ призывъ. Неужели человѣкъ честный, но неимѣющій счастія сходиться во мнѣніяхъ съ людьми правительственной партіи, и притомъ настолько самостоятельный, что не считаетъ нужнымъ этого скрывать, дѣлается менѣе добросовѣстнымъ и способнымъ понимать необходимость законности. Напротивъ, намъ кажется, что такой человѣкъ будетъ всегда держаться строгой законной почвы, хотя бы онъ и вовсе не сочувствовалъ существующему закону. Конечно, человѣкъ самостоятельный не согласится поддерживать произвола; но вѣдь мы и не предполагаемъ, чтобъ въ общественной дѣятельности были нужны люди, которые не гнушаются никакими средствами для того, чтобъ угодить лицу высокопоставленному. Сомнѣніе въ политической благонадежности лицъ, только на основаніи различія ихъ мнѣній съ нашими, ведетъ къ тому, что люди по необходимости должны скрывать свои мнѣнія и выставлять себя такими, какими ихъ желаютъ видѣть; а на это особенно способны тѣ, для которыхъ не существуетъ чувства чести. Мы слыхали жалобы на трудность выбора, на возможность ошибокъ; но мудрено ли ошибиться, когда съ одной стороны ограничивается кругъ честныхъ дѣятелей, а съ другой создаются условія, пользуясь которыми и выѣзжая на такъ-называемой политической благонамѣренности, могутъ получать мѣста люди пустые или сомнительной нравственности. Мы не говоримъ, чтобъ такое явленіе было общимъ правиломъ или что оно очень часто повторяется, но довольно и того, что оно не есть рѣдкое исключеніе. Повторяемъ, для хорошаго дѣла всегда найдутся люди, стóитъ лишь искать ихъ безъ зад-

ней мысли, руководствуясь не духомъ кружка или партіи, а чувствомъ истиннаго патріотизма, искать людей прямыхъ и честныхъ, не копаясь въ ихъ совѣсти и не ставя въ вину цѣлому обществу появленіе какихъ-нибудь сумасбродовъ. Еслибъ подобная политика примѣнялась въ нашихъ административныхъ сферахъ неуклонно съ самаго начала крестьянскаго вопроса, еслибъ къ мнѣніямъ лицъ той категоріи, на которую мы указываемъ, относились бы съ бо́льшимъ вниманіемъ, то контингентъ общественныхъ дѣятелей былъ бы гораздо больше.... а кто знаетъ?... быть можетъ, и въ законодательствѣ нашемъ было бы менѣе противорѣчій.

Изъ всего сказаннаго нами прямо слѣдуетъ, что недостатокъ времени, людей и тѣмъ менѣе денежныхъ средствъ, не могъ и не долженъ былъ считаться препятствіемъ къ одновременному введенію крестьянской, административной и судебной реформъ. Двухъ лѣтъ времени было совершенно достаточно для проектированія и обсужденія „Положеній"; люди же не родятся годами и если признано, что они были въ 1865-мъ году, то они были и въ 1861-мъ, а средства — *слѣдовало найти, если ихъ не было.* Если же мы вспомнимъ, что новгородское и саратовское земства, получивъ въ свое распоряженіе завѣдываніе почтовыми станціями, сдѣлали до 30% экономіи; если затѣмъ предположимъ, что по другимъ статьямъ расхода, упадающаго на государственный земскій сборъ, возможна экономія не въ 30, а только въ 20%, то при передачѣ всѣхъ земскихъ сборовъ въ распоряженіе мѣстныхъ обществъ, послѣднія получили бы до 5-ти милліоновъ рублей экономіи — сумма, вполнѣ достаточная на содержаніе общихъ судебныхъ учрежденій имперіи. Мы приводимъ это обстоятельство какъ примѣръ, насколько могутъ быть сокращены государственные расходы, еслибъ дѣло было въ рукахъ лицъ заинтересованныхъ. Поэтому о недостаткѣ денежныхъ средствъ не можетъ быть и рѣчи. Если крестьянская реформа была отдѣлена отъ другихъ реформъ, то это потому, что вопросъ крестьянскій сочтенъ былъ не общегосударственнымъ, а сословнымъ, и въ этомъ одностороннемъ взглядѣ заключается корень всѣхъ тѣхъ противорѣчій и колебаній, которыя мы встрѣчаемъ въ исторіи нашего законодательства послѣдняго десятилѣтія. Еслибъ крестьянскому вопросу придано было то значеніе, которое онъ дѣйствительно имѣлъ, еслибъ члены редакціонныхъ коммиссій уяснили себѣ вполнѣ, насколько онъ затрогивалъ весь существовавшій тогда порядокъ вещей, то они прямо пришли бы къ заключенію о необходимости общей государственной реформы и къ составленію плана этой реформы. Тогда установились бы общіе принципы, которые должны были служить исходными точками и основаніями всему дальнѣйшему законодательству; но коммиссіи не возвысились до такой точки зрѣнія; онѣ предпочли составить отдѣльный проектъ и не приняли въ сообра-

женіе тѣхъ мнѣній, которыя указывали на необходимость обобщенія вопроса. Съ ихъ легкой руки система отдѣльныхъ проектовъ вошла въ моду. Съ тѣхъ поръ не только каждое министерство, но даже отдѣльные департаменты выработывали проекты отдѣльныхъ реформъ, не справляясь съ общими началами законодательства и не чувствуя въ нихъ надобности; поэтому въ настоящее время мы имѣемъ цѣлый калейдоскопъ законоположеній, исходящихъ совершенно изъ противоположныхъ началъ. Мы имѣли уже случай указывать на эти противорѣчія при разсмотрѣніи финансовыхъ реформъ, и конечно встрѣтимся съ ними и впослѣдствіи. Если же всѣ существующія у насъ при министерствахъ коммиссіи окончатъ свои занятія, то мы можемъ разсчитывать на еще бо́льшее разнообразіе.

Мы предвидимъ еще одно возраженіе. Намъ могутъ сказать, что реформа крестьянская прошла благополучно, что земская и судебная реформы въ настоящее время введены почти на всемъ пространствѣ Россіи, что не было колебаній, но была только временная отсрочка, которая нисколько не повредила успѣху дѣла и что вслѣдствіе этого наши замѣчанія о вредѣ отдѣленія крестьянскаго вопроса отъ другихъ не имѣютъ никакого практическаго значенія. Мы приводимъ эти возраженія потому, что слыхали ихъ въ обществѣ, и думаемъ, что они не выдерживаютъ критики. Во-первыхъ, слѣдуетъ замѣтить, что допустивъ подобную точку зрѣнія, мы должны отвергнуть необходимость общихъ принциповъ въ дѣлѣ законодательства. Во-вторыхъ, мы позволимъ себѣ спросить: дѣйствительно ли крестьянская реформа прошла благополучно? дѣйствительно ли воля законодателя исполнена вездѣ въ точности? Тѣмъ, которые вздумали бы отвѣчать на эти вопросы утвердительно, мы можемъ представить массу фактовъ, удостовѣренныхъ оффиціально и говорящихъ совершенно противное. Во-первыхъ, результаты дѣятельности повѣрочныхъ коммиссій въ западномъ краѣ показали, что въ большинствѣ случаевъ Положеніе 19-го февраля въ томъ краѣ было вовсе искажено; во-вторыхъ, въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи треть населенія вымерла отъ недостатка средствъ существованія; въ-третьихъ, въ двухъ уѣздахъ Черниговской губерніи выкупные платежи и оброки за землю такъ громадны, въ сравненіи съ качествомъ земли, что крестьяне положительно разорены; въ-четвертыхъ, въ Смоленскую губернію отряжена уже коммиссія для изслѣдованія причинъ накопленія недоимокъ по выкупнымъ платежамъ и народъ положительно умираетъ съ голоду; въ-пятыхъ, многія губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія пришли къ положительному убѣжденію о необходимости пониженія выкупныхъ платежей въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ какъ крестьяне, вслѣдствіе продажи скота за недоимки, сдѣлались положительно несостоятельными; въ-шестыхъ, разсрочка выкупныхъ платежей во многихъ мѣст-

ностяхъ есть фактъ неоспоримый. Всѣ эти факты обнаружились во внутреннихъ губерніяхъ безъ всякихъ повѣрочныхъ коммиссій; а что, еслибы допустить у насъ подобныя коммиссіи?... Можно съ увѣренностію сказать, что факты, открытые въ западныхъ губерніяхъ, не совсѣмъ чужды и другимъ мѣстностямъ Россіи. Что эти факты вызывали, сравнительно, незначительное количество протестовъ и въ особенности протестовъ путемъ законной защиты въ судебныхъ инстанціяхъ, учрежденныхъ для этого рода дѣлъ, то обстоятельство это нисколько не говоритъ въ пользу мнѣнія, несостоятельность котораго мы доказываемъ. Безграмотность народа и вслѣдствіе этого очень темное пониманіе правъ, предоставленныхъ ему Положеніемъ 19-го февраля, неумѣніе вести свое дѣло путемъ законной защиты — служатъ достаточнымъ объясненіемъ того, что крестьяне рѣдко отваживались начинать дѣло указаннымъ путемъ. Они рѣдко могли найти опытнаго и добросовѣстнаго повѣреннаго, такъ какъ для послѣдняго возникали непріятности и со стороны такъ-называемаго образованнаго общества и со стороны нѣкоторыхъ администраторовъ. Къ этому надо прибавить, что часто протестъ крестьянъ, по неразвитости ихъ, выражался въ отказѣ исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности, и тогда принимались такія мѣры, вслѣдствіе которыхъ во многихъ окрестныхъ селеніяхъ пропадала всякая охота къ защитѣ своихъ правъ даже путемъ закона. Намъ могутъ сказать, что невозможно было не преслѣдовать неповиновенія. Мы готовы согласиться съ этимъ, но слѣдовало бы сначала строго изслѣдовать причины неповиновенія, а не сосредоточивать всего вниманія на той формѣ, въ которой выразился протестъ. Между тѣмъ у насъ страхъ передъ возмущеніями часто заставлялъ закрывать глаза на дѣйствительныя причины неудовольствія крестьянъ, и эти взгляды на дѣло, въ особенности тамъ, гдѣ они проводились систематически и послѣдовательно, значительно способствовали тому, что крестьяне подчинялись и терпѣли до тѣхъ поръ, пока положеніе ихъ не выразилось или въ чрезвычайной смертности, или въ огромныхъ недоимкахъ по выкупнымъ платежамъ. Всѣ эти явленія суть слѣдствія того порядка вещей, въ силу котораго защита и охраненіе новаго закона было ввѣрено не общимъ судебнымъ установленіямъ, а какимъ-то временнымъ полу-административнымъ и полу-судебнымъ учрежденіямъ, которыя въ своей дѣятельности, вслѣдствіе такого двойственнаго ихъ характера, не могли стоять исключительно на почвѣ закона, а руководились и другими соображеніями. А такъ какъ наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ Положенія 19-го февраля не могло быть ввѣрено прежнимъ судебнымъ учрежденіямъ вслѣдствіе признанной ихъ несостоятельности, то отсюда возникала прямая необходимость соединенія крестьянской реформы съ судебной. Мы не хотимъ этимъ сказать, что новыя судебныя учрежденія обезпечили бы

вполнѣ правильное примѣненіе крестьянской реформы; мы знаемъ, что несовершенство есть постоянный удѣлъ всѣхъ дѣйствій человѣка,—но мы думаемъ, что новыя судебныя учрежденія, хотя и не составляютъ панацеи отъ всѣхъ золъ, обезпечили бы законность гораздо болѣе, нежели это было. Одно устройство адвокатуры помогло бы значительно дѣлу крестьянъ. Еслибы и встрѣчались отдѣльные случаи неправильнаго устройства ихъ быта, то факты эти не могли бы сдѣлаться общими въ извѣстныхъ мѣстностяхъ.

Но кромѣ этого есть и другія неудобства постановки крестьянскаго вопроса на почву сословную, къ числу которыхъ принадлежитъ неодновременное примѣненіе общаго сельскаго управленія къ временно-обязаннымъ, удѣльнымъ и государственнымъ крестьянамъ. Сколько упущеній и безпорядковъ возникало изъ одного три раза перемѣнявшагося дѣленія на волости? Сколько затрудненій и неудобствъ представлялось при первомъ дѣленіи однихъ временно-обязанныхъ, между которыми находились и государственные и удѣльные крестьяне? Раздѣленіе на волости производилось по числу душъ и потому часто волости тянулись на большія разстоянія, что́ составляло чрезвычайное затрудненіе для явки крестьянъ на волостные сходы. Всѣ оклады въ прежнее время у государственныхъ крестьянъ дѣлались по волостямъ; съ перемѣною же этого порядка обложенія и съ введеніемъ разсчета и окладовъ по каждому обществу отдѣльно, явилась запутанность въ счетахъ казначействъ и волостныхъ правленій. Три раза повторявшаяся *ломка волостей* (какъ выражаются крестьяне) произвела окончательный безпорядокъ, и не только въ этихъ счетахъ, но и въ рекрутскихъ очередяхъ. Сколько совершенно излишнихъ хлопотъ и переписки возникаетъ изъ подобныхъ обстоятельствъ, сколько неправильныхъ поставокъ рекрутъ и послѣдующаго ихъ возвращенія съ замѣною другими, сколько разоренныхъ семействъ вслѣдствіе этой неправильной поставки и т. д.

Другое неудобство является съ введеніемъ земскихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій. Мировые посредники остаются какъ власть отчасти судебная, отчасти административная. Со введеніемъ земскихъ учрежденій является новый органъ административной власти въ видѣ земскихъ управъ, а со введеніемъ мировыхъ судебныхъ учрежденій новый органъ судебной власти, такъ что, независимо отъ столкновеній въ одной и той же сферѣ дѣйствій двухъ органовъ власти и происходящихъ отсюда неудобствъ, является еще полное незнаніе со стороны крестьянъ, съ какимъ дѣломъ куда слѣдуетъ обратиться. При этомъ нельзя забывать и полицейскаго управленія съ становыми приставами, которые также исполняютъ административныя распоряженія губернскаго начальства. Къ довершенію безпорядковъ, господствующихъ въ селеніяхъ, является волостной судъ, члены котораго счи-

таютъ себя обязанными исполнять приказанія волостного старшины и приводить въ исполненіе его приговоры о наказаніи крестьянъ розгами. Извольте объяснить крестьянину, въ огромномъ большинствѣ безграмотному, различіе властей волостного суда, старшины, станового пристава, мирового посредника, земской управы и наконецъ мирового судьи, когда и нашъ братъ съ грѣхомъ пополамъ въ состояніи уяснить себѣ эти тонкости. Признаемся, мы съ грустію читаемъ всегда насмѣшки надъ самоуправствомъ волостныхъ старшинъ въ нашей печати, потому что насмѣшки эти обличаютъ въ авторахъ отсутствіе всякаго пониманія нашихъ порядковъ, которые нисколько не уясняютъ, а напротивъ затемняютъ въ головѣ простого человѣка понятіе о существѣ власти и предѣлахъ ея. Мы бы удивлялись, еслибъ подобныхъ фактовъ не было, а что они есть, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда въ нашемъ законодательствѣ существуютъ такіе принципы, по которымъ какъ для административныхъ, такъ и для судебныхъ функцій считается необходимымъ имѣть въ уѣздѣ по три органа, стоящихъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ народу.

Но эти три административныхъ органа (мировой посредникъ, земская управа и полиція) существуютъ только для устройства матеріальныхъ интересовъ общества; что же касается нравственныхъ, т.-е. потребности образованія, то въ этомъ отношеніи всѣ эти органы оказываются несостоятельными,—и для нихъ существуютъ еще два органа: училищные совѣты и инспекторы народныхъ училищъ. Какъ мало, подумаешь, довѣрія у насъ къ обществу, когда даже за дѣйствіями училищныхъ совѣтовъ потребовался какой-то прокурорскій надзоръ въ лицѣ инспекторовъ народныхъ училищъ, содержаніе которыхъ отнимаетъ значительную долю скудныхъ средствъ, удѣляемыхъ государствомъ на развитіе народныхъ школъ.

Грустно становится, читатель, когда подумаешь обо всѣхъ этихъ фактахъ, да притомъ вспомнишь, что всѣ эти органы власти существуютъ на гроши, добываемые тяжкимъ трудомъ.

Переходя затѣмъ къ губернскимъ учрежденіямъ, какъ они существуютъ въ настоящее время, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же фактомъ, т.-е. съ нѣсколькими органами одной и той же власти. Такъ, по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ существуетъ губернское правленіе, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и недавно вновь открытое губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе. Такимъ образомъ три губернскихъ управленія — одно для управленія дѣлами сельскаго населенія, другое для завѣдыванія дѣлами городовъ, а третье, какъ оказывается, для опредѣленія и увольненія чиновниковъ полиціи, а также для преданія ихъ суду по преступленіямъ должностей. Кромѣ того существуютъ еще особыя о земскихъ повинностяхъ присутствія для завѣдыванія расходами, которые относятся на счетъ государствен-

наго земскаго сбора и тюремный комитетъ для завѣдыванія тюремнымъ хозяйствомъ. Итакъ, пять учрежденій подъ предсѣдательствомъ одного и того же лица, т.-е. губернатора, который долженъ иногда самъ съ собою переписываться. Пишущему эти строки случалось видѣть переписку тюремнаго комитета съ губернскимъ правленіемъ. Первый, за подписью губернатора, проситъ губернское правленіе о какихъ-нибудь поправкахъ въ зданіи тюремнаго за́мка, а послѣднее, если не за подписью, то, по крайней мѣрѣ, съ утвержденія того же губернатора, не находитъ возможнымъ удовлетворить требованіе тюремнаго комитета, а опредѣляетъ исполнить только часть его. Такія явленія встрѣчаются въ то время, когда губернаторъ можетъ рѣшить всякое дѣло въ губернскомъ правленіи по своему личному усмотрѣнію, не стѣсняясь мнѣніями членовъ. По финансовому управленію мы встрѣчаемъ въ губерніи три органа: казенную палату и два управленія—акцизное и государственныхъ имуществъ. Послѣднее хотя и принадлежитъ къ другому министерству, но по существу своихъ обязанностей должно быть отнесено къ финансовому управленію. Несмотря на такое обиліе административныхъ учрежденій, они, какъ оказывается, не исчерпываютъ всей административной дѣятельности. Мѣстнымъ обществамъ нашлась также своего рода дѣятельность: часть обязанностей комитета земскихъ повинностей по завѣдыванію губернскимъ земскимъ сборомъ, часть обязанностей бывшаго приказа общественнаго призрѣнія по завѣдыванію больницами и дѣла бывшей коммиссіи народнаго продовольствія переданы въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій.

Такимъ образомъ административная дѣятельность по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ дѣлится между пятью правительственными учрежденіями, не считая дѣлъ подлежащихъ личному вѣдѣнію губернатора, которыя производятся въ его канцеляріи, и земскими учрежденіями, которыя поставлены подъ контроль не только центральной, но и мѣстной администраціи. Мы понимаемъ раздѣленіе административной дѣятельности въ видахъ общаго государственнаго хозяйства, напримѣръ, отдѣленіе финансоваго управленія отъ прочей администраціи, понимаемъ также возможность отдѣленія полицейской власти, понимаемъ и власть губернатора, какъ представителя центральнаго управленія, какъ начальника и руководителя полицейскихъ чиновъ; но мы не можемъ понять необходимости дальнѣйшаго дробленія хозяйственной и административной дѣятельности между пятью присутственными мѣстами и земскими учрежденіями, не понимаемъ права губернскихъ правленій на преданіе суду по преступленіямъ должностей, рядомъ съ правомъ судебной палаты на утвержденіе обвинительныхъ актовъ. Если для подтвержденія нашихъ мыслей нужны авторитеты, то мы можемъ сослаться на мнѣніе истинно государственнаго человѣка, конечно незараженнаго никакимъ революціон-

нымъ духомъ. Въ одномъ изъ майскихъ номеровъ газетъ опубликованы слова князя Бисмарка, сказанныя имъ въ сѣверо-германскомъ парламентѣ: „Наша задача, въ Эльзасѣ и Лотарингіи—сказалъ князь, усиливать партикуляризмъ"... Первымъ распоряженіемъ, по его совѣту, будетъ произвести выборы на коммунальныя должности и затѣмъ въ генеральные совѣты. „Отъ этихъ собраній лучше можно освѣдомиться о нуждахъ провинцій, чѣмъ отъ прусскихъ чиновниковъ. Назначеніе коммунальныхъ должностныхъ лицъ по выборамъ не представляетъ ничего опаснаго. Напротивъ, иноземный чиновникъ неловкими поступками можетъ возбудить неудовольствіе, что вовсе не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ правительства. Я полагаю даже, что коммунальныя должностныя лица будутъ намъ гораздо менѣе вредны, чѣмъ наши собственные чиновники.... Самоуправленіе мы разовьемъ въ странѣ настолько, насколько это возможно, не нарушая спокойствія страны". Вотъ какъ разсуждаютъ государственные люди Пруссіи. Князь Бисмаркъ не боится самоуправленія, и это на другой день послѣ присоединенія такихъ провинцій, которыя оказали ему энергическое сопротивленіе; онъ не боится даже развитія партикуляризма и не смѣшиваетъ его съ сепаратизмомъ, онъ боится одного, какъ бы его собственные чиновники своими неловкими дѣйствіями не произвели неудовольствія, такъ какъ ему, прибавляетъ онъ далѣе, нужно довѣріе населенія. Въ дальнѣйшихъ словахъ онъ увѣряетъ рейхстагъ, что онъ принимаетъ на себя управленіе новыми провинціями изъ участія къ дальнѣйшей судьбѣ ихъ жителей и чувствуетъ себя ихъ адвокатомъ. Изъ этого прямо можно заключить, что этотъ государственный человѣкъ не разсчитываетъ управлять провинціями съ помощію той силы, которую онъ имѣетъ, а напротивъ ищетъ расположенія и довѣрія населенія, которое призываетъ къ участію въ управленіи, и считаетъ это болѣе вѣрнымъ средствомъ для объединенія новыхъ провинцій съ остальной Германіей. Тѣмъ изъ нашихъ читателей, которымъ наши доводы покажутся недостаточно убѣдительными, мы посовѣтуемъ вдуматься хорошенько въ слова князя Бисмарка, тѣмъ болѣе, что коммунальныя должностныя лица въ Германіи и генеральные совѣты имѣютъ дѣйствительную власть, независимую отъ центральной администраціи и отвѣтственную только передъ судомъ.

Но возвратимся къ нашему предмету. Мы видѣли, между сколькими органами дѣлится у насъ мѣстное управленіе какъ въ губерніи, такъ и въ уѣздѣ. Признаемся, мы рѣшительно не понимаемъ необходимости всѣхъ трехъ губернскихъ управленій и мировыхъ посредниковъ рядомъ съ земскими и судебными учрежденіями, и считаемъ издержки на ихъ содержаніе совершенно напрасными, въ особенности въ то время, когда министерство юстиціи нуждается въ средствахъ для повсемѣстнаго введенія судебныхъ учрежденій. Что же касается

до тюремнаго комитета и отдѣленій, то мы считаемъ ихъ положительно вредными и это потому, что въ то время, когда государственный бюджетъ представляетъ постоянный дефицитъ, тюремные комитеты накопляютъ значительные капиталы изъ суммъ, отпускаемыхъ имъ изъ казны, несмотря на самое безпорядочное хозяйство. Ясно, что суммы, отпускаемыя изъ казны, слишкомъ велики. Насъ удивляетъ нѣсколько логика защитниковъ пользы этихъ обществъ. Они утверждаютъ, что казначейство истратило бы во всякомъ случаѣ эти деньги, а что комитетъ, распоряжаясь ими, какъ частное лице, можетъ дѣлать экономію, — вотъ эта экономія и составляетъ доходъ обществъ, изъ котораго образуются капиталы. Но мы спросимъ, изъ кого состоятъ эти общества? вѣдь губернаторъ, управляющій казенной палатой и прокуроръ состоятъ главными и отвѣтственными членами этихъ обществъ, и отъ нихъ же зависитъ и распоряженіе объ отпускѣ денегъ изъ казны и надзоръ за правильнымъ ихъ употребленіемъ. Какимъ же образомъ можно себѣ представить, что люди эти, дѣйствуя въ своихъ должностяхъ, не съумѣютъ распорядиться правильно казенными суммами и издержатъ болѣе, а когда сдѣлаются членами тюремнаго комитета и будутъ дѣйствовать въ качествѣ членовъ особаго общества, то издержатъ менѣе? Гораздо вѣрнѣе допустить, что табель на содержаніе здоровыхъ и въ особенности больныхъ арестантовъ составляется довольно широко, согласно ходатайству мѣстнаго губернатора, который есть вице-президентъ тюремнаго комитета и который въ силу этого необходимо долженъ заботиться объ увеличеніи средствъ комитета, чтобъ улучшить по возможности ввѣренную его управленію часть и покрывать такіе расходы, которые по штатамъ не назначаются. Одной изъ главныхъ статей сюда относящихся есть недостатокъ содержанія служащихъ при тюремныхъ заведеніяхъ. Но, по нашему мнѣнію, лучше удовлетворять всѣ эти расходы изъ казначейства, чѣмъ отпускать комитетамъ еще бо́льшія суммы подъ другимъ названіемъ и притомъ въ безотчетное распоряженіе. Вѣдь не вездѣ найдутся люди, которые съумѣютъ употреблять эти средства съ дѣйствительною пользою, и у насъ не рѣдки примѣры, что суммы тюремныхъ комитетовъ тратились Богъ знаетъ какъ. Что же касается до особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, то о вредѣ этого учрежденія мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ нашихъ статей.

V.

Мы подробно разсмотрѣли наши административные порядки въ общемъ ихъ значеніи и повидимому достаточно доказали, что и силы, и средства тратятся тамъ, гдѣ этого вовсе не требуется. Мы никого не обвиняемъ и даже готовы допустить, что вся эта сложная адми-

нистрація со всѣми ея неудобствами нисколько не есть признакъ недостатка довѣрія къ обществу (чтó позволительно было бы подумать), а просто прямое и необходимое слѣдствіе неправильно поставленнаго вопроса о крестьянской реформѣ. Какъ скоро вопросъ этотъ поставленъ вопросомъ сословнымъ, не касающимся всѣхъ сторонъ государственной жизни, то при разрѣшеніи его не могло быть и рѣчи объ общей системѣ государственнаго управленія и о тѣхъ началахъ, которыя должны служить ея основаніемъ. Тѣмъ не менѣе реформа эта, по своей сущности, вводила новый принципъ въ государственную жизнь и тѣмъ самымъ поколебала весь государственный строй прежняго порядка. Крестьянская реформа, однимъ фактомъ освобожденія половины населенія отъ крѣпостной зависимости, указывала на ненормальность отношеній, въ которыя была поставлена другая половина сельскаго населенія, на безусловный вредъ горизонтальныхъ перегородокъ въ обществѣ въ смыслѣ сословномъ, на невозможность предоставленія одному дворянству права избирательства въ общественныя должности, на необходимость суда на новыхъ началахъ и т. д. Странно то обстоятельство, что все это было высказано и въ печати и въ нѣкоторыхъ комитетахъ, и несмотря на это не было принято редакціонными коммиссіями въ соображеніе; но какъ скоро крестьянскій вопросъ былъ поставленъ вопросомъ сословнымъ и несмотря на все его значеніе какъ въ настоящемъ, такъ и будущемъ, для рѣшенія его не считалось необходимымъ установить новыя начала государственнаго управленія, которыя были бы свободны отъ всѣхъ крѣпостныхъ тенденцій, тогда весьма понятна и причина системы отдѣльныхъ проектовъ. Намъ кажется, что въ тогдашнее время въ нашихъ административныхъ сферахъ едва ли вѣрили, что крѣпостное право повліяло на все наше законодательство и что потребуются радикальныя реформы съ его отмѣною. Повидимому, у насъ убѣждались въ необходимости реформъ не путемъ предусмотрительности, а путемъ практическихъ указаній опыта. Отсюда система отдѣльныхъ проектовъ, выработанныхъ въ различныхъ коммиссіяхъ: люди, работающіе въ этихъ коммиссіяхъ, по бóльшей части имѣютъ въ виду устраненіе тѣхъ недостатковъ законодательства, которые встрѣчены на практикѣ, не принимая въ соображеніе той органической связи, въ которой находятся всѣ явленія общественной жизни. Такимъ образомъ учрежденія, создаваемыя не по общему плану и имѣющія въ виду удовлетворить только извѣстнымъ потребностямъ въ данное время, безъ отмѣны тѣхъ принциповъ, на которыхъ было основано прежнее законодательство, не могутъ замѣнить вполнѣ прежнихъ учрежденій, а являются какими-то дополненіями къ нимъ. Отсюда необходимость удержать существованіе послѣднихъ, хотя они не соотвѣтствуютъ ни духу времени, ни потребностямъ общества, и тратить на нихъ громадныя средства. Такъ, вмѣсто

того, чтобъ преобразовать все казенное управленіе въ губерніи, у насъ создается особое акцизное управленіе, поглотившее десятки милліоновъ независимо отъ тѣхъ средствъ, которыя употреблялись на содержаніе казенныхъ палатъ; другой примѣръ: развѣ власть губернатора въ настоящее время то, что она была десять лѣтъ назадъ? Земскія учрежденія съ одной, контрольныя палаты съ другой, наконецъ судебныя учрежденія съ третьей стороны ограничиваютъ власть губернаторовъ, а наказъ губернаторамъ продолжаетъ называть его хозяиномъ губерніи и до сихъ поръ остается дѣйствующимъ законодательствомъ. Мы не станемъ приводить статей, а попросимъ читателя самого просмотрѣть во второмъ томѣ свода законовъ, какія обязанности возлагаются этимъ узаконеніемъ на губернаторовъ, независимо отъ обязанности предсѣдателя въ различныхъ губернскихъ присутствіяхъ и комитетахъ. Въ состояніи ли человѣкъ исполнить и сотую долю того, что требуетъ отъ него законъ? Но если человѣкъ не въ состояніи выполнить закона, то весьма естественно, что онъ руководствуется въ своей дѣятельности не закономъ, а собственнымъ усмотрѣніемъ, или лучше сказать произволомъ. При господствѣ крѣпостныхъ взглядовъ, когда законъ былъ самъ по себѣ, а жизнь сама по себѣ, такой порядокъ вещей былъ очень понятенъ и никого не шокировалъ. Люди кое-какъ примѣнялись къ нему, не разсчитывая на законъ и дѣло шло, хотя и дорого обходилось иногда. Но въ настоящее время, когда существуетъ господство закона, для обезпеченія котораго государственный бюджетъ почти удвоился и созданы новыя судебныя учрежденія—всякому позволительно разсчитывать не на усмотрѣніе администраціи, а на существующій законъ. Между тѣмъ усмотрѣніе сохраняетъ свое значеніе въ силу необходимости, такъ какъ предѣлы власти губернаторовъ не опредѣлены съ точностію. Намъ кажется, что наказъ губернаторамъ въ настоящее время сдѣлался анахронизмомъ, ставитъ каждаго добросовѣстнаго губернатора въ совершенно ложное положеніе и ведетъ къ тѣмъ неловкимъ поступкамъ, которыхъ такъ боится князь Бисмаркъ и которые никого не пугаютъ только у насъ. Что законъ этотъ устарѣлъ—этого не отрицаетъ никто, и даже поборники административной централизаціи находятъ нужнымъ его измѣнить. Но что же намъ предлагается взамѣнъ этого отжившаго закона? Не далѣе, какъ въ прошломъ году, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ разсматривался проектъ объ усиленіи власти губернаторовъ. Вотъ какія слѣдствія могутъ возникать при отсутствіи общихъ началъ въ законодательствѣ и при системѣ отдѣльныхъ проектовъ реформъ. Не имѣя въ виду этихъ общихъ началъ ясно формулированныхъ, очень многіе не замѣчаютъ, что всѣ реформы послѣдняго времени имѣли своимъ послѣдствіемъ ограниченіе власти губернаторовъ, и считаютъ нужнымъ усилить ее. Хотя это значитъ уничтожать то немногое, что

у насъ сдѣлано, и идти прямо въ разрѣзъ со всѣми послѣдними реформами, но людямъ, имѣющимъ въ виду интересы только одного вѣдомства, до этого нѣтъ никакого дѣла. Конечно, проектъ этотъ не прошелъ, благодаря настойчивости многихъ изъ нашихъ государственныхъ людей, но мы привели этотъ фактъ только въ подтвержденіе нашей мысли о неудобствѣ проектированія отдѣльныхъ положеній, а для этого достаточно и того, что такой проектъ могъ возникнуть и разсматриваться въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ предложеніе серьезное.

Въ настоящее время проектъ объ административной реформѣ разсматривается въ особой спеціальной коммиссіи, образованной изъ членовъ различныхъ вѣдомствъ, и такъ какъ о ходѣ ея работъ ничего неизвѣстно, то намъ остается только пожелать, чтобъ она не послѣдовала по пути уже проторенному. Дай Богъ, чтобъ коммиссія взглянула на свою задачу шире, нежели всѣ предшественницы ея, чтобъ она, по крайней мѣрѣ, поставила эту задачу вопросомъ объ общегосударственной реформѣ, представила бы доказательства необходимости не только замѣнить новымъ положеніемъ прежній наказъ губернаторамъ, но и согласить между собою всѣ административныя реформы послѣдняго времени, а главное указала бы на необходимость выработать общія начала государственнаго управленія, поставивъ на твердыхъ основаніяхъ вопросъ о предѣлахъ власти центральнаго управленія съ его органами и тѣмъ самымъ опредѣлила бы кругъ дѣятельности мѣстныхъ обществъ. Желательно бы было, чтобъ коммиссія не увлеклась идеальнымъ порядкомъ и не пожелала бы возложить слишкомъ большихъ обязанностей на администрацію. Не надобно забывать, что администрація дѣйствуетъ на извѣстномъ пространствѣ, что это пространство въ нашемъ отечествѣ слишкомъ велико и представляетъ для нея камень преткновенія. Возложить извѣстныя обязанности закономъ на администрацію не мудрено, но исполнить ихъ бываетъ иногда весьма трудно, наблюсти за исполненіемъ еще труднѣе. Въ такихъ обстоятельствахъ законъ остается мертвой буквой на бумагѣ, а жизнь идетъ своей колеей; а это не можетъ не нарушать довѣрія общества и къ закону и къ администраціи. Если за исполненіемъ чего-нибудь администраціи слѣдить трудно, то лучше предоставить это вѣдѣнію мѣстныхъ обществъ. Наконецъ, у насъ есть еще третье благочестивое желаніе, чтобъ коммиссія не слѣдовала примѣру министерства народнаго просвѣщенія и не представляла своихъ работъ на утвержденіе государственнаго совѣта прежде ихъ опубликованія. Голосъ общественнаго мнѣнія, выражаемаго печатью, есть экспертиза, ничего не стоющая, и выслушать ее въ дѣлѣ такой важности, во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ: она можетъ указать на такія стороны вопроса, которыя положительно ускользаютъ при кабинетной работѣ.

VI.

Въ заключеніе нашей статьи намъ слѣдуетъ вернуться нѣсколько назадъ. Уступая желанію побесѣдовать съ читателемъ о болѣе важномъ предметѣ, мы занялись общимъ административнымъ порядкомъ, который установленъ Положеніемъ 19-го февраля, тогда какъ еще прежде, 1860-го года іюня 8-го дня, была начата полицейская реформа, слѣдственная часть изъята изъ вѣдѣнія полиціи и созданы новыя должности судебныхъ слѣдователей. Устройство же въ нынѣшнемъ своемъ видѣ полиція получила вслѣдствіе указа 1862-го года декабря 25-го дня. Объ этихъ узаконеніяхъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ теперь, чтобъ не развлекать вниманіе читателя въ слѣдующей статьѣ, въ которой займемся исключительно положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Мы говорили выше, что нѣкоторые органы печати, а также губернскіе комитеты для составленія проекта крестьянскаго положенія, еще въ 1858 году заявляли о необходимости, вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій быта половины населенія, измѣнить наши судебные, административные и полицейскіе порядки. Изъ всѣхъ поднятыхъ тогда вопросовъ одинъ только обратилъ на себя вниманіе — это неудовлетворительность слѣдствій по дѣламъ уголовнымъ, производившимся временными отдѣленіями земскихъ судовъ и становыми приставами. Несовмѣстность судебныхъ дѣйствій съ обязанностями полицейскаго чиновника, сущность власти котораго есть исполнительная, конечно, составляла важное неудобство какъ для самой полиціи, такъ и для суда. Отдѣленіе слѣдственной части отъ обязанностей полиціи было необходимо. Но, чтобы это отдѣленіе могло принести какую-нибудь пользу, необходимо, во-первыхъ, совершенно полное отдѣленіе суда отъ полиціи для того, чтобъ полиція сохранила свой чисто исполнительный характеръ и не могла превышать предѣлы своей власти; во-вторыхъ, необходимы также и другія условія судебной реформы, введенныя у насъ судебными уставами, какъ-то: юридическое образованіе лицъ, принадлежащихъ къ судебному составу, самостоятельное положеніе и извѣстное матеріальное обезпеченіе, и въ особенности раціональный контроль дѣйствій слѣдователя какъ со стороны прокурорскаго надзора, такъ и со стороны суда. Но развѣ у насъ были всѣ эти условія въ то время, о которомъ мы говоримъ? За неимѣніемъ института мировыхъ судей, по наказу полиціи, изданному въ тоже время, на полиціи лежало не только производство слѣдствій, но и судебное разбирательство по цѣлому разряду маловажныхъ преступленій и проступковъ; а по дѣламъ, подлежащимъ разбирательству судебныхъ мѣстъ, на обязанность полиціи возлагалось производство дознанія.

Но при этомъ мы позволимъ себѣ замѣтить, что случаи, подлежащіе полицейскому разбору, отличаются отъ случаевъ, подлежащихъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ по роду и степени наказанія, опредѣленнаго закономъ, и часто только по совершенномъ окончаніи слѣдствія можно опредѣлить, слѣдуетъ ли дѣло въ судъ или въ полицію, а потому слѣдствіе долго могло оставаться въ полиціи, несмотря на то, что оно слѣдовало въ судъ. Кромѣ того, если и возможно опредѣлить, что дѣло должно подлежать вѣдѣнію судебнаго мѣста, то и въ такомъ дѣлѣ полиція обязана производить дознанія. Но гдѣ оканчивается дознаніе и гдѣ начинается слѣдствіе? законъ этого не опредѣляетъ, да и врядъ ли въ состояніи опредѣлить съ точностію.

Правда, въ статьѣ 3-й наказа полиціи сказано, что дознаніе заключается въ собраніи свѣдѣній о дѣйствительности происшествія, соединеннаго съ преступленіемъ. Но это такое общее опредѣленіе, которое даетъ очень туманное понятіе. Если найденъ человѣкъ съ явными признаками насильственной смерти, то одинъ видъ этого человѣка указываетъ, что происшествіе дѣйствительно было и соединено съ преступленіемъ. Но неужели дознаніе кончено, если полицейскій чиновникъ взглянулъ на убитаго? Мы не думаемъ; по крайней мѣрѣ, изъ послѣдующихъ статей наказа можно вывести противоположное заключеніе. Затѣмъ въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, полиція можетъ производить всѣ тѣ дѣйствія, которыя разрѣшены судебному слѣдователю, какъ-то: осмотры, обыски и выемки, спросъ подъ присягой, очныя ставки и т. д., и въ этихъ дѣйствіяхъ руководствуется правилами наказа судебнымъ слѣдователямъ. Она можетъ даже производить аресты въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ. Повторяемъ нашъ вопросъ: гдѣ же оканчивается дознаніе и передается судебному слѣдователю? Вслѣдствіе такого двойственнаго характера полиціи возникаетъ масса пререканій и постоянное сваливаніе бѣды съ больной головы на здоровую. Очевидно, что всѣ эти чисто-слѣдственныя дѣйствія возложены на полицію въ томъ предположеніи, что она должна скорѣе находиться на мѣстѣ преступленія, чѣмъ судебный слѣдователь. Но на какомъ основаніи сдѣлано это предположеніе? Подумали ли составители проекта объ этомъ вопросѣ, или они задались мыслію, что глазъ полиціи долженъ находиться всегда и вездѣ, какъ это установлено закономъ? Но это указываетъ только на непрактичность людей, занимающихся у насъ разработкой законодательныхъ вопросовъ. Все это хорошо въ Петербургѣ, гдѣ полицейскій чиновникъ можетъ находиться на мѣстѣ преступленія черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ оно сдѣлалось извѣстнымъ, между тѣмъ какъ въ провинціи этотъ промежутокъ времени можетъ быть въ нѣсколько дней. Становой приставъ можетъ узнать о преступленіи ничуть не скорѣе судебнаго слѣдователя. Число послѣднихъ въ уѣздѣ нисколько

не менѣе числа становыхъ приставовъ, на этомъ основаніи все равно — дать ли знать о преступленіи становому приставу или судебному слѣдователю, и шансы быстраго прибытія ихъ на мѣсто совершенно одинаковы. А знаете ли, читатель, что̀ происходитъ вслѣдствіе такой обязанности, возложенной на полицію? Сотскіе и другія сельскія власти считаютъ необходимымъ дать знать непремѣнно становому приставу, котораго они могутъ не застать дома. По возвращеніи же и по прибытіи на мѣсто становой приставъ не считаетъ возможнымъ прибѣгать къ энергическимъ мѣрамъ, а часто по неразвитости своей и не желаетъ брать на себя отвѣтственность въ подобныхъ мѣрахъ; судебные же слѣдователи, имѣя въ виду, что первое дознаніе возлагается на полицію, нисколько не спѣшатъ прибытіемъ на мѣсто; вслѣдствіе этого часто исчезаютъ всякіе слѣды преступленія. Вотъ одна изъ причинъ неудовлетворительности слѣдствій, несмотря на то, что ихъ производятъ судебные слѣдователи.

Но это не единственная причина, — есть и другія. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести недостатокъ образованія между лицами, занимавшими эти должности почти до послѣдняго времени. Въ статьѣ 3-й положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей хотя и сказано, что на эти должности опредѣляются преимущественно лица, кончившія курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но допущены и лица, производившія съ успѣхомъ нѣсколько слѣдствій и извѣстныя начальству опытностью и добросовѣстностью. Вотъ это-то послѣднее условіе и было причиною того, что въ судебные слѣдователи большею частію попадали люди безъ всякаго образованія, тѣмъ болѣе, что 1,000 руб. содержанія вмѣстѣ съ канцелярскими и разъѣздными расходами и съ перспективой жить или въ уѣздномъ городѣ, или въ селеніи, далеко отъ всего образованнаго міра, не могли привлекать къ этимъ должностямъ людей, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пишущему эти строки пришлось одинъ разъ быть, вмѣстѣ съ своимъ прикащикомъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, свидѣтелемъ при одномъ слѣдствіи, не въ глуши, а въ губернскомъ городѣ Владимірѣ. Слѣдователь, отобравши отъ насъ показанія, записалъ ихъ и подалъ сперва мнѣ для подписи. Я спросилъ слѣдователя: „надо подписать: *къ сему показанію*“.—„*Къ сему объясненію*“, былъ отвѣтъ. Я подписалъ; затѣмъ садится прикащикъ и спрашиваетъ: „*къ сему объясненію надо писать?*“—„*Дуракъ*—отвѣчаетъ слѣдователь, — *мужикъ, а хочетъ писать къ сему объясненію*; *пиши къ сему показанію*“.—Если въ губернскомъ городѣ, подъ Москвою, возможны были такіе слѣдователи, то что же было въ глуши?

Несамостоятельность этихъ должностей была также причиной, почему люди образованные не искали ихъ. Хотя въ законѣ и сказано, что судебный слѣдователь не можетъ быть удаленъ отъ должности

иначе, какъ съ преданіемъ суду, но отсюда до самостоятельности еще далеко. Одно право губернатора и прокурора по усмотрѣнію переводить изъ одного участка въ другой можетъ заставить выйти въ отставку, а потому, если судебный слѣдователь велъ какое-нибудь дѣло несогласно видамъ губернатора, то онъ могъ просто получить приказаніе подать въ отставку, и отстаивать свои права слѣдователь былъ не въ состояніи.

Наконецъ, дѣйствія судебныхъ слѣдователей оставались безъ всякаго контроля и руководства со стороны суда. Члены бывшихъ уѣздныхъ судовъ, конечно, не могли дать никакого полезнаго указанія слѣдователю. а когда дѣло доходило въ уголовную палату, то часто было невозможно пополнить недостатки слѣдствія. Впрочемъ, при прежнихъ составахъ уголовныхъ палатъ дѣла въ нихъ понимались и велись едвали многимъ лучше, чѣмъ въ уѣздныхъ судахъ. Въ настоящее время, кромѣ указаній прокуроровъ, публичныя засѣданія, съ ихъ перекрестными допросами и судебными преніями, въ которыхъ дѣйствія слѣдователей подвергаются полнѣйшей критической оцѣнкѣ, составляютъ для нихъ такую школу, которая можетъ образовывать весьма дѣльныхъ слѣдователей даже изъ людей, не получившихъ юридическаго образованія; но при прежнемъ порядкѣ, когда слѣдователь долженъ былъ собирать не факты, бросающіе свѣтъ на дѣло, а доказательства, предусмотрѣнныя закономъ, хотя по существу многихъ дѣлъ такихъ доказательствъ имѣть невозможно, и когда дѣйствія слѣдователя не подвергались никакой критической оцѣнкѣ, кромѣ развѣ той, нѣтъ ли у него какихъ-нибудь пререканій съ полиціей или администраціей, — тогда и образованіе и способности могли только глохнуть.

Такимъ образомъ можно положительно сказать, что учрежденіе судебныхъ слѣдователей не принесло ровно никакой пользы. Это было не учрежденіе новыхъ судебныхъ должностей, а просто увеличеніе числа становыхъ приставовъ, спеціально назначенныхъ для производства слѣдствій. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходило на практикѣ, несмотря на то, что опредѣленіе ихъ зависѣло отъ министра юстиціи. При этомъ необходимо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ они опредѣлялись исправляющими должность слѣдователей и слѣдовательно какъ чиновники министерства юстиціи, только командированные къ исправленію должностей, вслѣдствіе требованія губернаторовъ однимъ почеркомъ пера могли быть причислены къ министерству. Такимъ образомъ уничтожалась на практикѣ и та небольшая доля самостоятельности, которая была предоставлена этимъ должностямъ по закону. Измѣнялись не тѣ условія, которыя дѣйствительно вредили дѣлу, а тѣ, которыя признаны закономъ за существенную гарантію правильности судебныхъ дѣйствій. При этомъ нельзя не пожалѣть и о 10-ти милліонахъ, истраченныхъ

въ теченіи 10-ти лѣтъ безъ пользы, тогда какъ эти милліоны могли сдѣлать много хорошаго.

Но неужели, скажутъ намъ, возможно было оставлять производство слѣдствій въ рукахъ полиціи, обремененной массой мелкихъ исполнительныхъ дѣлъ? Если и особые чиновники не успѣвали производить слѣдствія, то какимъ образомъ можно было оставить подобное дѣло въ рукахъ полиціи? Но мы никогда и не утверждали, что надо было оставлять дѣло при прежнемъ порядкѣ; мы думаемъ только, что не слѣдовало изъ общаго плана судебной реформы брать одну только часть и бросать ее въ хаотическій безпорядокъ прежнихъ учрежденій, а слѣдовало вводить новую реформу вполнѣ.

Кстати припомнить теперь, какъ хорошо понимаютъ подобные вопросы наши классики и насколько классицизмъ развиваетъ способность практическаго взгляда на дѣло. Намъ до сихъ поръ памятно, съ какимъ паѳосомъ привѣтствовалъ „Русскій Вѣстникъ" учрежденіе новыхъ должностей. Страннымъ показался намъ подобный взглядъ, и мы тогда же поспѣшили въ газетѣ „Наше Время" заявить свое сомнѣніе въ дѣйствительной пользѣ нововведенія. Десятилѣтній опытъ вполнѣ оправдалъ наше мнѣніе.

Намъ могутъ замѣтить также, что еслибъ судебная реформа была введена ранѣе, то многія ея существенныя черты, принятыя въ 1864-мъ году, не прошли бы въ 1860-мъ и что вслѣдствіе отсрочки мы имѣемъ законъ въ болѣе совершенномъ видѣ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что реформа была преждевременна въ 1860-мъ году. Мало ли что можетъ явиться въ лучшемъ видѣ впослѣдствіи, но нельзя же изъ-за этого проповѣдывать застой. Быть можетъ, тѣ же самые судебные уставы, если бы они явились въ настоящую минуту, избѣжали бы нѣкоторыхъ недостатковъ, но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что надобно сожалѣть о ихъ появленіи въ 1864-мъ году.

Итакъ, полицейская реформа начата желаніемъ отдѣлить отъ нея слѣдственную часть, тогда какъ судебное разбирательство мелкихъ проступковъ было оставлено за полиціей. Подобное обстоятельство указываетъ прямо, какъ мало уяснили себѣ составители проекта понятіе о сущности полицейской власти, реформа которой могла быть сдѣлана только въ связи съ полной судебной реформой. Если можно было начинать съ введенія ея по частямъ, то сначала необходимъ былъ институтъ мировыхъ судей, а не судебныхъ слѣдователей. Институтъ мировыхъ судей, освобождая полицію отъ всякаго судебнаго разбирательства, ставитъ ее, какъ власть исполнительную, гораздо лучше въ то положеніе, которое она должна занимать въ системѣ государственныхъ учрежденій. Мы не защитники введенія реформъ по частямъ и думаемъ, что такой порядокъ имѣетъ свои неудобства, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, но все же не можемъ

не сказать, что лучше было начать полицейскую реформу съ введенія мировыхъ судебныхъ учрежденій, чѣмъ съ института судебныхъ слѣдователей. Послѣдніе, безъ общихъ судебныхъ мѣстъ въ томъ видѣ, какъ ихъ установляютъ судебные уставы, сами необходимо должны были обратиться въ полицейскихъ чиновниковъ и потому не произвели никакой перемѣны въ характерѣ полицейской власти и даже не способствовали къ разъясненію понятія о ней ни въ обществѣ, ни въ средѣ самой полиціи. Все это доказываетъ, какую тѣсную, неразрывную связь между собою имѣютъ всѣ части государственнаго управленія и какъ безполезно измѣнять одну, безъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ другихъ частяхъ. Мы сказали *безполезно*, но намъ слѣдовало бы сказать: *по меньшей мѣрѣ безполезно*, такъ какъ во многихъ случаяхъ оказывается положительный вредъ. Столкновенія старыхъ началъ съ новыми и происходящія отсюда такъ-называемыя *пререканія* не только поглощаютъ напрасно силы и средства, но подрываютъ кредитъ новыхъ учрежденій, а отсутствіе прямыхъ, полезныхъ послѣдствій поселяетъ въ обществѣ убѣжденіе, что надежды его на лучшій порядокъ вещей напрасны. А когда становятся извѣстными подобные факты, какъ одесская экзекуція, то не рѣдко случается слышать въ обществѣ вопросъ: къ чему же повели всѣ наши реформы? Подобныя мысли не могутъ обѣщать ничего хорошаго, кромѣ порожденія неумѣренныхъ желаній съ одной стороны и, быть можетъ, реакціи съ другой. Дай Богъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ наше будущее не представляло болѣе поводовъ, способствующихъ развитію подобныхъ взглядовъ на жизнь.

Мы сказали, что нынѣшнее устройство полиціи введено закономъ 1862 года декабря 25. Этимъ узаконеніемъ уничтожено было право дворянства на выборъ исправниковъ, а городская и земская полиція уѣздовъ, за весьма небольшими исключеніями, соединены въ одно полицейское управленіе, во главѣ котораго поставленъ уѣздный исправникъ опредѣляемый губернаторомъ. Только послѣ введенія крестьянскаго положенія, когда оно уже дѣйствовало болѣе года, было замѣчено неудобство предоставленія одному сословію выбора начальника полиціи въ уѣздѣ. Необходимость отмѣны этого права выказалась ясно и положительно. Только опытъ могъ доказать справедливость мнѣнія тѣхъ, которые указывали на эту необходимость въ началѣ крестьянскаго вопроса. Не правы ли мы были, говоря выше, что наши реформы не были предусмотрѣны и что только практическій опытъ указывалъ на ихъ необходимость. Фактъ этотъ представляетъ новое доказательство необходимости обобщенія вопросовъ и ихъ болѣе широкой постановки въ дѣлѣ переустройства народной жизни.

Уничтоженіе права выбора исправниковъ однимъ сословіемъ требовалось, какъ въ интересахъ другихъ сословій, такъ и въ интересахъ

правительственной власти. Исправникъ, избираемый дворянствомъ, не могъ не чувствовать себя зависимымъ отъ своихъ избирателей, и, само, собою разумѣется, отъ болѣе вліятельныхъ лицъ между ними и, хотя онъ утверждался лицомъ правительственнымъ и могъ быть отрѣшенъ всегда отъ своей должности тѣмъ же лицомъ, тѣмъ не менѣе ему нельзя было не принимать въ соображеніе, что не будучи избранъ, онъ не могъ получить мѣста. Такимъ образомъ онъ часто долженъ былъ находиться въ затруднительномъ положеніи по отношенію къ своимъ избирателямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы ихъ сталкивались съ правительственными или частными интересами другихъ сословій. На этомъ основаніи нельзя не признать раціональности уничтоженія права одного сословія избирать начальника полиціи въ уѣздѣ. Но, удовлетворяя такимъ образомъ справедливые интересы правительственной власти, законъ не предоставилъ никакихъ гарантій частнымъ лицамъ противъ злоупотребленій полицейской власти. Жалобы губернатору и губернскому правленію—далеко не достаточныя гарантіи по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что губернаторъ живетъ въ губернскомъ городѣ, а полиція дѣйствуетъ по цѣлой губерніи, что онъ занятъ дѣлами болѣе серьезными и не можетъ разсматривать мелкихъ жалобъ на притѣсненія полиціи съ тѣмъ вниманіемъ, котораго они заслуживаютъ; а между тѣмъ много мелкихъ злоупотребленій имѣютъ болѣе важное значеніе въ жизни, нежели одно крупное. Во-вторыхъ, законъ долженъ, какъ кажется, разсчитывать и на слабости людскія, такъ какъ агенты правительственной власти, какъ бы они ни были высоко поставлены, не изъяты отъ нихъ. Поэтому нельзя не принимать въ соображеніе или самолюбіе людей, которые никакъ не хотятъ вѣрить, что чиновники, ими избранные и опредѣленные, могутъ позволять себѣ злоупотребленіе власти; или непониманіе ими того вреда, который нанесенъ; или излишнюю снисходительность и равнодушіе, или наконецъ убѣжденіе, что нельзя по всѣмъ жалобамъ производить разбирательство и тѣмъ дискредитировать власть на мѣстѣ. Не говоря уже о лицахъ недобросовѣстныхъ, развѣ рѣдки примѣры приведенныхъ нами недостатковъ въ людяхъ. Вотъ, вслѣдствіе этихъ-то недостатковъ, мы и говоримъ, что жалоба губернатору есть недостаточная гарантія противъ злоупотребленій полиціи, тѣмъ болѣе, что власть послѣдней весьма обширна и можетъ касаться разнообразныхъ интересовъ общества, въ особенности въ такіе моменты, когда жизнь выходитъ изъ обычной колеи. Если представляется необходимостью въ интересахъ правительственной власти поставить полицію въ зависимость отъ этой власти, то также необходимо доставить извѣстную гарантію и частнымъ лицамъ противъ уклоненій полиціи отъ законнаго порядка, и эта гарантія можетъ существовать только въ судѣ. Почему не считается возможнымъ предоставить каждому частному лицу

право иска въ судѣ въ случаяхъ злоупотребленія полиціей своей власти, не прибѣгая съ жалобами къ начальству? Человѣкъ долженъ имѣть право обращаться прямо къ суду, кѣмъ бы ни были нарушены его интересы. Почему полицейскій чиновникъ, нарушая законъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, подлежитъ отвѣту передъ начальствомъ, а не передъ судомъ? Почему полицейскій чиновникъ, если онъ нанесъ оскорбленіе вамъ въ частномъ обществѣ, подлежитъ отвѣтственности передъ мировымъ судьей наравнѣ съ частными лицами, если же на улицѣ, гдѣ онъ наблюдалъ за порядкомъ, то отвѣчаетъ только передъ своимъ начальствомъ? Если обстоятельство это не имѣетъ большого значенія въ столицахъ, гдѣ начальство близко и всегда готово выслушать справедливую жалобу, то оно очень важно въ провинціи и въ особенности по отношенію къ людямъ низшихъ классовъ, на которыхъ часто обрушивается произволъ полиціи. Трудно себѣ объяснить, почему отсутствуетъ въ законахъ правило объ отвѣтственности каждаго полицейскаго чиновника передъ судомъ за свои дѣйствія. Неужели судъ, установленный тѣмъ же правительствомъ, какъ и всѣ другія власти, можетъ быть менѣе справедливъ, нежели начальство нарушившаго законъ чиновника? Но такъ какъ такое положеніе немыслимо, а скорое и справедливое возмездіе за нарушеніе правъ частныхъ лицъ составляетъ прямой интересъ законодательной власти, то порядокъ преданія суду должностныхъ лицъ въ случаяхъ преступленія должностей и мотивы, приводимые въ защиту такого порядка, не выдерживаютъ критики. Смѣемъ думать, что одна статья закона, введенная въ нашъ сводъ о правѣ частныхъ лицъ требовать къ суду въ порядкѣ уголовномъ полицейскихъ чиновъ въ случаѣ нарушенія послѣдними ихъ правъ, уменьшила бы возможность такихъ случаевъ по крайней мѣрѣ на 90% и ужъ конечно не повела бы къ частымъ жалобамъ за неимѣніемъ поводовъ. Такой порядокъ имѣлъ бы послѣдствіемъ тройную пользу: обществу жилось бы легче, начальству не пришлось бы разбирать жалобъ, во всякомъ случаѣ непріятныхъ, а полиція стала бы много выше въ общественномъ мнѣніи.

Въ заключеніе скажемъ, что правила объ устройствѣ полиціи 1862 года не касаются характера ея дѣятельности. Этотъ характеръ опредѣляется всѣмъ дѣйствующимъ законодательствомъ. Судебные уставы, конечно, всего болѣе опредѣляютъ его, но путемъ косвеннымъ, ограничивая власть полиціи сферой наблюденія за порядкомъ и благочиніемъ. На этомъ и мы остановимъ нашу бесѣду съ читателемъ.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюля, 1871.

Преобразованіе подушныхъ сборовъ. — Проектъ податной коммисіи. — Мнѣніе петербургскаго земства о распространеніи прямыхъ налоговъ на всѣ сословія.— Подать съ заработка. — Подать съ дохода. — Результатъ первыхъ городскихъ выборовъ по новому положенію. — Измѣненія въ уголовномъ уложеніи относительно наказаній за убійство. — Статистика убійства.

Земству въ первый разъ предоставлено обсужденіе вопроса государственнаго. Предложенъ ему вопросъ очень важный, а именно: устройство на болѣе правильномъ основаніи нашихъ подушныхъ сборовъ. Правильное, по возможности безнедоимочное поступленіе весьма значительной части государственныхъ рессурсовъ само по себѣ важно, въ отношеніи финансовомъ. Но не менѣе важно и правильное, уравнительное распредѣленіе закономъ такого налога, который по существу своему не распредѣляется самъ между членами государства, а ложится на плательщиковъ именно только по указанію законодателя. Что нынѣшнее распредѣленіе прямыхъ налоговъ между лицами податныхъ сословій неудовлетворительно въ отношеніи экономическомъ, будучи неравномѣрнымъ, и въ отношеніи финансовомъ, потому что оно далеко не безнедоимочно—это давно сознано въ правительственныхъ средахъ и выработка реформы по этому предмету давно поручена состоящей въ министерствѣ финансовъ особой коммисіи. Эта коммисія, по обычаю всѣхъ административныхъ коммисій, раздѣлилась на отдѣлы, которые одновременно обсуждаютъ разные виды налоговъ, такъ что разсмотрѣніе ихъ и выработка предполагаемыхъ по нимъ реформъ первоначально идетъ по каждому налогу отдѣльно, безъ систематической связи.

Къ осени прошлаго года коммисія составила проектъ о замѣнѣ подушныхъ окладовъ другими сборами, и проектъ этотъ, какъ извѣстно, былъ, по положенію комитета министровъ, разосланъ земскимъ учрежденіямъ, съ нѣкоторыми опредѣленными вопросами. Обсужденіе этого

дѣла и составило самый крупный предметъ дѣятельности петербургскаго земства за послѣднюю сессію.

Податная коммисія заключила свои работы въ тѣсную рамку спеціальнаго разсмотрѣнія каждаго налога, съ цѣлью удобнѣйшаго его взиманія. Казенные подушные сборы существуютъ, приносятъ они казначейству столько-то, несутъ ихъ такіе-то въ законѣ опредѣленныя сословія; все это — факты, которые разсмотрѣнію такой административной коммисіи не подлежали. Затѣмъ, она и занялась только вопросомъ о преобразованіи этихъ подушныхъ сборовъ такъ, чтобы обезпечивая интересъ государственнаго казначейства въ исправномъ поступленіи податей, въ тоже время постараться достигнуть болѣе уравнительнаго распредѣленія ихъ, но между тѣми же самыми плательщиками. Всѣ работы податной коммисіи — да и вообще всѣхъ министерскихъ коммисій, которымъ поручается у насъ починъ законодательныхъ преобразованій — идутъ такимъ образомъ: коренныя условія признаются не подлежащими разсмотрѣнію, а дѣло только въ томъ, чтобы лучше рѣшить каждый вопросъ въ его отдѣльности. Такъ, податная коммисія разсматриваетъ поочередно разные виды налоговъ, а не всю нашу финансовую систему въ ея совокупности. Въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, она не могла поставить себѣ вопросъ, необходимо ли добывать путемъ прямыхъ податей именно ту сумму, на какую онѣ входятъ нынѣ въ бюджетъ, и нельзя ли уменьшить эту сумму и часть ея пополнить какимъ-либо увеличеніемъ косвенныхъ сборовъ. Она не могла также заняться и тѣмъ не-финансовымъ соображеніемъ, что справедливость требуетъ привлеченія къ несенію прямыхъ податей всѣ безъ исключенія сословія; хотя очевидно, что такимъ путемъ гораздо вѣрнѣе достигнется болѣе уравнительное распредѣленіе прямыхъ податей, чѣмъ однимъ переименованіемъ ихъ по имуществу прежнихъ же плательщиковъ, такъ чтобы она взималась не съ души, но съ земли и двора тѣхъ же податныхъ сословій.

Такимъ образомъ, податная коммисія занялась въ настоящемъ случаѣ только вопросомъ: нельзя ли лучше распредѣлить на прежнихъ плательщиковъ казенные подушные сборы, нельзя ли исчислять эти сборы не подушно, а на вещественномъ основаніи, съ тѣмъ чтобы сборы эти приносили казнѣ не меньше прежняго, и правильнѣе распредѣлялись между тѣми же прежними плательщиками, т.-е. между лицами податныхъ сословій.

Прежде всего, она поставила себѣ даже такой вопросъ: настоитъ ли надобность въ коренномъ измѣненіи подушной системы и не удобнѣе ли, сохранивъ подушную раскладку, сдѣлать въ ней только нѣкоторыя улучшенія. Итакъ, коммисія допускала мысль, что можетъ оказаться ненужною даже и отмѣна подушной раскладки. Вотъ какъ тѣсно, по необходимости, понимаютъ свою задачу тѣ спеціальныя коммисіи,

которыя учреждаются при министерствахъ для законодательныхъ улучшеній. Каждый вопросъ онѣ спеціализируютъ на техникѣ исполненія и на соображеніяхъ административнаго удобства. Улучшеніе законодательства, очевидно, не можетъ идти успѣшно этимъ тѣснымъ и мелкимъ путемъ, и въ самомъ дѣлѣ, всѣ значительныя реформы у насъ разработаны не путемъ министерскихъ коммисій, которыхъ главная польза и состоитъ собственно только въ собраніи матеріаловъ.

Податная коммисія приводитъ даже нѣсколько аргументовъ въ пользу подушной подати, какъ-то: удобство исчисленія податныхъ окладовъ, обезпеченность однажды опредѣленнаго оклада отъ уменьшенія вслѣдствіе убыли душъ, достаточную, по ея мнѣнію, удовлетворительность поступленія подушныхъ сборовъ, и установившуюся, по ея же мнѣнію, привычку въ народѣ къ подушной подати. Впрочемъ, сама же коммисія въ своей запискѣ приводитъ и возраженія противъ этихъ аргументовъ. Возраженія эти легко возникаютъ въ умѣ каждаго, а потому намъ не предстоитъ надобности указывать на нихъ. Едвали требуется указывать и на тѣ огромные недостатки, какіе представляетъ подушная система, и которые побудили коммисію склониться къ измѣненію ея; они слишкомъ ясны. Соображенія, принятыя податною коммисіей въ основаніе ея проекта, были подробно изложены въ статьѣ г. Г. „Десять лѣтъ реформъ", помѣщенной въ апрѣльской книгѣ „Вѣстн. Евр." Въ ней весьма обстоятельно указана ошибочность взгляда коммисіи, оставляющаго всю тягость налога „на самомъ несостоятельномъ въ имущественномъ отношеніи классѣ народа. Коммисія, говорилъ почтенный авторъ, между прочимъ, „повидимому не приняла въ соображеніе, что принципъ, отмѣну котораго она считаетъ невозможною, есть остатокъ крѣпостныхъ отношеній, изъ которыхъ Россія начинаетъ выходить со времени Положенія 19 февраля, и совершенное уничтоженіе которыхъ не только желательно, но и необходимо, — что принципъ этотъ осужденъ окончательно финансовой наукой и оставленъ всѣми законодательствами Европы, — что въ настоящее время мѣриломъ участія въ государственныхъ тягостяхъ *должны служить имущество и доходы*, а не сословное положеніе человѣка, и что мѣрою этого участія и можетъ опредѣляться политическое значеніе извѣстныхъ классовъ общества. Такимъ образомъ, коммисія, считая невозможнымъ привлечь имущественные классы къ участію въ податяхъ, какъ будто отрицаетъ возможность политическаго значенія этихъ классовъ даже въ будущемъ".

Мы съ своей стороны ограничимся теперь указаніемъ на то, къ какимъ выводамъ пришла коммисія, однажды признавъ необходимымъ отмѣнить систему душевыхъ сборовъ, въ видахъ облегченія податной массы населенія и обезпеченія лучшаго поступленія доходовъ казны. Она предположила собственно подушную подать пе-

реложить на дворы, а государственный земскій сборъ на землю, назвавъ эти два вида прямого налога—подворнымъ налогомъ и поземельной податью.

Итакъ, по проекту коммисіи, сумма прямыхъ сборовъ остается таже, и плательщики остаются прежніе, т.-е. тѣже податныя сословія. Вся реформа состояла бы въ томъ, что сборы эти взимались бы не съ душъ, а частью съ земли, частью со двора. Спрашивается теперь, на чемъ же основано такое раздѣленіе, какой смыслъ его, какая его цѣль, и можетъ ли эта цѣль быть достигнута на практикѣ, а затѣмъ, можно ли ожидать пользы отъ предполагаемой коммисіею реформы? Данныя, собранныя петербургскимъ земствомъ при обсужденіи проекта податной коммисіи, и соображенія, заявленныя противъ проекта въ средѣ здѣшняго земства, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что отвѣтъ на всѣ указанные сейчасъ вопросы долженъ быть данъ отрицательный. Но этотъ выводъ, который такимъ образомъ исходитъ изъ цифровыхъ данныхъ, собранныхъ земствомъ со всей убѣдительностью доказательствъ конкретныхъ, этотъ самый выводъ легко возникаетъ и самъ собою, апріорически, при одномъ чтеніи записки податной коммисіи.

Повторимъ приведенные вопросы: на чемъ основано предположенное коммисіею раздѣленіе прямыхъ сборовъ на налогъ съ дворовъ и подать съ земли, какой смыслъ этого раздѣленія и какая его цѣль? Обращаясь къ запискѣ податной коммисіи, мы видимъ, что она полагала всего раціональнѣе переложить прямые сборы съ душъ просто на землю, т.-е. установить одинъ видъ прямого налога — поземельную подать. Не остановилась на этомъ коммисія только въ томъ вниманіи, что земля и безъ того уже слишкомъ обременена платежами оброчными, выкупными и земскими (губернскими и уѣздными).

Коммисія потому только и полагаетъ часть прямыхъ сборовъ отнесть на землю, а другую на дворы, что земля слишкомъ обременена и что еслибы обратить на нее всю совокупность прямыхъ сборовъ, то земли были бы обложены безъ всякаго соотвѣтствія къ ихъ цѣнности и доходности. Крестьянскій дворъ, по мнѣнію коммисіи, представляетъ рабочія силы, а потому ту часть прямыхъ налоговъ (подушную подать), „которая уплачивается нынѣ изъ постороннихъ заработковъ“, она полагаетъ обратить на крестьянскій дворъ, а на землю наложить только государственный земскій сборъ. Но если земля и теперь слишкомъ обременена платежами, то изъ этого логически слѣдуетъ не то, что на нее можно возложить только произвольную часть данной суммы налога, а то, что на нее ничего *вновь возложить нельзя*; что все вновь на нее наложенное будетъ несть не она, а именно личный трудъ. Затѣмъ, какое же облегченіе будетъ для крестьянина, что часть прямыхъ сборовъ не ляжетъ на его землю, если она ляжетъ на его же дворъ? Облегченіе — чисто-фиктивное, тѣмъ болѣе, что

крестьянскій дворъ есть только жилище, при землѣ, а не особая доходная статья. И на практикѣ, нѣтъ сомнѣнія, что оба эти вида, подворный налогъ и поземельная подать, составили бы для крестьянъ просто одинъ налогъ, взимающійся нераздѣльно, и во всякомъ случаѣ нераздѣльно падающій на того же плательщика. Стало быть, никакой пользы отъ реформы, предположенной коммисіею, нельзя усмотрѣть и изъ тѣхъ абстрактныхъ соображеній, какія она имѣла въ виду.

Предположеніе коммисіи могло бы обѣщать облегченіе для плательщиковъ и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ въ томъ собственно смыслѣ, что, обращая прямыя подати съ лицъ на землю и дворы, можно было бы устранить затѣмъ круговую поруку. Вотъ еще единственное значеніе, какое могло получить одно это переложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро подати переложены на землю и дворы, то поступленіе ихъ должно почитаться обезпеченнымъ; значитъ, нѣтъ болѣе надобности въ круговой порукѣ. Если же думаютъ, что этого сдѣлать нельзя, что круговую поруку все-таки слѣдуетъ оставить для обезпеченія уплаты податей, то это само по себѣ уже доказываетъ, что считаютъ обложеніе земли и дворовъ чрезмѣрнымъ, и имѣютъ внутреннее убѣжденіе, что подати, исчисленныя по землѣ и дворамъ, въ сущности будутъ поступать не изъ дохода земли и дворовъ, а изъ личнаго труда, т.-е. именно съ душъ, которыя всегда могутъ уйти, на какой конецъ и оставляется круговая порука. Податная коммисія допускаетъ одно облегченіе по круговой порукѣ, но полагаетъ сохранить ее, полагаетъ взимать подворную и поземельную подать все-таки *съ душевыхъ обществъ*, а не непосредственно съ земли и съ дворовъ. Вотъ это обстоятельство и доказываетъ уже само по себѣ совершенную безполезность предположеннаго переложенія прямыхъ сборовъ съ душъ на землю и дворы. Ясно, что это было бы не переложеніе подушныхъ сборовъ, а только переименованіе ихъ.

Проектъ податной коммисіи министерства финансовъ былъ сообщенъ на обсужденіе земскихъ собраній безъ всякаго ограниченія, то-есть земство могло обсуждать его имѣя въ виду, что „ни одно изъ основныхъ началъ проекта не предрѣшено правительствомъ“. Такимъ образомъ проектъ не стѣснялъ земства своею рамкою, а между тѣмъ, самая передача проекта на обсужденіе земствъ ставила вопросъ на такое основаніе, какого онъ не могъ имѣть въ самой податной коммисіи. Здѣсь и не замедлила обнаружиться плодотворность всесторонняго, ничѣмъ не стѣсненнаго разсмотрѣнія законодательнаго вопроса, обсужденіе не въ узкой спеціализаціи его одного, а съ точки зрѣнія общей, въ совокупности съ другими экономическими вопросами и бытовыми данными.

Земство петербургской губерніи со славою доказало своимъ при-

мѣромъ, въ настоящемъ случаѣ, всю полезность земскаго содѣйствія въ разработкѣ законодательныхъ вопросовъ. Уѣздныя управы собрали богатый запасъ цифръ, разработали ихъ и представили губернской управѣ свои мнѣнія, основанныя на оцѣнкѣ фактовъ. Губернская управа пришла къ самостоятельному предположенію, а губернское собраніе дѣльностью преній и вмѣстѣ высокимъ сознаніемъ своего долга дать на вопросъ правительства не только „отзывъ" или „заключеніе", въ родѣ тѣхъ, какими разрѣшаются административные комитеты, а именно выраженіе желаній населенія,—показало себя вполнѣ достойнымъ и своихъ избирателей и задачи, предложенной ему на этотъ разъ правительствомъ. Возбуждая собственнымъ почином вопросъ о привлеченіи всѣхъ сословій безъ изъятія къ участію въ прямыхъ податяхъ, петербургское земство сдѣлало одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыми земство пустить прочные корни въ массѣ народа, и станетъ истиннымъ всесословнымъ представительствомъ губерній. Тѣ поверхностные либералы, которые тревожатся благопріятнымъ для дворянъ численнымъ отношеніемъ въ земскомъ представительствѣ, въ настоящемъ случаѣ вѣроятно не вспомнятъ о своихъ сѣтованіяхъ.

Уѣздныя управы, управа губернская и губернское собраніе остановились на той общей имъ и главной мысли что: „коль скоро затронутъ вопросъ о преобразованіи подушныхъ сборовъ, то первымъ словомъ такого преобразованія должно быть призваніе всѣхъ гражданъ государства къ отбыванію прямыхъ податей, на тѣхъ или другихъ экономическихъ основаніяхъ, независимыхъ отъ сословности или происхожденія плательщиковъ". Полагая дать на вопросы податной коммисіи отвѣтъ отрицательный, такъ какъ проектъ ея, по убѣжденію земства, не достигаетъ своей цѣли, оставляя на податныхъ сословіяхъ туже тягость, какую они несутъ теперь, и измѣняя названіе податей, только лишаетъ податныя лица права раскладывать налогъ на трудъ пропорціонально рабочимъ силамъ,—земство не ограничилось такимъ отвѣтомъ, и постаралось указать другія основанія для установленія прямыхъ налоговъ, въ самомъ дѣлѣ уравнительныхъ.

Основная мысль при этомъ—привлеченіе къ участію въ нихъ всѣхъ сословій. Но мнѣнія разошлись главнымъ образомъ относительно того, что́ слѣдуетъ принять за основаніе разложенія прямыхъ сборовъ на всѣхъ гражданъ въ государствѣ. Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ отдѣльно о проектѣ губернской управы и о проектѣ гдовской уѣздной управы, которой мысль была одобрена губернскимъ собраніемъ.

Губернская управа прежде всего занялась вопросомъ, нельзя ли подушные сборы, составляющіе налогъ на трудъ, обратить хотя бы частью на имущество. Нельзя ли переложить его прежде всего на землю?

Петербургская губернія платитъ:		
подушной подати	335,110 р.	
государственнаго земскаго сбора . .	225,519 „	
	Вмѣстѣ .	560,628 р.
Налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ.		354,960 „
	Итого. .	915,589 р.

Налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ замѣнилъ собою прежнюю подушную подать мѣщанъ, а потому при разверсткѣ подушныхъ сборовъ на всѣ сословія справедливо причислить и ее къ общей суммѣ сословныхъ подушныхъ сборовъ, которую требуется преобразовать въ одинъ всесословный прямой налогъ. Итакъ, вотъ общая сумма государственнаго налога на недвижимыя имущества Петербургской губерніи. Изъ этой суммы до 355 т. р., какъ сказано, уже взимаются въ настоящее время съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ; затѣмъ вновь пали бы на земли собственно сумма подушной подати и государственнаго земскаго сбора, то-есть 560,629 р. Изъ таблицъ, составленныхъ губернскою управою оказывается, что если къ этой казенной прибавкѣ присоединить нынѣшнія *земскія* денежныя повинности, и разверстать всю такимъ образомъ полученную сумму на земли губерніи, то земли были бы обложены въ Петербургскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ $9^1/_3\%$ своей доходности вмѣсто $4^1/_2\%$, а въ Гдовскомъ въ $16^1/_2\%$ доходности вмѣсто 11%.

Что касается крестьянской земли, которая еще несетъ на себѣ тягость выкупныхъ платежей, то ея обложеніе составило бы въ среднемъ размѣрѣ 4 р. 71 к. съ десятины, или $12{,}58\%$ ея *цѣнности*. Очевидно, что налогъ въ $12^1/_2\%$ цѣнности самого предмета обложенія невозможенъ. Надо еще замѣтить, что при этомъ приняты во вниманіе только существующія уже земскія повинности, то-есть тѣ расходы, которыми пока ограничивается земство. Если же расходы эти увеличить хотя бы въ размѣрѣ удовлетворенія неотлагательныхъ потребностей земства, нынѣ еще неудовлетворяемыхъ, то по разсчету гдовской уѣздной управы, крестьянамъ пришлось бы платить $10{,}4\%$ съ доходности своихъ земель, не считая даже нынѣшнихъ казенныхъ подушныхъ сборовъ. То-есть, скажемъ иными словами, земля такъ бѣдна, что при выкупныхъ платежахъ она никакъ не можетъ удовлетворить и потребностей земскаго благоустройства, не говоря уже о перенесеніи на нее хотя бы части казенныхъ подушныхъ сборовъ.

Объ этомъ, коренномъ для всего настоящаго вопроса фактѣ, свидѣтельствуетъ и накопленіе земскихъ недоимокъ. Ихъ состояло къ 1-му января нынѣшняго года по семи уѣздамъ губерніи 308,123 р., то-есть 85% оклада. По свидѣтельству губернской управы, ежегодно бы-

ваютъ случаи, что нѣсколько управъ въ губерніи пріостанавливаютъ выдачу содержанія, по цѣлымъ мѣсяцамъ, членамъ управъ, мировымъ судьямъ и посредникамъ и содержателямъ земскихъ станцій просто за неимѣніемъ наличныхъ суммъ и за непоступленіемъ земскихъ сборовъ. Итакъ, вотъ какое малое обезпеченіе исправному поступленію казенныхъ подушныхъ сборовъ представляла бы земля, если бы они были переложены на нее хотя частью. Стало быть, нельзя и думать о переложеніи ихъ на недвижимыя имущества.

Что касается капиталовъ и торговыхъ оборотовъ, то они обложены другими казенными налогами и пошлинами, промысловыми, гильдейскими, и т. д. Затѣмъ, остается для обложенія одинъ предметъ, именно опять-таки—*личный трудъ*.

До какой степени можно облагать личный трудъ — этого вопроса рѣшить нельзя. Прямой налогъ, падающій, въ размѣрѣ средствъ, на всѣхъ гражданъ государства хорошъ тѣмъ, что въ немъ нельзя преступить нѣкоторую, неопредѣлимую впередъ, но тѣмъ не менѣе реальную точку. Гладстонъ недавно сказалъ въ палатѣ общинъ, что удовлетвореніе лишнихъ расходовъ посредствомъ возвышенія подоходнаго налога тѣмъ хорошо, что оно откровенно и всѣми постоянно чувствуется, а потому и не можетъ перейти извѣстной мѣры, или удерживаться долѣе извѣстнаго времени. Этимъ прямой общій налогъ хорошъ для всѣхъ странъ, а для странъ бѣдныхъ онъ представляется наиболѣе вѣрнымъ и правильнымъ источникомъ государственнаго дохода.

Такой общій для всѣхъ гражданъ прямой налогъ и предположенъ петербургскою губернскою управой; но она предполагаетъ не подоходный налогъ, а нѣчто довольно трудно - опредѣлимое, нѣчто называемое ею „государственнымъ личнымъ налогомъ“. Къ уплатѣ этого налога она полагаетъ привлечь лицъ всѣхъ сословій, мужского пола, отъ 18 до 59-ти лѣтъ включительно, съ освобожденіемъ отъ него всѣхъ военнослужащихъ, находящихся въ учебныхъ заведеніяхъ и увѣчныхъ.

Основная мысль совершенно вѣрна: прямой налогъ падаетъ на всѣхъ гражданъ безъ изъятія. Спрашивается только, въ какой мѣрѣ? Если въ ровной мѣрѣ, то это будетъ просто распространеніемъ подушной подати на всѣхъ гражданъ; это могло бы быть несправедливо, такъ какъ богатому ничего не значитъ заплатить то, что бѣдному заплатить почти невозможно; но это было все-таки ясно. Это была бы именно всеобщая подушная подать, капитація, харачъ или, какъ выразилась управа, государственный *личный* налогъ. Очевидно однако, что такого личнаго налога съ равнымъ для всѣхъ окладомъ установить нельзя, онъ не былъ бы равномѣренъ, потому именно, что средства плательщиковъ неравны.

И вотъ, губернская управа въ дѣйствительности и не думала уста-

новлять настоящій *личный* прямой налогъ, а предлагала налогъ въ размѣрѣ средствъ плательщиковъ. Въ такомъ случаѣ, это долженъ быть налогъ *подоходный*. Но губернская управа приняла за предметъ обложенія не лицо и не доходъ, а личные *заработки*, т.-е. приняла предметъ обложенія совершенно неуловимый, такъ что при распредѣленіи ею плательщиковъ на категоріи, распредѣленіе это она могла сдѣлать только произвольно. Именно она предлагаетъ установить для обложенія нѣкоторыя нормы или предѣлы, по 7-ми категоріямъ плательщиковъ, сообразно предполагаемой ею совершенно произвольно суммѣ заработковъ, возможныхъ въ каждой изъ этихъ категорій. Такъ, землевладѣльцы изъ временно-обязанныхъ крестьянъ предполагаются ею могущими заработывать не болѣе 150 р., землевладѣльцы изъ крестьянъ прочихъ наименованій не болѣе 200 р., содержатели ремесленныхъ заведеній отъ 150 до 400 р., торговцы въ мѣстностяхъ (раздѣленныхъ на 5 классовъ) отъ 200 до 1000 р.; наконецъ, домовладѣльцы, землевладѣльцы и капиталисты, не подходящіе къ первымъ пунктамъ, отъ 400 до 5000 р. При этомъ она предполагаетъ заработокъ лицъ моложе 25 л. не выше 1000 р., а моложе 35 лѣтъ—2500 р.

Все это распредѣленіе не только совершенно произвольно въ размѣрахъ, но и не имѣетъ никакого раціональнаго основанія. Почему, напр., заработокъ капиталиста предположенъ отъ 400 до 5000 р.? Есть капиталисты, которые *трудомъ своимъ* не заработываютъ и 400 р. Есть милліонеры, которые не въ состояніи были бы личнымъ трудомъ заработать и 400 р. Неужели же милліонеръ будетъ платить тоже, что платитъ чиновникъ или прикащикъ, заработывающій именно 400 р.? Если же милліонера заставятъ платить не 400 р., а 5000 р., потому что онъ милліонеръ, то стало быть налогъ будетъ исчисленъ не съ заработка его, а съ его *дохода*; только исчисленъ онъ будетъ совершенно неправильно, а именно не выше какъ по доходу въ 5000 р., между тѣмъ, какъ милліонеръ имѣетъ доходъ можетъ быть 50,000 р., а можетъ быть и 200 тысячъ рублей. Тоже самое можно сказать и о торговцахъ. Ясно, что могутъ быть временно-обязанные крестьяне, получающіе гораздо бóльшій доходъ, чѣмъ 150 р., и могутъ быть мелкіе торговцы, получающіе менѣе 300 р., хотя бы и въ первоклассной мѣстности.

Наконецъ, неужели домовладѣлецъ, имѣющій домъ цѣною въ сотню тысячъ, будетъ платить тоже, что домовладѣлецъ съ домомъ въ 25 т. р.? А между тѣмъ, весьма вѣроятно, что личный *заработокъ* ихъ, то-есть цѣнность ихъ личнаго труда, совершенно одинаковы. Ясно, что придется одного облагать болѣе другого по доходности, а стало быть, что налогъ этотъ—все-таки налогъ съ предполагаемаго дохода, а не съ заработка, только замаскированный и искаженный произвольными нормами.

Гораздо раціональнѣе предположеніе гдовской уѣздной управы. Гдовская управа выразила мнѣніе, что „если уничтоженіе настоящихъ подушныхъ податей необходимо, то не чрезъ учрежденіе крестьянскихъ подворнаго налога и поземельной подати, а чрезъ привлеченіе всего населенія государства къ подати, взимаемой *соразмѣрно доходу плательщиковъ*“. Для введенія такого, чисто-подоходнаго налога, гдовская управа предложила раздѣлить уѣздъ на мелкіе оцѣночные округа́ (около 1000 душъ м. п.), со включеніемъ въ составъ этихъ округовъ всѣхъ лицъ, проживающихъ въ чертѣ округа или имѣющихъ въ немъ недвижимое имущество. Всѣми старшими отъ каждаго семейства лицами избирается изъ ихъ же среды окружная оцѣночная коммиссія, въ числѣ 10—20 человѣкъ, на 3 года. Таксація происходитъ такимъ образомъ: старшій въ каждой семьѣ заявляетъ оцѣночной коммисіи о своихъ чистыхъ доходахъ, съ указаніемъ источниковъ. Коммисія принимаетъ эти цифры и дѣлаетъ въ нихъ измѣненіе, по своему убѣжденію, при чемъ поводы свои объясняетъ въ постановленіи. Затѣмъ, плательщику, въ случаѣ неудовольствія, предоставляется жаловаться на постановленіе коммисіи въ уѣздную земскую управу, а на постановленіе этой управы въ уѣздное земское собраніе. Сверхъ того предполагается право какъ оцѣночной коммисіи, такъ и плательщиковъ оспаривать судомъ постановленіе земскаго собранія (что, прибавимъ, едвали не излишне). Гдовская управа полагаетъ еще, за введеніемъ общаго подоходнаго налога, отмѣнить подать съ торговыхъ и промысловыхъ документовъ.

Въ предположеніяхъ гдовской управы не упоминается о назначеніи минимума дохода, за которымъ прекращалось бы его обложеніе. Извѣстно, что такой минимумъ или предѣлъ обложенія признается въ Англіи. Гдовская управа напрасно не высказалась по этому поводу. Губернское собраніе, одобривъ ея мысль, также оставило этотъ вопросъ въ сторонѣ, а онъ представляетъ существенную важность. Въ самомъ дѣлѣ, принципъ подоходнаго налога предполагаетъ обложеніе только чистаго дохода, изъ котораго необходимо вычесть издержки на существованіе рабочаго. Стало быть, подоходный принципъ непремѣнно требуетъ допущеніе такого минимума дохода, который уже не подлежитъ обложенію. Иначе подоходный налогъ на послѣдней своей ступени обратится въ дѣйствительности въ налогъ на первыя средства къ жизни, то-есть въ налогъ *личный*.

Если же допустить у насъ такой минимумъ, хотя не въ 650 руб. (100 фунтовъ), какъ въ Англіи, а напримѣръ хоть въ половину, въ 325 рублей, то вся масса нынѣшнихъ податныхъ сословій будетъ совершенно освобождена отъ казенныхъ прямыхъ налоговъ. И такъ какъ у насъ введеніе подоходнаго налога предполагается собственно для распространенія прямыхъ налоговъ на всѣ сословія, то-есть для об-

легченія нынѣшнихъ податныхъ сословій, но не для полнаго освобожденія ихъ отъ того бремени, которое до сихъ поръ несли исключительно они одни, то ясно, что предѣла или минимума дохода подлежащаго обложенію у насъ допустить нельзя.

Подоходный налогъ у насъ будетъ не совсѣмъ то, что въ Англіи, и возникъ бы онъ у насъ не съ тою цѣлью, съ какою онъ возникъ въ Англіи. Подоходный налогъ въ Англіи есть въ дѣйствительности налогъ на капиталъ, на торговые обороты мелкихъ торговцевъ, и на заработки въ высшихъ профессіяхъ; вотъ что такое income-tax въ дѣйствительности. Возникъ онъ потому, что для покрытія нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ расходовъ государства признано было нужнымъ, въ видѣ временной мѣры, обложить именно капиталъ; временная мѣра эта установилась и превратилась въ постоянную. У насъ вопросъ представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ. Подоходный налогъ у насъ возникъ бы не какъ привлеченіе капитала къ покрытію временныхъ чрезвычайныхъ расходовъ государства, а только вслѣдствіе необходимости преобразовать постоянные, существующіе подушные сборы, лежащіе на однихъ податныхъ сословіяхъ. Къ подоходному налогу мы обратились бы потому только, что онъ—*налогъ всеобщій.* Но изъ этого же слѣдуетъ, что за нимъ должно быть удержано именно это значеніе *всеобщаго* налога, такъ чтобы прежнія податныя сословія были облегчены отъ казенныхъ подушныхъ сборовъ, но не изъяты отъ замѣнившаго ихъ налога вовсе, чтó означало бы уже не облегченіе ихъ, а просто перенесеніе подушныхъ сборовъ на всѣ сословія, кромѣ массы прежнихъ податныхъ.

Въ Англіи, гдѣ подоходный налогъ есть преимущественно налогъ на капиталъ, рабочіе отъ него изъяты, и это практически возможно въ богатой странѣ. У насъ же подоходный налогъ явился бы просто какъ налогъ всесословный или всеобщій, а потому, въ послѣдней своей ступени, онъ и долженъ быть налогомъ личнымъ, налогомъ на трудъ. Это и соотвѣтствуетъ положенію страны, бѣдной капиталами и промышленностью.

Вотъ соображенія, которыми мы можемъ объяснить себѣ то обстоятельство, что гдовская управа, въ предположеніяхъ своихъ о введеніи подоходнаго налога, не упомянула объ установленіи какого-либо предѣла обложенія доходовъ. Она не оговорила, что подоходный налогъ долженъ быть всеобщимъ, безъ изъятія, но въ предположеніяхъ ея есть одна спеціальная оговорка, которая заставляетъ думать, что гдовская управа имѣла въ виду именно не допускать никакихъ изъятій. Оговорка эта слѣдующая: «личный трудъ женщинъ долженъ бы быть привлеченъ къ обложенію, но не ранѣе, какъ по допущеніи ихъ закономъ ко всѣмъ видамъ труда». Итакъ, гдовская управа

имѣла намѣреніе сохранить и ту ступень подоходнаго налога, на которой онъ уже становится налогомъ на личный трудъ.

Разсмотрѣніе отдѣльныхъ частей вопроса въ губернскомъ собраніи происходило въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ изложены въ докладѣ губернской управы. Сперва собраніе единогласно положило дать на проектъ коммисіи министерства финансовъ отзывъ отрицательный. Потомъ, собраніе единогласно же признало необходимость распространенія на всѣхъ гражданъ обязанности участія въ податяхъ, лежащихъ доселѣ на однихъ такъ-называемыхъ податныхъ сословіяхъ. Перейдя къ слѣдующему вопросу собраніе опять единогласно рѣшило, что цѣнность и доходность имуществъ Петербургской губерніи не можетъ вынесть обложенія государственнымъ налогомъ. Наконецъ, собраніе высказало предпочтеніе проекту гдовской управы, т.-е. введенію подоходнаго налога, передъ проектомъ управы губернской — т.-е. введеніемъ налога на личные заработки. За мнѣніе губернской управы подали голоса только члены ея и еще незначительное число гласныхъ, такъ что мнѣніе гдовской управы было принято большинствомъ двухъ третей голосовъ.

Изъ отдѣльныхъ рѣчей, произнесенныхъ при обсужденіи податного вопроса въ засѣданіяхъ собранія 14-го и 15-го мая, наиболѣе вѣскими представляются двѣ рѣчи предсѣдателя гдовской управы Н. В. Шмита: одна по поводу предложенныхъ имъ добавленій къ докладу губернской управы, а другая противъ предложеннаго губернскою управою личнаго налога и въ пользу установленія налога подоходнаго. Изъ первой рѣчи гласнаго Шмита приведемъ слѣдующія цифры, которыми сильно освѣщается вся несправедливость нынѣшняго положенія: „205 тысячъ ревизскихъ душъ крестьянъ мужскаго пола, населяющихъ Петербургскую губернію, имѣютъ въ своемъ распоряженіи имущества на 25 мил., которыхъ доходность по 6% составляетъ $1^1/_2$ мил. руб.; они платятъ государственныхъ повинностей, земскихъ сборовъ и общественнаго сбора (съ бывшихъ госуд. крестьянъ) до 518 т. р., что составляетъ 34% дохода. Остальные же жители губерніи, исключая Петербургъ, въ числѣ 142 т. душъ, имѣя различнаго имущества почти на $67^1/_2$ мил., доходность котораго 4 мил. руб., платятъ государственныхъ сборовъ и другихъ повинностей 56,043 р., что составляетъ 1,3% дохода. Наконецъ, городъ Петербургъ, съ 376 тыс. душъ мужскаго пола, владѣющихъ имуществомъ въ 169 слишкомъ милл. р., съ доходомъ въ 10 милл. р., платятъ государственныхъ повинностей 366 тыс. р., то-есть 3,6% дохода». Итакъ, крестьяне платятъ съ дохода 34, жители Петербурга $3^6/_{10}$, а остальные жители губерніи $1^3/_{10}$%. Очевидно, что главный вопросъ долженъ состоять именно въ устраненіи этой огромной неравномѣрности, и что въ виду ея теряетъ всякое значеніе предположеніе податной коммисіи о замѣнѣ подушныхъ

сборовъ поземельною и подворною податью съ тѣхъ же плательщиковъ.

Неравномѣрность эта такъ велика, что она можетъ подать читателю мысль, не слѣдуетъ ли именно *освободить* крестьянъ отъ всего бремени подушныхъ податей посредствомъ допущенія минимума дохода, неподлежащаго общему подоходному налогу. Но такого заключенія изъ приведенныхъ цифръ выводить нельзя. Дѣло въ томъ, что если крестьяне Петербургской губерніи и несутъ на себѣ, кромѣ выкупныхъ платежей и виннаго акциза, денежныхъ сборовъ на 34% своего дохода, то никакъ нельзя сказать, что остальные жители губерніи не несутъ на себѣ иныхъ сборовъ, кромѣ указанныхъ г. Шмитомъ $3^{6}/_{10}$% въ Петербургѣ, и $1^{3}/_{10}$% въ губерніи. Приведенныя цифры вполнѣ вѣрно освѣщаютъ собственно неравномѣрность въ несеніи подушныхъ казенныхъ и всѣхъ земскихъ сборовъ; но онѣ непригодны для опредѣленія степени участія разныхъ сословій въ уплатѣ всего итога бюджетныхъ расходовъ. Дѣло въ томъ, что всѣ остальныя государственныя подати и пошлины, какъ-то: прямыя, за право торговли и всѣ косвенныя, за исключеніемъ виннаго акциза, падаютъ главнымъ образомъ именно не на крестьянъ и вообще не на такъ-называемыя податныя сословія. Что касается собственно виннаго акциза, то онъ справедливо признается особенно обременительнымъ именно для крестьянъ, но только потому, что онъ для всѣхъ равенъ, а у крестьянскаго сословія средства меньше, чѣмъ у другихъ сословій. Налогъ на вино потому и играетъ такую первостепенную роль въ нашемъ бюджетѣ, что вино есть единственный предметъ общаго народнаго потребленія, не составляющій первой потребности.

Что касается выкупныхъ платежей, то это—статья совсѣмъ особая и ихъ причитать къ налогамъ никакъ нельзя, не отвергая выгодности для крестьянъ земскаго надѣла. Но на практикѣ вопросъ представляется въ такомъ видѣ: *возможно ли* оставлять долѣе на однихъ податныхъ сословіяхъ все бремя казенныхъ подушныхъ сборовъ, когда, при существованіи земскихъ сборовъ и выкупныхъ платежей, крестьянамъ вся эта совокупность обязательныхъ платежей угрожаетъ несостоятельностью?

Петербургскому земству принадлежитъ честь рѣшительнаго, отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Остается пожелать, чтобы земства прочихъ губерній пришли къ тому же убѣжденію въ настоятельности отмѣны податной привилегіи. Какъ слышно, нѣсколько провинціальныхъ земствъ уже послѣдовали этому достойному примѣру, высказавшись за распространеніе подушной подати на всѣ имущественныя и личныя силы своихъ губерній.

Предполагая, что большинство земскихъ собраній остановится на томъ же рѣшеніи, можно думать, что правительство не найдетъ пре-

пятствій къ замѣнѣ подушныхъ сборовъ налогомъ всесословнымъ. Съ отмѣною изъятія отъ прямыхъ податей и отъ воинской повинности, исчезнетъ въ Россіи всякая неравноправность гражданъ. Затѣмъ, отъ дальнѣйшихъ шаговъ нашего отечества на пути развитія будетъ уже зависѣть рѣшеніе вопроса: что̀ было достигнуто такимъ уравненіемъ правъ — включеніе ли только привилегированныхъ сословій въ податную и рекрутскую массу, или же возвышеніе всей массы гражданъ государства къ равнымъ правамъ не только въ пользованіи благами законодательства, но и въ содѣйствіи этому законодательству.

Отъ государственной дѣятельности земства, которой — въ будущности болѣе или менѣе близкой—по законамъ историческаго развитія обществъ суждено развиваться, перейдемъ къ городскому самоуправленію, котораго новыя начала установлены городовымъ положеніемъ, составляющимъ одну изъ не послѣднихъ реформъ нынѣшняго царствованія. На основаніи утвержденнаго годъ тому назадъ (16-го іюня 1870 года) новаго городового положенія, произведены выборы въ новый составъ 28-ми городскихъ думъ, и результаты этихъ выборовъ, недавно обнародованные въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", заслуживаютъ, чтобы на нихъ остановиться. Въ 28 губернскихъ городахъ составъ думы простирается отъ 42 до 72 гласныхъ; изъ нихъ въ 16-ти находится по 72 гласныхъ. Въ число гласныхъ вошли почти вездѣ всѣ сословія, дворяне, духовныя лица, купцы и почетные граждане, мѣщане, крестьяне и отставные нижніе чины. Дворянско-духовный элементъ численностью преобладаетъ только въ думахъ кіевской (гдѣ изъ низшихъ сословій гласныхъ вовсе нѣтъ) и полтавской. Есть думы, въ которыхъ гласныхъ изъ низшихъ сословій (т.-е. мѣщанъ, крестьянъ и солдатъ) болѣе чѣмъ дворянъ; такъ, въ херсонской думѣ дворянъ только 12, изъ податныхъ сословій 17, а остальные 43 принадлежатъ къ сословію купеческому. Въ Архангельскѣ и Псковѣ дворянъ и духовныхъ избрано только по 4 на 48 человѣкъ всего состава гласныхъ. Такимъ образомъ число лицъ дворянскаго сословія и духовныхъ, избранныхъ въ новыя думы, весьма неравномѣрно въ разныхъ городахъ; въ иныхъ избрано тѣхъ и другихъ много, въ иныхъ мало. Но лицъ купеческаго сословія избрано вездѣ *много*. Вотъ главный фактъ въ результатѣ выборовъ. Число избранныхъ въ разныхъ губернскихъ городахъ изъ лицъ этого сословія только въ немногихъ думахъ понижается до $^1/_3$ всего состава гласныхъ, а въ очень многихъ думахъ оно одно составляетъ абсолютное большинство, такъ что всѣ городскія дѣла, при единомысліи представителей купечества, могутъ рѣшаться исключительно въ его интересахъ.

Чтобы показать это нагляднѣе, подведемъ итоги оффиціальнымъ цифрамъ гласныхъ по сословіямъ въ 28 губернскихъ городскихъ думахъ. Окажется, что въ городское представительство избрано:

дворянъ и духовныхъ лицъ	467
купцовъ и почетныхъ гражданъ	1,140
лицъ прочихъ сословій	218

Въ такомъ результатѣ муниципальныхъ выборовъ мы не думаемъ видѣть какого-либо нравственнаго значенія, доказательства преимущественнаго довѣрія къ такому-то сословію, или недовѣрія къ другому. Мы видимъ въ этомъ результатѣ избирательства только послѣдствіе и оцѣнку избирательнаго закона, больше ничего. Что представители всѣхъ сословій, кромѣ купеческаго, вмѣстѣ взятые, составляютъ всего меньшинство въ 685 голосовъ въ виду 1,140 голосовъ чисто-купеческаго большинства—это прямое послѣдствіе и вмѣстѣ оцѣнка того факта, на который мы указали при обсужденіи новаго городского избирательнаго закона, именно, что въ немъ исключительно преобладаетъ начало имущественнаго и торговаго ценза. Торгующіе по прикащичьимъ свидѣтельствамъ высшаго разряда имѣютъ въ городскомъ самоуправленіи голосъ, котораго не предоставлено ни доктору, ни адвокату, практикующимъ въ томъ городѣ, ни профессору его университета, ни полковнику квартирующаго въ немъ полка. А между тѣмъ, никакъ нельзя сказать, что всѣ сейчасъ поименованныя лица менѣе причастны къ интересамъ города, чѣмъ прикащики и купцы, и хотя бы даже домовладѣльцы. Единственное основаніе къ рѣшительному преобладанію послѣднихъ въ городскомъ самоуправленіи то, что съ нихъ *взимаются* городскіе сборы „Стало быть—заключается изъ этого—они же должны и распоряжаться употребленіемъ городскихъ денегъ".

Но, во-первыхъ, расходованіе городскихъ денегъ еще не есть все самоуправленіе города; на всякомъ шагу встрѣчаются вопросы, въ которыхъ денежный интересъ можетъ быть совершенно одинаковъ при рѣшеніяхъ совершенно противоположныхъ. Представимъ себѣ, напримѣръ, что губернское городское общество возымѣло благую мысль учредить новую гимназію. Денежное пожертвованіе можетъ быть одинаково, чему ни будутъ учить въ гимназіи, наукамъ ли, или преимущественно однимъ древнимъ языкамъ. Къ какому бы рѣшенію въ этомъ вопросѣ ни были склонны представители городской интеллигенціи, побужденіемъ ихъ будетъ ихъ дѣйствительное убѣжденіе. Нельзя утверждать того же о большинствѣ нашего торговаго сословія. Едвали прикащикъ, торгующій по свидѣтельству высшаго разряда, способенъ оцѣнить всю убѣдительность ученыхъ доводовъ „Московскихъ Вѣдомостей" въ пользу классицизма; едвали къ этому способно даже большинство купцовъ, скажемъ хоть третьей гильдіи. Итакъ, можно ожидать, что вліятельный купецъ 3-й гильдіи, если уже требуется денежное пожертвованіе, склоненъ будетъ рѣшить этотъ вопросъ—и всѣ другіе подобные вопросы, которые не зависятъ отъ соображеній денежныхъ—именно въ смыслѣ „пожертвованія" для оказанія отличія. За пожерт-

вованія въ пользу церквей одно вѣдомство представляетъ его къ почетной наградѣ. Другое вѣдомство точно также можетъ оцѣнивать классическія заслуги городскихъ представителей, хотя бы это и повело къ конкурренціи опасной церковностроительству.

Мы выбрали этотъ примѣръ только по его современности. Имъ мы хотѣли только показать, что бываютъ вопросы городского самоуправленія, въ которыхъ денежный интересъ не составляетъ всего, не составляетъ даже и главнаго элемента рѣшенія. Все равно, — скажутъ, быть можетъ,—съ кого сбираются деньги, тому исключительно и принадлежитъ право назначать употребленіе ихъ, хотя бы и не по одному убѣжденію. Но вѣдь въ этомъ-то и ошибка. Городскіе доходы собираются преимущественно съ домовладѣльцевъ и торговцевъ—это правда, но именно только „собираются"; *взимаются* же они въ дѣйствительности съ наемщиковъ и потребителей. Стало быть, даже и съ этой денежной точки зрѣнія нельзя смотрѣть на городъ, какъ на совокупность однихъ капиталовъ, забывая вовсе, что совокупность жителей города есть все-таки главный элементъ всей жизни этого города.

Что нанимателямъ квартиръ и имѣющимъ ученые дипломы не предоставлено первымъ доли, а вторымъ полноправнаго участія въ городскихъ выборахъ—это нельзя не считать недостаткомъ новаго городового положенія. Результатъ первыхъ выборовъ подтверждаетъ это, показывая, что новое городское самоуправленіе будетъ рѣшительно въ рукахъ огромнаго купеческаго большинства. Между тѣмъ допущеніе городской интеллигенціи въ выборы было бы тѣмъ важнѣе, что отъ нея именно можно бы ожидать обороны не только ея собственныхъ интересовъ, но и интересовъ податныхъ сословій, мѣщанъ и крестьянъ. Выборы показали, что интересы этихъ сословій, то-есть большинства, будутъ представлены въ думахъ въ размѣрѣ менѣе $^1/_8$ части всего состава гласныхъ. Если бы купечество преобладало въ земскихъ собраніяхъ, такъ какъ оно будетъ преобладать въ городскихъ думахъ, то едвали въ земствѣ возникла бы мысль о замѣнѣ подушныхъ сборовъ подоходнымъ налогомъ.

Цѣль нового городового положенія, ясно выраженная, была—доставить городскому самоуправленію бо́льшую самостоятельность, независимость. Съ этой цѣлью, законодатель осуществилъ прекрасную мысль о губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствіяхъ, не подчиненныхъ губернаторамъ. Но именно для достиженія этой цѣли на практикѣ желательно было бы устраненіе изъ городского избирательнаго сословія того пробѣла, на который мы указали. Наше купеческое сословіе никогда не отличалось самостоятельностью и твердостью англійскихъ коммонеровъ или германскихъ ратсгерровъ. А одна внѣшняя гарантія губернскихъ присутствій не создастъ независимости отъ мѣстной администраціи тамъ, гдѣ преобладаютъ внутренняя слабость, и податли-

вость на почетныя награды, вмѣстѣ съ тою наклонностью къ монополіи, которою такъ отличается вообще наша коммерція.

Въ мартѣ мѣсяцѣ состоялось утвержденіе новаго закона о наказаніяхъ за смертоубійство, измѣняющее нѣсколько статей уложенія о наказаніяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ апрѣлѣ, состоялось утвержденіе закона о возвышеніи наказаній за нанесеніе однимъ изъ супруговъ другому увѣчья, ранъ, тяжкихъ побоевъ или иныхъ истязаній. Такое движеніе нашего уголовнаго законодательства, въ смыслѣ усиленія степени наказаній за нѣкоторые виды преступленій противъ личности, и притомъ въ то время, когда предполагается пересмотръ уголовнаго уложенія, вообще довольно примѣчательно. Изъ этого обстоятельства, то-есть, что законодательство не дождалось общей реформы, чтобы постановить высшія мѣры наказаній за нѣкоторые виды преступленій противъ личности, какъ бы сама собою возникаетъ мысль, что у насъ эти виды преступленій стали особенно часты и потребовали принятія неотложныхъ мѣръ для своего ограниченія. Здѣсь мы прежде всего должны устранить вопросъ о состоятельности или несостоятельности такъ-называемой „теоріи устрашенія“ вообще. Весьма основательно, конечно, разсуждать такъ: что покушающійся на убійство, во время совершенія этого дѣла, рѣдко отдаетъ себѣ отчетъ, сколько именно лѣтъ каторги положено за такое злодѣяніе — отъ 12 до 15 или отъ 15 до 20, или наконецъ кара положена безсрочная. Очень вѣроятно даже, что большинству намѣренныхъ убійцъ эти криминалистическія подробности, съ мотивирующими ихъ условіями, совершенно неизвѣстны. Въ большинствѣ случаевъ, убійца, конечно, знаетъ только то, что *если дѣло откроется*, то „худо будетъ“ или, какъ выражаются въ народѣ, — „за это не похвалятъ“. Убійцѣ, въ большей части случаевъ, извѣстно еще, что называется „пройтись по владиміркѣ“, и выраженіе „каторга“ также фамильярно для его слуха. Но всѣ эти понятія о мздѣ за злодѣяніе совмѣстны съ какими угодно сроками, и возвышеніе этихъ сроковъ на пять лѣтъ едвали сдѣлаетъ ихъ болѣе страшными для большинства убійцъ. Но нельзя также и отрицать, что оно можетъ имѣть свое значеніе для нѣкоторыхъ, свѣдущихъ, для тѣхъ именно, кто, уже вращаясь въ средѣ злоумышленниковъ, не покушался еще только на убійство. Отрицать это можно только отрицая вообще теорію уголовнаго устрашенія. А разъ ставъ на эту точку, нельзя логически признавать нужнымъ какой-либо степени наказанія сверхъ одной, достаточно-чувствительной, напримѣръ, сверхъ двухъ, трехъ лѣтъ заключенія.

Не вдаваясь въ разборъ давно извѣстныхъ уголовныхъ теорій, станемъ исключительно на практическую точку нашего законодательства и нашихъ условій. И съ этой точки мы можемъ опять-таки сказать, что возвышеніе степеней наказаній за убійство будетъ безполезно

въ большинствѣ случаевъ для предупрежденія убійства, потому что въ большинствѣ случаевъ убійцѣ неизвѣстны положенные закономъ степени и сроки. Но, съ практической точки зрѣнія, намъ будетъ совершенно безполезно повторять это въ видѣ возраженія *противъ самой мѣры*. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь почти въ каждомъ случаѣ убійства оно совершено въ надеждѣ, что вина вовсе не откроется. Исходя изъ этой мысли, возраженіе наше опять должно будетъ примѣняться не только къ нынѣ принятой мѣрѣ, но и вообще ко всякой мѣрѣ наказанія. Но намъ весьма не безполезно напомнить себѣ, что однимъ возвышеніемъ наказаній нельзя улучшить общественной нравственности. Запущеніе народнаго образованія — предметъ, о которомъ мы уже не разъ бесѣдовали—гораздо болѣе вредно, чѣмъ возвышеніе сроковъ наказаній за преступленія и проступки можетъ быть полезно. Вотъ къ какому практическому выводу примѣнительны тѣ соображенія, которыя оспариваютъ всесильность простого увеличенія мѣръ взысканія. Нельзя полагаться на одно усиленіе наказаній для поднятія нравственности общества—это мы готовы утверждать. Но утверждать, что съ увеличеніемъ строгости наказанія не увеличивается страхъ, внушаемый имъ тѣмъ, кому оно точно извѣстно—этого утверждать мы вовсе не готовы, а затѣмъ и не намѣрены ни возражать противъ сущности принятой нынѣ мѣры, ни ожидать отъ нея много пользы.

Главное изъ новыхъ уголовныхъ постановленій объ убійствѣ заключается въ томъ, что ими максимумъ наказанія, то-есть каторжная работа въ рудникахъ на время отъ 15 до 20 лѣтъ или безъ срока, полагается за убійство не только нѣсколькихъ лицъ, или за убійство черезъ поджогъ, взрывы и т. п. дѣйствія, угрожающія многимъ лицамъ, но и тогда, когда для совершенія убійства преступникъ завлекъ жертву въ засаду или прибѣгнулъ къ отравѣ, и сверхъ того вообще, „когда убійство совершено для ограбленія убитаго или для полученія наслѣдства или вообще для завладѣнія какою-либо собственностью его или другого лица". То послѣднее опредѣленіе, которое мы привели въ текстѣ, особенно важно съ практической точки зрѣнія. Итакъ, за убійство, совершаемое съ цѣлью грабежа, хотя бы и въ первый разъ, виновный отнынѣ будетъ подлежать высшей карѣ закона, той карѣ, которая до сихъ поръ была положена только за убійство родныхъ или начальниковъ и хозяевъ и за обыкновенное убійство, совершенное во второй разъ. За убійство съ цѣлью ограбленія опредѣляется теперь наказаніе безсрочной или, во всякомъ случаѣ, не менѣе пятнадцатилѣтней работы въ рудникахъ.

Мы уже оговорились, что не ожидаемъ большой пользы отъ принятой нынѣ мѣры; но если допустить необходимость усиленія наказаній за убійство, то слѣдуетъ признать раціональнымъ причисленіе убійства для грабежа къ категоріи убійствъ, подлежащей высшей карѣ.

закона. Въ самомъ дѣлѣ, убійства съ цѣлью ограбленія составляютъ большинство убійствъ, и если въ предумышленномъ убійствѣ родственника и начальника могутъ быть иногда облегчительныя обстоятельства, какъ-то, напр., претерпѣнныя преслѣдованія и несправедливости, то въ предумышленномъ убійствѣ съ цѣлью грабежа никакихъ облегчительныхъ обстоятельствъ быть не можетъ. А между тѣмъ законъ до сихъ поръ послѣднее каралъ менѣе строго, чѣмъ первое. Безсрочная или хотя 15—20-ти-лѣтняя работа въ рудникахъ, которой подвергается грабитель-убійца, безъ сомнѣнія, есть жестокая кара. Но оставаясь на исходной точкѣ общеевропейскаго законодательства, едвали можно требовать ея смягченія. Ссылаться въ этомъ случаѣ на науку уголовнаго права, требующую будто бы вообще смягченія уголовныхъ наказаній, существующихъ у насъ, едвали основательно. Наука уголовнаго права есть такая же наука, какъ наука статистики, и первая въ сущности должна совершенно зависѣть отъ послѣдней, если хочетъ быть въ самомъ дѣлѣ наукой, потому что только статистика можетъ дать ей факты. Умозрѣнія здѣсь не могутъ быть элементомъ рѣшительнымъ, уже потому, что умозрѣнія эти весьма расходятся между собою и одна и таже „наука“ уголовнаго права совмѣщаетъ въ себѣ и pro и contra. Но тѣ цифры, которыя добыты до сихъ поръ криминальною статистикою, еще вовсе не таковы, чтобы на нихъ можно было опереть требованіе о смягченіи наказаній, установленныхъ нашими законами за убійство.

Одна газета, недавно возражая противъ введеннаго нынѣ въ уголовный кодексъ измѣненія, ссылалась, между прочимъ, на отзывы нѣкоторыхъ директоровъ тюремъ въ Германіи въ томъ смыслѣ, что всякое заключеніе въ Zuchthaus свыше 10-ти-лѣтняго срока скорѣе вредитъ, чѣмъ способствуетъ „цѣли наказанія“ за убійство, то-есть исправленію, и сверхъ того приводила статистическія цифры, изъ которыхъ можно, пожалуй, вывесть такое заключеніе, что у насъ убійствъ бываетъ, соразмѣрно числу населенія, гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Мы не говоримъ, что сама газета выводитъ такое заключеніе изъ своихъ цифръ. Она говоритъ только слѣдующее: „по отчету за 1864 годъ у насъ показано обвиняемыхъ въ убійствѣ умышленномъ и неосторожномъ 1912, а во Франціи въ 1863 году ихъ было 1306; въ Пруссіи въ 1859 году, слѣдствій по однимъ дѣламъ объ *умышленномъ* убійствѣ было 496, а при этомъ надо имѣть въ виду число жителей въ этихъ странахъ и въ Россіи“. Изъ сопоставленія такихъ цифръ можно вывесть заключеніе, что такъ какъ въ странахъ, гдѣ существуетъ смертная казнь, убійствъ бываетъ, по отношенію къ числу населенія, болѣе чѣмъ въ Россіи, то это доказываетъ, во-первыхъ, что строгость наказанія не уменьшаетъ числа убійствъ, а во-вторыхъ, что не имѣлось повода къ усиленію строгости русскихъ репрессивныхъ законовъ.

Вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ заключеніе или каторжная работа свыше 10-тилѣтняго срока полезны или вредны для *исправленія* преступника, мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ вообще оставляемъ въ сторонѣ въ настоящемъ случаѣ всѣ теоріи криминалистики. Замѣтимъ только, что наказаніе за умышленное убійство полагается положительнымъ законодательствомъ не *для исправленія* преступника, а именно для того, чтобы сдѣлать предпріятіе убійства болѣе опаснымъ, т.-е. именно для устрашенія. Что касается до приведеннаго цифроваго сравненія, то оно даетъ намъ поводъ попытаться навести нѣсколько болѣе обстоятельную справку, въ самомъ ли дѣлѣ у насъ въ Россіи на счетъ убійствъ обстоитъ такъ благополучно, и можно ли рекомендовать нашимъ представителямъ національнаго самовосхваленія еще одинъ доводъ въ пользу нравственнаго превосходства славянскаго племени вообще и въ особенности русскаго народа надъ народами Запада.

Относительно самой цифры смертоубійства въ Россіи можно только сказать, что за семь лѣтъ, съ 1860-го до 1867-го года включительно, она не представляла ни неизмѣннаго возрастанія, ни неизмѣннаго пониженія, а именно по отчетамъ судебнаго вѣдомства число *обвиненныхъ* въ смертоубійствѣ было:

Въ 1860 году	1,900
„ 1861 „	1,979
„ 1862 „	1,872
„ 1863 „	1,708
„ 1864 „	1,880
„ 1865 „	2,094
„ 1866 „	1,704
„ 1867 „	1,616

Итакъ, нельзя сказать, что число убійцъ у насъ постоянно возрастало или постоянно уменьшалось. Съ 1865-го до 1867-го оно значительно уменьшилось; но съ 1863-го до 1865-го оно значительно возрастало; за послѣднее трехлѣтіе, т.-е. съ 1869-го до 1870-го могло оказаться такое же уменьшеніе, но могло повториться и возрастаніе. Но эти цифры, взятыя изъ «Статистическаго Временника» и дополненныя «Военно-Статистическимъ Сборникомъ» за 1866-й и 1867-й годы, по той же системѣ, недостаточно убѣдительны по сравненію ихъ съ другими цифрами изъ того же источника. Такъ, въ первомъ изъ названныхъ изданій есть еще таблицы числа обвиненныхъ, съ распредѣленіемъ по наказаніямъ, и изъ этихъ таблицъ оказывается, что обвиненныхъ съ распредѣленіемъ по родамъ наказаній за смертоубійство въ 1860-мъ году было 2,059; въ 1861-мъ г.—2,128; въ 1862-мъ г.—2,065; въ 1863-мъ г.—1,915, при чемъ значительная часть (отъ $^1/_3$ до $^1/_2$) были присуждены къ наказаніямъ легкимъ, стало быть здѣсь считаются и обвиненные за убійство неосторожное.

Обратимся къ источнику болѣе надежному и болѣе современному. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" была помѣщена вѣдомость о числѣ лицъ, присужденныхъ за 2-ю половину 1870-го года по отдѣльнымъ родамъ преступленій въ каждой изъ губерній, въ которыхъ введены новые судебные уставы въ полномъ объемѣ. Здѣсь исчислены по губерніямъ и родамъ преступленій осужденные за время съ 1-го іюня по 15 ноября 1870-го, т.-е. за $5^1/_2$ мѣсяцевъ. Итогъ осужденныхъ за убійство здѣсь показанъ 63. Но мы должны присоединить къ этой цифрѣ 2 присужденныхъ за удушеніе и 7 за отравленіе. Выходитъ цифра 72, осужденныхъ за убійство, за полгода собственно, въ тѣхъ 22-хъ губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ въ полномъ объемѣ новые судебные уставы. Предполагая равное число осужденныхъ за другую половину года, получимъ 144. Но не надо забывать, что это только цифра осужденныхъ за годъ общими судебными мѣстами въ 22-хъ губерніяхъ, т.-е. по числу населенности въ одной трети всей имперіи. Сложивъ населенность всѣхъ этихъ губерній, какъ она показана въ „Военно-Стат. Сб." по губерніямъ, получимъ 26 м. 902 тысячи душъ, однимъ словомъ, до 27 милл. душъ. Въ сравненіи съ общимъ итогомъ населенія имперіи мы можемъ принять эту цифру около одной трети.

Повторимъ: 144 осужденныхъ въ годъ за убійство будутъ соотвѣтствовать 27 милліонамъ душамъ. Но это только—осужденные гражданскаго вѣдомства. Обращаемся ко II-му отд. „Военно-Стат. Сборника", именно къ свѣдѣніямъ объ арміи, и находимъ, что за смертоубійство умышленное и намѣренное военными судами осуждено было военныхъ за одинъ годъ (1868-й г.) 151 человѣкъ. Треть этого числа, т.-е. 50 чел. будетъ соотвѣтствовать населенію въ 27 милл. Убійцъ гражданскаго вѣдомства оказывается 144 чел. за 11 мѣсяцевъ, стало быть ее окончательно слѣдуетъ принять за годъ въ 157 чел., на 27 милл. населенія, а вмѣстѣ съ приходящеюся на это число населенія цифрою убійцъ изъ военнаго вѣдомства — 207 чел.

Это составитъ 7,6 на 1 милліонъ населенія.

Мы нарочно провели весь разсчетъ передъ глазами читателя, желая показать, что въ нашемъ выводѣ нѣтъ ничего произвольнаго. Разсчетъ этотъ, конечно, только приблизительный, но въ него входятъ всѣ тѣ данныя, которыя необходимы для точнаго уясненія значенія цифры, и для правильнаго сравненія ея съ иностранными. Для подобныхъ сравненій необходимо знать именно цифру *присужденныхъ* за убійство, и отношеніе ея къ числу населенія. Чтобы сдѣлать это сравненіе мы обратимся къ Блоку (L'Europe pol. et. soc. 1869). Къ сожалѣнію, онъ не нашелъ однородныхъ цифръ для главныхъ государствъ Европы; разсчетъ сдѣланъ у него по отношенію къ 1 милл. населенія, но въ одной странѣ принимается число сужденныхъ дѣлъ (напр., во Франціи) въ другой число слѣдствій, въ третьей число подсудимыхъ, и т. д.

Только для Соединеннаго Королевства мы находимъ цифру *присужденныхъ* на 1 милл. населенія. Цифра эта въ Соединенномъ Королевствѣ по разряду Assassinats, meurtres, empoisonnements показана 7,5.

Итакъ, наша цифра очень близка къ англійской, а именно нѣсколько выше послѣдней. Въ Соединенномъ Королевствѣ она 7,5,— въ Россіи — 7,6. Стало быть, нѣтъ никакого повода утѣшать себя мыслью о превосходной нашей нравственности. Если принять во вниманіе, что именно англійскіе присяжные ужъ никакъ не мягче нашихъ, то окажется несомнѣннымъ, что число убійцъ въ Англіи судебными приговорами ни въ какомъ случаѣ не преувеличивается въ сравненіи съ нашимъ, и что можно скорѣе предполагать нѣчто обратное. Иначе, впрочемъ, не можетъ и быть, по сравненію степени образованности народа въ Соединенномъ Королевствѣ и въ Россіи. У насъ совершается множество убійствъ съ цѣлью грабежа изъ-за самаго малаго барыша, а именно чаще всего убійству подвергаются крестьяне на дорогахъ, при чемъ весь разсчетъ убійцы на тѣ три или пять рублей, которые крестьянинъ выручилъ въ городѣ, такъ какъ лошадь убійца далеко не всегда рѣшается взять.

Но, хотя противъ усиленія наказаній за убійство нельзя сказать ничего достовѣрнаго, пока криминальная статистика не создастъ въ самомъ дѣлѣ опытной науки уголовнаго права, — во всякомъ случаѣ одно можно сказать утвердительно, именно: что вѣрнѣйшимъ орудіемъ къ уменьшенію числа наиболѣе жестокихъ и грубыхъ видовъ насилія представляется распространеніе въ народѣ образованія.

ЗАМѢТКА О РУССКОЙ ПОЧТѢ.

Наше народное хозяйство, въ періодъ предшествующій, до такой степени подавлялось общимъ строемъ вещей и исторически сложившимися основами государственной жизни, что реформы этого строя и этихъ основъ вообще были приняты за панацею отъ всякихъ золъ, и въ нашихъ представленіяхъ понятіе „реформы" сдѣлалось тожественнымъ съ понятіемъ „улучшенія". Даже нѣкоторыя изъ реформъ явились на свѣтъ подъ именемъ „улучшенія"; между тѣмъ, въ дѣйствительности, каждая реформа есть только необходимое условіе всякаго улучшенія, но никакъ не самое улучшеніе. Такая смѣсь въ понятіяхъ имѣла свои вредныя послѣдствія: съ одной стороны, умы, враждебно относившіеся къ реформамъ, находили противъ нихъ удобное оружіе въ томъ обстоятельствѣ, что иногда реформа не влекла за собою улучшенія, и они восклицали: «при старомъ порядкѣ вещей

было лучше»! Съ другой стороны, общество слишкомъ успокоивалось реформами и думало, что если сдѣлана реформа, то сдѣлано уже все, что для новыхъ успѣховъ общественной жизни нужны только однѣ дальнѣйшія реформы и реформы. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что дальнѣйшія реформы намъ необходимы, чтобы ввести у себя новый строй европейской жизни; но, тѣмъ не менѣе, справедливо и то, что мы далеко не вполнѣ воспользовались уже совершенными реформами, и новый нашъ общественный бытъ далеко не соотвѣтствуетъ новымъ его условіямъ. Но это доказываетъ только то, что никакая реформа, сама по себѣ, не есть уже все улучшеніе, и мелкія функціи общественныхъ и административныхъ силъ могутъ долгое время сохранять духъ стараго порядка вещей, несмотря на всѣ совершенныя реформы въ общемъ строѣ государственной жизни. Такая реформоманія производитъ то, что иногда, напримѣръ, бѣда состоитъ въ томъ, что нѣтъ хорошихъ учителей, нѣтъ учебниковъ, а мы непремѣнно нападаемъ на мысль о необходимости реформы всей системы народнаго образованія, не принимая при этомъ въ соображеніе морали Крыловской басни „Квартетъ“. Вотъ почему мы готовы отнестись съ бо̀льшимъ довѣріемъ къ тѣмъ, которые, не прибѣгая къ ломкѣ въ громадныхъ размѣрахъ, спѣшатъ прежде всего устранить тѣ рогатки, которыя были наставлены по пути общественной жизни въ ту эпоху, когда не учрежденія существовали для общества, а общество — для учрежденій, когда, напримѣръ, и почта была нужна не потому, что на ней зиждется масса самыхъ дорогихъ общественныхъ интересовъ, а потому, что общество, путемъ почты, приноситъ доходъ; по крайней мѣрѣ, такъ можно было думать, судя по отсталости нашихъ почтовыхъ порядковъ отъ общеевропейскихъ и по преслѣдованію почтовымъ вѣдомствомъ однѣхъ фискальныхъ цѣлей; всякое улучшеніе почтоваго дѣла, какъ и всякаго дѣла, есть расходъ, а не доходъ, и слѣдовательно, есть ухудшеніе, а не улучшеніе—вотъ прежнія понятія!

Въ нынѣшнемъ году, въ началѣ лѣта, почтовое вѣдомство устроило въ Петербургѣ собраніе своихъ спеціалистовъ для улучшенія отправленій почтоваго вѣдомства, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ. Мы слышали изъ вѣрнаго источника, что теперь положено предоставить обществу новыя удобства; правда, такихъ удобствъ введено мало, и притомъ, не потому, чтобы мало было неудобствъ; — но за то, какъ мы слышали, это малое будетъ немедленно осуществлено. Для публики не безъинтересно узнать, въ чемъ именно состоятъ ожидающія ее новыя удобства, а намъ представляется случай указать, какія общество могло бы ожидать другія удобства, осуществленіе которыхъ не требовало бы никакихъ особенныхъ расходовъ.

Извѣстно, что до сихъ поръ, т.-е. до половины 1871 года, пріемъ и выдача простыхъ писемъ производились только въ почтовыхъ кон-

торахъ и отдѣленіяхъ, а на почтовыхъ станціяхъ не иначе, какъ въ видѣ исключенія; такимъ образомъ, въ Россіи было болѣе двухъ тысячъ почтовыхъ станцій, гдѣ вы не могли ни отдать простого письма, ни получить его, однимъ словомъ испытывали почтовыя муки Тантала, т.-е. вы видѣли предъ собою станцію, и не могли ею воспользоваться. Все это показалось бы намъ неправдоподобнымъ, если бы изъ предстоящаго нововведенія мы не узнали, что у насъ дѣйствительно было до сихъ поръ слишкомъ 2 тысячи глухихъ и нѣмыхъ станцій, которыми были заинтересованы однѣ лошади и ямщики, такъ какъ ихъ тутъ перемѣняли. И такой порядокъ существовалъ у насъ въ то время, когда за-границею даже къ почтовой повозкѣ придѣлывается на-глухо почтовый ящикъ, куда можно бросать письма на ходу, если почта проходитъ мимо деревни или мызы, гдѣ нѣтъ станціи. Теперь полагается немедленно открыть постоянный пріемъ и выдачу простыхъ писемъ на всѣхъ, безъ исключенія, почтовыхъ станціяхъ имперіи, кромѣ Финляндіи, и такимъ образомъ, число пріемныхъ мѣстъ увеличится одновременно, болѣе чѣмъ на двѣ тысячи. На тѣхъ станціяхъ, гдѣ есть смотрителя отъ почтоваго вѣдомства, пріемъ и выдача простой корреспонденціи будетъ производиться общимъ существующимъ порядкомъ, а жителямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ почтовыми станціями завѣдують писаря или старосты, поставленные отъ почтсодержателей, будетъ предложено избрать изъ среды своей довѣренныя лица, которыя обязаны будутъ всю корреспонденцію своихъ довѣрителей сдавать лично писарю или старостѣ, а равно и получать отъ послѣднихъ доставляемые изъ почтоваго мѣста пакеты съ письмами на имя своихъ довѣрителей.

Мы увѣрены, что эта мѣра будетъ встрѣчена съ большимъ удовольствіемъ массою обывателей, столь долго смотрѣвшихъ безплодно на свою сосѣднюю станцію и тратившихъ время и деньги на то, чтобы тащиться верстъ за 40 для того, чтобы сдать на почту простое письмо.

Вмѣстѣ съ этою мѣрою будетъ принята и другая мѣра, съ цѣлью сколько возможно уменьшить задержку почтъ на станціяхъ, почти при ежечасной перекладкѣ ихъ изъ одной повозки въ другую. Всѣмъ почтсодержателямъ, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ нѣсколько станцій на одномъ и томъ же трактѣ, или содержатъ цѣлые тракты, — будетъ предложено перевозить почты, по возможности, безъ перекладки, въ одной повозкѣ. При этомъ предположено приспособить такія повозки къ болѣе продолжительнымъ переѣздамъ, такъ, чтобы ихъ прочность вполнѣ гарантировала сохранность почтъ на пути. Если это справедливо, то въ такомъ случаѣ было бы возможно и у насъ, при почтовыхъ повозкахъ, устроить почтовые ящики для пріема простыхъ писемъ во время самаго слѣдованія почты.

Кромѣ упомянутаго удобства сдавать письма на всѣхъ станціяхъ,

будетъ разрѣшено отправлять эстафеты со всѣхъ почтовыхъ станцій, гдѣ существуетъ пріемъ и выдача всякаго рода корреспонденціи, но лишь въ тѣ мѣста, которыя находятся въ одной губерніи съ той станціей, откуда отправлена эстафета. Это послѣднее ограниченіе любопытно, какъ образчикъ причинъ, которыя могутъ у насъ препятствовать къ болѣе правильному устройству того или другого дѣла. Вы не можете отправить со своей станціи эстафету въ городъ, близкій къ вамъ, но лежащій въ другой губерніи,—потому что это усложнило бы разсчеты, и составленіе отчетности по этой операціи для контрольныхъ палатъ представилось бы крайне затруднительнымъ. Но для публики — скажете вы — такое ограниченіе крайне затруднительно: мнѣ нужно, напримѣръ, для спасенія жизни кого-нибудь пригласить изъ сосѣдняго города, но другой губерніи, врача; это нельзя—скажутъ вамъ — потому что будетъ затруднительно составленіе отчетности по этой операціи для контрольныхъ палатъ. Мы думаемъ, что польза контроля должна была бы останавливаться тамъ, гдѣ начинается вредъ для сущности дѣла.

Разрѣшеніе отправки эстафетъ поставлено въ связь съ доставленіемъ телеграммъ на телеграфныя станціи, изъ тѣхъ мѣстностей, которыя лежатъ въ сторонѣ отъ проволоки, при чемъ отправитель уплачиваетъ на мѣстѣ стоимость и эстафеты и телеграммы.

Въ заключеніе почтовыхъ удобствъ для многочисленныхъ жителей проселочныхъ дорогъ, будетъ уничтожено существовавшее запрещеніе принимать на станціяхъ (всякаго рода корреспонденціи) отъ одного лица или учрежденія, въ одинъ пріемный день, болѣе 500 рублей; эта сумма увеличится до 1,000 рублей.

Этимъ и ограничивается пока все, что́ сдѣлано или скоро будетъ сдѣлано для отдаленныхъ сообщеній. Для сообщеній жителей одного города между собою у насъ существовала городская почта только въ пяти городахъ во всей имперіи; теперь же полагается приступить къ открытію городскихъ почтъ во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ, гдѣ въ томъ встрѣчается необходимость или гдѣ того пожелаютъ городскіе обыватели, причемъ необходимые на учрежденіе городскихъ почтъ расходы будутъ приняты на счетъ суммъ почтоваго департамента.

Мы уже говорили не разъ и опять повторяемъ, что у насъ нельзя претендовать на то, что кѣмъ-нибудь сдѣлано мало, такъ какъ, еслибы и ничего не было сдѣлано, то все же мы бы напрасно претендовали. Однако мы не можемъ не сознаться, что въ приведенныхъ выше улучшеніяхъ насъ прежде всего изумляетъ то, что онѣ не были сдѣланы давно, и что въ настоящую минуту наша почта представляетъ такіе недостатки, сравнительно съ западными порядками того же рода, что трудно понять, почему медлятъ устраненіемъ подобныхъ недостатковъ.

въ наше время, когда, повидимому, пришли къ убѣжденію, что не общество живетъ для почты, а почта — для общества. Знающіе близко наше почтовое дѣло объясняли намъ всякій разъ, что необходимыя почтовыя преобразованія не подвигаются у насъ съ желаемою скоростью по причинамъ независящимъ отъ почтоваго вѣдомства. Объ этомъ можно только пожалѣть; но есть однако много такихъ улучшеній, которыя вполнѣ зависятъ отъ почтоваго вѣдомства и тѣмъ не менѣе такія улучшенія не вводятся. Изъ многаго укажемъ на важнѣйшее: до сихъ поръ у насъ не введена расплата чрезъ почту за получаемый товаръ по почтѣ, что чрезвычайно облегчило бы сношенія иногородныхъ съ столичными торговыми домами. Особенно такая расплата оживила бы нашу книжную торговлю: магазинъ высылаетъ книгу въ уѣздный городъ, не получивъ денегъ отъ покупателя, а только одинъ заказъ; уѣздная почтовая контора выдаетъ книгу по адресу и получаетъ деньги, а столичный почтамтъ удовлетворяетъ магазинъ, или въ случаѣ отказа лица заплатить деньги, возвращаетъ магазину книгу. Почему такое удобство не введено до сихъ поръ, наряду со многими ему подобными? Отъ почтамта это вполнѣ зависитъ, новыхъ расходовъ не требуетъ; мы увѣрены, что это, какъ и многое другое, не вводится потому же, почему, мы видѣли, нельзя со станціи отправлять эстафету въ другую губернію: найдутъ опять, что „составленіе по этой операціи отчетности для контрольныхъ палатъ представляется крайне затруднительнымъ“. А затрудненія, испытываемыя публикой, развѣ ничего не значатъ? Въ приведенномъ выше примѣрѣ, провинціальная публика терпитъ огромное неудобство: кто-нибудь узналъ изъ газетъ, что въ такомъ-то магазинѣ вышла новая книга; магазинъ ему неизвѣстенъ, но при существованіи расплаты по почтѣ, онъ безъ риска высылаетъ простое требованіе, и магазинъ также безъ риска высылаетъ книгу, а почта въ выгодѣ, такъ какъ она не имѣетъ надобности пересылать денегъ, и получитъ одно простое увѣдомленіе отъ конторы, что книга сдана и деньги получены. По крайней мѣрѣ, такіе порядки въ видѣ опыта можно было бы завести между Петербургомъ и Москвой и другими большими городами имперіи.

Много конечно есть и другихъ почтовыхъ неудобствъ, устраненіе которыхъ было бы желательно, но мы ограничиваемся указаніемъ только на вышеприведенное, такъ какъ тутъ дѣло идетъ не объ одномъ удобствѣ, но и о важной услугѣ, которую почтамтъ можетъ оказать нашей торговлѣ, оживляя сношенія большихъ центровъ съ самыми отдаленными углами имперіи.

М.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Циркуляръ Жюля Фавра.—Политическая исповѣдь Тьера.—Положеніе французскихъ финансовъ.—Заемъ двухъ мильярдовъ. — Предполагаемая финансовая система.—Дополнительные выборы.—Разсказъ Трошю о защитѣ Парижа.—Безпорядки въ копяхъ прусской Силезіи.—Избирательный билль въ Англіи.—Пій IX и его юбилей.—Перенесеніе столицы Италіи въ Римъ.—Французское недоброжелательство.

Генералъ Трошю въ той книгѣ о французской арміи, которая навлекла на него немилость новѣйшаго Жюпена, указываетъ, съ неодобреніемъ, на то свойство стараго солдата, что у него нѣтъ истиннаго энтузіазма. Онъ смотритъ на свое дѣло какъ на ремесло и ищетъ только прибыли. „Когда случится,—говоритъ Трошю—что начальникъ попробуетъ въ возвышенной рѣчи возбудить въ своихъ подчиненныхъ благородныя чувства и стремленія, то такой солдатъ, слушая его, думаетъ про себя: causes toujours, l'ancien, tu m' instruis. Эта насмѣшливая поговорка извѣстна во всей нашей арміи“—прибавляетъ Трошю. Но почему такъ думаетъ французскій grognard, спрашивается; потому ли только, что онъ—grognard, то-есть старый служака, видавшій всякіе виды и лишенный энтузіазма. Или потому, что въ начальникѣ онъ видитъ такого же служаку, какъ онъ самъ, и знаетъ, что начальникъ самъ того энтузіазма вовсе не ощущаетъ, какой хочетъ возбудить, однимъ словомъ, что....il blague?

Намъ кажется, что съ этой именно точки слѣдуетъ смотрѣть на новѣйшія возвышенныя заявленія французскихъ правителей — Тьера, въ его знаменитой рѣчи 8 іюня, и Фавра, въ его еще болѣе знаменитомъ циркулярѣ отъ 6 іюня. Возвышенныя чувствованія, тревожныя опасенія, обращенія къ причинамъ зла, упованія въ будущемъ,— все это, что они выразили въ своихъ заявленіяхъ — es ist schon Alles da gewesen, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ болѣе трезвые въ выраженіяхъ нѣмцы. Смыслъ рѣчи Тьера и циркуляра Фавра одинъ— реакція. Но могутъ ли даже сами эти люди быть такъ наивны, чтобъ,

въ самомъ дѣлѣ, искренно увлекаться реакціею? И можетъ ли подѣйствовать на Францію та поэзія реакціи, которую они расписываютъ въ столь возвышенныхъ выраженіяхъ? Невольно думается, что и сама Франція, слушая и читая каждаго изъ нихъ, думаетъ про себя, какъ говоритъ Трошю: causes toujours, mon ancien, tu m'instruis.

Нынѣшніе правители Франціи—старики, и старики весьма древніе не только по счету годовъ своей жизни, но въ особенности по той массѣ всевозможныхъ опытовъ, чрезъ которую они въ своей жизни прошли. Казалось бы, такіе люди могли бы стоять выше минутныхъ теченій, охватывающихъ общество. Казалось бы, что Тьеръ и Фавръ, которые на своемъ вѣку столько разъ не только видали вблизи, но и испытали на себѣ, какъ за самообольщеніемъ слѣдуетъ разочарованіе, какъ агитацію смѣняетъ реакція и какъ реакція вызываетъ впослѣдствіи новую агитацію — должны были бы стоять сами выше такихъ увлеченій. Что новаго сказали эти послѣднія событія имъ, ветеранамъ политической жизни, какое ощущеніе могли они дать имъ, котораго бы эти старики уже прежде не знавали? Униженіе Франціи передъ Европою? Но съ 1815-го г. по 1848-й Франція находилась въ положеніи хроническаго униженія передъ Европою. Паденіе военнаго могущества Франціи, разореніе ея, обремененіе ея долгомъ и военною контрибуціею, деморализація ея арміи, наконецъ вступленіе иностранцевъ въ Парижъ? Но вѣдь все это уже было, все это было пережито нынѣшними старцами-правителями; Тьеръ въ то время былъ юноша, а Фавръ сталъ юношей чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того погрома, когда еще видны были всѣ раны и свѣжи были слѣды пораженія и разоренія. Ново ли имъ разочарованіе въ нравственныхъ силахъ Франціи, въ могуществѣ идей свободы и человѣчности на ея почвѣ? Нѣтъ, и это ощущеніе имъ неново. Когда, послѣ всѣхъ жертвъ полувѣка, послѣ стольких благородныхъ усилій, столь блестящихъ надеждъ и столь упорной, хотя и лихорадочной работы на пользу завѣтныхъ принциповъ человѣчества, Франція, въ 1851 году, пала въ постыдныя объятія Наполеона-малаго, когда ея скептическая и бурная буржуазія отдалась на содержаніе этому авантюристу, озолотившему ея рабство спекуляціею,—то́ паденіе Франціи, то́ разочарованіе въ могуществѣ священныхъ словъ, чуждыхъ массѣ, было такъ глубоко, такъ болѣзненно, что и въ нынѣшнихъ событіяхъ нельзя найти ничего ему равнаго.

Жюлю Фавру и Адольфу Тьеру не новъ и взрывъ рабочаго мятежа на улицахъ Парижа, о которомъ они съ такимъ ужасомъ говорятъ теперь, какъ будто открыли что-то новое, неслыханное. Постановка соціальныхъ вопросовъ на баррикаду и отвѣтъ на нихъ разстрѣливаньемъ — это случилось въ Парижѣ въ первый разъ не теперь, а слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Наконецъ сама реакція, реак-

ція въ полномъ своемъ развитіи и славѣ, именно реакція международная, какъ она проглядываетъ въ циркулярѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, тоже не новое стремленіе, а система весьма долго существовавшая, испробованная давно всею Европой. Ново только то, что мысль Меттерниха, у котораго она истекала логически изъ цѣлой системы міровоззрѣнія, проглядываетъ теперь у Фавра, безъ всякой связи съ какою-либо системою, въ видѣ какого-то жалкаго клочка, оторваннаго отъ рецепта весьма сложной микстуры, составленной по всѣмъ правиламъ искусства залечиванья. Меттернихъ былъ не чета Фавру. Разсматривая политическое искусство, какъ своего рода терапевтику, искусство „врачеванія язвъ общества", Меттернихъ былъ отецъ школы, настоящій основатель той врачебной системы, которая у Мольера называется ars perçandi, taillandi et occidendi per totam terram.

Вмѣсто такой полной, выработанной и законченной системы международной реакціи, что̀ находимъ мы въ циркулярѣ Жюля Фавра: какое-то школьническое намѣреніе убѣдить европейскія правительства, что вооруженный соціализмъ—дѣло опасное. Фавръ доноситъ европейскимъ правительствамъ на такъ-называемое „международное общество рабочихъ", увѣряя, что его истинная цѣль—не мирное взаимное вспомоществованіе, а „систематическое разрушеніе, направленное противъ каждой изъ европейскихъ націй, и противъ самыхъ принциповъ, на которыхъ основаны всѣ цивилизаціи". Что значатъ „всѣ цивилизаціи"? Если всѣ цивилизаціи основаны на однихъ принципахъ, то значитъ, можетъ быть только одна цивилизація. Если же, по мнѣнію Фавра, цивилизацій можетъ быть нѣсколько, то тогда слѣдуетъ допустить, что одна цивилизація стремится къ разрушенію принциповъ другой. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своего малообдуманнаго циркуляра, Фавръ говоритъ, „что его (международнаго общества) правила дѣйствія (règles de conduite) составляютъ отрицаніе всѣхъ принциповъ, на которыхъ основана цивилизація". Здѣсь цивилизація является уже въ единственномъ числѣ, т.-е. какъ цивилизація вообще. Притомъ, здѣсь уже рѣчь не о теоріи, а только о „правилахъ дѣйствія".

„Правила дѣйствія", то-есть средства, которыя заключаются въ насиліи для внезапнаго подчиненія всего общества экспериментамъ теоретиковъ, конечно, противны основамъ всякой цивилизаціи, потому что они противны здравому смыслу. Но едвали необходимъ былъ циркуляръ французскаго министра для того, чтобы убѣдить въ этомъ европейскія правительства. Всѣ совѣты французскаго министра въ этомъ отношеніи ненужны и смѣшны. „Это положеніе дѣлъ опасно—пишетъ Фавръ. Оно требуетъ, чтобы правительства не оставались въ равнодушіи и инерціи. *Они были бы виновны*, если бы, послѣ видѣнныхъ теперь уроковъ, они оставались безстрастными свидѣтелями разрушенія

всѣхъ тѣхъ правилъ, которыми держится нравственность и благосостояніе народовъ". Можетъ ли любовь къ фразерству заходить далѣе въ отрицаніи всякаго чувства собственнаго достоинства?

Не въ первый разъ правительство, пройдя чрезъ опасность, вызванную прежде всего рядомъ собственныхъ его ошибокъ и полной его неспособностью, сваливаетъ всю вину на „всемірную революціонную партію" и призываетъ всѣ другія правительства принять строгія мѣры противъ ихъ гражданъ, за то собственно, что оно само оказалось неспособно управлять своими гражданами. Такъ всегда поступали реакціонеры. Что французская реакція поступаетъ такъ вслѣдъ за междоусобицею, въ которой пали десятки тысячъ людей и сожжена часть столицы — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ наивности. Вспомнимъ, что съ подобными же предложеніями повсемѣстной реакціи являлись правительства Австріи и Пруссіи вслѣдствіе какого-нибудь собранія студентовъ, или нѣсколькихъ рѣзкихъ выходокъ въ газетахъ. И мѣры, тогда предлагавшіяся, были принимаемы и приводимы въ исполненіе, хотя поводы къ нимъ ужъ, конечно, не были такъ страшны, какъ парижская рѣзня. Но мѣры эти никогда не упрочивали ни существованія правительства, ни силы страны. Бороться силой противъ ученій оказалось невозможно и принимать мѣры противъ насилія можно только своевременно. Принимать ихъ слишкомъ рано, а тѣмъ болѣе возводить ихъ въ постоянную систему нелѣпо во всѣхъ отношеніяхъ, уже потому, что зачинщики насилія получатъ именно въ этихъ мѣрахъ, стѣснительныхъ для общества, какъ бы оправданіе своимъ замысламъ, а сами найдутъ средство въ удобную минуту обойти ихъ.

Такъ, напримѣръ, въ Парижѣ слѣдовало принять предупредительныя мѣры противъ насилія, именно передъ самымъ вступленіемъ въ городъ пруссаковъ. Фавръ, въ своемъ циркулярѣ, справедливо говоритъ, что имперія подготовила въ Парижѣ кризисъ, который когда-нибудь долженъ быть разыграться: сосредоточеніе 300 тысячъ рабочихъ, содержимыхъ искусственною, намѣренною потребностью въ громадныхъ постройкахъ. „Парижъ сдѣланъ былъ огромной національной мастерской,—разсуждаетъ Ж. Фавръ—которую нельзя было распустить безъ катастрофы". Этихъ рабочихъ пришлось вооружить во время прусской осады, и вотъ распущеніе ихъ стало еще болѣе труднымъ, и катастрофа еще вѣроятнѣе. Но почему не было ничего сдѣлано для отвращенія этой катастрофы?—вотъ на что нѣтъ отвѣта въ циркулярѣ Фавра. Возвращаясь къ этимъ событіямъ, онъ забываетъ, что перо его держитъ министръ, и пишетъ какъ будто онъ просто историкъ, неотвѣтственный посторонній наблюдатель. „Къ стыду пораженія присоединилась скорбь о жертвахъ, которыя слѣдовало принести. Отчаяніе и гнѣвъ раздѣлили души. Никто не захотѣлъ примириться

со своимъ горемъ, и многіе старались найти утѣшеніе въ несправедливости и насиліи". Это психологически вѣрно; но вѣдь отъ министра слѣдовало бы ожидать чего-нибудь еще сверхъ психологическаго этюда. Передъ вступленіемъ пруссаковъ въ Парижъ можно было и слѣдовало сдѣлать все для отвращенія катастрофы. Вѣдь пруссакамъ сдали же безпрекословно все, чего они потребовали, и когда они вступили въ Парижъ, вѣдь ихъ не посмѣли тронуть, какъ ни велики были „отчаяніе и гнѣвъ". Какже это случилось, что вслѣдъ за выступленіемъ пруссаковъ изъ Парижа, не только ружья остались въ рукахъ ненужной уже для обороны города толпы, но и пушки перешли въ ея руки? Не естественно ли было, именно до вступленія пруссаковъ въ Парижъ, распорядиться разоруженіемъ ненужной уже національной гвардіи и приберечь пушки? Такія мѣры предосторожности объяснялись бы тогда именно желаніемъ отвратить столкновеніе съ пруссаками; можно было даже объяснить, что Бисмаркъ поставилъ это условіемъ. Тогда бы покорились, нечего дѣлать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, слѣдовало продолжать, до начала работъ, платить жалованье гражданамъ, которые все-таки вѣдь 4½ мѣсяца служили съ оружіемъ въ рукахъ, и обѣщать необходимое облегченіе въ квартирныхъ разсчетахъ за осадное время, а также и законъ о самоуправленіи большихъ городовъ. Все это было бы совершенно естественно, не имѣло бы ничего чрезвычайнаго. Скажутъ—легко придумывать послѣ. Но удивительно то, что приходится придумывать *послѣ* такія простыя и неизбѣжныя мѣры, для перехода изъ вооруженнаго въ мирное положеніе безъ катастрофы. Кризисъ былъ, дѣйствительно, подготовленъ скопленіемъ рабочихъ въ Парижѣ сверхъ потребности дѣйствительной; но катастрофа едвали была неизбѣжна. Едвали даже общество бываетъ въ такомъ положеніи, что катастрофа гражданской войны совершенно неизбѣжна, что ничѣмъ ее отвратить нельзя. Это—отговорка, выдуманная въ утѣшеніе народной неразвитости и въ оправданіе правительственной неспособности.

Нѣтъ, ссылкою на „всемірную революціонную партію", кто бы эту партію ни представлялъ, въ данную минуту правители Франціи не могутъ оправдать себя отъ огромной вины въ ужасахъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ Парижъ. Ихъ неспособность не только предоставила полное раздолье элементамъ насилія, но и оттолкнула въ составъ мятежной толпы множество искреннихъ и порядочныхъ людей, которымъ просто не было иного исхода, какъ продолжать солдатское ремесло, только уже противъ правительства. И чѣмъ тупѣе оказался умъ правителей для предупрежденія этой катастрофы, тѣмъ острѣе, тѣмъ безпощаднѣе оказался ихъ мечъ для каранія какъ виновныхъ, такъ и массы невинныхъ вмѣстѣ съ виновными. Въ Содомѣ и Гоморрѣ могли быть только нѣсколько праведныхъ на цѣлое населеніе

преступниковъ. Но въ наше время невозможно убѣдиться, что въ какомъ-либо городѣ, будь это и самъ „новѣйшій Вавилонъ“, можетъ быть полтораста тысячъ отъявленныхъ негодяевъ. Если полтораста тысячъ человѣкъ попадаютъ въ преступники, то неспособность и недобросовѣстность правителей гораздо несомнѣннѣе, чѣмъ вина *всѣхъ* этихъ преступниковъ.

Жюль Фавръ видитъ особую опасность для Европы въ томъ, что къ „разрушенію всѣхъ основъ“ стремится общество рабочихъ, имѣющее, по его словамъ, комитеты въ Германіи, Бельгіи, Англіи, Швейцаріи и многочисленныхъ приверженцевъ (adhérents) въ Россіи, Австріи, Италіи и Испаніи. Замѣчательно при этомъ, что, при указаніи на комитеты, первою поставлена Германія а въ указаніи на приверженцевъ первою стоитъ — Россія! Видите ли, дескать, любезные сограждане, изъ какихъ несочувственныхъ намъ странъ исходитъ то движеніе, которое мы такъ побѣдоносно одолѣли, ко славѣ французскаго оружія. И въ самомъ дѣлѣ, „побѣда Франціи“ надъ такимъ общеевропейскимъ заговоромъ—вѣдь это, въ нѣкоторомъ родѣ, утѣшеніе въ Вертѣ и Седанѣ. Все-таки Франція опять, такъ сказать, побѣдила всю Европу, хотя бы только революціонную Европу, во главѣ которой, какъ извѣстно, именно и стоятъ Германія и Россія.

Можно, кажется, надѣяться, что никто въ Европѣ не придастъ значенія тому обстоятельству, что всемірная революція указывается, въ настоящемъ случаѣ, въ обществѣ, которое называетъ себя обществомъ рабочихъ. Насколько рабочіе какой-либо страны участвуютъ въ этомъ обществѣ—мы не знаемъ. Но дѣло не въ томъ. Дѣло въ томъ, что когда вовсе не существовало международное общество, реакціонеры дѣлали точно такія указанія на „всемірную революціонную партію“, какъ виновницу всѣхъ бѣдствій, какія дѣлаетъ теперь Жюль Фавръ. Показаній Ж. Фавра относительно рабочихъ не стóитъ и провѣрять, потому именно, что точно тоже самое говорилось реакціонерами, когда о международномъ обществѣ рабочихъ не было и рѣчи. Всему виной были или Мадзини, или Ледрю-Ролленъ, или Кошутъ; а еще прежде ихъ—Вольтеръ и Руссó, у которыхъ въ распоряженіи никакихъ рабочихъ не было, уже потому, что Вольтеръ и Руссó давно покоились въ Пантеонѣ, когда на нихъ сваливала вину всякая недобросовѣстность и всякая бездарность.

Но, какъ бы наивны ни были ссылки Ж. Фавра на иностранные союзы рабочихъ, онѣ все-таки понятны, потому что, повторяемъ, это—давнишній пріемъ всѣхъ реакціонеровъ. Въ этихъ указаніяхъ отражается увлеченіе французской реакціи и больше ничего. Но, непонятно вотъ что: какая доля нахальства нужна для того, чтобы французскій министръ, въ настоящее время, могъ говорить передъ Европою въ томъ тонѣ, какъ говоритъ Жюль Фавръ. Франція спасла порядокъ,

Франція оказала услугу Европѣ, иностранныя правительства будутъ *виновны*, если не послѣдуютъ совѣтамъ французскаго министра и т. д. Надо имѣть поистинѣ непостижимое пристрастіе къ фразерству и удивительное отсутствіе чувства достоинства, чтобы послѣ того, что случилось нынѣ во Франціи, не хранить скорбное молчаніе, а вѣщать себя Европѣ героями. Le sauveur du deux décembre — довольно ли насмѣялись надъ его безсовѣстнымъ увѣреніемъ французскіе либералы? И вотъ, Жюль Фавръ, бывшій ихъ главою, съ увлеченіемъ натягиваетъ самой Франціи этотъ постыдный плащъ притворства и лжи, подъ которымъ Наполеонъ-Третій скрывалъ свои окровавленныя руки.

Рядомъ съ циркуляромъ Фавра слѣдовало бы поставить рѣчь генерала Трошю, которая резюмируетъ исторію Франціи, начиная съ первыхъ пораженій арміи Наполеона III. Рѣчь Трошю, дополняемая циркуляромъ Фавра, это — попытки современниковъ установить исторію истекшаго года, дать историкамъ такія основы, которыя послужили бы къ оправданію такъ-называемыхъ людей 4-го сентября. Но прежде мы обратимся къ рѣчи Тьера, прозрѣвающей уже въ будущее Франціи. Verba et verba praetereaque nihil. Въ самомъ дѣлѣ, политическіе люди Франціи орошаютъ страну непрерывнымъ дождемъ самаго необузданнаго и безплоднаго краснорѣчія, и за массою ихъ словъ трудно разглядѣть истинное настроеніе страны. Настроеніе это скоро обнаружится дополнительными выборами въ національное собраніе—въ этомъ всѣ увѣрены. И вотъ Тьеръ, не рѣшаясь прямо возобновить наполеоновскую систему оффиціальныхъ кандидатуръ, придумываетъ, однако, нѣчто подобное, то-есть намѣревается дать понять избирателямъ неоффиціально, какіе кандидаты были бы пріятны правительству. Самъ Гизó, старинный соперникъ Тьера, въ припадкѣ „благороднаго энтузіазма“ печатаетъ въ газетахъ письмо, въ которомъ приглашаетъ Францію поддержать на выборахъ Тьера — „соединиться съ Тьеромъ“. Такъ глубоко въѣлось въ этихъ людей прошлаго, въ этихъ представителей фальшиваго, неоткровеннаго, а потому и неудавшагося конституціонализма, убѣжденіе въ величіи своихъ личностей. Они продолжаютъ думать, что они должны *вести* Францію къ тому, въ чемъ, по мнѣнію ихъ, ея спасеніе. Не мнѣнія самой Франціи ищутъ, а наоборотъ, хотятъ навязать ей каждый свое мнѣніе и изъ-за этого шума адвокатскихъ рѣчей не слышно ни одного живого, искренняго слова, которое было бы внушено самою Франціею. Врачей множество и каждый изъ нихъ предлагаетъ свой готовый рецептъ — монархію или республику, или республику въ ожиданіи монархіи, или имперію для возстановленія всенароднаго голосованія. Каждый изъ нихъ наперерывъ превозноситъ живучесть и силы Франціи, „безсмертной и вѣчно-юной“, по выраженію Тьера, для того только — чтобы она

рѣшилась подвергнуть себя его эксперименту. Но никто, повидимому, не хочетъ положиться именно на природу, на силы паціента и отказаться отъ всякаго экспериментированія надъ нимъ.

Близко здравому смыслу сталъ на одну минуту Тьеръ, говоря: „сохранимъ пока республику, потому что она существуетъ, а тамъ что̀ будетъ дальше, то будетъ“. Но, къ сожалѣнію, въ знаменитой рѣчи Тьера 8-го іюня, рядомъ съ этимъ здравымъ и практическимъ воззрѣніемъ, обнаруживается такая сильная преокупація тѣмъ будущимъ, которое онъ самъ сперва какъ будто устраняетъ отъ обсужденія, что нельзя не сомнѣваться въ искренности его патріотической тирады объ отложеніи споровъ. Еслибы Тьеръ въ самомъ дѣлѣ отрѣшился отъ всякихъ прежнихъ симпатій, еслибы онъ искренно сознавалъ, что Франціи нужно именно обновленіе, что чѣмъ бы она ни вышла изъ нынѣшняго страшнаго кризиса, лучше всего, если она выйдетъ не легитимистскою, не орлеанистскою, не бонапартистскою, не республиканскою даже,— въ смыслѣ централизаціи и фразерства, — а совсѣмъ новою, *трезвою*, разсудительною, мирною и осторожною въ перемѣнахъ, свободною отъ страсти служительской преданности какой бы то ни было партіи, то Тьеръ говорилъ бы совсѣмъ иначе. Онъ не сталъ бы въ той же рѣчи вызывать привидѣнія прежнихъ правленій, сравнивать достоинства республики и монархіи и хвалить монархію, а главное — не говорилъ бы такъ много *о себѣ*, о своихъ симпатіяхъ къ орлеанскимъ принцамъ, и вмѣстѣ о еще бо̀льшей своей преданности Франціи, о своей независимости и гордости по отношенію къ Наполеону III, о своемъ пророчествѣ ему — „вы будете властелиномъ Франціи, но моимъ никогда“. Тому, кто сознаетъ себя некомпетентнымъ рѣшать за страну, какая будущность ей желательна, несвойственно, ни такъ много говорить о себѣ, ни придавать такое значеніе конкуррентамъ.

Въ рѣчи Тьера можно найти и нѣчто хорошее, если ее разсматривать независимо отъ его личности. Но независимо отъ его личности ея разсматривать нельзя, уже потому, что онъ самъ безпрестанно выставляетъ свою личность въ этой рѣчи, какъ и въ другихъ. Происходитъ это не только оттого, что Тьеръ — воплощенное самолюбіе, но и оттого, что всѣ эти люди прошлаго, всѣ эти вожди старыхъ партій, никакъ не исключая и республиканцевъ, что называется, до мозга костей заражены индивидуализмомъ. Не такъ важно самолюбіе, какъ коренная фальшивость взгляда; пусть бы каждый изъ нихъ считалъ себя великимъ человѣкомъ, но бѣда въ томъ, что каждый изъ нихъ считаетъ себя спасителемъ Франціи, пророкомъ и вѣруетъ, что порядокъ и свобода могутъ побѣдить только его знаменіемъ: in meo signo vinces. Напрасно было бы доказывать великія послѣдствія первой революціи; но едвали именно Франціи революція принесла не наименѣе пользы. Потому именно, что на мѣстѣ, революція эта была не

только провозглашеніемъ новыхъ идей, но и попыткою мгновенно пересоздать общество по выводамъ теоріи. Франція унаслѣдовала отъ первой революціи не только принципы 1789-го года, великіе принципы, которые не могутъ быть скомпрометтированы самою смѣшною похвальбою, — но и въ особенности пріемъ, методъ дальнѣйшаго развитія. Отъ этого всѣ политическіе люди Франціи до сихъ поръ — теоретики желающіе насиліемъ осуществить свою теорію. Отъ этого политическая жизнь страны идетъ не естественнымъ путемъ борьбы между интересами массъ, а искусственнымъ путемъ борьбы партій, то-есть теорій, за власть. Вотъ причина страшнаго развитія во Франціи духа партій и самомнѣнія личностей, которыя мнятъ въ себѣ призванныхъ пророковъ — спасителей общества, а не простыхъ представителей реальныхъ интересовъ. Это путь — безплодный; между интересами возможно соглашеніе, и борьба ихъ можетъ быть рядомъ мирныхъ соглашеній. Между теоріями, спорящими за власть — соглашеніе невозможно, и потому, что онѣ — теоріи, что общій принципъ ихъ — непогрѣшимость, и потому еще, что спорятъ онѣ не изъ-за отдѣльныхъ вопросовъ, а за самую власть.

Только тогда, когда Франція покинетъ этотъ безплодный и опасный путь, начнется въ ней прочное развитіе. Но для этого Франція должна обновиться. Для этого она, во всякомъ случаѣ, должна отречься отъ прежнихъ, старыхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ школѣ индивидуализма и революціи. Тьеръ говоритъ:

„Франція оправится отъ своего паденія, но не иначе, какъ если мы будемъ благоразумны, глубоко благоразумны (que nous serons sages, profondement sages)". Эта фраза не можетъ значить, что Франція поправится, если французскій народъ будетъ благоразуменъ. Какъ ни пристрастенъ Тьеръ къ общимъ мѣстамъ, но такой truism былъ бы уже изъ рукъ вонъ плохъ. Онъ не то думалъ, когда произносилъ эти слова. Онъ, очевидно, разумѣлъ ихъ въ томъ смыслѣ, что только глубокая мудрость его, Тьера, и его приверженцевъ, можетъ спасти Францію, а это прямо противоположно истинѣ. Истина состоитъ въ томъ, чтобы никто не пытался болѣе спасать Францію, захватывая власть въ свои руки или удерживая ее для осуществленія своей излюбленной формы правленія. Еслибы поправленіе Франціи зависѣло единственно отъ благоразумія Тьера, Фавра и старыхъ партій вообще, то можно бы теперь же окончательно отчаяться въ ея поправленіи. Эти господа никогда благоразумны не были и не будутъ. Всѣ они по природѣ неблагоразумны, какъ Бурбоны, всѣ они, какъ Бурбоны, „ничего не забыли и ничему не научились".

Доказательствомъ тому—сама рѣчь Тьера. Мы сказали, что въ ней есть нѣчто хорошее. Хорошо то мѣсто, гдѣ онъ сознается, что надо отложить вопросы о будущемъ, заняться исцѣленіемъ ранъ настоя-

щаго и держаться республики потому, что она существуетъ. Но какъ мало значенія имѣетъ это мѣсто въ виду самой личности Тьера и въ виду тѣхъ личныхъ симпатій, антипатій и гаданій о будущемъ, въ которыя онъ вдался въ той же рѣчи! Тьеръ говорилъ о необходимости согласія, устраненія мелкихъ вопросовъ о будущихъ перемѣнахъ и тутъ же, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, выразилъ, что республикѣ онъ не сочувствуетъ, что онъ только исполнитъ свой долгъ, хотя бы съ тѣмъ *рискомъ*, что это будетъ полезно республикѣ (au risque de servir la république); допустилъ возможность перехода къ монархіи, упомянулъ о Бурбонахъ съ безсмысленною фразой, что произнести имя Бурбоновъ значитъ произнесть имя Франціи, и рекомендуя примиреніе и согласіе, счелъ долгомъ отнестись весьма энергически ко всѣмъ бывшимъ во Франціи правленіямъ; обозвалъ „бѣшеными безумцами" Гамбетту и его сотрудниковъ, произнесъ приговоръ надъ второю имперіею, осудилъ ошибки прежнихъ монархій, а республиканцамъ сказалъ, что спасти республику они могутъ, всего вѣрнѣе, осужденіемъ „злодѣевъ". Это ли ведетъ къ согласію, это ли значитъ отлагать въ сторону споры партій? Тьеръ неисправимъ и всѣ политическіе люди прежней Франціи неисправимы, подобно ему. Выбирая между ними, Франціи предстоитъ только выбрать, на какой манеръ и подъ какимъ предлогомъ она намѣрена безумствовать въ будущемъ.

Въ рѣчи его замѣчательно еще слѣдующее мѣсто: „необходимо, чтобы наши государи сказали себѣ, что монархія въ современныхъ условіяхъ не можетъ быть въ сущности ничѣмъ, какъ управленіемъ страны самою же страною, то-есть республикою съ наслѣдственнымъ президентомъ". Въ собраніи это мѣсто произвело восторгъ, но оно не ново въ устахъ Тьера. Вѣдь онъ, какъ извѣстно, авторъ девиза: le roi règne, mais ne gouverne pas. Мысль эта не нова въ словахъ Тьера, только она совершенно чужда дѣламъ его. Тьеръ—главный изъ тѣхъ brouillons, которые помѣшали конституціонной монархіи при Людовикѣ-Филиппѣ быть дѣйствительнымъ самоуправленіемъ страны. Тьеръ—главный зачинщикъ всѣхъ тѣхъ tripotages, которыя компрометтировали во Франціи не только конституціонную монархію, но и правленіе такъ-называемыхъ „образованныхъ классовъ". Тьеръ — выдумалъ и постоянно практиковалъ при Людовикѣ-Филиппѣ систему коалицій, то-есть союзы противоположныхъ партій для ниспроверженія всякаго кабинета, котораго онъ не былъ главою. Тьеръ, въ 1840 году, низвергнувъ такимъ путемъ министерство Сульта и Моле, составилъ кабинетъ, въ которомъ онъ самъ былъ все, кабинетъ изъ людей незначительныхъ, какъ Кюбьеръ, Ремюза, Гуэнъ и т. п., для того, чтобы онъ самъ, президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ *все*. Девизъ — „король царствуетъ, но не правитъ", по мысли Тьера, всегда значилъ не то, что управляетъ собою сама страна, а то, что ею

править Тьеръ, а король только царствуетъ. На выходы свои въ отставку онъ смотрѣлъ только, какъ на бѣдственные для страны перерывы въ его правленіи. И когда, бывало, онъ снова вступитъ въ кабинетъ, о немъ говорили: voilà le Thiers consolidé (tiers-consolidé—консолидированный долгъ), такъ сама страна привыкала къ непомѣрному властолюбію этого маленькаго человѣчка. Гораздо прежде Людовика-Наполеона, онъ, Тьеръ, выдумалъ систему личной отвѣтственности главы правленія и безличности остальныхъ его членовъ; только главою правленія онъ всегда считалъ себя, а королю предоставлялъ „царствовать".

И на чтó, на какія дѣла употребилъ Тьеръ свое тогдашнее вліяніе, какую пользу принесъ онъ Франціи? Никакихъ великихъ дѣлъ онъ совершить не могъ, потому что онъ вовсе не законодатель и не хозяинъ, и не мудрецъ; онъ — человѣкъ узкихъ понятій и увертокъ; онъ настоящій буржуа, со всѣми слабостями шовинизма. Единственныя рельефныя политическія мысли Тьера, это — протекціонистская система и обожаніе военной славы, славы наполеоновской. Единственное замѣтное его дѣло—укрѣпленіе Парижа. Онъ компрометтировалъ принципъ конституціонной монархіи во Франціи, онъ поднялъ наполеоновскій культъ и тѣмъ подготовилъ вторую имперію, и онъ создалъ укрѣпленія, которыя теперь навлекли на Парижъ двѣ осады, два бомбардированія.

Каково же слышать отъ виновника этихъ золъ упреки и поученія прежнимъ правленіямъ? Какое довѣріе можно имѣть къ этому человѣку? Говорятъ, онъ безкорыстенъ потому, что ему 74 года. Казалось бы, что если человѣкъ болѣе полувѣка игралъ фальшивую игру, то это можетъ служить скорѣе доказательствомъ его неисправимости, чѣмъ ручательствомъ за благость его намѣреній въ будущемъ.

Нѣкоторыя мѣста въ рѣчи Тьера просто скандалезны по своей нелѣпости. Таково именно обращеніе къ бордосской делегаціи, а также похвальба побѣдою, одержанною надъ Парижемъ. Здѣсь Тьеръ идетъ далѣе циркуляра Фавра. „Наша побѣда—одна изъ величайшихъ побѣдъ, когда-либо одержанныхъ общественнымъ порядкомъ. Европа, не принимавшая въ насъ теплаго участія, поздравила насъ. Эта побѣда спасла не насъ однихъ, она спасла Европу". Постоянно спасаютъ свою страну и именно этимъ ее и губятъ.

Всѣ завѣренія Тьера о необходимости отложить споры и заняться дѣлами страны, а не партій—ровно ничего не значатъ въ виду прочихъ его заявленій, да и въ виду того самаго обстоятельства, которое подало поводъ къ рѣчи Тьера. Утвержденіе избранія орлеанскихъ принцевъ есть именно дѣло вызова, а не примиренія. Если бы орлеанскіе принцы были только политическіе изгнанники, то дозволеніе имъ возвратиться во Францію и воспользоваться всѣми правами гражданства было бы, въ самомъ дѣлѣ, въ духѣ примиренія. Но вѣдь ор-

леанскіе принцы прежде всего — претенденты на престолъ. Спрашивается, какая же неотложная необходимость допустить ихъ въ представительство республики? Орлеанскіе принцы, еслибы они хотѣли быть только гражданами, начали бы съ гласнаго и положительнаго отреченія отъ всякихъ династическихъ притязаній. Они этого не сдѣлали. Стало быть, они являются не для примиренія партій, а для борьбы. Какая же необходимость была спѣшить допущеніемъ въ палату людей, явно считающихъ себя выше тѣхъ законовъ, покровительства которыхъ они требуютъ? Это есть просто реакціонерное дѣло, и вся рѣчь Тьера, по этому случаю, есть только весьма прозрачное прикрытіе перваго шага къ возстановленію династическаго принципа во Франціи.

Но какъ ярко ни выступаетъ въ рѣчи 8 іюня отсутствіе всякой новой мысли, способной оживить Францію, финансовая рѣчь, произнесенная Тьеромъ въ засѣданіи 20 іюня, еще превосходитъ первую въ этомъ отношеніи. Рѣчь Тьера о положеніи французскихъ финансовъ и средствахъ къ ихъ поправленію обнаруживаетъ всю безплодность ума этого правителя и его министра финансовъ Пуйе-Кертье, и выражаетъ, такъ сказать, съ художественнымъ совершенствомъ тотъ фактъ, что Франція нынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, подпала подъ господство близорукой, спѣсивой и эгоистичной буржуазіи, которая въ своей слѣпотѣ сдѣлаетъ все, чтобы приготовить новый страшный взрывъ соціализма въ будущемъ.

Разскажемъ, въ нѣсколькихъ словахъ нынѣшнее финансовое положеніе Франціи и тѣ комбинаціи, посредствомъ которыхъ Тьеръ разсчитываетъ уплатить контрибуцію, вознаградить разоренныя мѣстности и возстановить порядокъ въ финансахъ. Послѣ краткаго обзора финансоваго безпорядка имперіи и послѣднихъ военныхъ событій, Тьеръ счелъ нужнымъ сдѣлать совершенно произвольное утвержденіе, что еслибы Гамбетта не продолжалъ войны на Луарѣ, то Германія не потребовала бы контрибуціи болѣе $2^1/_2$ мильярдовъ, т.-е. половины того, что̀ она потребовала послѣ. Не Бисмаркъ ли утѣшилъ этимъ Тьера, настаивая, чтобы теперь заплатили именно 5 мильярдовъ? Какъ бы то ни было, вотъ конечные результаты: война обошлась Франціи въ три мильярда фр., да контрибуціи слѣдуетъ уплатить пять мильярдовъ, итого 8 мильярдовъ франковъ. Въ хвастливой рѣчи Тьера это выходитъ въ видѣ кары, постигшей Францію за то, что Наполеонъ III не послушался Тьера, который обращался къ нему съ личнымъ совѣтомъ—не начинать войны. Теперь вотъ основанія баланса по бюджетамъ 1870-го и 1871-го годовъ. Въ бюджетѣ 1870-го года заключается половина всего продолженія войны. Обыкновенныхъ рессурсовъ было приготовлено 1 мильярдъ 830 милл., война потребовала еще 1 мильярдъ 811 милл., итого

расходы 1870-го года 3 мильярда 302 милліона[1]). На самомъ же дѣлѣ, всѣхъ рессурсовъ было на лицо только 2 мильярда 737 милл., стало быть 1870-й годъ далъ дефицитъ въ 645 милл. фр. По бюджету на 1871-й годъ расходы по мирному положенію (т.-е. обыкновенные) были бы 1 мильярдъ 771 милліонъ. Къ этому прибавилось чрезвычайныхъ расходовъ 930 милл., всего 2 мильярда 730 милл., а за нѣкоторыми сокращеніями 2 мильярда 648 милл. Недоборъ въ податяхъ составилъ 400 милл. Наличныхъ рессурсовъ имѣется 1 мильярдъ 480 милл. Новые налоги должны доставить къ концу года 120 милл. Содержаніе администраціи будетъ уменьшено только на 5 милліоновъ. Такимъ образомъ всѣ рессурсы составятъ одинъ мильярдъ 660 милліоновъ[2]), и затѣмъ къ концу года дефицитъ представится цифрою 986 милл., что̀ вмѣстѣ съ дефицитомъ прошлаго года составляетъ 1 мильярдъ 631 милл. франковъ. Вотъ сущность положенія. Французскій банкъ ссудилъ казначейству 1 мильярдъ 330 милл., нисколько не повредивъ своему кредиту; затѣмъ у правительства въ дѣйствительности недостаетъ для покрытія финансоваго года только 301 милліона, который и отнесется на текущій долгъ (dette flottante).

Тьеръ хвалитъ этотъ результатъ. „Еслибы намъ не предстояла уплата военнаго вознагражденія, говоритъ онъ, то мы находились бы въ цвѣтущемъ положеніи (situation prospère)“. Но Франція заплатитъ и это вознагражденіе „съ легкостью, хотя не безъ скорби“, по увѣренію Тьера. Само собою разумѣется, что онъ не допускаетъ и мысли о какомъ-либо сокращеніи въ расходахъ на армію и флотъ; напротивъ, онъ хочетъ строить новыя крѣпости. Извѣстно, что новый военный министръ, генералъ Сиссè, извѣстный только тѣмъ, что онъ прошелъ въ Парижъ чрезъ покинутыя инсургентами ворота близъ Point du Jour, уже составляетъ планы новыхъ фортификацій. Сверхъ того, необходимо вновь устроить пострадавшую часть Парижа и дать вознагражденіе другимъ общинамъ, разореннымъ войною.

Чтобы исполнить все это, предполагается слѣдующее: банкъ, который уже далъ ссуду въ 1,330 милл., можетъ дать еще 200 милл. Затѣмъ, въ счетъ военнаго вознагражденія, должнаго Германіи, уже уплачено 125 милл., да зачтено 325 милл. за уступку ей восточной желѣзной дороги; итого 450 милл. уже произведенныхъ уплатъ. Сдѣлавъ, въ настоящее время, заемъ въ 2 мильярда для уплаты части военнаго вознагражденія (контрибуціи), можно будетъ воспользоваться изъ него этими 450 милліонами уже произведенныхъ уплатъ. А вмѣстѣ съ тѣми

---

[1]) Итогъ неточенъ; но мы беремъ цифру Тьера, какъ она показана въ текстѣ его рѣчи въ «Ind. Belge».

[2]) Должно быть одинъ мильярдъ 600 милл.

200 милл., которые, какъ уже сказано, ссудитъ банкъ, это дастъ правительству 650 милл. фр. свободныхъ рессурсовъ.

По ст. 7-й окончательнаго мирнаго трактата, Франція должна уплатить, въ теченіи нынѣшняго года, $1^1/_2$ мильярда; затѣмъ $^1/_2$ мильярда къ 1 мая 1872-го года, а остальные 3 мильярда къ 2-му марта 1874-го года. Соотвѣтственно съ уплатою по этимъ срокамъ освобождается французская территорія отъ нѣмецкихъ войскъ. Чтобы ускорить это, французское правительство теперь же дѣлаетъ заемъ въ 2 мильярда. Затѣмъ, оно предполагаетъ, для покрытія послѣднихъ 3 мильярдовъ, не дѣлать новаго займа раньше, чѣмъ на третій годъ. „Черезъ три года"—сказалъ Тьеръ, но это не совсѣмъ точно, въ виду приведеннаго нами сейчасъ постановленія трактата.

Изъ 2 мильярдовъ займа, 450 милл., какъ сказано уже, частью уплачены, частью зачтены. Стало быть, эту сумму 450 милл. фр. изъ займа можно оставить въ своихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ 200 милл. банка, это и составляетъ показанные уже 650 милл. наличныхъ рессурсовъ. Итакъ, правительство будетъ имѣть, въ нынѣшнемъ и будущемъ году, въ своемъ распоряженіи 650 милл. чрезвычайныхъ рессурсовъ, которые оно и предполагаетъ употребить на покрытіе непредвидѣнныхъ расходовъ будущаго года, а именно на поправки въ Парижѣ и на фортификаціонныя работы.

Каковъ же будетъ будущій бюджетъ, т.-е. тотъ бюджетъ, въ который войдутъ проценты займовъ, уже сдѣланныхъ во время войны, въ Турѣ и Бордó, займа у французскаго банка и новаго займа въ 2 мильярда? По словамъ Тьера, эти проценты составятъ прибавку къ бюджету въ около 350 милліоновъ фр. Но онъ хочетъ непремѣнно прибавить въ ежегодныхъ бюджетахъ еще 200 милл. фр. на погашеніе, такъ что вся прибавка къ бюджету составитъ 556 милл. фр. Предполагая возможнымъ сдѣлать сокращеніе, т.-е. сбереженіе въ прежнемъ составѣ бюджета на 120 милл., Тьеръ исчисляетъ въ 436 милл фр. все, чтó Франція должна будетъ прибавить къ своему ежегодному бюджету расходовъ, въ числѣ которыхъ будетъ, такимъ образомъ, 200 милл. собственно на погашеніе. Но замѣтимъ, что этотъ бюджетъ, „тяжкій, но не горестный", по выраженію Тьера, если онъ и осуществится, представитъ собою бюджетъ только трехъ первыхъ лѣтъ; а когда займутъ еще послѣдніе 3 мильярда, тогда прибавится еще 180 милліоновъ процентовъ ежегодно, безъ погашенія (предполагая опять заемъ по 6%, каковъ въ дѣйствительности нынѣшній). Въ успѣхѣ нынѣшняго займа Тьеръ не сомнѣвался: „Никогда, ни въ какое время—сказалъ онъ—французская рента, столь славящаяся въ мірѣ, не давала заимодавцамъ 6%. Когда она предоставляла 5%, всѣ устремлялись на нее. На 6% устремятся всѣ". Это оправдалось, и Тьеръ вообще поступилъ благоразумно, назначивъ низкій курсъ выпуска для перваго займа; успѣхъ перваго займа необходимо

было обезпечить, во всякомъ случаѣ, чтобы сдѣлать второй возможнымъ. Но не всѣ положенія Тьера вѣрны. Такъ, французская 3-хпроцентная рента, послѣ февральской революціи 1848-го года, спускалась до 32-хъ, то-есть давала, по этому курсу, почти 10%.

Успѣхъ займа двухъ мильярдовъ былъ таковъ, что онъ именно, на этотъ разъ, „превзошелъ всѣ ожиданія". По сообщенію министра финансовъ, въ собраніи 28-го іюля (н. с.) подписка доходила наканунѣ уже до 4,500 милліоновъ, изъ которыхъ одинъ Парижъ беретъ на себя 2½ мильярда. Замѣчательно, что и заграничные капиталы такъ довѣрчиво отнеслись къ новому займу Франціи. Подписка за границею достигла мильярда. Это означаетъ, конечно, довѣрчивость не къ устойчивости французскаго правительства, а только къ производительнымъ силамъ, къ богатству Франціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно спросить себя: можно ли было бы ручаться за такой успѣхъ займа Россіи въ пятьсотъ милліоновъ рублей на равныхъ условіяхъ? А между тѣмъ никто въ Европѣ не сомнѣвается въ прочности нашего порядка. Настоящій французскій заемъ — 5-типроцентный и облигаціи его выпускаются по 82 фр. 50 сант. съ процентами съ 1-го іюля. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, это заемъ по 6%. Съ учетомъ цѣна имъ 79 фр. 27½ сант. Между тѣмъ, итальянская 5% рента стóитъ въ Парижѣ по 57, хотя въ Италіи никакого потрясенія и разоренія не произошло. Пора бы, кажется, французскимъ правительствамъ перестать относить успѣхи займовъ къ довѣрію, внушаемому такою или иною правительственною системою. Ясно, что сама Франція и другія страны, готовностью ссужать громадныя суммы французскимъ правительствамъ, обнаруживаютъ именно только довѣріе свое къ производительнымъ силамъ этой богатой страны. Подписка на этотъ заемъ была открыта 27-го іюня (н. с.) и результатъ ея на другой же день доходилъ до пяти мильярдовъ франковъ, то-есть до 1,250 милліоновъ рублей! Быстрое покрытіе подписки было, конечно, обусловлено и оффиціальнымъ извѣщеніемъ, что подписка, во всякомъ случаѣ, будетъ прекращена 30-го числа.

Тьеръ утверждалъ въ своей рѣчи, что слѣдующій заемъ будетъ сдѣланъ на гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ. „Если мы будемъ вести себя хорошо, то можетъ быть по 5¼%, а можетъ быть и по 5%, сказалъ онъ. Но мы должны вести себя очень хорошо (il faudra que nous soyons bien sages)".

Все это очень хорошо, но все это показываетъ только богатство Франціи съ одной стороны, т.-е. относительно успѣха займа и возможности увеличенія налоговъ, а съ другой стороны, т.-е. относительно бюджетныхъ предвидѣній, показываетъ только искусство Тьера въ группировкѣ цифръ, искусство, которымъ онъ славится издавна. Судить о достоинствѣ предвидѣній можно будетъ только тогда, когда они оправдаются или неоправдаются. Но гдѣ высказывается собственно

финансовая политика Тьера, въ чемъ состоятъ тѣ способы, какіе онъ придумалъ для приведенія финансовъ въ равновѣсіе, короче: какую систему налоговъ предлагаетъ онъ? Систему ретроградную. „Я протекціонистъ, какъ извѣстно—сказалъ онъ—а старыя убѣжденія не измѣняются". И эту-то старую, безплодную мысль рекомендуетъ Тьеръ своей странѣ! Въ то время, когда весь разсчетъ, чтобы выпутаться изъ громадныхъ потерь и обязательствъ, которыя задавили бы всякую иную страну на континентѣ, необходимо долженъ быть на производительныя силы Франціи, на усиленіе ея отпуска, Тьеръ предлагаетъ систему, которая, затрудняя иностранной промышленности сбытъ во Франціи, тѣмъ самымъ непремѣнно уменьшитъ спросъ на французскія произведенія! Это вполнѣ соотвѣтствуетъ безплодности и той политической системы, какую могутъ установить Тьеръ и его единомышленники. Протекціонизмъ, это—чисто буржуазная, эгоистичная, но неразумная, близорукая финансовая политика.

Вотъ перечень новыхъ налоговъ и возвышеній налоговъ, предлагаемыхъ министромъ финансовъ Тьера (чѣмъ Гнейзенау былъ для Блюхера, а Дельбрюкъ для Бисмарка [1]), то Пуйе-Кертьѐ для Тьера; это истинный „носитель его мысли"): со штемпельнаго и регистратурнаго сборовъ—46½ милл.; съ наслѣдствъ по иностраннымъ фондамъ 5 милл.; со штрафовъ и явки контрактовъ по найму 15 милл.; со страхованій 15 милл.; со штемпеля и залоговъ періодическихъ изданій 8½ милл.; съ колоніальнаго и иностраннаго сахара 14 милл., и съ кофе 20 милл.; съ керосина 10 милл.; съ матерій для пряжи и пряжъ (хлопка, шерсти, льна, пеньки, шелка и т. д.) 170 милл. Для полученія этой суммы Пуйе-Кертьѐ хочетъ обложить иностранныя матеріи и ткани пошлиною въ 20%. Что идея эта чисто-лавочническая, буржуазная par excellence, тому служитъ лучшимъ доказательствомъ фактъ, что именно земледѣльцы, которыхъ хотятъ „охранить" этой протекціонистскою мѣрой, не хотятъ ея, протестуютъ противъ нея. Въ угоду имъ облагаютъ высокою пошлиной иностранные шерсть, шелкъ, ленъ—а они протестуютъ. Собраніе изъ 170-ти землевладѣльцевъ, бывшее въ Парижѣ, протестовало противъ покровительственной пошлины въ 20%, и въ своемъ постановленіи допускаетъ только чисто-фискальную пошлину въ 5%.

Говорятъ, впрочемъ, что Тьеръ, въ виду неожиданной имъ оппозиціи противъ этой мѣры, склоняется замѣнить ее чѣмъ-либо инымъ, только ужъ никакъ не подоходнымъ налогомъ. Когда въ версальскомъ собраніи, вслѣдъ за рѣчью Тьера 20 числа, депутатъ Жерменъ сталъ доказывать, что лучшее средство для поправленія финансовъ могло бы представить именно введеніе подоходной подати; что подать эта въ Англіи

---

[1]) См. Корресп. изъ Берлина.

даетъ 200 милл. фр., а въ Соединенныхъ Штатахъ до 380 милл. фр.; что Робертъ Пиль стяжалъ себѣ славу введеніемъ ея, и что Тьеру предстояло бы прекрасное завѣнчаніе патріотической карьеры, еслибы онъ сдѣлался французскимъ Пилемъ, — Тьеръ отвѣчалъ на отрѣзъ, что *никогда* онъ не согласится на введеніе подоходной подати, и произнесъ при этомъ слѣдующія знаменательныя, по полнотѣ буржуазнаго ихъ чувства и буржуазнаго ихъ неразумія, слова: „французскій народъ слишкомъ развитъ, чтобы не знать, что если онъ уменьшитъ богатство богатыхъ, онъ уменьшитъ тѣмъ свои собственные ресурсы. Въ современномъ положеніи нашего общества налогъ на доходъ былъ бы налогомъ смуты (impôt de désordre). Прочтите книгу Вобана и увидите, что это—таже подушная подать (taille), которую разрушила революція, и которую пришлось бы возстановить“. Далѣе онъ увѣрялъ, что оцѣнку доходовъ нельзя предоставить ни чиновникамъ, ни выборнымъ, потому что это обратилось бы въ средство для борьбы партій (!). Въ заключеніе же: „я никогда не соглашусь на подоходный налогъ. Пусть люди порядка знаютъ, что никогда я не польщу народнымъ предубѣжденіямъ и соглашусь скорѣе *отказаться отъ республики*, чѣмъ ввести этотъ налогъ. Съ моей стороны было бы подлостью (une lâcheté), еслибы я не сказалъ, что никогда не соединю своего имени съ установленіемъ этого налога“. Собраніе, состоящее изъ владѣльцевъ и рантьеровъ, восторженно привѣтствовало эти глупыя и недобросовѣстныя слова Тьера.

Итакъ, вотъ коренное слово политическихъ убѣжденій и стремленій французской буржуазіи; вотъ ея взглядъ на свою гражданскую обязанность и роль, какую она желаетъ предоставить себѣ въ государствѣ. Пусть платятъ и работаютъ пролетаріи, а les messieurs будутъ „заниматься политикой“, т.-е. раздавать мѣста и доходы, и „покровительствовать искусствамъ“, т.-е. преимущественно артисткамъ многочисленныхъ театровъ. Если съ этой точки зрѣнія посмотрѣть на кровопролитныя усмиренія ими рабочихъ въ Парижѣ, то торжество ихъ представляется настоящимъ рабовладѣльческимъ торжествомъ. Г. Жерменъ весьма основательно замѣтилъ, что, подчиняясь налогу на доходъ, „богатые классы доказали бы классамъ бѣднымъ свою готовность къ пожертвованіямъ“—а Богъ знаетъ, въ какое время это было необходимѣе, чѣмъ именно теперь. Но французская буржуазія и ея папа—Тьеръ поведутъ дѣлá такъ, что бунтъ рабочихъ когда-нибудь явится еще въ болѣе страшныхъ размѣрахъ, если только какой-нибудь новый „похититель“ не явится эксплуатировать недовольство рабочихъ въ пользу собственной диктатуры и не раздавитъ всего парламентаризма, связавъ казарму съ мастерскою. Тотъ налогъ, который вначалѣ Тьеръ назвалъ реакціонернымъ, усмотрѣвъ въ немъ старинную taille (которая богатыхъ классовъ не касалась, потому что богатые классы, въ то время.

были дворянство и духовенство, не подлежавшіе подушной подати), тотъ самый налогъ въ концѣ его рѣчи оказался революціоннымъ (un impôt de désordre). И это возможно сказать въ французскомъ національномъ собраніи въ то время, когда подоходный налогъ существуетъ въ Англіи, въ Пруссіи и когда въ Россіи земство, руководимое чувствами болѣе почтенными и убѣжденіемъ болѣе раціональнымъ, чѣмъ версальское собраніе, рѣшается *ходатайствовать* передъ правительствомъ о введеніи подоходнаго налога вмѣсто подушнаго, падающаго на однихъ рабочихъ! По-истинѣ, мрачный періодъ переживаетъ Франція.

Хороша еще другая, „политическая“ мысль Тьера—внушить обществу болѣе довѣрія къ будущности посредствомъ.... парада. Производство торжественнаго смотра 120-тысячному войску г. Тьеромъ въ Парижѣ,—какой праздникъ для тщеславія того, кого нѣкогда называли Napoléon-colibri (извѣстно, что Тьеръ очень малаго роста) и вмѣстѣ, какая грубая мысль по отношенію къ половинѣ населенія Парижа, оплакивающей людей, павшихъ подъ выстрѣлами этихъ солдатъ. Смотръ этотъ, впрочемъ, уже два раза откладывался; во второй разъ онъ былъ назначенъ на 18-е іюня и въ этомъ нельзя было не усмотрѣть тьеровскаго оттѣнка мысли: 18 іюня—день Ватерлоо. Отложенъ онъ вновь по дурной погодѣ, а можетъ быть и по совѣту генерала Фэбрице. Онъ состоялся наконецъ 29 іюня (н. с.).

Между тѣмъ осадное положеніе Парижа не было снято, несмотря на выборы. Агитація по поводу выборовъ была довольно жива, но только въ средѣ печати и кандидатовъ, а не избирателей. Девятнадцать газетъ образовали „республиканскій союзъ печати“, выступили съ общимъ призывомъ, въ которомъ рекомендовали избирать только людей „твердыхъ, но умѣренныхъ“, одинаково далекихъ отъ реставрацій и отъ коммуны. Радикальная партія въ своемъ избирательномъ манифестѣ вовсе не упомянула о коммунѣ, и это, конечно, ставится ей въ вину. Луй-Бланъ издалъ особый избирательный призывъ въ видѣ письма въ "Nation Souveraine" (газета). Въ немъ онъ совѣтуетъ не уклоняться отъ выборовъ и избирать надежныхъ республиканцевъ. Спеціально-тьеровская партія имѣетъ центральный комитетъ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго ученаго Ренуара. Она называется консервативно-либеральною. Бонапартисты работали усерднѣе всѣхъ; всѣ корифеи бонапартизма: Руэ, Оссманъ, Клеманъ и Дювернуа́, сами первые выступили съ заявленіями. Лѣвая сторона (la gauche républicaine) въ своемъ манифестѣ упомянула, между прочимъ, о необходимости поддерживать въ настоящее время Тьера и его патріотизмъ. Воззваніе радикальной партіи (т.-е. крайней лѣвой стороны) объ этомъ не упоминаетъ, а говоритъ только объ упроченіи республики: „Assez de ruines! L'esprit moderne s'appelle: Liberté, République“. Подъ этимъ воззваніемъ нѣтъ

другихъ извѣстныхъ именъ, кромѣ Эдгара Кинѐ, Шёльхера, Толена и Луи Блана [1]).

Намъ остается уже мало мѣста, чтобы поговорить объ оправдательной рѣчи генерала Трошю. Но, впрочемъ, анализировать ея нельзя; весь интересъ ея именно въ разсказѣ фактовъ въ ихъ связи. Рѣчь Трошю заняла три засѣданія. Но, несмотря на свою непомѣрную длинноту, она, по скромности, составляетъ пріятное явленіе среди всего этого краснорѣчія спасителей общества. Въ своей рѣчи Трошю является добросовѣстнымъ и вмѣстѣ ограниченнымъ человѣкомъ. Добросовѣстность отражается въ его отзывахъ о людяхъ разныхъ партій и о войскахъ разнаго рода; онъ старается говорить правду. Такъ, онъ говоритъ съ большимъ достоинствомъ о Наполеонѣ III, которому служилъ, и о Жюлѣ Фаврѣ, съ которымъ служилъ потомъ, и о Гамбеттѣ, который не признавалъ его талантовъ. „Я имѣю о его талантахъ болѣе высокое мнѣніе, чѣмъ онъ о моихъ", сказалъ Трошю. Изъ всего разсказа Трошю слѣдуетъ только то, что не онъ управлялъ событіями, а событія всегда управляли имъ. Охранить Парижъ для Наполеона онъ не могъ потому, что его не послушалось наполеоновское правительство, то-есть Монтобанъ, бывшій de facto регентомъ. Знаменитый „планъ" Трошю принадлежалъ, во-первыхъ, не ему, а Дюкро́, и состоялъ въ томъ, чтобы усилить укрѣпленія Парижа и держаться въ немъ мѣсяца два. Трошю до сихъ поръ удивленъ, какъ онъ продержался $4^1/_2$ мѣсяца, и не хвастаетъ этимъ результатомъ только по скромности. Регулярнаго войска съ мобилями у него было только 85 тысячъ. „Планъ" допускалъ выходъ изъ Парижа, но не къ Луарѣ, а на сѣверъ, для соединенія парижской арміи съ арміею Федэрба. Гамбетта этому помѣшалъ и своимъ походомъ на Парижъ съ Луары вызвалъ въ самомъ парижскомъ населеніи неотразимый порывъ идти на встрѣчу именно луарской арміи. Трошю подчинился и этому, и послѣдствіемъ были побѣды при Виллье́ и Шампиньи, т.-е. безплодная вылазка Дюкро́ на востокъ. Выступить изъ Парижа со всею массою войскъ, какъ того требовало общественное мнѣніе, Трошю не считалъ возможнымъ; по его словамъ, это значило бы всѣхъ весть на убой, такъ какъ масса войска, т.-е. національная гвардія, неопытная, не умѣла дѣйствовать стройно. Каждый сражался самъ за себя, и, по словамъ Трошю, въ битвѣ при Бюзанвалѣ (послѣдняя вылазка, на западъ) изъ 3,000 чел., выбывшихъ изъ строя, одна восьмая часть были убиты или ранены

---

[1]) При просмотрѣ корректуры мы имѣемъ уже свѣдѣніе о результатѣ дополнительныхъ выборовъ, впрочемъ не во всѣхъ мѣстностяхъ. Насколько можно судить по этому неполному извѣстію, результатъ благопріятенъ умѣреннымъ республиканцамъ, а также Тьеру. Въ виду этого, можно надѣяться, что реакціонерное большинство не рѣшится объявить собраніе «учредительнымъ» для немедленнаго измѣненія формы правленія.

самою національною гвардіею. Съ такими войсками нельзя было дѣйствовать массою, на-проломъ. Впрочемъ и самая битва при Бюзанвалѣ была рѣшена военнымъ совѣтомъ противъ мнѣнія Трошю, который хотѣлъ идти на Шатильонъ, а оттуда уже на Версаль, но, какъ всегда, подчинился. На одномъ онъ устоялъ твердо: не дѣйствовать всѣми силами, а только частью. „Правительство само—сказалъ Трошю —требовало великой рѣшительной битвы. Это было бы военнымъ преступленіемъ и я отказалъ. Искали смѣлаго человѣка, чтобы замѣнить меня для этой цѣли: но ни одинъ батальонный командиръ не согласился сдѣлаться главнокомандующимъ съ этимъ условіемъ". Національная гвардія, при началѣ осады, состояла изъ 50 т. чел.; Трошю довелъ ее до 250 т. чел. Итакъ, всего у него было 335 т. чел. Въ извиненіе своихъ словъ, что „я не сдамся на капитуляцію", Трошю сказалъ, что онъ не сдался бы непріятелю, но долженъ бы былъ сдаться голоду; сложилъ же съ себя командованіе, не думая устранить отъ себя отвѣтственность. Онъ только не припомнилъ въ своей рѣчи чиселъ; его отставка, то-есть убѣжденіе, что надо будетъ капитулировать, послѣдовало всего черезъ недѣлю послѣ словъ его „я не сдамся"; развѣ голодъ могъ такъ возрости за это время. Смѣшно то мѣсто рѣчи Трошю, въ которомъ, сказавъ, что бунтовщики (les sectaires) получали оружіе и указанія *извнѣ*, онъ изъявилъ удивленіе, что князь Бисмаркъ, упомянувъ впослѣдствіи въ парламентской рѣчи о коммунѣ, не нашелъ ни одного слова негодованія противъ ея злодѣйствъ, а даже сказалъ что-то о „зародышѣ здраваго смысла" въ ея поведеніи. Цѣль этого сближенія ясна. Но какъ указаніе Трошю, такъ и удовольствіе, выраженное французскимъ собраніемъ по этому поводу, весьма неблагоразумны, въ виду того простого факта, что злодѣйства коммуны, т.-е. пожары, случились черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ Бисмаркъ упомянулъ о коммунѣ въ рейхстагѣ.

Французскія дѣла заняли сегодня почти все мѣсто, какимъ мы можемъ располагать, и мы должны отложить обозрѣніе нѣкоторыхъ политическихъ фактовъ изъ жизни другихъ странъ. Относительно заключенія сессіи германскаго рейхстага мы предоставимъ слово нашему берлинскому корреспонденту, который коснулся и столкновенія, уже послѣдовавшаго между кн. Бисмаркомъ и народнымъ представительствомъ, и описалъ торжество въ Берлинѣ по случаю возвращенія войскъ изъ побѣдоноснаго похода.

Благодаря фразерству французскихъ политическихъ людей и многихъ французскихъ газетъ, теперь реакціонеры всей Европы получатъ возможность безпрестанно пугать легковѣрныхъ людей страшными предпріятіями международнаго общества. „Красный призракъ", который оказалъ уже столько услугъ реакціи, будетъ снова выставляемъ ими при малѣйшемъ поводѣ къ уличнымъ безпорядкамъ. Такъ, бельгійскіе

реакціонеры не замедлили усмотрѣть руку „международнаго общества" въ безпорядкахъ, бывшихъ въ Брюсселѣ по случаю папскаго юбилея, хотя извѣстно, что гораздо бо́льшіе безпорядки происходили въ Брюсселѣ по поводу провозглашенія догмата о папской непогрѣшимости, и въ то время никто не думалъ связывать эти драки съ всемірною революціею. Такъ, бельгійскіе же клерикалы извѣщали, что въ Вервье 25-го іюля (н. с.) должна была произойти „интернаціональная" демонстрація; вслѣдствіе такого положительнаго извѣщенія въ Вервье были посланы войска, но демонстраціи никакой не было. Авторы фальшиваго извѣстія, разумѣется, доказываютъ, что демонстраціи оттого только и не было, что были посланы войска. Если вѣрить такимъ слухамъ, то придется постоянно держать войска въ сборѣ во всѣхъ казармахъ Европы, и не пропускать ни одной церковной процессіи, ни одного народнаго празднества, ни одного митинга безъ чрезвычайныхъ военныхъ мѣръ. По всей вѣроятности и безпорядки, происшедшіе въ концѣ іюня (н. с.) въ каменноугольныхъ копяхъ прусской Силезіи, будутъ истолкованы прусскими реакціонерами, какъ дѣйствіе „международнаго общества". При этихъ безпорядкахъ была употреблена военная сила и убито 7 человѣкъ, 20 ранено и 60 арестовано. Но вѣдь безпорядки въ мѣстахъ накопленія рабочихъ—не новость. Новость состоитъ только въ новомъ предлогѣ, и вотъ въ снабженіи реакціонеровъ этимъ новымъ предлогомъ виноваты какъ преступники, служившіе парижской коммунѣ, такъ и правительственные фразеры Франціи, желающіе оправдать собственныя ошибки указаніемъ на мнимую всемірность зла. „Крестовая газета" недавно уже прочла приличную проповѣдь „Національной газетѣ" за либерализмъ, доказывая послѣдней, что изъ ея принциповъ прямо и логически вытекаютъ всѣ ужасы коммуны. Прелестно это внушеніе „Національной газетѣ", которая есть нѣчто въ родѣ прусскаго „Голоса".

Въ Англіи палата общинъ, наконецъ, дошла-таки до разсмотрѣнія избирательнаго билля Форстера. Мы уже говорили, что оппозиція нарочно всячески затягивала обсужденіе военнаго закона, для того, чтобы не осталось времени для избирательной реформы. Времени, дѣйствительно, потеряно очень много и депутаты крайне недовольны, что имъ приходится въ самое жаркое время года приступить къ усиленнымъ занятіямъ, по случаю разсмотрѣнія такой важной мѣры, какъ реформа всего способа выборовъ, парламентскихъ и муниципальныхъ. Спикеръ, т.-е. предсѣдатель собранія, до того утомился, что заболѣлъ. Билль Форстера касается собственно способа избранія въ парламентское и муниципальное представительства: открытое голосованіе онъ замѣняетъ тайною баллотировкой, съ той цѣлью, чтобы устранить отъ избирателей всякія понужденія, стѣсняющія ихъ свободу, а также сдѣлать безполезнымъ подкупъ. Пренія по этому закону

уже начались, но въ ту минуту, когда мы сдаемъ эти строки въ типографію, они еще не дошли до такой точки, которая позволяла бы уже характеризовать ихъ.

Въ тотъ самый день, когда въ Берлинѣ праздновались блестящія и громадныя побѣды германскихъ войскъ, въ другой столицѣ происходило торжествованіе вѣчности католическаго могущества. Въ виду этихъ великолѣпныхъ праздниковъ—воинскаго и клерикальнаго, нельзя не замѣтить, что „успѣхи новѣйшаго времени", повидимому, замыкаются, въ настоящемъ періодѣ, главнымъ образомъ именно въ области прошлаго, то-есть воинскихъ подвиговъ и клерикальнаго „прогресса". Прогрессъ артиллеріи не подлежитъ сомнѣнію; прогрессъ военной науки подъ руководствомъ великаго германскаго полководца тоже не подлежитъ сомнѣнію. Такихъ военныхъ результатовъ, какъ плѣненіе трехъ армій, изъ которыхъ каждая превышала 100 т. чел.—никогда не бывало. Но и католическій „прогрессъ" новѣйшаго времени также не подлежитъ сомнѣнію. Созванія вселенскаго собора въ Римѣ тоже никогда не бывало, до послѣдняго времени. Провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости есть также такой подвигъ, на который не рѣшался самъ Григорій VII. Наконецъ, какъ бы для иллюстраціи католическаго прогресса, случилось еще небывалое явленіе: папа процарствовалъ 25 лѣтъ, и предсказаніе „sancte pater, non videbis annos Petri" не оправдалось въ примѣненіи къ Пію IX, и на памятникѣ, посвященномъ его 25-лѣтнему юбилею, красуется надпись: „Joannes-Maria Mastaï unus aequavit annos Petri".

Папа Пій IX, въ мірѣ—Іоаннъ-Марія графъ Мастаи-Ферретти—родился въ Синигальѣ (въ римской области) 13-го мая 1792-го года. Исторія его 25-лѣтняго царствованія слишкомъ извѣстна для того, чтобы стоило напоминать о его либеральныхъ начинаніяхъ въ 1846—48 годахъ и ихъ исходѣ. Человѣкъ честный и остроумный, Пій IX—весьма недальновидный политикъ, и главная слабость его въ томъ, что онъ слишкомъ вѣритъ въ свою энергію. Въ силу такой его вѣры, онъ поддался внушеніямъ іезуитскаго ордена и, ставъ орудіемъ въ его рукахъ, зашелъ за всѣ предѣлы благоразумія. Провозглашеніе догмата непогрѣшимости нанесло сильный ударъ католицизму въ Германіи, а въ Англіи остановитъ замѣтное его возрастаніе. Пій IX, благодушный и насмѣшливый старикъ, не можетъ самъ не понимать этого именно по свойству своего ума. Но онъ, какъ всѣ люди, не имѣющіе истинной энергіи, а между тѣмъ претендующіе на энергію по самолюбію, отбросилъ свои человѣческія сомнѣнія и идетъ впередъ зажмуривъ глаза ко всѣмъ крайнимъ выводамъ той реакціи, въ которую его бросила неудача его либеральныхъ попытокъ. Его дѣйствія носятъ характеръ настоящаго фатализма и прямо противоположны практической политикѣ, какою отличались многіе папы. Та неуступчивость,

та страсть ставить одинъ свой авторитетъ противъ всѣхъ теченій времени, какая въ немъ обнаружилась умноженіемъ и безъ того тяжкаго бремени католической догматики, а наконецъ, такъ-сказать „канонизировала самое себя“ изданіемъ догмата о непогрѣшимости— могла быть практическимъ правиломъ только въ тѣ времена, когда авторитетъ папы самъ по себѣ былъ всесиленъ. Въ настоящее же время, вмѣсто того, чтобы провозглашать своею политическою *теоріею* non possumus, болѣе практическій папа помнилъ бы, что non possumus прежде всего для него существуетъ *на практикѣ*. Non possumus, какъ сила воли, мало значитъ въ сравненіи съ non possumus, какъ выраженіемъ полнаго безсилія въ дѣйствіи.

Какъ человѣкъ, Пій IX — личность, заслуживающая уваженія и стоящая гораздо выше не только предшественника его Григорія XVI, но едвали не большинства папъ. Поэтому естественно, что къ юбилею ему прислано было множество приношеній, цифра которыхъ, какъ увѣряютъ, превзошла четыре милліона франковъ. Но напрасно было бы видѣть въ этомъ обиліи приношеній силу политическую, какъ то будетъ думать римская курія, а вѣроятно и самъ папа.

Римская курія надѣялась воспользоваться празднествомъ папскаго юбилея, чтобы компрометтировать передъ католическимъ міромъ итальянское правительство. Она ожидала безпорядковъ по поводу наплыва иностранныхъ депутацій и духовныхъ лицъ, и не преминула бы, въ такомъ случаѣ, увѣрять европейскія правительства, что „свобода церкви“ въ Римѣ, занятомъ итальянскими войсками, немыслима. Очень можетъ быть, что римская курія ничего бы не имѣла противъ вмѣшательства самого „международнаго общества“ въ римскія дѣла, лишь бы вышли безпорядки. Думать такъ позволительно потому, что, по разсказамъ англійскихъ корреспондентовъ, нѣкоторые пріѣзжіе высказывались весьма готовыми обижаться и вызывать какое-нибудь насиліе надъ собою. Но такія ожиданія, если они были, потерпѣли полнѣйшее fiasco, благодаря особой предупредительности итальянскихъ начальствъ. Сами римляне—народъ, котораго долгое иго слабаго правленія отлично выучило насчетъ демонстрацій, ихъ умѣстности и неумѣстности—озаботились выказать самое вѣжливое и любезное равнодушіе къ празднеству юбилея. Впрочемъ и самое это празднество не особенно удалось. Пріѣзжихъ насчитывали только около 4 тысячъ человѣкъ. Это были, по большей части, или духовныя лица, или крестьянскія депутаціи, которыя такъ и ходили по Риму группами, жили и обѣдали цѣлыми артелями, такъ что слишкомъ очевиденъ былъ фактъ, что онѣ—„поставлены“ въ Римъ какъ бы на заказъ. Какъ примѣръ попытокъ нѣкоторыхъ клерикаловъ произвесть демонстраціи, одинъ корреспондентъ разсказываетъ такой случай: „Нѣсколько иностранныхъ священниковъ приходятъ на piazza Colonna, гдѣ стояло нѣ-

сколько мальчиковъ съ ваксою и щетками. Одинъ изъ патеровъ вынулъ изъ кармана су и, подозвавъ мальчика, сказалъ ему намѣренно-громко: „вотъ тебѣ милый, скажи ave Maria за возстановленіе власти святѣйшаго отца".—Мальчикъ посмотрѣлъ вокругъ и отвѣтилъ: „нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ терять время", — чтó вызвало въ народѣ смѣхъ. Къ удивленію патера, мальчику тотчасъ надавали цѣлую кучу мѣдной монеты."

Въ виду несомнѣннаго и единодушнаго отвращенія всего римскаго населенія къ свѣтской власти папы можно ли сколько-нибудь серьезно помышлять о ея возстановленіи? Иностранная помощь силою, конечно, могла бы быть дѣйствительна противъ римскаго населенія. Но вѣдь Римъ занятъ итальянскими войсками, объявленъ столицею итальянскаго королевства; стало быть для возвращенія папѣ свѣтской власти пришлось бы начать войну съ сильнымъ государствомъ, и притомъ войну, которую оно вело бы за самое свое существованіе, то-есть не взирая ни на какія жертвы. А между тѣмъ, Тьеру приписывается намѣреніе поддержать свѣтскую власть папы. Говорятъ, что изъ Версаля исходятъ интриги съ этой цѣлью, и что Тьеръ и въ этомъ отношеніи желаетъ, повидимому, быть продолжателемъ политики Наполеона III. Говорили, что итальянское правительство уже сдѣлало представленія версальскому кабинету противъ такихъ предполагаемыхъ намѣреній, но этотъ слухъ опровергнутъ. Но, по словамъ „Moniteur'a" (который теперь не оффиціальная, но оффиціозная газета), французское правительство намѣрено оставить въ Италіи посланниками обоихъ своихъ герцоговъ - дипломатовъ, а именно герцога Шуазёля во Флоренціи, при итальянскомъ дворѣ, а герцога Аркура (Harcourt) въ Римѣ, при дворѣ папскомъ. Г. д'Аркуръ, правда, уѣзжаетъ въ отпускъ, но все-таки остается посланникомъ при папѣ и мѣсто его пока заступаетъ повѣренный въ дѣлахъ Лефевръ. Что касается до де-Шуазёля, то, по словамъ „Монитера", ему предписываетя не слѣдовать въ Римъ за итальянскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а оставаться во Флоренціи, до тѣхъ поръ, пока самъ король не изберетъ Римъ мѣстомъ своего пребыванія. Такимъ образомъ Тьеръ все-таки обнаруживаетъ желаніе не признавать отмѣны свѣтской власти папы. Но такими дипломатическими тонкостями никогда не отвращались никакія событія. Если же бы Тьеръ серьезно захотѣлъ исполнить желаніе французскихъ епископовъ, обратившихся къ національному собранію съ прошеніемъ о возстановленіи свѣтской власти папы, то война была бы неизбѣжна, и притомъ война, въ которой Италія, единодушная въ своей мысли, могла бы побѣдить Францію, истощенную и раздвоенную. Низкій разсчетъ можетъ, пожалуй, подсказывать Тьеру мысль возобновить „воинскую славу" Франціи дешевымъ образомъ, насчетъ Италіи, и при этомъ прославить кого-либо

изъ орлеанскихъ принцевъ, напримѣръ капитана „Lefort", т.-е. герцога Шартрскаго, который могъ бы быть произведенъ въ генералы-побѣдоносцы. Такова была мысль извѣстной „трокадерской экспедиціи" при Реставраціи, для возстановленія, насчетъ испанскихъ конституціоналистовъ и во славу герцога ангулемскаго, „блеска французскаго оружія" послѣ Ватерлоо. Но нынѣшняя воинственная попытка могла бы неудаться, потому что у Италіи есть организованная армія, болѣе многочисленная, чѣмъ та, какую имѣетъ въ настоящее время Франція. Сверхъ того, нѣтъ сомнѣнія, что походъ въ пользу папы вызвалъ бы во Франціи новую междоусобицу. Итакъ, надо полагать, все дѣло ограничится безплодными дипломатическими демонстраціями Тьера все въ смыслѣ прежней, наполеоновской политики.

Надо, впрочемъ, сказать, что итальянское правительство отчасти само было виновато въ томъ, что утвержденіе Италіи въ Римѣ еще не считалось окончательно совершившимся фактомъ. Итальянское правительство, желая соблюсти вѣжливость, отправило въ Римъ генерала Бертоле-Віале, для принесенія папѣ поздравленій съ юбилеемъ отъ лица короля Виктора-Эммануила. Но бываютъ положенія, въ которыхъ вѣжливость похожа на иронію. Король, отнявшій Римъ, у папы, посылаетъ къ нему туда генерала съ поздравленіемъ: положеніе крайне фальшивое. Проще, казалось, было бы самому Виктору-Эммануилу, отложивъ вѣжливость совсѣмъ переѣхать въ Римъ, куда онъ поѣхалъ теперь, или, по крайней мѣрѣ, перенесть туда парламентъ. Довольно естественно, что папа не отплатилъ за вѣжливость вѣжливостью: онъ велѣлъ сказать итальянскому генералу, что не можетъ принять его, и генералъ удалился, хотя въ его присутствіи нѣсколько сотъ духовныхъ лицъ изъ Германіи въ то самое время ожидали выхода къ нимъ римскаго первосвященника. Итакъ, если папа былъ слишкомъ „утомленъ" для того, чтобы принять генерала, посланнаго итальянскимъ правительствомъ, а между тѣмъ располагалъ принять германскихъ духовныхъ, то ясно, что „утомленъ" онъ былъ дѣйствіями итальянскаго правительства, а не своимъ священнодѣйствіемъ въ тотъ день.

Не мудрено, что и римляне, съ другой стороны, могли утомиться этими дѣйствіями, въ особенности отсрочкою перенесенія въ Римъ итальянскаго парламента. Въ прошломъ мартѣ состоялось, противъ мнѣнія флорентинскаго правительства, постановленіе итальянскаго парламента, въ силу котораго перенесеніе столицы въ Римъ должно произойти не позже 30-го іюня. Но итальянское правительство позволяетъ себѣ иногда увертываться отъ дѣйствительнаго исполненія воли парламентскаго большинства. Правительство послало въ Римъ особаго королевскаго коммисара съ порученіемъ сдѣлать, какъ можно скорѣе, всѣ колебанія для перенесенія столицы въ вѣчный городъ. Коммисаръ работалъ очень усердно, отчуждалъ частныя недви-

жимыя имущества на основаніи закона общественной пользы, и наконецъ пріѣхалъ во Флоренцію возвѣстить, что все готово. Но министерство, въ виду колебанія короля, представило парламенту, что перенесеніе его сессіи въ Римъ теперь невозможно, такъ какъ это прервало бы обсужденіе важныхъ проектовъ законовъ. Хотя ему возражали не безъ основанія, что сессію можно продолжать въ Римѣ, что по окончаніи обсужденія военнаго закона можно переѣхать въ Римъ и открыть тамъ сессію съ 10-го іюля, но министръ внутреннихъ дѣлъ Ланца утверждалъ, что къ 10-му іюля невозможно будетъ возобновить сессію, а въ заключеніе, сдѣлавъ изъ этого вопросъ о довѣріи къ кабинету, настоялъ на отсрочкѣ перенесенія парламента въ Римъ до ноября мѣсяца! Прежнее же постановленіе парламента о немедленномъ перенесеніи въ Римъ столицы хотятъ исполнить только въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя министерства, въ томъ числѣ и министерство иностранныхъ дѣлъ переѣзжаютъ въ Римъ, и что съ іюля Римъ оффиціально объявленъ столицею итальянскаго королевства, о чемъ разосланъ циркуляръ къ его представителямъ заграницею. Но римляне такіе же отъявленные патріоты, какъ голштейнцы. Тѣ и другіе, недавно присоединенные, послѣ долгихъ стремленій къ „общему отеству“, не допускаютъ пока никакой оппозиціи, и г-ну Ланца, котораго въ Туринѣ давно прозвали il carabiniere (т.-е. жандармъ), также нелегко раздразнить римлянъ, какъ князю Бисмарку было бы трудно неугодить голштейнцамъ. Впрочемъ, король явился-таки, наконецъ, въ Римъ, къ удовольствію его жителей; неизвѣстно только, долго ли онъ тамъ пробудетъ; Туринъ ему милѣе всѣхъ городовъ Италіи.

Такимъ образомъ итальянскій парламентъ закончилъ свою послѣднюю сессію въ флорентинскомъ дворцѣ на piazza della Signoria. Обсужденіе проекта военнаго министра Рикотти о преобразованіи арміи довелъ до конца. Новый законъ составленъ по образцу прусскаго. Онъ вводитъ всеобщую обязательность воинской повинности, и отмѣняетъ выкупъ. Срокъ дѣйствительной службы подъ знаменами опредѣленъ въ три года.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА

Вступленіе войскъ въ Берлинъ. — Конецъ первой сессіи германскаго рейхстага. — Законы объ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Берлинъ, 24 (12) іюня.

Послѣ вступленія войскъ въ Берлинъ и окончанія первой сессіи германскаго рейхстага, совершившагося за день передъ тѣмъ, въ общественной жизни наступило глубокое затишье, которое тѣмъ ощутительнѣе, что прусская столица цѣлый годъ почти съ усиленнымъ сердцебіеніемъ переживала громадныя событія, которыя захватывали собою интересы цѣлаго міра. Вступленіе войскъ было по истинѣ прекраснымъ празднествомъ и столица съ великимъ усердіемъ выполняла свою задачу.

Городъ отпустилъ незначительную, сравнительно, сумму 100,000 талеровъ на украшеніе *via triumphalis*, имѣвшей въ длину болѣе $^1/_2$ мили; но весь артистическій міръ Берлина и всѣ тѣ, которые занимаютъ мѣсто между искусствомъ и ремесломъ, съ такимъ талантомъ и безкорыстіемъ выполнили возложенную на нихъ задачу, что вышло нѣчто дѣйствительно чудесное, въ особенности, если принять въ соображеніе, что на всѣ приготовленія дано было не болѣе двухъ недѣль. Въ этотъ промежутокъ времени, кромѣ второстепенныхъ декоративныхъ работъ, украшавшихъ *via triumphalis* на всемъ ея протяженіи, успѣли сдѣлать нѣсколько статуй отъ 40 — 50 футъ вышиной, съ полдюжины большихъ картинъ, красовавшихся на средней аллеѣ бульвара улицы „Подъ Липами". Нѣкоторыя были выполнены съ такимъ совершенствомъ, что могли выдержать самую строгую критику. Общее мнѣніе признало первенство за статуей Германіи, выставленной въ Лустгартенѣ; она обнимаетъ возвращенныхъ дочерей, Эльзасъ и Лотарингію; не столько главныя фигуры, выполненныя съ большой правильностью, заслужили общее одобреніе, сколько барельефы, украшающіе пьедесталъ и по глубинѣ концепціи и характеристичности исполненія не имѣющія себѣ подобныхъ. Они изображаютъ призывъ народа, или, выражаясь прусско-прозаическимъ языкомъ, мобилизацію. Жандармъ передаетъ приказъ крестьянину за плугомъ; эти фигуры служатъ прологомъ цѣлому ряду другихъ, въ которыхъ мы уже усматриваемъ дѣйствіе этого приказа. Гимназистъ покидаетъ школьную скамью, принимая благословеніе пастора, студентъ опоясывается саблей и съ такой поспѣшностью, что забываетъ сбросить буршикозную

фуражку; веселый кавалеристъ прощается съ своей возлюбленной, воинъ ландвера—съ женой и дѣтьми, инвалидъ на деревяшкѣ, участвовавшій въ войнѣ за освобожденіе съ Наполеономъ I, посылаетъ свои благословенія и счастливыя пожеланія выступающимъ въ походъ, и т. д. Независимо отъ заказовъ, сдѣланныхъ городомъ, академія искусствъ украсила свое зданіе галлереей портретовъ самыхъ замѣчательныхъ полководцевъ послѣдней войны. Портреты нарисованы самыми талантливыми членами академіи, каковы, напр., Адольфъ Ментцель, Густавъ Рихтеръ, стяжавшіе европейскую извѣстность. Берлинъ богатъ талантливыми художниками и всѣ они съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ послужили патріотическому дѣлу.

Вмѣстѣ съ затишьемъ, о которомъ мы говорили выше, проявилось глубокое сознаніе мира и безопасности, которыхъ такъ долго недоставало народу. Какъ самая юная и слабая держава, Пруссія до 1866 года постоянно сознавала, что каждая война грозитъ ея существованію и что ея противники, какъ скоро дѣло дойдетъ до столкновенія, будутъ стремиться, въ случаѣ побѣды, сдѣлать Пруссію, какъ они выражались, безвредной. Самое неоспоримое доказательство отсутствія сознанія безопасности представляло состояніе прусскаго государственнаго кредита. Хотя финансы страны управлялись образцовымъ образомъ и долгъ отнюдь не былъ отяготителенъ,—прусскія государственныя бумаги стояли гораздо ниже по курсу не только англійскихъ и французскихъ бумагъ, но даже бумагъ тѣхъ маленькихъ государствъ, относительно которыхъ существовало воззрѣніе, что катастрофа, которая разразится надъ Германіей, спасетъ маленькія государства и погубитъ только Пруссію. Эти воззрѣнія измѣнились уже послѣ основанія сѣверо-германскаго союза, займы котораго благопріятно встрѣчались публикой не только въ Германіи, но и за-границей, потому что вѣрили въ силу и прочность этого государственнаго зданія. Теперь это сознаніе безопасности чрезвычайно усилилось, благодаря побѣдоносной войнѣ съ Франціей и это должно въ высшей степени благопріятно отразиться не только на государственныхъ финансахъ, но и на всякихъ начинаніяхъ. Что касается первыхъ, то въ послѣднемъ засѣданіи рейхстага государственный канцлеръ объявилъ, что полученная съ Франціи военная контрибуція будетъ частью обращена на погашеніе сдѣланныхъ во время войны займовъ; при этомъ, разумѣется, большія суммы денегъ перейдутъ въ руки капиталистовъ, которые будутъ вынуждены искать для нихъ помѣщенія, а при постоянно увеличивающейся цѣнности всѣхъ государственныхъ бумагъ, большая часть этихъ капиталовъ будетъ обращена на промышленность и земледѣліе, которыя и составляютъ главный источникъ національнаго богатства. Но, во всякомъ случаѣ, значительная часть французской контрибуціи будетъ употреблена на пополненіе военнаго матеріала

израсходованнаго въ послѣднюю войну, на расширеніе и постройку пограничныхъ съ Франціей крѣпостей. 240 милліоновъ талеровъ образуютъ блистательный инвалидный капиталъ; 4 милліона талеровъ опредѣлены на дотацію генераловъ и государственныхъ людей; 4 милліона назначены для пособій возвращающемуся съ войны ландверу (то-есть офицерамъ и врачамъ ландвера), 2 милліона пойдутъ на вознагражденіе изгнанныхъ изъ Франціи, передъ началомъ войны, нѣмцевъ; 5 милліоновъ опредѣлены на производство матеріаловъ для желѣзныхъ дорогъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи и т. д. Такое распредѣленіе всего вѣрнѣе и быстрѣе пуститъ эти деньги въ оборотъ, черезъ тысячи каналовъ, которые разнесутъ благосостояніе по всей странѣ. Черезъ это Германія сдѣлается богаче, чѣмъ она была до сихъ поръ. Одинъ англійскій статистикъ вычислилъ недавно, что Франція ежегодно откладываетъ 100 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, то-есть $2^1/_2$ мильярда франковъ, или другими словами: чистая экономія двухъ годовъ достаточна для покрытія военной контрибуціи, которую Франція должна уплатить Германіи. Это необыкновенное богатство развилось во Франціи, главнымъ образомъ, при правленіи Наполеона I, хотя оно отнюдь не отличалось бережливостью. Разумѣется, Франція гораздо плодороднѣе, чѣмъ Германія, а промышленность ея, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ, превосходитъ промышленность послѣдней; но кромѣ того, я полагаю, что однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ быстромъ приращеніи богатства во Франціи слѣдуетъ считать господствующую въ ней военную систему; или, если хотите, обратно: отсталость въ этомъ отношеніи Германіи и главнымъ образомъ сѣверной, всего же болѣе Пруссіи, слѣдуетъ приписать великимъ жертвамъ, которыя налагаетъ на страну всеобщая военная повинность. Я не хочу унижать великой идеи, лежащей въ системѣ общей военной повинности, но послѣднія три, въ высшей степени удачныя, войны Пруссіи такъ ослѣпили весь свѣтъ, что темныя стороны этой системы, главнымъ образомъ сказывающіяся на народномъ хозяйствѣ, совершенно упускаются изъ виду. Когда войско набирается, главнымъ образомъ, изъ низшихъ классовъ, то капиталъ, представляемый имъ, рѣшительно меньше, чѣмъ капиталъ, заключающійся въ арміи, въ которой не участвуютъ равномѣрно *всѣ* классы, но какъ я уже раньше объяснялъ вамъ, образованные классы имѣютъ сравнительно больше представителей, чѣмъ низшіе. Годовая служба вольноопредѣляющихся (*Freiwillige*), которая гораздо болѣе характеризует прусскую (а теперь и германскую) военную систему, чѣмъ общая повинность,—конечно удивительное учрежденіе, и бельгійскій генералъ Шазаль недавно превознесъ ее въ бельгійской палатѣ. Но это учрежденіе налагаетъ на отдѣльныхъ лицъ, а въ массѣ—и на самое государство, тяжелыя жертвы. Посмотримъ на дѣло съ практической сто-

роны. Молодой, здоровый человѣкъ, получившій то образованіе, которое даетъ право на годовую службу вольноопредѣляющагося, то-есть, который пробылъ по крайней мѣрѣ годъ въ высшихъ классахъ гимназіи или реальной школы, или же заявилъ, посредствомъ экзамена, что обладаетъ необходимой степенью образованія, можетъ поступить вольноопредѣляющимся, начиная съ 17-лѣтняго и до 23-лѣтняго возраста. На практикѣ выходитъ такъ, что почти всѣ, посвящающіе себя высшимъ карьерамъ, жертвуютъ первымъ университетскимъ годомъ для военной службы, потому что въ два послѣднихъ гимназическихъ года, когда молодые люди достигаютъ необходимаго возраста, имъ невозможно удѣлить время на военную службу. Такъ-называемый университетскій, вступительный экзаменъ (экзаменъ *pro maturitate*) сравнительно самый трудный изъ всѣхъ экзаменовъ въ Пруссіи, которые, какъ извѣстно, весьма многочисленны. Первый же университетскій годъ, напротивъ того, является эпохой золотой, юношеской свободы и нѣмецкіе студенты, по преданію, установившемуся съ незапамятныхъ временъ, считаютъ, что въ этотъ годъ много не наработаешь. Поэтому студентъ, отбывающій въ этотъ годъ свою военную службу, вовсе не станетъ работать. По истеченіи положеннаго года, онъ поступаетъ на 6 лѣтъ въ резервъ и въ теченіи этого времени обязанъ два раза участвовать въ военныхъ упражненіяхъ, которыя не должны длиться болѣе 8-ми недѣль. Затѣмъ онъ поступаетъ на 5 лѣтъ въ ландверъ, въ теченіи которыхъ снова обязанъ участвовать въ военныхъ упражненіяхъ отъ 8—14 дней. Эти обязательства, конечно, не особенно тягостны для тѣхъ, кто поступаетъ на государственную службу, въ качествѣ юристовъ, учителей и проч., потому что въ этомъ случаѣ само государство заботится объ ихъ замѣнѣ, но они очень чувствительны для большой массы молодыхъ людей, посвящающихъ себя торговлѣ, сельскому хозяйству, промышленности и множеству другихъ занятій. Но возьмемъ теперь періодъ войны. Пруссія въ 1859 году была занята мобилизаціей, въ 1864, 1866 и 1870 гг.— войной. Слѣдовательно тѣ, которые въ 1858 г. отбывали служебный срокъ въ постоянной арміи, принуждены были, въ теченіи 11 лѣтъ, четыре раза становиться подъ знамена, и понятно, какъ гибельно сказалось это на ихъ хозяйствѣ. Точно такія же жертвы налагаются и на тѣхъ, кто служитъ простыми солдатами. Люди, начавшіе небольшое предпріятіе, которое кормило ихъ и обѣщало въ будущемъ обезпеченное существованіе, часто вынуждены бываютъ—если не найдутъ покупателя, зачастую предлагающаго ничтожную цѣну—просто на просто прекратить дѣло, когда ихъ могутъ не сегодня, завтра призвать подъ знамена. Вмѣстѣ съ тѣмъ общая военная повинность дѣлаетъ также болѣе тяжелыми военныя жертвы.

Если разсматривать людей съ точки зрѣнія національнаго хозяй-

ства, то они представляютъ собою капиталъ, который съ извѣстнаго момента начинаетъ приносить проценты. Образованіе молодого человѣка, посѣщавшаго университетъ въ теченіи 3—4-хъ лѣтъ, требуетъ затраты значительнаго капитала, гораздо болѣе значительнаго, разумѣется, чѣмъ тотъ, который затрачивается на образованіе крестьянина или поденщика. Смерть уничтожаетъ какъ тотъ капиталъ, такъ и другой, прежде, чѣмъ они стали приносить проценты, которые бы вознаградили за сдѣланныя затраты. Эти условія, вмѣстѣ съ различными нравственными, придаютъ государственному устройству, опирающемуся на принципъ общей военной повинности, какой-то черствый, грубый, или лучше сказать спартанскій характеръ и вызываютъ въ немъ такое напряженіе, что мнѣ сомнительно, чтобы оно вынесло долго подобное устройство. Конечно, еслибы можно было ввести во всѣхъ европейскихъ государствахъ общую военную повинность, то этимъ, быть можетъ, всего вѣрнѣе обезпечился бы европейскій миръ, потому что для меня, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что общая военная повинность отнимаетъ у народа охоту воевать.

Вмѣстѣ съ торжественнымъ вступленіемъ войскъ совпало закрытіе рейхстага, засѣданія котораго хотя прошли не безъ нѣкоторыхъ диссонансовъ, однако вызвали къ жизни много весьма важныхъ законовъ. Въ первомъ ряду стоятъ два: законъ о присоединеніи Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи и законъ о пенсіонѣ для военныхъ. Что касается перваго, то фактъ присоединенія обѣихъ провинцій уже былъ порѣшенъ самой войной, и оппозиціи въ рейхстагѣ можно было ожидать развѣ только со стороны депутатовъ сѣвернаго Шлезвига, который, во вниманіе къ своимъ датскимъ поручителямъ, долженъ былъ оспаривать право завоеванія въ принципѣ, польскихъ депутатовъ, которыми руководили тѣже мотивы и двухъ демократовъ-соціалистовъ, которыхъ рейхстагъ насчитываетъ въ средѣ своихъ членовъ и которые не хотятъ слышать ни о какой войнѣ, кромѣ войны противъ правительствъ и противъ *капитала*. Громадное большинство, каковы бы тамъ ни были его политическія мнѣнія вообще, было согласно на присоединеніе и даже помимо всеобщей подачи голосовъ, которой во всякомъ случаѣ требовали послѣдніе изъ вышеназванныхъ противниковъ присоединенія. Но насколько велико было единодушіе касательно этого пункта, настолько расходились мнѣнія, касательно остальныхъ. Сначала Баварія хотѣла-было отхватить себѣ кусокъ Эльзаса, для округленія своихъ границъ и при этомъ ссылалась, какъ нѣкоторые увѣряютъ, не безъ нѣкотораго вѣроятія, на согласіе Бисмарка. Но эльзасцы и лотарингцы заявили такъ энергично, какъ только можно, что они, по крайней мѣрѣ, не хотятъ быть „раздроблены“, а во всей Германіи царствовало такое рѣшительное отвращеніе отъ земельнаго барышничества, какое почти всегда выражалось при всякой войнѣ

Германіи (и почти всегда въ ущербъ германскимъ государствамъ), что баварскіе депутаты сами порѣшили сопротивляться подобному требованію, какъ скоро оно будетъ заявлено, и поэтому баварское правительство не рѣшилось съ нимъ выступить. Уже раньше Пруссія объявила самымъ рѣшительнымъ образомъ, что она отнюдь не желаетъ присоединенія новыхъ провинцій къ Пруссіи. Это было мудростью, не особенно мудрой, потому что для единства Германіи и для безопасности завоеванныхъ провинцій въ высшей степени важно было, чтобы они принадлежали не одному какому-нибудь государству — большому или малому, это все равно — но союзу государствъ, образующему германскую имперію. До сихъ поръ все ясно; но вотъ гдѣ затрудненіе. Государства, входящія въ составъ германской имперіи, пользуются верховными правами, насколько они не ограничиваются конституціей имперіи. Верховныя права выражаются въ томъ, что каждое государство имѣетъ государя (у трехъ вольныхъ городовъ верховныя права принадлежатъ сенату), конституцію и народное представительство или (въ Мекленбургѣ) штаты. Въ такомъ смыслѣ Эльзасъ и Лотарингія не могутъ пользоваться верховными правами. Верховныя права принадлежатъ скорѣе германской имперіи. Конституція германской имперіи предоставляетъ свободу дѣйствія *отдѣльнымъ* государствамъ, у которыхъ есть свои законодательные факторы, такъ какъ сама она, какъ извѣстно, весьма неполна и авторитетъ имперіи не распространяется на множество предметовъ, которые предоставлены отдѣльнымъ законодательствамъ. Короче сказать, дѣло весьма запутанное, что́ вообще всегда составляло особенность германскаго государственнаго права. Въ эпоху старинной германской имперіи германское государственное право было ареной, на которой ревностно подвизались прилежные и глубокомысленные ученые и по поводу его писали томы за томами (само собой разумѣется все *in-folio*), пока не возникли гигантскія библіотеки, уже одной внѣшностью своей могущія нагнать ужасъ на всякаго человѣка, который не можетъ отказаться отъ мысли, что жизнь не сосредоточивается исключительно въ кабинетѣ ученаго. За всѣмъ тѣмъ трудъ остался не напраснымъ. Конечно, въ настоящее время рѣдко кто заглянетъ въ эти запыленные фоліанты и, съ паденіемъ старинной имперіи и имперской судебной палаты, они утратили всякій практическій смыслъ, но поколѣніе за поколѣніемъ изощрялось, благодаря этимъ изученіямъ, въ глубокомысліи; познанія въ государственномъ правѣ расширились и стали глубже. А этотъ медленный путь есть единственный, на которомъ наука дѣйствительно можетъ процвѣтать.

Несмотря на значительное число знатоковъ по части государственнаго права, до сихъ поръ немногіе отважились пускаться въ область государственнаго права новой германской имперіи (Рённе, замѣча-

тельный творецъ книги, вышедшей уже третьимъ изданіемъ: „Государственное право прусской монархіи", до сихъ поръ далъ лучшее критическое, или, какъ онъ называетъ, историко-догматическое обозрѣніе конституціоннаго права германской имперіи), еще меньшіе въ критику проекта закона относительно Эльзаса и Лотарингіи, который, въ томъ видѣ, въ какомъ его представило правительство, заключаетъ только три параграфа, изъ которыхъ первый опредѣляетъ присоединеніе провинцій къ имперіи, второй — что конституція германской имперіи вступитъ въ свою силу въ Эльзасѣ и Лотарингіи съ 1-го января 1874-го года, что отдѣльныя части конституціи могутъ быть примѣняемы раньше, по *предписанію* императора и съ согласія союзнаго совѣта, а третій опредѣляетъ, что до введенія конституціи въ Эльзасъ и Лотарингію, право законодательства во всемъ своемъ объемѣ принадлежитъ императору и онъ пользуется имъ съ согласія союзнаго совѣта. Послѣ введенія конституціи, до новаго регулированія посредствомъ имперскаго закона, законодательныя права принадлежатъ имперіи.

Итакъ, основная мысль этого закона слѣдующая: въ настоящее время управляетъ императоръ и обязывается, въ своихъ распоряженіяхъ, искать согласія союзнаго совѣта. Послѣ введенія конституціи законодательное право принадлежитъ имперіи, то-есть рейхстагъ долженъ обсуждать и, наконецъ, имперскій законъ долженъ регулировать отношенія. Слѣдовательно, въ-первомъ періодѣ — диктатура; во-второмъ періодѣ—временное устройство; въ-третьемъ—окончательное. Для диктатуры назначенъ срокъ, но для временного устройства срока не назначено и какъ должно организоваться окончательное устройство,— на это нѣтъ ни малѣйшаго намека. Рейхстагъ порѣшилъ, когда ему былъ представленъ проектъ закона, передать его на обсужденіе коммисіи и избралъ въ эту коммисію корифеевъ всѣхъ партій, которые, сознавая свое важное назначеніе, обработали законъ, измѣнивъ текстъ, но не измѣняя смысла и ввели нѣкоторыя новыя опредѣленія; напр., что конституція должна вступить въ свою силу уже съ 1-го января 1873-го года, что статья 3-я имперской конституціи (общее гражданское право) должна быть введена уже теперь, что государственный канцлеръ—отвѣтственное лицо за предписанія и приказы императора. Государственный канцлеръ не могъ участвовать въ совѣщаніяхъ коммисіи, потому что велъ въ это время переговоры о мирѣ во Франкфуртѣ. Такъ какъ онъ не требовалъ отсрочки переговоровъ, то коммисія и рейхстагъ полагали, что онъ не придаетъ большого значенія частнымъ измѣненіямъ въ законѣ. Кромѣ того тутъ былъ Дельбрюкъ, довѣренное лицо канцлера, или, какъ онъ самъ не задолго передъ тѣмъ выразился, его Гнейзенау (начальникъ штаба Блюхера), который могъ указать коммисіи, также какъ и рейхстагу, какія измѣненія могли

показаться канцлеру нежелательными, или же и вовсе неприменимыми. И дѣйствительно, Дельбрюкъ возставалъ противъ нѣкоторыхъ измѣненій, но отнюдь не съ особенной энергіей.

Также и на второмъ совѣщаніи о законѣ *im pleno* — опять Бисмаркъ не присутствовалъ. Внесенныя коммиссіей измѣненія частью были одобрены и никто не предполагалъ, чтобы въ примѣненіи закона могло встрѣтиться какое-нибудь затрудненіе, какъ вдругъ, во время третьяго чтенія 13-го (25-го) мая, появился государственный канцлеръ и произнесъ громовую рѣчь противъ принятыхъ измѣненій въ законѣ. Онъ особенно энергично возставалъ противъ сокращенія диктатуры на годъ и, кромѣ этого, противъ опредѣленія, по которому на заключеніе займовъ Эльзасомъ императоръ долженъ имѣть согласіе рейхстага. Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи онъ видѣлъ личное недовѣріе къ нему и объявилъ, что если оно останется въ законѣ, то онъ не хочетъ имѣть ничего общаго съ управленіемъ обѣихъ провинцій. Не столько содержаніе рѣчи, сколько тонъ, какимъ она была произнесена, оскорбилъ собраніе. Въ немъ звучала какая-то нота, которой прилично звучать лишь въ устахъ господина, отдающаго приказанія своему слугѣ. Въ особенности разсердились либеральные депутаты южной Германіи, и одну минуту едва не поддались желанію уѣхать обратно на родину. Либералы сѣверной Германіи сохранили больше хладнокровія и внесли предложеніе: возвратить проектъ коммисіи (чего никогда не бываетъ, послѣ третьяго чтенія) и это предложеніе было принято. Проектъ закона вернулся обратно въ коммиссію, которая, въ тотъ же самый вечеръ, назначила засѣданіе, и на немъ появился самъ государственный канцлеръ. Одинъ очевидецъ разсказывалъ мнѣ, что вначалѣ канцлеръ казался еще раздраженнѣе, чѣмъ въ рейхстагѣ, и что онъ „рычалъ, какъ разъяренный левъ". Только благодаря ловкости и настойчивости Ласкера удалось наконецъ укротить канцлера. Найстойчивость, глубокомысліе и дѣйствительно замѣчательныя заслуги Ласкера по законодательству союза и имперіи, сдѣлали сильное впечатлѣніе на Бисмарка, хотя, быть можетъ, ему и антипаченъ вообще весь еврейски-подвижной складъ личности Ласкера.

Какъ бы то ни было, а Ласкеру удалось укротить льва и въ концѣ засѣданія, длившагося нѣсколько часовъ, канцлеръ согласился съ коммисіей, причемъ, по пословицѣ, остались и волки сыты и овцы цѣлы. Каждая сторона сдѣлала уступки, но въ чемъ собственно они состояли—трудно сказать, потому что, въ главномъ, дѣло осталось такъ какъ было, то-есть диктатура оканчивается къ 1-му января 1873-го года, а для долговъ, заключаемыхъ новыми провинціями, необходимо согласіе рейхстага, но только тогда, когда дѣло касается такихъ долговъ, „которые могутъ отяготить имперію". (Включеніе этого условія

было уступкой, сдѣланной коммисіей). Въ этомъ видѣ законъ былъ принятъ. Не знаю, раньше или вскорѣ послѣ этого столкновенія, государственный канцлеръ велъ долгую и оживленную бесѣду съ Ласкеромъ на одномъ изъ своихъ парламентскихъ вечеровъ, причемъ восхищенный остроуміемъ послѣдняго, сказалъ не безъ нѣкоторой колкости, быть можетъ: „господинъ Ласкеръ, намъ слѣдовало бы быть сослуживцами". Но остроумный Ласкеръ отвѣчалъ ему: „развѣ ваша свѣтлость дѣйствительно желаете сдѣлаться адвокатомъ"? (Ласкеръ—адвокатъ). Хотя поведеніе канцлера произвело весьма непріятное впечатлѣніе, однако всѣ признали, что его слѣдуетъ приписать лишь чрезвычайной нервной раздражительности канцлера, и этотъ послѣдній самъ поспѣшилъ воспользоваться представившимся случаемъ, чтобы формально извиниться, а это во всѣ времена считалось у людей могущественныхъ доказательствомъ величія души. Дѣло было при заключеніи преній по закону о присоединеніи [22-го мая (3-го іюня)], когда онъ сказалъ въ концѣ своей рѣчи: „я убѣдительнѣйше прошу палату не придавать особеннаго значенія недостаточно выработанному, быть можетъ, способу изложенія, которымъ я выразилъ свое мнѣніе, и снисходительно относиться къ нѣкоторой раздражительности, съ какой оно было высказано, потому что, въ противномъ случаѣ, я не буду въ состояніи служить вамъ и странѣ. Никто не станетъ оспаривать у меня право чувствовать себя нѣсколько утомленнымъ".

Въ этомъ засѣданіи законъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ и былъ немедленно одобренъ союзнымъ совѣтомъ, и уже обнародованъ въ настоящее время. Въ настоящую минуту въ союзномъ совѣтѣ, который выдѣлилъ изъ себя особый комитетъ для Эльзаса-Лотарингіи, заняты совѣщаніями на счетъ мѣръ, которыя необходимо принять для приведенія закона въ исполненіе. Сюда принадлежатъ: организація судовъ, обязательное обученіе, налоги, пути сообщеній, общая военная повинность и тысяча другихъ вещей. Касательно организаціи судовъ, законъ, уже принятый рейхстагомъ, опредѣляетъ, что высшей судебной инстанціей для обѣихъ провинцій, вмѣсто парижской кассаціонной палаты, будетъ союзная высшая торговая судебная палата въ Лейпцигѣ, которая, разумѣется, должна быть расширена для этой цѣли; обязательное школьное обученіе уже введено, путемъ предписанія (вы знаете, что слово *предписаніе* (*Verordnung*) въ нѣмецкомъ государственномъ правѣ, въ противность *закону* (*Gesetz*), является распоряженіемъ представителей верховной власти, въ которомъ не участвуетъ народное представительство, но которое имѣетъ силу закона), а общая военная повинность, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ также немедленно введена. Въ числѣ требованій, заявленныхъ въ собраніи, бывшемъ въ апрѣлѣ въ Страсбургѣ, и переданныхъ сюда въ Берлинъ черезъ депутацію, стояло возможно продолжительное осво-

божденіе эльзасцевъ отъ обязанностей военной службы. Хотя вся программа (она заключала 22 пункта) была принята здѣсь неблагопріятно, но эта просьба, касательно военной службы, не будетъ имѣть успѣха, какъ я думаю, потому что государственный канцлеръ убѣжденъ въ томъ, что служба въ нѣмецкомъ войскѣ и согласно нѣмецкимъ правиламъ произведетъ на эльзасцевъ и лотарингцевъ то же самое ассимилирующее дѣйствіе, какъ и на присоединенныя въ 1866-мъ году провинціи.

Солдаты изъ Шлезвигъ-Голштиніи, Ганновера и Франкфурта—трехъ областей, всего упорнѣе сопротивлявшихся присоединенію и бо́льшею частью и по нынѣ недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей, превосходно дрались въ послѣднюю войну, а офицеры были самыми дѣятельными пропагандистами идеи единства Германіи. Такъ ли пойдутъ дѣла въ Эльзасѣ и Лотарингіи,—предсказать мудрено, потому что здѣсь отношенія совсѣмъ иного рода. Нельзя отрицать, да никто и не отрицаетъ, что эльзасцы и населеніе нѣмецкой Лотарингіи тѣсно сроднились съ Франціей во время ея двухсолѣтняго владычества надъ ними, но теперь, когда случайности войны снова вернули ихъ Германіи, должно выказаться, обладаетъ ли послѣдняя той нравственной притягательной силой, которая можетъ удержать ихъ за ней. Конечно, дѣло не обойдется безъ новой кровопролитной борьбы. Хотя я неоднократно слышалъ изъ устъ людей разумныхъ слѣдующее изреченіе: „теперь французы *не могутъ* вести войны противъ Германіи, а еслибы и могли, то *не захотѣли бы*“, однако это не совсѣмъ такъ. Французы заявляютъ претензію быть *первой націей* въ мірѣ и событія послѣдней войны ни мало не поколебали въ нихъ этого воззрѣнія. Нѣмцы не хотятъ признать этого превосходства. Великія народныя семьи Европы: германцы, славяне, романскіе народы—всѣ происходятъ отъ одного корня, арійскаго, и по благородству крови равны между собой. У каждой есть свои преимущества и свои недостатки; въ цѣломъ всѣ онѣ стоютъ другъ друга. Кто изъ нихъ стремится стать выше, тотъ грѣшитъ противъ справедливости. Нѣмцы на себѣ испытали это. При императорахъ гогенштауфенской династіи, они были преисполнены гордости и высокомѣрія, и слѣдствіемъ этого было глубокое паденіе имперіи, длившееся многія столѣтія. Въ настоящее время признаніе Жюля Фавра выяснило, что французы, послѣ седанской катастрофы, могли получить миръ за небольшую территоріальную уступку уступку Страсбурга съ его окрестностями.

Но французы были слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы сдѣлать то, что́ другимъ народамъ всегда приходилось дѣлать послѣ несчастной войны, то, къ чему они сами зачастую принуждали побѣжденныхъ народовъ. Развѣ для русскаго, нѣмца или итальянца почва его отечества менѣе дорога? Но въ этомъ отношеніи французы оста-

лись все тѣми же, какими были въ сентябрѣ прошлаго года и вмѣсто того, чтобы помышлять о внутреннихъ реформахъ, они радуются на свою армію, которая, конечно, довольно многочисленна, такъ какъ Германія возвратила имъ 300,000 плѣнныхъ. Нѣмецкая армія отдавала полную справедливость храбрости французской, какъ это всегда дѣлаетъ хорошая армія, потому что этимъ самымъ она славитъ собственную побѣду, но я не разъ слышалъ, какъ офицеры спрашивали другъ у друга въ интимной бесѣдѣ: „каковъ былъ бы результатъ войны 1866-го года, еслибы австрійцы были вооружены тогда такимъ же превосходнымъ оружіемъ, каково шасспо́, сравнительно съ игольчатымъ ружьемъ? а если во многихъ сраженіяхъ послѣдней войны численное превосходство было на сторонѣ нѣмцевъ, то во многихъ другихъ этого не было; французы же всегда занимали лучшія позиціи". Въ примѣръ такихъ случаевъ, когда численное превосходство было не на сторонѣ нѣмцевъ, можно привести нѣкоторыя вылазки подъ Парижемъ или Бельфоръ, подъ которымъ генералъ Вердеръ, въ теченіи трехъ дней, сохранялъ крѣпкую позицію съ 40,000 солдатъ, имѣя противъ себя ліонскую армію въ 150,000 солдатъ подъ командой генерала Бурбаки *): въ этихъ случаяхъ нѣмцы не только выходили побѣдителями, но и претерпѣвали весьма незначительный уронъ.

Послѣ закона о присоединеніи — одной изъ самыхъ важныхъ задачъ рейхстага, былъ законъ о пенсіи инвалидамъ и военнымъ. Инвалиды прусской арміи, до самаго 1863-го года, обезпечивались весьма плохо и тѣ изъ нихъ, которые не находили пріюта въ инвалидномъ домѣ или же были настолько крѣпки здоровьемъ, что могли занимать какое-нибудь мѣсто, получали одинъ талеръ въ мѣсяцъ, такъ-называемый *Gnaden-thaler*.

Только въ 1863-мъ году на юбилейномъ праздникѣ пятидесятилѣтней годовщины лейпцигскаго сраженія серьезно задались мыслію улучшить положеніе этихъ людей и государство, равно какъ и общины, постарались, по крайней мѣрѣ, облегчить жизненный закатъ тѣхъ, кто мыкалъ горе въ теченіи 50-ти лѣтъ. Вскорѣ послѣ того Сѣверная Америка подала блистательный примѣръ заботливости объ инвалидахъ, а когда, въ 1866-мъ году, была окончена новая удачная война противъ австрійцевъ, то уже въ октябрѣ того же года сдѣлана значительная прибавка пенсіона офицерамъ и солдатамъ.

Послѣдняя война съ Франціей, по предварительной оцѣнкѣ, выбила изъ строя 5,000 офицеровъ и 12,000 солдатъ (убитыми и ране-

---

*) Почтенный корреспондентъ исчисляетъ здѣсь армію Бурбаки, состоявшую изъ двухъ корпусовъ луарской арміи, вмѣстѣ съ подкрѣпленіями, прибывшими изъ Ліона. Она не доходила до 150 т. чел., но числилась около 120 тысячъ, что, впрочемъ не измѣняетъ значенія подвига генерала Вердера. — *Ред.*

ними), такъ что заботы въ этомъ направленіи необходимѣе, чѣмъ когда-либо. Законъ этотъ не касается финансовой стороны дѣла, такъ какъ эта послѣдняя обезпечивается 240 милліонами, которые, съ этой цѣлью, удѣляются изъ военной контрибуціи, уплачиваемой Франціей. Но, благодаря ловкому маневру, правительство провело не только законъ, касающійся инвалидовъ *послѣдней* войны или же вообще инвалидовъ (то-есть вдовъ и сиротъ убитыхъ), но такой законъ, который обнимаетъ вообще всю систему военныхъ пенсіоновъ, даже и въ мирное время. Депутаты охотно раздѣлили бы эти два, довольно не подходящіе другъ къ другу, вопроса, но правительство дѣйствовало ловко, время не терпѣло и предполагаемое раздѣленіе закона не состоялось.

Что касается его главныхъ основаній, то офицеръ, который послѣ десятилѣтней военной службы становится неспособнымъ состоять долѣе на дѣйствительной службѣ, получаетъ пенсіонъ въ $^{20}/_{80}$ своего жалованья и, съ каждымъ лишнимъ служебнымъ годомъ, пенсіонъ увеличивается на $^{1}/_{80}$ съ $^{60}/_{80}$ достигаетъ своего *maximum*.

Если офицеръ дѣлается инвалидомъ вслѣдствіе войны, то (не принимая въ соображеніе срока его службы) пенсіонъ увеличивается на 250 талеровъ, если онъ ниже 550 талеровъ (слѣдовательно до 800 талеровъ), если онъ колеблется между 550 и 600 талерами, то до 800 талеровъ, если же между 600—800 талеровъ, то на 200 талеровъ, если между 800 — 1,000 талеровъ, то до тысячи, если между 900 и выше, то на 100 талеровъ ежегодно. Слѣдовательно самый малый пенсіонъ офицера, сдѣлавшагося инвалидомъ на войнѣ, доходитъ до 800 талеровъ. Но пенсіонъ еще увеличивается, если офицеръ искалѣченъ на дѣйствительной военной службѣ, если онъ ослѣпъ или здоровье его пострадало неизлечимо, на 200 талеровъ ежегодно въ случаѣ потери руки, ноги, глаза, если онъ лишился употребленія языка, если онъ не можетъ свободно двигать рукой или ногой, такъ что поврежденіе равняется потерѣ этихъ членовъ, если ему нуженъ чрезвычайный уходъ, вслѣдствіе большого разстройства въ отправленіяхъ организма. Эта прибавка пенсіона можетъ превысить 400 талеровъ только въ томъ случаѣ, если инвалидное состояніе явилось слѣдствіемъ раны или внѣшняго поврежденія, однако это не касается увеличенія пенсіона въ случаѣ слѣпоты, то-есть потери обоихъ глазъ. Благодаря этой прибавкѣ самый младшій изъ офицеровъ, сдѣлавшійся инвалидомъ на войнѣ, вслѣдствіе ранъ, будетъ получать пенсіонъ въ 1,000 талеровъ, самое меньшее. Вдовамъ офицеровъ, павшихъ на полѣ битвы или умершихъ отъ ранъ, дается пособіе во все время, пока онѣ остаются вдовами: вдовы генераловъ получаютъ 500 талеровъ, вдовы штабъ-офицеровъ 400, а вдовы капитановъ и субалтернъ-офицеровъ 300 талеръ ежегодно. Наконецъ, оставшіеся дѣти получаютъ до 17-ти-лѣтняго

возраста пособіе въ 50, а если ребенокъ лишился и матери, то 75 талеровъ ежегодно. (Это послѣднее рѣшеніе прибавлено самимъ рейхстагомъ, который вообще, по многимъ пунктамъ, превзошелъ желанія самого правительства). Нельзя сомнѣваться, что такое распредѣленіе пенсіона въ высшей степени благопріятно и что въ связи съ большимъ содержаніемъ, которое получаютъ офицеры, оно будетъ побуждать образованную молодежь посвящать себя военной службѣ. Но всего больше возраженій встрѣчаетъ одинъ недостатокъ, который, во всякомъ случаѣ, не ухудшается существенно, вслѣдствіе новаго закона, но только поддерживается имъ. Для поддержанія хорошаго штата офицеровъ съ давнихъ поръ дѣйствовалъ одинъ изъ тѣхъ законовъ, которые хотя и не значутся въ кодексѣ, но, несмотря на то, а быть можетъ потому самому, оказываютъ наиболѣе вліянія. Этотъ законъ заключается въ томъ, что всякій обойденный чинами офицеръ подаетъ просьбу о пенсіонѣ и получаетъ его, какъ инвалидъ. Для доказательства инвалиднаго состоянія достаточно заявленія начальства офицера, а въ этомъ заявленіи никогда не отказываютъ. Это, конечно, прекрасное средство устранять офицеровъ, которые, будучи отличными вообще людьми, тѣмъ не менѣе не годятся для высшихъ военныхъ должностей; но, не говоря уже о томъ, что весьма способные офицеры могутъ такимъ образомъ быть вынуждены, противъ воли, выходить въ отставку, вслѣдствіе немилости начальства, — но города наполняются пенсіонерами въ цвѣтѣ лѣтъ и такого крѣпкаго здоровья, что бѣдный чиновникъ, губящій свое здоровье за письменнымъ столомъ, съ завистью на нихъ поглядываетъ. Эти инвалиды зачастую женятся не прежде, какъ получатъ пенсію, производятъ многочисленное потомство и достигаютъ возраста Маѳусаила. Въ прежнее время они должны были проживать свой пенсіонъ въ Пруссіи, но теперь, когда существуетъ *единая германская имперія*, они могутъ передвигаться въ ея границахъ и будутъ, слѣдовательно, избирать самыя красивыя и дешевыя мѣстности. Нѣтъ сомнѣнія, что противъ такой системы можно было бы многое возразить, но такъ какъ она до-сихъ-поръ давала прекрасные результаты, то на нее смотрятъ сквозь пальцы.

Перехожу теперь къ солдатамъ, но при этомъ не буду касаться пенсіона, назначаемаго въ мирное время, потому что при краткомъ срокѣ службы простой солдатъ въ мирное время сравнительно весьма рѣдко становится инвалидомъ, а срокъ службы бываетъ продолжительнѣе только у унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и проч., которые желаютъ выслужить право на полученіе впослѣдствіи какой-нибудь гражданской должности. Нравственный элементъ, принимаемый въ соображеніе, это обезпеченіе пенсіономъ солдатъ, сдѣлавшихся инвалидами на войнѣ. Унтеръ-офицеровъ и солдатъ законъ раздѣляетъ на пять разрядовъ, параллельно сроку ихъ службы (25, 20, 15, 12, 8

лѣтъ) или тяжести полученной раны: вполнѣ неспособные къ труду и отдаваемые на чужое попеченіе и уходъ; вполнѣ неспособные къ труду; почти неспособные къ труду; отчасти неспособные къ труду; полу-инвалиды (годные еще для гарнизонной службы). Въ этомъ послѣднемъ разрядѣ, солдатъ получаетъ ежемѣсячно 2, унтеръ-офицеръ 3, сержантъ 4, фельдфебель 5 талеровъ и этотъ пенсіонъ постоянно увеличивается въ пяти разрядахъ, такъ что въ высшемъ (первомъ) разрядѣ доходитъ до 10, 11, 12 и 14 талеровъ. Но кромѣ того, относительно инвалидовъ, искалѣченныхъ на войнѣ, держатся такой же точно системы, какъ и относительно офицеровъ: прибавка за рану отъ 2 талеровъ въ мѣсяцъ и прибавка за искалѣченіе до 6 талеровъ ежемѣсячно при потерѣ руки, ноги, глаза, употребленія языка и т. д. (точно такъ, какъ изложено выше). Эта прибавка можетъ превысить размѣръ 12 талеровъ въ мѣсяцъ только въ такомъ случаѣ, когда инвалидное состояніе явилось слѣдствіемъ раны или внѣшняго поврежденія, но прибавки 6 талеровъ, даваемой за потерю глаза или двухъ, не касается это ограниченіе. Слѣдовательно, по этому опредѣленію простой солдатъ, сдѣлавшійся инвалидомъ, вслѣдствіе *раны*, полученной *на полѣ битвы* будетъ получать, по меньшей мѣрѣ, 18 талеровъ въ мѣсяцъ, чего бóльшая часть сельскаго населенія не можетъ заработать въ мирное время, даже при полномъ развитіи рабочихъ силъ. Вдовы и сироты точно также обезпечиваются вполнѣ. Вдовы фельдфебелей получаютъ ежемѣсячно 9, вдовы сержантовъ и унтеръ-офицеровъ 7, простыхъ солдатъ 5 талеровъ и на каждаго ребенка, до достиженія имъ пятнадцати-лѣтняго возраста, отпускается ежемѣсячное пособіе въ $3^1/_2$ талера, круглымъ же сиротамъ 5 талеровъ въ мѣсяцъ.

Всѣ эти положенія весьма разумны и даже справедливы, и если, съ одной стороны, они снимаютъ съ солдатъ, идущихъ на войну, тяжелую заботу о томъ, чтó будетъ съ ними и съ ихъ семействомъ въ случаѣ, если ихъ искалѣчатъ на войнѣ, то, съ другой стороны, они зарождаютъ желаніе, чтобы войны не слишкомъ часто возобновлялись, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, всей странѣ придется работать только затѣмъ, чтобы содержать инвалидовъ и ихъ семьи.

Со времени вступленія войскъ императоръ мало живетъ въ Берлинѣ, а проводитъ бóльшую часть времени въ своемъ любимомъ зáмкѣ Бабельсбергѣ, въ Потсдамѣ, откуда пріѣзжаетъ въ Берлинъ лишь тогда, когда того требуютъ текущія дѣла. Бисмаркъ находится еще въ Берлинѣ и уѣдетъ отсюда не раньше, какъ въ началѣ будущаго мѣсяца, когда императоръ отправится въ Эмсъ (гдѣ, въ прошедшемъ году, курсъ его леченія былъ такъ внезапно прерванъ), въ Варцинъ, чтобы тамъ отдохнуть отъ трудовъ. Послѣдніе дни онъ употреблялъ свой досугъ на то, чтобы сбить спѣси у клерикальной партіи, которая очень раз-

держала его въ теченіи всей сессіи рейхстага. Ваши читатели, быть можетъ, припомнятъ содержаніе моего письма отъ 12-го (24-го) апрѣля (см. „Вѣстникъ Европы“, май 1871 года, стр. 448 и слѣд.), въ которомъ я описывалъ происки клерикаловъ въ началѣ сессіи рейхстага. Государственный канцлеръ, повидимому, дѣйствительно былъ увѣренъ, что клерикалы пойдутъ рука объ руку съ консерваторами. Школа Шталя и Герлаха, изъ которой вышелъ самъ Бисмаркъ и преданія которой онъ вполнѣ отринулъ лишь по отношенію къ внѣшней политикѣ, признавала догматомъ, что церковные и политическіе консерваторы неразрывно связаны другъ съ другомъ, не взирая на различіе вѣроисповѣданія. Другими словами: реакціонеръ протестантской церкви симпатизируетъ реакціонеру католической въ стремленіи подавить всякое „просвѣщенное“ движеніе, онъ симпатизируетъ ненависти „благочестиваго“ іудея, который не хочетъ уступить незначительной частички своего церемоніала, къ „іудеямъ-реформаторамъ“ (любимое выраженіе, красующееся на столбцахъ „Крестовой Газеты“). Единственная, но весьма грубая ошибка этой политики заключалась въ томъ, что католическая церковь вовсе не желаетъ слѣдовать той программѣ, какой слѣдуетъ евангелическая, которая, съ самаго основанія своего, всегда стояла въ тѣсной связи съ государствомъ, между тѣмъ, какъ католическая всегда стремилась стать выше государства и вообще заявляетъ претензію на господство, какъ на право, завѣщанное ей Петромъ. Поэтому, католическая церковь относится вполнѣ индиферентно ко всякому политическому устройству: будетъ ли государство монархическимъ, конституціоннымъ, легитимистскимъ или республиканскимъ — это ей рѣшительно все равно, лишь бы господство принадлежало ей. Поэтому іезуиты, въ которыхъ всего рѣзче выражаются стремленія католической церкви и которые теперь добились исключительнаго господства въ Римѣ, могли уживаться съ самыми рѣзкими политическими крайностями (стоитъ только припомнить мастерскую характеристику іезуитскаго ордена, которую даетъ Маколей въ своей исторіи Англіи) и съ баснословной быстротой мѣняли свои симпатіи и антипатіи. Канцлеръ же, который, вообще говоря, весьма неразборчивъ въ средствахъ, жаловался папѣ, то-есть кардиналу Антонелли, на поведеніе католической партіи, черезъ посланника въ Римѣ и папа выразилъ ей свое неудовольствіе. Онъ едвали бы могъ иначе поступить, потому что всегда относился съ большой внимательностью къ королю и императору Вильгельму, но это отнюдь не измѣнитъ политическаго состоянія, такъ какъ оппозиція клерикальной партіи въ рейхстагѣ основывается не на недоброжелательствѣ или капризѣ, но на весьма справедливомъ убѣжденіи, что интересы, представляемые этой партіей, ничего не выиграютъ отъ укрѣпленія и развитія новой германской имперіи. Эта имперія обладаетъ, въ невидимой формѣ, гро-

маднымъ и драгоцѣннымъ запасомъ истинной, прочной свободы: политической, религіозной, свободы совѣсти и старается о томъ, чтобы прогрессъ двигался не настолько быстро, чтобы вызывать необходимость реакціи. Это самыя невыгодныя условія для честолюбивой партіи, желающей ловить рыбу въ мутной водѣ. Князю Бисмарку, волей-неволей, придется искать союзниковъ тамъ, гдѣ онъ можетъ ихъ найти къ великой своей досадѣ, а именно: въ рядахъ либеральной партіи.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Новый трудъ о XVII-мъ вѣкѣ.

Царствованіе Өедора Алексѣевича. Сочиненіе *Е. Замысловскаго*. Часть I. *Введеніе*. Обзоръ источниковъ. Спб. 1871.

Рѣдко приходится встрѣчать столько добросовѣстнаго труда, столько архивной учености и такого полнаго отсутствія не только какой-нибудь руководящей идеи, но даже сноснаго изложенія, какъ въ настоящемъ сочиненіи г. Замысловскаго. Перечиталъ авторъ много и рукописей и книгъ, запасся массою фактовъ, весь ушелъ, такъ сказать, въ древніе акты и сдѣлалъ величайшее усиліе надъ собою, чтобъ освѣтить себѣ дорогу въ томъ небольшомъ пространствѣ, которое занимаетъ кратковременное царствованіе Өедора Алексѣевича. Ему показалось, что онъ нашелъ эту дорогу, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ ключъ не только къ исторіи XVII и XVIII столѣтій, но чуть ли не къ исторіи всего человѣчества. Ключъ этотъ — постепенность, медленное шествіе, не возмущаемое никакими катаклизмами, никакою геніальною силою, никакимъ переворотомъ, точно исторія — мирный кабинетъ мирнаго труженика-ученаго, лишеннаго всякой способности смотрѣть нѣсколько далѣе современныхъ канцелярскихъ актовъ. Во имя этой постепенности, будто бы требуемой процессомъ народной жизни, всякое необыкновенное явленіе осуждается, какъ противное интересамъ развитія, а явленіе ординарное возвышается на счетъ необыкновеннаго. Пріемъ тѣмъ болѣе легкій, что онъ по плечу самымъ бездарнымъ смертнымъ, и тѣмъ болѣе безопасный, что онъ ни мало не вредитъ яркимъ явленіямъ, какъ не вредитъ свѣчка солнечному блеску. Раздувайте ее сколько хотите, она все-таки будетъ свѣчкой, а солнце останется солнцемъ. Сколько можно судить по „введенію", г. Замысловскій задался именно такою благодарною задачей, что въ петровской реформѣ не было никакой надобности, потому что въ предшествовавшихъ царствованіяхъ, въ особенности въ царствованіе Өедора

Алексѣевича были всѣ необходимые элементы для постепеннаго и здороваго развитія Руси. Впрочемъ, стать на эту точку зрѣнія прямо и открыто, г. Замысловскій не чувствуетъ въ себѣ достаточной смѣлости, а потому шатается изъ стороны въ сторону, не зная къ кому пристать, не то къ митрополиту Платону, не то къ К. Аксакову, не то къ г. Градовскому, не то къ славянофиламъ, не то къ западникамъ; г. Замысловскій бросается по всѣмъ историкамъ и публицистамъ, писавшимъ о XVII-мъ вѣкѣ, однихъ похвалитъ, другимъ сдѣлаетъ выговоръ, третьимъ произнесетъ внушеніе, и все это какъ-то отрывисто, не мотивируя ни похвалы своей, ни огорченія. Все это у него выходитъ какъ-то „такъ", которымъ въ обыденной жизни часто отвѣчаютъ на вопросъ „почему". Почему это вы сдѣлали? Такъ. Почему вы такъ думаете? Такъ. Мы нисколько не шутимъ, ибо, къ сожалѣнію, это горькая правда, доказывающая слишкомъ очевидно, что новый историкъ не только не открылъ какихъ-нибудь новыхъ путей, но не въ состояніи связать самыхъ простыхъ мыслей. Что онъ сдѣлаетъ съ самой исторіей Θедора Алексѣевича, предвидѣть весьма не трудно по этому „введенію", которое обнаруживаетъ въ авторѣ большую начитанность и отсутствіе мысли. Но можетъ быть и не нужно никакой мысли? Можетъ быть достаточно одной группировки фактовъ? Но безъ мысли, безъ руководящей идеи, довольно мудрено группировать и факты; самая эта группировка ихъ требуетъ отъ человѣка нѣкоторой ясности ума, способности къ различенію важнаго отъ неважнаго, менѣе вѣроятнаго отъ болѣе вѣроятнаго и т. д. Всѣмъ этимъ г. Замысловскій обладаетъ лишь въ самой слабой степени и, на разгонистыхъ 76 страницахъ, которыя заняты „введеніемъ", противорѣчитъ самъ себѣ постоянно, иногда на одной и той же страницѣ, ни мало того не замѣчая.

Сказавъ нѣсколько словъ о сочиненіи Герарда-Фридриха Миллера, посвященномъ Θедору Алексѣевичу, г. Замысловскій цитируетъ изъ „Краткой церковной россійской исторіи" Платона весьма сочувственный отзывъ его о Θедорѣ Алексѣевичѣ, котораго онъ противопоставляетъ Петру Великому: „отъ сего благоразумнаго государя все просвѣщеніе и поправленіе происходило не вдругъ, но по малу и съ соображеніемъ свойствъ народа, что все было бы еще творже и надежнѣе, яко онъ основывалъ то на благочестіи, и утверждалъ своимъ благочестнымъ примѣромъ". Несмотря на то, что отзывъ Платона отзывается общимъ мѣстомъ, несмотря и на очевидно плохое съ его стороны знаніе исторіи того времени, доказываемое, между прочимъ, тѣмъ, что онъ заставляетъ умирать этого государя 26-ти лѣтъ, тогда какъ онъ умеръ 20-ти, г. Замысловскій начинаетъ серьезно разсуждать на тему, что отзывъ Платона „не можетъ быть принятъ безусловно", хотя, очевидно, авторъ въ значительной степени раздѣляетъ этотъ взглядъ. Съ „За-

писской о древней и новой Россіи“ Карамзина авторъ тоже согласенъ и цитируетъ изъ нея то мѣсто, гдѣ исторіографъ говоритъ, что хотя европейское просвѣщеніе и сдѣлало насъ въ „нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ превосходнѣе“ „древнихъ россіянъ“, „однакоже должно согласиться, что мы съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія“,—мѣсто, отличающееся безспорнымъ краснорѣчіемъ, но въ значительной степени лишенное логическаго смысла, ибо гражданскія добродѣтели обыкновенно укрѣпляются человѣческими, глубже и разумнѣе сознаются, а не ослабляются. „Имя русское имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде“? спрашиваетъ Карамзинъ и вмѣстѣ съ нимъ нашъ молодой историкъ. Вопросъ болѣе чѣмъ праздный, потому что въ древней Россіи гораздо болѣе значили имена различныхъ областей и княжествъ, чѣмъ вообще „имя русское“. Далѣе г. Замысловскій говоритъ о Кавелинѣ, Чичеринѣ, Градовскомъ. Первыхъ двухъ онъ не одобряетъ, потому что они не видѣли въ XVII-мъ вѣкѣ того „поступательнаго движенія“, которое „совершалось во всѣхъ отправленіяхъ народной жизни“. Г. Чичеринъ говоритъ, что безпорядокъ въ управленіи не только не уменьшился въ XVII-мъ в., но увеличился. „Какъ же могъ въ управленіи увеличиться безпорядокъ“? спрашиваетъ г. Замысловскій, когда, по его мнѣнію, „совершалось поступательное движеніе во всѣхъ отправленіяхъ народной жизни“ и когда, между прочимъ, былъ укрощенъ бунтъ Стеньки Разина. Такимъ образомъ, г. Замысловскій „поступательное движеніе“ видитъ въ „укрощеніи бунта Стеньки Разина“; мнѣніе болѣе чѣмъ странное, ибо аналогическія явленія въ европейской исторіи достаточно ясно указываютъ, что подобные взрывы дѣлаются вовсе не отъ того, что порядокъ управленія улучшился, и едва ли, напр., найдется историкъ, который станетъ утверждать, что побѣда версальскаго правительства надъ парижской коммуной служитъ блистательнымъ доказательствомъ того, что порядокъ въ управленіи Франціей улучшился. Еще нагляднѣе показали бы г. Замысловскому возстанія въ азіатскихъ странахъ, укрощаемыя тамошними деспотами очень часто, что „укрощеніе“ далеко не значитъ—„стройное развитіе“. Силясь доказать это „стройное развитіе, которое намъ можетъ казаться медленнымъ и недостаточнымъ только съ современной точки зрѣнія“, г. Замысловскій отыскиваетъ отдѣльныя фразы у гг. Дмитріева и Градовскаго, говорящія будто бы въ пользу этого „стройнаго развитія“. Усиленіе централизаціи, переходъ суда отъ общинъ къ царскимъ чиновникамъ, „закрѣпощеніе сословій“—все это признаки „стройнаго развитія“, совершавшагося „подъ вліяніемъ извѣстныхъ руководящихъ началъ и воззрѣній на государство“, хотя эти начала были началами нехитраго азіатскаго деспотизма, всесторонняго произвола. Г. Замысловскій, очевидно, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что́ такое „стройное

развитіе"; недостаточно замѣтить „извѣстныя, руководящія начала", а необходимо, кромѣ того, опредѣлить качество этихъ началъ и пригодность ихъ для развитія народной жизни. Г. Соловьевъ тоже не удовлетворяетъ г. Замысловскаго, потому что въ XVII-мъ т. своей „Исторіи Россіи", онъ представилъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ картину Россіи наканунѣ эпохи преобразованія. „Картина эта мастерски начертана, но посмотримъ—говоритъ г. Замысловскій—вѣрна ли она дѣйствительности"? Вы ждете, что онъ докажетъ невѣрность этой картины. Ничуть не бывало. Онъ начинаетъ излагать содержаніе этой картины и замѣтивъ, что г. Соловьевъ вѣритъ Крижаничу, продолжаетъ: „А между тѣмъ нѣтъ, кажется (?), необходимости доказывать, что ученый сербъ смотрѣлъ на внутреннее состояніе Россіи съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣли вообще иностранные писатели на Россію, и на его заключенія мы можемъ также мало полагаться, какъ и на тѣ извѣстія, которыя сообщаютъ намъ иностранные писатели". Вотъ и всѣ доказательства противъ „картины" г. Соловьева, если прибавить къ нимъ замѣчанія нашего критика о томъ, что г. Соловьевъ не выяснилъ значеніе „Уложенія" Алексѣя Михайловича. Это голословное отрицаніе даетъ г. Замысловскому легкое право на признаніе „стройнаго развитія" и на слѣдующую фразу, довольно неуклюжую, даже въ грамматическомъ отношеніи, и совершенно наивную въ историческомъ: „*признавъ это развитіе*, нельзя не усумниться въ вѣрности вывода относительно экономической и нравственной несостоятельности (чего?) передъ эпохою преобразованія, несостоятельности, которая должна была вызвать совершенный переворотъ во всѣхъ отправленіяхъ народной жизни". Естественно, что подобными критическими пріемами, основанными на произвольномъ положеніи, можно доказать что̀ угодно, напр.: „признавъ, что Россія временъ Алексѣя Михайловича была изрѣзана желѣзными дорогами, нельзя не усумниться въ вѣрности общепринятаго факта, будто первая желѣзная дорога построена англичанами и притомъ въ настоящемъ столѣтіи". Въ этой фразѣ никакъ не меньше историческаго смысла, чѣмъ въ фразѣ г. Замысловскаго, а смысла грамматическаго гораздо больше. Подобнымъ образомъ г. Замысловскій критикуетъ взгляды всѣхъ нашихъ ученыхъ, писавшихъ о XVII-мъ вѣкѣ; иногда онъ выражаетъ свое критическое воззрѣніе изреченіемъ: „это недоказано", какъ будто исторія имѣетъ дѣло съ математическими величинами и какъ будто объ историческихъ задачахъ можно говорить также односложно и рѣшительно, какъ о задачѣ математической.

Наиболѣе симпатичнымъ кажется ему воззрѣніе славянофиловъ, но и тутъ онъ никакъ оріентироваться не можетъ. Сначала онъ говоритъ, что г. Бестужевъ-Рюминъ „совершенно справедливо" замѣтилъ, что „никто еще ближе славянофиловъ не подходилъ къ русской дѣй-

ствительности"; но это „совершенно справедливо" обращается затѣмъ, какъ увидимъ, въ „совершенно несправедливо". Цитируя извѣстное идеальное воззрѣніе К. Аксакова на государственную власть и землю, т.-е. земство („правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія"), г. Замысловскій характеризуетъ это воззрѣніе, какъ „отличающееся необыкновенною *стройностью* и *цѣльностью*", какъ „въ высшей степени привлекательное по своему вѣрному пониманію нравственнаго идеала, которымъ оно проникнуто", какъ созданное „не по готовымъ теоріямъ западной науки, а бывшее плодомъ непосредственнаго изученія русской дѣйствительности" (XVII-го столѣтія?). Но всѣ эти похвалы, вся эта „стройность и цѣльность", разбивается тутъ же, на тѣхъ же страницахъ и также докторально: воззрѣніе Аксакова „въ цѣлости не выдерживаетъ критики ни въ общемъ философскомъ смыслѣ (т.-е., конечно, относительно „стройности" и „цѣльности" и „вѣрнаго пониманія нравственнаго идеала"), ни въ частномъ, въ приложеніи въ русской исторіи"—говоритъ г. Замысловскій. Куда же дѣвалось „*совершенно* справедливо" г. Бестужева-Рюмина? Этого мало. „Отношенія земли къ государству въ XVI-мъ и въ началѣ XVII-го в. опредѣлены Аксаковымъ, какъ намъ кажется, *согласно съ историческою дѣйствительностью.* Правительству принадлежала „сила власти", землѣ „сила мнѣнія", — такъ продолжаетъ нашъ авторъ, но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, сославшись на „забвеніе" земскихъ соборовъ во времена Алексѣя Михайловича, онъ замѣчаетъ у Аксакова „противорѣчіе между идеей и фактами", противорѣчіе, которое можетъ служить однимъ изъ *неоспоримыхъ* доказательствъ *невѣрности теоріи, созданной славянофилами,* но не только по отношенію къ частному явленію, но и въ цѣломъ". Повторяемъ: гдѣ же это „согласіе съ историческою дѣйствительностью", „стройность и цѣльность", основанныя на „непосредственномъ изученіи русской дѣйствительности", когда вся теорія оказывается невѣрною и неприложимою къ этой русской дѣйствительности ни въ цѣломъ, ни въ частности? Еслибъ г. Замысловскій писалъ не ученое изслѣдованіе, а юмористическую статейку, то можно было бы подумать, что онъ все это написалъ на смѣхъ. Возраженіе его г. Костомарову, который сказалъ въ нашемъ журналѣ (декабрь, 1870 г.), что народная громада послужила „превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI-мъ в. московская монархія", ограничивается „невольнымъ изумленіемъ" и воспоминаніемъ словъ Аксакова о томъ, что „историкъ, пожалуй, можетъ пренебрегать низменностями и благоговѣть передъ верхами горъ. Но солнце истины кидаетъ лучи свои не по его усмотрѣнію". Мы не понимаемъ этой красивой фразы по отношенію къ г. Костомарову, который не только никогда не пренебрегалъ „низменностями", т.-е. народомъ, но, напротивъ, на этихъ низменностяхъ сосредоточивалъ всѣ свои историческіе

труды. Передъ верхами же горъ благоговѣютъ только такіе „историки", какъ г. Замысловскій, который, въ примѣчаніи къ отзыву о г. Костомаровѣ, въ укоризну ему, цитируетъ слѣдующее мѣсто: „Обозрѣвая русское судопроизводство тѣхъ временъ (XVII-го в.), невольно припоминаешь замѣчаніе одного иностранца, посѣщавшаго Россію въ XVII-мъ в., что здѣсь нѣтъ закона и все зависитъ отъ произвола властей".

Невольная улыбка напрашивается на лицо, когда читаешь эти наивныя выраженія огорченія, долженствующія, конечно, обозначать „строгонаучное направленіе", огорченія тѣмъ, что лучшіе наши историки не признаютъ въ Россіи XVII вѣка закона, а лишь произволъ властей. За что ратуютъ эти наивные юноши-старцы, потерявшіе въ архивной пыли способность выражаться современною живою рѣчью? Сурово и докторально произносятъ они свои наивные приговоры, не чуя народныхъ потребностей ни въ XVII, ни XIX-мъ вѣкѣ. Безъ мысли и разумной цѣли, отыскиваютъ они въ древнихъ актахъ законности, ссылаются на Уложеніе и игнорируютъ записки европейцевъ о Россіи. Но хотя бы вспомнили они, что только теперь, во второй половинѣ XIX в., мы едва начинаемъ пріучаться къ законности, что живы еще люди, которые жили при полномъ произволѣ, что народъ не только въ XVII, въ XVIII, но и въ XIX-мъ в. находился подъ властью не законовъ, а полнѣйшаго произвола. Простая аналогія, непосредственное обращеніе къ дѣйствительности научило бы г. Замысловскаго многому тому, чего онъ напрасно ищетъ въ актахъ. Если же онъ полагаетъ, что народныя требованія, напр. относительно суда, въ XVII-мъ в. были гораздо меньше, чѣмъ позже, то онъ жестоко ошибается: нѣтъ такого народа, который бы сталъ для ѣды предпочитать камни мясу, для питья — песокъ водѣ, какъ нѣтъ народа, который бы не предпочелъ закона произволу. Глубокимъ трагикомизмомъ дышатъ эти наивныя выходки противъ такъ-называемаго „отрицательнаго взгляда" на Московское государство, ибо это не отрицательный, а положительный взглядъ, основанный на фактахъ и на живомъ представленіи о народной жизни. Отрицательный же взглядъ именно тотъ, который воспроизводитъ исторію, какъ „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый", который отыскиваетъ букву, а не смыслъ и духъ, который въ безпредѣльной области исторіи откопаетъ какой-нибудь отрывокъ, какое-нибудь исключеніе и провозглашаетъ себя хозяиномъ всѣхъ историческихъ явленій и къ живому пониманію ихъ относится съ какою-то дѣтскою злобою. Мы не относимъ всего этого къ г. Замысловскому, но не можемъ не замѣтить той праздной ироніи, съ которою относится онъ къ Голикову и даже къ Петру: „Голиковъ—говоритъ онъ— въ исторіи своего *ироя*" и проч. Въ этомъ курсивномъ *ироѣ* много дѣтства и недомыслія со стороны нашего автора, которому не мѣшало

бы вспомнить, что Голиковъ писалъ „Дѣянія“ въ то время, когда науки русской исторіи не существовало почти; Голиковъ не проходилъ университетскаго курса и не могъ себѣ выработать критическихъ пріемовъ. Но сравните его съ г. Замысловскимъ, сравните широту пониманія историческихъ явленій у Голикова и г. Замысловскаго, и вы безъ труда отдадите преимущество первому. Тамъ вы постоянно видите передъ собою живого человѣка, который чувствуетъ и понимаетъ колоссальный образъ своего героя, г. же Замысловскій не чувствуетъ и не понимаетъ ни тѣхъ маленькихъ героевъ, передъ которыми онъ останавливается съ комическимъ почтеніемъ и растерянностью, ни тѣхъ явленій, о которыхъ онъ берется судить, ни тѣхъ ученыхъ, которымъ онъ раздаетъ аттестаты, могущіе быть резюмированными такою фразою, по отношенію къ каждому: „поведенія очень хорошаго, но и очень дурного“. Это еще важное преимущество ихъ передъ г. Замысловскимъ, о которомъ можно только сказать: „никакого поведенія, но стремленія ко всякому“. Всего комичнѣе является г. Замысловскій въ сужденіяхъ своихъ „о довольно значительной степени развитія“ училищъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Отыскалъ авторъ данныя, нашелъ статистическія таблицы, открылъ отчеты объ этихъ училищахъ? Ни мало. Онъ ровно ничего не отыскалъ по вопросу о народномъ образованіи въ XVII-мъ вѣкѣ, сколько ни рылся въ архивахъ. Какъ же заключилъ онъ о „довольно значительной степени“ народнаго образованія въ XVII-мъ вѣкѣ, когда даже грамотныхъ поповъ трудно было отыскать и когда первые государственные сановники не знали азбуки? Но мало ли что дается этимъ людямъ съ „строго-научнымъ направленіемъ“, къ которымъ принадлежитъ и г. Геннадій Карповъ — по крайней мѣрѣ г. Замысловскій такъ о немъ выражается, причисляя его изслѣдованіе, сдѣлавшееся предметомъ скандала по своей безграмотности, невѣжеству и верхоглядству, къ числу „замѣчательныхъ трудовъ“ по русской исторіи. Какъ человѣкъ тоже „строго-научнаго направленія“, г. Замысловскій прочиталъ статью г. Мордовцева объ азбуковникахъ, и пришелъ къ упомянутому выводу о народномъ образованіи. „Обученіе въ школахъ, говоритъ онъ, не ограничивалось, повидимому, только часословомъ и псалтирью. Имѣя, по преимуществу, характеръ церковный, оно было однакоже не чуждо знаній свѣтскихъ. Такъ ученики должны были знать составъ и строй своего языка; *имъ давали понятія о семи мудростяхъ*“. Восьмая мудрость, о которой даютъ понятіе только въ нынѣшнихъ школахъ, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, чтобъ заключать о „довольно значительной степени“ народнаго образованія по нѣсколькимъ школамъ и азбуковникамъ, т.-е. тетрадкамъ, въ которыхъ грамотные русскіе люди вносили, безъ системы и разбору, все что́ имъ удавалось прочесть въ немногихъ книгахъ и сборникахъ,

существовавшихъ тогда въ видѣ рѣдкости. Впрочемъ, эта восьмая мудрость, которою такъ силенъ г. Замысловскій, въ томъ отношеніи безобидна, что она же диктуетъ своему обладателю, вслѣдъ за фразою о „довольно значительной степени" народнаго образованія, другую о томъ, что „нельзя составить себѣ хоть сколько-нибудь полнаго представленія о народномъ образованіи въ XVII-мъ вѣкѣ". Нескоро еще кончили бы мы съ „Введеніемъ" г. Замысловскаго, еслибъ захотѣли прослѣдить всѣ его противорѣчія и наивности. Заключимъ ихъ послѣднею, какъ вѣнцомъ зданія: „Періодъ времени, которое обнимаетъ наше сочиненіе, такъ ограниченъ, что мы не имѣемъ возможности провести *новое воззрѣніе* на русскую исторію вообще". Послѣ всего нами сказаннаго, эта претензія на „новое воззрѣніе" особенно трогательна.

Но въ книгѣ г. Замысловскаго есть другая сторона, которая заставила насъ, въ началѣ, сказать о его учености, трудолюбіи и добросовѣстности. Это „Обзоръ источниковъ". Въ сущности, обзоръ этотъ черновая, подготовительная работа, которою обязанъ заняться всякій изслѣдователь и часть которой обыкновенно входитъ въ составъ примѣчаній къ тексту труда, а другая часть остается въ портфелѣ, какъ никому, кромѣ изслѣдователя, не нужная. Г. Замысловскій напечаталъ эти примѣчанія отдѣльно, и они-то, во всякомъ случаѣ, показываютъ въ г. Замысловскомъ трудолюбиваго и добросовѣстнаго ученаго, способнаго прочесть массу документовъ, свѣрить печатные съ рукописными буква въ букву, отмѣтить невѣрности и искаженія, просмотрѣть даже губернскія вѣдомости и отрыть погребенное въ нихъ. Все это требовало огромнаго терпѣнія и усидчивости и принесетъ, конечно, пользу изслѣдователямъ XVII-го вѣка. Г. Замысловскій былъ бы очень полезенъ въ археографической коммисіи, изданія которой не совсѣмъ исправны, какъ доказываетъ онъ это весьма наглядно. Всѣми качествами, необходимыми для хорошаго изданія древнихъ актовъ, г. Замысловскій обладаетъ вполнѣ, и на этомъ поприщѣ могъ бы стяжать себѣ почтенное имя и ученую извѣстность; но мы сильно сомнѣваемся въ успѣхѣ его, какъ историка, какъ изслѣдователя нашей прошлой жизни. Слабость его въ этомъ отношеніи обнаруживается и въ „Обзорѣ источниковъ", какъ скоро онъ начинаетъ бросать свои взгляды. Такъ, крайне несостоятеленъ его взглядъ на иностранныхъ путешественниковъ по Россіи; по нашему мнѣнію, это драгоцѣнный матеріалъ для прошлой исторіи, во многихъ отношеніяхъ превосходящій матеріалъ архивный. И напрасно г. Замысловскій говоритъ о „превратномъ" пониманіи ими народной жизни: иностранцы передали намъ именно ту сторону нашего древняго быта и нравовъ, о которой умалчивали русскіе. То, что́ незамѣтно, что́ считается обыденнымъ и незначащимъ для аборигена, то поражало пришельца и отпечатлѣ-

валось въ его памяти; „внѣшняя обстановка“ вовсе не такъ незначуща, какъ можетъ думать человѣкъ „строго-научнаго направленія“, ибо внѣшность не всегда бываетъ обманчива. Если же подходить къ иностранному писателю съ этою предвзятою мыслію о „превратномъ“ взглядѣ его, то придется тотъ же взглядъ заподозрить и у современныхъ европейцевъ, посѣщающихъ и описывающихъ, въ наши дни, африканскія и азіатскія страны. Не эта ли причина, не эта ли предвзятая мысль руководила г. Замысловскимъ и по отношенію къ Котошихину, котораго онъ совсѣмъ пропустилъ и въ „Введеніи“ и въ „Обзорѣ“. Правда, сочиненіе Котошихина не относится непосредственно къ времени Θедора Алексѣевича, но такъ какъ г. Замысловскій обозрѣваетъ „взгляды“ вообще на XVII-й вѣкъ, останавливается на взглядахъ Татищева и Миллера, то на взглядѣ Котошихина и подавно слѣдовало бы остановиться, какъ на воззрѣніи современника, видѣвшаго другіе порядки, попробовавшаго другой жизни, стало быть имѣвшаго критеріумъ для сужденія.

Есть еще третья часть въ книгѣ г. Замысловскаго, это — приложенія, изъ которыхъ назовемъ предисловіе къ исторической книгѣ, составленной по повелѣнію Θедора Алексѣевича, и на предложеніе бояръ о раздѣленіи Россіи на намѣстничества. Этотъ послѣдній документъ очень любопытенъ. Бояре совѣтовали Θедору Алексѣевичу учредить намѣстничества въ Новгородѣ, Казани, Астрахани, Сибири и „индѣ“, съ тѣмъ, чтобъ быть тамъ намѣстниками „великороднымъ болярокъ, вѣчно и титлы имъ тѣхъ царствъ, кто гдѣ будетъ, имѣти и писатися во всякихъ писмахъ бояринъ и намѣстникъ князь, имярекъ, всего царства Казанскаго или всего царства Сибирскаго и прочее, такожде и митрополитомъ, митрополитъ новгородскій и всего Поморія, митрополитъ казанскій и всего казанскаго царства“. Царь согласился на это и распредѣливъ намѣстничества, послалъ къ патріарху эту бумагу, прося у него благословенія и помощи. Но патріархъ Іоакимъ „возбрани всеконечно сіе творити“, въ томъ предположеніи, чтобъ великородные намѣстники, „обогатясь и возгордѣвъ, московскихъ царей самодержавствомъ не отступили и единовластія, многими лѣты въ россійскомъ государствѣ содержаннаго, не разорили и себѣ во особность не разделили“. Насколько правды въ этомъ извѣстіи, трудно рѣшить: взятое г. Замысловскимъ изъ рукописной книги „Икона или изображеніе дѣлъ патріаршаго престола“, оно, быть можетъ, сложено для восхваленія патріарха и заслугъ его отечеству, но самое „сложеніе“ такого извѣстія доказываетъ, что въ тогдашнемъ обществѣ существовали подобныя стремленія.

Франциск Сарсэ. Осада Парижа 1870—1871. Впечатлѣнія и воспоминанія. (Переводъ съ пятаго французскаго изданія). Спб. 1871.

Читая эту книгу, невольно вспоминаешь прожитое и нашимъ обществомъ время осады Парижа нѣмцами. Извѣстно, что у насъ образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна довольно равнодушно смотрѣла на это событіе, выжидая только его результатовъ, которые казались ей несомнѣнными, другая, напротивъ, негодовала на нѣмцевъ, говорила объ ихъ варварствѣ и съ сердечнымъ трепетомъ слѣдила за всѣми фазами борьбы, разсчитывая, во всякомъ случаѣ, что осада Парижа, чѣмъ бы она ни кончилась, все-таки останется вѣчнымъ позоромъ на побѣдителяхъ. Тогда никто еще не предвидѣлъ, что мы дождемся другой, болѣе ожесточенной борьбы между самими французами. Конечно, и послѣдніе не ожидали этихъ событій, но предчувствіе ихъ было у тѣхъ парижанъ, которые старались вникнуть въ событія и отнестись къ нимъ объективно, разумѣется настолько, насколько способенъ это сдѣлать человѣкъ, которому родина дороже всего и который не могъ безъ ненависти относиться къ врагамъ ея. Къ числу подобныхъ писателей принадлежитъ Сарсэ; онъ удовлетворяетъ условіямъ объективности болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, потому что и въ прежней своей журнальной дѣятельности заявлялъ себя довольно индиферентнымъ отношеніемъ къ политикѣ и здравымъ анализомъ мелкихъ явленій жизни. Преимущественно мелочи являются и здѣсь, въ этой книгѣ, но они, въ своей совокупности, составляютъ, однакоже, живую и въ высшей степени интересную картину парижской жизни. Особенно этими качествами отличается первая половина книги, гдѣ онъ смотритъ на событія спокойнѣе и даже относится съ нѣкоторой ироніей къ тѣмъ переходамъ отъ увѣренности въ побѣдѣ къ разочарованію, отъ хвастливости къ страху, которыя пережило парижское населеніе. Тутъ онъ не скрываетъ печальныхъ сторонъ народа, пріученнаго второю имперіей во всемъ полагаться на власть, предпочитать внѣшній блескъ внутреннему развитію и вѣрить въ непобѣдимость французскаго солдата. „На бульварахъ и улицахъ—говоритъ Сарсэ—только и раздавались восклицанія: „Наша непобѣдимая армія!“ „Наши храбрые солдаты!“ „Наши африканскіе генералы!“ Не было ни одного мирнаго буржуа, которому не чудился бы запахъ пороха, и многіе заблаговременно запасались уже плошками и флагами“. Но тѣмъ печальнѣе было разочарованіе, хотя и тутъ „вся пресса точно сговорилась лгать и льстить національному тщеславію. Такъ какъ нельзя было болѣе скрывать успѣховъ нѣмцевъ, то прибѣгали къ имѣвшимся уже на-готовѣ извиненіямъ, дабы тѣмъ пощадить, въ своихъ собственныхъ глазахъ, наше уязвленное самолюбіе. О нашихъ пораженіяхъ говорили, что они славнѣе побѣдъ, и о сраженіи при Вертѣ отзывались, какъ о торжествующей неудачѣ. Отступленія нашихъ

войскъ превозносили со славою и восторгались геройствомъ солдатъ, совершавшихъ эти отступленія". Со стороны французской прессы эта ложь и лесть національному самолюбію еще можетъ быть извинительна: неудачи были слишкомъ неожиданны, слишкомъ безпримѣрны, чтобъ французъ рѣшился тотчасъ же анализировать ихъ и искать ихъ причинъ. Но чѣмъ извинить совершенно подобное же „поведеніе" нашей печати, которая, казалось бы, могла со стороны разумнѣе смотрѣть на дѣло и которая видѣла у себя на родинѣ совершенно аналогическое явленіе? Той же увѣренностью въ непобѣдимости французовъ, въ превосходствѣ ихъ военной организаціи или просто симпатіями къ Франціи? Было и то, и другое, и третье. Насколько одного было больше, другого меньше — разбирать тѣмъ безплоднѣе, что событія достаточно раскрыли весь тотъ комизмъ, въ которомъ очутилась наша печать, за одно съ французами превозносившая Макъ-Магона, Базена, Паликао и проч., а потомъ, опять же за одно съ ними, начавшая издѣваться надъ этими людьми. Тамъ, во Франціи, все это было понятно: горечь пораженія надо было чѣмъ-нибудь уврачевать, и ее врачевали самымъ ближайшимъ средствомъ — порицаніемъ тѣхъ генераловъ, у которыхъ прежде признавали чуть не геніальныя способности. Но у насъ это было непонятное толченіе воды, вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь самостоятельнаго взгляда на вещи. И что всего замѣчательнѣе, проводниками этого французскаго воззрѣнія на событія были у насъ нѣкоторые военные, должно быть изъ тѣхъ, для которыхъ теперь издаются переводы разныхъ военныхъ сочиненій. Послѣ Седана, съ провозглашеніемъ республики, и парижане снова окрылились надеждами, а съ ними и наша французофильская печать; пошли толки о 93-мъ годѣ и у насъ, какъ и въ Парижѣ, подробно вычисляли, сколько времени понадобится французской республикѣ для организаціи арміи, пораженія пруссаковъ и для перехода въ наступленіе. Легкій успѣхъ французскихъ отрядовъ принимался за блистательныя битвы и вызывалъ многорѣчивыя передовыя статьи. Мы пришли къ этимъ воспоминаніямъ потому, что почти каждая страница книги Сарсэ напоминаетъ о нихъ. Обратимся, однако, къ самой книгѣ.

Когда началась осада, Сарсэ поступилъ въ національную гвардію. Впослѣдствіи, по его словамъ, она вела себя хорошо и дралась съ замѣчательною храбростью, но вначалѣ это былъ сбродъ, позволявшій себѣ всевозможныя вольности, ничего не дѣлавшій и пившій съ утра до вечера. Многія роты позволили себѣ поколотить своего генерала, который, въ обращенной къ нимъ краткой рѣчи, употребилъ вмѣсто принятаго возгласа: „Да здравствуетъ республика!" — болѣе, широкій возгласъ: „Да здравствуетъ Франція". Правительство взглянуло сквозь пальцы на эту продѣлку и смѣнило генерала. Такихъ характерныхъ подробностей Сарсэ приводитъ довольно много. Любопытны нѣкоторыя

черты нравственнаго состоянія Парижа, когда онъ очутился въ осадѣ, когда въ него не доходило ни журналовъ, ни писемъ, ни денегъ, и когда Бисмаркъ становился день ото дня притязательнѣе и высокомѣрнѣе. „Мы на столько ладовъ говорили и повторяли—говоритъ Сарсэ—что Парижъ есть пружина человѣческой мысли и что если эта пружина перестанетъ дѣйствовать, то умственная работа всей вселенной прекратится и цивилизація погрузится въ долгое оцѣпенѣніе. Намъ пришлось сознаться, что если мы и дѣйствительно занимаемъ важное мѣсто во вселенной, то, однако, не составляемъ для нея всего. Мы увидѣли, что, несмотря на полное уединеніе Парижа, земля продолжаетъ свое обычное движеніе вокругъ солнца, человѣчество не перестаетъ мыслить и дѣйствовать и тѣмъ же шагомъ, какъ и прежде, идетъ къ вѣчному прогрессу. Какое грустное открытіе! Европа и Америка могутъ, въ случаѣ крайности, обойтись и безъ насъ, но намъ положительно недостаетъ ихъ". Затѣмъ идутъ разсказы о голубиной почтѣ, о воздушныхъ шарахъ, о дороговизнѣ, голодѣ, о Трошю и его правленіи и проч. и проч. Дороговизна съѣстныхъ припасовъ возрастала быстро, и если сначала буржуазія изъ дилеттантства ѣла крысъ, то потомъ пришлось ихъ ѣсть по необходимости. Фунтъ прованскаго масла дошелъ до 7 франковъ, за шеффель картофеля платили 25 фр., кочанъ капусты стоилъ 6 фр. Сало всѣхъ родовъ, попорченное, поступало въ продажу, и находились покупатели, дававшіе за него безумныя деньги. „Мнѣ самому пришлось видѣть, говоритъ Сарсэ, какъ, не задолго до новаго года, цѣлая толпа ротозѣевъ стояла передъ индѣйкой, точно такъ, какъ въ былое время передъ магазинами галантерейныхъ вещей въ улицѣ Мира". Все печальнѣе и печальнѣе становилось положеніе парижанъ, смертность усилилась, особенно между дѣтьми, морозы уносили сотни жертвъ. Но Парижъ не роптал и нашъ авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ обращается къ женщинамъ: „Мужчинъ я еще не такъ жалѣю: они всѣ, по большей части, получали по 30 су въ день и пропивали ихъ. Но женщины, бѣдныя женщины! въ эти ужасные декабрьскіе холода онѣ по цѣлымъ днямъ ходили то въ булочную, то въ мясную лавку, то къ бакалейщику, то къ дровяникамъ, или въ мерію. И ни одна изъ нихъ не роптала; ни у одной изъ нихъ, несмотря на ожесточеніе сердца, не вырвалось ни одного проклятія Франціи: онѣ болѣе всѣхъ настаивали на томъ, чтобы держаться до послѣдняго куска хлѣба. Но одинъ Богъ знаетъ, чего имъ стоилъ этотъ кусокъ хлѣба". Книга читается съ интересомъ до конца, хотя, повидимому, встрѣчаешь только факты, уже болѣе или менѣе извѣстные изъ газетъ.

Повѣсти, романы и драматическія сочиненія *Н. А. Лейкина*. 2 тома. Спб. 1871.

Сочиненія г. Лейкина посвящены почти исключительно изображенію апраксинцевъ и мелкаго петербургскаго купечества. Не обладая талантомъ художника, способнаго въ одномъ типѣ представить цѣлую среду и даже заклеймить ее имъ, г. Лейкинъ расплывается во множествѣ разсказовъ, не лишенныхъ наблюдательности и нѣкоторой пользы для той среды, которую они обличаютъ. Значеніе ихъ преимущественно обличительное, но не этнографическое, какъ думаютъ нѣкоторые критики; этнографія, какъ всякая наука, ищетъ точности и вѣрнаго изображенія народа, а насколько этими качествами проникнуты произведенія г. Лейкина, и насколько въ нихъ фантазіи и каррикатуры, судить мудрено. Стенографическіе отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и мелочное описаніе быта этнографомъ, заботящимся только о точной и вѣрной передачѣ своихъ наблюденій, имѣютъ несравненно бóльшее значеніе для этнографіи, чѣмъ всевозможныя беллетристическія произведенія, если они не проникнуты художественнымъ *талантомъ*. Не разъ указывали на этнографическое значеніе „Подлиповцевъ" покойнаго Рѣшетникова и совершенно вѣрно, но почему вѣрно? Потому, что Рѣшетниковъ изображалъ своего Сысойку какъ художникъ, потому что въ немъ соединилъ онъ типическія черты цѣлаго слоя населенія восточной Россіи. Рѣшетниковъ не обличалъ этого Сысойку, не говорилъ ему наставленій о его невѣжествѣ, о вредѣ истребляемой имъ сивухи, не разсуждалъ о томъ, что если этого Сысойку гнететъ исторія, то и онъ будто бы гнететъ исторію въ свою очередь, и о томъ, что простирать къ этому Сысойкѣ объятія опасно, потому-что онъ произведетъ укушеніе. Такъ могутъ разсуждать только не особенно глубóкіе сатирики и слишкомъ изящные джентльмены, высоко думающіе о томъ, что они менѣе гнетутъ исторію, чѣмъ Сысойки и апраксинцы. Все самое благородное, самое безкорыстное, самое преданное, чтó есть въ современной исторіи — это стремленіе *сбросить* съ Сысоекъ гнетъ накопленныхъ исторіей несправедливостей. Это не „сантиментальничанье народолюбцевъ", а высокая задача прогресса, и художникъ истинный понимаетъ это даже инстинктомъ, а потому художественное представленіе дѣйствительности, даже въ этнографическомъ отношеніи, цѣннѣе, чѣмъ обличительно-беллетристическое, гдѣ правда смѣшана съ вымысломъ и гдѣ для яркости колорита авторъ принужденъ прибѣгать къ каррикатурѣ.

Мы не сказали бы ни слова о такихъ общеизвѣстныхъ истинахъ, еслибъ не встрѣтили въ „Отечественныхъ Запискахъ" странныя мнѣнія неизвѣстнаго критика объ этнографическомъ значеніи произведеній г. Лейкина. Неизвѣстный критикъ нашелъ въ нихъ даже „истину" и преподалъ о томъ, что „какъ наука, такъ и искусство, преслѣдуютъ одну цѣль: истину, а слѣдовательно оцѣниваютъ жизненныя явленія

по внутренней ихъ стоимости". Критикъ составилъ дурной силлогизмъ, а потому выходитъ у него не совсѣмъ то, что слѣдуетъ. Слѣдовало сказать, что наука и искусство по стольку наука и искусство, по скольку они вѣрно и глубоко оцѣниваютъ явленія по внутренней ихъ стоимости. Въ этомъ все и дѣло, въ этой „внутренней стоимости" явленій, иначе фотографія стояла бы неизмѣримо выше живописи и стенографія выше художественнаго творчества. А чтобъ вѣрно и глубоко оцѣнить явленія по внутреннему ихъ смыслу, необходимы ученому многосторонній анализъ и способность къ мѣткимъ выводамъ, а служителю искусства—художественное творчество и умственное развитіе, стоящее на высотѣ современныхъ требованій, особенно, если оно берется за представленіе чрезвычайно сложныхъ историческихъ явленій. Неизвѣстный критикъ „Отечественныхъ Записокъ" распространился о задачахъ искусства и науки не столько, впрочемъ, по поводу г. Лейкина, сколько по поводу помѣщенной въ нашемъ журналѣ статьи „Историческая Сатира", посвященной „Исторіи одного города" г. Салтыкова. Искажая теорію юмора, изложенную авторомъ упомянутой статьи, критикъ „Отеч. Записокъ" преподаетъ молодымъ беллетристамъ свою теорію юмора, главный принципъ которой заключается въ томъ, чтобъ не бросаться въ объятія къ народу, иначе онъ укуситъ. Можетъ быть, это очень остроумно, но остроуміе не предполагаетъ еще ни чувства правды, ни такта, ни разумѣнія задачъ искусства; мы не говоримъ уже о томъ, что эта боязнь „укушеній" можетъ подать поводъ къ предположенію въ критикѣ незнакомства съ народомъ и привычку судить о немъ по наблюденіямъ, произведеннымъ съ благородной дистанціи, во избѣжаніе укушеній. Не говоримъ и о другомъ предположеніи, которое могло бы придти въ голову какому-нибудь легкомысленному читателю и которое можно бы выразить такъ: если г. Салтыковъ руководился подобнымъ правиломъ въ своей „Исторіи одного города", то понятно, почему у него градоначальники вышли лучше глуповцевъ: градоначальники были все же настолько „просвѣщеннѣе", что не кусались, между тѣмъ какъ народъ кусался, стало быть на сторонѣ первыхъ было преимущество въ глазахъ сатирика, боящагося укушеній. Но мы увѣрены, что г. Салтыковъ не приметъ на вѣру воззрѣній критика „Отечественныхъ Записокъ", ибо г. Салтыковъ знаетъ прежде всего, что время на время не приходитъ и что нельзя служить разомъ двумъ господамъ, и градоначальникамъ, и „народу, воплотителю идеи демократизма". „Мы помнимъ,— говоритъ критикъ „Отечеств. Записокъ" съ какимъ-то непонятнымъ озлобленіемъ,—картины изъ временъ крѣпостного права, написанныя à la Dickens. Какъ тамъ казалось тепло, свѣтло, уютно, гостепріимно и благодушно! а какая на самомъ дѣлѣ была у этого благодушія ужасная подкладка!" Г. Салтыковъ не сказалъ бы и этой тирады, потому-

что г. Салтыковъ самъ въ прежнее время рисовалъ народъ à la Dickens, вслѣдъ за Тургеневымъ, который, конечно, и разумѣется въ приведенныхъ словахъ неизвѣстнаго критика. Кромѣ того, г. Салтыкову извѣстно, что, еслибъ г. Тургеневъ и другіе, убоявшись „укушенія“ народа, стали хлестать его бичемъ сатиры и изображать въ видѣ болѣе безобразномъ, чѣмъ помѣщиковъ, то въ обществѣ не могло бы воспитаться сочувствіе къ народу. Г. Салтыкову извѣстно также, что не только у насъ, но и въ такой странѣ, какъ Америка, литература дѣйствовала точно также для того, чтобъ возбудить сочувствіе къ угнетеннымъ: она идеализировала ихъ, она представляла на первомъ планѣ ихъ достоинства и объясняла недостатки историческими условіями. Вспомните „Хижину Дяди Тома“, въ которой конечно было не мало идеализаціи, но, тѣмъ не менѣе, картина эта вѣрна и правдива, потому что авторомъ руководила высокая идея служенія вѣчной правдѣ. Поэтому различіе, которое дѣлаетъ критикъ „Отеч. Записокъ“ между „народомъ историческимъ“ и народомъ, какъ *воплотителемъ* демократизма, по меньшей мѣрѣ, неудачно относительно народа, изображеннаго въ „Исторіи одного города“. „Историческій народъ всегда и вездѣ оцѣнивается и пріобрѣтаетъ сочувствіе по мѣрѣ дѣлъ своихъ.“ Положимъ, это вѣрно; но чтобы судить о дѣлахъ народа, надо знать его и обладать даромъ отдѣлять привитое исторіей и градоначальниками отъ свойствъ коренныхъ; отсюда самъ собою вытекаетъ такой вопросъ: насколько сатирикъ вѣрно оцѣнилъ дѣла народныя, если онъ градоначальниковъ представилъ лучше „смердовъ“ и если онъ знаетъ, что произведеніе его читаетъ не народъ, а градоначальники и кандидаты въ градоначальники, и если онъ придаетъ какую-нибудь цѣну нравственному вліянію своей сатиры на современниковъ? Вотъ о чемъ шелъ вопросъ въ статьѣ „Историческая сатира“. Худо-ли, хорошо-ли разрѣшилъ его авторъ, но онъ говорилъ въ интересѣ г. Салтыкова, какъ сатирика, и въ интересѣ тѣхъ молодыхъ писателей, которымъ критикъ „Отеч. Записокъ“, неизвѣстно для чего, преподаетъ о боязни укушенія. Что касается разсужденій критика о „народѣ, какъ о выразителѣ демократизма“, то они тоже не совсѣмъ ясны, ибо критикъ говоритъ, что „сочувствіе“ этому народу, „исходящее отъ отдѣльнаго индивидуума, равносильно несочувствію самому себѣ“. Стало быть, если писатель сочувствуетъ самому себѣ, т.-е. своей дѣятельности, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сочувствуетъ народу, какъ выразителю демократизма—это ли хотѣлъ сказать критикъ или что другое?

Повѣсти и деревенскіе разсказы ***Бертольда Ауэрбаха.*** **Переводъ съ нѣмецкаго Л. П. Шелгуновой. Томъ I. Спб. 1871.**

Эркманъ-Шатріанъ. **Исторія школьнаго учителя, съ приложеніемъ драмы въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Польскій Жидъ" и критической статьи Жюля-Кларети. Изданіе Гриднина и Рождественскаго. Спб. 1871.**

Деревенскіе разсказы Ауэрбаха давно пользуются въ Германіи заслуженною извѣстностью, какъ художественно-вѣрное изображеніе жизни нѣмецкаго народа; но при передачѣ ихъ на русскій языкъ, не мѣшало бы дѣлать болѣе строгій выборъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ представляютъ весьма ничтожный интересъ для русской литературы, вообще богатой разсказами изъ народной жизни. Переводъ г-жи Шелгуновой хорошъ. Что касается другой переводной книги, то она рекомендуется самими издателями съ такимъ стараніемъ, что вызываетъ невольную улыбку. Во-первыхъ, они написали къ ней предисловіе, въ которомъ чрезмѣрно хвалятъ Эркманъ-Шатріана и статью о немъ Жюля Кларети; во-вторыхъ, заявляютъ, что они „обѣщали изданіе брошюры, которая свела бы счеты со второй имперіей". Какіе могутъ быть счеты у гг. Гриднина и Рождественскаго со второй имперіей — никому не можетъ быть извѣстно, но надо полагать, что счеты эти имѣютъ всемірное значеніе, ибо издатели продолжаютъ: „Разныя обстоятельства отвлекали насъ отъ выполненія этого обѣщанія; но мы не отказались отъ этого намѣренія, и выполнимъ его при первой представившейся возможности. Задуманная нами брошюра не утратитъ своего значенія и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ Седанской катастрофы". Какая удивительная брошюра и какъ міръ будетъ осчастливленъ ею! Къ сожалѣнію, черезъ нѣсколько страницъ они признаются, что „русскій языкъ, при всей своей силѣ, не пригоденъ для этой цѣли", потому что для оцѣнки второй имперіи „нужно обладать энергичнымъ языкомъ *Друга народа* (Мара)". Итакъ, пожалуй, знаменитая брошюра не явится на свѣтъ божій, и міръ будетъ лишенъ любопытнѣйшаго зрѣлища, именно сведенія счетовъ со второю имперіей гг. Рождественскимъ и Гридпинымъ. Не ограничиваясь похвалами Жюля Кларети, издатели говорятъ: „она (статья Кларети) не только поможетъ читателямъ оцѣнить литературное значеніе гг. Эркмана-Шатріана, но и усилитъ впечатлѣніе, производимое предлагаемою нами книгою, вызвавъ въ нихъ воспоминаніе о насильственно от(т)оргнутыхъ отъ Франціи Эльзасѣ и Лотарингіи". Удивительно, хотя и непонятно, и непонятно тѣмъ болѣе, что статья Кларети написана въ 1865 г. и не только не заключаетъ въ себѣ никакихъ достоинствъ, но вполнѣ ничтожна. Это фразистый и пустой панегирикъ произведеніямъ Эркманъ-Шатріана, не дающій никакого понятія о дѣятельности этихъ романистовъ. Къ тому же статья эта переведена плохо. Повѣсти Эркманъ-Шатріана переведены лучше и первая изъ нихъ,

„Исторія школьнаго учителя", написанная въ разгаръ франко-прусской войны и ратующая за народное образованіе, должна найти себѣ большой кругъ читателей. При этомъ замѣтимъ, что тѣ похвалы, которыя расточаютъ этимъ двумъ писателямъ, пишущимъ подъ фирмою Эркманъ-Шатріана, крайне преувеличены, и только при пустотѣ французскихъ романовъ, огромное большинство которыхъ вертятся на одной интригѣ, романы этихъ писателей могли пріобрѣсти популярность. Сколько-нибудь выдающагося художественнаго таланта они не имѣютъ; типы ихъ чрезвычайно однообразны, тонъ—сантиментальный; но они всегда исполнены здравыхъ идей и бьютъ, прежде всего, на проведеніе этихъ идей въ массу. Это публицистика и исторія въ формѣ романа, это популярныя книжки для народа.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Шестое засѣданіе комитета 11-го апрѣля 1871.—1) Выслано матери одного извѣстнаго писателя, неимѣющей никакихъ собственныхъ средствъ къ жизни, 150 р.—2) Принята на счетъ Общества ежегодная уплата 60 р. за слушаніе уроковъ въ гимназіи внучкою извѣстнаго въ свое время издателя.—3) Выслано 50 р. въ пособіе вдовѣ писателя, существующей, съ двумя дѣтьми, исключительно швейною работою.—4) Назначено выдавать вдовѣ извѣстнаго писателя, впредь до улучшенія ея положенія, по 20 р. въ мѣсяцъ, на воспитаніе и содержаніе ея малолѣтныхъ дѣтей.—5) Выдано 300 р. въ единовременное пособіе семейству одного ученаго, лишившагося занятій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и средствъ къ жизни; жена его, вслѣдствіе душевныхъ потрясеній, впала въ тяжкую болѣзнь и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не могла работать. Здоровье ея еще такъ слабо, что она должна ограничить число часовъ работы. Долги, въ которые она впала, по случаю болѣзни, дѣлаютъ ея положеніе вполнѣ критическимъ.—6) Отклонено ходатайство одного просителя, за недавнею выдачей пособія.—7) Выдано 100 р. писателю, находящемуся въ безвыходномъ положеніи. Существуя, съ своимъ семействомъ, единственно литературнымъ трудомъ, онъ впалъ въ долги вслѣдствіе того, что одна редакція, принявъ его сочиненіе и заказавъ еще работу, впослѣдствіи отказалась отъ этого и продержавъ у себя рукописи нѣсколько мѣсяцевъ, вычла взятыя впередъ деньги. Всѣ вещи и платье просителя заложены и, кромѣ того, по требованію хозяина дома, онъ долженъ очистить занимаемую имъ квартиру.—8) Отклонено ходатайство дальней родственницы одного писателя, такъ какъ, на основаніи §§ 1 и 5 устава, изъ родныхъ пи-

сателя имѣютъ право на пособіе только вдовы и сироты, оставшіяся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ по смерти писателя и находящіяся въ невозможности содержать себя собственными трудами.—9) Отклонены ходатайства трехъ лицъ: одно — о выдачѣ пособія на изданіе сочиненія—такъ какъ въ 1868-мъ году было предположено выдать пособіе въ томъ только случаѣ, если все сочиненіе будетъ напечатано, но это не исполнено; другое—о помѣщеніи въ журналахъ присланныхъ писемъ — потому, что проситель можетъ войти въ непосредственное сношеніе съ редакціями журналовъ, и третье — о выдачѣ пособія, за неудовлетвореніемъ просителемъ условіямъ § 5 устава.—10) Объявлена благодарность Общества Ю. К. Арсеньеву и Н. Н. Буличу за содѣйствіе ихъ комитету.

Отчетъ казначея за мартъ 1871 года.—Къ 1-му марта состояло въ кассѣ 54,349 р. 46 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 51,600 р.; на текущемъ счету 2,000 р.; наличными деньгами 749 р. 49 к.

Въ теченіи марта записано на приходъ 16,360 р. 58 к., въ томъ числѣ: а) *дѣйствительнаго дохода:* 1) взносы 31 членовъ Общества 1,010 р.; 2) отъ его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича 200 р.; 3) процентныя деньги отъ редакціи „С-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1870 годъ 100 р.; 4) пожертвовано С. Д. Арсеньевой 5 р.; 5) продана брошюра, пожертвованная Обществу, за 40 к.; 6) чистая выручка съ литературнаго чтенія А. А. Потѣхина 26 р. 26 к.; 7) проценты съ капитала по купонамъ 1-го и 20-го марта; 8) проценты по текущему счету за 1870 г. 88 р. 59 к. б) *По оборотнымъ операціямъ:* записано на приходъ: вырученные продажею 52 акцій Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 7,081 р. 33 к.; и вновь купленныхъ консолидированныхъ облигацій второго выпуска по нарицательной цѣнѣ на 7,040 р.

Въ теченіи марта выписано въ расходъ 15,855 р. 2 к., въ томъ числѣ: а) *дѣйствительно израсходовано:* 1) пенсіи 5-ти лицамъ 292 р., 2) ссуды 2 лицамъ 800 р., 3) на воспитаніе 2 лицъ 35 р., 4) единовременныя пособія 22 лицамъ 1,263 р. 50 к.; б) *по оборотнымъ операціямъ* выписано въ расходъ: проданныя 52 акціи Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ по нарицательной цѣнѣ 6,500 р.; и заплаченныя при покупкѣ консолидированныхъ облигацій 2-го выпуска, нарицательно на 7,040 металлическихъ рублей съ коммиссіей и интересами за 25 дн., 6,967 р. 52 к. Къ 1-му апрѣля состоитъ въ кассѣ 54,852 р. 2 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 р., на текущемъ счету 2,400 р., наличными деньгами 312 р. 2 к.

Седьмое засѣданіе комитета 26-го апрѣля 1871 г.—1) Выслано 50 р. для пріобрѣтенія необходимой одному писателю одежды и на отправленіе его въ больницу. Плата за леченіе его принята на счетъ Общества.—2) Выдано 25 р. въ единовременное пособіе вдовѣ одного учителя, неимѣющей никакихъ средствъ существованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено: просить предсѣдателя принять на себя хлопоты по помѣщенію дочери этой вдовы въ одно изъ учебныхъ заведеній.—3) Выдано 300 рублей въ единовременное пособіе и на поѣздку къ минеральнымъ водамъ одному извѣстному писателю, лишенному, вслѣдствіе болѣзни, возможности работать.—4) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о выдачѣ пособія, такъ какъ лица эти, по своимъ литературнымъ трудамъ, не имѣютъ права на частую помощь Общества.

Отчетъ казначея за апрѣль 1871 года.—Къ 1-му апрѣля состояло въ кассѣ 54,852 руб. 2 коп., въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 р., на текущемъ счету 2,400 р., наличными деньгами 312 р. 2 к. Въ теченіе апрѣля записано на *приходъ* 2,279 р. 74 к., въ томъ числѣ: 1) изъ кабинета Его Императорскаго Величества 1,000 руб., 2) отъ ихъ императорскихъ высочествъ, государя великаго князя Константина Николаевича и государыни великой княгини Александры Іосифовны 100 р., 3) взносы 32 членовъ Общества 575 р., 4) пожертвовано 6 лицами 122 р. 50 к., 5) полугодовые проценты по купонамъ 19-го апрѣля 482 р. 24 к. Всего въ кассѣ и въ приходѣ 57,131 р. 76 к.—Въ теченіе апрѣля выписано въ *расходъ* 1,547 р., въ томъ числѣ: 1) пенсіи 7 лицамъ 587 р.; 2) единовременное пособіе 6 лицамъ 925 р.; 3) на воспитаніе дѣтей 35 р. Къ 1-му мая состоитъ въ кассѣ 55,584 р. 76 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 р., на текущемъ счету 3,000 р., наличными деньгами 444 р. 76 к.

ОПЕЧАТКА:

Стр. 16, строка 13—14 снизу, нап.: преслѣдовавшая, чит.: преслѣдовала.

М. Стасюлевичъ.

въ самомъ дѣлѣ, искренно увлекаться реакціею? И можетъ ли подѣйствовать на Францію та поэзія реакціи, которую они расписываютъ въ столь возвышенныхъ выраженіяхъ? Невольно думается, что и сама Франція, слушая и читая каждаго изъ нихъ, думаетъ про себя, какъ говоритъ Трошю: causes toujours, mon ancien, tu m'instruis.

Нынѣшніе правители Франціи—старики, и старики весьма древніе не только по счету годовъ своей жизни, но въ особенности по той массѣ всевозможныхъ опытовъ, чрезъ которую они въ своей жизни прошли. Казалось бы, такіе люди могли бы стоять выше минутныхъ теченій, охватывающихъ общество. Казалось бы, что Тьеръ и Фавръ, которые на своемъ вѣку столько разъ не только видали вблизи, но и испытали на себѣ, какъ за самообольщеніемъ слѣдуетъ разочарованіе, какъ агитацію смѣняетъ реакція и какъ реакція вызываетъ впослѣдствіи новую агитацію — должны были бы стоять сами выше такихъ увлеченій. Что новаго сказали эти послѣднія событія имъ, ветеранамъ политической жизни, какое ощущеніе могли они дать имъ, котораго бы эти старики уже прежде не знавали? Униженіе Франціи передъ Европою? Но съ 1815-го г. по 1848-й Франція находилась въ положеніи хроническаго униженія передъ Европою. Паденіе военнаго могущества Франціи, разореніе ея, обремененіе ея долгомъ и военною контрибуціею, деморализація ея арміи, наконецъ вступленіе иностранцевъ въ Парижъ? Но вѣдь все это уже было, все это было пережито нынѣшними старцами-правителями; Тьеръ въ то время былъ юноша, а Фавръ сталъ юношей чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того погрома, когда еще видны были всѣ раны и свѣжи были слѣды пораженія и разоренія. Ново ли имъ разочарованіе въ нравственныхъ силахъ Франціи, въ могуществѣ идей свободы и человѣчности на ея почвѣ? Нѣтъ, и это ощущеніе имъ неново. Когда, послѣ всѣхъ жертвъ полувѣка, послѣ столькихъ благородныхъ усилій, столь блестящихъ надеждъ и столь упорной, хотя и лихорадочной работы на пользу завѣтныхъ принциповъ человѣчества, Франція, въ 1851 году, пала въ постыдныя объятія Наполеона-малаго, когда ея скептическая и бурная буржуазія отдалась на содержаніе этому авантюристу, озолотившему ея рабство спекуляціею,—то паденіе Франціи, то разочарованіе въ могуществѣ священныхъ словъ, чуждыхъ массѣ, было такъ глубоко, такъ болѣзненно, что и въ нынѣшнихъ событіяхъ нельзя найти ничего ему равнаго.

Жюлю Фавру и Адольфу Тьеру не новъ и взрывъ рабочаго мятежа на улицахъ Парижа, о которомъ они съ такимъ ужасомъ говорятъ теперь, какъ будто открыли что-то новое, неслыханное. Постановка соціальныхъ вопросовъ на баррикаду и отвѣтъ на нихъ разстрѣливаньемъ — это случилось въ Парижѣ въ первый разъ не теперь, а слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Наконецъ сама реакція, реак-

ція въ полномъ своемъ развитіи и славѣ, именно реакція международная, какъ она проглядываетъ въ циркулярѣ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, тоже не новое стремленіе, а система весьма долго существовавшая, испробованная давно всею Европой. Ново только то, что мысль Меттерниха, у котораго она истекала логически изъ цѣлой системы міровоззрѣнія, проглядываетъ теперь у Фавра, безъ всякой связи съ какою-либо системою, въ видѣ какого-то жалкаго клочка, оторваннаго отъ рецепта весьма сложной микстуры, составленной по всѣмъ правиламъ искусства залечиванья. Меттернихъ былъ не чета Фавру. Разсматривая политическое искусство, какъ своего рода терапевтику, искусство „уврачеванія язвъ общества", Меттернихъ былъ отецъ школы, настоящій основатель той врачебной системы, которая у Мольера называется ars perçandi, taillandi et occidendi per totam terram.

Вмѣсто такой полной, выработанной и законченной системы международной реакціи, чтó находимъ мы въ циркулярѣ Жюля Фавра: какое-то школьническое намѣреніе убѣдить европейскія правительства, что вооруженный соціализмъ—дѣло опасное. Фавръ доноситъ европейскимъ правительствамъ на такъ-называемое „международное общество рабочихъ", увѣряя, что его истинная цѣль—не мирное взаимное вспомоществованіе, а „систематическое разрушеніе, направленное противъ каждой изъ европейскихъ націй, и противъ самыхъ принциповъ, на которыхъ основаны всѣ цивилизаціи". Что значатъ „всѣ цивилизаціи"? Если всѣ цивилизаціи основаны на одних принципахъ, то значитъ, можетъ быть только одна цивилизація. Если же, по мнѣнію Фавра, цивилизацій можетъ быть нѣсколько, то тогда слѣдуетъ допустить, что одна цивилизація стремится къ разрушенію принциповъ другой. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своего малообдуманнаго циркуляра, Фавръ говоритъ, „что его (международнаго общества) правила дѣйствія (règles de conduite) составляютъ отрицаніе всѣхъ принциповъ, на которыхъ основана цивилизація". Здѣсь цивилизація является уже въ единственномъ числѣ, т.-е. какъ цивилизація вообще. Притомъ, здѣсь уже рѣчь не о теоріи, а только о „правилахъ дѣйствія".

„Правила дѣйствія", то-есть средства, которыя заключаются въ насиліи для внезапнаго подчиненія всего общества экспериментамъ теоретиковъ, конечно, противны основамъ всякой цивилизаціи, потому что они противны здравому смыслу. Но едвали необходимъ былъ циркуляръ французскаго министра для того, чтобы убѣдить въ этомъ европейскія правительства. Всѣ совѣты французскаго министра въ этомъ отношеніи ненужны и смѣшны. „Это положеніе дѣлъ опасно—пишетъ Фавръ. Оно требуетъ, чтобы правительства не оставались въ равнодушіи и инерціи. *Они были бы виновны*, если бы, послѣ видѣнныхъ теперь уроковъ, они оставались безстрастными свидѣтелями разрушенія

преступниковъ. Но въ наше время невозможно убѣдиться, что въ какомъ-либо городѣ, будь это и самъ „новѣйшій Вавилонъ", можетъ быть полтораста тысячъ отъявленныхъ негодяевъ. Если полтораста тысячъ человѣкъ попадаютъ въ преступники, то неспособность и недобросовѣстность правителей гораздо несомнѣннѣе, чѣмъ вина *всѣхъ* этихъ преступниковъ.

Жюль Фавръ видитъ особую опасность для Европы въ томъ, что къ „разрушенію всѣхъ основъ" стремится общество рабочихъ, имѣющее, по его словамъ, комитеты въ Германіи, Бельгіи, Англіи, Швейцаріи и многочисленныхъ приверженцевъ (adhérents) въ Россіи, Австріи, Италіи и Испаніи. Замѣчательно при этомъ, что, при указаніи на комитеты, первою поставлена Германія а въ указаніи на приверженцевъ первою стоитъ — Россія! Видите ли, дескать, любезные сограждане, изъ какихъ несочувственныхъ намъ странъ исходитъ то движеніе, которое мы такъ побѣдоносно одолѣли, ко славѣ французскаго оружія. И въ самомъ дѣлѣ, „побѣда Франціи" надъ такимъ общеевропейскимъ заговоромъ—вѣдь это, въ нѣкоторомъ родѣ, утѣшеніе въ Вертѣ и Седанѣ. Все-таки Франція опять, такъ сказать, побѣдила всю Европу, хотя бы только революціонную Европу, во главѣ которой, какъ извѣстно, именно и стоятъ Германія и Россія.

Можно, кажется, надѣяться, что никто въ Европѣ не придастъ значенія тому обстоятельству, что всемірная революція указывается, въ настоящемъ случаѣ, въ обществѣ, которое называетъ себя обществомъ рабочихъ. Насколько рабочіе какой-либо страны участвуютъ въ этомъ обществѣ—мы не знаемъ. Но дѣло не въ томъ. Дѣло въ томъ, что когда вовсе не существовало международное общество, реакціонеры дѣлали точно такія указанія на „всемірную революціонную партію", какъ виновницу всѣхъ бѣдствій, какія дѣлаетъ теперь Жюль Фавръ. Показаній Ж. Фавра относительно рабочихъ не стóитъ и провѣрять, потому именно, что точно тоже самое говорилось реакціонерами, когда о международномъ обществѣ рабочихъ не было и рѣчи. Всему виной были или Мадзини, или Ледрю-Ролленъ, или Кошутъ; а еще прежде ихъ—Вольтеръ и Руссó, у которыхъ въ распоряженіи никакихъ рабочихъ не было, уже потому, что Вольтеръ и Руссó давно покоились въ Пантеонѣ, когда на нихъ сваливала вину всякая недобросовѣстность и всякая бездарность.

Но, какъ бы наивны ни были ссылки Ж. Фавра на иностранные союзы рабочихъ, онѣ все-таки понятны, потому что, повторяемъ, это—давнишній пріемъ всѣхъ реакціонеровъ. Въ этихъ указаніяхъ отражается увлеченіе французской реакціи и больше ничего. Но, непонятно вотъ что: какая доля нахальства нужна для того, чтобы французскій министръ, въ настоящее время, могъ говорить передъ Европою въ томъ тонѣ, какъ говоритъ Жюль Фавръ. Франція спасла порядокъ,

Франція оказала услугу Европѣ, иностранныя правительства будутъ *виновны*, если не послѣдуютъ совѣтамъ французскаго министра и т. д. Надо имѣть поистинѣ непостижимое пристрастіе къ фразерству и удивительное отсутствіе чувства достоинства, чтобы послѣ того, что случилось нынѣ во Франціи, не хранить скорбное молчаніе, а вѣщать себя Европѣ героями. Le sauveur du deux décembre — довольно ли насмѣялись надъ его безсовѣстнымъ увѣреніемъ французскіе либералы? И вотъ, Жюль Фавръ, бывшій ихъ главою, съ увлеченіемъ натягиваетъ самой Франціи этотъ постыдный плащъ притворства и лжи, подъ которымъ Наполеонъ-Третій скрывалъ свои окровавленныя руки.

Рядомъ съ циркуляромъ Фавра слѣдовало бы поставить рѣчь генерала Трошю, которая резюмируетъ исторію Франціи, начиная съ первыхъ пораженій арміи Наполеона III. Рѣчь Трошю, дополняемая циркуляромъ Фавра, это — попытки современниковъ установить исторію истекшаго года, дать историкамъ такія основы, которыя послужили бы къ оправданію такъ-называемыхъ людей 4-го сентября. Но прежде мы обратимся къ рѣчи Тьера, прозрѣвающей уже въ будущее Франціи. Verba et verba praetereaque nihil. Въ самомъ дѣлѣ, политическіе люди Франціи орошаютъ страну непрерывнымъ дождемъ самаго необузданнаго и безплоднаго краснорѣчія, и за массою ихъ словъ трудно разглядѣть истинное настроеніе страны. Настроеніе это скоро обнаружится дополнительными выборами въ національное собраніе—въ этомъ всѣ увѣрены. И вотъ Тьеръ, не рѣшаясь прямо возобновить наполеоновскую систему оффиціальныхъ кандидатуръ, придумываетъ, однако, нѣчто подобное, то-есть намѣревается дать понять избирателямъ неоффиціально, какіе кандидаты были бы пріятны правительству. Самъ Гизо́, старинный соперникъ Тьера, въ припадкѣ „благороднаго энтузіазма“ печатаетъ въ газетахъ письмо, въ которомъ приглашаетъ Францію поддержать на выборахъ Тьера — „соединиться съ Тьеромъ“. Такъ глубоко въѣлось въ этихъ людей прошлаго, въ этихъ представителей фальшиваго, неоткровеннаго, а потому и неудавшагося конституціонализма, убѣжденіе въ величіи своихъ личностей. Они продолжаютъ думать, что они должны *вести* Францію къ тому, въ чемъ, по мнѣнію ихъ, ея спасеніе. Не мнѣнія самой Франціи ищутъ, а наоборотъ, хотятъ навязать ей каждый свое мнѣніе и изъ-за этого шума адвокатскихъ рѣчей не слышно ни одного живого, искренняго слова, которое было бы внушено самою Франціею. Врачей множество и каждый изъ нихъ предлагаетъ свой готовый рецептъ — монархію или республику, или республику въ ожиданіи монархіи, или имперію для возстановленія всенароднаго голосованія. Каждый изъ нихъ наперерывъ превозноситъ живучесть и силы Франціи, „безсмертной и вѣчно-юной“, по выраженію Тьера, для того только — чтобы она

рѣшилась подвергнуть себя его эксперименту. Но никто, повидимому, не хочетъ положиться именно на природу, на силы паціента и отказаться отъ всякаго экспериментированія надъ нимъ.

Близко здравому смыслу сталъ на одну минуту Тьеръ, говоря: „сохранимъ пока республику, потому что она существуетъ, а тамъ что̀ будетъ дальше, то будетъ“. Но, къ сожалѣнію, въ знаменитой рѣчи Тьера 8-го іюня, рядомъ съ этимъ здравымъ и практическимъ воззрѣніемъ, обнаруживается такая сильная преокупація тѣмъ будущимъ, которое онъ самъ сперва какъ будто устраняетъ отъ обсужденія, что нельзя не сомнѣваться въ искренности его патріотической тирады объ отложеніи споровъ. Еслибы Тьеръ въ самомъ дѣлѣ отрѣшился отъ всякихъ прежнихъ симпатій, еслибы онъ искренно сознавалъ, что Франціи нужно именно обновленіе, что чѣмъ бы она ни вышла изъ нынѣшняго страшнаго кризиса, лучше всего, если она выйдетъ не легитимистскою, не орлеанистскою, не бонапартистскою, не республиканскою даже,— въ смыслѣ централизаціи и фразерства, — а совсѣмъ новою, *трезвою*, разсудительною, мирною и осторожною въ перемѣнахъ, свободною отъ страсти служительской преданности какой бы то ни было партіи, то Тьеръ говорилъ бы совсѣмъ иначе. Онъ не сталъ бы въ той же рѣчи вызывать привидѣнія прежнихъ правленій, сравнивать достоинства республики и монархіи и хвалить монархію, а главное — не говорилъ бы такъ много *о себѣ*, о своихъ симпатіяхъ къ орлеанскимъ принцамъ, и вмѣстѣ о еще бо́льшей своей преданности Франціи, о своей независимости и гордости по отношенію къ Наполеону III, о своемъ пророчествѣ ему — „вы будете властелиномъ Франціи, но моимъ никогда“. Тому, кто сознаетъ себя некомпетентнымъ рѣшать за страну, какая будущность ей желательна, несвойственно, ни такъ много говорить о себѣ, ни придавать такое значеніе конкуррентамъ.

Въ рѣчи Тьера можно найти и нѣчто хорошее, если ее разсматривать независимо отъ его личности. Но независимо отъ его личности ея разсматривать нельзя, уже потому, что онъ самъ безпрестанно выставляетъ свою личность въ этой рѣчи, какъ и въ другихъ. Происходитъ это не только оттого, что Тьеръ — воплощенное самолюбіе, но и оттого, что всѣ эти люди прошлаго, всѣ эти вожди старыхъ партій, никакъ не исключая и республиканцевъ, что называется, до мозга костей заражены индивидуализмомъ. Не такъ важно самолюбіе, какъ коренная фальшивость взгляда; пусть бы каждый изъ нихъ считалъ себя великимъ человѣкомъ, но бѣда въ томъ, что каждый изъ нихъ считаетъ себя спасителемъ Франціи, пророкомъ и вѣруетъ, что порядокъ и свобода могутъ побѣдить только его знаменіемъ: in meo signo vinces. Напрасно было бы доказывать великія послѣдствія первой революціи; но едвали именно Франціи революція принесла не наименѣе пользы. Потому именно, что на мѣстѣ, революція эта была не

только провозглашеніемъ новыхъ идей, но и попыткою мгновенно пересоздать общество по выводамъ теоріи. Франція унаслѣдовала отъ первой революціи не только принципы 1789-го года, великіе принципы, которые не могутъ быть скомпрометтированы самою смѣшною похвальбою, — но и въ особенности пріемъ, методъ дальнѣйшаго развитія. Отъ этого всѣ политическіе люди Франціи до сихъ поръ — теоретики желающіе насиліемъ осуществить свою теорію. Отъ этого политическая жизнь страны идетъ не естественнымъ путемъ борьбы между интересами массъ, а искусственнымъ путемъ борьбы партій, то-есть теорій, за власть. Вотъ причина страшнаго развитія во Франціи духа партій и самомнѣнія личностей, которыя мнятъ въ себѣ призванныхъ пророковъ — спасителей общества, а не простыхъ представителей реальныхъ интересовъ. Это путь — безплодный; между интересами возможно соглашеніе, и борьба ихъ можетъ быть рядомъ мирныхъ соглашеній. Между теоріями, спорящими за власть — соглашеніе невозможно, и потому, что онѣ — теоріи, что общій принципъ ихъ — непогрѣшимость, и потому еще, что спорятъ онѣ не изъ-за отдѣльныхъ вопросовъ, а за самую власть.

Только тогда, когда Франція покинетъ этотъ безплодный и опасный путь, начнется въ ней прочное развитіе. Но для этого Франція должна обновиться. Для этого она, во всякомъ случаѣ, должна отречься отъ прежнихъ, старыхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ школѣ индивидуализма и революціи. Тьеръ говоритъ:

„Франція оправится отъ своего паденія, но не иначе, какъ если мы будемъ благоразумны, глубоко благоразумны (que nous serons sages, profondement sages)“. Эта фраза не можетъ значить, что Франція поправится, если французскій народъ будетъ благоразуменъ. Какъ ни пристрастенъ Тьеръ къ общимъ мѣстамъ, но такой truism былъ бы уже изъ рукъ вонъ плохъ. Онъ не то думалъ, когда произносилъ эти слова. Онъ, очевидно, разумѣлъ ихъ въ томъ смыслѣ, что только глубокая мудрость его, Тьера, и его приверженцевъ, можетъ спасти Францію, а это прямо противоположно истинѣ. Истина состоитъ въ томъ, чтобы никто не пытался болѣе спасать Францію, захватывая власть въ свои руки или удерживая ее для осуществленія своей излюбленной формы правленія. Еслибы поправленіе Франціи зависѣло единственно отъ благоразумія Тьера, Фавра и старыхъ партій вообще, то можно бы теперь же окончательно отчаяться въ ея поправленіи. Эти господа никогда благоразумны не были и не будутъ. Всѣ они по природѣ неблагоразумны, какъ Бурбоны, всѣ они, какъ Бурбоны, „ничего не забыли и ничему не научились“.

Доказательствомъ тому—сама рѣчь Тьера. Мы сказали, что въ ней есть нѣчто хорошее. Хорошо то мѣсто, гдѣ онъ сознается, что надо отложить вопросы о будущемъ, заняться исцѣленіемъ ранъ настоя-

щаго и держаться республики потому, что она существуетъ. Но какъ мало значенія имѣетъ это мѣсто въ виду самой личности Тьера и въ виду тѣхъ личныхъ симпатій, антипатій и гаданій о будущемъ, въ которыя онъ вдался въ той же рѣчи! Тьеръ говорилъ о необходимости согласія, устраненія мелкихъ вопросовъ о будущихъ перемѣнахъ и тутъ же, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, выразилъ, что республикѣ онъ не сочувствуетъ, что онъ только исполнитъ свой долгъ, хотя бы съ тѣмъ *рискомъ*, что это будетъ полезно республикѣ (au risque de servir la république); допустилъ возможность перехода къ монархіи, упомянулъ о Бурбонахъ съ безсмысленною фразой, что произнести имя Бурбоновъ значитъ произнесть имя Франціи, и рекомендуя примиреніе и согласіе, счелъ долгомъ отнестись весьма энергически ко всѣмъ бывшимъ во Франціи правленіямъ; обозвалъ „бѣшеными безумцами“ Гамбетту и его сотрудниковъ, произнесъ приговоръ надъ второю имперіею, осудилъ ошибки прежнихъ монархій, а республиканцамъ сказалъ, что спасти республику они могутъ, всего вѣрнѣе, осужденіемъ „злодѣевъ“. Это ли ведетъ къ согласію, это ли значитъ отлагать въ сторону споры партій? Тьеръ неисправимъ и всѣ политическіе люди прежней Франціи неисправимы, подобно ему. Выбирая между ними, Франціи предстоитъ только выбрать, на какой манеръ и подъ какимъ предлогомъ она намѣрена безумствовать въ будущемъ.

Въ рѣчи его замѣчательно еще слѣдующее мѣсто: „необходимо, чтобы наши государи сказали себѣ, что монархія въ современныхъ условіяхъ не можетъ быть въ сущности ничѣмъ, какъ управленіемъ страны самою же страною, то-есть республикою съ наслѣдственнымъ президентомъ“. Въ собраніи это мѣсто произвело восторгъ, но оно не ново въ устахъ Тьера. Вѣдь онъ, какъ извѣстно, авторъ девиза: le roi règne, mais ne gouverne pas. Мысль эта не нова въ словахъ Тьера, только она совершенно чужда дѣламъ его. Тьеръ—главный изъ тѣхъ brouillons, которые помѣшали конституціонной монархіи при Людовикѣ-Филиппѣ быть дѣйствительнымъ самоуправленіемъ страны. Тьеръ—главный зачинщикъ всѣхъ тѣхъ tripotages, которыя компрометтировали во Франціи не только конституціонную монархію, но и правленіе такъ-называемыхъ „образованныхъ классовъ“. Тьеръ — выдумалъ и постоянно практиковалъ при Людовикѣ-Филиппѣ систему коалицій, то-есть союзы противоположныхъ партій для ниспроверженія всякаго кабинета, котораго онъ не былъ главою. Тьеръ, въ 1840 году, низвергнувъ такимъ путемъ министерство Сульта и Моле, составилъ кабинетъ, въ которомъ онъ самъ былъ все, кабинетъ изъ людей незначительныхъ, какъ Кюбьеръ, Ремюза, Гуэнъ и т. п., для того, чтобы онъ самъ, президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ *все*. Девизъ — „король царствуетъ, но не правитъ“, по мысли Тьера, всегда значилъ не то, что управляетъ собою сама страна, а то, что ею

правитъ Тьеръ, а король только царствуетъ. На выходы свои въ отставку онъ смотрѣлъ только, какъ на бѣдственные для страны перерывы въ его правленіи. И когда, бывало, онъ снова вступитъ въ кабинетъ, о немъ говорили: voilà le Thiers consolidé (tiers-consolidé—консолидированный долгъ), такъ сама страна привыкала къ непомѣрному властолюбію этого маленькаго человѣчка. Гораздо прежде Людовика-Наполеона, онъ, Тьеръ, выдумалъ систему личной отвѣтственности главы правленія и безличности остальныхъ его членовъ; только главою правленія онъ всегда считалъ себя, а королю предоставлялъ „царствовать".

И на что, на какія дѣла употребилъ Тьеръ свое тогдашнее вліяніе, какую пользу принесъ онъ Франціи? Никакихъ великихъ дѣлъ онъ совершить не могъ, потому что онъ вовсе не законодатель и не хозяинъ, и не мудрецъ; онъ — человѣкъ узкихъ понятій и увертокъ; онъ настоящій буржуа, со всѣми слабостями шовинизма. Единственныя рельефныя политическія мысли Тьера, это — протекціонистская система и обожаніе военной славы, славы наполеоновской. Единственное замѣтное его дѣло—укрѣпленіе Парижа. Онъ компрометтировалъ принципъ конституціонной монархіи во Франціи, онъ поднялъ наполеоновскій культъ и тѣмъ подготовилъ вторую имперію, и онъ создалъ укрѣпленія, которыя теперь навлекли на Парижъ двѣ осады, два бомбардированія.

Каково же слышать отъ виновника этихъ золъ упреки и поученія прежнимъ правленіямъ? Какое довѣріе можно имѣть къ этому человѣку? Говорятъ, онъ безкорыстенъ потому, что ему 74 года. Казалось бы, что если человѣкъ болѣе полувѣка игралъ фальшивую игру, то это можетъ служить скорѣе доказательствомъ его неисправимости, чѣмъ ручательствомъ за благость его намѣреній въ будущемъ.

Нѣкоторыя мѣста въ рѣчи Тьера просто скандалезны по своей нелѣпости. Таково именно обращеніе къ бордосской делегаціи, а также похвальба побѣдою, одержанною надъ Парижемъ. Здѣсь Тьеръ идетъ далѣе циркуляра Фавра. „Наша побѣда—одна изъ величайшихъ побѣдъ, когда-либо одержанныхъ общественнымъ порядкомъ. Европа, не принимавшая въ насъ теплаго участія, поздравила насъ. Эта побѣда спасла не насъ однихъ, она спасла Европу". Постоянно спасаютъ свою страну и именно этимъ ее и губятъ.

Всѣ завѣренія Тьера о необходимости отложить споры и заняться дѣлами страны, а не партій—ровно ничего не значатъ въ виду прочихъ его заявленій, да и въ виду того самаго обстоятельства, которое подало поводъ къ рѣчи Тьера. Утвержденіе избранія орлеанскихъ принцевъ есть именно дѣло вызова, а не примиренія. Если бы орлеанскіе принцы были только политическіе изгнанники, то дозволеніе имъ возвратиться во Францію и воспользоваться всѣми правами гражданства было бы, въ самомъ дѣлѣ, въ духѣ примиренія. Но вѣдь ор-

леанскіе принцы прежде всего — претенденты на престолъ. Спрашивается, какая же неотложная необходимость допустить ихъ въ представительство республики? Орлеанскіе принцы, еслибы они хотѣли быть только гражданами, начали бы съ гласнаго и положительнаго отреченія отъ всякихъ династическихъ притязаній. Они этого не сдѣлали. Стало быть, они являются не для примиренія партій, а для борьбы. Какая же необходимость была спѣшить допущеніемъ въ палату людей, явно считающихъ себя выше тѣхъ законовъ, покровительства которыхъ они требуютъ? Это есть просто реакціонерное дѣло, и вся рѣчь Тьера, по этому случаю, есть только весьма прозрачное прикрытіе перваго шага къ возстановленію династическаго принципа во Франціи.

Но какъ ярко ни выступаетъ въ рѣчи 8 іюня отсутствіе всякой новой мысли, способной оживить Францію, финансовая рѣчь, произнесенная Тьеромъ въ засѣданіи 20 іюня, еще превосходитъ первую въ этомъ отношеніи. Рѣчь Тьера о положеніи французскихъ *финансовъ* и средствахъ къ ихъ поправленію обнаруживаетъ всю безплодность ума этого правителя и его министра финансовъ Пуйе-Кертье, и выражаетъ, такъ сказать, съ художественнымъ совершенствомъ тотъ фактъ, что Франція нынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, подпала подъ господство близорукой, спѣсивой и эгоистичной буржуазіи, которая въ своей слѣпотѣ сдѣлаетъ все, чтобы приготовить новый страшный взрывъ соціализма въ будущемъ.

Разскажемъ, въ нѣсколькихъ словахъ нынѣшнее финансовое положеніе Франціи и тѣ комбинаціи, посредствомъ которыхъ Тьеръ разсчитываетъ уплатить контрибуцію, вознаградить разоренныя мѣстности и возстановить порядокъ въ финансахъ. Послѣ краткаго обзора финансоваго безпорядка имперіи и послѣднихъ военныхъ событій, Тьеръ счелъ нужнымъ сдѣлать совершенно произвольное утвержденіе, что еслибы Гамбетта не продолжалъ войны на Луарѣ, то Германія не потребовала бы контрибуціи болѣе $2^1/_2$ мильярдовъ, т.-е. половины того, что́ она потребовала послѣ. Не Бисмаркъ ли утѣшилъ этимъ Тьера, настаивая, чтобы теперь заплатили именно 5 мильярдовъ? Какъ бы то ни было, вотъ конечные результаты: война обошлась Франціи въ три мильярда фр., да контрибуціи слѣдуетъ уплатить пять мильярдовъ, итого 8 мильярдовъ франковъ. Въ хвастливой рѣчи Тьера это выходитъ въ видѣ кары, постигшей Францію за то, что Наполеонъ III не послушался Тьера, который обращался къ нему съ личнымъ совѣтомъ—не начинать войны. Теперь вотъ основанія баланса по бюджетамъ 1870-го и 1871-го годовъ. Въ бюджетѣ 1870-го года заключается половина всего продолженія войны. Обыкновенныхъ рессурсовъ было приготовлено 1 мильярдъ 830 милл., война потребовала еще 1 мильярдъ 811 милл., итого

расходы 1870-го года 3 мильярда 302 милліона [1]). На самомъ же дѣлѣ, всѣхъ рессурсовъ было на лицо только 2 мильярда 737 милл., стало быть 1870-й годъ далъ дефицитъ въ 645 милл. фр. По бюджету на 1871-й годъ расходы по мирному положенію (т.-е. обыкновенные) были бы 1 мильярдъ 771 милліонъ. Къ этому прибавилось чрезвычайныхъ расходовъ 930 милл., всего 2 мильярда 730 милл., а за нѣкоторыми сокращеніями 2 мильярда 648 милл. Недоборъ въ податяхъ составилъ 400 милл. Наличныхъ рессурсовъ имѣется 1 мильярдъ 480 милл. Новые налоги должны доставить къ концу года 120 милл. Содержаніе администраціи будетъ уменьшено только на 5 милліоновъ. Такимъ образомъ всѣ рессурсы составятъ одинъ мильярдъ 660 милліоновъ [2]), и затѣмъ къ концу года дефицитъ представится цифрою 986 милл., чтó вмѣстѣ съ дефицитомъ прошлаго года составляетъ 1 мильярдъ 631 милл. франковъ. Вотъ сущность положенія. Французскій банкъ ссудилъ казначейству 1 мильярдъ 330 милл., нисколько не повредивъ своему кредиту; затѣмъ у правительства въ дѣйствительности недостаетъ для покрытія финансоваго года только 301 милліона, который и отнесется на текущій долгъ (dette flottante).

Тьеръ хвалитъ этотъ результатъ. „Еслибы намъ не предстояла уплата военнаго вознагражденія, говоритъ онъ, то мы находились бы въ цвѣтущемъ положеніи (situation prospère)“. Но Франція заплатитъ и это вознагражденіе „съ легкостью, хотя не безъ скорби“, по увѣренію Тьера. Само собою разумѣется, что онъ не допускаетъ и мысли о какомъ-либо сокращеніи въ расходахъ на армію и флотъ; напротивъ, онъ хочетъ строить новыя крѣпости. Извѣстно, что новый военный министръ, генералъ Сиссè, извѣстный только тѣмъ, что онъ прошелъ въ Парижъ чрезъ покинутыя инсургентами ворота близъ Point du Jour, уже составляетъ планы новыхъ фортификацій. Сверхъ того, необходимо вновь устроить пострадавшую часть Парижа и дать вознагражденіе другимъ общинамъ, разореннымъ войною.

Чтобы исполнить все это, предполагается слѣдующее: банкъ, который уже далъ ссуду въ 1,330 милл., можетъ дать еще 200 милл. Затѣмъ, въ счетъ военнаго вознагражденія, должнаго Германіи, уже уплачено 125 милл., да зачтено 325 милл. за уступку ей восточной желѣзной дороги; итого 450 милл. уже произведенныхъ уплатъ. Сдѣлавъ, въ настоящее время, заемъ въ 2 мильярда для уплаты части военнаго вознагражденія (контрибуціи), можно будетъ воспользоваться изъ него этими 450 милліонами уже произведенныхъ уплатъ. А вмѣстѣ съ тѣми

---

[1]) Итогъ неточенъ; но мы беремъ цифру Тьера, какъ она показана въ текстѣ его рѣчи въ «Ind. Belge».

[2]) Должно быть одинъ мильярдъ 600 милл.

200 милл., которые, какъ уже сказано, ссудитъ банкъ, это дастъ правительству 650 милл. фр. свободныхъ рессурсовъ.

По ст. 7-й окончательнаго мирнаго трактата, Франція должна уплатить, въ теченіи нынѣшняго года, $1^1/_2$ мильярда; затѣмъ $^1/_2$ мильярда къ 1 мая 1872-го года, а остальные 3 мильярда къ 2-му марта 1874-го года. Соотвѣтственно съ уплатою по этимъ срокамъ освобождается французская территорія отъ нѣмецкихъ войскъ. Чтобы ускорить это, французское правительство теперь же дѣлаетъ заемъ въ 2 мильярда. Затѣмъ, оно предполагаетъ, для покрытія послѣднихъ 3 мильярдовъ, не дѣлать новаго займа раньше, чѣмъ на третій годъ. „Черезъ три года"—сказалъ Тьеръ, но это не совсѣмъ точно, въ виду приведеннаго нами сейчасъ постановленія трактата.

Изъ 2 мильярдовъ займа, 450 милл., какъ сказано уже, частью уплачены, частью зачтены. Стало быть, эту сумму 450 милл. фр. изъ займа можно оставить въ своихъ рукахъ. Вмѣстѣ съ 200 милл. банка, это и составляетъ показанные уже 650 милл. наличныхъ рессурсовъ. Итакъ, правительство будетъ имѣть, въ нынѣшнемъ и будущемъ году, въ своемъ распоряженіи 650 милл. чрезвычайныхъ рессурсовъ, которые оно и предполагаетъ употребить на покрытіе непредвидѣнныхъ расходовъ будущаго года, а именно на поправки въ Парижѣ и на фортификаціонныя работы.

Каковъ же будетъ будущій бюджетъ, т.-е. тотъ бюджетъ, въ который войдутъ проценты займовъ, уже сдѣланныхъ во время войны, въ Турѣ и Бордó, займа у французскаго банка и новаго займа въ 2 мильярда? По словамъ Тьера, эти проценты составятъ прибавку къ бюджету въ около 350 милліоновъ фр. Но онъ хочетъ непремѣнно прибавить въ ежегодныхъ бюджетахъ еще 200 милл. фр. на погашеніе, такъ что вся прибавка къ бюджету составитъ 556 милл. фр. Предполагая возможнымъ сдѣлать сокращеніе, т.-е. сбереженіе въ прежнемъ составѣ бюджета на 120 милл., Тьеръ исчисляетъ въ 436 милл фр. все, чтó Франція должна будетъ прибавить къ своему ежегодному бюджету расходовъ, въ числѣ которыхъ будетъ, такимъ образомъ, 200 милл. собственно на погашеніе. Но замѣтимъ, что этотъ бюджетъ, „тяжкій, но не горестный", по выраженію Тьера, если онъ и осуществится, представитъ собою бюджетъ только трехъ первыхъ лѣтъ; а когда займутъ еще послѣдніе 3 мильярда, тогда прибавится еще 180 милліоновъ процентовъ ежегодно, безъ погашенія (предполагая опять заемъ по 6%, каковъ въ дѣйствительности нынѣшній). Въ успѣхѣ нынѣшняго займа Тьеръ не сомнѣвался: „Никогда, ни въ какое время—сказалъ онъ—французская рента, столь славящаяся въ мірѣ, не давала заимодавцамъ 6%. Когда она предоставляла 5%, всѣ устремлялись на нее. На 6% устремятся всѣ". Это оправдалось, и Тьеръ вообще поступилъ благоразумно, назначивъ низкій курсъ выпуска для перваго займа; успѣхъ перваго займа необходимо

было обезпечить, во всякомъ случаѣ, чтобы сдѣлать второй возможнымъ. Но не всѣ положенія Тьера вѣрны. Такъ, французская 3-хпроцентная рента, послѣ февральской революціи 1848-го года, спускалась до 32-хъ, то-есть давала, по этому курсу, почти 10%.

Успѣхъ займа двухъ мильярдовъ былъ таковъ, что онъ именно, на этотъ разъ, „превзошелъ всѣ ожиданія". По сообщенію министра финансовъ, въ собраніи 28-го іюля (н. с.) подписка доходила наканунѣ уже до 4,500 милліоновъ, изъ которыхъ одинъ Парижъ беретъ на себя $2^1/_2$ мильярда. Замѣчательно, что и заграничные капиталы такъ довѣрчиво отнеслись къ новому займу Франціи. Подписка за границею достигла мильярда. Это означаетъ, конечно, довѣрчивость не къ устойчивости французскаго правительства, а только къ производительнымъ силамъ, къ богатству Франціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно спросить себя: можно ли было бы ручаться за такой успѣхъ займа Россіи въ пятьсотъ милліоновъ рублей на равныхъ условіяхъ? А между тѣмъ никто въ Европѣ не сомнѣвается въ прочности нашего порядка. Настоящій французскій заемъ — 5-типроцентный и облигаціи его выпускаются по 82 фр. 50 сант. съ процентами съ 1-го іюля. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, это заемъ по 6%. Съ учетомъ цѣна имъ 79 фр. $27^1/_2$ сант. Между тѣмъ, итальянская 5% рента стóитъ въ Парижѣ по 57, хотя въ Италіи никакого потрясенія и разоренія не произошло. Пора бы, кажется, французскимъ правительствамъ перестать относить успѣхи займовъ къ довѣрію, внушаемому такою или иною правительственною системою. Ясно, что сама Франція и другія страны, готовностью ссужать громадныя суммы французскимъ правительствамъ, обнаруживаютъ именно только довѣріе свое къ производительнымъ силамъ этой богатой страны. Подписка на этотъ заемъ была открыта 27-го іюня (н. с.) и результатъ ея на другой же день доходилъ до пяти мильярдовъ франковъ, то-есть до 1,250 милліоновъ рублей! Быстрое покрытіе подписки было, конечно, обусловлено и оффиціальнымъ извѣщеніемъ, что подписка, во всякомъ случаѣ, будетъ прекращена 30-го числа.

Тьеръ утверждалъ въ своей рѣчи, что слѣдующій заемъ будетъ сдѣланъ на гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ. „Если мы будемъ вести себя хорошо, то можетъ быть по $5^1/_4$%, а можетъ быть и по 5%, сказалъ онъ. Но мы должны вести себя очень хорошо (il faudra que nous soyons bien sages)".

Все это очень хорошо, но все это показываетъ только богатство Франціи съ одной стороны, т.-е. относительно успѣха займа и возможности увеличенія налоговъ, а съ другой стороны, т.-е. относительно бюджетныхъ предвидѣній, показываетъ только искусство Тьера въ группировкѣ цифръ, искусство, которымъ онъ славится издавна. Судить о достоинствѣ предвидѣній можно будетъ только тогда, когда они оправдаются или неоправдаются. Но гдѣ высказывается собственно

финансовая политика Тьера, въ чемъ состоятъ тѣ способы, какіе онъ придумалъ для приведенія финансовъ въ равновѣсіе, короче: какую систему налоговъ предлагаетъ онъ? Систему ретроградную. „Я протекціонистъ, какъ извѣстно—сказалъ онъ—а старыя убѣжденія не измѣняются". И эту-то старую, безплодную мысль рекомендуетъ Тьеръ своей странѣ! Въ то время, когда весь разсчетъ, чтобы выпутаться изъ громадныхъ потерь и обязательствъ, которыя задавили бы всякую иную страну на континентѣ, необходимо долженъ быть на производительныя силы Франціи, на усиленіе ея отпуска, Тьеръ предлагаетъ систему, которая, затрудняя иностранной промышленности сбытъ во Франціи, тѣмъ самымъ непремѣнно уменьшитъ спросъ на французскія произведенія! Это вполнѣ соотвѣтствуетъ безплодности и той политической системы, какую могутъ установить Тьеръ и его единомышленники. Протекціонизмъ, это—чисто буржуазная, эгоистичная, но неразумная, близорукая финансовая политика.

Вотъ перечень новыхъ налоговъ и возвышеній налоговъ, предлагаемыхъ министромъ финансовъ Тьера (чѣмъ Гнейзенау былъ для Блюхера, а Дельбрюкъ для Бисмарка [1]), то Пуйе-Кертьè для Тьера; это истинный „носитель его мысли"): со штемпельнаго и регистратурнаго сборовъ—46½ милл.; съ наслѣдствъ по иностраннымъ фондамъ 5 милл.; со штрафовъ и явки контрактовъ по найму 15 милл.; со страхованій 15 милл.; со штемпеля и залоговъ періодическихъ изданій 8½ милл.; съ колоніальнаго и иностраннаго сахара 14 милл., и съ кофе 20 милл.; съ керосина 10 милл.; съ матерій для пряжи и пряжъ (хлопка, шерсти, льна, пеньки, шелка и т. д.) 170 милл. Для полученія этой суммы Пуйе-Кертьè хочетъ обложить иностранныя матеріи и ткани пошлиною въ 20%. Что идея эта чисто-лавочническая, буржуазная par excellence, тому служитъ лучшимъ доказательствомъ фактъ, что именно земледѣльцы, которыхъ хотятъ „охранить" этой протекціонистскою мѣрой, не хотятъ ея, протестуютъ противъ нея. Въ угоду имъ облагаютъ высокою пошлиной иностранные шерсть, шелкъ, ленъ—а они протестуютъ. Собраніе изъ 170-ти землевладѣльцевъ, бывшее въ Парижѣ, протестовало противъ покровительственной пошлины въ 20%, и въ своемъ постановленіи допускаетъ только чисто-фискальную пошлину въ 5%.

Говорятъ, впрочемъ, что Тьеръ, въ виду неожиданной имъ оппозиціи противъ этой мѣры, склоняется замѣнить ее чѣмъ-либо инымъ, только ужъ никакъ не подоходнымъ налогомъ. Когда въ версальскомъ собраніи, вслѣдъ за рѣчью Тьера 20 числа, депутатъ Жерменъ сталъ доказывать, что лучшее средство для поправленія финансовъ могло бы представить именно введеніе подоходной подати; что подать эта въ Англіи

---

[1]) См. Корресп. изъ Берлина.

даетъ 200 милл. фр., а въ Соединенныхъ Штатахъ до 380 милл. фр.; что Робертъ Пиль стяжалъ себѣ славу введенiемъ ея, и что Тьеру предстояло бы прекрасное завѣнчанiе патрiотической карьеры, еслибы онъ сдѣлался французскимъ Пилемъ, — Тьеръ отвѣчалъ на отрѣзъ, что *никогда* онъ не согласится на введенiе подоходной подати, и произнесъ при этомъ слѣдующiя знаменательныя, по полнотѣ буржуазнаго ихъ чувства и буржуазнаго ихъ неразумiя, слова: „французскiй народъ слишкомъ развитъ, чтобы не знать, что если онъ уменьшитъ богатство богатыхъ, онъ уменьшитъ тѣмъ свои собственные ресурсы. Въ современномъ положенiи нашего общества налогъ на доходъ былъ бы налогомъ смуты (impôt de désordre). Прочтите книгу Вобана и увидите, что это—таже подушная подать (taille), которую разрушила революцiя, и которую пришлось бы возстановить“. Далѣе онъ увѣрялъ, что оцѣнку доходовъ нельзя предоставить ни чиновникамъ, ни выборнымъ, потому что это обратилось бы въ средство для борьбы партiй (!). Въ заключенiе же: „я никогда не соглашусь на подоходный налогъ. Пусть люди порядка знаютъ, что никогда я не польщу народнымъ предубѣжденiямъ и соглашусь скорѣе *отказаться отъ республики*, чѣмъ ввести этотъ налогъ. Съ моей стороны было бы подлостью (une lâcheté), еслибы я не сказалъ, что никогда не соединю своего имени съ установленiемъ этого налога“. Собранiе, состоящее изъ владѣльцевъ и рантьеровъ, восторженно привѣтствовало эти глупыя и недобросовѣстныя слова Тьера.

Итакъ, вотъ коренное слово политическихъ убѣжденiй и стремленiй французской буржуазiи; вотъ ея взглядъ на свою гражданскую обязанность и роль, какую она желаетъ предоставить себѣ въ государствѣ. Пусть платятъ и работаютъ пролетарiи, а les messieurs будутъ „заниматься политикой“, т.-е. раздавать мѣста и доходы, и „покровительствовать искусствамъ“, т.-е. преимущественно артисткамъ многочисленныхъ театровъ. Если съ этой точки зрѣнiя посмотрѣть на кровопролитныя усмиренiя ими рабочихъ въ Парижѣ, то торжество ихъ представляется настоящимъ рабовладѣльческимъ торжествомъ. Г. Жерменъ весьма основательно замѣтилъ, что, подчинясь налогу на доходъ, „богатые классы доказали бы классамъ бѣднымъ свою готовность къ пожертвованiямъ“—а Богъ знаетъ, въ какое время это было необходимѣе, чѣмъ именно теперь. Но французская буржуазiя и ея папа—Тьеръ поведутъ дѣла такъ, что бунтъ рабочихъ когда-нибудь явится еще въ болѣе страшныхъ размѣрахъ, если только какой-нибудь новый „похититель“ не явится эксплуатировать недовольство рабочихъ въ пользу собственной диктатуры и не раздавитъ всего парламентаризма, связавъ казарму съ мастерскою. Тотъ налогъ, который вначалѣ Тьеръ назвалъ реакцiонернымъ, усмотрѣвъ въ немъ старинную taille (которая богатыхъ классовъ не касалась, потому что богатые классы, въ то время,

были дворянство и духовенство, не подлежавшіе подушной подати), тотъ самый налогъ въ концѣ его рѣчи оказался революціоннымъ (un impôt de désordre). И это возможно сказать въ французскомъ національномъ собраніи въ то время, когда подоходный налогъ существуетъ въ Англіи, въ Пруссіи и когда въ Россіи земство, руководимое чувствами болѣе почтенными и убѣжденіемъ болѣе раціональнымъ, чѣмъ версальское собраніе, рѣшается *ходатайствовать* передъ правительствомъ о введеніи подоходнаго налога вмѣсто подушнаго, падающаго на однихъ рабочихъ! По-истинѣ, мрачный періодъ переживаетъ Франція.

Хороша еще другая, „политическая" мысль Тьера—внушить обществу болѣе довѣрія къ будущности посредствомъ.... парада. Производство торжественнаго смотра 120-тысячному войску г. Тьеромъ въ Парижѣ,—какой праздникъ для тщеславія того, кого нѣкогда называли Napoléon-colibri (извѣстно, что Тьеръ очень малаго роста) и вмѣстѣ, какая грубая мысль по отношенію къ половинѣ населенія Парижа, оплакивающей людей, павшихъ подъ выстрѣлами этихъ солдатъ. Смотръ этотъ, впрочемъ, уже два раза откладывался; во второй разъ онъ былъ назначенъ на 18-е іюня и въ этомъ нельзя было не усмотрѣть тьеровскаго оттѣнка мысли: 18 іюня—день Ватерлоо. Отложенъ онъ вновь по дурной погодѣ, а можетъ быть и по совѣту генерала Фэбрице. Онъ состоялся наконецъ 29 іюня (н. с.).

Между тѣмъ осадное положеніе Парижа не было снято, несмотря на выборы. Агитація по поводу выборовъ была довольно жива, но только въ средѣ печати и кандидатовъ, а не избирателей. Девятнадцать газетъ образовали „республиканскій союзъ печати", выступили съ общимъ призывомъ, въ которомъ рекомендовали избирать только людей „твердыхъ, но умѣренныхъ", одинаково далекихъ отъ реставрацій и отъ коммуны. Радикальная партія въ своемъ избирательномъ манифестѣ вовсе не упомянула о коммунѣ, и это, конечно, ставится ей въ вину. Луи-Бланъ издалъ особый избирательный призывъ въ видѣ письма въ "Nation Souveraine" (газета). Въ немъ онъ совѣтуетъ не уклоняться отъ выборовъ и избирать надежныхъ республиканцевъ. Спеціально-тьеровская партія имѣетъ центральный комитетъ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго ученаго Ренуара. Она называется консервативно-либеральною. Бонапартисты работали усерднѣе всѣхъ; всѣ корифеи бонапартизма: Руэ, Оссманъ, Клеманъ и Дювернуа́, сами первые выступили съ заявленіями. Лѣвая сторона (la gauche républicaine) въ своемъ манифестѣ упомянула, между прочимъ, о необходимости поддерживать въ настоящее время Тьера и его патріотизмъ. Воззваніе радикальной партіи (т.-е. крайней лѣвой стороны) объ этомъ не упоминаетъ, а говоритъ только объ упроченіи республики: „Assez de ruines! L'esprit moderne s'appelle: Liberté, République". Подъ этимъ воззваніемъ нѣтъ

другихъ извѣстныхъ именъ, кромѣ Эдгара Кинѐ, Шёльхера, Толена и Луи Блана [1]).

Намъ остается уже мало мѣста, чтобы поговорить объ оправдательной рѣчи генерала Трошю. Но, впрочемъ, анализировать ея нельзя; весь интересъ ея именно въ разсказѣ фактовъ въ ихъ связи. Рѣчь Трошю заняла три засѣданія. Но, несмотря на свою непомѣрную длинноту, она, по скромности, составляетъ пріятное явленіе среди всего этого краснорѣчія спасителей общества. Въ своей рѣчи Трошю является добросовѣстнымъ и вмѣстѣ ограниченнымъ человѣкомъ. Добросовѣстность отражается въ его отзывахъ о людяхъ разныхъ партій и о войскахъ разнаго рода; онъ старается говорить правду. Такъ, онъ говоритъ съ большимъ достоинствомъ о Наполеонѣ III, которому служилъ, и о Жюлѣ Фаврѣ, съ которымъ служилъ потомъ, и о Гамбеттѣ, который не признавалъ его талантовъ. „Я имѣю о его талантахъ болѣе высокое мнѣніе, чѣмъ онъ о моихъ", сказалъ Трошю. Изъ всего разсказа Трошю слѣдуетъ только то, что не онъ управлялъ событіями, а событія всегда управляли имъ. Охранить Парижъ для Наполеона онъ не могъ потому, что его не послушалось наполеоновское правительство, то-есть Монтобанъ, бывшій de facto регентомъ. Знаменитый „планъ" Трошю принадлежалъ, во-первыхъ, не ему, а Дюкро́, и состоялъ въ томъ, чтобы усилить укрѣпленія Парижа и держаться въ немъ мѣсяца два. Трошю до сихъ поръ удивленъ, какъ онъ продержался $4^1/_2$ мѣсяца, и не хвастаетъ этимъ результатомъ только по скромности. Регулярнаго войска съ мобилями у него было только 85 тысячъ. „Планъ" допускалъ выходъ изъ Парижа, но не къ Луарѣ, а на сѣверъ, для соединенія парижской арміи съ арміею Федэрба. Гамбетта этому помѣшалъ и своимъ походомъ на Парижъ съ Луары вызвалъ въ самомъ парижскомъ населеніи неотразимый порывъ идти на встрѣчу именно луарской арміи. Трошю подчинился и этому, и послѣдствіемъ были побѣды при Виллье́ и Шампиньи, т.-е. безплодная вылазка Дюкро́ на востокъ. Выступить изъ Парижа со всею массою войскъ, какъ того требовало общественное мнѣніе, Трошю не считалъ возможнымъ; по его словамъ, это значило бы всѣхъ весть на убой, такъ какъ масса войска, т.-е. національная гвардія, неопытная, не умѣла дѣйствовать стройно. Каждый сражался самъ за себя, и, по словамъ Трошю, въ битвѣ при Бюзанвалѣ (послѣдняя вылазка, на западъ) изъ 3,000 чел., выбывшихъ изъ строя, одна восьмая часть были убиты или ранены

---

[1]) При просмотрѣ корректуры мы имѣемъ уже свѣдѣніе о результатѣ дополнительныхъ выборовъ, впрочемъ не во всѣхъ мѣстностяхъ. Насколько можно судить по этому неполному извѣстію, результатъ благопріятенъ умѣреннымъ республиканцамъ, а также Тьеру. Въ виду этого, можно надѣяться, что реакціонерное большинство не рѣшится объявить собраніе «учредительнымъ» для немедленнаго измѣненія формы правленія.

самою національною гвардіею. Съ такими войсками нельзя было дѣйствовать массою, на-проломъ. Впрочемъ и самая битва при Бюзанвалѣ была рѣшена военнымъ совѣтомъ противъ мнѣнія Трошю, который хотѣлъ идти на Шатильонъ, а оттуда уже на Версаль, но, какъ всегда, подчинился. На одномъ онъ устоялъ твердо: не дѣйствовать всѣми силами, а только частью. „Правительство само—сказалъ Трошю—требовало великой рѣшительной битвы. Это было бы военнымъ преступленіемъ и я отказалъ. Искали смѣлаго человѣка, чтобы замѣнить меня для этой цѣли: но ни одинъ батальонный командиръ не согласился сдѣлаться главнокомандующимъ съ этимъ условіемъ". Національная гвардія, при началѣ осады, состояла изъ 50 т. чел.; Трошю довелъ ее до 250 т. чел. Итакъ, всего у него было 335 т. чел. Въ извиненіе своихъ словъ, что „я не сдамся на капитуляцію", Трошю сказалъ, что онъ не сдался бы непріятелю, но долженъ бы былъ сдаться голоду; сложилъ же съ себя командованіе, не думая устранить отъ себя отвѣтственность. Онъ только не припомнилъ въ своей рѣчи чиселъ; его отставка, то-есть убѣжденіе, что надо будетъ капитулировать, послѣдовало всего черезъ недѣлю послѣ словъ его „я не сдамся"; развѣ голодъ могъ такъ возрости за это время. Смѣшно то мѣсто рѣчи Трошю, въ которомъ, сказавъ, что бунтовщики (les sectaires) получали оружіе и указанія *извнѣ*, онъ изъявилъ удивленіе, что князь Бисмаркъ, упомянувъ впослѣдствіи въ парламентской рѣчи о коммунѣ, не нашелъ ни одного слова негодованія противъ ея злодѣйствъ, а даже сказалъ что-то о „зародышѣ здраваго смысла" въ ея поведеніи. Цѣль этого сближенія ясна. Но какъ указаніе Трошю, такъ и удовольствіе, выраженное французскимъ собраніемъ по этому поводу, весьма неблагоразумны, въ виду того простого факта, что злодѣйства коммуны, т.-е. пожары, случились черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ Бисмаркъ упомянулъ о коммунѣ въ рейхстагѣ.

Французскія дѣла заняли сегодня почти все мѣсто, какимъ мы можемъ располагать, и мы должны отложить обозрѣніе нѣкоторыхъ политическихъ фактовъ изъ жизни другихъ странъ. Относительно заключенія сессіи германскаго рейхстага мы предоставимъ слово нашему берлинскому корреспонденту, который коснулся и столкновенія, уже послѣдовавшаго между кн. Бисмаркомъ и народнымъ представительствомъ, и описалъ торжество въ Берлинѣ по случаю возвращенія войскъ изъ побѣдоноснаго похода.

Благодаря фразерству французскихъ политическихъ людей и многихъ французскихъ газетъ, теперь реакціонеры всей Европы получатъ возможность безпрестанно пугать легковѣрныхъ людей страшными предпріятіями международнаго общества. „Красный призракъ", который оказалъ уже столько услугъ реакціи, будетъ снова выставляемъ ими при малѣйшемъ поводѣ къ уличнымъ безпорядкамъ. Такъ, бельгійскіе

реакціонеры не замедлили усмотрѣть руку „международнаго общества" въ безпорядкахъ, бывшихъ въ Брюсселѣ по случаю папскаго юбилея, хотя извѣстно, что гораздо бо́льшіе безпорядки происходили въ Брюсселѣ по поводу провозглашенія догмата о папской непогрѣшимости, и въ то время никто не думалъ связывать эти драки съ всемірною революціею. Такъ, бельгійскіе же клерикалы извѣщали, что въ Вервье 25-го іюля (н. с.) должна была произойти „интернаціональная" демонстрація; вслѣдствіе такого положительнаго извѣщенія въ Вервье были посланы войска, но демонстраціи никакой не было. Авторы фальшиваго извѣстія, разумѣется, доказываютъ, что демонстраціи оттого только и не было, что были посланы войска. Если вѣрить такимъ слухамъ, то придется постоянно держать войска въ сборѣ во всѣхъ казармахъ Европы, и не пропускать ни одной церковной процессіи, ни одного народнаго празднества, ни одного митинга безъ чрезвычайныхъ военныхъ мѣръ. По всей вѣроятности и безпорядки, происшедшіе въ концѣ іюня (н. с.) въ каменноугольныхъ копяхъ прусской Силезіи, будутъ истолкованы прусскими реакціонерами, какъ дѣйствіе „международнаго общества". При этихъ безпорядкахъ была употреблена военная сила и убито 7 человѣкъ, 20 ранено и 60 арестовано. Но вѣдь безпорядки въ мѣстахъ накопленія рабочихъ—не новость. Новость состоитъ только въ новомъ предлогѣ, и вотъ въ снабженіи реакціонеровъ этимъ новымъ предлогомъ виноваты какъ преступники, служившіе парижской коммунѣ, такъ и правительственные фразеры Франціи, желающіе оправдать собственныя ошибки указаніемъ на мнимую всемірность зла. „Крестовая газета" недавно уже прочла приличную проповѣдь „Національной газетѣ" за либерализмъ, доказывая послѣдней, что изъ ея принциповъ прямо и логически вытекаютъ всѣ ужасы коммуны. Прелестно это внушеніе „Національной газетѣ", которая есть нѣчто въ родѣ прусскаго „Голоса".

Въ Англіи палата общинъ, наконецъ, дошла-таки до разсмотрѣнія избирательнаго билля Форстера. Мы уже говорили, что оппозиція нарочно всячески затягивала обсужденіе военнаго закона, для того, чтобы не осталось времени для избирательной реформы. Времени, дѣйствительно, потеряно очень много и депутаты крайне недовольны, что имъ приходится въ самое жаркое время года приступить къ усиленнымъ занятіямъ, по случаю разсмотрѣнія такой важной мѣры, какъ реформа всего способа выборовъ, парламентскихъ и муниципальныхъ. Спикеръ, т.-е. предсѣдатель собранія, до того утомился, что заболѣлъ. Билль Форстера касается собственно способа избранія въ парламентское и муниципальное представительства: открытое голосованіе онъ замѣняетъ тайною баллотировкой, съ той цѣлью, чтобы устранить отъ избирателей всякія понужденія, стѣсняющія ихъ свободу, а также сдѣлать безполезнымъ подкупъ. Пренія по этому закону

уже начались, но въ ту минуту, когда мы сдаемъ эти строки въ типографію, они еще не дошли до такой точки, которая позволяла бы уже характеризовать ихъ.

Въ тотъ самый день, когда въ Берлинѣ праздновались блестящія и громадныя побѣды германскихъ войскъ, въ другой столицѣ происходило торжествованіе вѣчности католическаго могущества. Въ виду этихъ великолѣпныхъ праздниковъ—воинскаго и клерикальнаго, нельзя не замѣтить, что „успѣхи новѣйшаго времени", повидимому, замыкаются, въ настоящемъ періодѣ, главнымъ образомъ именно въ области прошлаго, то-есть воинскихъ подвиговъ и клерикальнаго „прогресса". Прогрессъ артиллеріи не подлежитъ сомнѣнію; прогрессъ военной науки подъ руководствомъ великаго германскаго полководца тоже не подлежитъ сомнѣнію. Такихъ военныхъ результатовъ, какъ плѣненіе трехъ армій, изъ которыхъ каждая превышала 100 т. чел.—никогда не бывало. Но и католическій „прогрессъ" новѣйшаго времени также не подлежитъ сомнѣнію. Созванія вселенскаго собора въ Римѣ тоже никогда не бывало, до послѣдняго времени. Провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости есть также такой подвигъ, на который не рѣшался самъ Григорій VII. Наконецъ, какъ бы для иллюстраціи католическаго прогресса, случилось еще небывалое явленіе: папа процарствовалъ 25 лѣтъ, и предсказаніе „sancte pater, non videbis annos Petri" не оправдалось въ примѣненіи къ Пію IX, и на памятникѣ, посвященномъ его 25-лѣтнему юбилею, красуется надпись: „Joannes-Maria Mastaï unus aequavit annos Petri".

Папа Пій IX, въ мірѣ—Іоаннъ-Марія графъ Мастаи-Ферретти—родился въ Синигальѣ (въ римской области) 13-го мая 1792-го года. Исторія его 25-лѣтняго царствованія слишкомъ извѣстна для того, чтобы стоило напоминать о его либеральныхъ начинаніяхъ въ 1846—48 годахъ и ихъ исходѣ. Человѣкъ честный и остроумный, Пій IX—весьма недальновидный политикъ, и главная слабость его въ томъ, что онъ слишкомъ вѣритъ въ свою энергію. Въ силу такой его вѣры, онъ поддался внушеніямъ іезуитскаго ордена и, ставъ орудіемъ въ его рукахъ, зашелъ за всѣ предѣлы благоразумія. Провозглашеніе догмата непогрѣшимости нанесло сильный ударъ католицизму въ Германіи, а въ Англіи остановитъ замѣтное его возрастаніе. Пій IX, благодушный и насмѣшливый старикъ, не можетъ самъ не понимать этого именно по свойству своего ума. Но онъ, какъ всѣ люди, не имѣющіе истинной энергіи, а между тѣмъ претендующіе на энергію по самолюбію, отбросилъ свои человѣческія сомнѣнія и идетъ впередъ зажмуривъ глаза ко всѣмъ крайнимъ выводамъ той реакціи, въ которую его бросила неудача его либеральныхъ попытокъ. Его дѣйствія носятъ характеръ настоящаго фатализма и прямо противоположны практической политикѣ, какою отличались многіе папы. Та неуступчивость,

та страсть ставить одинъ свой авторитетъ противъ всѣхъ теченій времени, какая въ немъ обнаружилась умноженіемъ и безъ того тяжкаго бремени католической догматики, а наконецъ, такъ-сказать „канонизировала самое себя" изданіемъ догмата о непогрѣшимости— могла быть практическимъ правиломъ только въ тѣ времена, когда авторитетъ папы самъ по себѣ былъ всесиленъ. Въ настоящее же время, вмѣсто того, чтобы провозглашать своею политическою *теоріею* non possumus, болѣе практическій папа помнилъ бы, что non possumus прежде всего для него существуетъ *на практикѣ*. Non possumus, какъ сила воли, мало значитъ въ сравненіи съ non possumus, какъ выраженіемъ полнаго безсилія въ дѣйствіи.

Какъ человѣкъ, Пій IX — личность, заслуживающая уваженія и стоящая гораздо выше не только предшественника его Григорія XVI, но едвали не большинства папъ. Поэтому естественно, что къ юбилею ему прислано было множество приношеній, цифра которыхъ, какъ увѣряютъ, превзошла четыре милліона франковъ. Но напрасно было бы видѣть въ этомъ обиліи приношеній силу политическую, какъ то будетъ думать римская курія, а вѣроятно и самъ папа.

Римская курія надѣялась воспользоваться празднествомъ папскаго юбилея, чтобы компрометтировать передъ католическимъ міромъ итальянское правительство. Она ожидала безпорядковъ по поводу наплыва иностранныхъ депутацій и духовныхъ лицъ, и не преминула бы, въ такомъ случаѣ, увѣрять европейскія правительства, что „свобода церкви" въ Римѣ, занятомъ итальянскими войсками, немыслима. Очень можетъ быть, что римская курія ничего бы не имѣла противъ вмѣшательства самого „международнаго общества" въ римскія дѣла, лишь бы вышли безпорядки. Думать такъ позволительно потому, что, по разсказамъ англійскихъ корреспондентовъ, нѣкоторые пріѣзжіе выказывались весьма готовыми обижаться и вызывать какое-нибудь насиліе надъ собою. Но такія ожиданія, если они были, потерпѣли полнѣйшее fiasco, благодаря особой предупредительности итальянскихъ начальствъ. Сами римляне—народъ, котораго долгое иго слабаго правленія отлично выучило насчетъ демонстрацій, ихъ умѣстности и неумѣстности—озаботились выказать самое вѣжливое и любезное равнодушіе къ празднеству юбилея. Впрочемъ и самое это празднество не особенно удалось. Пріѣзжихъ насчитывали только около 4 тысячъ человѣкъ. Это были, по большей части, или духовныя лица, или крестьянскія депутаціи, которыя такъ и ходили по Риму группами, жили и обѣдали цѣлыми артелями, такъ что слишкомъ очевиденъ былъ фактъ, что онѣ—„поставлены" въ Римъ какъ бы на заказъ. Какъ примѣръ попытокъ нѣкоторыхъ клерикаловъ произвесть демонстраціи, одинъ корреспондентъ разсказываетъ такой случай: „Нѣсколько иностранныхъ священниковъ приходятъ на piazza Colonna, гдѣ стояло нѣ-

сколько мальчиковъ съ ваксою и щетками. Одинъ изъ патеровъ вынулъ изъ кармана су и, подозвавъ мальчика, сказалъ ему намѣренно-громко: „вотъ тебѣ милый, скажи ave Maria за возстановленіе власти святѣйшаго отца".—Мальчикъ посмотрѣлъ вокругъ и отвѣтилъ: „нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ терять время", — что̀ вызвало въ народѣ смѣхъ. Къ удивленію патера, мальчику тотчасъ надавали цѣлую кучу мѣдной монеты."

Въ виду несомнѣннаго и единодушнаго отвращенія всего римскаго населенія къ свѣтской власти папы можно ли сколько-нибудь серьезно помышлять о ея возстановленіи? Иностранная помощь силою, конечно, могла бы быть дѣйствительна противъ римскаго населенія. Но вѣдь Римъ занятъ итальянскими войсками, объявленъ столицею итальянскаго королевства; стало быть для возвращенія папѣ свѣтской власти пришлось бы начать войну съ сильнымъ государствомъ, и притомъ войну, которую оно вело бы за самое свое существованіе, то-есть не взирая ни на какія жертвы. А между тѣмъ, Тьеру приписывается намѣреніе поддержать свѣтскую власть папы. Говорятъ, что изъ Версаля исходятъ интриги съ этой цѣлью, и что Тьеръ и въ этомъ отношеніи желаетъ, повидимому, быть продолжателемъ политики Наполеона III. Говорили, что итальянское правительство уже сдѣлало представленія версальскому кабинету противъ такихъ предполагаемыхъ намѣреній, но этотъ слухъ опровергнутъ. Но, по словамъ „Moniteur'a" (который теперь не оффиціальная, но оффиціозная газета), французское правительство намѣрено оставить въ Италіи посланниками обоихъ своихъ герцоговъ - дипломатовъ, а именно герцога Шуазёля во Флоренціи, при итальянскомъ дворѣ, а герцога Аркура (Harcourt) въ Римѣ, при дворѣ папскомъ. Г. д'Аркуръ, правда, уѣзжаетъ въ отпускъ, но все-таки остается посланникомъ при папѣ и мѣсто его пока заступаетъ повѣренный въ дѣлахъ Лефевръ. Что касается до де-Шуазёля, то, по словамъ „Монитера", ему предписываетя не слѣдовать въ Римъ за итальянскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а оставаться во Флоренціи, до тѣхъ поръ, пока самъ король не изберетъ Римъ мѣстомъ своего пребыванія. Такимъ образомъ Тьеръ все-таки обнаруживаетъ желаніе не признавать отмѣны свѣтской власти папы. Но такими дипломатическими тонкостями никогда не отвращались никакія событія. Если же бы Тьеръ серьезно захотѣлъ исполнить желаніе французскихъ епископовъ, обратившихся къ національному собранію съ прошеніемъ о возстановленіи свѣтской власти папы, то война была бы неизбѣжна, и притомъ война, въ которой Италія, единодушная въ своей мысли, могла бы побѣдить Францію, истощенную и раздвоенную. Низкій разсчетъ можетъ, пожалуй, подсказывать Тьеру мысль возобновить „воинскую славу" Франціи дешевымъ образомъ, насчетъ Италіи, и при этомъ прославить кого-либо

изъ орлеанскихъ принцевъ, напримѣръ капитана „Lefort", т.-е. герцога Шартрскаго, который могъ бы быть произведенъ въ генералы-побѣдоносцы. Такова была мысль извѣстной „трокадерской экспедиціи" при Реставраціи, для возстановленія, насчетъ испанскихъ конституціоналистовъ и во славу герцога ангулемскаго, „блеска французскаго оружія" послѣ Ватерлоо. Но нынѣшняя воинственная попытка могла бы неудаться, потому что у Италіи есть организованная армія, болѣе многочисленная, чѣмъ та, какую имѣетъ въ настоящее время Франція. Сверхъ того, нѣтъ сомнѣнія, что походъ въ пользу папы вызвалъ бы во Франціи новую междоусобицу. Итакъ, надо полагать, все дѣло ограничится безплодными дипломатическими демонстраціями Тьера все въ смыслѣ прежней, наполеоновской политики.

Надо, впрочемъ, сказать, что итальянское правительство отчасти само было виновато въ томъ, что утвержденіе Италіи въ Римѣ еще не считалось окончательно совершившимся фактомъ. Итальянское правительство, желая соблюсти вѣжливость, отправило въ Римъ генерала Бертоле-Віале, для принесенія папѣ поздравленій съ юбилеемъ отъ лица короля Виктора-Эммануила. Но бываютъ положенія, въ которыхъ вѣжливость похожа на иронію. Король, отнявшій Римъ, у папы, посылаетъ къ нему туда генерала съ поздравленіемъ: положеніе крайне фальшивое. Проще, казалось, было бы самому Виктору-Эммануилу, отложивъ вѣжливость совсѣмъ переѣхать въ Римъ, куда онъ поѣхалъ теперь, или, по крайней мѣрѣ, перенесть туда парламентъ. Довольно естественно, что папа не отплатилъ за вѣжливость вѣжливостью: онъ велѣлъ сказать итальянскому генералу, что не можетъ принять его, и генералъ удалился, хотя въ его присутствіи нѣсколько сотъ духовныхъ лицъ изъ Германіи въ то самое время ожидали выхода къ нимъ римскаго первосвященника. Итакъ, если папа былъ слишкомъ „утомленъ" для того, чтобы принять генерала, посланнаго итальянскимъ правительствомъ, а между тѣмъ располагалъ принять германскихъ духовныхъ, то ясно, что „утомленъ" онъ былъ дѣйствіями итальянскаго правительства, а не своимъ священнодѣйствіемъ въ тотъ день.

Не мудрено, что и римляне, съ другой стороны, могли утомиться этими дѣйствіями, въ особенности отсрочкою перенесенія въ Римъ итальянскаго парламента. Въ прошломъ мартѣ состоялось, противъ мнѣнія флорентинскаго правительства, постановленіе итальянскаго парламента, въ силу котораго перенесеніе столицы въ Римъ должно произойти не позже 30-го іюня. Но итальянское правительство позволяетъ себѣ иногда увертываться отъ дѣйствительнаго исполненія воли парламентскаго большинства. Правительство послало въ Римъ особаго королевскаго коммисара съ порученіемъ сдѣлать, какъ можно скорѣе, всѣ колебанія для перенесенія столицы въ вѣчный городъ. Коммисаръ работалъ очень усердно, отчуждалъ частныя недви-

жимыя имущества на основаніи закона общественной пользы, и наконецъ пріѣхалъ во Флоренцію возвѣстить, что все готово. Но министерство, въ виду колебанія короля, представило парламенту, что перенесеніе его сессіи въ Римъ теперь невозможно, такъ какъ это прервало бы обсужденіе важныхъ проектовъ законовъ. Хотя ему возражали не безъ основанія, что сессію можно продолжать въ Римѣ, что по окончаніи обсужденія военнаго закона можно переѣхать въ Римъ и открыть тамъ сессію съ 10-го іюля, но министръ внутреннихъ дѣлъ Ланца утверждалъ, что къ 10-му іюля невозможно будетъ возобновить сессію, а въ заключеніе, сдѣлавъ изъ этого вопросъ о довѣріи къ кабинету, настоялъ на отсрочкѣ перенесенія парламента въ Римъ до ноября мѣсяца! Прежнее же постановленіе парламента о немедленномъ перенесеніи въ Римъ столицы хотятъ исполнить только въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя министерства, въ томъ числѣ и министерство иностранныхъ дѣлъ переѣзжаютъ въ Римъ, и что съ іюля Римъ оффиціально объявленъ столицею итальянскаго королевства, о чемъ разосланъ циркуляръ къ его представителямъ заграницею. Но римляне такіе же отъявленные патріоты, какъ голштейнцы. Тѣ и другіе, недавно присоединенные, послѣ долгихъ стремленій къ „общему отеству", не допускаютъ пока никакой оппозиціи, и г-ну Ланца, котораго въ Туринѣ давно прозвали il carabiniere (т.-е. жандармъ), также нелегко раздразнить римлянъ, какъ князю Бисмарку было бы трудно неугодить голштейнцамъ. Впрочемъ, король явился-таки, наконецъ, въ Римъ, къ удовольствію его жителей; неизвѣстно только, долго ли онъ тамъ пробудетъ; Туринъ ему милѣе всѣхъ городовъ Италіи.

Такимъ образомъ итальянскій парламентъ закончилъ свою послѣднюю сессію въ флорентинскомъ дворцѣ на piazza della Signoria. Обсужденіе проекта военнаго министра Рикотти о преобразованіи арміи довелъ до конца. Новый законъ составленъ по образцу прусскаго. Онъ вводитъ всеобщую обязательность воинской повинности, и отмѣняетъ выкупъ. Срокъ дѣйствительной службы подъ знаменами опредѣленъ въ три года.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА

Вступленіе войскъ въ Берлинъ.—Конецъ первой сессіи германскаго рейхстага.—Законы объ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Берлинъ, 24 (12) іюня.

Послѣ вступленія войскъ въ Берлинъ и окончанія первой сессіи германскаго рейхстага, совершившагося за день передъ тѣмъ, въ общественной жизни наступило глубокое затишье, которое тѣмъ ощутительнѣе, что прусская столица цѣлый годъ почти съ усиленнымъ сердцебіеніемъ переживала громадныя событія, которыя захватывали собою интересы цѣлаго міра. Вступленіе войскъ было по истинѣ прекраснымъ празднествомъ и столица съ великимъ усердіемъ выполняла свою задачу.

Городъ отпустилъ незначительную, сравнительно, сумму 100,000 талеровъ на украшеніе *via triumphalis*, имѣвшей въ длину болѣе $^1/_2$ мили; но весь артистическій міръ Берлина и всѣ тѣ, которые занимаютъ мѣсто между искусствомъ и ремесломъ, съ такимъ талантомъ и безкорыстіемъ выполнили возложенную на нихъ задачу, что вышло нѣчто дѣйствительно чудесное, въ особенности, если принять въ соображеніе, что на всѣ приготовленія дано было не болѣе двухъ недѣль. Въ этотъ промежутокъ времени, кромѣ второстепенныхъ декоративныхъ работъ, украшавшихъ *via triumphalis* на всемъ ея протяженіи, успѣли сдѣлать нѣсколько статуй отъ 40—50 футъ вышиной, съ полдюжины большихъ картинъ, красовавшихся на средней аллеѣ бульвара улицы „Подъ Липами“. Нѣкоторыя были выполнены съ такимъ совершенствомъ, что могли выдержать самую строгую критику. Общее мнѣніе признало первенство за статуей Германіи, выставленной въ Лустгартенѣ; она обнимаетъ возвращенныхъ дочерей, Эльзасъ и Лотарингію; не столько главныя фигуры, выполненныя съ большой правильностью, заслужили общее одобреніе, сколько барельефы, украшающіе пьедесталъ и по глубинѣ концепціи и характеристичности исполненія не имѣющія себѣ подобныхъ. Они изображаютъ призывъ народа, или, выражаясь прусско-прозаическимъ языкомъ, мобилизацію. Жандармъ передаетъ приказъ крестьянину за плугомъ; эти фигуры служатъ прологомъ цѣлому ряду другихъ, въ которыхъ мы уже усматриваемъ дѣйствіе этого приказа. Гимназистъ покидаетъ школьную скамью, принимая благословеніе пастора, студентъ опоясывается саблей и съ такой поспѣшностью, что забываетъ сбросить бурщикозную

фуражку; веселый кавалеристъ прощается съ своей возлюбленной, воинъ ландвера—съ женой и дѣтьми, инвалидъ на деревяшкѣ, участвовавшій въ войнѣ за освобожденіе съ Наполеономъ I, посылаетъ свои благословенія и счастливыя пожеланія выступающимъ въ походъ, и т. д. Независимо отъ заказовъ, сдѣланныхъ городомъ, академія искусствъ украсила свое зданіе галлереей портретовъ самыхъ замѣчательныхъ полководцевъ послѣдней войны. Портреты нарисованы самыми талантливыми членами академіи, каковы, напр., Адольфъ Ментцель, Густавъ Рихтеръ, стяжавшіе европейскую извѣстность. Берлинъ богатъ талантливыми художниками и всѣ они съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ послужили патріотическому дѣлу.

Вмѣстѣ съ затишьемъ, о которомъ мы говорили выше, проявилось глубокое сознаніе мира и безопасности, которыхъ такъ долго недоставало народу. Какъ самая юная и слабая держава, Пруссія до 1866 года постоянно сознавала, что каждая война грозитъ ея существованію и что ея противники, какъ скоро дѣло дойдетъ до столкновенія, будутъ стремиться, въ случаѣ побѣды, сдѣлать Пруссію, какъ они выражались, безвредной. Самое неоспоримое доказательство отсутствія сознанія безопасности представляло состояніе прусскаго государственнаго кредита. Хотя финансы страны управлялись образцовымъ образомъ и долгъ отнюдь не былъ отяготителенъ,—прусскія государственныя бумаги стояли гораздо ниже по курсу не только англійскихъ и французскихъ бумагъ, но даже бумагъ тѣхъ маленькихъ государствъ, относительно которыхъ существовало воззрѣніе, что катастрофа, которая разразится надъ Германіей, спасетъ маленькія государства и погубитъ только Пруссію. Эти воззрѣнія измѣнились уже послѣ основанія сѣверо-германскаго союза, займы котораго благопріятно встрѣчались публикой не только въ Германіи, но и за-границей, потому что вѣрили въ силу и прочность этого государственнаго зданія. Теперь это сознаніе безопасности чрезвычайно усилилось, благодаря побѣдоносной войнѣ съ Франціей и это должно въ высшей степени благопріятно отразиться не только на государственныхъ финансахъ, но и на всякихъ начинаніяхъ. Что касается первыхъ, то въ послѣднемъ засѣданіи рейхстага государственный канцлеръ объявилъ, что полученная съ Франціи военная контрибуція будетъ частью обращена на погашеніе сдѣланныхъ во время войны займовъ; при этомъ, разумѣется, большія суммы денегъ перейдутъ въ руки капиталистовъ, которые будутъ вынуждены искать для нихъ помѣщенія, а при постоянно увеличивающейся цѣнности всѣхъ государственныхъ бумагъ, большая часть этихъ капиталовъ будетъ обращена на промышленность и земледѣліе, которыя и составляютъ главный источникъ національнаго богатства. Но, во всякомъ случаѣ, значительная часть французской контрибуціи будетъ употреблена на пополненіе военнаго матеріала.

израсходованнаго въ послѣднюю войну, на расширеніе и постройку пограничныхъ съ Франціей крѣпостей. 240 милліоновъ талеровъ образуютъ блистательный инвалидный капиталъ; 4 милліона талеровъ опредѣлены на дотацію генераловъ и государственныхъ людей; 4 милліона назначены для пособій возвращающемуся съ войны ландверу (то-есть офицерамъ и врачамъ ландвера), 2 милліона пойдутъ на вознагражденіе изгнанныхъ изъ Франціи, передъ началомъ войны, нѣмцевъ; 5 милліоновъ опредѣлены на производство матеріаловъ для желѣзныхъ дорогъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи и т. д. Такое распредѣленіе всего вѣрнѣе и быстрѣе пуститъ эти деньги въ оборотъ, черезъ тысячи каналовъ, которые разнесутъ благосостояніе по всей странѣ. Черезъ это Германія сдѣлается богаче, чѣмъ она была до сихъ поръ. Одинъ англійскій статистикъ вычислилъ недавно, что Франція ежегодно откладываетъ 100 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, то-есть $2^1/_2$ мильярда франковъ, или другими словами: чистая экономія двухъ годовъ достаточна для покрытія военной контрибуціи, которую Франція должна уплатить Германіи. Это необыкновенное богатство развилось во Франціи, главнымъ образомъ, при правленіи Наполеона I, хотя оно отнюдь не отличалось бережливостью. Разумѣется, Франція гораздо плодороднѣе, чѣмъ Германія, а промышленность ея, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ, превосходитъ промышленность послѣдней; но кромѣ того, я полагаю, что однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ быстромъ приращеніи богатства во Франціи слѣдуетъ считать господствующую въ ней военную систему; или, если хотите, обратно: отсталость въ этомъ отношеніи Германіи и главнымъ образомъ сѣверной, всего же болѣе Пруссіи, слѣдуетъ приписать великимъ жертвамъ, которыя налагаетъ на страну всеобщая военная повинность. Я не хочу унижать великой идеи, лежащей въ системѣ общей военной повинности, но послѣднія три, въ высшей степени удачныя, войны Пруссіи такъ ослѣпили весь свѣтъ, что темныя стороны этой системы, главнымъ образомъ сказывающіяся на народномъ хозяйствѣ, совершенно упускаются изъ виду. Когда войско набирается, главнымъ образомъ, изъ низшихъ классовъ, то капиталъ, представляемый имъ, рѣшительно меньше, чѣмъ капиталъ, заключающійся въ арміи, въ которой не участвуютъ равномѣрно *всѣ* классы, но какъ я уже раньше объяснялъ вамъ, образованные классы имѣютъ сравнительно больше представителей, чѣмъ низшіе. Годовая служба вольноопредѣляющихся (*Freiwillige*), которая гораздо болѣе характеризует прусскую (а теперь и германскую) военную систему, чѣмъ общая повинность,—конечно удивительное учрежденіе, и бельгійскій генералъ Шазаль недавно превознесъ ее въ бельгійской палатѣ. Но это учрежденіе налагаетъ на отдѣльныхъ лицъ, а въ массѣ—и на самое государство, тяжелыя жертвы. Посмотримъ на дѣло съ практической сто-

роны. Молодой, здоровый человѣкъ, получившій то образованіе, которое даетъ право на годовую службу вольноопредѣляющагося, то-есть, который пробылъ по крайней мѣрѣ годъ въ высшихъ классахъ гимназіи или реальной школы, или же заявилъ, посредствомъ экзамена, что обладаетъ необходимой степенью образованія, можетъ поступить вольноопредѣляющимся, начиная съ 17-лѣтняго и до 23-лѣтняго возраста. На практикѣ выходитъ такъ, что почти всѣ, посвящающіе себя высшимъ карьерамъ, жертвуютъ первымъ университетскимъ годомъ для военной службы, потому что въ два послѣднихъ гимназическихъ года, когда молодые люди достигаютъ необходимаго возраста, имъ невозможно удѣлить время на военную службу. Такъ-называемый университетскій, вступительный экзаменъ (экзаменъ *pro maturitate*) сравнительно самый трудный изъ всѣхъ экзаменовъ въ Пруссіи, которые, какъ извѣстно, весьма многочисленны. Первый же университетскій годъ, напротивъ того, является эпохой золотой, юношеской свободы и нѣмецкіе студенты, по преданію, установившемуся съ незапамятныхъ временъ, считаютъ, что въ этотъ годъ много не наработаешь. Поэтому студентъ, отбывающій въ этотъ годъ свою военную службу, вовсе не станетъ работать. По истеченіи положеннаго года, онъ поступаетъ на 6 лѣтъ въ резервъ и въ теченіи этого времени обязанъ два раза участвовать въ военныхъ упражненіяхъ, которыя не должны длиться болѣе 8-ми недѣль. Затѣмъ онъ поступаетъ на 5 лѣтъ въ ландверъ, въ теченіи которыхъ снова обязанъ участвовать въ военныхъ упражненіяхъ отъ 8—14 дней. Эти обязательства, конечно, не особенно тягостны для тѣхъ, кто поступаетъ на государственную службу, въ качествѣ юристовъ, учителей и проч., потому что въ этомъ случаѣ само государство заботится объ ихъ замѣнѣ, но они очень чувствительны для большой массы молодыхъ людей, посвящающихъ себя торговлѣ, сельскому хозяйству, промышленности и множеству другихъ занятій. Но возьмемъ теперь періодъ войны. Пруссія въ 1859 году была занята мобилизаціей, въ 1864, 1866 и 1870 гг.— войной. Слѣдовательно тѣ, которые въ 1858 г. отбывали служебный срокъ въ постоянной арміи, принуждены были, въ теченіи 11 лѣтъ, четыре раза становиться подъ знамена, и понятно, какъ гибельно сказалось это на ихъ хозяйствѣ. Точно такія же жертвы налагаются и на тѣхъ, кто служитъ простыми солдатами. Люди, начавшіе небольшое предпріятіе, которое кормило ихъ и обѣщало въ будущемъ обезпеченное существованіе, часто вынуждены бываютъ—если не найдутъ покупателя, зачастую предлагающаго ничтожную цѣну—просто на просто прекратить дѣло, когда ихъ могутъ не сегодня, завтра призвать подъ знамена. Вмѣстѣ съ тѣмъ общая военная повинность дѣлаетъ также болѣе тяжелыми военныя жертвы.

Если разсматривать людей съ точки зрѣнія національнаго хозяй-

ства, то они представляютъ собою капиталъ, который съ извѣстнаго момента начинаетъ приносить проценты. Образованіе молодого человѣка, посѣщавшаго университетъ въ теченіи 3—4-хъ лѣтъ, требуетъ затраты значительнаго капитала, гораздо болѣе значительнаго, разумѣется, чѣмъ тотъ, который затрачивается на образованіе крестьянина или поденщика. Смерть уничтожаетъ какъ тотъ капиталъ, такъ и другой, прежде, чѣмъ они стали приносить проценты, которые бы вознаградили за сдѣланныя затраты. Эти условія, вмѣстѣ съ различными нравственными, придаютъ государственному устройству, опирающемуся на принципъ общей военной повинности, какой-то черствый, грубый, или лучше сказать спартанскій характеръ и вызываютъ въ немъ такое напряженіе, что мнѣ сомнительно, чтобы оно вынесло долго подобное устройство. Конечно, еслибы можно было ввести во всѣхъ европейскихъ государствахъ общую военную повинность, то этимъ, быть можетъ, всего вѣрнѣе обезпечился бы европейскій миръ, потому что для меня, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что общая военная повинность отнимаетъ у народа охоту воевать.

Вмѣстѣ съ торжественнымъ вступленіемъ войскъ совпало закрытіе рейхстага, засѣданія котораго хотя прошли не безъ нѣкоторыхъ диссонансовъ, однако вызвали къ жизни много весьма важныхъ законовъ. Въ первомъ ряду стоятъ два: законъ о присоединеніи Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи и законъ о пенсіонѣ для военныхъ. Что касается перваго, то фактъ присоединенія обѣихъ провинцій уже былъ порѣшенъ самой войной, и оппозиціи въ рейхстагѣ можно было ожидать развѣ только со стороны депутатовъ сѣвернаго Шлезвига, который, во вниманіе къ своимъ датскимъ поручителямъ, долженъ былъ оспаривать право завоеванія въ принципѣ, польскихъ депутатовъ, которыми руководили тѣже мотивы и двухъ демократовъ-соціалистовъ, которыхъ рейхстагъ насчитываетъ въ средѣ своихъ членовъ и которые не хотятъ слышать ни о какой войнѣ, кромѣ войны противъ правительствъ и противъ *капитала*. Громадное большинство, каковы бы тамъ ни были его политическія мнѣнія вообще, было согласно на присоединеніе и даже помимо всеобщей подачи голосовъ, которой во всякомъ случаѣ требовали послѣдніе изъ вышеназванныхъ противниковъ присоединенія. Но насколько велико было единодушіе касательно этого пункта, настолько расходились мнѣнія, касательно остальныхъ. Сначала Баварія хотѣла-было отхватить себѣ кусокъ Эльзаса, для округленія своихъ границъ и при этомъ ссылалась, какъ нѣкоторые увѣряютъ, не безъ нѣкотораго вѣроятія, на согласіе Бисмарка. Но эльзасцы и лотарингцы заявили такъ энергично, какъ только можно, что они, по крайней мѣрѣ, не хотятъ быть „раздроблены“, а во всей Германіи царствовало такое рѣшительное отвращеніе отъ земельнаго барышничества, какое почти всегда выражалось при всякой войнѣ

Германіи (и почти всегда въ ущербъ германскимъ государствамъ), что баварскіе депутаты сами порѣшили сопротивляться подобному требованію, какъ скоро оно будетъ заявлено, и поэтому баварское правительство не рѣшилось съ нимъ выступить. Уже раньше Пруссія объявила самымъ рѣшительнымъ образомъ, что она отнюдь не желаетъ присоединенія новыхъ провинцій къ Пруссіи. Это было мудростью, не особенно мудрой, потому что для единства Германіи и для безопасности завоеванныхъ провинцій въ высшей степени важно было, чтобы они принадлежали не одному какому-нибудь государству — большому или малому, это все равно — но союзу государствъ, образующему германскую имперію. До сихъ поръ все ясно; но вотъ гдѣ затрудненіе. Государства, входящія въ составъ германской имперіи, пользуются верховными правами, насколько они не ограничиваются конституціей имперіи. Верховныя права выражаются въ томъ, что каждое государство имѣетъ государя (у трехъ вольныхъ городовъ верховныя права принадлежатъ сенату), конституцію и народное представительство или (въ Мекленбургѣ) штаты. Въ такомъ смыслѣ Эльзасъ и Лотарингія не могутъ пользоваться верховными правами. Верховныя права принадлежатъ скорѣе германской имперіи. Конституція германской имперіи предоставляетъ свободу дѣйствія *отдѣльнымъ* государствамъ, у которыхъ есть свои законодательные факторы, такъ какъ сама она, какъ извѣстно, весьма неполна и авторитетъ имперіи не распространяется на множество предметовъ, которые предоставлены отдѣльнымъ законодательствамъ. Короче сказать, дѣло весьма запутанное, что́ вообще всегда составляло особенность германскаго государственнаго права. Въ эпоху старинной германской имперіи германское государственное право было ареной, на которой ревностно подвизались прилежные и глубокомысленные ученые и по поводу его писали томы за томами (само собой разумѣется все *in-folio*), пока не возникли гигантскія библіотеки, уже одной внѣшностью своей могущія нагнать ужасъ на всякаго человѣка, который не можетъ отказаться отъ мысли, что жизнь не сосредоточивается исключительно въ кабинетѣ ученаго. За всѣмъ тѣмъ трудъ остался не напраснымъ. Конечно, въ настоящее время рѣдко кто заглянетъ въ эти запыленные фоліанты и, съ паденіемъ старинной имперіи и имперской судебной палаты, они утратили всякій практическій смыслъ, но поколѣніе за поколѣніемъ изощрялось, благодаря этимъ изученіямъ, въ глубокомысліи; познанія въ государственномъ правѣ расширились и стали глубже. А этотъ медленный путь есть единственный, на которомъ наука дѣйствительно можетъ процвѣтать.

Несмотря на значительное число знатоковъ по части государственнаго права, до сихъ поръ немногіе отважились пускаться въ область государственнаго права новой германской имперіи (Рённе, замѣча-

тельный творецъ книги, вышедшей уже третьимъ изданіемъ: „Государственное право прусской монархіи“, до сихъ поръ далъ лучшее критическое, или, какъ онъ называетъ, историко-догматическое обозрѣніе конституціоннаго права германской имперіи), еще меньшіе въ критику проекта закона относительно Эльзаса и Лотарингіи, который, въ томъ видѣ, въ какомъ его представило правительство, заключаетъ только три параграфа, изъ которыхъ первый опредѣляетъ присоединеніе провинцій къ имперіи, второй — что конституція германской имперіи вступитъ въ свою силу въ Эльзасѣ и Лотарингіи съ 1-го января 1874-го года, что отдѣльныя части конституціи могутъ быть примѣняемы раньше, по *предписанію* императора и съ согласія союзнаго совѣта, а третій опредѣляетъ, что до введенія конституціи въ Эльзасъ и Лотарингію, право законодательства во всемъ своемъ объемѣ принадлежитъ императору и онъ пользуется имъ съ согласія союзнаго совѣта. Послѣ введенія конституціи, до новаго регулированія посредствомъ имперскаго закона, законодательныя права принадлежатъ имперіи.

Итакъ, основная мысль этого закона слѣдующая: въ настоящее время управляетъ императоръ и обязывается, въ своихъ распоряженіяхъ, искать согласія союзнаго совѣта. Послѣ введенія конституціи законодательное право принадлежитъ имперіи, то-есть рейхстагъ долженъ обсуждать и, наконецъ, имперскій законъ долженъ регулировать отношенія. Слѣдовательно, въ-первомъ періодѣ — диктатура; во-второмъ періодѣ—временное устройство; въ-третьемъ—окончательное. Для диктатуры назначенъ срокъ, но для временного устройства срока не назначено и какъ должно организоваться окончательное устройство,— на это нѣтъ ни малѣйшаго намека. Рейхстагъ порѣшилъ, когда ему былъ представленъ проектъ закона, передать его на обсужденіе коммисіи и избралъ въ эту коммисію корифеевъ всѣхъ партій, которые, сознавая свое важное назначеніе, обработали законъ, измѣнивъ текстъ, но не измѣняя смысла и ввели нѣкоторыя новыя опредѣленія; напр., что конституція должна вступить въ свою силу уже съ 1-го января 1873-го года, что статья 3-я имперской конституціи (общее гражданское право) должна быть введена уже теперь, что государственный канцлеръ—отвѣтственное лицо за предписанія и приказы императора. Государственный канцлеръ не могъ участвовать въ совѣщаніяхъ коммисіи, потому что велъ въ это время переговоры о мирѣ во Франкфуртѣ. Такъ какъ онъ не требовалъ отсрочки переговоровъ, то коммисія и рейхстагъ полагали, что онъ не придаетъ большого значенія частнымъ измѣненіямъ въ законѣ. Кромѣ того тутъ былъ Дельбрюкъ, довѣренное лицо канцлера, или, какъ онъ самъ не задолго передъ тѣмъ выразился, его Гнейзенау (начальникъ штаба Блюхера), который могъ указать коммисіи, также какъ и рейхстагу, какія измѣненія могли

показаться канцлеру нежелательными, или же и вовсе непримѣнимыми. И дѣйствительно, Дельбрюкъ возставалъ противъ нѣкоторыхъ измѣненій, но отнюдь не съ особенной энергіей.

Также и на второмъ совѣщаніи о законѣ *im pleno*—опять Бисмаркъ не присутствовалъ. Внесенныя коммиссіей измѣненія частью были одобрены и никто не предполагалъ, чтобы въ примѣненіи закона могло встрѣтиться какое-нибудь затрудненіе, какъ вдругъ, во время третьяго чтенія 13-го (25-го) мая, появился государственный канцлеръ и произнесъ громовую рѣчь противъ принятыхъ измѣненій въ законѣ. Онъ особенно энергично возставалъ противъ сокращенія диктатуры на годъ и, кромѣ этого, противъ опредѣленія, по которому на заключеніе займовъ Эльзасомъ императоръ долженъ имѣть согласіе рейхстага. Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи онъ видѣлъ личное недовѣріе къ нему и объявилъ, что если оно останется въ законѣ, то онъ не хочетъ имѣть ничего общаго съ управленіемъ обѣихъ провинцій. Не столько содержаніе рѣчи, сколько тонъ, какимъ она была произнесена, оскорбилъ собраніе. Въ немъ звучала какая-то нота, которой прилично звучать лишь въ устахъ господина, отдающаго приказанія своему слугѣ. Въ особенности разсердились либеральные депутаты южной Германіи, и одну минуту едва не поддались желанію уѣхать обратно на родину. Либералы сѣверной Германіи сохранили больше хладнокровія и внесли предложеніе: возвратить проектъ коммисіи (чего никогда не бываетъ, послѣ третьяго чтенія) и это предложеніе было принято. Проектъ закона вернулся обратно въ коммиссію, которая, въ тотъ же самый вечеръ, назначила засѣданіе, и на немъ появился самъ государственный канцлеръ. Одинъ очевидецъ разсказывалъ мнѣ, что вначалѣ канцлеръ казался еще раздраженнѣе, чѣмъ въ рейхстагѣ, и что онъ „рычалъ, какъ разъяренный левъ". Только благодаря ловкости и настойчивости Ласкера удалось наконецъ укротить канцлера. Найстойчивость, глубокомысліе и дѣйствительно замѣчательныя заслуги Ласкера по законодательству союза и имперіи, сдѣлали сильное впечатлѣніе на Бисмарка, хотя, быть можетъ, ему и антипаченъ вообще весь еврейски-подвижной складъ личности Ласкера.

Какъ бы то ни было, а Ласкеру удалось укротить льва и въ концѣ засѣданія, длившагося нѣсколько часовъ, канцлеръ согласился съ коммисіей, причемъ, по пословицѣ, остались и волки сыты и овцы цѣлы. Каждая сторона сдѣлала уступки, но въ чемъ собственно они состояли—трудно сказать, потому что, въ главномъ, дѣло осталось такъ какъ было, то-есть диктатура оканчивается къ 1-му января 1873-го года, а для долговъ, заключаемыхъ новыми провинціями, необходимо согласіе рейхстага, но только тогда, когда дѣло касается такихъ долговъ, „которые могутъ отяготить имперію". (Включеніе этого условія

было уступкой, сдѣланной коммисіей). Въ этомъ видѣ законъ былъ принятъ. Не знаю, раньше или вскорѣ послѣ этого столкновенія, государственный канцлеръ велъ долгую и оживленную бесѣду съ Ласкеромъ на одномъ изъ своихъ парламентскихъ вечеровъ, причемъ восхищенный остроуміемъ послѣдняго, сказалъ не безъ нѣкоторой колкости, быть можетъ: „господинъ Ласкеръ, намъ слѣдовало бы быть сослуживцами". Но остроумный Ласкеръ отвѣчалъ ему: „развѣ ваша свѣтлость дѣйствительно желаете сдѣлаться адвокатомъ"? (Ласкеръ—адвокатъ). Хотя поведеніе канцлера произвело весьма непріятное впечатлѣніе, однако всѣ признали, что его слѣдуетъ приписать лишь чрезвычайной нервной раздражительности канцлера, и этотъ послѣдній самъ поспѣшилъ воспользоваться представившимся случаемъ, чтобы формально извиниться, а это во всѣ времена считалось у людей могущественныхъ доказательствомъ величія души. Дѣло было при заключеніи преній по закону о присоединеніи [22-го мая (3-го іюня)], когда онъ сказалъ въ концѣ своей рѣчи: „я убѣдительнѣйше прошу палату не придавать особеннаго значенія недостаточно выработанному, быть можетъ, способу изложенія, которымъ я выразилъ свое мнѣніе, и снисходительно относиться къ нѣкоторой раздражительности, съ какой оно было высказано, потому что, въ противномъ случаѣ, я не буду въ состояніи служить вамъ и странѣ. Никто не станетъ оспаривать у меня право чувствовать себя нѣсколько утомленнымъ".

Въ этомъ засѣданіи законъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ и былъ немедленно одобренъ союзнымъ совѣтомъ, и уже обнародованъ въ настоящее время. Въ настоящую минуту въ союзномъ совѣтѣ, который выдѣлилъ изъ себя особый комитетъ для Эльзаса - Лотарингіи, заняты совѣщаніями на счетъ мѣръ, которыя необходимо принять для приведенія закона въ исполненіе. Сюда принадлежатъ: организація судовъ, обязательное обученіе, налоги, пути сообщеній, общая военная повинность и тысяча другихъ вещей. Касательно организаціи судовъ, законъ, уже принятый рейхстагомъ, опредѣляетъ, что высшей судебной инстанціей для обѣихъ провинцій, вмѣсто парижской кассаціонной палаты, будетъ союзная высшая торговая судебная палата въ Лейпцигѣ, которая, разумѣется, должна быть расширена для этой цѣли; обязательное школьное обученіе уже введено, путемъ предписанія (вы знаете, что слово *предписаніе* (*Verordnung*) въ нѣмецкомъ государственномъ правѣ, въ противность *закону* (*Gesetz*), является распоряженіемъ представителей верховной власти, въ которомъ не участвуетъ народное представительство, но которое имѣетъ силу закона), а общая военная повинность, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ также немедленно введена. Въ числѣ требованій, заявленныхъ въ собраніи, бывшемъ въ апрѣлѣ въ Страсбургѣ, и переданныхъ сюда въ Берлинъ черезъ депутацію, стояло возможно продолжительное осво-

божденіе эльзасцевъ отъ обязанностей военной службы. Хотя вся программа (она заключала 22 пункта) была принята здѣсь неблагопріятно, но эта просьба, касательно военной службы, не будетъ имѣть успѣха, какъ я думаю, потому что государственный канцлеръ убѣжденъ въ томъ, что служба въ нѣмецкомъ войскѣ и согласно нѣмецкимъ правиламъ произведетъ на эльзасцевъ и лотарингцевъ то же самое ассимилирующее дѣйствіе, какъ и на присоединенныя въ 1866-мъ году провинціи.

Солдаты изъ Шлезвигъ-Голштиніи, Ганновера и Франкфурта—трехъ областей, всего упорнѣе сопротивлявшихся присоединенію и бо́льшею частью и по нынѣ недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей, превосходно дрались въ послѣднюю войну, а офицеры были самыми дѣятельными пропагандистами идеи единства Германіи. Такъ ли пойдутъ дѣла въ Эльзасѣ и Лотарингіи,—предсказать мудрено, потому что здѣсь отношенія совсѣмъ иного рода. Нельзя отрицать, да никто и не отрицаетъ, что эльзасцы и населеніе нѣмецкой Лотарингіи тѣсно сроднились съ Франціей во время ея двухсолѣтняго владычества надъ ними, но теперь, когда случайности войны снова вернули ихъ Германіи, должно выказаться, обладаетъ ли послѣдняя той нравственной притягательной силой, которая можетъ удержать ихъ за ней. Конечно, дѣло не обойдется безъ новой кровопролитной борьбы. Хотя я неоднократно слышалъ изъ устъ людей разумныхъ слѣдующее изреченіе: „теперь французы *не могутъ* вести войны противъ Германіи, а еслибы и могли, то *не захотѣли бы*“, однако это не совсѣмъ такъ. Французы заявляютъ претензію быть *первой націей* въ мірѣ и событія послѣдней войны ни мало не поколебали въ нихъ этого воззрѣнія. Нѣмцы не хотятъ признать этого превосходства. Великія народныя семьи Европы: германцы, славяне, романскіе народы—всѣ происходятъ отъ одного корня, арійскаго, и по благородству крови равны между собой. У каждой есть свои преимущества и свои недостатки; въ цѣломъ всѣ онѣ стоютъ другъ друга. Кто изъ нихъ стремится стать выше, тотъ грѣшитъ противъ справедливости. Нѣмцы на себѣ испытали это. При императорахъ гогенштауфенской династіи, они были преисполнены гордости и высокомѣрія, и слѣдствіемъ этого было глубокое паденіе имперіи, длившееся многія столѣтія. Въ настоящее время признаніе Жюля Фавра выяснило, что французы, послѣ седанской катастрофы, могли получить миръ за небольшую территоріальную уступку уступку Страсбурга съ его окрестностями.

Но французы были слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы сдѣлать то, что́ другимъ народамъ всегда приходилось дѣлать послѣ несчастной войны, то, къ чему они сами зачастую принуждали побѣжденныхъ народовъ. Развѣ для русскаго, нѣмца или итальянца почва его отечества менѣе дорога? Но въ этомъ отношеніи французы оста-

лись все тѣми же, какими были въ сентябрѣ прошлаго года и вмѣсто того, чтобы помышлять о внутреннихъ реформахъ, они радуются на свою армію, которая, конечно, довольно многочисленна, такъ какъ Германія возвратила имъ 300,000 плѣнныхъ. Нѣмецкая армія отдавала полную справедливость храбрости французской, какъ это всегда дѣлаетъ хорошая армія, потому что этимъ самымъ она славитъ собственную побѣду, но я не разъ слышалъ, какъ офицеры спрашивали другъ у друга въ интимной бесѣдѣ: „каковъ былъ бы результатъ войны 1866-го года, еслибы австрійцы были вооружены тогда такимъ же превосходнымъ оружіемъ, каково шасспо́, сравнительно съ игольчатымъ ружьемъ? а если во многихъ сраженіяхъ послѣдней войны численное превосходство было на сторонѣ нѣмцевъ, то во многихъ другихъ этого не было; французы же всегда занимали лучшія позиціи". Въ примѣръ такихъ случаевъ, когда численное превосходство было не на сторонѣ нѣмцевъ, можно привести нѣкоторыя вылазки подъ Парижемъ или Бельфоръ, подъ которымъ генералъ Вердеръ, въ теченіи трехъ дней, сохранялъ крѣпкую позицію съ 40,000 солдатъ, имѣя противъ себя ліонскую армію въ 150,000 солдатъ подъ командой генерала Бурбаки *): въ этихъ случаяхъ нѣмцы не только выходили побѣдителями, но и претерпѣвали весьма незначительный уронъ.

Послѣ закона о присоединеніи — одной изъ самыхъ важныхъ задачъ рейхстага, былъ законъ о пенсіи инвалидамъ и военнымъ. Инвалиды прусской арміи, до самаго 1863-го года, обезпечивались весьма плохо и тѣ изъ нихъ, которые не находили пріюта въ инвалидномъ домѣ или же были настолько крѣпки здоровьемъ, что могли занимать какое-нибудь мѣсто, получали одинъ талеръ въ мѣсяцъ, такъ-называемый *Gnaden-thaler*.

Только въ 1863-мъ году на юбилейномъ праздникѣ пятидесятилѣтней годовщины лейпцигскаго сраженія серьезно задались мыслію улучшить положеніе этихъ людей и государство, равно какъ и общины, постарались, по крайней мѣрѣ, облегчить жизненный закатъ тѣхъ, кто мыкалъ горе въ теченіи 50-ти лѣтъ. Вскорѣ послѣ того Сѣверная Америка подала блистательный примѣръ заботливости объ инвалидахъ, а когда, въ 1866-мъ году, была окончена новая удачная война противъ австрійцевъ, то уже въ октябрѣ того же года сдѣлана значительная прибавка пенсіона офицерамъ и солдатамъ.

Послѣдняя война съ Франціей, по предварительной оцѣнкѣ, выбила изъ строя 5,000 офицеровъ и 12,000 солдатъ (убитыми и ране-

---

*) Почтенный корреспондентъ исчисляетъ здѣсь армію Бурбаки, состоявшую изъ двухъ корпусовъ луарской арміи, вмѣстѣ съ подкрѣпленіями, прибывшими изъ Ліона. Она не доходила до 150 т. чел., но числилась около 120 тысячъ, что, впрочемъ не измѣняетъ значенія подвига генерала Вердера. — *Ред.*

ними), такъ что заботы въ этомъ направленіи необходимѣе, чѣмъ когда-либо. Законъ этотъ не касается финансовой стороны дѣла, такъ какъ эта послѣдняя обезпечивается 240 милліонами, которые, съ этой цѣлью, удѣляются изъ военной контрибуціи, уплачиваемой Франціей. Но, благодаря ловкому маневру, правительство провело не только законъ, касающійся инвалидовъ *послѣдней* войны или же вообще инвалидовъ (то-есть вдовъ и сиротъ убитыхъ), но такой законъ, который обнимаетъ вообще всю систему военныхъ пенсіоновъ, даже и въ мирное время. Депутаты охотно раздѣлили бы эти два, довольно не подходящіе другъ къ другу, вопроса, но правительство дѣйствовало ловко, время не терпѣло и предполагаемое раздѣленіе закона не состоялось.

Что касается его главныхъ основаній, то офицеръ, который послѣ десятилѣтней военной службы становится неспособнымъ состоять долѣе на дѣйствительной службѣ, получаетъ пенсіонъ въ $^{20}/_{80}$ своего жалованья и, съ каждымъ лишнимъ служебнымъ годомъ, пенсіонъ увеличивается на $^{1}/_{80}$ съ $^{60}/_{80}$ достигаетъ своего *maximum*.

Если офицеръ дѣлается инвалидомъ вслѣдствіе войны, то (не принимая въ соображеніе срока его службы) пенсіонъ увеличивается на 250 талеровъ, если онъ ниже 550 талеровъ (слѣдовательно до 800 талеровъ), если онъ колеблется между 550 и 600 талерами, то до 800 талеровъ, если же между 600—800 талеровъ, то на 200 талеровъ, если между 800 — 1,000 талеровъ, то до тысячи, если между 900 и выше, то на 100 талеровъ ежегодно. Слѣдовательно самый малый пенсіонъ офицера, сдѣлавшагося инвалидомъ на войнѣ, доходитъ до 800 талеровъ. Но пенсіонъ еще увеличивается, если офицеръ искалѣченъ на дѣйствительной военной службѣ, если онъ ослѣпъ или здоровье его пострадало неизлечимо, на 200 талеровъ ежегодно въ случаѣ потери руки, ноги, глаза, если онъ лишился употребленія языка, если онъ не можетъ свободно двигать рукой или ногой, такъ что поврежденіе равняется потерѣ этихъ членовъ, если ему нуженъ чрезвычайный уходъ, вслѣдствіе большого разстройства въ отправленіяхъ организма. Эта прибавка пенсіона можетъ превысить 400 талеровъ только въ томъ случаѣ, если инвалидное состояніе явилось слѣдствіемъ раны или внѣшняго поврежденія, однако это не касается увеличенія пенсіона въ случаѣ слѣпоты, то-есть потери обоихъ глазъ. Благодаря этой прибавкѣ самый младшій изъ офицеровъ, сдѣлавшійся инвалидомъ на войнѣ, вслѣдствіе ранъ, будетъ получать пенсіонъ въ 1,000 талеровъ, самое меньшее. Вдовамъ офицеровъ, павшихъ на полѣ битвы или умершихъ отъ ранъ, дается пособіе во все время, пока онѣ остаются вдовами: вдовы генераловъ получаютъ 500 талеровъ, вдовы штабъ-офицеровъ 400, а вдовы капитановъ и субалтернъ-офицеровъ 300 талеръ ежегодно. Наконецъ, оставшіеся дѣти получаютъ до 17-ти-лѣтняго

возраста пособіе въ 50, а если ребенокъ лишился и матери, то 75 талеровъ ежегодно. (Это послѣднее рѣшеніе прибавлено самимъ рейхстагомъ, который вообще, по многимъ пунктамъ, превзошелъ желанія самого правительства). Нельзя сомнѣваться, что такое распредѣленіе пенсіона въ высшей степени благопріятно и что въ связи съ большимъ содержаніемъ, которое получаютъ офицеры, оно будетъ побуждать образованную молодежь посвящать себя военной службѣ. Но всего больше возраженій встрѣчаетъ одинъ недостатокъ, который, во всякомъ случаѣ, не ухудшается существенно, вслѣдствіе новаго закона, но только поддерживается имъ. Для поддержанія хорошаго штата офицеровъ съ давнихъ поръ дѣйствовалъ одинъ изъ тѣхъ законовъ, которые хотя и не значутся въ кодексѣ, но, несмотря на то, а быть можетъ потому самому, оказываютъ наиболѣе вліянія. Этотъ законъ заключается въ томъ, что всякій обойденный чинами офицеръ подаетъ просьбу о пенсіонѣ и получаетъ его, какъ инвалидъ. Для доказательства инвалиднаго состоянія достаточно заявленія начальства офицера, а въ этомъ заявленіи никогда не отказываютъ. Это, конечно, прекрасное средство устранять офицеровъ, которые, будучи отличными вообще людьми, тѣмъ не менѣе не годятся для высшихъ военныхъ должностей; но, не говоря уже о томъ, что весьма способные офицеры могутъ такимъ образомъ быть вынуждены, противъ воли, выходить въ отставку, вслѣдствіе немилости начальства, — но города наполняются пенсіонерами въ цвѣтѣ лѣтъ и такого крѣпкаго здоровья, что бѣдный чиновникъ, губящій свое здоровье за письменнымъ столомъ, съ завистью на нихъ поглядываетъ. Эти инвалиды зачастую женятся не прежде, какъ получатъ пенсію, производятъ многочисленное потомство и достигаютъ возраста Маѳусаила. Въ прежнее время они должны были проживать свой пенсіонъ въ Пруссіи, но теперь, когда существуетъ *единая германская имперія*, они могутъ передвигаться въ ея границахъ и будутъ, слѣдовательно, избирать самыя красивыя и дешевыя мѣстности. Нѣтъ сомнѣнія, что противъ такой системы можно было бы многое возразить, но такъ какъ она до-сихъ-поръ давала прекрасные результаты, то на нее смотрятъ сквозь пальцы.

Перехожу теперь къ солдатамъ, но при этомъ не буду касаться пенсіона, назначаемаго въ мирное время, потому что при краткомъ срокѣ службы простой солдатъ въ мирное время сравнительно весьма рѣдко становится инвалидомъ, а срокъ службы бываетъ продолжительнѣе только у унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и проч., которые желаютъ выслужить право на полученіе впослѣдствіи какой-нибудь гражданской должности. Нравственный элементъ, принимаемый въ соображеніе, это обезпеченіе пенсіономъ солдатъ, сдѣлавшихся инвалидами на войнѣ. Унтеръ-офицеровъ и солдатъ законъ раздѣляетъ на пять разрядовъ, параллельно сроку ихъ службы (25, 20, 15, 12, 8

лѣтъ) или тяжести полученной раны: вполнѣ неспособные къ труду и отдаваемые на чужое попеченіе и уходъ; вполнѣ неспособные къ труду; почти неспособные къ труду; отчасти неспособные къ труду; полу-инвалиды (годные еще для гарнизонной службы). Въ этомъ послѣднемъ разрядѣ, солдатъ получаетъ ежемѣсячно 2, унтеръ-офицеръ 3, сержантъ 4, фельдфебель 5 талеровъ и этотъ пенсіонъ постоянно увеличивается въ пяти разрядахъ, такъ что въ высшемъ (первомъ) разрядѣ доходитъ до 10, 11, 12 и 14 талеровъ. Но кромѣ того, относительно инвалидовъ, искалѣченныхъ на войнѣ, держатся такой же точно системы, какъ и относительно офицеровъ: прибавка за рану отъ 2 талеровъ въ мѣсяцъ и прибавка за искалѣченіе до 6 талеровъ ежемѣсячно при потерѣ руки, ноги, глаза, употребленія языка и т. д. (точно такъ, какъ изложено выше). Эта прибавка можетъ превысить размѣръ 12 талеровъ въ мѣсяцъ только въ такомъ случаѣ, когда инвалидное состояніе явилось слѣдствіемъ раны или внѣшняго поврежденія, но прибавки 6 талеровъ, даваемой за потерю глаза *или* двухъ, не касается это ограниченіе. Слѣдовательно, по этому опредѣленію простой солдатъ, сдѣлавшійся инвалидомъ, вслѣдствіе *раны*, полученной *на полѣ битвы* будетъ получать, по меньшей мѣрѣ, 18 талеровъ въ мѣсяцъ, чего бóльшая часть сельскаго населенія не можетъ заработать въ мирное время, даже при полномъ развитіи рабочихъ силъ. Вдовы и сироты точно также обезпечиваются вполнѣ. Вдовы фельдфебелей получаютъ ежемѣсячно 9, вдовы сержантовъ и унтеръ-офицеровъ 7, простыхъ солдатъ 5 талеровъ и на каждаго ребенка, до достиженія имъ пятнадцати-лѣтняго возраста, отпускается ежемѣсячное пособіе въ $3^1/_2$ талера, круглымъ же сиротамъ 5 талеровъ въ мѣсяцъ.

Всѣ эти положенія весьма разумны и даже справедливы, и если, съ одной стороны, они снимаютъ съ солдатъ, идущихъ на войну, тяжелую заботу о томъ, чтó будетъ съ ними и съ ихъ семействомъ въ случаѣ, если ихъ искалѣчатъ на войнѣ, то, съ другой стороны, они зарождаютъ желаніе, чтобы войны не слишкомъ часто возобновлялись, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, всей странѣ придется работать только затѣмъ, чтобы содержать инвалидовъ и ихъ семьи.

Со времени вступленія войскъ императоръ мало живетъ въ Берлинѣ, а проводитъ бóльшую часть времени въ своемъ любимомъ зáмкѣ Бабельсбергѣ, въ Потсдамѣ, откуда пріѣзжаетъ въ Берлинъ лишь тогда, когда того требуютъ текущія дѣла. Бисмаркъ находится еще въ Берлинѣ и уѣдетъ отсюда не раньше, какъ въ началѣ будущаго мѣсяца, когда императоръ отправится въ Эмсъ (гдѣ, въ прошедшемъ году, курсъ его леченія былъ такъ внезапно прерванъ), въ Варцинъ, чтобы тамъ отдохнуть отъ трудовъ. Послѣдніе дни онъ употреблялъ свой досугъ на то, чтобы сбить спѣси у клерикальной партіи, которая очень раз-

держала его въ теченіи всей сессіи рейхстага. Ваши читатели, быть можетъ, припомнятъ содержаніе моего письма отъ 12-го (24-го) апрѣля (см. „Вѣстникъ Европы“, май 1871 года, стр. 448 и слѣд.), въ которомъ я описывалъ происки клерикаловъ въ началѣ сессіи рейхстага. Государственный канцлеръ, повидимому, дѣйствительно былъ увѣренъ, что клерикалы пойдутъ рука объ руку съ консерваторами. Школа Шталя и Герлаха, изъ которой вышелъ самъ Бисмаркъ и преданія которой онъ вполнѣ отринулъ лишь по отношенію къ внѣшней политикѣ, признавала догматомъ, что церковные и политическіе консерваторы неразрывно связаны другъ съ другомъ, не взирая на различіе вѣроисповѣданія. Другими словами: реакціонеръ протестантской церкви симпатизируетъ реакціонеру католической въ стремленіи подавить всякое „просвѣщенное“ движеніе, онъ симпатизируетъ ненависти „благочестиваго“ іудея, который не хочетъ уступить незначительной частички своего церемоніала, къ „іудеямъ-реформаторамъ“ (любимое выраженіе, красующееся на столбцахъ „Крестовой Газеты“). Единственная, но весьма грубая ошибка этой политики заключалась въ томъ, что католическая церковь вовсе не желаетъ слѣдовать той программѣ, какой слѣдуетъ евангелическая, которая, съ самаго основанія своего, всегда стояла въ тѣсной связи съ государствомъ, между тѣмъ, какъ католическая всегда стремилась стать выше государства и вообще заявляетъ претензію на господство, какъ на право, завѣщанное ей Петромъ. Поэтому, католическая церковь относится вполнѣ индиферентно ко всякому политическому устройству: будетъ ли государство монархическимъ, конституціоннымъ, легитимистскимъ или республиканскимъ — это ей рѣшительно все равно, лишь бы господство принадлежало ей. Поэтому іезуиты, въ которыхъ всего рѣзче выражаются стремленія католической церкви и которые теперь добились исключительнаго господства въ Римѣ, могли уживаться съ самыми рѣзкими политическими крайностями (стоитъ только припомнить мастерскую характеристику іезуитскаго ордена, которую даетъ Маколей въ своей исторіи Англіи) и съ баснословной быстротой мѣняли свои симпатіи и антипатіи. Канцлеръ же, который, вообще говоря, весьма неразборчивъ въ средствахъ, жаловался папѣ, то-есть кардиналу Антонелли, на поведеніе католической партіи, черезъ посланника въ Римѣ и папа выразилъ ей свое неудовольствіе. Онъ едвали бы могъ иначе поступить, потому что всегда относился съ большой внимательностью къ королю и императору Вильгельму, но это отнюдь не измѣнитъ политическаго состоянія, такъ какъ оппозиція клерикальной партіи въ рейхстагѣ основывается не на недоброжелательствѣ или капризѣ, но на весьма справедливомъ убѣжденіи, что интересы, представляемые этой партіей, ничего не выиграютъ отъ укрѣпленія и развитія новой германской имперіи. Эта имперія обладаетъ, въ невидимой формѣ, гро-

жаднымъ и драгоцѣннымъ запасомъ истинной, прочной свободы: политической, религіозной, свободы совѣсти и старается о томъ, чтобы прогрессъ двигался не настолько быстро, чтобы вызывать необходимость реакціи. Это самыя невыгодныя условія для честолюбивой партіи, желающей ловить рыбу въ мутной водѣ. Князю Бисмарку, волей-неволей, придется искать союзниковъ тамъ, гдѣ онъ можетъ ихъ найти къ великой своей досадѣ, а именно: въ рядахъ либеральной партіи.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Новый трудъ о XVII-мъ вѣкѣ.

Царствованіе Өедора Алексѣевича. Сочиненіе *Е. Замысловскаго.* Часть I. *Введеніе.* Обзоръ источниковъ. Спб. 1871.

Рѣдко приходится встрѣчать столько добросовѣстнаго труда, столько архивной учености и такого полнаго отсутствія не только какой-нибудь руководящей идеи, но даже сноснаго изложенія, какъ въ настоящемъ сочиненіи г. Замысловскаго. Перечиталъ авторъ много и рукописей и книгъ, запасся массою фактовъ, весь ушелъ, такъ сказать, въ древніе акты и сдѣлалъ величайшее усиліе надъ собою, чтобъ освѣтить себѣ дорогу въ томъ небольшомъ пространствѣ, которое занимаетъ кратковременное царствованіе Өедора Алексѣевича. Ему показалось, что онъ нашелъ эту дорогу, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ ключъ не только къ исторіи XVII и XVIII столѣтій, но чуть ли не къ исторіи всего человѣчества. Ключъ этотъ — постепенность, медленное шествіе, не возмущаемое никакими катаклизмами, никакою геніальною силою, никакимъ переворотомъ, точно исторія — мирный кабинетъ мирнаго труженика-ученаго, лишеннаго всякой способности смотрѣть нѣсколько далѣе современныхъ канцелярскихъ актовъ. Во имя этой постепенности, будто бы требуемой процессомъ народной жизни, всякое необыкновенное явленіе осуждается, какъ противное интересамъ развитія, а явленіе ординарное возвышается на счетъ необыкновеннаго. Пріемъ тѣмъ болѣе легкій, что онъ по плечу самымъ бездарнымъ смертнымъ, и тѣмъ болѣе безопасный, что онъ ни мало не вредитъ яркимъ явленіямъ, какъ не вредитъ свѣчка солнечному блеску. Раздувайте ее сколько хотите, она все-таки будетъ свѣчкой, а солнце останется солнцемъ. Сколько можно судить по „введенію", г. Замысловскій задался именно такою благодарною задачей, что въ петровской реформѣ не было никакой надобности, потому что въ предшествовавшихъ царствованіяхъ, въ особенности въ царствованіе Өедора

Алексѣевича были всѣ необходимые элементы для постепеннаго и здороваго развитія Руси. Впрочемъ, стать на эту точку зрѣнія прямо и открыто, г. Замысловскій не чувствуетъ въ себѣ достаточной смѣлости, а потому шатается изъ стороны въ сторону, не зная къ кому пристать, не то къ митрополиту Платону, не то къ К. Аксакову, не то къ г. Градовскому, не то къ славянофиламъ, не то къ западникамъ; г. Замысловскій бросается по всѣмъ историкамъ и публицистамъ, писавшимъ о XVII-мъ вѣкѣ, однихъ похвалитъ, другимъ сдѣлаетъ выговоръ, третьимъ произнесетъ внушеніе, и все это какъ-то отрывисто, не мотивируя ни похвалы своей, ни огорченія. Все это у него выходитъ какъ-то „такъ“, которымъ въ обыденной жизни часто отвѣчаютъ на вопросъ „почему“. Почему это вы сдѣлали? Такъ. Почему вы такъ думаете? Такъ. Мы нисколько не шутимъ, ибо, къ сожалѣнію, это горькая правда, доказывающая слишкомъ очевидно, что новый историкъ не только не открылъ какихъ-нибудь новыхъ путей, но не въ состояніи связать самыхъ простыхъ мыслей. Что онъ сдѣлаетъ съ самой исторіей Ѳедора Алексѣевича, предвидѣть весьма не трудно по этому „введенію“, которое обнаруживаетъ въ авторѣ большую начитанность и отсутствіе мысли. Но можетъ быть и не нужно никакой мысли? Можетъ быть достаточно одной группировки фактовъ? Но безъ мысли, безъ руководящей идеи, довольно мудрено группировать и факты; самая эта группировка ихъ требуетъ отъ человѣка нѣкоторой ясности ума, способности къ различенію важнаго отъ неважнаго, менѣе вѣроятнаго отъ болѣе вѣроятнаго и т. д. Всѣмъ этимъ г. Замысловскій обладаетъ лишь въ самой слабой степени и, на разгонистыхъ 76 страницахъ, которыя заняты „введеніемъ“, противорѣчитъ самъ себѣ постоянно, иногда на одной и той же страницѣ, ни мало того не замѣчая.

Сказавъ нѣсколько словъ о сочиненіи Герарда-Фридриха Миллера, посвященномъ Ѳедору Алексѣевичу, г. Замысловскій цитируетъ изъ „Краткой церковной россійской исторіи“ Платона весьма сочувственный отзывъ его о Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, котораго онъ противопоставляетъ Петру Великому: „отъ сего благоразумнаго государя все просвѣщеніе и поправленіе происходило не вдругъ, но по малу и съ соображеніемъ свойствъ народа, что все было бы еще тверже и надежнѣе, яко онъ основывалъ то на благочестіи, и утверждалъ своимъ благочестнымъ примѣромъ“. Несмотря на то, что отзывъ Платона отзывается общимъ мѣстомъ, несмотря и на очевидно плохое съ его стороны знаніе исторіи того времени, доказываемое, между прочимъ, тѣмъ, что онъ заставляетъ умирать этого государя 26-ти лѣтъ, тогда какъ онъ умеръ 20-ти, г. Замысловскій начинаетъ серьезно разсуждать на тему, что отзывъ Платона „не можетъ быть принятъ безусловно“, хотя, очевидно, авторъ въ значительной степени раздѣляетъ этотъ взглядъ. Съ „За-

пиской о древней и новой Россіи" Карамзина авторъ тоже согласенъ и цитируетъ изъ нея то мѣсто, гдѣ исторіографъ говоритъ, что хотя европейское просвѣщеніе и сдѣлало насъ въ „нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ превосходнѣе" „древнихъ россіянъ", „однакоже должно согласиться, что мы съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія",—мѣсто, отличающееся безспорнымъ краснорѣчіемъ, но въ значительной степени лишенное логическаго смысла, ибо гражданскія добродѣтели обыкновенно укрѣпляются человѣческими, глубже и разумнѣе сознаются, а не ослабляются. „Имя русское имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде"? спрашиваетъ Карамзинъ и вмѣстѣ съ нимъ нашъ молодой историкъ. Вопросъ болѣе чѣмъ праздный, потому что въ древней Россіи гораздо болѣе значили имена различныхъ областей и княжествъ, чѣмъ вообще „имя русское". Далѣе г. Замысловскій говоритъ о Кавелинѣ, Чичеринѣ, Градовскомъ. Первыхъ двухъ онъ не одобряетъ, потому что они не видѣли въ XVII-мъ вѣкѣ того „поступательнаго движенія", которое „совершалось во всѣхъ отправленіяхъ народной жизни". Г. Чичеринъ говоритъ, что безпорядокъ въ управленіи не только не уменьшился въ XVII-мъ в., но увеличился. „Какъ же могъ въ управленіи увеличиться безпорядокъ"? спрашиваетъ г. Замысловскій, когда, по его мнѣнію, „совершалось поступательное движеніе во всѣхъ отправленіяхъ народной жизни" и когда, между прочимъ, былъ укрощенъ бунтъ Стеньки Разина. Такимъ образомъ, г. Замысловскій „поступательное движеніе" видитъ въ „укрощеніи бунта Стеньки Разина"; мнѣніе болѣе чѣмъ странное, ибо аналогическія явленія въ европейской исторіи достаточно ясно указываютъ, что подобные взрывы дѣлаются вовсе не отъ того, что порядокъ управленія улучшился, и едва ли, напр., найдется историкъ, который станетъ утверждать, что побѣда версальскаго правительства надъ парижской коммуной служитъ блистательнымъ доказательствомъ того, что порядокъ въ управленіи Франціей улучшился. Еще нагляднѣе показали бы г. Замысловскому возстанія въ азіатскихъ странахъ, укрощаемыя тамошними деспотами очень часто, что „укрощеніе" далеко не значитъ—„стройное развитіе". Силясь доказать это „стройное развитіе, которое намъ можетъ казаться медленнымъ и недостаточнымъ только съ современной точки зрѣнія", г. Замысловскій отыскиваетъ отдѣльныя фразы у гг. Дмитріева и Градовскаго, говорящія будто бы въ пользу этого „стройнаго развитія". Усиленіе централизаціи, переходъ суда отъ общинъ къ царскимъ чиновникамъ, „закрѣпощеніе сословій"—все это признаки „стройнаго развитія", совершавшагося „подъ вліяніемъ извѣстныхъ руководящихъ началъ и воззрѣній на государство", хотя эти начала были началами нехитраго азіатскаго деспотизма, всесторонняго произвола. Г. Замысловскій, очевидно, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ такое „стройное

развитіе"; недостаточно замѣтить „извѣстныя, руководящія начала", а необходимо, кромѣ того, опредѣлить качество этихъ началъ и пригодность ихъ для развитія народной жизни. Г. Соловьевъ тоже не удовлетворяетъ г. Замысловскаго, потому что въ XVII-мъ т. своей „Исторіи Россіи", онъ представилъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ картину Россіи наканунѣ эпохи преобразованія. „Картина эта мастерски начертана, но посмотримъ—говоритъ г. Замысловскій—вѣрна ли она дѣйствительности"? Вы ждете, что онъ докажетъ невѣрность этой картины. Ничуть не бывало. Онъ начинаетъ излагать содержаніе этой картины и замѣтивъ, что г. Соловьевъ вѣритъ Крижаничу, продолжаетъ: „А между тѣмъ нѣтъ, кажется (?), необходимости доказывать, что ученый сербъ смотрѣлъ на внутреннее состояніе Россіи съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣли вообще иностранные писатели на Россію, и на его заключенія мы можемъ также мало полагаться, какъ и на тѣ извѣстія, которыя сообщаютъ намъ иностранные писатели". Вотъ и всѣ доказательства противъ „картины" г. Соловьева, если прибавить къ нимъ замѣчанія нашего критика о томъ, что г. Соловьевъ не выяснилъ значеніе „Уложенія" Алексѣя Михайловича. Это голословное отрицаніе даетъ г. Замысловскому легкое право на признаніе „стройнаго развитія" и на слѣдующую фразу, довольно неуклюжую, даже въ грамматическомъ отношеніи, и совершенно наивную въ историческомъ: „*признавъ это развитіе*, нельзя не усумниться въ вѣрности вывода относительно экономической и нравственной несостоятельности (чего?) передъ эпохою преобразованія, несостоятельности, которая должна была вызвать совершенный переворотъ во всѣхъ отправленіяхъ народной жизни". Естественно, что подобными критическими пріемами, основанными на произвольномъ положеніи, можно доказать что́ угодно, напр.: „признавъ, что Россія временъ Алексѣя Михайловича была изрѣзана желѣзными дорогами, нельзя не усумниться въ вѣрности общепринятаго факта, будто первая желѣзная дорога построена англичанами и притомъ въ настоящемъ столѣтіи". Въ этой фразѣ никакъ не меньше историческаго смысла, чѣмъ въ фразѣ г. Замысловскаго, а смысла грамматическаго гораздо больше. Подобнымъ образомъ г. Замысловскій критикуетъ взгляды всѣхъ нашихъ ученыхъ, писавшихъ о XVII-мъ вѣкѣ; иногда онъ выражаетъ свое критическое воззрѣніе изреченіемъ: „это недоказано", какъ будто исторія имѣетъ дѣло съ математическими величинами и какъ будто объ историческихъ задачахъ можно говорить также односложно и рѣшительно, какъ о задачѣ математической.

Наиболѣе симпатичнымъ кажется ему воззрѣніе славянофиловъ, но и тутъ онъ никакъ оріентироваться не можетъ. Сначала онъ говоритъ, что г. Бестужевъ-Рюминъ „совершенно справедливо" замѣтилъ, что „никто еще ближе славянофиловъ не подходилъ къ русской дѣй-

ствительности"; но это „совершенно справедливо" обращается затѣмъ, какъ увидимъ, въ „совершенно несправедливо". Цитируя извѣстное идеальное воззрѣніе К. Аксакова на государственную власть и землю, т.-е. земство („правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія"), г. Замысловскій характеризуетъ это воззрѣніе, какъ „отличающееся необыкновенною *стройностью* и *цѣльностью*", какъ „въ высшей степени привлекательное по своему вѣрному пониманію нравственнаго идеала, которымъ оно проникнуто", какъ созданное „не по готовымъ теоріямъ западной науки, а бывшее плодомъ непосредственнаго изученія русской дѣйствительности" (XVII-го столѣтія?). Но всѣ эти похвалы, вся эта „стройность и цѣльность", разбивается тутъ же, на тѣхъ же страницахъ и также докторально: воззрѣніе Аксакова „въ цѣлости не выдерживаетъ критики ни въ общемъ философскомъ смыслѣ (т.-е., конечно, относительно „стройности" и „цѣльности" и „вѣрнаго пониманія нравственнаго идеала"), ни въ частномъ, въ приложеніи въ русской исторіи"—говоритъ г. Замысловскій. Куда же дѣвалось „*совершенно* справедливо" г. Бестужева-Рюмина? Этого мало. „Отношенія земли къ государству въ XVI-мъ и въ началѣ XVII-го в. опредѣлены Аксаковымъ, какъ намъ кажется, *согласно съ исторической дѣйствительностью.* Правительству принадлежала „сила власти", землѣ „сила мнѣнія", — такъ продолжаетъ нашъ авторъ, но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, сославшись на „забвеніе" земскихъ соборовъ во времена Алексѣя Михайловича, онъ замѣчаетъ у Аксакова „противорѣчіе между идеей и фактами", противорѣчіе, которое можетъ служить однимъ изъ *неоспоримыхъ* доказательствъ *невѣрности теоріи, созданной славянофилами,* но не только по отношенію къ частному явленію, но и въ цѣломъ". Повторяемъ: гдѣ же это „согласіе съ исторической дѣйствительностью", „стройность и цѣльность", основанныя на „непосредственномъ изученіи русской дѣйствительности", когда вся теорія оказывается невѣрною и неприложимою къ этой русской дѣйствительности ни въ цѣломъ, ни въ частности? Еслибъ г. Замысловскій писалъ не ученое изслѣдованіе, а юмористическую статейку, то можно было бы подумать, что онъ все это написалъ на смѣхъ. Возраженіе его г. Костомарову, который сказалъ въ нашемъ журналѣ (декабрь, 1870 г.), что народная громада послужила „превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI-мъ в. московская монархія", ограничивается „невольнымъ изумленіемъ" и воспоминаніемъ словъ Аксакова о томъ, что „историкъ, пожалуй, можетъ пренебрегать низменностями и благоговѣть передъ верхами горъ. Но солнце истины кидаетъ лучи свои не по его усмотрѣнію". Мы не понимаемъ этой красивой фразы по отношенію къ г. Костомарову, который не только никогда не пренебрегалъ „низменностями", т.-е. народомъ, но, напротивъ, на этихъ низменностяхъ сосредоточивалъ всѣ свои историческіе

труды. Передъ верхами же горъ благоговѣютъ только такіе „историки", какъ г. Замысловскій, который, въ примѣчаніи къ отзыву о г. Костомаровѣ, въ укоризну ему, цитируетъ слѣдующее мѣсто: „Обозрѣвая русское судопроизводство тѣхъ временъ (XVII-го в.), невольно припоминаешь замѣчаніе одного иностранца, посѣщавшаго Россію въ XVII-мъ в., что здѣсь нѣтъ закона и все зависитъ отъ произвола властей".

Невольная улыбка напрашивается на лицо, когда читаешь эти наивныя выраженія огорченія, долженствующія, конечно, обозначать „строго-научное направленіе", огорченія тѣмъ, что лучшіе наши историки не признаютъ въ Россіи XVII вѣка закона, а лишь произволъ властей. За что ратуютъ эти наивные юноши-старцы, потерявшіе въ архивной пыли способность выражаться современною живою рѣчью? Сурово и докторально произносятъ они свои наивные приговоры, не чуя народныхъ потребностей ни въ XVII, ни XIX-мъ вѣкѣ. Безъ мысли и разумной цѣли, отыскиваютъ они въ древнихъ актахъ законности, ссылаются на Уложеніе и игнорируютъ записки европейцевъ о Россіи. Но хотя бы вспомнили они, что только теперь, во второй половинѣ XIX в., мы едва начинаемъ пріучаться къ законности, что живы еще люди, которые жили при полномъ произволѣ, что народъ не только въ XVII, въ XVIII, но и въ XIX-мъ в. находился подъ властью не законовъ, а полнѣйшаго произвола. Простая аналогія, непосредственное обращеніе къ дѣйствительности научило бы г. Замысловскаго многому тому, чего онъ напрасно ищетъ въ актахъ. Если же онъ полагаетъ, что народныя требованія, напр. относительно суда, въ XVII-мъ в. были гораздо меньше, чѣмъ позже, то онъ жестоко ошибается: нѣтъ такого народа, который бы сталъ для ѣды предпочитать камни мясу, для питья — песокъ водѣ, какъ нѣтъ народа, который бы не предпочелъ закона произволу. Глубокимъ трагикомизмомъ дышатъ эти наивныя выходки противъ такъ-называемаго „отрицательнаго взгляда" на Московское государство, ибо это не отрицательный, а положительный взглядъ, основанный на фактахъ и на живомъ представленіи о народной жизни. Отрицательный же взглядъ именно тотъ, который воспроизводитъ исторію, какъ „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый", который отыскиваетъ букву, а не смыслъ и духъ, который въ безпредѣльной области исторіи откопаетъ какой-нибудь отрывокъ, какое-нибудь исключеніе и провозглашаетъ себя хозяиномъ всѣхъ историческихъ явленій и къ живому пониманію ихъ относится съ какою-то дѣтскою злобою. Мы не относимъ всего этого къ г. Замысловскому, но не можемъ не замѣтить той праздной ироніи, съ которою относится онъ къ Голикову и даже къ Петру: „Голиковъ—говоритъ онъ—въ исторіи своего *ироя*" и проч. Въ этомъ курсивномъ *ироѣ* много дѣтства и недомыслія со стороны нашего автора, которому не мѣшало

бы вспомнить, что Голиковъ писалъ „Дѣянія" въ то время, когда науки русской исторіи не существовало почти; Голиковъ не проходилъ университетскаго курса и не могъ себѣ выработать критическихъ пріемовъ. Но сравните его съ г. Замысловскимъ, сравните широту пониманія историческихъ явленій у Голикова и г. Замысловскаго, и вы безъ труда отдадите преимущество первому. Тамъ вы постоянно видите передъ собою живого человѣка, который чувствуетъ и понимаетъ колоссальный образъ своего героя, г. же Замысловскій не чувствуетъ и не понимаетъ ни тѣхъ маленькихъ героевъ, передъ которыми онъ останавливается съ комическимъ почтеніемъ и растерянностью, ни тѣхъ явленій, о которыхъ онъ берется судить, ни тѣхъ ученыхъ, которымъ онъ раздаетъ аттестаты, могущіе быть резюмированными такою фразою, по отношенію къ каждому: „поведенія очень хорошаго, но и очень дурного". Это еще важное преимущество ихъ передъ г. Замысловскимъ, о которомъ можно только сказать: „никакого поведенія, но стремленія ко всякому". Всего комичнѣе является г. Замысловскій въ сужденіяхъ своихъ „о довольно значительной степени развитія" училищъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Отыскалъ авторъ данныя, нашелъ статистическія таблицы, открылъ отчеты объ этихъ училищахъ? Ни мало. Онъ ровно ничего не отыскалъ по вопросу о народномъ образованіи въ XVII-мъ вѣкѣ, сколько ни рылся въ архивахъ. Какъ же заключилъ онъ о „довольно значительной степени" народнаго образованія въ XVII-мъ вѣкѣ, когда даже грамотныхъ поповъ трудно было отыскать и когда первые государственные сановники не знали азбуки? Но мало ли что дается этимъ людямъ съ „строго-научнымъ направленіемъ", къ которымъ принадлежитъ и г. Геннадій Карповъ — по крайней мѣрѣ г. Замысловскій такъ о немъ выражается, причисляя его изслѣдованіе, сдѣлавшееся предметомъ скандала по своей безграмотности, невѣжеству и верхоглядству, къ числу „замѣчательныхъ трудовъ" по русской исторіи. Какъ человѣкъ тоже „строго-научнаго направленія", г. Замысловскій прочиталъ статью г. Мордовцева объ азбуковникахъ, и пришелъ къ упомянутому выводу о народномъ образованіи. „Обученіе въ школахъ, говоритъ онъ, не ограничивалось, повидимому, только часословомъ и псалтирью. Имѣя, по преимуществу, характеръ церковный, оно было однакоже не чуждо знаній свѣтскихъ. Такъ ученики должны были знать составъ и строй своего языка; *имъ давали понятія о семи мудростяхъ*". Восьмая мудрость, о которой даютъ понятіе только въ нынѣшнихъ школахъ, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, чтобъ заключать о „довольно значительной степени" народнаго образованія по нѣсколькимъ школамъ и азбуковникамъ, т.-е. тетрадкамъ, въ которыхъ грамотные русскіе люди вносили, безъ системы и разбору, все что̀ имъ удавалось прочесть въ немногихъ книгахъ и сборникахъ,

существовавшихъ тогда въ видѣ рѣдкости. Впрочемъ, эта восьмая мудрость, которою такъ силенъ г. Замысловскій, въ томъ отношеніи безобидна, что она же диктуетъ своему обладателю, вслѣдъ за фразою о „довольно значительной степени“ народнаго образованія, другую о томъ, что „нельзя составить себѣ хоть сколько-нибудь полнаго представленія о народномъ образованіи въ XVII-мъ вѣкѣ“. Нескоро еще кончили бы мы съ „Введеніемъ“ г. Замысловскаго, еслибъ захотѣли прослѣдить всѣ его противорѣчія и наивности. Заключимъ ихъ послѣднею, какъ вѣнцомъ зданія: „Періодъ времени, которое обнимаетъ наше сочиненіе, такъ ограниченъ, что мы не имѣемъ возможности провести *новое воззрѣніе* на русскую исторію вообще“. Послѣ всего нами сказаннаго, эта претензія на „новое воззрѣніе“ особенно трогательна.

Но въ книгѣ г. Замысловскаго есть другая сторона, которая заставила насъ, въ началѣ, сказать о его учености, трудолюбіи и добросовѣстности. Это „Обзоръ источниковъ“. Въ сущности, обзоръ этотъ черновая, подготовительная работа, которою обязанъ заняться всякій изслѣдователь и часть которой обыкновенно входитъ въ составъ примѣчаній къ тексту труда, а другая часть остается въ портфелѣ, какъ никому, кромѣ изслѣдователя, не нужная. Г. Замысловскій напечаталъ эти примѣчанія отдѣльно, и они-то, во всякомъ случаѣ, показываютъ въ г. Замысловскомъ трудолюбиваго и добросовѣстнаго ученаго, способнаго прочесть массу документовъ, свѣрить печатные съ рукописными буква въ букву, отмѣтить невѣрности и искаженія, просмотрѣть даже губернскія вѣдомости и отрыть погребенное въ нихъ. Все это требовало огромнаго терпѣнія и усидчивости и принесетъ, конечно, пользу изслѣдователямъ XVII-го вѣка. Г. Замысловскій былъ бы очень полезенъ въ археографической коммисіи, изданія которой не совсѣмъ исправны, какъ доказываетъ онъ это весьма наглядно. Всѣми качествами, необходимыми для хорошаго изданія древнихъ актовъ, г. Замысловскій обладаетъ вполнѣ, и на этомъ поприщѣ могъ бы стяжать себѣ почтенное имя и ученую извѣстность; но мы сильно сомнѣваемся въ успѣхѣ его, какъ историка, какъ изслѣдователя нашей прошлой жизни. Слабость его въ этомъ отношеніи обнаруживается и въ „Обзорѣ источниковъ“, какъ скоро онъ начинаетъ бросать свои взгляды. Такъ, крайне несостоятеленъ его взглядъ на иностранныхъ путешественниковъ по Россіи; по нашему мнѣнію, это драгоцѣнный матеріалъ для прошлой исторіи, во многихъ отношеніяхъ превосходящій матеріалъ архивный. И напрасно г. Замысловскій говоритъ о „превратномъ“ пониманіи ими народной жизни: иностранцы передали намъ именно ту сторону нашего древняго быта и нравовъ, о которой умалчивали русскіе. То, что̀ незамѣтно, что̀ считается обыденнымъ и незначащимъ для аборигена, то поражало пришельца и отпечатлѣ-

валось въ его памяти; „внѣшняя обстановка“ вовсе не такъ незначуща, какъ можетъ думать человѣкъ „строго-научнаго направленія“, ибо внѣшность не всегда бываетъ обманчива. Если же подходить къ иностранному писателю съ этою предвзятою мыслію о „превратномъ“ взглядѣ его, то придется тотъ же взглядъ заподозрить и у современныхъ европейцевъ, посѣщающихъ и описывающихъ, въ наши дни, африканскія и азіатскія страны. Не эта ли причина, не эта ли предвзятая мысль руководила г. Замысловскимъ и по отношенію къ Котошихину, котораго онъ совсѣмъ пропустилъ и въ „Введеніи“ и въ „Обзорѣ“. Правда, сочиненіе Котошихина не относится непосредственно къ времени Θедора Алексѣевича, но такъ какъ г. Замысловскій обозрѣваетъ „взгляды“ вообще на XVII-й вѣкъ, останавливается на взглядахъ Татищева и Миллера, то на взглядѣ Котошихина и подавно слѣдовало бы остановиться, какъ на воззрѣніи современника, видѣвшаго другіе порядки, попробовавшаго другой жизни, стало быть имѣвшаго критеріумъ для сужденія.

Есть еще третья часть въ книгѣ г. Замысловскаго, это — приложенія, изъ которыхъ назовемъ предисловіе къ исторической книгѣ, составленной по повелѣнію Θедора Алексѣевича, и на предложеніе бояръ о раздѣленіи Россіи на намѣстничества. Этотъ послѣдній документъ очень любопытенъ. Бояре совѣтовали Θедору Алексѣевичу учредить намѣстничества въ Новгородѣ, Казани, Астрахани, Сибири и „индѣ“, съ тѣмъ, чтобъ быть тамъ намѣстниками „великороднымъ болярομъ, вѣчно и титлы имъ тѣхъ царствъ, кто гдѣ будетъ, имѣти и писатися во всякихъ писмахъ бояринъ и намѣстникъ князь, имярекъ, всего царства Казанскаго или всего царства Сибирскаго и прочее, такожде и митрополитомъ, митрополитъ новгородскій и всего Поморія, митрополитъ казанскій и всего казанскаго царства“. Царь согласился на это и распредѣливъ намѣстничества, послалъ къ патріарху эту бумагу, прося у него благословенія и помощи. Но патріархъ Іоакимъ „возбрани всеконечно сіе творити“, въ томъ предположеніи, чтобъ великородные намѣстники, „обогатясь и возгордѣвъ, московскихъ царей самодержавствомъ не отступили и единовластія, многими лѣты въ россійскомъ государствѣ содержаннаго, не разорили и себѣ во особность не разделили“. Насколько правды въ этомъ извѣстіи, трудно рѣшить: взятое г. Замысловскимъ изъ рукописной книги „Икона или изображеніе дѣлъ патріаршаго престола“, оно, быть можетъ, сложено для восхваленія патріарха и заслугъ его отечеству, но самое „сложеніе“ такого извѣстія доказываетъ, что въ тогдашнемъ обществѣ существовали подобныя стремленія.

Францискъ Сарсэ. Осада Парижа 1870—1871. Впечатлѣнія и воспоминанія. (Переводъ съ пятаго французскаго изданія). Спб. 1871.

Читая эту книгу, невольно вспоминаешь прожитое и нашимъ обществомъ время осады Парижа нѣмцами. Извѣстно, что у насъ образовались двѣ партіи, изъ которыхъ одна довольно равнодушно смотрѣла на это событіе, выжидая только его результатовъ, которые казались ей несомнѣнными, другая, напротивъ, негодовала на нѣмцевъ, говорила объ ихъ варварствѣ и съ сердечнымъ трепетомъ слѣдила за всѣми фазами борьбы, разсчитывая, во всякомъ случаѣ, что осада Парижа, чѣмъ бы она ни кончилась, все-таки останется вѣчнымъ позоромъ на побѣдителяхъ. Тогда никто еще не предвидѣлъ, что мы дождемся другой, болѣе ожесточенной борьбы между самими французами. Конечно, и послѣдніе не ожидали этихъ событій, но предчувствіе ихъ было у тѣхъ парижанъ, которые старались вникнуть въ событія и отнестись къ нимъ объективно, разумѣется настолько, насколько способенъ это сдѣлать человѣкъ, которому родина дороже всего и который не могъ безъ ненависти относиться къ врагамъ ея. Къ числу подобныхъ писателей принадлежитъ Сарсэ; онъ удовлетворяетъ условіямъ объективности болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, потому что и въ прежней своей журнальной дѣятельности заявлялъ себя довольно индиферентнымъ отношеніемъ къ политикѣ и здравымъ анализомъ мелкихъ явленій жизни. Преимущественно мелочи являются и здѣсь, въ этой книгѣ, но они, въ своей совокупности, составляютъ, однакоже, живую и въ высшей степени интересную картину парижской жизни. Особенно этими качествами отличается первая половина книги, гдѣ онъ смотритъ на событія спокойнѣе и даже относится съ нѣкоторой ироніей къ тѣмъ переходамъ отъ увѣренности въ побѣдѣ къ разочарованію, отъ хвастливости къ страху, которыя пережило парижское населеніе. Тутъ онъ не скрываетъ печальныхъ сторонъ народа, пріученнаго второю имперіей во всемъ полагаться на власть, предпочитать внѣшній блескъ внутреннему развитію и вѣрить въ непобѣдимость французскаго солдата. „На бульварахъ и улицахъ—говоритъ Сарсэ—только и раздавались восклицанія: „Наша непобѣдимая армія!“ „Наши храбрые солдаты!“ „Наши африканскіе генералы!“ Не было ни одного мирнаго буржуа, которому не чудился бы запахъ пороха, и многіе заблаговременно запасались уже плошками и флагами“. Но тѣмъ печальнѣе было разочарованіе, хотя и тутъ „вся пресса точно сговорилась лгать и льстить національному тщеславію. Такъ какъ нельзя было болѣе скрывать успѣховъ нѣмцевъ, то прибѣгали къ имѣвшимся уже на-готовѣ извиненіямъ, дабы тѣмъ пощадить, въ своихъ собственныхъ глазахъ, наше уязвленное самолюбіе. О нашихъ пораженіяхъ говорили, что они славнѣе побѣдъ, и о сраженіи при Вертѣ отзывались, какъ о торжествующей неудачѣ. Отступленія нашихъ

войскъ превозносили со славою и восторгались геройствомъ солдатъ, совершавшихъ эти отступленія". Со стороны французской прессы эта ложь и лесть національному самолюбію еще можетъ быть извинительна: неудачи были слишкомъ неожиданны, слишкомъ безпримѣрны, чтобъ французъ рѣшился тотчасъ же анализировать ихъ и искать ихъ причинъ. Но чѣмъ извинить совершенно подобное же „поведеніе" нашей печати, которая, казалось бы, могла со стороны разумнѣе смотрѣть на дѣло и которая видѣла у себя на родинѣ совершенно аналогическое явленіе? Той же увѣренностью въ непобѣдимости французовъ, въ превосходствѣ ихъ военной организаціи или просто симпатіями къ Франціи? Было и то, и другое, и третье. Насколько одного было больше, другого меньше — разбирать тѣмъ безплоднѣе, что событія достаточно раскрыли весь тотъ комизмъ, въ которомъ очутилась наша печать, за одно съ французами превозносившая Макъ-Магона, Базена, Паликао и проч., а потомъ, опять же за одно съ ними, начавшая издѣваться надъ этими людьми. Тамъ, во Франціи, все это было понятно: горечь пораженія надо было чѣмъ-нибудь уврачевать, и ее врачевали самымъ ближайшимъ средствомъ — порицаніемъ тѣхъ генераловъ, у которыхъ прежде признавали чуть не геніальныя способности. Но у насъ это было непонятное толченіе воды, вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь самостоятельнаго взгляда на вещи. И что всего замѣчательнѣе, проводниками этого французскаго воззрѣнія на событія были у насъ нѣкоторые военные, должно быть изъ тѣхъ, для которыхъ теперь издаются переводы разныхъ военныхъ сочиненій. Послѣ Седана, съ провозглашеніемъ республики, и парижане снова окрылились надеждами, а съ ними и наша французофильская печать; пошли толки о 93-мъ годѣ и у насъ, какъ и въ Парижѣ, подробно вычисляли, сколько времени понадобится французской республикѣ для организаціи арміи, пораженія пруссаковъ и для перехода въ наступленіе. Легкій успѣхъ французскихъ отрядовъ принимался за блистательныя битвы и вызывалъ многорѣчивыя передовыя статьи. Мы пришли къ этимъ воспоминаніямъ потому, что почти каждая страница книги Сарсэ напоминаетъ о нихъ. Обратимся, однако, къ самой книгѣ.

Когда началась осада, Сарсэ поступилъ въ національную гвардію. Впослѣдствіи, по его словамъ, она вела себя хорошо и дралась съ замѣчательною храбростью, но вначалѣ это былъ сбродъ, позволявшій себѣ всевозможныя вольности, ничего не дѣлавшій и пившій съ утра до вечера. Многія роты позволили себѣ поколотить своего генерала, который, въ обращенной къ нимъ краткой рѣчи, употребилъ вмѣсто принятаго возгласа: „Да здравствуетъ республика!" — болѣе, широкій возгласъ: „Да здравствуетъ Франція". Правительство взглянуло сквозь пальцы на эту продѣлку и смѣнило генерала. Такихъ характерныхъ подробностей Сарсэ приводитъ довольно много. Любопытны нѣкоторыя

черты нравственнаго состоянія Парижа, когда онъ очутился въ осадѣ, когда въ него не доходило ни журналовъ, ни писемъ, ни денегъ, и когда Бисмаркъ становился день ото дня притязательнѣе и высокомѣрнѣе. „Мы на столько ладовъ говорили и повторяли—говоритъ Сарсэ—что Парижъ есть пружина человѣческой мысли и что если эта пружина перестанетъ дѣйствовать, то умственная работа всей вселенной прекратится и цивилизація погрузится въ долгое оцѣпенѣніе. Намъ пришлось сознаться, что если мы и дѣйствительно занимаемъ важное мѣсто во вселенной, то, однако, не составляемъ для нея всего. Мы увидѣли, что, несмотря на полное уединеніе Парижа, земля продолжаетъ свое обычное движеніе вокругъ солнца, человѣчество не перестаетъ мыслить и дѣйствовать и тѣмъ же шагомъ, какъ и прежде, идетъ къ вѣчному прогрессу. Какое грустное открытіе! Европа и Америка могутъ, въ случаѣ крайности, обойтись и безъ насъ, но намъ положительно недостаетъ ихъ“. Затѣмъ идутъ разсказы о голубиной почтѣ, о воздушныхъ шарахъ, о дороговизнѣ, голодѣ, о Трошю и его правленіи и проч. и проч. Дороговизна съѣстныхъ припасовъ возрастала быстро, и если сначала буржуазія изъ дилеттантства ѣла крысъ, то потомъ пришлось ихъ ѣсть по необходимости. Фунтъ прованскаго масла дошелъ до 7 франковъ, за шеффель картофеля платили 25 фр., кочанъ капусты стоилъ 6 фр. Сало всѣхъ родовъ, попорченное, поступало въ продажу, и находились покупатели, дававшіе за него безумныя деньги. „Мнѣ самому пришлось видѣть, говоритъ Сарсэ, какъ, не задолго до новаго года, цѣлая толпа ротозѣевъ стояла передъ индѣйкой, точно такъ, какъ въ былое время передъ магазинами галантерейныхъ вещей въ улицѣ Мира“. Все печальнѣе и печальнѣе становилось положеніе парижанъ, смертность усилилась, особенно между дѣтьми, морозы уносили сотни жертвъ. Но Парижъ не роптал и нашъ авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ обращается къ женщинамъ: „Мужчинъ я еще не такъ жалѣю: они всѣ, по большей части, получали по 30 су въ день и пропивали ихъ. Но женщины, бѣдныя женщины! въ эти ужасные декабрьскіе холода онѣ по цѣлымъ днямъ ходили то въ булочную, то въ мясную лавку, то къ бакалейщику, то къ дровяникамъ, или въ мерію. И ни одна изъ нихъ не роптала; ни у одной изъ нихъ, несмотря на ожесточеніе сердца, не вырвалось ни одного проклятія Франціи: онѣ болѣе всѣхъ настаивали на томъ, чтобы держаться до послѣдняго куска хлѣба. Но одинъ Богъ знаетъ, чего имъ стоилъ этотъ кусокъ хлѣба“. Книга читается съ интересомъ до конца, хотя, повидимому, встрѣчаешь только факты, уже болѣе или менѣе извѣстные изъ газетъ.

Повѣсти, романы и драматическія сочиненія *Н. А. Лейкина.* 2 тома. Спб. 1871.

Сочиненія г. Лейкина посвящены почти исключительно изображенію апраксинцевъ и мелкаго петербургскаго купечества. Не обладая талантомъ художника, способнаго въ одномъ типѣ представить цѣлую среду и даже заклеймить ее имъ, г. Лейкинъ расплывается во множествѣ разсказовъ, не лишенныхъ наблюдательности и нѣкоторой пользы для той среды, которую они обличаютъ. Значеніе ихъ преимущественно обличительное, но не этнографическое, какъ думаютъ нѣкоторые критики; этнографія, какъ всякая наука, ищетъ точности и вѣрнаго изображенія народа, а насколько этими качествами проникнуты произведенія г. Лейкина, и насколько въ нихъ фантазіи и карриватуры, судить мудрено. Стенографическіе отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и мелочное описаніе быта этнографомъ, заботящимся только о точной и вѣрной передачѣ своихъ наблюденій, имѣютъ несравненно бо́льшее значеніе для этнографіи, чѣмъ всевозможныя беллетристическія произведенія, если они не проникнуты художественнымъ талантомъ. Не разъ указывали на этнографическое значеніе „Подлиповцевъ" покойнаго Рѣшетникова и совершенно вѣрно, но почему вѣрно? Потому, что Рѣшетниковъ изображалъ своего Сысойку какъ художникъ, потому что въ немъ соединилъ онъ типическія черты цѣлаго слоя населенія восточной Россіи. Рѣшетниковъ не обличалъ этого Сысойку, не говорилъ ему наставленій о его невѣжествѣ, о вредѣ истребляемой имъ сивухи, не разсуждалъ о томъ, что если этого Сысойку гнететъ исторія, то и онъ будто бы гнететъ исторію въ свою очередь, и о томъ, что простирать къ этому Сысойкѣ объятія опасно, потому-что онъ произведетъ укушеніе. Такъ могутъ разсуждать только не особенно глубо́кіе сатирики и слишкомъ изящные джентльмены, высоко думающіе о томъ, что они менѣе гнетутъ исторію, чѣмъ Сысойки и апраксинцы. Все самое благородное, самое безкорыстное, самое преданное, что́ есть въ современной исторіи — это стремленіе сбросить съ Сысоекъ гнетъ накопленныхъ исторіей несправедливостей. Это не „сантиментальничанье народолюбцевъ", а высокая задача прогресса, и художникъ истинный понимаетъ это даже инстинктомъ, а потому художественное представленіе дѣйствительности, даже въ этнографическомъ отношеніи, цѣннѣе, чѣмъ обличительно-беллетристическое, гдѣ правда смѣшана съ вымысломъ и гдѣ для яркости колорита авторъ принужденъ прибѣгать къ карриватурѣ.

Мы не сказали бы ни слова о такихъ общеизвѣстныхъ истинахъ, еслибъ не встрѣтили въ „Отечественныхъ Запискахъ" странныя мнѣнія неизвѣстнаго критика объ этнографическомъ значеніи произведеній г. Лейкина. Неизвѣстный критикъ нашелъ въ нихъ даже „истину" и преподалъ о томъ, что „какъ наука, такъ и искусство, преслѣдуютъ одну цѣль: истину, а слѣдовательно оцѣниваютъ жизненныя явленія

по внутренней ихъ стоимости". Критикъ составилъ дурной силлогизмъ, а потому выходитъ у него не совсѣмъ то, что слѣдуетъ. Слѣдовало сказать, что наука и искусство по стольку наука и искусство, по скольку они вѣрно и глубоко оцѣниваютъ явленія по внутренней ихъ стоимости. Въ этомъ все и дѣло, въ этой „внутренней стоимости" явленій, иначе фотографія стояла бы неизмѣримо выше живописи и стенографія выше художественнаго творчества. А чтобъ вѣрно и глубоко оцѣнить явленія по внутреннему ихъ смыслу, необходимы ученому многосторонній анализъ и способность къ мѣткимъ выводамъ, а служителю искусства—художественное творчество и умственное развитіе, стоящее на высотѣ современныхъ требованій, особенно, если оно берется за представленіе чрезвычайно сложныхъ историческихъ явленій. Неизвѣстный критикъ „Отечественныхъ Записокъ" распространился о задачахъ искусства и науки не столько, впрочемъ, по поводу г. Лейкина, сколько по поводу помѣщенной въ нашемъ журналѣ статьи „Историческая Сатира", посвященной „Исторіи одного города" г. Салтыкова. Искажая теорію юмора, изложенную авторомъ упомянутой статьи, критикъ „Отеч. Записокъ" преподаетъ молодымъ беллетристамъ свою теорію юмора, главный принципъ которой заключается въ томъ, чтобъ не бросаться въ объятія къ народу, иначе онъ укуситъ. Можетъ быть, это очень остроумно, но остроуміе не предполагаетъ еще ни чувства правды, ни такта, ни разумѣнія задачъ искусства; мы не говоримъ уже о томъ, что эта боязнь „укушеній" можетъ подать поводъ къ предположенію въ критикѣ незнакомства съ народомъ и привычку судить о немъ по наблюденіямъ, произведеннымъ съ благородной дистанціи, во избѣжаніе укушеній. Не говоримъ и о другомъ предположеніи, которое могло бы придти въ голову какому-нибудь легкомысленному читателю и которое можно бы выразить такъ: если г. Салтыковъ руководился подобнымъ правиломъ въ своей „Исторіи одного города", то понятно, почему у него градоначальники вышли лучше глуповцевъ: градоначальники были все же настолько „просвѣщеннѣе", что не кусались, между тѣмъ какъ народъ кусался, стало быть на сторонѣ первыхъ было преимущество въ глазахъ сатирика, боящагося укушеній. Но мы увѣрены, что г. Салтыковъ не приметъ на вѣру воззрѣній критика „Отечественныхъ Записокъ", ибо г. Салтыковъ знаетъ прежде всего, что время на время не приходитъ и что нельзя служить разомъ двумъ господамъ, и градоначальникамъ, и „народу, воплотителю идеи демократизма". „Мы помнимъ,— говоритъ критикъ „Отечеств. Записокъ" съ какимъ-то непонятнымъ озлобленіемъ,—картины изъ временъ крѣпостного права, написанныя à la Dickens. Какъ тамъ казалось тепло, свѣтло, уютно, гостепріимно и благодушно! а какая на самомъ дѣлѣ была у этого благодушія ужасная подкладка!" Г. Салтыковъ не сказалъ бы и этой тирады, потому-

ствительности"; но это „совершенно справедливо" обращается затѣмъ, какъ увидимъ, въ „совершенно несправедливо". Цитируя извѣстное идеальное воззрѣніе К. Аксакова на государственную власть и землю, т.-е. земство („правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія"), г. Замысловскій характеризуетъ это воззрѣніе, какъ „отличающееся необыкновенною *стройностью* и *цѣльностью*", какъ „въ высшей степени привлекательное по своему вѣрному пониманію нравственнаго идеала, которымъ оно проникнуто", какъ созданное „не по готовымъ теоріямъ западной науки, а бывшее плодомъ непосредственнаго изученія русской дѣйствительности" (XVII-го столѣтія?). Но всѣ эти похвалы, вся эта „стройность и цѣльность", разбивается тутъ же, на тѣхъ же страницахъ и также докторально: воззрѣніе Аксакова „въ цѣлости не выдерживаетъ критики ни въ общемъ философскомъ смыслѣ (т.-е., конечно, относительно „стройности" и „цѣльности" и „вѣрнаго пониманія нравственнаго идеала"), ни въ частномъ, въ приложеніи въ русской исторіи"—говоритъ г. Замысловскій. Куда же дѣвалось „совершенно справедливо" г. Бестужева-Рюмина? Этого мало. „Отношенія земли къ государству въ XVI-мъ и въ началѣ XVII-го в. опредѣлены Аксаковымъ, какъ намъ кажется, *согласно съ историческою дѣйствительностью.* Правительству принадлежала „сила власти", землѣ „сила мнѣнія", — такъ продолжаетъ нашъ авторъ, но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, сославшись на „забвеніе" земскихъ соборовъ во времена Алексѣя Михайловича, онъ замѣчаетъ у Аксакова „противорѣчіе между идеей и фактами", противорѣчіе, которое можетъ служить однимъ изъ *неоспоримыхъ* доказательствъ *невѣрности теоріи, созданной славянофилами,* но не только по отношенію къ частному явленію, но и въ цѣломъ". Повторяемъ: гдѣ же это „согласіе съ историческою дѣйствительностью", „стройность и цѣльность", основанныя на „непосредственномъ изученіи русской дѣйствительности", когда вся теорія оказывается невѣрною и неприложимою къ этой русской дѣйствительности ни въ цѣломъ, ни въ частности? Еслибъ г. Замысловскій писалъ не ученое изслѣдованіе, а юмористическую статейку, то можно было бы подумать, что онъ все это написалъ на смѣхъ. Возраженіе его г. Костомарову, который сказалъ въ нашемъ журналѣ (декабрь, 1870 г.), что народная громада послужила „превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI-мъ в. московская монархія", ограничивается „невольнымъ изумленіемъ" и воспоминаніемъ словъ Аксакова о томъ, что „историкъ, пожалуй, можетъ пренебрегать низменностями и благоговѣть передъ верхами горъ. Но солнце истины кидаетъ лучи свои не по его усмотрѣнію". Мы не понимаемъ этой красивой фразы по отношенію къ г. Костомарову, который не только никогда не препебрегалъ „низменностями", т.-е. народомъ, но, напротивъ, на этихъ низменностяхъ сосредоточивалъ всѣ свои историческіе

труды. Передъ верхами же горъ благоговѣютъ только такіе „историки", какъ г. Замысловскій, который, въ примѣчаніи къ отзыву о г. Костомаровѣ, въ укоризну ему, цитируетъ слѣдующее мѣсто: „Обозрѣвая русское судопроизводство тѣхъ временъ (XVII-го в.), невольно припоминаешь замѣчаніе одного иностранца, посѣщавшаго Россію въ XVII-мъ в., что здѣсь нѣтъ закона и все зависитъ отъ произвола властей".

Невольная улыбка напрашивается на лицо, когда читаешь эти наивныя выраженія огорченія, долженствующія, конечно, обозначать „строго-научное направленіе", огорченія тѣмъ, что лучшіе наши историки не признаютъ въ Россіи XVII вѣка закона, а лишь произволъ властей. За что ратуютъ эти наивные юноши-старцы, потерявшіе въ архивной пыли способность выражаться современною живою рѣчью? Сурово и докторально произносятъ они свои наивные приговоры, не чуя народныхъ потребностей ни въ XVII, ни XIX-мъ вѣкѣ. Безъ мысли и разумной цѣли, отыскиваютъ они въ древнихъ актахъ законности, ссылаются на Уложеніе и игнорируютъ записки европейцевъ о Россіи. Но хотя бы вспомнили они, что только теперь, во второй половинѣ XIX в., мы едва начинаемъ пріучаться къ законности, что живы еще люди, которые жили при полномъ произволѣ, что народъ не только въ XVII, въ XVIII, но и въ XIX-мъ в. находился подъ властью не законовъ, а полнѣйшаго произвола. Простая аналогія, непосредственное обращеніе къ дѣйствительности научило бы г. Замысловскаго многому тому, чего онъ напрасно ищетъ въ актахъ. Если же онъ полагаетъ, что народныя требованія, напр. относительно суда, въ XVII-мъ в. были гораздо меньше, чѣмъ позже, то онъ жестоко ошибается: нѣтъ такого народа, который бы сталъ для ѣды предпочитать камни мясу, для питья — песокъ водѣ, какъ нѣтъ народа, который бы не предпочелъ закона произволу. Глубокимъ трагикомизмомъ дышатъ эти наивныя выходки противъ такъ-называемаго „отрицательнаго взгляда" на Московское государство, ибо это не отрицательный, а положительный взглядъ, основанный на фактахъ и на живомъ представленіи о народной жизни. Отрицательный же взглядъ именно тотъ, который воспроизводитъ исторію, какъ „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый", который отыскиваетъ букву, а не смыслъ и духъ, который въ безпредѣльной области исторіи откопаетъ какой-нибудь отрывокъ, какое-нибудь исключеніе и провозглашаетъ себя хозяиномъ всѣхъ историческихъ явленій и къ живому пониманію ихъ относится съ какою-то дѣтскою злобою. Мы не относимъ всего этого къ г. Замысловскому, но не можемъ не замѣтить той праздной ироніи, съ которою относится онъ къ Голикову и даже къ Петру: „Голиковъ—говоритъ онъ— въ исторіи своего *ироя*" и проч. Въ этомъ курсивномъ *ироѣ* много дѣтства и недомыслія со стороны нашего автора, которому не мѣшало

бы вспомнить, что Голиковъ писалъ „Дѣянія“ въ то время, когда науки русской исторіи не существовало почти; Голиковъ не проходилъ университетскаго курса и не могъ себѣ выработать критическихъ пріемовъ. Но сравните его съ г. Замысловскимъ, сравните широту пониманія историческихъ явленій у Голикова и г. Замысловскаго, и вы безъ труда отдадите преимущество первому. Тамъ вы постоянно видите передъ собою живого человѣка, который чувствуетъ и понимаетъ колоссальный образъ своего героя, г. же Замысловскій не чувствуетъ и не понимаетъ ни тѣхъ маленькихъ героевъ, передъ которыми онъ останавливается съ комическимъ почтеніемъ и растерянностью, ни тѣхъ явленій, о которыхъ онъ берется судить, ни тѣхъ ученыхъ, которымъ онъ раздаетъ аттестаты, могущіе быть резюмированными такою фразою, по отношенію къ каждому: „поведенія очень хорошаго, но и очень дурного“. Это еще важное преимущество ихъ передъ г. Замысловскимъ, о которомъ можно только сказать: „никакого поведенія, но стремленія ко всякому“. Всего комичнѣе является г. Замысловскій въ сужденіяхъ своихъ „о довольно значительной степени развитія“ училищъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Отыскалъ авторъ данныя, нашелъ статистическія таблицы, открылъ отчеты объ этихъ училищахъ? Ни мало. Онъ ровно ничего не отыскалъ по вопросу о народномъ образованіи въ XVII-мъ вѣкѣ, сколько ни рылся въ архивахъ. Какъ же заключилъ онъ о „довольно значительной степени“ народнаго образованія въ XVII-мъ вѣкѣ, когда даже грамотныхъ поповъ трудно было отыскать и когда первые государственные сановники не знали азбуки? Но мало ли что дается этимъ людямъ съ „строго-научнымъ направленіемъ“, къ которымъ принадлежитъ и г. Геннадій Карповъ — по крайней мѣрѣ г. Замысловскій такъ о немъ выражается, причисляя его изслѣдованіе, сдѣлавшееся предметомъ скандала по своей безграмотности, невѣжеству и верхоглядству, къ числу „замѣчательныхъ трудовъ“ по русской исторіи. Какъ человѣкъ тоже „строго-научнаго направленія“, г. Замысловскій прочиталъ статью г. Мордовцева объ азбуковникахъ, и пришелъ къ упомянутому выводу о народномъ образованіи. „Обученіе въ *школахъ*, говоритъ онъ, не ограничивалось, повидимому, только часословомъ и псалтирью. Имѣя, по преимуществу, характеръ церковный, оно было однакоже не чуждо знаній свѣтскихъ. Такъ ученики должны были знать составъ и строй своего языка; *имъ давали понятія о семи мудростяхъ*“. Восьмая мудрость, о которой даютъ понятіе только въ нынѣшнихъ школахъ, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, чтобъ заключать о „довольно значительной степени“ народнаго образованія по нѣсколькимъ школамъ и азбуковникамъ, т.-е. тетрадкамъ, въ которыхъ грамотные русскіе люди вносили, безъ системы и разбору, все что́ имъ удавалось прочесть въ немногихъ книгахъ и сборникахъ,

существовавшихъ тогда въ видѣ рѣдкости. Впрочемъ, эта восьмая мудрость, которою такъ силенъ г. Замысловскій, въ томъ отношеніи безобидна, что она же диктуетъ своему обладателю, вслѣдъ за фразою о „довольно значительной степени" народнаго образованія, другую о томъ, что „нельзя составить себѣ хоть сколько-нибудь полнаго представленія о народномъ образованіи въ XVII-мъ вѣкѣ". Нескоро еще кончили бы мы съ „Введеніемъ" г. Замысловскаго, еслибъ захотѣли прослѣдить всѣ его противорѣчія и наивности. Заключимъ ихъ послѣднею, какъ вѣнцомъ зданія: „Періодъ времени, которое обнимаетъ наше сочиненіе, такъ ограниченъ, что мы не имѣемъ возможности провести *новое воззрѣніе* на русскую исторію вообще". Послѣ всего нами сказаннаго, эта претензія на „новое воззрѣніе" особенно трогательна.

Но въ книгѣ г. Замысловскаго есть другая сторона, которая заставила насъ, въ началѣ, сказать о его учености, трудолюбіи и добросовѣстности. Это „Обзоръ источниковъ". Въ сущности, обзоръ этотъ черновая, подготовительная работа, которою обязанъ заняться всякій изслѣдователь и часть которой обыкновенно входитъ въ составъ примѣчаній къ тексту труда, а другая часть остается въ портфелѣ, какъ никому, кромѣ изслѣдователя, не нужная. Г. Замысловскій напечаталъ эти примѣчанія отдѣльно, и они-то, во всякомъ случаѣ, показываютъ въ г. Замысловскомъ трудолюбиваго и добросовѣстнаго ученаго, способнаго прочесть массу документовъ, свѣрить печатные съ рукописными буква въ букву, отмѣтить невѣрности и искаженія, просмотрѣть даже губернскія вѣдомости и отрыть погребенное въ нихъ. Все это требовало огромнаго терпѣнія и усидчивости и принесетъ, конечно, пользу изслѣдователямъ XVII-го вѣка. Г. Замысловскій былъ бы очень полезенъ въ археографической коммисіи, изданія которой не совсѣмъ исправны, какъ доказываетъ онъ это весьма наглядно. Всѣми качествами, необходимыми для хорошаго изданія древнихъ актовъ, г. Замысловскій обладаетъ вполнѣ, и на этомъ поприщѣ могъ бы стяжать себѣ почтенное имя и ученую извѣстность; но мы сильно сомнѣваемся въ успѣхѣ его, какъ историка, какъ изслѣдователя нашей прошлой жизни. Слабость его въ этомъ отношеніи обнаруживается и въ „Обзорѣ источниковъ", какъ скоро онъ начинаетъ бросать свои взгляды. Такъ, крайне несостоятеленъ его взглядъ на иностранныхъ путешественниковъ по Россіи; по нашему мнѣнію, это драгоцѣнный матеріалъ для прошлой исторіи, во многихъ отношеніяхъ превосходящій матеріалъ архивный. И напрасно г. Замысловскій говоритъ о „превратномъ" пониманіи ими народной жизни: иностранцы передали намъ именно ту сторону нашего древняго быта и нравовъ, о которой умалчивали русскіе. То, что́ незамѣтно, что́ считается обыденнымъ и незначащимъ для аборигена, то поражало пришельца и отпечатлѣ-

Отчетъ казначея за апрѣль 1871 года.—Къ 1-му апрѣля состояло въ кассѣ 54,852 руб. 2 коп., въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 р., на текущемъ счету 2,400 р., наличными деньгами 312 р. 2 к. Въ теченіе апрѣля записано на *приходъ* 2,279 р. 74 к., въ томъ числѣ: 1) изъ кабинета Его Императорскаго Величества 1,000 руб., 2) отъ ихъ императорскихъ высочествъ, государя великаго князя Константина Николаевича и государыни великой княгини Александры Іосифовны 100 р., 3) взносы 32 членовъ Общества 575 р., 4) пожертвовано 6 лицами 122 р. 50 к., 5) полугодовые проценты по купонамъ 19-го апрѣля 482 р. 24 к. Всего въ кассѣ и въ приходѣ 57,131 р. 76 к.—Въ теченіе апрѣля выписано въ *расходъ* 1,547 р., въ томъ числѣ: 1) пенсіи 7 лицамъ 587 р.; 2) единовременное пособіе 6 лицамъ 925 р.; 3) на воспитаніе дѣтей 35 р. Къ 1-му мая состоитъ въ кассѣ 55,584 р. 76 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 р., на текущемъ счету 3,000 р., наличными деньгами 444 р. 76 к.

ОПЕЧАТКА:

Стр. 16, строка 13—14 снизу, вм.: преслѣдовавшая, чит.: преслѣдовала.

М. Стасюлевичъ.

войскъ превозносили со славою и восторгались геройствомъ солдатъ, совершавшихъ эти отступленія". Со стороны французской прессы эта ложь и лесть національному самолюбію еще можетъ быть извинительна: неудачи были слишкомъ неожиданны, слишкомъ безпримѣрны, чтобъ французъ рѣшился тотчасъ же анализировать ихъ и искать ихъ причинъ. Но чѣмъ извинить совершенно подобное же „поведеніе" нашей печати, которая, казалось бы, могла со стороны разумнѣе смотрѣть на дѣло и которая видѣла у себя на родинѣ совершенно аналогическое явленіе? Той же увѣренностью въ непобѣдимости французовъ, въ превосходствѣ ихъ военной организаціи или просто симпатіями къ Франціи? Было и то, и другое, и третье. Насколько одного было больше, другого меньше — разбирать тѣмъ безплоднѣе, что событія достаточно раскрыли весь тотъ комизмъ, въ которомъ очутилась наша печать, за одно съ французами превозносившая Макъ-Магона, Базена, Паликао и проч., а потомъ, опять же за одно съ ними, начавшая издѣваться надъ этими людьми. Тамъ, во Франціи, все это было понятно: горечь пораженія надо было чѣмъ-нибудь уврачевать, и ее врачевали самымъ ближайшимъ средствомъ — порицаніемъ тѣхъ генераловъ, у которыхъ прежде признавали чуть не геніальныя способности. Но у насъ это было непонятное толченіе воды, вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь самостоятельнаго взгляда на вещи. И что всего замѣчательнѣе, проводниками этого французскаго воззрѣнія на событія были у насъ нѣкоторые военные, должно быть изъ тѣхъ, для которыхъ теперь издаются переводы разныхъ военныхъ сочиненій. Послѣ Седана, съ провозглашеніемъ республики, и парижане снова окрылились надеждами, а съ ними и наша французофильская печать; пошли толки о 93-мъ годѣ и у насъ, какъ и въ Парижѣ, подробно вычисляли, сколько времени понадобится французской республикѣ для организаціи арміи, пораженія пруссаковъ и для перехода въ наступленіе. Легкій успѣхъ французскихъ отрядовъ принимался за блистательныя битвы и вызывалъ многорѣчивыя передовыя статьи. Мы пришли къ этимъ воспоминаніямъ потому, что почти каждая страница книги Сарсэ напоминаетъ о нихъ. Обратимся, однако, къ самой книгѣ.

Когда началась осада, Сарсэ поступилъ въ національную гвардію. Впослѣдствіи, по его словамъ, она вела себя хорошо и дралась съ замѣчательною храбростью, но вначалѣ это былъ сбродъ, позволявшій себѣ всевозможныя вольности, ничего не дѣлавшій и пившій съ утра до вечера. Многія роты позволили себѣ поколотить своего генерала, который, въ обращенной къ нимъ краткой рѣчи, употребилъ вмѣсто принятаго возгласа: „Да здравствуетъ республика!" — болѣе, широкій возгласъ: „Да здравствуетъ Франція". Правительство взглянуло сквозь пальцы на эту продѣлку и смѣнило генерала. Такихъ характерныхъ подробностей Сарсэ приводитъ довольно много. Любопытны нѣкоторыя

черты нравственнаго состоянія Парижа, когда онъ очутился въ осадѣ, когда въ него не доходило ни журналовъ, ни писемъ, ни денегъ, и когда Бисмаркъ становился день ото дня притязательнѣе и высокомѣрнѣе. „Мы на столько ладовъ говорили и повторяли—говоритъ Сарсэ—что Парижъ есть пружина человѣческой мысли и что если эта пружина перестанетъ дѣйствовать, то умственная работа всей вселенной прекратится и цивилизація погрузится въ долгое оцѣпенѣніе. Намъ пришлось сознаться, что если мы и дѣйствительно занимаемъ важное мѣсто во вселенной, то, однако, не составляемъ для нея всего. Мы увидѣли, что, несмотря на полное уединеніе Парижа, земля продолжаетъ свое обычное движеніе вокругъ солнца, человѣчество не перестаетъ мыслить и дѣйствовать и тѣмъ же шагомъ, какъ и прежде, идетъ къ вѣчному прогрессу. Какое грустное открытіе! Европа и Америка могутъ, въ случаѣ крайности, обойтись и безъ насъ, но намъ положительно недостаетъ ихъ“. Затѣмъ идутъ разсказы о голубиной почтѣ, о воздушныхъ шарахъ, о дороговизнѣ, голодѣ, о Трошю и его правленіи и проч. и проч. Дороговизна съѣстныхъ припасовъ возрастала быстро, и если сначала буржуазія изъ дилеттантства ѣла крысъ, то потомъ пришлось ихъ ѣсть по необходимости. Фунтъ прованскаго масла дошелъ до 7 франковъ, за шеффель картофеля платили 25 фр., кочанъ капусты стоилъ 6 фр. Сало всѣхъ родовъ, попорченное, поступало въ продажу, и находились покупатели, дававшіе за него безумныя деньги. „Мнѣ самому пришлось видѣть, говоритъ Сарсэ, какъ, не задолго до новаго года, цѣлая толпа ротозѣевъ стояла передъ индѣйкой, точно такъ, какъ въ былое время передъ магазинами галантерейныхъ вещей въ улицѣ Мира“. Все печальнѣе и печальнѣе становилось положеніе парижанъ, смертность усилилась, особенно между дѣтьми, морозы уносили сотни жертвъ. Но Парижъ не роптадъ и нашъ авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ обращается къ женщинамъ: „Мужчинъ я еще не такъ жалѣю: они всѣ, по большей части, получали по 30 су въ день и пропивали ихъ. Но женщины, бѣдныя женщины! въ эти ужасные декабрьскіе холода онѣ по цѣлымъ днямъ ходили то въ булочную, то въ мясную лавку, то къ бакалейщику, то къ дровяникамъ, или въ мерію. И ни одна изъ нихъ не роптала; ни у одной изъ нихъ, несмотря на ожесточеніе сердца, не вырвалось ни одного проклятія Франціи: онѣ болѣе всѣхъ настаивали на томъ, чтобы держаться до послѣдняго куска хлѣба. Но одинъ Богъ знаетъ, чего имъ стоилъ этотъ кусокъ хлѣба“. Книга читается съ интересомъ до конца, хотя, повидимому, встрѣчаешь только факты, уже болѣе или менѣе извѣстные изъ газетъ.

ствительности"; но это „совершенно справедливо" обращается затѣмъ, какъ увидимъ, въ „совершенно несправедливо". Цитируя извѣстное идеальное воззрѣніе К. Аксакова на государственную власть и землю, т.-е. земство („правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія"), г. Замысловскій характеризуетъ это воззрѣніе, какъ „отличающееся необыкновенною *стройностью* и *цѣльностью*", какъ „въ высшей степени привлекательное по своему вѣрному пониманію нравственнаго идеала, которымъ оно проникнуто", какъ созданное „не по готовымъ теоріямъ западной науки, а бывшее плодомъ непосредственнаго изученія русской дѣйствительности" (XVII-го столѣтія?). Но всѣ эти похвалы, вся эта „стройность и цѣльность", разбивается тутъ же, на тѣхъ же страницахъ и также докторально: воззрѣніе Аксакова „въ цѣлости не выдерживаетъ критики ни въ общемъ философскомъ смыслѣ (т.-е., конечно, относительно „стройности" и „цѣльности" и „вѣрнаго пониманія нравственнаго идеала"), ни въ частномъ, въ приложеніи въ русской исторіи"—говоритъ г. Замысловскій. Куда же дѣвалось „совершенно справедливо" г. Бестужева-Рюмина? Этого мало. „Отношенія земли къ государству въ XVI-мъ и въ началѣ XVII-го в. опредѣлены Аксаковымъ, какъ намъ кажется, *согласно съ исторической дѣйствительностью*. Правительству принадлежала „сила власти", землѣ „сила мнѣнія", — такъ продолжаетъ нашъ авторъ, но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, сославшись на „забвеніе" земскихъ соборовъ во времена Алексѣя Михайловича, онъ замѣчаетъ у Аксакова „противорѣчіе между идеей и фактами", противорѣчіе, которое можетъ служить однимъ изъ *неоспоримыхъ* доказательствъ *невѣрности теоріи, созданной славянофилами*, но не только по отношенію къ частному явленію, но и въ цѣломъ". Повторяемъ: гдѣ же это „согласіе съ историческою дѣйствительностью", „стройность и цѣльность", основанныя на „непосредственномъ изученіи русской дѣйствительности", когда вся теорія оказывается невѣрною и неприложимою къ этой русской дѣйствительности ни въ цѣломъ, ни въ частности? Еслибъ г. Замысловскій писалъ не ученое изслѣдованіе, а юмористическую статейку, то можно было бы подумать, что онъ все это написалъ на смѣхъ. Возраженіе его г. Костомарову, который сказалъ въ нашемъ журналѣ (декабрь, 1870 г.), что народная громада послужила „превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI-мъ в. московская монархія", ограничивается „невольнымъ изумленіемъ" и воспоминаніемъ словъ Аксакова о томъ, что „историкъ, пожалуй, можетъ пренебрегать низменностями и благоговѣть передъ верхами горъ. Но солнце истины кидаетъ лучи свои не по его усмотрѣнію". Мы не понимаемъ этой красивой фразы по отношенію къ г. Костомарову, который не только никогда не пренебрегалъ „низменностями", т.-е. народомъ, но, напротивъ, на этихъ низменностяхъ сосредоточивалъ всѣ свои историческіе

труды. Передъ верхами же горъ благоговѣютъ только такіе „историки", какъ г. Замысловскій, который, въ примѣчаніи къ отзыву о г. Костомаровѣ, въ укоризну ему, цитируетъ слѣдующее мѣсто: „Обозрѣвая русское судопроизводство тѣхъ временъ (XVII-го в.), невольно припоминаешь замѣчаніе одного иностранца, посѣщавшаго Россію въ XVII-мъ в., что здѣсь нѣтъ закона и все зависитъ отъ произвола властей".

Невольная улыбка напрашивается на лицо, когда читаешь эти наивныя выраженія огорченія, долженствующія, конечно, обозначать „строго-научное направленіе", огорченія тѣмъ, что лучшіе наши историки не признаютъ въ Россіи XVII вѣка закона, а лишь произволъ властей. За что ратуютъ эти наивные юноши-старцы, потерявшіе въ архивной пыли способность выражаться современною живою рѣчью? Сурово и докторально произносятъ они свои наивные приговоры, не чуя народныхъ потребностей ни въ XVII, ни XIX-мъ вѣкѣ. Безъ мысли и разумной цѣли, отыскиваютъ они въ древнихъ актахъ законности, ссылаются на Уложеніе и игнорируютъ записки европейцевъ о Россіи. Но хотя бы вспомнили они, что только теперь, во второй половинѣ XIX в., мы едва начинаемъ пріучаться къ законности, что живы еще люди, которые жили при полномъ произволѣ, что народъ не только въ XVII, въ XVIII, но и въ XIX-мъ в. находился подъ властью не законовъ, а полнѣйшаго произвола. Простая аналогія, непосредственное обращеніе къ дѣйствительности научило бы г. Замысловскаго многому тому, чего онъ напрасно ищетъ въ актахъ. Если же онъ полагаетъ, что народныя требованія, напр. относительно суда, въ XVII-мъ в. были гораздо меньше, чѣмъ позже, то онъ жестоко ошибается: нѣтъ такого народа, который бы сталъ для ѣды предпочитать камни мясу, для питья — песокъ водѣ, какъ нѣтъ народа, который бы не предпочелъ закона произволу. Глубокимъ трагикомизмомъ дышатъ эти наивныя выходки противъ такъ-называемаго „отрицательнаго взгляда" на Московское государство, ибо это не отрицательный, а положительный взглядъ, основанный на фактахъ и на живомъ представленіи о народной жизни. Отрицательный же взглядъ именно тотъ, который воспроизводитъ исторію, какъ „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый", который отыскиваетъ букву, а не смыслъ и духъ, который въ безпредѣльной области исторіи откопаетъ какой-нибудь отрывокъ, какое-нибудь исключеніе и провозглашаетъ себя хозяиномъ всѣхъ историческихъ явленій и къ живому пониманію ихъ относится съ какою-то дѣтскою злобою. Мы не относимъ всего этого къ г. Замысловскому, но не можемъ не замѣтить той праздной ироніи, съ которою относится онъ къ Голикову и даже къ Петру: „Голиковъ—говоритъ онъ— въ исторіи своего *ироя*" и проч. Въ этомъ курсивномъ *ироѣ* много дѣтства и недомыслія со стороны нашего автора, которому не мѣшало

бы вспомнить, что Голиковъ писалъ „Дѣянія“ въ то время, когда науки русской исторіи не существовало почти; Голиковъ не проходилъ университетскаго курса и не могъ себѣ выработать критическихъ пріемовъ. Но сравните его съ г. Замысловскимъ, сравните широту пониманія историческихъ явленій у Голикова и г. Замысловскаго, и вы безъ труда отдадите преимущество первому. Тамъ вы постоянно видите передъ собою живого человѣка, который чувствуетъ и понимаетъ колоссальный образъ своего героя, г. же Замысловскій не чувствуетъ и не понимаетъ ни тѣхъ маленькихъ героевъ, передъ которыми онъ останавливается съ комическимъ почтеніемъ и растерянностью, ни тѣхъ явленій, о которыхъ онъ берется судить, ни тѣхъ ученыхъ, которымъ онъ раздаетъ аттестаты, могущіе быть резюмированными такою фразою, по отношенію къ каждому: „поведенія очень хорошаго, но и очень дурного“. Это еще важное преимущество ихъ передъ г. Замысловскимъ, о которомъ можно только сказать: „никакого поведенія, но стремленія ко всякому“. Всего комичнѣе *является* г. Замысловскій въ сужденіяхъ своихъ „о довольно значительной степени развитія“ училищъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Отыскалъ авторъ данныя, нашелъ статистическія таблицы, открылъ отчеты объ этихъ училищахъ? Ни мало. Онъ ровно ничего не отыскалъ по вопросу о народномъ образованіи въ XVII-мъ вѣкѣ, сколько ни рылся въ архивахъ. Какъ же заключилъ онъ о „довольно значительной степени“ народнаго образованія въ XVII-мъ вѣкѣ, когда даже грамотныхъ поповъ трудно было отыскать и когда первые государственные сановники не знали азбуки? Но мало ли что дается этимъ людямъ съ „строго-научнымъ направленіемъ“, къ которымъ принадлежитъ и г. Геннадій Карповъ — по крайней мѣрѣ г. Замысловскій такъ о немъ выражается, причисляя его изслѣдованіе, сдѣлавшееся предметомъ скандала по своей безграмотности, невѣжеству и верхоглядству, къ числу „замѣчательныхъ трудовъ“ по русской исторіи. Какъ человѣкъ тоже „строго-научнаго направленія“, г. Замысловскій прочиталъ статью г. Мордовцева объ азбуковникахъ, и пришелъ къ упомянутому выводу о народномъ образованіи. „Обученіе въ школахъ, говоритъ онъ, не ограничивалось, повидимому, только часословомъ и псалтирью. Имѣя, по преимуществу, характеръ церковный, оно было однакоже не чуждо знаній свѣтскихъ. Такъ ученики должны были знать составъ и строй своего языка; *имъ давали понятія о семи мудростяхъ*“. Восьмая мудрость, о которой даютъ понятіе только въ нынѣшнихъ школахъ, по всей вѣроятности, заключается въ томъ, чтобъ заключать о „довольно значительной степени“ народнаго образованія по нѣсколькимъ школамъ и азбуковникамъ, т.-е. тетрадкамъ, въ которыхъ грамотные русскіе люди вносили, безъ системы и разбору, все что имъ удавалось прочесть въ немногихъ книгахъ и сборникахъ,

существовавшихъ тогда въ видѣ рѣдкости. Впрочемъ, эта восьмая мудрость, которою такъ силенъ г. Замысловскій, въ томъ отношеніи безобидна, что она же диктуетъ своему обладателю, вслѣдъ за фразою о „довольно значительной степени" народнаго образованія, другую о томъ, что „нельзя составить себѣ хоть сколько-нибудь полнаго представленія о народномъ образованіи въ XVII-мъ вѣкѣ". Нескоро еще кончили бы мы съ „Введеніемъ" г. Замысловскаго, еслибъ захотѣли прослѣдить всѣ его противорѣчія и наивности. Заключимъ ихъ послѣднею, какъ вѣнцомъ зданія: „Періодъ времени, которое обнимаетъ наше сочиненіе, такъ ограниченъ, что мы не имѣемъ возможности провести *новое воззрѣніе* на русскую исторію вообще". Послѣ всего нами сказаннаго, эта претензія на „новое воззрѣніе" особенно трогательна.

Но въ книгѣ г. Замысловскаго есть другая сторона, которая заставила насъ, въ началѣ, сказать о его учености, трудолюбіи и добросовѣстности. Это „Обзоръ источниковъ". Въ сущности, обзоръ этотъ черновая, подготовительная работа, которою обязанъ заняться всякій изслѣдователь и часть которой обыкновенно входитъ въ составъ примѣчаній къ тексту труда, а другая часть остается въ портфелѣ, какъ никому, кромѣ изслѣдователя, не нужная. Г. Замысловскій напечаталъ эти примѣчанія отдѣльно, и они-то, во всякомъ случаѣ, показываютъ въ г. Замысловскомъ трудолюбиваго и добросовѣстнаго ученаго, способнаго прочесть массу документовъ, свѣрить печатные съ рукописными буква въ букву, отмѣтить невѣрности и искаженія, просмотрѣть даже губернскія вѣдомости и отрыть погребенное въ нихъ. Все это требовало огромнаго терпѣнія и усидчивости и принесетъ, конечно, пользу изслѣдователямъ XVII-го вѣка. Г. Замысловскій былъ бы очень полезенъ въ археографической коммисіи, изданія которой не совсѣмъ исправны, какъ доказываетъ онъ это весьма наглядно. Всѣми качествами, необходимыми для хорошаго изданія древнихъ актовъ, г. Замысловскій обладаетъ вполнѣ, и на этомъ поприщѣ могъ бы стяжать себѣ почтенное имя и ученую извѣстность; но мы сильно сомнѣваемся въ успѣхѣ его, какъ историка, какъ изслѣдователя нашей прошлой жизни. Слабость его въ этомъ отношеніи обнаруживается и въ „Обзорѣ источниковъ", какъ скоро онъ начинаетъ бросать свои взгляды. Такъ, крайне несостоятеленъ его взглядъ на иностранныхъ путешественниковъ по Россіи; по нашему мнѣнію, это драгоцѣнный матеріалъ для прошлой исторіи, во многихъ отношеніяхъ превосходящій матеріалъ архивный. И напрасно г. Замысловскій говоритъ о „превратномъ" пониманіи ими народной жизни: иностранцы передали намъ именно ту сторону нашего древняго быта и нравовъ, о которой умалчивали русскіе. То, чтó незамѣтно, чтó считается обыденнымъ и незначащимъ для аборигена, то поражало пришельца и отпечатлѣ-